

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

7

Филипп ДИК

Бегущий
по лезвию
бритвы

Филипп Дик

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

выпуск **7**

ФИЛИПП ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

Перевод с английского

Москва
«ТОПИКАЛ»
1992

ББК 84.7
Д 45

Оформление серии
Владимира Катина

Иллюстрации
Александра Яцкевича

Дик Ф.

Д 45 Бегущий по лезвию бритвы: Фантастические романы, рассказ/Пер. с англ. — М: Топикал, 1992 г. — 640 с., илл. — (Клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.; Вып. 7).

ISBN 5—85256—001—4

Один из ведущих американских фантастов, Филипп Дик дебютировал в литературе в начале 50-х годов. Наибольшей популярностью пользуются романы, написанные в последние годы, среди которых роман «Снятся ли андроидам электроовцы», послуживший основой для фильма «Бегущий по лезвию бритвы». Ряд его произведений выдвигался на соискание премий «Хьюго» и «Небьюла», а роман «Человек в высоком замке» стал лауреатом премии «Хьюго» в 1963 году. В нашей стране писатель почти не публиковался, за исключением нескольких рассказов в периодической печати.

ISBN 5—85256—001—4

ББК 84.7

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление.
«Топикал», 1992.

Снятся ли андроидам электроовцы

| Бегущий по лезвию бритвы |

ОДИН

Легкий веселый электроимпульс, выданный автоматическим будильником стимулятора настроения, разбудил Рика Декарда. Он удивленно — каждый раз он удивлялся, обнаружив, что проснулся без всякого предупреждения, — поднялся с кровати, не поправляя своей многоцветной пижамы, и потянулся. В этот момент его жена Ирен, спавшая на другой кровати, открыла серые невеселые глаза, моргнула и, простонав, снова их зажмурила.

— Ты очень слабо настраиваешь свой «Пенфилд», — сказал он ей. — Давай я настрою его заново, ты проснешься и...

— Не прикасайся к моей настройке. — В ее голосе прозвучала горькая колкость. — Я не хочу просыпаться...

Присев на краешек ее кровати, он наклонился и терпеливо сказал:

— Если ты настроишь импульс правильно, то сразу обрадуешься тому, что проснулась. В этом все дело. На отметке «С» он преодолевает порог подсознания, как, например, у меня.

Он дружелюбно — его регулятор был поставлен на «Д», и Рик чувствовал расположение ко всему окружающему миру — похлопал ее по белому обнаженному плечу.

— Убери свои кривые лапы, легавый, — сказала Ирен.

— Я не легавый.

Теперь он испытывал раздражение, хотя и не настраивал регулятор соответствующим образом.

— Ты хуже, — сказала она, по-прежнему не открывая глаз. — Ты — убийца, нанятый легавыми.

— Я не убил ни одного человека!

Раздражение росло и переходило в откровенную враждебность.

— Да, только этих бедных анди, — сказала Ирен.

— Как я заметил, ты никогда не испытываешь мук совести, тратя те премии, которые я получаю за это. Что-нибудь сразу привлекает твоё внимание.

Рик поднялся и подошел к пульту своего стимулятора.

— Вместо того, чтобы откладывать деньги,— добавил он,— на покупку настоящей овцы вместо этой, электрической. У нас всего лишь электрическая овца, и это при том заработке, которого я добился за многие годы!

Стоя перед пультом, он колебался, не зная, как его подстроить. Таламический клапан погасил бы чувство гнева, или, может, следует стимулировать его, чтобы победить в споре?

— Если ты усилишь интенсивность, я сделаю то же самое,— сказала Ирен. Она открыла глаза и теперь наблюдала за ним.— Я накручу максимум — и ты получишь такую драку, по сравнению с которой все наши ссоры — просто чепуха. Давай, набирай, набирай. Попробуй.

Она быстро вскочила с постели, подбежала к пульту своего стимулятора и остановилась, испепеляя мужа взглядом, ожидая, что он теперь предпримет.

Он вздохнул. Угроза нанесла решающий удар.

— Я наберу то, что стоит у меня в расписании на сегодня.

Сверившись с расписанием на 3 января 1992 года, он увидел, что сегодня ему требуется деловое настроение.

— Учти, что, если я наберу по расписанию,— сказал он,— ты сделаешь то же самое.

Рик немного подождал, имея достаточно опыта в разговорах с Ирен.

— Мое расписание включает сегодня шесть часов депрессии с уклоном в самобичевание,— сказала она.

— Как? Зачем ты составила такое расписание?

Это сводило на нет само назначение стимуляторов.

— Я даже не знал, что его можно так настроить,— сказал он.

— Однажды я сидела перед телевизором,— пояснила Ирен,— и, само собой, смотрела Бастера Джруби с его дружелюбными друзьями. Он как раз объявил, что сейчас сообщит грандиозную новость, как вдруг передача была прервана рекламой, знаешь, из тех, которые я особенно ненавижу — об этих свинцовых гильфиках фирмы «Скалистый берег». Я выключила на минутку звук, и услышала... все это здание. Я услышала...

— Пустые квартиры,— сказал Рик.

Иногда ночью он тоже слышал эту тишину. Однако,

учитывая плотность населения, наполовину занятый многоквартирный дом ценился очень высоко. В районах, которые перед войной составляли пригороды, можно было найти совершенно пустые здания. Во всяком случае, до него доходили такие слухи.

Как и большинство других людей, он решил проверить эту информацию сам.

— В тот момент,— продолжала Ирен,— когда я выключила звук телевизора, я была в настроении триста восемьдесят два. Шифр я набирала прямо перед передачей. Первоначальной моей реакцией была благодарность — хорошо, что мы можем позволить себе стимулятор Пенфилда. Но потом я поняла, насколько это неестественно и противоречит здоровой реакции — никак не реагировать на отсутствие жизни вокруг. Наверное, ты не понимаешь... Когда-то отсутствие соответствующего ощущения считалось симптомом заболевания. Поэтому я не стала включать звук, а села к пульту и, поэкспериментировав, нашла комбинацию для отчаяния.

На ее смуглом лице отразилось удовлетворение, как будто она добилась чего-то необычного.

— Я поставила себе эту комбинацию в расписание — два раза в месяц. Думаю, этого вполне достаточно: испытать в разумных пределах безнадежное отчаяние. Ведь мы остались на Земле, когда все нормальные люди с головой на плечах давно эмигрировали.

— Но в таком настроении,— возразил Рик,— легко остаться надолго и даже не пытаться набрать другую комбинацию. Отчаяние имеет свойство продолжаться неограниченное время.

— Я программирую автоматическую перенастройку каждые три часа,— сказала жена.— Четыреста восемьдесят один — создание многих возможностей, открытых для меня в будущем, новая надежда...

— Я знаю, что такое четыреста восемьдесят один,— перебил он.

Он не один раз набирал эту комбинацию и очень надеялся на нее.

— Послушай,— сказал он. Он присел на кровать.— Даже с автоматическим переключением очень опасно подвергать себя депрессии любого рода. Забудь о своей настройке, а я забуду о своей. Мы оба наберем сто четыре, а потом я наберу себе обычное деловое настроение, проверю нашу овцу и отправлюсь на работу, зная, что ты не сидишь мрачно у телевизора.

Он прошел из просторной спальни в гостиную. Здесь в воздухе еще висел запах вечерних сигарет. Он наклонился к телевизору, чтобы включить его.

Из спальни донесся голос Ирен:

— Я не переносу телевизора натошак.

— Набери себе восемьдесят восемь, — сказал Рик, пока телевизор нагревался. — Это желание смотреть телевизор, независимо от передачи.

— Мне вообще не хочется что-либо набирать, — сказала жена.

— Тогда набери тройку.

— Я не могу настраивать стимулятор на возбуждение коры мозга. Это вызовет желание набирать новые комбинации. А если я вообще ничего не хочу набирать? Даже не хочу прикасаться к пульту! Набирать комбинации сейчас — самое худшее, что я могу придумать! Я хочу просто сидеть на кровати и смотреть в пол.

В ее голосе прорезалось уныние и отчаяние, словно ее окутала какая-то тяжесть.

Он включил звук телевизора, и в комнате загудел голос Бастера Джруби, заполняя пространство помещения:

— Ха-ха, парни! Теперь пора сообщить сводку погоды на сегодня! Спутник «Мангуста» докладывает, что осадки достигнут максимума к полудню, а затем уровень начнет понижаться, так что, если кто из вас, ребята, собирается отправиться на...

Рядом с Риком появилась Ирен, шурша волочащимся по полу халатом. Она выключила телевизор и сказала:

— Хорошо, сдаюсь. Я наберу все, что ты захочешь. Экстатический сексуальный порыв... Мне так плохо, что я даже это готова выдержать. Какая, в конце концов, разница?

— Я накручу и для тебя, — сказал Рик.

Он повел ее обратно в спальню и набрал на консоли ее стимулятора пятьсот девяносто четыре: радостное принятие первенства мудрого мужа в решении вопросов любого рода. На собственном пульте он накрутил нестандартный творческий подход к работе, хотя в этом едва ли была необходимость. Он всегда относился к своей работе именно так, даже не прибегая к помощи стимулятора.

После торопливого завтрака — он потерял на споры слишком много времени — Рик в полном облачении для выхода из дома, включившем свинцовый гульфик модели «Аякс» фирмы «Скалистый берег», поднялся на крышу, где его овца пощипывала траву, симулируя удовольствие, втирая очки остальным жильцам дома.

Конечно, у некоторых животные тоже были электрическими, но он никогда не совал нос в чужие дела, и остальные соседи не слишком интересовались природой его овцы.

Было верхом бестактности спросить: «У вас настоящая овца?» Это было даже хуже, чем усомниться в натуральности зубов, волос или внутренних органов соседа.

Утренний воздух, загрязненный радиоактивными пылевыми частицами, приглушавшими блеск Солнца, поразил обоняние Рика, и он громко чихнул, избавляясь от этого запаха смерти.

«Ну, это слишком сильно сказано», — подумал он, пробираясь к собственному участку почвы, которым владел вместе со слишком большой квартирой. Наследие Последней мировой войны значительно сузило для выживших область потенциальных возможностей. Те, кто не был в состоянии пережить выпадение пыли и радиоактивных осадков, умерли и были преданы забвению много лет назад.

Теперь поредевшая пыль сражалась с выжившими, а стало быть, умеющими ей противостоять. Теперь она была способна воздействовать только на сознание и генетический код.

Несмотря на свинцовый гульфик, эта пыль наверняка просочилась в его организм, добавляя каждый день, поскольку он все еще не эмигрировал, новую порцию пагубных осадков, хотя до сих пор все медицинские проверки относили Рика к разряду регуляров — людей, имеющих право воспроизводить свой род в рамках снисходительных законов. Но в любой момент проверка, проводимая врачами Департамента полиции Сан-Франциско, могла не показать этого. Регуляры продолжали порождать специалистов из-за всепроникающей радиоактивной пыли. Текущим лозунгом момента, благодаря рекламе, звучащей с экранов телевизоров, кричащей с плакатов, было: «Эмигрируй или дегенерируй! Выбирать тебе!»

«Очень правильно сказано, — подумал Рик, отпирая калитку, ведущую на его личный маленький лужок. Он пошел к своей овце. — Но из-за моей работы я не могу эмигрировать».

Его поприветствовал сосед по дому и владелец ближайшего пастбища Билл Барбур. Он, как и Рик, был одет в деловой костюм, но остановился по дороге на работу посмотреть, как поживает его животное.

— Моя лошадка, — сияя, объявил он, — забеременела!

Он показал на крупного першерона, задумчиво уставившегося в пространство.

— Что вы на это скажете?

— Скажу, что скоро у вас будет две лошадки,— ответил Рик.

Он подошел к овце. Та лежала, пережевывая жвачку, не спуская с Рика внимательных глаз на случай, если тот принес ей овсяную лепешку. Эта модель овцы имела встроенный овсотропный контур, так что при виде упомянутого злака она очень натурально вскочила бы и поспешила к хозяину.

— А от чего она забеременела?— спросил Рик Барбура.— Ветром надуло?

— Я специально купил порцию оплодотворяющей плазмы самого высокого качества, какую только смог достать в Калифорнии,— сообщил Барбур,— через моих друзей в Департаменте животного хозяйства. Вы разве не помните, как на прошлой неделе их инспектор приходил осматривать Джуди? Они очень хотят получить жеребенка. Джуди у меня — высший класс!

Барбур с любовью похлопал лошадь по шее, и она наклонила к нему голову.

— Вы не хотите ее продать?— спросил Рик.

Боже, как ему хотелось иметь лошадь или вообще какое-нибудь настоящее животное! Ухаживать за подделкой — это постепенно деморализует человека. Но, понимая, что в силу социального положения он не может достать такое животное, приходится довольствоваться электрическим. Но, если бы даже ему и было все равно, оставалась еще Ирен, которой было очень даже не все равно, какое у них животное.

— Продать лошадь,— сказал Барбур,— было бы аморально.

— Тогда продайте жеребенка. Иметь двух животных еще более аморально, чем продать одно.

Озадаченный Барбур сказал:

— Почему? Очень многие имеют двух, трех и даже четырех животных, а вот у Фреда Уошборна, владельца завода хлореллы,— вообще пять. Вы разве не читали в «Хронике» статью про его утку? Считается, что это самая большая и упитанная утка на всем западном побережье!

Глаза Барбура заблестели, как только он вообразил себе такое богатство. Он постепенно погружался в транс.

Порывшись в кармане плаща, Рик вынул свой помятый и зачитанный экземпляр «Каталога животных Сидни и Фаула», приложение за январь. Он заглянул в оглавление в поисках страницы о лошадях — жеребятках — потомстве, и определил цену по всей стране.

— Жеребенка першерона у Сидни можно купить за пять тысяч долларов,— объявил он.

— Нет, не купите,— сказал Барбур.— Видите, название напечатано курсивом, значит у них нет сейчас ни одного свободного экземпляра. А цена — это на случай, если они появятся.

— Допустим,— сказал Рик,— я бы платил вам по пятьсот долларов каждый месяц. Это полная цена по каталогу. Десять месяцев — и полная цена.

Барбур сказал с жалостью:

— Декард, вы ничего не понимаете в лошадях. Почему у Сидни нет на продажу першеронов? На то есть причина. Жеребята першеронов просто не меняют владельцев, даже по цене, указанной в каталоге. Они слишком редко попадают, даже относительно плохих кровей.— Он облокотился на изгородь, разделяющую их участки.— Джуди у меня уже три года, и за все это время я не встречал жеребенка першерона равных с ней достоинств. Чтобы купить ее, я сам летал в Канаду и лично вез домой, чтобы ее не украли. Привезите такое животное куда-нибудь в Колорадо или Вайоминг — и вас живо огреют по голове, а животное уведут. И знаете почему? Перед ПМВ имелись буквально сотни...

— Но,— сказал Рик,— если у вас будет две лошади, а у меня ни одной, разве это не будет противоречить всей теологической и моральной структуре сострадания?

— У вас же есть овца. Черт побери, в своей личной жизни вы можете следовать каким угодно эмоциям. Если бы у вас не было овцы, я бы усмотрел еще в вашей позиции некоторую логику. Само собой, если бы у меня было двое животных, а у вас ни одного, я лишил бы тем самым вас истинного слияния с Сострадающим. Но в этом доме у каждой семьи — их примерно пятьдесят, по одной на каждые три квартиры,— есть какие-нибудь животные. У Грейсона есть цыпленок. Вон он.— Он указал на него.— Сукс и его жена владеют большой рыжей собакой. Она лает по ночам.— Барбур задумался.— Кажется, у Эда Смита есть кот, он держит его в квартире и никому не показывает. Хотя, возможно, он просто врет.

Рик подошел к овце, наклонился и начал рыться в ее густой шерсти, пока не нашел то, что искал,— спрятанную контрольную панель механизма. На глазах Барбура он рычаком открыл ее, обнажая механизм.

— Видите?— спросил он.— Теперь вы понимаете, почему мне так нужен ваш жеребенок?

После некоторого молчания Барбур сказал:

— Эх, бедняга... И так вы все время?

— Нет,— сказал Рик. Он снова закрыл панель своей электроовцы и повернулся лицом к соседу.— Сначала у меня была настоящая овца. Нам ее отдал отец жены, когда эмигрировал. Потом, примерно год назад — помните, когда я возил ее к ветеринару, вы как раз стояли наверху,— я вышел на крышу и увидел, что овца лежит, не в силах подняться.

— Да, я помню, вы подняли ее,— сказал Барбур,— но через пару минут она снова упала.

— У овец странные болезни,— сказал Рик.— Другими словами, у овец множество болезней, но симптомы все одинаковые. Овца не может подняться, и невозможно определить — растянута ли у нее связка на ноге, или она умирает от столбняка. С моей случилось последнее.

— Здесь?— удивился Барбур.— На крыше?

— Сено,— объяснил Рик.— Я не снял с охапки всю проволоку, и Груччо — так я звал его — поцарапался и заразился столбняком. Я отвез его к ветеринару, и там он умер. Я все думал об этом, а потом съездил в одну из мастерских, показал им фотографию Груччо, и они изготовили вот это.— Он показал на эрзац-овцу, которая продолжала трудолюбиво что-то пережевывать, все еще не теряя надежды обнаружить присутствие овса.— Это отличная работа. Я трачу на нее примерно столько же времени, сколько и на Груччо, но...— Рик пожал плечами.

— Это совсем не то,— закончил за него Барбур.

— Почти. Чувство почти такое же. За ней нужно следить так же внимательно, как и за настоящей, потому что они ломаются и соседи могут узнать. Эту я возил в починку шесть раз — в основном были мелкие неполадки. Но если бы кто-то увидел... Например, один раз что-то произошло с магнитной лентой, и она начала блеять без остановки, так что сразу можно было определить, что поломка чисто механическая. Вы, конечно, понимаете, что мастерская имеет соответствующую вывеску — какой-то там ветеринарный врач.— Рик бросил взгляд на часы, вспомнив про время.— Мне пора на работу. Увидимся сегодня вечером.

Он направился к своему кару, а Барбур поспешно крикнул ему вслед:

— Я никому ничего не скажу!

Остановившись, Рик хотел поблагодарить его, но потом какая-то часть отчаяния, о котором говорила Ирен, коснулась его, и он произнес:

— Не знаю. Возможно, это не имеет никакого значения.

— Но они все будут смотреть на вас сверху вниз. Не все, но некоторые. Вы ведь знаете, как люди относятся к заботе о животных. Не иметь животное считается аморальным и антиэмпатическим. То есть это не преступление, как сразу после ПМР, но чувство все равно сохранилось до сих пор.

— Боже!— воскликнул Рик, в отчаянии взмахнув руками.— Но ведь я х о ч у иметь животное. Я стараюсь купить что-то подходящее; но на мое жалованье простого служащего...

«Если,— подумал он,— мне снова повезет, если я смогу пришить четырех анди за этот месяц, если бы я знал тогда, что Груччо умрет... Ведь два года назад мне удалось взять четверых...»

Но это было еще до появления куска проволоки, двухдюймового, похожего на обломок медицинской иглы, до столбнячного вируса.

— Вы могли бы купить кота,— предложил Барбур,— они недорогие, проверьте по каталогу.

— Мне не нужно комнатное животное,— тихо сказал Рик.— Я хочу то, что у меня было с самого начала,— настоящую большую овцу или что-то в этом роде. Корову, если удастся собрать денег, или лошадь, как у вас.

Он вдруг осознал, что премия за «отправку на покой» пяти анди позволила бы ему сделать это. «По тысяче долларов за анди сверх моего жалованья. Потом где-то и у кого-то я бы раздобыл то, что мне нужно, пусть даже в каталоге Сидни они и значатся курсивом. Пять тысяч долларов. Но,— подумал он,— пятерым анди надо сначала добраться до Земли с одной из колонизированных планет. Это от меня не зависит. Я не могу заставить пятерых андроидов бежать сюда, и если бы даже смог, то есть и другие охотники из других полицейских агентств в мире. Анди нужно было бы устроить резиденцию именно в Северной Калифорнии, и старшему охотнику за андроидами в этом регионе Дейву Холдену нужно было бы умереть или уйти на пенсию».

— Купите сверчка,— остроумно посоветовал Барбур,— или мышку. Слушайте, в самом деле, за двадцать пять зеленых вы можете купить взрослую мышь.

— Ваша лошадь тоже может умереть, как Груччо,— сказал Рик,— без предупреждения. Вы придете домой с работы, а она лежит на спине, ножки вверх, как жук, как этот, как вы сказали, сверчок.

Он зашагал прочь, сжимая в руке ключ от кара.

— Извините, если обидел вас,— нервно вслед ему проговорил Барбур.

Рик Декард в молчании открыл дверцу аэрокара, ему нечего было сказать соседу. Его мысли были уже заняты работой, предстоящим рабочим днем.

Два

В пустой комнате пустынного гигантского многоэтажного дома, вмещавшего ранее тысячи людей, одинокий телевизор продолжал во всю мощь динамика развлекать пустоту.

До Последней мировой войны эта ничейная руина была процветающим, оберегаемым и любимым многими домом.

Здесь располагался пригород Сан-Франциско, до города было рукой подать быстрым монорельсовым экспрессом.

Весь полуостров пел и шумел жизнью, словно полное птиц дерево, а теперь владельцы его или умерли или эмигрировали на одну из планет-колоний.

Во-первых, потому, что война обошлась дорогой ценой, несмотря на храбрые предсказания Пентагона и его самодовольного научного вассала — «Корпорации Рэнд», которая к тому же находилась неподалеку от этих мест. Как и владельцы квартир, корпорация переехала в другое место, что было к лучшему. Никто о ней не жалел.

Теперь уже никто не помнил, почему началась война и кто, если вообще кто-то, победил. Пыль, заразившая всю атмосферу Земли, взялась словно бы ниоткуда, а ни один из военных противников не предполагал, что она может появиться.

Сначала, как это ни странно, вымерли совы.

Тогда это казалось почти забавным — толстые, в белом пуху, птицы валялись тут и там, во дворах и на улицах..

Обычно они вылетали из своих гнезд только после наступления темноты и редко попадались на глаза людям. В средние века эпидемии чумы проявляли себя подобным образом — вымирали крысы. Но эта чума спустилась сверху.

За совами последовали остальные птицы, но к тому времени загадка была уже решена. Колонизационная программа потихоньку развивалась еще до войны, но теперь, когда Солнце больше не сияло над Землей, колонизация вступила в совершенно новую фазу. В связи с этим оружие войны — Синтетический борец за свободу — было модифицировано.

Способный функционировать в условиях другой планеты гуманоидный робот — строго говоря, органический андроид — превратился в мобильный вспомогательный движитель всей программы колонизации. По введенному ООН

закону, каждый эмигрант автоматически становился владельцем андроида какого-либо — по его собственному выбору — подтипа. К 1990 году разнообразие подтипов превзошло всякие предположения, подобно разнообразию моделей автомобилей в Америке шестидесятых годов.

Это был финальный стимул эмиграции — слуга-андроид в качестве пряника и радиоактивные осадки в качестве кнута. ООН позаботилась о том, чтобы эмигрировать стало легко, а оставаться — трудно, если вообще возможно.

Медлить с переселением означало обнаружить себя среди класса биологически нечистых, оказаться угрозой для безупречной наследственности расы. Если на гражданине закреплялся ярлык «специал», он, даже добровольно приняв стерилизацию, выпадал из истории. Фактически он больше не был уже частью человечества. И все же то тут, то там некоторые люди отказывались эмигрировать. Это даже для занимавшихся этой проблемой представляло приводившую в недоумение иррациональность, алогичность.

Рассуждая логически, все регуляры должны были бы эмигрировать. Очевидно, даже в искаленном виде, Земля оставалась слишком привычной, чтобы от нее можно было легко отказаться. Или, возможно, эти люди воображали, что пылевой чехол постепенно рассеется.

Во всяком случае, тысячи людей продолжали оставаться на Земле. Большая их часть скапливалась в городских районах, где они могли физически ощущать присутствие друг друга и находить в этом поддержку. Это были, в общем-то, относительно нормальные индивиды.

Вместе с ними в покинутых пригородах стали селиться всякие странные типы.

Одним из них был Джон Исидор, который как раз брился, а телевизор в соседней комнате продолжал вопить и стенать в пустоту.

Джон забрел в эти места еще в первые послевоенные дни. В те мрачные времена все пришло в движение: сорванные с насиженных мест, в одиночку и группами, люди скитались из одной местности в другую. В тот период радиоактивная пыль выпадала неравномерно. Одни штаты были от нее почти свободны, другие просто задыхались. И население передвигалось в соответствии с перемещением пыли. Полуостров к югу от Сан-Франциско был сначала почти свободен от пыли, и очень многие спешили поселиться здесь. Когда появилась пыль, некоторые умерли, остальные уехали. Джон Р. Исидор остался.

Телевизор не умолкал.

— ...воссоздавая безмятежную атмосферу штатов предвоенных дней! Штатов на юге страны! В качестве личного слуги или неутомимого помощника в работе, сделанный по индивидуальному заказу, гуманоидный робот, приспособленный специально для ваших личных уникальных нужд, для вас и только для вас, вручается вам по прибытии совершенно бесплатно, полностью подготовленный в соответствии с вашими указаниями, отданными перед отлетом с Земли. Он станет вашим верным безотказным спутником, будет разделять трудности величайшего и отважнейшего приключения, на которое отважилось человечество за всю историю...

Телевизор продолжал в том же духе без конца.

«Не опоздал ли я на работу?»— думал Исидор, царапая подбородок. У него не было исправных часов. Обычно он сверялся с сигналами по телевизору, но сегодня, судя по всему, был День международного обозрения. Во всяком случае, как утверждалось, наступила пятая — или шестая?— годовщина основания Новой Америки — главного американского поселения на Марсе, а телевизор Джона Исидора, будучи не совсем исправным, принимал только один канал — правительственный, национализированный в дни войны и оставшийся им и по сей день.

Оказалось, что Исидор вынужден теперь слушать официальную программу правительства в Вашингтоне, рассказывавшую об успехах колонизации ближайшей к Земле планеты Солнечной системы.

— Послушаем миссис Мегги Клегмен,— предложил Джону диктор на экране.

Но Джон хотел всего лишь узнать, который час.

— Миссис Клегмен, совсем недавно эмигрировавшая на Марс, в записанном на пленку в Нью-Йорке интервью, сказала следующее: миссис Клегмен, как вы считаете, сильно ли отличается жизнь на зараженной радиацией Земле от жизни здесь, на новой планете, полной всевозможных перспектив?

Последовала пауза, потом усталый, хриплый голос женщины средних лет сказал:

— Я думаю, что меня и нашу семью из трех человек больше всего поразило... достоинство.

Диктор спросил:

— Достоинство, миссис Клегмен?

— Да,— ответила она, в настоящее время бывшая жительница Нью-Йорка,— это трудно объяснить. Иметь слугу, на которого можно положиться в эти беспокойные времена,— я нахожу, что это очень ободряет.

— А на Земле, миссис Клегмен, в прошлом, вы не опасались оказаться в числе классифицируемых как... «специал»?

— О, мы с мужем страшно беспокоились, просто ужасно. Конечно, сейчас, когда мы эмигрировали, все эти волнения позади, и, к счастью, навсегда.

«И для меня они исчезли навсегда,— кисло подумал Джон Исидор.— И мне даже не понадобилось эмигрировать». Он числился в ряду специалистов уже более года, и не только с точки зрения нарушенных генов, которые он носил.

Более того, он провалил тест на минимум умственных способностей, что делало его, говоря простыми словами, недоумком.

На Джона Исидора низверглось презрение трех обитаемых планет, но, несмотря на это, он остался в живых.

У него была работа — он водил фургон доставки животных при фирме по ремонту поддельных животных «Ветеринарная лечебница Ван-Несса». Мрачный его босс Ганнибал Слоут относился к нему как к нормальному человеку, за что Джон был ему очень благодарен. «Жизнь неопределенна, не вызывает сомнений лишь смерть», — любил говорить мистер Слоут иногда. Исидор, хотя и слышал это уже не однажды, смутно понимал смысл этих слов. В конце концов, если недоумок способен разбираться в латыни, то он перестает быть недоумком.

Сам мистер Слоут признал истину, когда ему было указано на данное обстоятельство.

Имелось, кроме того, множество бесконечно более глупых недоумков, чем Джон Р. Исидор, которые вообще не могли работать и постоянно обитали в специальных заведениях, вроде причудливо названного «Института особых трудовых навыков». Слово «особых», как всегда, напоминало о природе обитателей данного заведения.

— ...но ваш муж не чувствовал,— говорил диктор на телеэкране,— что, одевая дорогой и неудобный свинцовый гильфик, он надежно предохраняет себя, не так ли, миссис Клегмен?

— Мой муж...— начала миссис Клегмен.

В этот момент, завершив бритье, Исидор вошел в другую комнату и выключил телевизор.

Тишина навалилась на него со стен, с поломанной мебели. Она смяла его всей своей ужасной мощью, словно питаемая гигантской электростанцией безмолвия. Она поднималась от пола, от серого вытертого ковра, покрывавшего все пространство комнаты — от стены до стены. Ее выпустили на волю поломанные кухонные принадлежно-

сти, мертвые хозяйственные устройства, которые не работали уже тогда, когда в квартире появился Джон Исидор. Не горевшая лампа-торшер в гостиной источала тишину, которая смешивалась с тишиной, опускавшейся с потолка. Ей удавалось выливаться из любой вещи, словно тишина собиралась подменить собой материальные предметы.

Тишина атаковала не только уши, но и глаза. Стоя рядом с безмолвным телевизором, Джон не только слышал, но и видел тишину, словно она была живым существом. Он и раньше подобным образом ощущал суровое ее приближение — когда тишина приходила, она врвалась неожиданно, бесцеремонно, явно не в силах ждать. Безмолвие мира не в состоянии было совладать с собственной жадностью, больше не было в состоянии совладать и теперь, когда оно практически победило.

«А другие, — думал он, — те, которые остались на Земле, как они воспринимают образовавшуюся пустоту? Или здесь все дело в особенностях моей биологической структуры, в недостатках моего сенсорного аппарата? Это интересный вопрос». Но с кем он мог обменяться своими наблюдениями?

В этом слепом и глухом доме с тысячами незанятых квартир он жил одиноко, чувствуя, как дом, подобно своим братьям, день за днем превращается во все более ужасную и безнадежную жертву энтропии. В конечном счете все содержимое дома превратится в однородную безликую массу, в пудинг из бесполезного хлама, который заполнит все комнаты от пола до потолка, а потом и сами побежденные дома превратятся в бесформенную массу, погребенную под всепроникающей пылью.

К тому времени он сам, конечно, уже умрет. Это тоже было довольно интересным в перспективе явлением, которое занято было предчувствовать, стоя в гостиной один на один с безмолвной, всепроникающей тишиной.

Наверное, лучше было бы снова включить телевизор, но вся эта реклама, направленная на оставшихся еще регуляров, вызывала у него чувство страха. Она напоминала о несчетных путях и возможностях, закрытых для него, специала.

Он был им не нужен. Он не смог бы даже эмигрировать, если бы и захотел.

Так зачем все это слушать? К черту их всех вместе с колонизацией! Хоть бы там, в колониях, началась война! Тогда там все кончится так же, как и на Земле. Все эмигрировавшие окажутся специалистами.

«Ладно, — подумал он. — Я иду на работу».

Он потянул ручку двери — и перед ним открылся нео-свещенный холл.

Джон тут же отпрянул назад, бросив лишь взгляд на безмолвный вакуум, в который был погружен весь дом. Да, она ждала его в засаде, эта сила, которую он явно чувствовал. Она пронизывала и его квартиру. «Бог мой!» — подумал он, закрывая дверь. Он не был готов еще к длинному путешествию по гулким лестницам на самую крышу, где его не будет ждать животное. Эхо собственных шагов, эхо пустоты. «Пора взяться за ручки», — сказал он себе и прошел в гостиную к черному эмпатическому ящику.

Включив его, он почувствовал запах ионизации, распространяющийся от блока питания, и с радостью вдохнул его, ожив. Засветилась катодная трубка, подобная слабой имитации телеэкрана. Появился внешне случайный узор цветных полос, линий и фигур. Пока не сжаты ручки, этот узор ничего не значил. Джон вздохнул и сжал ручки эмпатического генератора.

Перед ним синтезировался зрительный образ: он увидел перед собой знаменитый пейзаж — коричневый склон старой горы, уходящей вверх. Высохшие, скелетообразные стебли бурьяна втыкались в сумрачное, бессолнечное небо. Вверх по склону поднималась одинокая фигура в балахоне такого же унылого цвета, как небо.

Этот человек, Вилбур Сострадающий, потихоньку продвигался вперед. Ухватившись за ручки, Джон Исидор чувствовал, что восприятие гостиной, в которой он находился, постепенно исчезает. Старая мебель и стены отодвинулись в никуда, он больше не воспринимал их. Вместо этого, как всегда, он оказался в ином мире, с унылым серым небом и грязно-коричневой землей. Он перестал быть просто зрителем подъема старика — теперь его собственные ноги шагали по гравию и камням. Он снова почувствовал под ногами острые грани камней, снова вдыхал едкую дымку местного неба, неба этого чуждого ему мира, который посредством эмпатического генератора воспринимался как реальность.

Он перенесся туда обычным и загадочным, ошеломляющим путем. Произошло физическое и ментальное слияние с Вилбуром Сострадающим. Это произошло сейчас со всеми, кто сжимал ручки эмпатического генератора на Земле или на одной из колонизированных планет. Он почувствовал присутствие всех этих людей, и в его сознание влился поток их мыслей.

Он услышал в своей голове шум множества индивиду-

альностей. Их — и его — занимала одна-единственная вещь — слияние их сознаний. Слияние ориентировалось на склон холма, на подъем и его необходимость. Шаг за шагом, почти неощутимо, но путь к вершине преодолевался. «Выше и выше,— думал Джон, а под ногами шуршал гравий.— Сегодня мы поднялись выше, чем вчера, а завтра...» Он, составная часть Вилбура Сострадающего, поднял голову, измеряя взглядом оставшееся расстояние. Нет, еще слишком далеко. Но конец будет!

Камень, брошенный в него, ударил в руку, и он почувствовал боль. Он повернулся, мимо пронесся еще один камень, не попав в него. Камень ударился о другой камень на земле, и этот звук заставил его вздрогнуть. Кто это? Он всматривался в пройденный путь, стараясь отыскать обидчика.

Старый недруг постоянно держался на краю поля зрения. Он или они преследовали его и до самого конца пути не оставят в покое.

Он вспомнил вершину, неожиданно ставший плоским грунт. Так кончился подъем и началась другая часть пути.

Сколько раз уже это бывало с ним? В памяти сливались прошлое и будущее. Все, что он уже успел испытать, и все, что он в конечном счете испытает, все сливалось, оставался лишь настоящий момент, когда он стоял и потирал ссадину на руке. «Боже,— устало подумал он.— Разве это справедливо? Почему я здесь, вот так, и меня что-то мучит, и я не могу понять, что или кто это?»

В следующее мгновение всеобщий хор голосов внутри него, всех тех сознаний, что слились с ним, развеял ощущение одиночества.

«Вы тоже почувствовали».

— Да,— ответили голоса.— Камень ударил нас по левой руке. Было чертовски больно.

— Ладно,— сказал он.— Надо подниматься вверх.

И снова двинулся вперед, и все присоединились к нему.

Он вспомнил, что когда-то, еще задолго до проклятия, в первой, счастливой жизни все было не так. Его приемные родители, Фрэнк и Кора Сострадающие, обнаружили его плавающим на резиновом спасательном плотике у берегов Новой Англии. Или это было на побережье Мексики у города Тампико? Сейчас он не помнил деталей.

Детство его было безмятежным. Он любил животных, и одно время даже обладал способностью оживлять мертвых животных. Он жил в окружении жуков и кроликов. Было ли это на Земле или в колониях — он не помнил. Но он помнил убийц, они арестовали его, словно он был уродом.

После этого все изменилось.

Местное законодательство запрещало использовать способность возвращения умершим жизни. Они предупредили его об этом, когда ему исполнилось шестнадцать. Он еще год продолжал тайне заниматься этим, уходя в сохранившиеся леса, пока какая-то старуха, которую он даже не знал, не выдала его.

И они — убийцы — без согласия его родителей бомбардировали в его мозгу уникальное образование, облучили его радиоактивным кобальтом, и он оказался погруженным в совершенно другой мир, о существовании которого и не подозревал до сих пор. Это была глубокая яма, заполненная трупами и костями, и он потратил годы, чтобы выбраться оттуда. Исчезли ослики, потом лягушки — важнейшие для него существа, остались только расчлененные трупы: здесь безглазая голова, там — кусок ноги.

Наконец, птица, попавшая туда умирать, рассказала ему, где он находится. Он погрузился в могильный мир и не сможет выбраться оттуда, пока все останки вокруг не станут вновь живыми животными и людьми. Он стал частью обмена веществ этого мира, и, пока они не восстанут, ему тоже не выйти отсюда.

Сколько времени длилась эта часть цикла, он не знал. Собственно, ничего не происходило, потому что время измерять было нечем. Но, в конце концов, на костях выросла плоть, пустые глазницы заполнились хрустальными шариками глаз.

Защелкали восстановившиеся клювы, и заревели новые рты, глотки и пасти.

Возможно, что причиной тому был именно он.

Возможно, экстрасенсорный узел мозга восстановился, быть может, это был естественный процесс. И теперь он вместе со всеми начал путь наверх, но потерял их из виду и теперь идет один.

Но одновременно, внутри, он ощущал их присутствие каким-то странным образом.

Исидор сжимал рукоятки эмпатического генератора, испытывая незабываемое ощущение, будто всем своим телом он вобрал все живые существа. Потом он нехотя отпустил рукоятки. Как всегда, это должно было кончиться. К тому же рука болела и кровоточила — камень оставил ранку.

Джон осмотрел руку и неуверенным шагом направился в ванную, чтобы промыть ее.

Он уже не впервые получал раны, находясь в слиянии с Вилбуром Сострадающим. Некоторые люди, особенно по-

жилые, даже умирали, достигнув вершины холма, где начинались настоящие мучения. «Смогу ли я еще раз пережить вершину?— спросил он себя, промывая ссадину.— Может случиться сердечный приступ. Лучше бы я жил в центре города, там есть доктора и эти электрические машины, а здесь, в пустынном месте, это довольно рискованно».

Но он знал, что пойдет на это.

Так всегда было и раньше. Так делали почти все люди, даже пожилые и слабые физически.

Он вытер ранку бумажной салфеткой и услышал приглушенный звук работающего телевизора.

«В этом доме есть кто-то еще»,— подумал Исидор. Это было дико, он не мог поверить. «Но это другой телевизор, я ясно чувствую вибрацию пола, а мой аппарат выключен. Этот телевизор стоит на нижнем этаже. Я больше не один».

Джон Исидор понял, что в доме появился новый жилец, который занял одну из пустующих внизу квартир, и она достаточно близко к его квартире — второй или третий этаж, не ниже. Он начал лихорадочно размышлять.

Что нужно делать, когда появляется новый жилец? Зайти, как бы случайно, и что-нибудь спросить? Он не мог припомнить ничего, с ним такого еще никогда не случилось. Люди уезжали, эмигрировали, но никто никогда не приезжал!

Он решил, что нужно им что-нибудь отнести: стакан воды, молока, муки, а лучше яйцо, точнее, их эрзац-заместители.

Заглянув в холодильник, он отыскал сомнительной годности пачку маргарина и, испытывая радостный подъем, чувствуя ускоренное биение сердца, направился вниз. «Надо сохранять спокойствие, — думал он, — чтобы он не догадался, что я недоумок. Если он увидит, что я ненормальный, то не станет со мной разговаривать. Так всегда получалось. Интересно, почему?»

Он быстро зашагал по коридору.

Три

По дороге на работу Рик Декард, подобно бог знает какому количеству людей, остановился поглазеть на витрину одного из самых крупных в Сан-Франциско зоомагазинов. Он выбрал стенд, где продавались животные. В центре застекленной витрины длиной в целый квартал, в прозрачной клетке с подогревом содержался страус. Рик

смотрел на страуса, а страус смотрел на него. Птица, как гласила табличка, только что прибыла из зоопарка в Кливленде.

Это был единственный страус на западном побережье. Рассмотрев страуса, Рик еще несколько минут мрачно изучал ценник, а потом продолжил путь к зданию Дома правосудия на Ломбард-стрит, и обнаружил, что опоздал на работу на четверть часа.

В тот момент, когда он отпирал дверь своего кабинета, его начальник, инспектор полиции Гарри Брайант, рыжеволосый, с оттопыренными ушами, в плохо сидящей одежде, но всегда с полными внимания глазами, замечавшими вокруг все, имевшее хоть какую-нибудь ценность или важность, окликнул его.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Дейва Холдена.

Одновременно он пролистал пачку скрепленных зажимом листков папиросной бумаги.

— Холден,— сообщил он, продолжая перелистывать,— лежит в больнице «Маунт-Сион». Ему пробило позвоночник выстрелом лазера. Он будет лежать там по крайней мере месяц, пока не приживется органопластическая секция позвоночника.

— Что с ним случилось?— воскликнул пораженный новостью Рик.

Еще вчера главный охотник за андроидами из их департамента был абсолютно здоров и в конце рабочего дня, как всегда, помчался на аэромобиле домой, в престижную густонаселенную часть города в районе Ноб-Хилла.

Брайант что-то пробормотал через плечо насчет сбора в полдесятого и ушел, оставив Рика в одиночестве.

Войдя в свой кабинет, Декард услышал голос своей секретарши, Энн Марстен.

— Мистер Декард, вы знаете, что случилось с Дейвом Холденом? Его подстрелили!

Вслед за Риком она вошла в душный, маленький кабинет и включила кондиционер.

— Да,— рассеянно сказал он.

— Должно быть, это один из тех сверхумных анди, которых начала выпускать «Розен Ассосийшн»,— сказала мисс Марстен.— Вы читали брошюру? Мозг типа «Узел-6», который они устанавливают в этих моделях, способен осуществить выбор среди двух триллионов составляющих, а это десять миллионов независимых трактов.— Она понизила голос.— Вы пропустили звонок по видеофону сегодня

утром. Мне рассказала мисс Вилд. Ровно в девять его транслировали через общий коммутатор.

— Звонили к нам?— спросил Рик.

— Нет, от нас,— сказала мисс Марстен.— Мистер Брайант звонил в Россию, в их управление милиции, не согласятся ли они поставить подпись под совместной жалобой на руководство «Розен Ассосиэйшн». Мы пошлем ее представителям в нашем полушарии, а они — в своем.

— Гарри все еще требует, чтобы «Узел-6» убрали с рынка?— Он не был удивлен. Еще с того момента, когда была распространена информация об испытаниях и характеристиках этой модели в августе 1991 года, большая часть полицейских отделений, имеющих дело с андроидами-беглецами, подняла протестующий шум.— Русские не могут сделать ничего, чего не можем сделать мы,— сказал он.— С юридической точки зрения, производители андроидов с мозгом типа «Узел-6» подчиняются колониальному законодательству, поскольку их головные предприятия размещаются на Марсе. Нам лучше примириться с этим фактом. Так было всегда, когда на рынок выбрасывали новый тип мозга. Я помню, какие были вопли, когда парни Сандермана выставили напоказ свой старый Т-14 — это было еще в восемьдесят девятом. Не было такого полицейского управления в Западном полушарии, которое не утверждало бы, что ни один тест не сможет установить природу этого мозга в случае нелегального проникновения андроида на Землю. Честно говоря, в то время они были правы.

Насколько он мог вспомнить, более пятидесяти андроидов типа Т-14 тем или иным путем проникли на Землю и им удавалось оставаться необнаруженными в течение года или около того.

Но потом Павловский институт в СССР разработал тест на эмпатию, и ни одному из Т-14 еще не удалось пройти через него.

— Хотите узнать, что ответили русские?— спросила мисс Марстен.— Я специально узнавала.

Ее веснушчатое лицо сияло.

— Мне расскажет Гарри Брайант,— ответил Декард.

Внутридепартаментские слухи его раздражали, потому что правда всегда оказывалась прозаичнее. Усевшись за стол, он принялся рыться в ящике и демонстративно ждал, пока мисс Марстен не поймет намек и не выйдет из кабинета.

Он извлек из ящика древний потертый конверт из плотной коричневой бумаги. Затем откинулся на спинку

кресла новейшей модели и принялся рыться в содержимом конверта, пока не отыскал нужные ему данные по устройству мозга типа «Узел-6».

Потребовалось лишь несколько минут, чтобы сообщение мисс Марстен получило подтверждение. Эта модель действительно обладала двумя триллионами составляющих плюс способность выбирать из десяти миллионов возможных вариантов мозговой деятельности. За сорок пять сотых секунды оборудованный таким мозгом андроид мог бы выбрать и принять одну из четырнадцати базовых реакций-положений.

Да, тест на умственные способности такого анди не расколет. Правда, уже многие годы андрюиды успешно преодолевали тесты на умственные способности, начиная с семидесяти годов, когда перестали пользоваться неуклюжими, примитивными моделями первого поколения.

Рик считал, что андроид такого типа, как «Узел-6», может превосходить по умственным способностям человека. Другими словами, андроид с таким мозгом уже превзошел своими возможностями часть, пусть и не самую выдающуюся, человечества. Слуга в некоторых отношениях стал совершеннее господина. Но теперь существовали новые критерии оценки мозга, например эмпатическая шкала Войт-Кампфа. Любой, даже самый одаренный андроид ничего не был в состоянии понять в том слиянии, которое имело место во время эмпатических сеансов у всех последователей Сострадающего, что легко удавалось даже ненормальному недоумку.

Рика, как и большинство людей, занимал вопрос — почему андроид проваливает любой тест на изменение эмпатии. Эмпатия, сопереживание, сочувствие — все это, очевидно, было присуще только человеческому существу, в то время как проблески интеллекта можно было обнаружить в той или иной мере у любого вида животных — даже у пауков. Очевидно, с одной стороны, эмпатическое качество требовало чего-то вроде группового инстинкта, а одиночная особь, вроде паука, в нем не нуждалась, и более того, такой инстинкт только уменьшил бы его шансы на выживание — ведь он заставил бы его сознавать, что он выживает за счет жертвы. Следовательно, все хищники, включая и высокоразвитых, умерли бы с голоду.

Рик когда-то решил, что эмпатия должна ограничиваться только травоядными или, по крайней мере, всеядными существами, которые были способны существовать и без мясной пищи, иначе размывалась грань между охотником и жертвой, между победителем и побежденным. Подобно тому, как в слиянии с Сострадающим все они поднимались к

вершине, а потом, завершив очередной цикл, погружались смиренно в могильный мир. Как ни странно, но этот дар являлся своего рода биологическим предохранителем, хотя и обоюдоострым. Если одно существо испытывало радость, то и все остальные получали свою долю радости. Однако если одно существо страдало, то и другие не могли избежать таких же страданий. Стадное животное, вроде человека, получало таким образом дополнительный шанс на выживание. Сова или кобра погибли бы, имея такой инстинкт.

Гуманоидный робот представлял собой как раз такого одинокого хищника.

Рику больше нравилось думать об андроидах именно в таком ключе. Это делало его работу более терпимой. Отправляя на покой, то есть попросту убивая, андроида, он не нарушал закона Жизни, провозглашенного Вилбуром Сострадающим. «Ты должен убивать только убийц», — сказал им Сострадающий в тот первый год, когда генераторы эмпатии только появились на Земле.

По мере того как сострадание переросло в теоретическое учение, усложнилась до крайности и концепция убийства убийц. В теории сострадания абсолютное зло цеплялось за жалкий плащ старого человека, взбравшегося по склону, но не было никакой возможности понять, что это или кто это — представляющие зло. Сострадающий только чувствовал присутствие зла, но не понимал его природы.

Другими словами, Сострадающий видел туманное присутствие убийц везде, где только можно. Для Рика Декарда бежавший гуманоидный робот, снабженный искусственным интеллектом, превосходящим интеллект многих людей, равнодушный к животным, не имеющий способности испытывать радость или делить горе с себе подобными и убивший своего хозяина, — этот робот символизировал зло.

Равнодушие анди к животным тут же навело Рика на мысль об увиденном сегодня в витрине магазина страусе. Он на время отодвинул в сторону документацию на «Узел-б», взял немного принадлежавшей мисс Марстен нюхательной соли «Сидонс», втянул ее носом, сверился с часами и вычислил, что у него есть еще немного времени. Он поднял трубку настольного видеофона и сказал секретарше:

— Вызовите зоомагазин «Счастливый пес» на Саттерстрит.

— Одну минуту, сэр, — сказала мисс Марстен и раскрыла телефонный справочник.

«Нет, — сказал себе Рик Декард, — не могут же они спросить такую сумму за страуса. Наверняка они должны

сбавить. Так было всегда, особенно в старые времена, когда торговали машинами».

— Зоомагазин «Счастливый пес»,— объявил бодрый и жизнерадостный мужской голос.

На видеоэкране появилось изображение веселого лица. Было слышно, как ревут и лают животные.

— Этот страус, которого вы выставили,— сказал Рик, играя стоящей перед ним керамической пепельницей.— Сколько я должен внести за него сразу?

— Минутку,— сказал продавец зоомагазина. Он вооружился карандашом и бумагой.— Сразу выплачивается одна треть.— Он начал считать.— Позвольте спросить, сэр, вы собираетесь покупать?

Рик ответил сдержанно:

— Я еще не решил.

— Ну, допустим, мы заключим тридцатимесячный контракт,— сказал продавец,— с очень низким комиссионным процентом — всего шесть процентов в месяц. Тогда ваш первоначальный взнос после достаточного первоначального составит...

— Вы должны понизить цену,— сказал Рик.— Сбавьте две тысячи, и я вношу все сразу наличными.

«Дейв Холден сошел со сцены,— думал Рик.— Это может означать очень многое, принимая во внимание то, сколько заданий будет у меня в этом месяце».

— Сэр,— сказал продавец,— наша цена и так на тысячу долларов ниже указанной в каталоге Сидни. Проверьте по вашему экземпляру, я подожду. Я хочу, чтобы вы сами убедились, что мы запрашиваем справедливую цену.

«Боже,— думал Рик,— они и не думают уступать». Ради интереса он вытащил из кармана каталог и отыскал раздел «страусы». Страус, запятая, самка — самец, молодой — старый, больной — здоровый, бывший в употреблении — новый. Рик сверил цены.

— Не бывший в употреблении, самец, молодой, здоровый,— сказал продавец.— Тридцать тысяч долларов.— Он тоже держал перед собой каталог Сидни.— Наша цена ровно на тысячу меньше. Итак, ваш первый взнос...

— Я подумаю,— сказал Рик,— и перезвоню вам.— Он хотел уже повесить трубку, но продавец с готовностью спросил:

— Ваше имя, сэр?

— Фрэнк Мерривел,— сказал Рик.

— Ваш адрес, мистер Мерривел, на случай, если меня здесь не будет, когда вы позвоните.

Рик назвал вымышленный адрес и повесил трубку. «Такие деньги!— думал он.— Однако люди покупают. У некоторых, видимо, имеются такие суммы». Он поднял снова трубку и сказал:

— Дайте мне город, мисс Марстен. И не подслушивайте! Это секретный разговор.

Он свирепо посмотрел на нее.

— Да, сэр,— сказала она.— Прошу вас, набирайте.

Она отключилась, оставив Рика лицом к лицу с реальностью мира.

Он набрал по памяти номер эрзац-зоомагазина, в котором покупал свою электроовцу. На маленьком экране появился человек, одетый как ветеринар.

— Доктор Мак-Ре,— представился он.

— Это Декард. Скажите, сколько стоит электрический страус?

— Гм, я сказал бы, что можно подобрать приличного страуса долларов за восемьсот. Когда его вам доставить? Нам пришлось бы сделать его специально — не так много заказов поступает на...

— Я позвоню вам позже,— перебил его Рик.

Бросив взгляд на часы, он обнаружил, что уже девять тридцать.

— До свидания.

Рик поспешно опустил трубку, поднялся и вскоре уже стоял перед дверью кабинета инспектора Брайанта. Он прошел мимо первой секретарши, молодой и привлекательной, с серебристыми волосами до талии, потом миновал вторую, не молодую, скорее напоминающую монстра из болот юрского периода. Ни одна из женщин не заговорила с ним, и он молча прошел мимо. Открыв дверь, он кивнул начальнику, занятому разговором по видеофону. Пока Брайант разговаривал, он вытащил документы по мозгу «Узел-6» и еще раз просмотрел их.

Он чувствовал себя подавленно.

Однако, рассуждая логически, неожиданное исчезновение со сцены Дейва должно было бы привести его одновременно и в радостное и в настороженное состояние.

Четыре

«Возможно,— думал Рик Декард,— меня беспокоит тот факт, что со мной может случиться то же, что и с Холденом. Достаточно сообразительный анди, подстреливший

Дейва, может с тем же успехом разделаться и со мной. Но, кажется, дело все же не в этом».

— Я вижу, ты притащил документацию на это новое мозговое устройство,— сказал инспектор Брайант, кладя трубку.

— Да,— согласился Рик,— до меня уже дошли слухи. Сколько здесь замешано анди и как далеко продвинулся Дейв?

— Всего восемь,— ответил Брайант. Он сверился с листком в зажиме.— Холден успел уложить двоих.

— Оставшиеся шесть находятся здесь, в Северной Калифорнии?

— Насколько нам известно, да. Дейв считает именно так. Вот его записи, они взяты сегодня из ящика его стола. Прочти, здесь он говорит все, что ему известно.

Брайант постучал пальцем по стопке листков, почему-то не передавая их Рiku. Он продолжал перелистывать их, хмурясь и шевеля губами.

— У меня никаких дел не предвидится,— с готовностью предложил Рик,— я готов заменить Холдена.

— При испытании подозреваемых Дейв использовал тест Войт-Кампфа. Ты понимаешь, конечно, что этот тест не рассчитан на новую модель мозга. Такого теста вообще пока нет. У нас есть только шкала Войта, три года назад усовершенствованная Кампфом.

Он помолчал, размышляя.

— Дейв считал, что тест оправдывает себя. Возможно, он и прав, но я бы, перед тем как ты возьмешься за оставшуюся шестерку, предложил вот что.

И он постучал по пачке бумаги.

— Слетай в Сиэтл и поговори с людьми из Ассоциации Розена. Пусть они дадут тебе на проверку один из экземпляров нового андроида с мозгом типа «Узел-6».

— И я проведу испытание по Войт-Кампфу,— сказал Рик.

— Это легко только на словах,— сказал Брайант,— Но...

— Простите?

— Пока ты будешь в пути, я переговорю с представителями Ассоциации Розена.— Он некоторое время молча смотрел на Рика. Наконец Брайант вздохнул и сказал: — Я хочу обсудить с ними возможность включения в тест нескольких человек вместе с андроидами. Но вы не будете об этом знать. К моменту твоего прибытия все уже будет подготовлено. Это будет целиком мое решение.

Брайант ткнул пальцем в Рика.

— Первый раз ты будешь действовать как старший охотник. У Холдена были годы и годы опыта.

— У меня тоже, — с напряжением в голосе произнес Рик.

— Ты получал только те задания, которые оставались после заполнения графика Дейва. Он всегда сам решал, какие задания передавать тебе, а какие выполнять самому. Но теперь у тебя целых шесть анди, которых он собирался отправить на покой сам. Один из них ухитрился убрать его самого. Вот этот. — Брайант протянул Рiku пачку листков, развернув их, чтобы Рик мог разглядеть фото получше. — Макс Полоков. Так он, во всяком случае, сам себя называет. Конечно, если предположить, что Холден прав. Все наши предположения основаны на том, что тест правилен. Кроме того, тест был применен только к троим из них. Двух Дейв отправил на покой, а потом этот Полоков прикончил его. Все произошло во время тестирования — Полоков неожиданно выстрелил в Дейва из лазера.

— Что доказывает правоту Дейва, — продолжал Рик. — Иначе с чего бы этому Полокову покушаться на жизнь полицейского?

— Отправляйся в Сиэтл, — сказал Брайант, — но ничего им не говори. Я все устрою сам. Послушай... — Он встал из-за стола, подошел к Рiku и остановился перед ним с серьезным выражением лица. — Если во время проведения теста один из его людей не пройдет...

— Этого не может быть, — сказал Рик.

— Несколько недель назад я разговаривал с Холденом точно так же, как с тобой, на эту же тему. Он думал примерно то же, что и я. Я получил меморандум от русских. Он был спущен всем полициям мира и планет-колоний. Группа психиатров из Ленинграда сделала следующее предположение. Они предлагали применить новейшие методы составления психопрофиля личности — то есть, другими словами, тест Войт-Кампфа — к группе тщательно отобранных лиц шизоидных и шизофренических типов, их пациентов, а именно тех, кто имел симптомы «понижения аффекта». Ты об этом слышал.

— Это то, что измеряет наш тест, — сказал Рик. — Проблема эта не нова. Она возникла с того момента, когда мы впервые столкнулись с появлением андроидов, выдающих себя за людей. Полиция опирается на вывод известной вам статьи Лури Кампфа «Ролевое блокирование у шизофреников последней стадии». Кампф сравнивал снижение способности к сопереживанию у душевнобольных с внешне сходной, но в основе своей...

— Ленинградские психиатры,— резко перебил Рика Брайант,— считали, что некоторые больные могли бы провалить тест Войт-Кампфа. Если бы вы испытывали их во время выполнения задания, то приняли бы за андроидов. Ошибка была бы обнаружена слишком поздно, когда все они были бы уже мертвы.

Он замолчал, ожидая ответа Рика.

— Но все эти люди,— начал Рик,— находились бы в...

— Да, в специальных учреждениях,— согласился Брайант.— Они не смогли бы функционировать в обществе нормальных людей, не смогли бы скрыть того, что они серьезно больны психически. Хотя болезнь могла обостриться внезапно и никто не обратил бы внимания. Вот что могло бы случиться...

— Один шанс из миллиона,— сказал Рик.

Но он понимал, куда гнет Брайант.

— Дейва особенно беспокоил этот новый тип андроидов «Узел-б»,— продолжал Брайант.— Розен уверял нас, что тип новых усовершенствованных андроидов «Узел-б» может быть выделен с помощью стандартной процедуры психопрофилирования. Теперь мы вынуждены — и мы знали, что так будет,— самостоятельно проверять это. Этим вы и должны заняться в Сиэтле. Вы понимаете, что неудача чревата двумя тяжелыми последствиями. Если вам не удастся выявить всех гуманоидных роботов из представленных на испытание, то, значит, у нас нет надежного инструмента для анализа и мы никогда не найдем тех, кому уже удалось бежать. Если же тест идентифицирует испытуемого человека как андроида...

Брайант раздвинул рот в ледяной улыбке.

— Ситуация сложится щекотливая, хотя даже люди Розена не разгласят публично эту новость. Нам придется сидеть сложа руки, и как долго — неизвестно. Мы, конечно, проинформируем русских, те сообщат в Ленинград. В конечном итоге это просочится в печать. Но к тому времени мы, возможно, разработаем новую шкалу тестирования.

Он снял трубку видеофона.

— Итак, за дело! Возьмите служебный кар и заправьтесь на нашей станции.

Поднявшись, Рик сказал:

— Могу ли я взять с собой записи Дейва Холдена? Я хотел бы просмотреть их в дороге.

— Давайте подождем испытаний,— сказал Брайант.

Тон его странным образом был лишен сочувствия, и Рик Декард отметил это.

Когда он посадил аэрокар Департамента полиции на крышу здания ассоциации Розена в Сиэтле, увидел, что его встречает молодая женщина: черноволосая, стройная, глаза закрыты модными пылезащитными очками. Она подошла к кару, руки ее были глубоко засунуты в карманы яркого полосатого пальто. На маленьком лице с резкими чертами застыло выражение сердитого отвращения.

— Что случилось?— спросил Рик, выйдя из кара.

— Я не знаю,— несколько уклончиво сказала девушка.— Что-то насчет тона, которым с нами говорили по телефону. Не важно.

Она вдруг протянула руку. Он машинально пожал ее.

— Меня зовут Рейчел Розен. А вы, кажется, мистер Декард?

— Это была не моя идея,— сказал он.

— Но вы официально представляете Департамент полиции Сан-Франциско, который не верит, что наша организация служит общему благу.

Она внимательно смотрела на него из-под длинных черных ресниц, видимо, ненастоящих.

— Гуманоидный робот подобен любой другой машине — он очень быстро превращается из благодеяния в опасность. В качестве благодеяния он не входит в сферу наших интересов,— сказал Рик.

— Но как опасность,— продолжила Рейчел Розен,— сразу привлекает ваше внимание. Это правда, мистер Декард, что вы охотник за андроидами?

Он неохотно пожал плечами и кивнул.

— Значит, вы без труда рассматриваете андроида как неживой кусок материи,— сказала девушка,— и с легкостью отправляете его «на покой», как вы говорите.

— Вы уже отобрали для меня группу испытуемых?— спросил он.— Я бы хотел...

Он замолчал, потому что вдруг увидел животных, принадлежащих ассоциации.

Он подумал, что, конечно, мощная корпорация может себе это позволить. Более того, где-то в глубине души он ждал чего-то подобного. Позабыв о девушке, он медленно подошел к ближайшему вольеру. Он уже чувствовал их запах, несколько запахов нескольких существ, стоявших, сидевших или, вот как тот енот, спавших.

Он никогда в жизни не видел настоящего енота. Он был ему знаком только по стереофильмам, которые показывало телевидение. Почему-то пыль нанесла по этому виду такой же тяжелый удар, как и по птицам, из которых почти

никто не выжил, за исключением некоторых. Рик автоматически выудил из кармана свой потрепанный экземпляр каталога Сидни и отыскал раздел «Енот».

Цены, естественно, были напечатаны курсивом. Подобно першеронам, в данный момент на рынке не имелось свободных для продажи экземпляров ни за какие деньги, каталог Сидни просто регистрировал цену последней продажи енота. Цифра была астрономическая.

— Его зовут Билл,— сказала из-за спины девушка.— Билл-енот. Мы приобрели его всего лишь в прошлом году у одной компании.

Она показала на охранников, которых Рик заметил только сейчас. Глаза охранников, вооруженных автоматами — легкими скорострельными моделями марки «школа», были устремлены на Рика с той самой секунды, когда он посадил на крышу свой кар. «А ведь на каре,— подумал он,— стоят ясные опознавательные знаки полиции».

— Крупнейший производитель андроидов,— сказал он задумчиво,— вкладывает прибыль в животных.

— Посмотрите на сову,— сказала Рейчел Розен.— Сейчас я разбужу ее для вас.

Она направилась к большой клетке, в центре которой стояло засохшее, но ветвистое дерево.

«Сов не существует,— хотел сказать Рик,— так нам говорили до сих пор».

В каталоге они числились, как «вымершие» — мелкий шрифт, значок-буква «В» на всех страницах. Пока девушка шла к клетке, он проверил — нет, не ошибся.

«Сидни никогда не ошибается,— сказал он себе,— и нам это известно. Ведь нам больше не на что полагаться».

— Она искусственная,— сказал он.

Он вдруг понял, в чем дело. Разочарование было нестерпимо острым.

— Нет,— сказала она.

И улыбнулась.

Он увидел, что у нее мелкие ровные зубы — так же белы, как черны ее глаза и волосы.

— Но Сидни...— начал он.

Он попытался показать ей каталог, чтобы доказать это.

— Мы у Сидни ничего не покупаем,— перебила девушка,— и у других зооторговцев тоже. Все, что мы приобретаем, мы приобретаем у частных охотничьих партий, и цены не оглашаются. Кроме того, у нас есть наши собственные натуралисты. Сейчас они работают в Канаде. Там еще остались относительно довольно обширные леса — предпо-

ложительно уцелели мелкие животные, а иногда и птицы.

Он долго стоял, рассматривая сову, которая дремала на своем насесте.

Тысячи мыслей проносились в его мозгу, тысячи мыслей о войне, о тех днях, когда начали падать с неба совы. Он помнил, он был еще мальчишкой, когда обнаружилось, что все виды животных начинают вымирать, вид за видом. И газеты сообщали об этом — сегодня утром вымерли лисы, в следующий раз — барсуки. Пока люди не перестали читать эти бесконечные сообщения.

В нем еще раз проснулась естественная неприязнь к электроовце, о которой ему приходилось заботиться, как будто она была живая. «Тирания предмета,— подумал он.— Он не знает, что я существую. Как и андроиды, он не обладает способностью воспринимать существование других». До этого момента мысль о сходстве анди и электрических животных не приходила ему в голову. «Электрическое животное,— думал Рик,— может рассматриваться как подвид андроида, разновидность очень примитивного робота. Или наоборот, андроида можно рассматривать как высокоразвитое электроживотное». Обе точки зрения показались Рiku отталкивающими.

— Если бы вы продавали свою сову,— сказал Рик Рейчел Розен,— сколько бы вы захотели за нее и какую часть нужно было бы внести немедленно?

— Мы никогда не продадим нашу сову.

Она смотрела на него со смешанным выражением жалости и удовольствия.

— Но даже если бы и продавали, едва ли вам под силу за нее заплатить. Какое животное у вас дома?

— Овца,— ответил Рик.— Черномордая саффолкская порода.

— Ну, вы должны быть довольны.

— Да,— согласился он.— Просто я всегда хотел иметь сову, еще до того, как они вымерли.— Он уточнил: — Все, кроме вашей.

— Сейчас наша первоочередная задача — получить еще одну сову, которая могла бы спариваться со Скреппи,— сказала Рейчел.

Она показала на дремлющую сову. Птица на секунду приоткрыла глаза — желтые щели — потом снова погрузилась в сон. Грудь ее поднялась и опустилась, словно сова глубоко вздохнула в своем гипнотическом трансе.

Оторвавшись от раздражающего душу зрелища, от которого к горечи примешивалась робость и желание, Рик произнес:

— Теперь я хотел бы приступить к тестам. Спустимся вниз?

— Мой дядя разговаривал с вашим начальником, и сейчас, наверное...

— Вы родственники?— перебил ее Рик.— Такая большая корпорация — и семейное предприятие?

Рейчел продолжала:

— Дядя Элдон уже, должно быть, подготовил группу андроидов и контрольную группу. Пойдемте.

Она пошла к лифту, снова засунув руки в карманы яркого пальто. Она не оглядывалась, и Рик немного помедлил, испытывая раздражение, прежде чем потащился следом за ней.

— Почему вы со мной разговаривали в таком тоне?— спросил он ее, когда они спускались в лифте.

Она подумала, словно этот вопрос был для нее чем-то неожиданным.

— Ну,— сказала она наконец,— вы — мелкий служащий полицейского управления, оказавшийся в уникальном положении. Вы понимаете меня?

Она бросила на него косой, угрожающий взгляд.

— Какой процент вашей продукции оснащается мозгом типа «Узел-6»?— спросил Рик.

— Все.

— Я уверен, что шкала Войт-Кампфа для них вполне подойдет.

— А если нет, то нашему предприятию придется изъять все модели с этим мозгом.— Ее черные глаза вспыхнули, и она сурово смотрела на Рика до самого конца спуска, пока кабина лифта не остановилась.— И только потому, что ваше управление не смогло справиться с таким ничтожным делом, как выявление жалкой группки бежавших андроидов с этим типом мозга.

К ним подошел худощавый, щегольски одетый мужчина и протянул руку. На его лице проступала озабоченность и поспешность, словно последние часы ему приходилось страшно торопиться.

— Элдон Розен,— представился он.

Они пожали друг другу руки.

— Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что здесь, на Земле, мы ничего не производим, верно? Мы не можем вот так просто снять трубку и попросить прислать пару образцов продукции. Нет, это не означает, что мы не хотим с вами сотрудничать. Но я сделал все, что мог.

Его рука, чуть дрожа, пробежала по редющим волосам.

Рик показал на свой чемоданчик и сказал:

— Я готов начать.

Нервный тон Розена-старшего поднял его уверенность в себе. «Они боятся меня,— вдруг осознал он с удивлением.— Все, даже Рейчел Розен. Видимо, я все-таки могу заставить их прекратить производство андроидов с мозгом типа «Узел-6». То, что я собираюсь проделать в течение ближайшего часа, окажет самое серьезное воздействие на характер их торговых операций. Это в значительной степени может определить судьбу Ассоциации Розена — здесь, в США, в восточной части планеты, или на Марсе.

Два члена семьи Розенов внимательно наблюдали за ним, но за их вежливыми манерами он чувствовал ужас пустоты — он воплощал для них безмолвие экономической смерти. Ассоциация Розена стала одним из стержней индустрии, и она так тесно связана с программой колонизации, что, если исчезнет первая, второй тоже не быть. Ассоциация прекрасно понимала, что ей грозит.

Элдон Розен явно размышлял именно над этим — с самого момента звонка Гарри Брайанта.

— Я бы на вашем месте не очень беспокоился,— сказал Рик, когда они шли по широкому, ярко освещенному коридору. Сам он чувствовал полное удовлетворение — никогда не был он так доволен своим положением. Что ж, вскоре прояснится, что может его прибор, а что — нет.

— Если вы не доверяете шкале Войт-Кампфа,— настоятельно произнес он,— то ваша организация могла бы разработать собственный тест. О, спасибо.

Розены ввели его в уютную комнату с коврами, веселенькой мебелировкой, модными столиками и последними выпусками журналов на них. Там был даже — он сразу заметил — февральский выпуск приложения к каталогу Сидни, который он сам еще не видел: собственно, он должен был выйти в свет только через три дня. Да, Ассоциация Розена явно имела связи особого свойства с компанией Сидни.

Он раздраженно схватил выпуск каталога.

— Это покушение на общественное доверие. Никто не должен первым узнавать цены, получая преимущество перед остальными.— Вообще-то говоря, нарушался федеральный закон. Рик попытался припомнить соответствующую статью, но не смог.— Я забираю это с собой,— сказал он, засовывая каталог в свой чемоданчик.

Последовала пауза, потом Элдон Розен устало произнес:

— Послушайте, офицер, не в наших правилах — упрямиться...

— Я не офицер,— сказал Рик,— я охотник на андроидов.— Он вынул из чемоданчика аппарат Войт-Кампфа, уселся за ближайший столик розового дерева и начал собирать тестирующее устройство.— Можете пригласить первого испытуемого.

Элдон Розен выглядел еще более изможденно.

— Я тоже хочу посмотреть,— сказала Рейчел. Она присела на кресло.— Я никогда не видела, как проводятся тесты на эмпатию. Что измеряют эти штуки?

— Вот это...— Рик поднял диск с клейкой поверхностью и сеткой из проволочек.— Это измеряет степень расширения капилляров в коже лица. Это — первичная рефлекторная реакция, так называемая краска смущения или стыда на стимул шокирующей природы. Она не поддается волевому контролю, как проводимость кожи, частота дыхания или пульса.— Он показал и другие приборы, в том числе и излучатель света.— Этот прибор регистрирует с помощью тонкого луча перемену напряжения внутри глазных мышц. Обычно вместе с покраснением кожи регистрируется слабое, но заметное движение...

— У андроидов этого не бывает,— сказала Рейчел.

— Биологически они существуют, но корреляции с вопросами-стимулами не наблюдается.

— Испытайте меня,— сказала она.

— Зачем?— озадаченно спросил Рик.

За нее ответил Элдон Розен:

— Мы избрали ее в качестве первого испытуемого. Возможно, она — андроид. Мы надеемся, что вам удастся это определить.

Как-то странно двигаясь, судорожно и отрешенно, он сел, закурил и принялся наблюдать за манипуляциями Рика.

Пять

Прямо в глаза Рейчел бил тонкий, как карандаш, луч света. К ее щеке прикреплен диск из проволочек. Она казалась совершенно спокойной.

Сидя так, чтобы ему были видны показания двух циферблатов на панели аппарата Войт-Кампфа, Рик Декард пояснял:

— Сейчас я опишу несколько ситуаций, с которыми вы можете столкнуться в жизни. Вы должны выразить свою реакцию как можно быстрее. Время засекается.

— И, конечно же,— сказала далеким голосом Рейчел Розен,— мои слова в счет не идут — значение имеет только реакция глаз и кожи, не так ли? Но все равно, я буду отвечать. Я хочу пройти через это.

Она замолчала.

— Начинайте, мистер Декард.

Рик остановил свой выбор на вопросе номер три:

— На день рождения вам подарили кошелек из телячьей кожи.

Стрелки резко перепрыгнули в красный сектор шкалы, заматались, а потом успокоились.

— Я откажусь,— ответила она,— и сообщу в полицию о человеке, который хотел преподнести мне такой подарок.

Сделав пометку, Рик продолжал, перейдя к восьмому вопросу теста:

— У вас есть маленький сын. Он показывает вам свою коллекцию бабочек, включая банку для умерщвления насекомых.

— Я отведу его к психиатру,— тихо, но твердо сказала Рейчел.

Стрелки отклонились, но уже не так сильно. Рик сделал пометку.

— Вы сидите перед телевизором и вдруг обнаруживаете, что на вашей руке сидит оса.

— Я бы ее убила.

На этот раз стрелки не отклонились вообще, лишь слабо вздрогнули. Он отметил это и начал подыскивать следующий вопрос.

— Читая журнал, вы встречаете фотографию обнаженной девушки на весь разворот.

— Вы что, проверяете, мои наклонности к лесбиянству или мою природу андроида?— спросила Рейчел.

Стрелки не шелохнулись. Рик продолжал:

— Вашему мужу фотография понравилась.

Никакой реакции.

— Девушка лежит ничком на большом красивом ковре из медвежьей шкуры.

Стрелки не двигались. Рик сказал себе, что это — типичная реакция андроида, она не обратила внимания на самое важное в вопросе, сосредоточившись на второстепенных элементах. Она или оно?

— Ваш муж решил повесить эту фотографию в кабинете.

На этот раз стрелки пошли вправо.

— Я не разрешу ему.

— Ладно,— сказал Рик, кивая.— Теперь представьте

себе, что вы читаете роман, написанный еще до войны. Герои посещают рыбацкие причалы в Сан-Франциско. Проголодавшись, они заходят в морской ресторан. Один из них заказывает омара, и шеф-повар бросает свежего омара в кипящую воду, а герои наблюдают, как он варится.

— Боже!— воскликнула Рейчел.— Это ужасно! Они что, действительно это делали? Это же просто жутко! Это извращение! Вы хотите сказать, что это был живой омар?

Но стрелки на циферблатах стояли на месте. Формально реакция правильная, но нарочитая.

— Вы снимаете домик в горах, в том районе, где еще сохранились леса. Это старая избушка с большим камином.

— Понятно,— нетерпеливо перебила Рейчел, кивнув.

— На стенах кто-то развесил старые картины, репродукции, а над камином повесил голову оленя — крупного самца с развитыми рогами. Ваши товарищи восхищены внутренним убранством домика, и вы все...

— Только не с этой головой,— сказала она.

Стрелки не вышли за границы зеленого поля.

— Вы забеременели,— продолжал Рик,— от человека, который обещал на вас жениться, а потом сбежал с вашей лучшей подружкой. Вы делаете аборт и...

На этот раз обе стрелки устремились в красный сектор.

— Я не смогла бы сделать аборт,— сказала Рейчел.— Это невозможно. Полиция следит за этим. Пожизненное заключение за попытку.

— А откуда вы об этом знаете?— спросил Рик.

— Это все знают.

— Создается впечатление, что вы говорите на основе собственного опыта.— Он напряженно следил за индикаторами. Стрелки сделали еще один взмах. Еще раз.— Вы пришли на свидание с мужчиной. Он пригласил вас домой и предлагает выпить. Держа в руке стакан, вы случайно заглядываете в спальню. Она украшена разными плакатами, изображающими бой быков. Вы заходите, чтобы рассмотреть их поближе, а он следует за вами, закрывает дверь. Обняв вас, он говорит...

— Что такое «плакат с изображением боя быков»?

— Рисунки, изображающие, как правило, матадора с плащом и быка, пытающегося поддеть человека на рога.

Рик был озадачен.

— Сколько вам лет?— спросил он. Возможно, в этом все дело.

— Восемнадцать,— ответила Рейчел.— Ладно, этот

мужчина закрывает дверь, обнимает меня и говорит... Что он там говорит?

— Вы знаете, чем заканчивалась коррида?

— Кажется, кого-то убивали.

— Убивали почти всегда быка.

Он подождал немного, но стрелки только подрагивали — настоящей реакции не было.

— Последний вопрос. В двух частях. Вы смотрите по телевизору старый фильм, еще довоенный. Идет банкет. Все едят устриц.

— Гм,— сказала Рейчел.

Стрелки качнулись.

— Главное блюдо,— продолжал Рик,— представляет собой вареную собаку, нафаршированную рисом.

На этот раз стрелки качнулись слабее.

— Устрицы для вас более приемлемы, чем собака? Явно нет.

Он опустил карандаш, выключил световой луч и снял с ее щеки проволочный диск.

— Вы андроид,— сказал он.— Таков результат теста.

Он сообщил это ей, а скорее ему и Элдону Розену, который наблюдал за Риком с судорожным беспокойством. Лицо старика содрогнулось.

— Я прав, не так ли?

Оба Розена молчали.

— Послушайте,— сказал Рик.— Наши интересы совпадают. Для меня важно, чтобы тест Войт-Кампфа действовал как полагается. Для вас это так же важно, как и для меня.

Старший Розен сказал:

— Она не андроид.

— Я не верю в это,— сказал Рик.

— Зачем ему лгать?— с жаром возразила Рейчел.— Нам было бы выгоднее обмануть вас в другом отношении.

— Я требую анализа костного мозга,— сказал Рик.— В конце концов, истину можно установить экспериментально. Да, анализ занимает довольно много времени, и это несколько болезненно, но...

— По закону,— перебила Рейчел,— вы не можете заставить меня принудительно согласиться на такой анализ. Это суд уже установил. Кроме того, у живого человека — а не трупа убитого андроида — на этот анализ уходит много времени. Но одно вы сказали правильно — тест еще не закончен.

Она поднялась со своего места, отошла в сторону и остановилась к Декарду спиной.

— Вопрос не в законности анализа ткани костного мозга,— сказал Элдон Розен.— Дело в том, что ваш тест оказался по отношению к моей племяннице несостоятельным. Я могу объяснить вам, почему ее реакции напоминают реакции андроида. Рейчел выросла на борту «Саландера-3». Она там родилась и провела четырнадцать лет, зная о Земле только то, что ей рассказывали девять членов экипажа и что содержалось в книгах корабельной библиотеки. Как вам известно, корабль повернул назад, преодолев лишь шестую часть пути к Проксиме Центавра. Иначе Рейчел вообще никогда не увидела бы Землю — во всяком случае, до самой старости.

— Вы бы отправили меня «на покой»,— через плечо сказала девушка.— Я была бы убита. Я знала это еще четыре года назад, когда вернулась сюда. Я уже не первый раз подвергаюсь обследованию по системе Войт-Кампфа и поэтому, честно говоря, редко выхожу из этого здания. Риск слишком велик. Полиция устраивает проверки на дорогах и в воздухе, отыскивая незарегистрированных специалистов.

— И андроидов,— сказал Элдон Розен.— Широкой публике, естественно, об этом не сообщается. Ей не следует знать, что андроиды проникают на Землю и скрываются среди людей.

— Я не думаю, чтобы им это удалось. Я думаю, что различные полицейские организации в обоих полушариях уже ликвидировали всех,— сказал Рик.— Население ведь теперь достаточно малочисленно. Всякий рано или поздно пройдет проверку.

— Вас проинструктировали на тот случай, если вы спутаете человека с андроидом?— спросил Элдон Розен.

— Это дело нашего управления,— сказал Рик, укладывая оборудование и закрывая чемоданчик. Оба Розена следили за ним.— Само собой,— добавил он,— мне было приказано прекратить дальнейшие испытания в случае ошибки, что я и делаю. Если тест не сработал однажды, какой смысл продолжать?— Он защелкнул чемоданчик.

«Брайант был прав,— подумал он.— Слава богу, что мне не придется выходить на задание с этим тестом».

— Проблема заключается в методе вашего производства, мистер Розен. Никто не заставлял Ассоциацию доводить роботов до такого совершенства, что...

— Мы делали только то, что требовалось колонистам,— ответил Элдон Розен.— Мы следовали испытанному принципу коммерции. Если бы мы не занимались совершенст-

вованием андроидов, это сделала бы другая фирма. Мы знали, на какой риск шли, создавая «Узел-6». **НО ВАШ ТЕСТ ДОКАЗАЛ СВОЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.** Другое дело, если бы вам не удалось опознать андроида модели «Узел-6» как андроида. Если бы вы ошиблись, было бы другое дело, но этого не произошло.— Его голос приобрел резкость.— Весьма вероятно, что ваше управление и лично вы отправили «на покой» немало людей вместо андроидов только потому, что у них не была достаточно развита эмпатическая способность. Например, как у моей невинной племянницы. Ваша позиция, мистер Декард, до крайности незавидна. Ваша, а не наша.

— Другими словами,— сказал Рик,— вы не дадите мне возможности проверить ни одного андроида с мозгом «Узел6»?

Он начинал понимать, что происходит.

— Вы специально напустили на меня эту шизоидную девицу!

«Мой тест провалился,— подумал он.— Не нужно было этого делать. Но теперь уже поздно».

— Мы обманули вас, мистер Декард,— согласилась Рейчел Розен. Она улыбалась.

Рик не мог даже понять, как это Ассоциации Розена удалось так провести его. «Да,— понял он,— это действительно эксперты. Гигантская корпорация с огромным опытом. Она обладает своего рода групповым сознанием, а Элдон Розен — только представитель, выразитель идей этого мозга». Очевидно, в этом и состояла его ошибка — он воспринимал их как совокупность индивидуумов. Такой ошибки он повторять не должен.

— Ваш начальник, мистер Брайант,— сказал Элдон Розен,— будет очень озадачен, узнав, как легко мы доказали несостоятельность вашего теста. И еще до начала настоящей проверки.— Он показал на потолок. Рик увидел блестящие линзы телекамеры. Его оплошность с Рейчел была записана на пленку.— Думаю, что сейчас всем нам следует пообедать,— сказал Элдон Розен сделав дружелюбный жест.

— Мы можем что-нибудь придумать. Нет причин волноваться. Андроид типа «Узел-6» уже состоявшийся факт. Мы, Ассоциация Розена, воспринимаем это именно так. Теперь и вы, надеюсь.

Рейчел, наклонившись к Рiku, спросила:

— Вы хотели бы получить сову?

— Я сомневаюсь, что когда-нибудь буду иметь ее.

Он понимал, что она имеет в виду, какую сделку хочет совершить компания. Он почувствовал напряжение совершенно необычного свойства, такого с ним еще никогда не случалось. Напряжение взорвалось изнутри и затопило всего целиком. Оно полностью овладело им.

— Но ведь сова,— сказал Розен-старший,— это именно то, что вы хотите?— Он вопросительно посмотрел на Рейчел.— Мне кажется, он не понимает...

— Он все прекрасно понимает,— возразила Рейчел.— Он отлично знает, к чему идет дело. Не так ли, мистер Декард?

Она снова наклонилась к нему, на этот раз пониже. Он почувствовал тепло ее тела и легкий аромат духов.

— Мистер Декард, ведь вы уже владеете собой?

Обращаясь к Элдону Розену, она проговорила:

— Он охотник на андроидов. Не забывайте этого. Он получает не только жалованье, но и премии. Правильно, мистер Декард?

Рик кивнул.

— Сколько андроидов убежало на этот раз?— поинтересовалась Рейчел, усаживаясь.

Рик помолчал немного и сказал:

— Всего восемь. Двое уже отправлены на покой, но не мною, а другим охотником.

— И сколько вы получаете за одного андроида?

Он пожал плечами:

— По-разному.

— Если у вас нет настоящего инструмента для тестирования, значит, вы не можете обнаружить андроида,— сказала Рейчел.— А если так, то вы не можете получить премию. Поэтому, если шкала Войт-Кампфа будет отброшена...

— Ее заменит новая шкала,— прервал ее Декард.— Так бывало и раньше.

«Если быть точным, трижды,— подумал он.— Но раньше необходимые анализирующие приборы уже были известны. На этот раз все сложнее.

— Безусловно, в конечном итоге шкала устареет и выйдет из употребления,— согласилась Рейчел,— но до этого еще далеко. Мы довольны тем, что она способна выявлять андроидов последней модели, и мы хотели бы, чтобы вы продолжали свою работу.

Крепко сжав ладони, она пристально смотрела на Рика, пытаясь определить его реакцию.

— Скажи ему, что он получит сову,— проскрипел Элдон.

— Вы можете взять сову,— сказала Рейчел Розен. Она

все еще не спускала с Рика глаз.— Ту, что на крыше, Скреппи. Но мы бы хотели, если получим самца, спарить их, и тогда потомство будет принадлежать нам. Здесь не может быть компромиссов. И еще одно.— Она оглянулась на Элдона, который согласно кивал.— Вы не будете иметь права передавать сову по наследству. В случае вашей смерти она возвратится в корпорацию.

— Получается,— проговорил Рик,— что-то вроде приглашения. Вы явитесь и прикончите меня, чтобы немедленно вернуть сову. Я не согласен. Это слишком опасно.

— Но ведь вы охотник. Значит, умеете держать в руках лазерный пистолет. Вы ведь и сейчас вооружены. Если вы не в состоянии защитить себя, то как же собираетесь отправить на покой шестерых оставшихся андроидов? Они ведь куда сообразительнее старых моделей, типа В-4.

— Но ведь я охочусь за ними,— сказал он.— А в этом случае вы будете охотиться за мной.

Ему не нравилась эта идея. Эффект он уже наблюдал на андроидах. Даже в их сознании мысль о том, что их кто-то преследует, вызывает заметные перемены.

— Ладно,— сказала Рейчел.— Мы уступим. Но мы настаиваем на том, чтобы потомство принадлежало нам. Если вам это не подходит, отправляйтесь к своему начальнику в Сан-Франциско и расскажите, что шкала Войт-Кампфа — по крайней мере, в ваших руках — не в состоянии отличить человека от андроида, а потом поищите другую работу.

— Дайте мне немного времени,— сказал Рик.

— Хорошо,— сказала Рейчел.— Мы оставим вас здесь, в уютной обстановке.

Она посмотрела на часы.

— Полчаса,— сказал Элдон Розен.

Они с Рейчел направились к дверям. Рик вдруг понял, что они сказали все, что хотели. Все остальное зависело от него.

Когда Рейчел закрывала дверь, он сказал в пространство:

— Вам удалось загнать меня в угол. Мой промах записан на ленту. Вы знаете, что моя работа зависит от достоверности шкалы Войт-Кампфа. И у вас есть эта проклятая сова.

— Твоя сова, милый,— сказала Рейчел.— Не забыл? Мы привяжем ей к лапке твой домашний адрес и отправим прямоком в Сан-Франциско. Оно там тебя встретит.

«Оно,— подумал он.— Она сказала «оно», а не «она».

— Одну секунду,— сказал он.

Задержавшись в дверях, Рейчел сказала:

— Вы решились?

Рик открыл чемоданчик.

— Я хочу задать вам еще один вопрос из теста. Присядьте, пожалуйста, еще раз.

Рейчел бросила взгляд на дядю.

Он кивнул, она пожала плечами и села за тот же столик, что и раньше.

— Зачем это вам?— нетерпеливо спросила она. Рик заметил ее напряжение — Рейчел смотрела на него с отвращением, подняв брови.

Через минуту он уже направлял луч света ей в глаза, а к щеке уже был прикреплен проводочный диск. Рейчел неподвижно смотрела на луч света, выражение отвращения не сходило с ее лица.

— Симпатичный у меня чемоданчик,— сказал Рик. Он выуживал из него листки с вопросами.— Служебный. Хороший, правда?

— М-да,— неопределенно проговорила Рейчел.

— Детская кожа,— сказал Рик. Он погладил кожаную крышку чемоданчика.— Стопроцентная натуральная кожа ребенка.

Он увидел, как отчаянно метнулись стрелки на индикаторах. Но только после заметной паузы. Реакция имела место, но слишком поздно. Период реакции был известен Декарду до долей секунды. Никакой паузы быть не должно.

— Благодарю, мисс Розен.— Он стал собирать приборы. Повторное испытание было запрещено.— Это все.

— Вы улетаете?— спросила Рейчел.

— Да,— ответил он.— Я удовлетворен результатами.

Рейчел спросила с опаской:

— А как же с девятью другими испытуемыми?

— В вашем случае шкала вполне оправдала себя. Я могу сделать выводы уже на основании этого вопроса. Тест продолжает сохранять эффективность.

Он повернулся к Элдону Розену, который стоял у двери и угрюмо молчал.

— Она знает?

Иногда испытуемые и сами не знали, кто они,— им вводилась ложная память, в основном с ошибочной надеждой, что это поможет изменить исход теста.

— Нет,— сказал Элдон.— Мы полностью ее запрограммировали. Но теперь, кажется, она начала подозревать.

Обратившись к девушке, он спросил:

— Когда он попросил еще одну попытку, ты ведь догадалась?

Побледнев, Рейчел кивнула:

— Не бойся его,— сказал Розен-старший.— Ты ведь не

сбежавший андроид, нелегально проникший на Землю. Ты — собственность Ассоциации, используемая как часть торговой рекламы для привлечения будущих колонистов.

Он подошел к девушке и успокаивающим жестом положил руку ей на плечо. Его прикосновение заставило ее содрогнуться.

— Он прав, — сказал Рик. — Я не собираюсь отправлять вас на покой, мисс Розен. Всего хорошего.

Он направился к двери, потом остановился на миг. Обернувшись к Рейчел и Розену, спросил:

— Ваша сова — настоящая?

Рейчел бросила быстрый взгляд на Элдона.

— Он все равно уходит, — сказал тот. — Это уже не имеет значения. Нет, сова искусственная. Живых сов больше нет.

— Гм, — хмыкнул Рик, выходя.

Он вышел в коридор. Они смотрели ему вслед. Все уже было сказано, все молчали. «Так вот как, значит, действует главный производитель андроидов», — подумал Рик. Это было коварство такого рода, с каким он раньше не сталкивался. Скрытый, сложный, небезопасный тип личности. Недаром органы правопорядка обеспокоены появлением роботов типа «Узел-6».

«Узел-6». Теперь он вспомнил. Ведь Рейчел... Она, видимо, и есть «Узел-6»!

«Я впервые увидел одного из них, и они едва не обманули меня. Они хотели подкопаться под тест Войт-Кампфа — единственный метод, которым мы располагаем. Ассоциация Розена неплохо поработала и подошла к цели очень близко, и к тому же... чтобы защитить производящийся на ее предприятиях товар. А мне предстоит иметь дело с шестерыми, — размышлял Рик. — За каждый цент премии мне придется изрядно попотеть. Конечно, если я выйду из этой переделки живым».

Шесть

Телевизор грохотал. Спускаясь по лестнице огромного пустынного дома, покрытого многолетней пылью, Джон Исидор слышал голос так хорошо знакомого ему Бастера Джруби, который просто сочился весельем. Бастер болтал со своей широчайшей всесистемной аудиторией зрителей.

— Ха-ха, парни! Стук-стук! А теперь пора сделать краткую сводку погоды на завтра. Сначала восточное побережье

США. Спутник «Мангуста» сообщает, что осадки будут особенно сильными к полудню, потом уровень снизится. Поэтому вам, ребята, придется подождать, если вы собрались выйти прогуляться около полудня. Кстати, насчет того, чтобы подождать. Осталось всего десять часов до того момента, когда я сообщу вам потрясающую новость. Это мой сюрприз вам! Возможно, вы думаете, что, как всегда...

Как только Исидор постучал в дверь квартиры, телевизор тут же замолчал, канув в небытие. Он не просто замолчал, он перестал существовать, до смерти перепуганный звуком стука Исидора.

Но сквозь закрытую дверь Исидор чувствовал присутствие жизни. Он убедил себя — или на самом деле что-то воспринимал, — что ощущает страх, безголосый испуг, притаившийся за дверью, пятившийся, как будто кто-то пытался забиться в самый дальний угол квартиры, пытаясь избежать встречи с Исидором.

— Эй, — позвал он. — Я живу на верхнем этаже. Я услышал, как у вас работает телевизор. Давайте познакомимся, идет?

Он подождал, прислушиваясь. Ни звука, ни шороха, ни движения.

— Я принес вам пачку маргарина, — сказал он.

Он подошел вплотную к двери и старался, чтобы его голос проник сквозь ее толщу.

— Меня зовут Джон Исидор, я работаю для известного ветеринара, мистера Ганнибала Слоута, вы ведь слышали о нем? Я вполне приличный человек, у меня есть работа — я вожу фургон у мистера Слоута.

Дверь приоткрылась, и он заметил внутри силуэт девушки, которая пыталась не попасться ему на глаза, одновременно держась за дверь, как за опору.

Страх придавал ей вид больного человека. Она выглядела так, как будто кто-то сломал ее, а потом кое-как слепил.

Ее огромные глаза неподвижно смотрели на Исидора, а губы пытались сложиться в какое-то подобие улыбки.

Внезапно, осознав, что случилось, он спросил:

— Вы думали, что в этом доме никого больше нет? Вы думали, что он пуст?

Кивнув, девушка прошептала:

— Да.

— Но, — сказал Исидор, — всегда приятно иметь соседей. Пока вы не появились, у меня вообще не было соседей. И это совсем не весело, Бог тому свидетель!

— Так вы здесь одни жили?

Сейчас она казалась менее робкой.

Тело ее выпрямилось, и она провела ладонью по волосам, поправляя их. Тогда он увидел, что у девушки хотя и миниатюрная, но прелестная фигура, а глаза притенены черными ресницами. Застигнутая врасплох стуком, она была одета только в пижамные брюки, больше на ней ничего не было.

Глядя мимо нее, он увидел, что в комнате царит беспорядок. Разбросанные открытые чемоданы, содержимое которых вывалилось на пол, пыльный и замусоренный. Было совершенно очевидно, что она только что приехала.

— Я здесь один,— сказал Исидор,— и не буду вам мешать.— Он чувствовал себя подавленно.

Его подношение, в котором было напоминание о добром обычае довоенных времен, не было принято. Девушка, кажется, вообще не понимала, зачем он принес маргарин, или даже вообще не заметила, что он что-то держит в руке.

У него возникло ощущение, что она растерянна и беспомощно барахтается в постепенно расходящихся кругах страха.

— Старина Бастер,— спросил Джон,— он вам нравится?— Он старался снять напряжение, сквозящее в позе девушки.— Я смотрю его передачи каждое утро и вечером тоже, когда возвращаюсь с работы. Смотрю, пока ужинаю, и потом весь вечер, пока не лягу спать. Вообще-то так было до тех пор, пока не сломался мой телевизор.

— Кто...— начала девушка.

Она оборвала себя, сильно прикусив губы, словно сама на себя рассердившись.

— Бастер Джруби,— пояснил он. Ему показалось странным, что девушка никогда не слышала о самом великом комике на Земле.— А откуда вы приехали?— спросил он с любопытством.

— Какая разница?— Она бросила на него быстрый взгляд и заметила нечто, что сразу уменьшило ее страх. Она заметно расслабилась.— Я буду рада вашему обществу, но позже. Я должна немного освоиться здесь. Сейчас об этом не может быть и речи.

— Почему?

Он терялся в догадках. Эта девушка поставила его в тупик. «Возможно,— подумал он,— я слишком долго живу в одиночестве. Я изменился и теперь уже не такой, как все». Эта мысль еще больше усилила его подавленность.

— Я мог бы помочь вам распаковать вещи,— предло-

жил он. Дверь почти захлопнулась перед его носом.— И мебель.

— У меня нет мебели. Все эти вещи...— Она показала на комнату.— Они уже были здесь.

— Они вам не подходят,— сказал Джон.

Он сразу определил, что мебель уже ни на что не годна. Стулья, ковер, столы — все сгнило и погрузилось в братскую могилу вещей, поглощенных деспотизмом времени и заброшенности. В этой квартире никто не жил много лет, и она превратилась в руины. Он не представлял, как девушка собиралась жить в таких условиях.

— Слушайте,— искренне сказал он,— если мы обобщем весь дом, то, может, найдем что-то получше. В одной квартире лампу, в другой — стол, и так далее.

— Я так и сделаю,— сказала девушка.— Сама. Спасибо.

— Вы одна пойдете по всем этим пустым квартирам?— Он не мог поверить.

— А почему бы и нет?

Она сказала что-то не то.

— Я однажды пробовал, а теперь стараюсь сразу возвращаться к себе и не вспоминать обо всем этом доме. Сотни пустых квартир, и там еще полно вещей, которые остались от живших там. Те, кто умер, ничего не смогли взять с собой, а те, кто эмигрировал, не хотели брать ничего. Весь дом, кроме моей квартиры, пришел в упадок.

— Как?— не поняла она.

— Ну, я это так называю. Мусор, бесполезные предметы вроде старых конвертов или спичечных коробков, оберток жевательной резинки, старые газеты... Когда поблизости нет людей, мусор начинает размножаться, самовоспроизводиться. Если вы ложитесь спать, оставляя в комнате некоторое количество мусора, то наутро его количество увеличивается вдвое. Его становится все больше и больше.

— Я понимаю,— сказала девушка.

Она неуверенно смотрела на него, не зная, верить ли его словам. Она не знала, серьезно он говорит или шутит.

— Существует Первый закон мусоризации,— сказал Исидор.— Мусор вытесняет чистоту. В тех квартирах, где давно никто не живет, некому воевать с мусором.

— И он победил,— закончила за него девушка.— Теперь я понимаю.

— Эта ваша комната,— сказал он,— квартира, которую вы выбрали, слишком мусоризована, чтобы в ней можно было жить. Но мы можем понизить фактор мусоризации, если поищем в других квартирах вещи... Но...— Он замолчал.

— Но?..

— Но мы никогда не победим,— сказал Джон Исидор.

— Почему?

Девушка вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Сложив руки и прикрыв свои маленькие, высоко посаженные груди, она стояла перед Исидором, всем видом выражая стремление понять. Или так ему, во всяком случае, показалось.

По крайней мере, она умела слушать.

— Никто никогда не победит мусор,— сказал он.— Выигрыш может быть только временным и локальным, в каком-то отдельном месте, как моя квартира. Мне удалось создать нечто вроде стабильного равновесия между давлением мусора и чистоты. Но в конечном итоге я либо умру, либо уеду, и мусор возьмет свое. Этот закон универсален и действует во всей Вселенной. Вся наша Вселенная движется к состоянию полной мусоризации — не считая, конечно, Вилбура Сострадающего и его пути наверх.

Девушка недоуменно смотрела на него.

— Я не вижу связи.

— Но в этом и состоит смысл сострадания.— Он был озадачен.— Разве вы не участвуете в сопереживании и у вас нет генератора эмпатии?

Осторожно, после паузы, она сказала:

— Я не взяла его с собой. Я думала, что здесь есть свободный аппарат.

— Но ведь генератор,— возбужденно сказал он,— это вещь первой необходимости, он должен быть у каждого! Это продолжение вашего тела, это способ, которым вы соприкасаетесь с эмоциями других людей,— и одиночество прекращается. Да вы и сами это знаете, это же всем известно. Сострадатели позволяют даже таким, как я...— Он замолчал, но было поздно, он проболтался, и по вспыхнувшему на ее лице отвращению он понял, что она поняла.— Я почти прошел этот тест,— дрожащим голосом сказал он.— Тест на умственные способности. Я — умеренный спецал, совсем не такой, как остальные, но Сострадающему это не важно...

— Что касается меня,— сказала девушка,— то я считаю это главным недостатком сострадающих.

Она просто констатировала факт своего отношения. Факт своего отношения к недоумкам.

— Я пойду к себе,— сказал он.

Он направился к лестнице, сжимая размягченную теплом руки пачку маргарина.

Девушка смотрела ему вслед, бесстрастное выражение ее лица изменилось. Она позвала:

— Подождите!

— Зачем?— спросил он.

— Вы мне нужны. Надо подыскать мебель в других квартирах. Вы же сами говорили.

Она гордо подошла к нему. Обнаженная верхняя половина тела говорила об отсутствии даже грамма лишнего жира.

— В какое время вы обычно возвращаетесь с работы? Вы могли бы мне помочь.

— А вы не смогли бы приготовить ужин на двоих, если я принесу кое-что из продуктов?— спросил он.

— Нет. У меня слишком много дел.

Девушка отмахнулась от его предложения, даже не пытаясь понять его. Теперь, когда исчез страх, Исидор заметил, что в поведении девушки стало появляться что-то другое, странное, прискорбное: холодность, словно дыхание вакуума, заполняющего пространство между обитаемыми планетами. Дело было не столько в том, что она делала и говорила, а в том, что она НЕ делала и НЕ говорила.

— Как-нибудь в другой раз,— сказала она.

Она направилась к своей квартире.

— Вы не забыли, как меня зовут?— спросил Исидор.— Джон Исидор. Я работаю...

— Вы уже говорили мне, где вы работаете.

Она на минутку остановилась у двери, открыла ее и добавила:

— У какого-то невероятного типа по имени Ганнибал Слоут, который, как мне кажется, существует только в вашем воображении. Меня зовут...— Она бросила на него холодный взгляд.— Рейчел Розен.

— Из Ассоциации Розена?— спросил он.— Самого крупного производителя гуманоидных роботов в системе?

Странное выражение на ее лице вдруг исчезло.

— Нет,— сказала она.— Я ничего не знаю об этой компании. Это еще одна ваша недоумочная фантазия, надо понимать. Джон Исидор и его персональный генератор эмпатии. Бедный мистер Исидор.

— Но, судя по вашему имени...

— Мое имя,— сказала девушка,— Прис Страттон. Это мое имя по мужу, и прошу вас пользоваться только этим именем. Можете называть меня Прис.— Она немного подумала.— Нет, лучше обращайтесь ко мне как к миссис Страттон, потому что мы друг друга почти не знаем. По крайней мере я вас не знаю.

Дверь за ней захлопнулась, и Исидор остался один в пыльном коридоре, погруженном в полумрак.

Семь

«Да, такие вот дела,— подумал Джон Р. Исидор, сжимая в ладони размякшую пачку маргарина.— Возможно, она еще передумает и разрешит мне называть ее Прис, и может быть, мне удастся раздобыть банку довоенных овощных консервов для ужина. Хотя, вероятно, она не умеет готовить. Ну, ничего, я ей покажу. Я приготовлю ужин на нас двоих и покажу ей, если она захочет, как нужно готовить еду. Да, если я научу ее, она наверняка захочет. Большинство женщин, даже молодых, любят готовить. Это природный инстинкт».

Поднявшись по темной лестнице, он вернулся в свою квартиру.

«Она какая-то не контактная,— думал он, облачаясь в белую рабочую униформу.— Даже если мне и поспешить, я все равно опоздаю на работу, и мистер Слоут рассердится. Ну и что? Она, например, ничего не слышала о Бастере Джруби, а этого просто не может быть. Бастер — самая важная персона из всех живущих, кроме, может быть, Вилбура Сострадающего, но ведь Сострадающий не живой человек, это явно супертипичная личность со звезд, по космическому шаблону наложенная на нашу цивилизацию. Так, по крайней мере, говорят. Так считает мистер Слоут, а уж он знает, что говорит. Однако странно, что девушка так непоследовательна в названии своего имени. Возможно, ей необходима помощь. Могу ли я ей помочь? Специал, недоумок, что я понимаю в этом? Я не имею права жениться, не имею права на эмиграцию, и радиоактивная пыль в конце концов прикончит меня. Мне нечего ей предложить».

Одетый и готовый отправиться в путь, он покинул квартиру и поднялся на крышу, где был припаркован видавший виды аэрокар.

Час спустя он сидел за рулем служебного аэрофургона, приняв первое сломанное животное за этот день. На этот раз это был электрокот. Животное лежало в пластиковой корзине в хвосте фургона и тяжело дышало.

«Да,— про себя отметил Исидор,— его вполне можно принять за настоящего». Он направлялся к «Ветеринарной лечебнице Ван-Несса» — громко названного, а на самом деле карликового заведения, едва сводившего концы с кон-

цами в условиях жестокой конкуренции в области ремонта поддельных животных.

Кот громко вздохнул.

«О, господи,— подумал Исидор,— такое впечатление, что он и в самом деле умирает. Наверное, закоротило батарею с десятилетним зарядом,— и перегорают все контуры, один за другим. Солидный ремонт. Мастеру ветлечебницы придется изрядно попотеть. Я не назвал владельцу цену за ремонт, парень просто сунул мне kota и сказал, что неполадки начались ночью, а потом куда-то улетел, кажется, спешил на работу. Во всяком случае, разговор был прерван довольно неожиданно — владелец вдруг с грохотом умчался в небо в новеньком, сделанном на заказ аэрокаре. Новый клиент».

Коту Исидор сказал:

— Сможешь продержаться до мастерской?

Кот не умолкал.

— Ладно, я сам попробую тебя перезарядить,— решил Исидор.

Он посадил фургон на ближайшую свободную крышу и, не выключая мотора, пробрался в хвостовую часть кабины, где открыл пластиковую защитную корзину для перевозки животных, которая вместе с белым комбинезоном и названием на фургоне создавала полное впечатление настоящего ветеринара на настоящем ветеринарном пикапе.

Электрический механизм, заключенный в совершенно натурального вида серую кожу, булькал и хрипел. Его видеолинзы остекленели, металлические челюсти были крепко сжаты. Что всегда поражало Исидора, так эти все контуры болезни, встроенные в поддельных животных. Механизм, лежащий на коленях Исидора, был устроен таким образом, что когда выходил из строя один из основных компонентов, то вся конструкция не просто ломалась, а получала вид естественно заболевшего животного. «Даже я мог бы ошибиться»,— подумал Исидор, тем временем шаря в меховом покрытии живота, отыскивая крышку контрольной панели — весьма миниатюрной у электрических животных,— где находился разъем для экстренной перезарядки батарей. Он никак не мог ее отыскать, и времени у него не было — механизм почти перестал действовать. «Если дело действительно в коротком замыкании,— решил он,— то стоит попытаться отключить питание совсем. Тогда механизму не будет причинено большого вреда, а потом в мастерской Милт снова подсоединит батарею».

Он пробежал пальцами по псевдопозвоночнику. Прово-

да должны были находиться где-то здесь. Чертовски тонкая работа — имитация была совершенной. Проводов не было заметно даже при самом близком и тщательном осмотре. Должно быть, производство Вилбрайта и Карпенстера — они выпускают более дорогие и более совершенные модели.

Он сдался. Кот совсем перестал функционировать. Очевидно, причина действительно в замыкании — запас энергии полностью истощился. «Починка обойдется недешево,— решил Исидор.— Сразу видно, что хозяин не производил трехгодичного профилактического осмотра. Что ж, это послужит ему уроком, пусть и печальным, но необходимым».

Он снова сел на водительское кресло, перевел рычаги на положение «вверх» и взмыл в воздух, возобновляя путь к мастерской.

Во всяком случае, теперь ему не приходилось слушать выводящее из себя стоноподражание сломанного механизма.

Он мог расслабиться. «Забавно,— думал он,— хотя я и знаю умом, что это лишь поддельное существо, в животе у меня все равно что-то сжимается. Если бы я мог найти другую работу, если бы я не провалил тест на умственные способности, то не опустил бы до такого занятия со всеми его моральными издержками. С другой стороны, синтетические страдания поддельных животных совершенно не волнуют Милта Ворогова или нашего шефа Ганнибала Слоута. Поэтому, видимо, дело не во мне. Вероятно, когда личность деградирует, как это происходит со мной, когда она погружается в могильный мир, мир спецналов, все это отражается на психике. Что ж, в этом случае стоит вообще оставить эту мысль и не развивать ее слишком глубоко».

Такие моменты, когда умственные способности Исидора вставали перед ним в контрасте с тем, что он имел когда-то, действовали особенно угнетающе.

С каждым днем он терял еще немного жизненной энергии — он и тысячи других спецналов на Земле становились все ближе к куче праха, постепенно превращаясь в живой мусор.

Чтобы как-то скрасить одиночество, он щелкнул клавишей радио и настроился на радиопредставление Бастера Джруби, которое, подобно телевизионной версии, продолжалось двадцать три непрерывных тепленьких часа в сутки. Дополнительный час был отведен религиозному завершению дневной программы. Потом следовал десятиминутный перерыв — и все сначала.

— Рад снова видеть тебя здесь,— говорил Бастер Джруби.— Итак, Аманда, прошло уже целых два дня с тех пор,

как ты в последний раз побывала у нас в гостях. Работаешь над новой лентой, дорогая?

— Да, я собиралась начать ленту еще вчера, но только они сказали, что мы начнем в семь...

— В семь утра?— вмешался Джруби.

— Да, именно в семь утра!

Аманда Вернер засмеялась своим знаменитым искусственным смехом, почти таким же искусственным, как и смех Бастера. Аманда Вернер и несколько других прекрасных леди с большими коническими грудями из каких-то заграничных, неопределенно идентифицированных стран да плюс несколько буколических юмористов составляли стандартный набор гостей в представлениях Бастера Джруби. Женщины, подобные Аманде, никогда не снимались в фильмах, не появлялись даже в театральных представлениях. Они жили только в призрачном мире передач с участием Бастера, в его бесконечном шоу, появляясь на телеэкранах, как отметил про себя Исидор, по семьдесят часов в неделю.

Каким образом Бастер находил время записывать все эти свои теле- и радиошоу? Эта мысль озадачила Исидора. Каким образом Аманде удастся быть у него в гостях чуть ли не каждый день месяц за месяцем, год за годом? Как им удастся разговаривать часами без перерыва? Они никогда не повторялись, во всяком случае, насколько Исидор мог определить. Их реплики всегда были остроумными, свежими и не выглядели заученными заранее. Волосы Аманды блестели, глаза сияли, зубы сверкали. Она никогда не задерживалась с ответом, никогда не казалась усталой, легко отвечала на бесконечную цепочку шуток, острот и замечаний Бастера Джруби. Шоу Бастера Джруби на теле- и радиоволнах, передаваемое по спутниковой сети на всю территорию Земли, изливалось и на эмигрантов в колониях на всех заселенных планетах.

Была произведена попытка экспериментальной передачи в направлении Проксимы Центавра на случай, если колонизация успешно распространится в такую даль. Если бы «Саландер-3» достиг своей цели, то путешественники обнаружили бы, что там их уже поджидает Бастер Джруби.

Но кое-что в Бастере раздражало Исидора — всего одна деталь. Очень тонко, почти незаметно Бастер высмеивал тех, кто пользовался генераторами эмпатии. Он делал это постоянно, а не просто случайно. Собственно, он и сейчас был занят этим.

— Камешки в меня не швыряют,— сообщил он Аманде Вернер.— И если я отправлюсь вверх по горному склону,

то обязательно захвачу с собой пару бутылочек пива — лучше всего «Будвайзер».

Зрители засмеялись, и Исидор услышал звуки аплодисментов.

— И потом я сообщу вам наконец мою грандиозную новость. Это произойдет ровно через десять часов с настоящего момента!

— И я тоже, дорогой,— выдохнула Аманда.— А когда они начнут швырять в тебя камни, я заслоню тебя!

Аудитория снова восторженно завывала, и Джон Исидор ощутил, как его затылок и шея деревенеют от бессильного гнева.

Почему Бастер постоянно подкалывает Сострадающего? Больше как будто никто не делает этого. Даже ООН относится к нему положительно. Органы правосудия в Америке и восточных полушариях публично заявили, что сострадание способствует снижению стрессов, делает человека более добрым, сочувствуя ближнему. Это сказал Титус Корнинг, Генеральный секретарь ООН, и повторял это неоднократно. Исидор предположил, что Бастер, вероятно, завидует Вилбуру Сострадающему, поскольку они являются в некотором смысле конкурентами.

Но зачем им конкурировать?

«Для того, чтобы захватить влияние на наше сознание,— решил Исидор.— Они сражаются за сферы влияния и контроля над нашими душами. С одной стороны — генераторы эмпатии, с другой — Бастер Джруби со своим ржанием и импровизированными остротами. Нужно будет сказать об этом Ганнибалу Слоуту и спросить, что он об этом думает. Он-то уж должен знать наверняка».

Он припарковал фургон на крыше лечебницы Ван-Несса и быстро спустился в кабинет Ганнибала Слоута, захватив с собой пластиковую корзину с неподвижным электрическим котом. Мистер Слоут оторвал взгляд от страницы, которую читал, и его серое, морщинистое лицо исказилось. Ганнибал Слоут был слишком стар, чтобы эмигрировать, и был обречен провести остаток дней на Земле, хотя специалистом не был. За все эти годы радиоактивная пыль сильно подействовала на него, словно едкая ржавчина. Черты его лица, как, впрочем, и мысли, приобрели серый оттенок. Его ноги превратились в спицы, походка стала неуверенной, и на мир он взирал в буквальном смысле сквозь запорошенные пылью стекла. По какой-то причине Ганнибал Слоут никогда не протирал стекло своих очков, как будто сдавшись и принимая пыль как неизбежное зло.

Она уже многие годы постепенно погребала его, и его зрение как бы затуманилось. Казалось, что через некоторое время пыль лишит его и остальных связей с миром, оставив лишь птичий голос, а потом замолчит и он.

— Что там у тебя?— спросил мистер Слоут.

— Кот. У него замыкание в системе питания.

Исидор поставил корзину с котом на стол шефа, заваленный бумагами, бланками, документами и брошюрами.

— Зачем ты его притащил?— недовольно осведомился мистер Слоут.— Неси его вниз, в мастерскую, к Милту.

Тем не менее он задумчиво открыл крышку и вытащил испорченное животное. Он сам когда-то был хорошим мастером по ремонту животных.

— Мне кажется,— сказал Исидор,— что Бастер и Сострадающий борются за власть над нашими мозгами.

— Если это и так,— продолжил его мысль Слоут,— то Бастер побеждает.

— Он побеждает в данный момент,— не сдавался Исидор,— но в конечном счете все равно проиграет.

Слоут поднял голову и посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что Вилбур Сострадающий постепенно возрождается. Он вечен. Его низвергают с вершины холма, но все равно он восстает из могильного мира и поднимается наверх. Он вечен, а вместе с ним вечны и мы.

Исидору было очень приятно, что он вот так рассуждает. Обычно в присутствии мистера Слоута он очень смущался.

— Бастер столь же бессмертен, как и Сострадающий. Между ними нет никакой разницы.

— Как это? Он же простой человек?

— Не знаю, но это именно так. Конечно, об этом не распространяются.

— Стало быть, поэтому Бастеру удастся записывать по сорок шесть часов передач каждый день?

— Верно,— сказал Слоут.

— А Аманда Вернер и все остальные?

— Они тоже бессмертны.

— Кто же они такие — высшая форма жизни из другой системы?

— Мне пока не удалось выяснить это,— ответил мистер Слоут.

Он снял очки с пыльными линзами и стал рассматривать невооруженными глазами полураскрытую пасть кота.

— Так же, как и насчет Вилбура,— закончил он.

Он выругался, извергнув поток сквернословия длиной в целую минуту. По крайней мере Исидору показалось именно так.

— Этот кот,— сказал наконец мистер Слоут,— не поддельный. Я знал, что когда-нибудь это случится. Он просто мертв.

Он посмотрел на труп кота и снова выругался.

В дверях возник Милт Ворогов — дородный, но с сероватой кожей, в своем обычном фартуке из голубой парусины.

— Что такое?— спросил он.

Он подошел поближе.

— Этот недоумок,— сказал Слоут,— привез кота.

Он впервые так выразился в адрес Исидора.

— Если бы он был еще жив,— сказал Милт,— мы могли бы отправить его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоил? У кого-нибудь есть с собой каталог Сидни?

— Но ведь наша страховка учитывает вероятность такого случая?— спросил Исидор.

Ноги его ослабли, он ощутил, как все предметы в комнате начинают приобретать мрачный темно-вишневый оттенок с зелеными искрами.

— Да, конечно,— сказал мистер Слоут.— Просто мне жалко этого кота. Еще одно живое существо. Неужели ты не мог отличить его от подделки, а, Исидор? Ты что, не замечаешь разницы?

— Я думал, что это просто очень хорошая модель,— выдавил Исидор,— что он... ну... как живой. Я думал...

— Я думаю, что Исидор не смог бы заметить разницу,— мягко сказал Милт.— Для него все они живые, даже электрические. Он, наверное, попытался спасти его.— Милт повернулся к Исидору.— Ты хотел перезарядить батарею или обнаружить замыкание?

— Да,— признался Исидор.

— Кота, наверное, все равно не удалось бы спасти,— сказал Милт.— Недоумок не виноват, Ган. Наоборот, он прав по-своему. Эти новые электроживотные чертовски похожи на настоящих со всеми этими имитаторами болезней, которые они имеют. А настоящие животные действительно умирают. Это риск, на который идут их владельцы. Мы не привыкли к этому, потому что имеем дело только с моделями.

— Еще одно настоящее животное,— повторил Слоут.

— Как говорит Сострадающий,— заметил Исидор,— все живое возвращается. Это замкнутый цикл, и для животных тоже. То есть мы поднимаемся вместе с ними, восходим, потом умираем, и...

— Расскажи это владельцу кота,— сказал мистер Слоут. Исидор, не поняв, уточнил:

— В смысле, я должен позвонить ему? Но вы всегда делали это сами...

Звонить по видеофону было его фобией, и вызвать незнакомого человека для Исидора было практически невозможно.

Мистер Слоут это знал.

— Не заставляй его,— сказал Милт.— Я сам позвоню.— Он протянул руку к трубке.— Какой номер?

— Сейчас,— сказал Исидор, роясь в карманах,— он где-то здесь.

— Я хочу, чтобы позвонил этот недоумок,— сказал Ганнибал Слоут.

— Я не могу звонить по видеофону,— запротестовал Исидор. Он ощущал, как колотится его сердце.— Я такой грязный, заросший, сутулый, и зубы у меня с дырками, и от радиации вообще скоро умру. Я чувствую себя все хуже и хуже.

Милт улыбнулся.

— Если бы я так думал, то тоже не стал бы пользоваться видеофоном. Ну, Исидор, поторапливайся. Если ты не дашь мне телефон владельца, я не смогу позвонить и говорить с ним придется тебе самому.— Он ободряюще протянул Исидору руку ладонью вверх.

— Звонить будет недоумок,— отрезал Слоут,— или я его вышвырну.

Он не смотрел ни на Исидора, ни на Милта. Взгляд его был неподвижно устремлен вперед.

— Да ладно, брось,— сказал Милт.

— Я не люблю, когда меня называют недоумком,— сказал Исидор.— Пыль действует и на вас, только не на мозг, как у меня, а на что-то еще.

«Я уверен,— подумал он,— что не смогу набрать номер».

Неожиданно он вспомнил, что владелец кота умчался на работу.

— Кажется, я могу попробовать,— сказал он и выудил из кармана бирку с номером видеофона владельца кота.

— Видишь?— сказал Слоут, обращаясь к Милту.— Если его прижать, он, оказывается, может.

Усевшись перед видеофоном, Исидор набрал номер.

— Ага,— сказал Милт.— Но его не стоило принуждать. И он прав — пыль сильно подействовала и на тебя. Ты уже почти ничего не видишь, а скоро и слышать не будешь.

— До тебя она тоже добралась, Ворогов. Кожа у тебя цвета собачьего дерьма,— парировал Слоут.

На экране возникло обыкновенное, европейское лицо женщины с настороженным выражением. Волосы ее были стянуты в тугий узел.

— Да?— сказала она.

— Миссис Пильзен?— спросил Исидор.

Он погрузился в пучину ужаса. Конечно, он не подумал, что у владельца может быть жена, которая, естественно, была дома.

— Я хочу поговорить с вами о вашем...— Он замолчал и потер подбородок.— О вашем коте.

— Да, вы забрали Горация. Это действительно была пневмония? Мистер Пильзен говорил, что это так.

— Ваш кот умер.

— О боже, нет!

— Мы заменим его,— сказал Исидор.— У нас есть на этот случай страховка.— Он бросил взгляд на мистера Слоута. Тот, кажется, не возражал.— Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут...— Он замаялся.

— Нет,— перебил его Слоут,— мы выпишем чек. Цена по каталогу Сидни.

— ...Он лично выберет вам кота взамен погибшего,— услышал Исидор собственный голос. Начав невыносимый для себя разговор, теперь он уже не мог остановиться. Ворогов и Слоут недоуменно уставились на него.— Мы хотели бы знать ваши особые пожелания: цвет, пол, разновидность — персидский, абиссинский, сиамский...

— Гораций умер,— повторила миссис Пильзен.

— Его сгубила пневмония. Он умер по пути в госпиталь. Наш старший терапевт-ветеринар мистер Ганнибал Слоут выразил определенное мнение, что в данном случае его не удалось бы спасти. Но разве не замечательно, что мы можем заменить его? Разве я не прав?

Миссис Пильзен, на глазах которой уже появились слезы, сказала:

— Другого такого кота, как Гораций, уже больше нет. Еще когда он был котенком, он любил смотреть на нас, как будто что-то спрашивал. Мы никогда не могли понять, что же он хочет нам сообщить. Теперь, наверное, он знает ответ.— Она заплакала.— И мы, наверное, тоже когда-нибудь узнаем ответ...

На Исидора снизошло вдохновение.

— А что бы вы сказали насчет точной электрокопии вашего кота? Мы могли бы снабдить вас великолепной мо-

делью фирмы Уилрайта и Карпенстера, которая соответствовала бы оригиналу даже в мельчайших деталях?

— О, это ужасно! — запротестовала миссис Пильзен. — О чем вы говорите? Боже мой, только не предлагайте этого моему мужу, он сойдет с ума! Он любил Горация, как никого другого, и у него с детства всегда были коты.

Взяв трубку у Исидора, Милт сказал:

— Мы можем выписать чек по каталогу Сидни или, как предлагал мистер Исидор, выбрать для вас нового кота самостоятельно. Нам очень жаль, что ваш кот умер, но, как отметил мистер Исидор, у него было воспаление легких, а для котов это почти всегда означает летальный исход.

Голос его звучал с профессиональной легкостью и уверенностью. Из них троих Милт лучше всех умел разговаривать с клиентами.

— Но как я все это расскажу мужу? — спросила миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм, — сказал Милт, — мы сами ему позволим. Не могли бы вы дать нам номер его рабочего видеофона?

Он пошарил рукой в поисках блокнота и ручки. Мистер Слоут протянул ему и то и другое.

— Послушайте, — начала миссис Пильзен. Она, кажется, уже полностью овладела собой. — Возможно, этот джентльмен прав. Наверное, мне нужно заказать электродубликат Горация, но это нужно сделать так, чтобы мой муж ничего не знал. Можно ли сделать такую копию, чтобы он не заметил подлога?

— Да, если хотите, — с сомнением сказал Милт. — Но по нашему опыту известно, что владельца животного никогда не удается провести. Разницы не заметят лишь случайные наблюдатели — соседи, например. Понимаете, если как следует за ним понаблюдать...

— Эд никогда особенно не возился с Горацием, хотя и очень любил его. Это я о нем заботилась — песок меняла и так далее. Я думаю, что стоит попробовать сделать электрокота, а если ничего не выйдет, то мы купим взамен Горация настоящего нового кота. Но только я не хочу, чтобы муж знал об этом. Он не перенесет смерти Горация. Когда кот заболел, Эд запаниковал и слишком долго не вызывал вас. Я знала... — Она кивнула, на этот раз сумев сдержать слезы. — Сколько вам понадобится времени?

Милт прикинул и сказал:

— Будет готово через десять дней. Мы доставим копию днем, когда ваш муж будет на службе.

Он попрощался и повесил трубку.

— Он догадается, — обращаясь к Слоуту, сказал, — за пять секунд. Но, кажется, она хочет именно этого.

— Владельцам, которые по-настоящему полюбили своих животных, — мрачно сказал Слоут, — приходится очень нелегко. Поэтому я даже рад, что мы не имеем дела с настоящими животными. Ты представляешь, как приходится этому ветеринару звонить в таких случаях?

Он повернулся к Исидору.

— В некотором отношении, Джон Исидор, ты не так уж и глуп. Ты неплохо справился с этим звонком, хотя Милту и пришлось прийти тебе на помощь.

— Он отлично все сделал, — сказал Милт. — Боже, ну и денек!

И поднял со стола мертвого кота.

— Я отнесу его вниз, в мастерскую. Позвони Уилрайту, пусть пришлют своего представителя для фотографирования. Я намерен лично сравнить оригинал и копию.

— Я думаю, пусть звонит Исидор. Он все это затеял, а после разговора с миссис Пильзен он справится и с разговором с Уилрайтом.

— Только не разрешай им забирать оригинал, — сказал Милт. — Они будут настаивать, потому что им так легче работать, но ты не уступай.

— Гм-м, — сказал Исидор. — Ладно, идет. Видимо, нужно позвонить им немедленно, пока не началось разложение. Трупы ведь разлагаются, не так ли?

Он почувствовал необыкновенный подъем.

Восемь

Припарковав скоростной аэрокар с двигателем повышенной мощности на крыше Дома правосудия Сан-Франциско на Ломбард-стрит, Рик Декард подхватил свой чемоданчик и спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Ты просто метеор, — приветствовал его Брайант. Он откинулся на спинку кресла и взял щепотку специальной смеси номер один, которую поднес к ноздрям.

— Я сделал то, за чем меня посылали.

Рик уселся лицом к столу, поставив рядом служебный чемоданчик.

Только теперь, когда он вернулся, на него накатила усталость. Он не знал, сможет ли вообще сегодня еще работать.

— Как там Дейв?— спросил он.— С ним можно поговорить? Я хотел бы перекинуться с ним парой слов прежде, чем приняться за этих анди.

— Первым ты должен убрать Полокова,— сказал Брайант.— Это тот, кто ранил Дейва. Лучше сразу с ним покончить, потому что он знает, что охота началась.

— До разговора с Дейвом?

Гарри протянул руку за плохой копией какого-то машинописного листка.

— Полоков сейчас работает сборщиком мусора.

— Разве этой работой не занимаются исключительно специалисты?

— Он как раз выдает себя за сильно отклонившегося специалиста. Это и подвело Дейва — Полоков исключительно хорошо изображает недоумка, и Дейв об этом забыл. Ты теперь уверен насчет шкалы Войт-Кампфа? Убедился в ее правильности?

— Да,— коротко ответил Рик.

— Я верю тебе на слово,— сказал Брайант.— Но не должно быть ни одного сбоя.

— За всю историю охоты на андроидов не было ни одного случая сбоя. Что изменилось?

— «Узел-6», вот что.

— Я уже обнаружил одного,— сказал Декард,— да Дейв отыскал двоих, даже троих, если считать Полокова, а вечером или с утра я переговорю с Дейвом.

Он протянул руку за листком с расплывшимися буквами плохой машинописной копии.

— Еще одно,— сказал Брайант.— Представитель советского отдела ВПО находится на пути к нам. Пока ты был в Сиэтле, я говорил с ним по видеотелефону. Он на борту ракеты Аэрофлота, которая приземлится через час на гражданском аэродроме. Его имя Шандор Кададьи.

— Что ему нужно?

Представители ВПО очень редко — если вообще был такой прецедент — показывались в Сан-Франциско.

— ВПО очень заинтересованы этим новым мозгом. Они попросили, чтобы с тобой был их человек. Тебе решать, будет он с тобой или нет. Но я уже дал ему разрешение следовать за тобой.

— А как насчет премии?— спросил Рик.

— Ну нет, делить ее тебе не придется,— сказал Брайант и скрипуче рассмеялся.

— Я просто рассматривал бы это как финансовую несправедливость.

Рик не испытывал ни малейшего желания делить свою премию с кем-то из ВПО. Он принялся за изучение листка-досье Полокова. Там содержался словесный портрет и его адрес в настоящий момент. Местом его работы был район Залива. Он работал в компании по уборке мусора, контора которой находилась в Гсари.

— Ну что, будешь дожидаться человека из ВПО?

— Я всегда справлялся сам.— Рик недовольно нахмурился.— Конечно, вам решать, но я хотел бы разделаться с Полоковым немедленно, не дожидаясь прилета Кададьи.

— Хорошо. Действуй как знаешь, а когда придет время заняться следующим — это будет Люба Люфт, вот ее досье,— возьмешь с собой на операцию Кададьи.

Сунув листки в чемоданчик, Рик вышел из кабинета и поднялся на крышу. «Нанесем визит Полокову»,— сказал он себе и погладил дуло карманного лазера.

Для начала Рик прибыл в главную контору компании по уборке мусора в районе Залива.

— Я ищу одного из ваших служащих,— сказал он седоволосой, сурового вида женщине, сидевшей за столом-коммутатором.

Здание конторы произвело на него благоприятное впечатление: большое, современное, с изрядным количеством служащих первого класса. Толстые ковры, дорогие столы из натурального дерева — все это напоминало о том, что уборка мусора на Земле превратилась в важнейшую отрасль промышленности со времен окончания войны.

Вся планета постепенно начала превращаться в большую мусорную кучу, и, чтобы поддерживать ее в приемлемом для обитания остатков населения состоянии, необходимо было периодически избавляться от переизбытка мусора. Иначе, как любил шутить Бастер Джруби, Земля будет погребена не под слоем радиоактивной пыли, а под слоем собственных отходов.

— Обратитесь к мистеру Амерсу,— сказала Риду женщина.— Он заведует отделом кадров.— Она указала на массивный стол из поддельного, впрочем, дуба, за которым сидел невзрачный индивидуум в очках с толстыми стеклами, погрузившись в бумаги.

Рик предъявил свое удостоверение.

— Где сейчас находится ваш служащий Полоков? Он на работе или дома?

Без особого энтузиазма, сверившись с бумагами, мистер Амерс сказал:

— Полоков должен быть на работе. Он работает на

прессовке и сбрасывании старых аэрокаров в Залив. Однако... — Он сверился еще с одной бумагой, а потом снял трубку и вызвал кого-то из своих сотрудников. — Значит, нет, — сказал он, опустив трубку. — Сегодня Полоков на работу не явился. Он не представил никаких объяснений по этому поводу. А что он натворил?

— Если он появится, — сказал Декард, — не говорите ему, что я здесь был. Понимаете?

— Да, я понимаю, — сердито сказал Амерс, словно его глубокие познания в полицейском деле подвергались сомнению.

Следующим пунктом в маршруте Рика была квартира Полокова в Тендерлойн. «Нет, — сказал себе Рик, — теперь его будет трудно взять. Брайант должен был послать меня сюда до того, как я побывал в Сиэтле. Они с Холденом явно промедлили. Лучше всего было приехать сюда прямо после того, как он вывел из строя Дейва».

Направляясь к лифту, он подумал: «Какое угрюмое место». Брошенные вольеры для животных, покрытые, как корой, многомесячными наслоениями пыли. В одной из клеток — брошенное мертвое электрическое животное — чипленок.

Он спустился на этаж, где жил Полоков. Холл не освещался и напоминал пещеру в подzemелье. Пользуясь специальным полицейским фонариком со скрытым лучом, Декард осветил холл и еще раз заглянул в досье Полокова.

Тест Войт-Кампфа был уже применен, так что можно было непосредственно переходить к процедуре уничтожения андроида.

Лучше всего сначала вывести его отсюда. Рик порылся в сумке, извлек ненаправленный излучатель Пенфилда и настроил его на каталепсию. Сам он был защищен компенсирующей волной.

«Теперь их всех заморозило. — Рик выключил передатчик. — Люди и андроиды реагируют одинаково, если находятся поблизости. Никакого риска. Мне остается только войти и направить на него луч, если только он в своей квартире».

Пользуясь универсальным ключом-отмычкой, Рик вошел в квартиру Полокова, держа лазер наготове.

Квартира была пуста. Вокруг была полуразвалившаяся мебель, погружавшаяся в распад и мусоризацию. Все, что там было, представляло собой мусор, который Полоков унаследовал вместе с квартирой и который он, покинув ее, оставил для будущего — если такой вообще будет — жильца.

«Я так и думал,— подумал Декард.— Вот тебе и первая тысяча долларов ускакала куда-то за Полярный круг, за пределы моей юрисдикции. Полокова отправит на покой другой охотник и получит мои деньги. Ладно, пойдем к другим, может, еще не вспугнутым анди. К Любе Люфт, если я не ошибаюсь».

Вернувшись наверх, на крышу, он доложил по телефону из аэрокара Брайанту:

— С Полоковым ничего не ясно. Вероятно, он скрылся после прихода Дейва.— Рик взглянул на часы.— Может, мне заехать за Кадалями в аэропорт? Я хотел бы заняться Любой Люфт поскорее.

Он уже вытащил ее досье и принялся изучать его.

— Отличная идея,— сказал шеф.— Только мистер Кадаля уже здесь. Корабль Аэрофлота прибыл раньше назначенного времени — как всегда, как говорит он. Сейчас...— Последовало невидимое совещание.— Он возьмет аэрокар и встретится с тобой в том месте, где ты сейчас находишься. А пока почитай досье на Любу Люфт. Это, кажется, оперная певица, якобы из Германии. Сейчас она работает в Опере Сан-Франциско.

Декард задумчиво кивнул. Все его мысли были заняты изучением досье.

— Должно быть, у нее хороший голос,— сказал он.— Если она так быстро заключила контракт. Добро, я буду ждать мистера Кадаля.

Он дал Брайанту свои координаты и положил трубку.

«Я представляюсь любителем оперы,— подумал Рик, читая досье.— Особенно я был бы не прочь послушать ее в партии донны Анны в «Дон-Жуане». В моей коллекции есть записи таких оперных певиц, как Элизабет Шварцкопф, Лота Лекманн и Лиза делла Каса. Это даст мне повод для разговора, пока я буду настраивать оборудование для теста».

Он закрыл досье и тут же услышал вызов видеофона.

— Мистер Декард,— сказала телефонистка полицейского управления,— вас вызывают из Сиэтла. Мистер Брайант велел пропустить вызов. Это из Ассоциации Розена.

— Ладно, соединяйте.

Он стал ждать. Что им нужно? По своему опыту он знал, что от Розенов ничего хорошего ждать не следует. Вряд ли что-то изменилось за последние несколько часов.

На крохотном экранчике видеофона появилась Рейчел Розен.

— Здравствуйте, Декард.— Тон ее был мирным, и это

насторожило Рика.— Вы заняты или я могу с вами поговорить?

— Давайте,— сказал он.

— Мы здесь в компании обсудили ваше положение в связи с ситуацией с «Узлом-б». Учитывая, что этот тип пока что лучше всех, мы решили, что у вас будет больше шансов на успех, если кто-то от нас будет работать в паре с вами.

— Каким образом вы собираетесь это организовать?

— Один из нас будет с вами, когда вы начнете поиск.

— Зачем? Что это дает?

— Любой «Узел-б» насторожится, если почувствует присутствие человека. Но если в контакт с ним войдет другой «Узел-б», то...

— И это будете вы?

— Да.

— Я и так получил от вас больше помощи, чем хотел.

— Но я действительно уверена, что понадобится вам.

— Сомневаюсь. Но я подумую, и, если вы понадобится мне, я вас вызову.

«В отдаленном будущем,— подумал он.— А точнее, никогда. Этого мне еще не хватало: Рейчел Розен, путающаяся под ногами на каждом шагу».

— Едва ли вы позвоните мне,— сказала Рейчел.— Но вы не осознаете, насколько может быть изворотлив сбежавший «Узел-б». У вас нет никаких шансов. Нам кажется, теперь наш долг — помочь вам.

— Приму к сведению,— сказал Рик и хотел было повесить трубку.

— Без моей помощи,— сказала Рейчел,— они прикончат вас раньше, чем вы нанесете им какой-то вред.

— До свидания.

Декард положил трубку. Что же это за мир: андроид звонит человеку, да еще охотнику за андроидами, и предлагает помощь в убийстве своего собрата. Он вызвал телефонистку полицейского управления.

— Больше ко мне вызовов из Сиэтла не пропускайте,— сказал он.

— Да, мистер Декард. Мистер Кададьи уже нашел вас?

— Нет еще, но я жду его. Лучше ему поторопиться, поскольку долго просиживать штаны тут я не намерен.

Он повесил трубку.

В тот момент, когда он возобновил чтение досье Любы Люфт, на крышу спланировал аэрокар-такси и приземлился в нескольких ярдах от машины Рика.

Из такси вышел краснолицый, веселого вида мужчина лет пятидесяти, в сером дорогом пальто. Улыбаясь, он пошел к Декарду и протянул руку.

— Мистер Декард?— спросил он. У него был явный славянский акцент.— Охотник за андроидами из Департамента полиции Сан-Франциско?

Такси взлетело, и русский проводил его взглядом.

— Меня зовут Шандор Кададьи,— сказал он, открывая дверь и влезая в машину следом за Риком.

Когда они пожали друг другу руки, Декард заметил, что представитель ВПО вооружен необычного вида лазерным пистолетом, какого он никогда еще не видел.

— Ах, это... Любопытно, правда?— Кададьи вытащил оружие из кобуры.— Я раздобыл его на Марсе.

— Мне казалось, я знаю все типы ручного оружия. Даже те, которые производятся в колониях.

— Такие мы делаем сами,— сказал Кададьи. Он лучился весельем, как русский Дед Мороз. На его лице читалась гордость.— Нравится? Вся особенность заключается в том, что... Вот, возьмите.— Он передал пистолет Рiku, который принялся со знанием дела рассматривать его.

— Чем же он отличается?— поинтересовался Рик. Он не мог понять.

— Нажмите на спуск.

Повернув оружие вверх, в окно машины, Рик нажал спуск. Ничего не произошло. Озадаченный, он повернулся к Кададьи.

— Дистанционный пусковой контур,— сказал тот.— Он остался у меня. Вот, видите?— Он раскрыл ладонь и показал миниатюрный блок.— Я могу направлять луч вне зависимости от того, куда нацелен лазер.

— Вы не Кададьи,— сказал Декард.— Вы Полоков.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что вы не из советской команды. Вы — Полоков, андроид.

Носком ботинка Рик нажал кнопку сигнализации на днище аэрокара.

— Почему мой лазер не стреляет?— спросил Кададьи.— Полоков, включая и выключая свое миниатюрное устройство, направив его на Декарда.

— Нейтроволна,— спокойно ответил Рик.— Она нарушает фазировку генератора и превращает луч лазера в обыкновенный свет.

— Тогда придется свернуть вам шею,— сказал андроид и с рычанием схватил Рика за горло.

Декард выстрелил из старомодного пулевого револьвера, который всегда носил в кобуре на плече. Пуля тридцать восьмого калибра ударила в голову андроида и мозговая коробка взорвалась.

Устройство «Узел-б» разлетелось на тысячу мелких кусков, которые, подобно радиоактивной пыли, взвились и осели в кабине аэрокара.

Останки андроида тяжело навалились на Декарда, так что ему пришлось с трудом выбираться из-под корчившегося в судорогах мертвого андроида.

Наконец он дрожащей рукой набрал номер Департамента полиции.

— Докладываю, — сказал он. — Передайте Гарри Брайанту, что с Полоковым покончено.

— Вы покончили с Полоковым. Он поймет?

— Да, — подтвердил Рик.

Положив трубку, он подумал: «Еще чуть-чуть, — и... Нет, я недооценил предложение Рейчел Розен. Я не прислушался к ее словам и едва не заплатил за это. Ну ладно, с Полоковым покончено».

Его железы постепенно перестали качать адреналин в кровь, сердце перестало стучать, дыхание успокоилось, но дрожь не проходила.

«Во всяком случае, я только что заработал свою тысячу долларов. Значит, дело того стоит. И я реагирую быстрее Дейва Холдена. Конечно, печальный опыт Дейва обострил мое внимание, это нужно отметить. У Дейва такого предупреждения не было».

Он снова поднял трубку видеофона и набрал номер своей квартиры. Дрожь начала проходить, и он уже мог сунуть в рот сигарету.

На экране появилось лицо жены, на котором читались остатки шестичасового периода самобичевания.

— А, Рик, привет!

— А где же номер пятьсот восемьдесят четыре, который я набрал тебе, когда улетал? Радостное признание...

— Я переменила комбинацию, как только ты ушел. Что ты хочешь? — Голос ее погрузился в привычное уныние. — Я такая усталая, и у меня совершенно нет никакой надежды. И наша с тобой жизнь, и то, что тебе может в любой момент не поздоровиться и тебя достанет какой-нибудь из этих анди... Ты это хотел сказать мне, Рик, что до тебя добрался этот анди?

За ее спиной шумел Бастер Джруби. Рик видел, как

шевелиются ее губы, но не слышал слов — они заглушались грохотом телевизора.

— Послушай,— сказал он,— ты меня слышишь? Кажется, я напал на жилу! Это новый тип андроида, с которым могу справиться только я. Я уже отправил на покой одного, и для начала это великолепно. Знаешь, что будет у нас еще до того, как я покончу с остальными?

Ирен смотрела на него невидящим взглядом.

— О!— сказала она.

— Но я еще ничего не сказал!

Но он мог и не рассказывать. На этот раз ее депрессия углубилась настолько, что из ее глубин она уже не слышала его. Он говорил с пустым местом.

— До вечера,— сказал он с горечью.

«К черту Ирен,— подумал он.— Ну какой же прок в этом риске для жизни, которому я подвергаю себя? Ее не волнует, станем ли мы владельцами страуса. До нее сейчас ничего не доходит. Нет, нужно было отделаться от нее еще два года назад, когда мы собирались разойтись. Хотя и сейчас еще не поздно».

Он наклонился и мрачно стал собирать с пола машины смятые листки своих записей, включая и досье Любы Люфт. «Никакой поддержки,— напомнил он себе.— Большинство андроидов обладают бóльшим запасом жизненной энергии. Она ничего не может дать мне».

Это заставило его вспомнить Рейчел Розен. Он понял, что ее совет относительно психологии «Узла-6» оказался правдой. Если она не намерсна забрать себе часть премии, то, пожалуй, ее можно использовать.

Встреча с Кададьи—Полоковым кардинально изменила его представления.

Включив двигатель аэрокара, он направил машину к старому зданию оперного театра, в котором, как следовало из замсток Холдена, он должен был обнаружить Любу Люфт.

Теперь он подумал и о ней. Некоторые андроиды-женщины казались ему привлекательными, а к некоторым он ощущал даже физическое влечение. Это было странное чувство. Умом он понимал, что это всего лишь машины, но инстинкт гнул свое.

Например, Рейчел Розен. Но он решил, что она слишком худа — никаких выступающих частей, особенно в области груди — фигура ребенка, плоская и слабая. Он мог бы выбрать кое-что и получше. Сколько лет Любе Люфт? Он разгладил листок и отыскал графу «возраст». В досье

было указано: двадцать восемь лет. Единственный стандарт, когда имеешь дело с анди, это внешний вид.

«Хорошо еще,— подумал Декард,— что я знаю кое-что об опере. Еще одно преимущество перед Холденом. У меня более широкий кругозор. Сначала я попробую справиться еще с одним анди, а потом попрошу помощи у Рейчел Розен, если мисс Люфт окажется особо крепким орешком».

Но интуиция подсказывала ему обратное. Трудно было только с Полоковым, а остальные, не подозревая, что за ними идет охота, должны просто свалиться, подобно костяшкам домино, поставленным друг на друга.

Снижаясь к крыше Оперы, он громко напевал попури из арий, сочиняя по мере надобности псевдоитальянские слова.

Девять

В огромном, подобном чреву кита зале старинного здания Оперы, построенного из камня и стали, репетиция была в самом разгаре. Рик Декард узнал музыку — репетировали «Волшебную флейту» Моцарта, шла финальная сцена первого акта. Рабы музыки — другими словами, хор — начали свою песню чуть-чуть раньше, и это свело на нет простой ритм волшебных колокольчиков.

Это была приятная неожиданность. Ему очень нравилась «Волшебная флейта». Рик сел в кресло в бельэтаже — кажется, никто не заметил его появления — и устроился поудобнее. Как раз в этот момент Папагено в своем фантастическом наряде из птичьих перьев присоединился к Памине, чтобы спеть слова, всегда вызывавшие у Рика слезы:

Всякий храбрый человек

Счастья добивается.

А его ближайший друг

Помешать старается.

«Нет,— подумал Рик,— никаких волшебных колокольчиков в действительности не существует. И ничто не заставит твоего врага исчезнуть без следа. А жаль. Моцарт умер вскоре после написания «Волшебной флейты» от болезни почек в возрасте меньше сорока лет. Как странно — предчувствовал ли Моцарт, что у него нет будущего, что его время прошло и его вскоре похоронят в могиле для нищих, без надписи? Возможно, я тоже предчувствую нечто подобное».

Он наблюдал за ходом репетиции.

«Репетиция кончится, кончится представление, певцы

умрут, и в конечном счете будет уничтожен последний нотный листок, да и само имя композитора исчезнет в веках, и пыль окончательно победит, если не на этой планете, так на другой. Мы можем лишь ненадолго отсрочить конец. Так же как и анди, которые лишь некоторое время могут уклоняться, но все равно будут настигнуты мной или другим охотником. В некотором смысле я тоже часть форморазрушающего процесса энтропии. Ассоциация Розена создает, а я уничтожаю их творения или как там это выглядит с их точки зрения».

Папагено и Памина начали диалог на сцене. Он прервал свои размышления и прислушался.

— Дитя мое, что ж нам теперь сказать?— пел Папагено.

— Правду, вот что скажем мы,— отвечала ему Памина.

Наклонившись вперед, Рик пристально вглядывался в Памину, в ее тяжелый костюм с вуалью на лице. Потом он сверился с досье и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

«Вот и третий андроид,— осознал он.— Это и есть Люба Люфт». Ее роль заключала в себе некоторую иронию.

Самый полный жизни и симпатичный андроид едва ли был способен сказать правду, во всяком случае, о себе.

Люба Люфт запела, и Декард был поражен чистотой ее голоса, не уступающего голосам знаменитостей, имеющимся у него в коллекции. Ассоциация Розена потрудились на славу.

Рик снова представил себе, что он — разрушитель субстанций, вызванный к жизни тем, что сейчас услышал о правде. «Вероятно, чем лучше она функционирует,— подумал он,— тем больше общество нуждается во мне. Если бы антроиды оставались нестандартными и непохожими на человека, как древние К-40, производившиеся компанией Дерана, проблемы не было бы. Когда же мне начать? Вероятно, как можно скорее. После окончания репетиции, когда она пройдет в свою уборную».

В конце первого акта репетиция была остановлена, и дирижер сообщил, что она возобновится через полтора часа — это было объявлено на английском, французском и немецком языках. После этого дирижер покинул зал, за ним вышли музыканты. Рик встал и прошел за сцену, туда, где располагались уборные артистов. Он шел за последними участниками спектакля, размышляя и оттягивая время.

«Да, так будет лучше. Покончить разом, как только тест даст результат». «Быть может, Дейв ошибся?— предположил Декард.— Надеюсь, но едва ли».

Его профессиональный инстинкт уже отреагировал, а он редко обманывал его за годы работы в полиции.

Остановив проходящего статиста, он узнал, где находится уборная мисс Люфт. Статист, в гриме и костюме египетского копьяносца, показал ему дорогу.

Подойдя к двери с надписью «МИСС ЛЮФТ. ГРИМЕР-НАЯ», Рик постучал.

— Войдите.

Он вошел. Девушка сидела у гримерного столика, раскрыв на коленях переплетенную в тканевую обложку партитуру, делая пометки шариковой ручкой. Она не сняла костюма и грима, не считая вуали, которая лежала на полке.

— Да?— Она подняла голову. Сценический грим делал ее глаза большими, больше, чем они были на самом деле. Эти глаза пристально смотрели на Декарда.— Вы видите, я занята.

Ее английский совершенно не имел акцента.

— Вы вполне прилично поете, если сравнивать со Шварцкопф,— сказал Рик.

— Кто вы?

В ее голосе слышалась холодная недружелюбность и еще та едва заметная холодность, которую он всегда замечал у андроидов. Могучий интеллект и это... Ему это не нравилось, но без этой особенности выслеживать их было бы много труднее.

— Я из полиции Сан-Франциско.

— О?— В огромных ореховых глазах не проскользнуло ни искорки, ни намек на ответную реакцию.— И что же вам нужно?

Странно, но тон ее казался снисходительным.

Устроившись в ближайшем кресле, он расстегнул молнию служебного чемоданчика.

— Я пришел, чтобы произвести стандартный тест на психопрофиль личности. Что займет не больше нескольких минут.

— Это так необходимо?— Она показала на партитуру в обложке.— У меня много работы.

Теперь в ее тоне стали заметны нотки нехорошего предчувствия.

— Это необходимо.

Декард достал приборы и начал собирать комплект.

— Тест на умственные способности?

— Нет, на эмпатию.

— Мне придется надеть очки.

— Если вы читаете партитуру без очков, то сможете

пройти и тест. Я покажу вам несколько картинок и задам вопросы.

Он поднялся, подошел к девушке и приложил к ее сильно нагримированной щеке липкую сетку датчиков.

— Теперь свет,— сказал он и направил на нее тонкий луч.— Вот и все.

— Вы думаете, я андроид? Это?— Голос ее стал почти неслышен.— Я не андроид! Я никогда не была на Марсе и никогда даже не видела андроида!— Ее удлиненные ресницы невольно затрепетали. Он видел, как она старается сохранить самообладание.— Вы получили сведения, что в трупке скрывается андроид? Я была бы рада помочь вам. А если бы я была андроидом, разве я стала бы вам помогать?

— Андроид,— объяснил Декард,— равнодушен к судьбе других андроидов. Это одна из характерных черт, по которым мы их и выявляем.

— Тогда,— сказала мисс Люфт,— вы сами должны быть андроидом.

Он удивленно поднял на нее глаза.

— Потому что ваша работа,— продолжала она,— убивать их. Вы... Как это называется?..— Она старалась вспомнить.

— Охотник за андроидами,— сказал Рик.— Но я не андроид.

— А вы сами проходили такой тест?

В ее голосе снова появилась уверенность.

— Вы проходили его?

— Да,— кивнул он.— Очень давно, когда я начал работать в управлении.

— Вероятно, это фальшивая память. Ведь у андроидов бывает фальшивая память, не так ли?

— Мое начальство знает о результатах теста. Это обязательное условие.

— Возможно, когда-то и существовал человек, выглядевший, как и вы, но вы убили его и заняли его место, и ваше начальство не имеет об этом ни малейшего понятия.

Она улыбнулась, как бы приглашая его согласиться.

— Лучше продолжим тест,— сказал он, вынимая из чемоданчика листки с вопросами.

— Я пройду испытание,— сказала она,— если только вы сами пройдете его вначале.

Он уставился на нее, сбитый с толку.

— Разве это не будет справедливо? Тогда я буду уверена в вас. А так я просто не знаю, кто вы. Вы такой странный, ведете себя так необычно.

Она вздрогнула, а потом с надеждой улыбнулась.

— Вы не сможете провести теста по шкале Войт-Кампфа, поскольку процедура требует значительного опыта. Так что лучше слушайте меня внимательно. Вопросы будут касаться социальных и психологических ситуаций, в которых вы могли бы оказаться. Мне требуется от вас утверждение-реакция, что бы вы сделали в том или ином случае. И реакция мне нужна как можно более быстрая. Один из регистрирующих параметров — это время задержки, если она имеет место.

Он выбрал первый вопрос.

— Вы сидите в кресле, смотрите телевизор и вдруг обнаруживаете, что на вашей руке сидит оса.

Он засек время, а потом взглянул на показания приборов.

— Что такое оса?— спросила Люба Люфт.

— Кусающееся насекомое с крыльями.

— О, как необычно.— Ее глаза расширились, как у ребенка, как будто Рик открыл ей тайну мироздания.— Они еще существуют? Я никогда их не видела.

— Они вымерли. Пыль убила их всех. Вы действительно не знаете, что такое оса? Осы существовали, когда вы родились. Это всего...

— А как это называется по-немецки?

Он попытался вспомнить, но не мог.

— Ваш английский звучит превосходно,— с упреком сказал он.

— Это только произношение,— сказала она.— Для партии Персали, Уолтон и Виллиамс. Но словарный запас у меня невелик.— Она застенчиво смотрела на него.

— Веспе,— сказал он, вспомнив немецкое слово «оса».

— Ах да, айн веспе!

Она засмеялась:

— Какой там был вопрос? Я уже забыла.

«Попробуем другой,— подумал он.— Теперь добиться толкового ответа уже невозможно».

— Вы смотрите по телевизору старый фильм. Показывают банкет в самом разгаре.

Он решил пропустить часть вопроса.

— Главное блюдо состоит из собаки, фаршированной рисом.

— Но кто станет убивать и варить собаку?— удивилась Люба.— Они же стоят целого состояния. Может, это была ее имитация, но имитации состоят из проводов и моторов, а их есть нельзя.

— Это довоенные времена, — проскрежетал Декард.

— Но тогда я еще не родилась.

— Но вы видели по телевизору старые фильмы.

— Фильм был снят на Филиппинах?

— Почему на Филиппинах?

— Потому что только на Филиппинах было принято готовить фаршированных рисом собак, — сказала Люба Люфт. — Я читала об этом.

— Но ваша реакция! Мне нужна ваша реакция на этот фильм — социальная, психологическая, моральная!

Она задумалась.

— Я бы переключила телевизор и посмотрела Бастера Джруби.

— Почему?

— Потому что, если вам нравится смотреть старые фильмы, действие которых происходит на Филиппинах, то это странно. Чего там интересного? — И с негодованием воззрилась на него. Стрелки на приборах закачались из стороны в сторону.

После паузы он осторожно продолжил:

— Вы сняли домик в горах.

— Да. — Она кивнула. — Продолжайте.

— В районе, не подвергшемся влиянию пыли.

— Простите? — Она приложила к уху ладонь. — Что это значит?

— Там все еще растут кусты и деревья. Домик сколочен из сосновых досок. Имеется большой камин. На стенах кто-то развесил эстампы Каррмера и Айвса. Над каминной полкой — большая оленья голова — самец с полностью сформировавшимися рогами. Люди, приехавшие с вами, восхищаются убранством комнаты, и...

— Я не понимаю... Каррмер и Айвс, украшения?.. — спросила она. Казалось, что она хочет разобраться в смысле вопроса. — Подождите.

Она подняла руку:

— Этот как с рисом и собакой? Каррмер — это такая острая приправа? Она делает рис острее. По-немецки — это карри.

Декард не мог понять, является ли семантический туман, в котором заблудилась мисс Люфт, случайным, или она намеренно водит его за нос.

Он решил попробовать еще один вопрос. Что ему еще оставалось делать?

— Вы назначили свидание мужчине, — сказал он, — и он приглашает вас к себе. Пока вы там находитесь...

— О, найн,— перебила его Люба.— Я там не буду находиться. Это легкий вопрос.

— Но это еще не весь вопрос!

— Вы задали не тот вопрос? Но я понимаю, о чем вы спрашиваете. Почему, в таком случае, это не вопрос? Разве не подразумевается, что я должна понимать вопрос?

Она нервно провела рукой по щеке и отсоединила липкий диск-сетку датчиков, якобы случайно. Диск упал на пол и закатился под гримировочный столик.

— Ах, Готт,— пробормотала она, нагнувшись и стараясь отыскать его.

Послышался звук рвущейся ткани — ее неудобное платье не выдержало.

— Я подниму,— сказал он.

Заняв место Любы, отодвинувшейся в сторону, и опустившись на колени, он шарил рукой под столиком, пока не нашупал сетку диска.

А когда он поднялся, то обнаружил, что прямо в глаза ему смотрит дуло лазерной трубки.

— Ваши вопросы,— сказала Люба Люфт шуршащим голосом прокурора,— начали касаться секса. Я так и думала, что до этого дойдет. Вы не из полиции. Вы сексуальный извращенец.

— Можете посмотреть мое удостоверение.

Он потянулся к карману пиджака и заметил, что рука его начала дрожать, как при встрече с Полоковым.

— Если дотронетесь до кармана,— сказала она,— я вас убью.

— Вы в любом случае так сделаете.

Рик стал думать о том, что бы получилось, если бы он послушался совета Рейчел Розен и взял ее с собой. Но не было смысла сейчас думать об этом.

— Так, посмотрим на остальные вопросы.

Она требовательно протянула руку, и он нехотя передал ей листки.

— «В журнале вы встречаете большую цветную фотографию обнаженной женщины...» Так, ясно. «Вы забеременели от мужчины, который обещал жениться. Этот человек начинает ухаживать за другой женщиной, вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт». Система ваших вопросов совершенно очевидна. Я вызываю полицию.

Не выпуская Рика из-под прицела лазерной трубки, она пересекла комнату, сняла трубку видеофона и набрала номер дежурного оператора.

— Соедините меня с Департаментом полиции,— сказала она.— Мне нужно вызвать полицейского.

— Вы как раз делаете то,— с облегчением сказал Рик,— что я сам сделал бы с удовольствием.

Однако идея Любы Люфт показалась ему странной. Почему она просто не убила его? Как только явится патрульный, у нее не останется шансов, и все будет так, как скажет он.

«Наверное, она уверена, что она — человек,— решил он.— Она наверняка не знает, кто она».

Несколько минут спустя, в течение которых Люба Люфт не выпускала его из-под прицела лазера, явился полицейский — здоровенный бык в своей архаичной голубой форме, с пистолетом и звездой.

— Ладно,— сразу же сказал он Любе,— уберите эту штуку.

Она опустила лазер, и он сразу проверил, заряжен ли он.

— Так. Что тут происходит?— спросил он Любу.

Еще до того, как она успела ответить, он повернулся к Риду.

— Вы кто такой?— рявкнул он.

— Он вошел ко мне в уборную,— начала мисс Люфт.— Я его никогда раньше не видела. И сделал вид, что проводит какой-то опрос или что-то в этом роде. Он собирался задавать вопросы. Я подумала, что тут ничего удивительно нет. Но потом он начал задавать неприличные вопросы.

— Покажите документы,— сказал бык полицейский и требовательно протянул руку.

Вынимая свое удостоверение, Рик пояснил:

— Я охотник на андроидов, работаю в управлении.

— Я знаю всех охотников в управлении Сан-Франциско,— сказал полицейский.

— Мой начальник — инспектор Брайант,— уточнил Рик.— Я взял дело Дейва Холдена, потому что тот сейчас в больнице.

— Я сказал, что знаю всех охотников, и я никогда даже не слышал о вас.

Он отдал карточку обратно Риду.

— Вызовите инспектора Брайанта.

— Никакого инспектора Брайанта не существует,— сказал полицейский.

Рик понял, что происходит.

— Вы тоже андроид,— сказал он,— как и мисс Люфт.

Подойдя к видеофону, Рик поднял трубку.

— Я вызову наше управление.

«Насколько далеко они позволят мне зайти?»— думал он.

— Номер управления,— подсказал бык полицейский.

— Я знаю номер.

И набрал номер, почти мгновенно связавшись с оператором управления.

— Дайте мне, пожалуйста, инспектора Брайанта,— сказал он.

— Кто вызывает?

— Это Рик Декард.

Он стал ждать. Тем временем бык полицейский записывал показания Любы Люфт.

Оба не обращали на него никакого внимания.

После паузы на экране показалось лицо Гарри Брайанта.

— Что такое?— спросил он.— Что происходит?

— Небольшие неприятности,— объяснил Рик.— Один из андроидов из списка Дейва вызвал сюда какого-то патрульного. Этому патрульному я не в силах доказать, кто я такой. Он говорит, что знает всех охотников, но никогда обо мне не слышал. И о вас он тоже никогда не слышал.

— Дайте мне с ним поговорить,— сказал Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить.

Рик протянул трубку полицейскому. Упрямый бык подошел к видеофону.

— Сержант Грамс,— резко сказал бык полицейский.

Последовала пауза.

— Алло!

Он прислушался, еще несколько раз сказал «алло», подождал и повернулся к Рiku.

— На линии никого нет.

Он показал на экран, и Рик увидел, что экран пуст.

Взяв у быка полицейского трубку, Рик с тревогой сказал:

— Мистер Брайант?

Он прислушался, подождал, потом снова набрал знакомый номер. Послышались гудки, но никто не отвечал. Гудок следовал за гудком.

— Дайте мне,— сказал сержант Грамс.

Он взял из рук Рика трубку.

— Вы, видимо, ошиблись номером.

Он начал крутить диск.

— Нужно набрать восемьсот сорок два...

— Я знаю номер,— раздраженно сказал Рик.

— Вызывает сержант Грамс,— сказал полицейский в трубку.— Имеется ли среди сотрудников управления некий инспектор Брайант?

Последовала короткая пауза.

— Так, а агент по имени Рик Декард?

Снова наступила пауза.

— Вы уверены? Может быть, он только недавно... Так, ясно. Хорошо, спасибо. Нет, все нормально, я сам.

Сержант Грамс повесил трубку и повернулся к Рiku.

— Но он же был на экране,— сказал Рик.— Ведь вы видели, я говорил с ним, и он сказал, что хочет с вами поговорить. Это какая-то неполадка, произошло недоразумение. Неужели вы не видели... на экране появилось лицо Брайанта, потом пропало.

Он был совершенно сбит с толку.

— Я записывал показания мисс Люфт, Декард,— сказал сержант Грамс.— Так что мы поедem в Дом правосудия, чтобы я вас зарегистрировал.

— Ладно,— сказал Рик.

Любе Люфт он сказал:

— Я очень скоро вернусь. Я все же не провел теста.

— Он извращенец,— со страхом сказала Люба Люфт сержанту.— Один вид его вызывает у меня дрожь.

Она повела плечами.

— Какую оперу вы репетируете?— поинтересовался сержант Грамс.

— «Волшебную флейту»,— ответил Рик.

— Я не вас спрашиваю. Я спросил ее.

Полицейский недружелюбно взглянул на Рика.

— Я хотел бы побыстрее добраться до Дома правосудия,— сказал Рик.— Нужно разъяснить это недоразумение.

Он направился к двери, сжав ручку чемоданчика с приборами.

— Сначала я вас обыщу.

Сержант Грамс ловко ощупал Рика и отобрал служебный лазер и пулевой револьвер. Он внимательно осмотрел их, потом понюхал ствол револьвера.

— Из него недавно стреляли.

— Я буквально только что отправил на покой одного анди. Останки по-прежнему наверху, в моем каре.

— Ладно,— сказал Грамс.— Поднимемcя на крышу и поглядим.

Они направились к двери.

Мисс Люфт проводила их до порога.

— Ведь он не вернется, не правда ли, сержант? Я его очень боюсь, честное слово. Он такой странный.

— Если у него в каре тело убитого гражданина,— сказал Грамс,— то сюда он уже не вернется.

Он подтолкнул Рика к двери, и они поднялись на крышу здания Оперы.

Открыв дверцу аэрокара Рика, Грамс в молчании осмотрел тело Полокова.

— Это андроид,— объяснил Рик.— Я на него охотился. Он едва не прикончил меня, выдав себя за...

— Показания вы дадите в Доме правосудия,— перебил его сержант Грамс.

Он подтолкнул Рика к своему аэрокару.

Уже в кабине он по радио передал кому-то указание забрать останки Полокова, затем дал отбой.

— Ладно, Декард,— сказал он.— Поехали.

Патрульный кар, в кабине которого находились только они, взвился в небо и взял курс на юг.

— Дом правосудия,— сказал Рик,— находится на севере, на Ломбард-стрит.

— Это старый Дом,— пояснил Грамс.— Новый построен на Медиссон-стрит. Старое здание начало разваливаться, теперь это руины, там больше никто не работает уже много лет. Вы что, так давно не были в полиции?

— Отвезите меня туда,— сказал Рик,— на Ломбард-стрит.

Теперь он все понял, теперь он видел, чего добились андрюиды, работая сообща.

Он не доживет до конца этого полета.

Для него это конец, почти как у Дейва.

— А эта девчонка первый класс,— заметил сержант Грамс.— Правда, из-за костюма не оценить фигуры, но я бьюсь об заклад, что с фигурой все в норме.

— Признайтесь все-таки, что вы — андроид.

— Зачем? Я не андроид. Вы что, убиваете людей, а думаете, что это андрюиды? Теперь я понимаю, почему мисс Люфт испугалась. Хорошо, что она успела вызвать нас.

— Тогда отвезите меня в Дом правосудия на Ломбард-стрит.

— Как я вам уже говорил...

— Это займет всего минуты три,— взмолился Рик.— Я хочу увидеть собственными глазами. Каждое утро я приходил туда на работу, делал отметки. Я хочу собственными глазами увидеть, почему здание вдруг превратилось в руины, как вы сказали.

— Возможно, вы андроид,— сказал сержант,— и у вас встроена фальшивая память, ложная. Вы об этом не думали?

Он холодно усмехнулся и повел кар на юг.

Понимая свой провал, Рик откинулся на спинку сиденья и начал беспомощно ждать, что будет дальше. Что бы ни задумали андрюиды, теперь он был в их руках.

«Но одного я все-таки отправил на покой,— подумал он,— Полокова. А Дейв прикончил двух».

Зависнув над Медиссон-стрит, полицейский аэрокар Грамса начал снижаться на посадку.

Десять

Здание Дома правосудия на Медиссон-стрит, на крышу которого спускался аэрокар, вздымалось к небу несколькими шпилями в стиле барокко. Сложная современная архитектура здания поразила Рика Декарда. Здание показалось ему красивым и приятным для глаз, кроме одного — он никогда раньше не видел его.

Полицейский аэрокар приземлился.

Несколько минут спустя он обнаружил, что с него уже снимают показания.

— 304,— сказал сержант Грамс сержанту за письменным столом,— и 612 дробь 4. Так, посмотрим. Выдавал себя за агента полиции.

— 406 дробь 7,— сказал сержант за столом.

Он заполнял бланки. Писал он лениво, как будто скучая. Рутинная — так свидетельствовали выражение его лица и поза. Ничего важного.

— Сюда,— сказал Грамс.

Он направил Рика к белому столику, где сержант-техник оперировал знакомыми Риму приборами.

— Снимем вашу цефаломатрицу в целях установления личности.

— Знаю,— огрызнулся Рик.

В былые дни, когда он сам служил патрульным упряжным быком, он часто приводил подозреваемых вот к такому столу — такому, но не совсем.

После того как сняли его цефаломатрицу, Рика отвели в также знакомую комнату. Он рефлекторно начал перечислять в уме все свои ценные вещи, чтобы переслать их жене. «Но это бессмысленно,— подумал он.— Кто эти люди? Если эта организация существовала раньше, почему же мы о ней не знали? И почему они не знают о нас? Два параллельных полицейских агентства, наше и их. И они никогда не вступают в контакт, никогда не вступали, насколько мне известно, до сих пор. Или, может быть, вступали. Возможно, это не первый случай. Трудно поверить, что ничего подобного не было раньше, если это действительно аппарат Департамента полиции, если это действительно то, чем кажется».

К Рiku подошел человек в штатском. Он подошел неспешным, размеренным шагом, с любопытством глядя на Рика.

— Кто этот человек?— спросил он Грамса.

— Подозрение в убийстве,— ответил Грамс.— Там, наверху, имеется тело — мы нашли его в каре, и он утверждает, что это андроид. Сейчас в лаборатории делают анализ костного мозга, так что мы скоро это выясним. Кроме того, он выдавал себя за офицера полиции, агента по борьбе с андроидами. С помощью этого он пробрался в женскую уборную в Оперном театре и задавал певице двусмысленные вопросы. Она начала сомневаться, что он тот, за кого себя выдает, и вызвала нас.

Отойдя в сторону, Грамс сказал:

— Будете заниматься им до конца, сэр?

— Хорошо,— сказал старший чиновник в штатском, голубоглазый, с узким хищным носом и бледными невыразительными губами.

Он посмотрел на Рика, потом протянул руку к служебному чемоданчику.

— Что у вас там, мистер Декард?

— Материалы, относящиеся к тесту Войт-Кампфа,— сказал Рик.— Я тестировал подозреваемую, когда сержант Грамс арестовал меня.

Он смотрел, как полицейский роется в содержимом чемоданчика, осматривая каждый предмет.

— Я задавал мисс Люфт стандартные вопросы теста Войт-Кампфа, напечатанные на...

— Вы знаете Джорджа Глисона или Фила Реча?— спросил полицейский.

— Нет,— сказал Рик.

Оба имени он слышал впервые.

— Это агенты по выявлению и ликвидации андроидов, работающие в Северной Калифорнии. Оба закреплены за нашим управлением. Возможно, вы с ними здесь встретитесь. Вы андроид, Декард? Я спрашиваю, потому что мы уже несколько раз имели дело с бежавшими анди, которые выдавали себя за охотников из других штатов, прибывших к нам в погоне за подозреваемыми.

— Я не андроид,— сказал Рик.— Можете провести тест Войт-Кампфа. Я уже проходил его и могу пройти еще раз, но я знаю результаты. Могу я позвонить жене?

— Вы имеете право на один звонок. Вы желаете позвонить именно ей, а не своему адвокату?

— Я позвоню жене,— повторил Рик.— Она может звывать адвоката.

Полицейский чиновник в штатском вручил Рiku монету, пятьдесят центов, и указал рукой.

— Вот там есть видеофон.

Он проследил взглядом, как Рик направился через комнату к видеофону, потом вернулся к исследованию содержимого его чемоданчика.

Опустив монету, Рик набрал домашний номер. Он долго ждал ответа.

На видеофоне появилось женское лицо.

— Алло,— отозвалась женщина.

Это была не Ирен. Он никогда раньше не видел этой женщины.

Он повесил трубку и медленно вернулся обратно к столу чиновника.

— Неудачно?— поинтересовался офицер.— Ну что ж, можете позвонить еще раз. В этом отношении мы придерживаемся довольно либеральной политики. Я не могу позволить вам вызвать поручителя, потому что под залог мы вас пока выпустить не можем, но когда вы уже будете привлечены...

— Я знаю,— оборвал его Рик.— Эта процедура мне знакома.

— Вот ваш чемоданчик,— сказал офицер и вручил его Рiku.— Пойдемте в мой кабинет. Я хотел бы продолжить нашу беседу.

Он двинулся к боковому коридору, указывая путь. Рик шел следом. Потом, обернувшись, офицер сказал:

— Меня зовут Гарланд.

Они пожали друг другу руки.

Гарланд распахнул дверь кабинета и тяжело опустился на стул за большим письменным столом, заваленным бумагами.

— Садитесь.

Рик сел лицом к столу.

— По поводу теста Войт-Кампфа,— начал Гарланд,— который вы упоминали.

Он указал на чемоданчик.

— Все эти принадлежности, все это является аналитическим инструментом для опознания андроидов?

Он набил трубку, раскурил ее и выпустил облачко дыма.

— Это наш базовый тест,— сказал Рик.— В настоящее время мы пользуемся именно им. Только этот тест способен опознать андроидов с новым мозговым блоком типа «Узел-б». Вы никогда не слышали об этой методике?

— Я знаю несколько тестов психопрофиля, которые используются при обнаружении андроидов, но о таком никог-

да не слышал.— Он продолжал рассматривать Рика. В его лице появилось что-то чуждое. Декард не мог определить, о чем сейчас думает Гарланд.— А вот эти грязные бумажки,— продолжал Гарланд, рассматривая их,— которые лежали у вас в портфеле... Здесь Полоков, Люба Люфт — ваши подозреваемые. Следующим в списке иду я.

Рик вздрогнул, уставился на Гарланда и схватил чемоданчик. Мгновение спустя он уже разложил перед собой папиросные листки с досье. Гарланд не проронил ни слова, только нервно прокашлялся.

— Это очень неприятное ощущение,— сказал он наконец,— обнаружить, что за тобой гонится охотник на андроидов. Это было для меня совершенно неожиданно. Если только вы действительно охотник, мистер Декард.— Он нажал кнопку настольного интеркома и сказал: — Пришлите мне сюда одного из наших охотников. Все равно которого. Хорошо, спасибо.— Он повернулся к Рiku.— Через минуту здесь будет Фил Реч, а я хочу вначале взглянуть на список подозреваемых, прежде чем мы продолжим нашу беседу.

— Вы думаете, что в этом списке действительно вы?— спросил Рик.

— Возможно. Через минуту мы все узнаем. В таких вопросах лучше быть уверенным заранее. Лучше не полагаться на случай.

Он указал пальцем на копию досье:

— В этом листке я фигурирую как страховой инспектор, а не как полицейский, но все остальное сходится точно — описание внешности, привычки, домашний адрес. Да, это я, ошибки быть не может. Сами убедитесь.

Он подтолкнул страницу в сторону Рика, который схватил ее и пробежал глазами.

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошел высокий, очень худой мужчина с резко очерченными чертами лица, в массивных роговых очках с ван-дейковской бородкой. Гарланд поднялся, протягивая руку в сторону Рика.

— Фил Реч. Рик Декард. Знакомьтесь: вы оба — агенты по борьбе с андроидами.

Когда они пожимали руки, Фил Реч спросил:

— К какому городу вы прикреплены?

За Рика ответил Гарланд:

— Сан-Франциско. Вот, взгляни сюда.

Он протянул Речу листок, который только что рассматривал Рик. Тот взглянул на него и сказал:

— Слушай, Гар, а ведь это ты.

— Это еще не все,— сообщил Гарланд.— У него есть досье на Любу Люфт, оперную певицу, и на Полокова. Помнишь Полокова? Он мертв. Его убил этот агент, или андроид, или кто он там есть на самом деле. Сейчас лаборатория делает анализ мозгового среза на предмет установления его природы...

— С Полоковым я сам разговаривал,— сказал Фил Реч.— Это самый большой Санта Клаус из советской полиции.— Он задумался, теребя свою всклокоченную бородку.— Я думаю, это хорошая идея — проделать анализ костного мозга.

— Почему?— спросил Гарланд. Он был явно раздражен.

— Потому что это может снять с этого человека обвинение в убийстве. Это будет всего лишь отправка на покой андроида. Полоков поразил меня — он был крайне холоден, расчетлив и странен. Он был весьма необычным человеком.

— Таких полицейских,— сказал Гарланд,— сколько угодно.

— Любу Люфт я никогда не видел,— продолжал Реч,— хотя слышал ее записи.

Он повернулся к Рику:

— Вы ее тестировали?

— Я начал тест,— объяснил Рик,— но довести его до конца не смог. Она вызвала патрульного, и на этом все кончилось.

— А Полоков?

— Его мне тоже не удалось испытать.

— Насколько я понимаю,— словно самому себе сказал Реч,— инспектора Гарланда вы тоже не сумели проверить?

— Конечно, нет!— воскликнул Гарланд. Он негодуяюще сморщился. Слова вылетали из него, как осколки стекла.

— Каким тестом вы пользуетесь?— спросил Фил Реч.

— Шкалой Войт-Кампфа.

— Я такой шкалы не знаю.

Реч и Гарланд явно о чем-то напряженно размышляли, хотя и не в унисон. Это было тоже заметно.

— Я всегда говорил,— сказал Реч,— что андроиду лучше всего пристроиться где-то в большой полицейской организации, вроде ВПО. С первой встречи с Полоковым мне хотелось его проверить, но случай так и не представился. Да, пожалуй, он и не представился бы никогда. Это является одним из преимуществ, которые дает андроиду подобное место работы.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гарланд посмотрел в лицо Речу.

— И меня вы тоже хотели бы испытать?

Губы Фила сложились в едва заметную улыбку. Он хотел что-то ответить, но лишь пожал плечами и промолчал. Он, казалось, совсем не опасался своего начальника, несмотря на явное негодование последнего.

— Я думаю, вы понимаете, какая сложилась ситуация,— сказал Гарланд.— Этот человек — или андроид — Рик Декард представляет для нас мистическую полицейскую организацию, которая якобы располагается в нашем старом здании на Ломбард-стрит. О нашем управлении он никогда не слышал, а мы, в свою очередь, никогда не слышали о нем. Но внешне мы занимаем одну позицию. Он пользуется тестом, о котором нам ничего не известно. Список, которым он руководствуется, не список андроидов, а список живых людей. И он уже убил одного из них — по крайней мере, одного. Если бы мисс Люфт не успела позвонить в полицию, он убил бы и ее, а затем занялся бы мной.

— Гм-м,— хмыкнул Реч.

— Гм-м,— передразнил его Гарланд. Он был в ярости. Казалось, еще немного, и его хватит апоплексический удар.— Вы что, ничего больше сказать не можете?

Ожил интерком. Женский голос произнес:

— Инспектор Гарланд, лабораторный анализ трупа Макса Полокова готов.

— Думаю, нам стоит послушать результат,— сказал Реч.

Гарланд бросил на него испепеляющий взгляд и нажал кнопку интеркома.

— Сообщите результаты, мисс Френч.

— Анализ костного мозга показал,— сказал женский голос,— что мистер Полоков был гуманоидным роботом. Если вам нужен подробный...

— Нет, этого достаточно.

Гарланд опустил на стул и начал мрачно рассматривать противоположную стену.

— Что лежит в основе вашего теста?— спросил Фил Реч Декарда.

— Эмпатическая реакция в наборе социальных ситуаций. Большей частью они касаются отношения к животным.

— Наш тест проще, как мне кажется,— сказал Реч.— Реакция по рефлекторной дуге, имеющей место в верхних ганглиях спинного мозга, занимает у андроидов на несколько миллисекунд больше времени, чем у людей.

Протянув руку, он придвинул к себе блокнот Гарланда и набросал схему.

— Мы используем звуковой сигнал или световую вспышку. Испытуемый нажимает кнопку, и мы измеряем время задержки. Это время различно для людей и андроидов. После серии из десяти проб получаются вполне надежные результаты. Потом, как в случае с Полоковым, в качестве подтверждения служит анализ костного мозга.

Последовала тягостная пауза, наконец Рик произнес:

— Можете испытать меня, я готов. Конечно, я хотел бы испытать вас, если хотите.

— Естественно,— сказал Реч.

Сам он, однако, следил за инспектором Гарландом.

— Я уже сто лет говорю,— продолжал он задумчиво,— что тест с рефлекторной дугой Бонелли должен регулярно применяться среди полицейского персонала, и чем выше пост, тем чаще. Разве я не говорил этого, а, инспектор?

— Это ваше право,— сказал Гарланд.— Я возражал на том основании, что это может повредить моральному климату в нашем управлении.

— Теперь, я думаю, вы не станете особенно возражать, принимая во внимание результаты лабораторного анализа тела Полокова,— сказал Рик.

Одиннадцать

— Не стану,— сказал Гарланд, ткнув пальцем в сторону Реча.— Но вас я предупреждаю — результаты теста не будут вам по вкусу.

— А вы что, знаете, какие будут результаты?— спросил Фил Реч.

— Почти на сто процентов,— сказал Гарланд.

— Ладно,— кивнул Реч.— Пойду, принесу приборы.— Он подошел к двери кабинета.— Я буду через три-четыре минуты.

Дверь за ним закрылась.

Сунув руку в ящик стола, инспектор Гарланд извлек из него лазер и медленно направил дуло в сторону Рика.

— Это ничего не изменит,— сказал Рик.— Реч проведет посмертный анализ моего костного мозга, и он по-прежнему будет настаивать на проверке с помощью... — Как это там у вас называется? Дуга Бонелли?— рефлексного теста всех сотрудников вашего отделения, включая и вас.

Лазер остался в той же позиции. Инспектор Гарланд проговорил:

— С самого утра это был плохой день. Особенно когда я увидел, что сержант Грамс привез вас сюда. У меня появилось нехорошее предчувствие, и поэтому я вмешался.

Он медленно опустил лазер.

Затем он положил оружие в стол, запер его, а ключ убрал в карман.

— Что же должен показать этот тест применительно ко всем вам?

— Этот болван Реч...— Гарланд фыркнул.— Он не знает, что происходит в действительности, иначе он не смог бы работать как охотник на андроидов. Едва ли это подходящая для андроида работа. С этим могут справиться только люди.— Он показал на листки машинописных копий.— Все эти ваши остальные подозреваемые...

Он помолчал.

— Я знаю их всех. Мы прилетели с Марса на одном корабле. Но Реча с нами не было, он задержался на неделю, пока ему вставляли синтетическую маску памяти.

Гарланд погрузился в молчание.

— Что же он сделает, когда узнает правду?— спросил его Рик.

— Не имею ни малейшего представления,— рассеянно сказал Гарланд.— С точки зрения абстрактного мышления это интересный вопрос. Он может убить меня, себя, даже вас. Он может начать убивать всех, кто попадется ему под руку — людей, андроидов... такие случаи бывают, когда андроид с ложной памятью считает себя человеком.

— Значит, ложная память — это рискованное предприятие?

— Это в любом случае риск, когда ты бежишь на свободу и добираться до Земли, где клоп или червяк желаннее всех нас, вместе взятых.

Гарланд раздраженно вздохнул.

— Ваше положение было бы много легче, если бы Фил Реч мог пройти тест Бонелли, так как в этом случае результаты были бы предсказуемы: для него я стал бы еще одним анди, который пробрался в управление и его нужно отправить на покой. Поэтому вы, Декард, находитесь в столь же неприятном положении, как и я. Знаете, где я ошибся? Я не знал, что Полоков — андроид. Видимо, он прибыл сюда гораздо раньше нас и совершенно с другой группой. Это очевидно. С ними у нас не было контактов. Когда я прилетел на Землю, Полоков уже внедрился в

ВПО. Я пошел на риск лабораторного анализа, а этого как раз делать не стоило. Грамс, конечно, тоже зря затеял это.

— Полоков едва не прикончил меня,— признался Рик.

— Да, в нем было что-то такое. Не думаю, что его мозг был той же серии, что и мой. Его мозг явно подвергнулся дополнительной доработке. Получилось что-то уникальное и очень совершенное.

— Почему я не мог связаться с женой, когда пытался дозвониться до дома?— спросил Рик.

— В этом здании все видеофонные линии замкнуты сами на себя. Любой вызов в пределах этого здания направляется в другую комнату этого же дома. Здесь, Декард, мы находимся внутри гомеостатического механизма. Мы — замкнутая область, отрезанная от остальной части Сан-Франциско. Мы знаем о вас, но вы не подозреваете, что существует еще одно управление. Иногда, конечно, сюда забредет случайный человек, его доставляют — и для самозащиты мы...

Он конвульсивно указал в сторону двери:

— А вот и наш ретивый молодец Фил Реч со своим портативным-муртативным аппаратом для маленького, скоренького теста. Правда, он славный парень? Сейчас он прикончит меня, вас, а может, и себя.

— Вы, андроиды,— сказал Рик,— не очень-то поддерживаете друг друга в стрессовой ситуации.

— Вы правы,— подтвердил сквозь сжатые зубы Гарланд.— Похоже, что нам недостает этого особого таланта, которым обладаете вы, люди. Кажется, это называется эмпатией?

Дверь кабинета открылась. На пороге застыл силуэт Реча, который нес в руках прибор с волочащимися проводами.

— А вот и мы,— сказал он.

Он закрыл за собой дверь, сел и подключил прибор к розетке.

Вытянув правую руку, Гарланд указал на Реча. Ментально Рик и Реч скатились со своих стульев на пол. Одновременно Реч выхватил свой лазер и в падении выстрелил в Гарланда.

Луч, направленный с точностью, выработанной годами тренировок, прожег голову инспектора Гарланда. Тело его накренилось, излучатель выпал из ладони и покатился по столу. Потом труп покачнулся, подался вперед, а затем грузно упал на пол, как мешок с картошкой.

— Он забыл, что это моя работа.— сказал Реч, поднимаясь с пола.— Я могу почти точно предсказать, что

будет делать андроид в той или иной ситуации. Вы, я полагаю, тоже.

Он спрятал лазер, нагнулся и с любопытством осмотрел труп своего бывшего начальника.

— Что он вам говорил, когда меня не было?

— Что он — оно — андроид. И вы... — Рик замолчал. Мысли его лихорадочно прыгали, рассчитывая варианты. Потом он решил немного изменить фразу. — И вы, в конечном счете, обнаружили бы это. Всего через несколько минут.

— И больше ничего?

— Все это здание заполнено андроидами.

Реч задумчиво сказал:

— Тогда нам будет трудновато выбраться отсюда. Практически я имею право покидать здание, когда захочу, и могу сопровождать арестованного.

Он прислушался, но в коридоре было тихо.

— Я думаю, они ничего не знают. Видимо, здесь нет «жучков», хотя это и странно. — Он с воодушевлением ткнул носком ботинка труп Гарланда. — Нет, это действительно замечательно — какая ментальная особенность вырабатывается в этом деле! Еще не открыв двери, я знал, что он собирается в меня выстрелить. Честно говоря, я был удивлен, как это он не пристрелил вас, пока я был наверху.

— Он собирался, — сказал Рик. — В столе у него лежит служебный лазер. Он взвешивал, стоит ли убивать меня, но его волновал не я, а вы.

— Куда бежит андроид, — безо всякой улыбки сказал Реч, — туда идет и охотник. Вы понимаете, что вам придется лететь в Оперу во второй раз, чтобы заняться Любой Люфт? Ее, вернее его, андроида то есть, могут предупредить. Вы как о них думаете — через «оно» или «он — она»?

— Иногда через «оно», — признался Рик. — Мне приходится так поступать, когда тревожит память, и я защищаю ее тем, что думаю о них в среднем роде, как о неодушевленных предметах. Ладно, я полечу в Оперу, если вы можете мне выбраться отсюда живым.

— Так. Гарланда, я думаю, мы снова посадим на стул, — предложил Реч.

Он подтащил тело андроида обратно к столу, посадил и придал рукам и ногам естественное положение. Если не очень присматриваться, то поза Гарланда казалась вполне обычной, пока кто-нибудь не войдет в кабинет.

Нажав кнопку на интеркоме, Фил Реч сказал:

— Инспектор Гарланд просит не пропускать к нему

звонки в течение ближайшего получаса. Он занят важной работой и не хотел бы, чтобы ему мешали.

— Да, мистер Реч.

Отпустив кнопку, Фил Реч сказал Риду:

— Пока мы будем находиться внутри здания, вы будете прикованы ко мне наручниками. Как только мы поднимемся в воздух, я вас освобожу.

Он извлек пару наручников, один из которых защелкнул на руке Рика, а второй — у себя на запястье.

— Пошли, пора кончать с этим.

Он расправил плечи, сделал глубокий вдох и распахнул двери кабинета.

Со всех сторон их окружали полицейские в форме, которые продолжали заниматься своими делами, не обращая никакого внимания на Фила Реча, который вел Рика через холл к лифту.

Открылись двери лифта, из них высыпала группа мужчин и женщин, спешащих по своим делам. У них были маловыразительные лица полицейских служащих. Каждый стучал подошвами по паркету, торопясь по своим делам.

Когда двери лифта закрылись, Реч сказал:

— Я опасаясь, что у Гарланда имелся горловой аварийный детектор на случай гибели.— Он пожал плечами.— Ему бы уже давно пора сработать.

Он нажал кнопку самого верхнего этажа, и лифт начал подниматься.

— Как вы думаете, ваше управление возьмет меня на работу?— спросил Реч Декарда.— Ведь теперь я в лучшем случае безработный.

— Я думаю, причин для беспокойства нет,— осторожно сказал Рик.— Правда, у нас уже есть два охотника.

«Я должен сказать ему правду,— мучительно думал он.— Это жестоко и неэтично. Он андроид. Он вытащил меня отсюда, и вот благодарность. Он оказывается самой сердцевиной, сущностью того, что мы оба ненавидим и призваны уничтожить».

— Просто уму непостижимо,— продолжал Реч,— просто невозможно. Три года я работал под началом у андроида. Почему я ничего не замечал — то есть в такой мере, чтобы что-то предпринять?

— Возможно, это случилось недавно, и они только в последнее время стали подпадать под контроль андроидов.

— Они контролировали управление с самого начала. С самого начала моим начальником был Гарланд.

— В соответствии с тем, что оно мне рассказало,— со-

общил Рик,— на Землю прибыла целая команда. Это было не три года назад, а всего несколько месяцев.

— Значит, когда-то существовал и настоящий Гарланд,— сказал Фил Реч,— и в какой-то момент его подменили.— Его лицо исказилось. Он пытался разобраться.— Или это в меня встроена система ложной памяти и мне кажется, что я работал с Гарландом уже три года. Но...

Лицо его исказилось еще больше, раздираемое внутренним волнением.

— Но только андроиды способны носить в себе ложную память. По отношению к людям эта система неэффективна.

Лифт остановился, двери открылись, и перед ними оказалась пустая крыша со стоянками аэрокаров. Это была посадочная площадка полицейского управления.

— Вот моя машина,— сказал Реч.

Он открыл дверцу стоящего неподалеку аэрокара и быстрым взмахом руки поторопил Рика войти в кабину.

Сам он сел за управление и запустил двигатель. Секунду спустя они поднялись в небо и, повернув на север, направились к старому зданию Оперы.

Фил Реч вел кар почти машинально. Его одолевали мрачные мысли.

— Послушайте, Декард,— сказал он.— После того, как мы устраним Любу Люфт, я хочу, чтобы вы...— Его хриплый голос прервался.— Вы понимаете. Чтобы вы провели меня через тест Бонелли или через ваш тест по шкале эмпатии. Я хочу знать, кто я.

— Об этом можно позаботиться и позднее,— уклончиво ответил Рик.

— Вы не хотите этого?— Он бросил взгляд на Декарда.— Я подозреваю, что вы знаете результаты. Видимо, Гарланд сказал вам что-то, что вы не хотите мне раскрывать.

— Любу Люфт будет тяжело убрать даже вдвоем. С такими, как она, мне одному не справиться. Давайте пока не будем отклоняться от цели.

— Дело ведь не только в системе ложной памяти,— продолжал Реч.— У меня ведь есть животное, и не электрическое, а настоящее — белочка. Я очень люблю ее, Декард. Каждое утро я кормлю ее и меняю подстилку — такую бумагу, знаете, которую кладут на пол клетки. А вечером, когда я возвращаюсь с работы, я выпускаю ее на волю, и она прыгает по всей квартире. В клетке у нее есть колесо. Вы когда-нибудь видели, как белка крутится в ко-

лесе? Она бежит и бежит, колесо крутится, а она остается на месте. Баффи это, кажется, нравится.

— Я думаю,— сказал Рик,— белки не очень умные животные.

Дальше они летели в молчании.

Двенадцать

В Опере Декард и Реч узнали, что репетиция закончилась и мисс Люфт уехала.

— Она не сказала, куда собирается?— спросил Фил Реч у рабочего сцены.

Он показал свое удостоверение работника полиции.

— Вроде в музей.— Рабочий рассматривал удостоверение.— Она сказала, что хочет успеть на выставку Эдварда Мунка. Завтра она закрывается.

«А Люба Люфт «закроется» сегодня!»— подумал Рик.

Пока они шли к зданию музея, Реч сказал:

— Как вы считаете, есть у нас шанс, что она еще в музее?

— Не знаю,— ответил Рик.

Они вошли в здание музея, выяснили, на каком этаже находится выставка, и стали подниматься. Вскоре они уже бродили среди картин и деревянных статуй. На выставке были люди, включая целый класс школьников.

Пронзительный голос учительницы разносился по всем залам выставки. Рик подумал: «Вот так должен звучать голос анди, и выглядеть он должен как эта учительница, вместо того чтобы звучать и выглядеть как, например, Люба Люфт, или Рейчел Розен, или как человек, вернес, устройство, стоящее рядом».

— Вы слышали когда-нибудь, чтобы у андроида было домашнее животное?— спросил Рика Фил Реч.

По какой-то необъяснимой причине Рик испытывал желание быть честным до жестокости и сказал:

— Мне известны два случая, когда анди владели животными, но это случается крайне редко. Могу сказать, что анди, как правило, не содержат животных. Животные требуют тепла, кроме насекомых и рептилий, конечно.

— А белка? Ей ведь тоже нужна атмосфера тепла. Баффи живется прекрасно. Я расчесываю ее каждый день.

Фил Реч остановился рядом с картиной, выполненной масляными красками, внимательно рассматривая ее.

На картине было изображено безволосое страдающее

существо с головой, похожей на перевернутую грушу, с прижатыми от ужаса к ушам ладонями, с открытым в беззвучном крике ртом. Искаженные, судорожные волны мук этого существа, словно эхо крика, расходились в воздухе вокруг его головы. Мужчина этот — или женщина — казался заключенным в свой собственный вопль и зажал уши, чтобы не слышать его. Существо стояло на мосту, где больше никого не было.

Оно вопило в полной изоляции от остальных людей, оторванное от них, несмотря на крик.

— Потом он сделал еще статую,— сказал Рик. Он прочитал табличку, прикрепленную к стене ниже картины.

— Вероятно,— медленно произнес Реч,— вот так должен чувствовать себя андроид.— Он изобразил в воздухе вибрации видимого на картине крика существа.— Но я не чувствую себя подобным образом, значит, я, скорее всего, не...

Он замолчал, потому что как раз в этот момент в зал вошли несколько человек, которые подошли к картине.

— Это Люба Люфт,— сказал Рик, показав в ее сторону, и Фил Реч на время забыл о своих мучительных размышлениях.

Размеренным шагом они направились к андроиду, стараясь не выдавать спешки. Самое главное — не нарушать атмосферу будничности. Другие люди, не подозревающие о присутствии андроида, не должны подвергаться опасности, даже если ценой тому будет потеря жертвы.

Держа в руках каталог выставки, Люба Люфт стояла перед картиной, полностью поглощенная ею. На ней были блестящие брюки, суживающиеся у щиколоток, и золотистый зеркальный жилет.

На картине была изображена юная девушка, сидящая на краю кровати. Руки ее были сцеплены, а на лице застыли удивление и робость.

— Хотите, я куплю ее для вас?— спросил Рик, обращаясь к Любе Люфт.

Он остановился рядом, легко сжав ее предплечье, давая понять, что она в пределах его досягаемости. С другой стороны Фил Реч положил ей руку на плечо, и Рик заметил, как под его пиджаком проступает кобура лазерного пистолета.

Реч не собирался рисковать еще раз. С него было достаточно инспектора Гарланда.

— Она не продается.

Люба бросила на Рика беглый взгляд, но потом, когда она узнала его, ее глаза поблекли, краска схлынула с ли-

ца, превратив его в одно мгновение в лицо трупа, словно тело ее уже начало разлагаться, словно вся ее жизнь отхлынула в какой-то глубоко спрятанный внутри сосуд, превратив тело в автоматическидвигающийся прах.

— Я думала, вы арестованы. Почему они вас выпустили?

— Мисс Люфт, — сказал он, — познакомьтесь, это мистер Реч. Фил, это весьма известная оперная певица Люба Люфт.

Он снова повернулся к ней.

— Тот патрульный, который арестовал меня, был андроидом, так же как и его начальник. Вы знаете, вернее знали, инспектора Гарланда? Он сообщил мне, что вы прибыли с Марса в одном корабле с ним. Это полицейское управление, в которое вы звонили, представляет собой организованное агентство андроидов, через которое ваша группа была связана между собой. Они были настолько уверены в себе, что нанимали людей для охоты на андроидов...

— Вы... — процедила Люба Люфт. — Вы не человек. Вы больше не человек. Вы тоже андроид.

После некоторой паузы Фил Реч сказал:

— С этим, я думаю, мы разберемся чуть позже. — Он повернулся к Риду: — Отведем ее в мой кар.

Шагая по обе стороны девушки, они повели ее к лифту. Люба двигалась без желания, но сопротивления не оказывала. Она словно отключилась от внешнего мира. Риду уже приходилось сталкиваться с подобным поведением андроидов. В критических ситуациях искусственная жизненная сила, приводящая их в движение, как бы ломалась, если нагрузка была слишком велика. Это было не со всеми, но с большинством андроидов.

Но сила эта могла в любой момент обернуться неожиданной вспышкой ярости.

Но, как знал Рик, антроиды имели внутреннее стремление не выдавать себя, поэтому в музее, в окружении посетителей, Люба ничего не стала бы предпринимать. Настоящее столкновение, видимо, произойдет в каре, где их никто не видит. Оказавшись в кабине машины, она может с гневом отбросить маску отстраненности. Рик напрягся, подготавливая себя. О Рече он не думал. Как сказал сам Реч, проблема будет рассмотрена позже.

В конце коридора, рядом с лифтами, было устроено нечто вроде небольшого киоска. Там продавались репродукции и книги по искусству. Люба остановилась у прилавка.

— Послушайте... — Она повернулась к Риду. Краска частично вернулась к ее лицу, и она снова — пусть ненадолго — казалась живой. — Купите мне репродукцию картины,

которую я смотрела, когда вы меня нашли. Там, где девушка сидит на кровати.

Помолчав, Рик спросил продавца:

— У вас есть репродукция «Зрелости» Мунка?

— Только в этом сборнике, — сказал продавец.

Он показал на красивый альбом в блестящем пластиковом пакете.

— Двадцать пять долларов.

— Я беру.

Рик полез за бумажником.

— Мой департаментский бюджет даже за миллион лет не растянуть на... — начал Фил Реч.

— Это мои деньги, — отрезал Рик.

Он передал продавцу банкноты, а книгу вручил Любе.

— Теперь вниз, — сказал он ей и Филу.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала Люба.

Они вошли в кабину лифта.

— В вас, людях, есть что-то странное и трогательное. Андроид никогда бы так не поступил. — Она бросила на Реча ледяной взгляд. — Ему бы это и в голову не пришло. Как он сказал, и за миллион лет.

Она не спускала взгляда с Реча. Теперь взгляд был полон отвращения и ненависти.

— Нет, я в самом деле не люблю андроидов. С тех пор, как я прилетела с Марса, я только и занималась тем, что имитировала человека, говорила и поступала так, как человек. Я имитировала высшую по отношению к нам форму жизни. Я так считаю.

Затем она обратилась к нему:

— Разве с тобой не было такого, Фил Реч? Подражание...

— Я больше не могу, — сказал Реч и сунул руку под пиджак.

— Нет, — сказал Рик, хватая Филадельфия за руку. Тот подался назад, пытаясь освободиться.

— Сначала тест, — сказал Рик.

— Оно же призналось, что оно андроид, — сказал Реч. — Мы можем сделать это и сейчас.

— Не стоит делать этого только потому, что оно тебя уязвило, — сказал Рик. — Дай сюда...

Он попытался выхватить трубку лазера из пальцев Филадельфия, но это ему не удалось. Реч сделал шаг назад, не спуская глаз с Любы Люфт.

— Ладно, — сказал Декард. — Устраняй. Убей сразу, сейчас. Докажи, что это твое право.

Но увидев, что Реч собрался так и сделать, он сказал:

— Постой...

Реч выстрелил. В то же мгновение Люба Люфт в спазме животного ужаса дернулась в сторону, пригибаясь. Луч прошел мимо, но потом Реч опустил ствол, и луч прожег узкую дыру в животе Любы. Она закричала. Она лежала, скорчившись, прижавшись спиной к стене кабины, и кричала.

«Как на той картине»,— подумал Декард. Он вытащил свой лазер и добил ее.

Тело перевернулось лицом вниз и замерло.

Рик тщательно сжег лучом альбом репродукций Мунка, который купил несколько минут назад. Он сжигал старательно и молча, пока альбом не превратился в пепел. Фил Реч пораженно смотрел на него.

— Вы ведь могли оставить его себе,— сказал Реч.— Он ведь стоил...

— Как вы думаете, у андроидов есть душа?— перебил его Рик.

Наклонив голову, Реч недоуменно посмотрел на него.

— Я могу позволить себе потратиться на эту книгу,— сказал Рик.— Я уже заработал сегодня три тысячи долларов, а еще не закончил и половины дела.

— Вы имеете в виду Гарланда?— спросил Реч.— Но его убил я, а не вы. Вы просто лежали на полу. И Любу Люфт тоже убил я.

— Но вы не можете получить этих денег,— сказал Рик.— Ни в своем управлении, ни в нашем. Когда мы доберемся до вашей машины, я проведу тест, тогда и посмотрим. Хотя в моем списке вас нет.

Трясущимися руками он открыл чемоданчик, ища бумаги.

— Нет, вас здесь действительно нет. Следовательно, по закону я не могу подозревать вас.

— Вы уверены, что я — андроид? Это вам сказал Гарланд? Верно?

— Да, это сказал Гарланд.

— Возможно, он просто соврал,— сказал Реч,— чтобы посеять между нами недоверие, как сейчас. Мы просто болваны, если позволим ему разделить нас. Вы были совершенно правы относительно Любы Люфт. Мне следовало держать себя в руках. Но ведь мы все равно должны были устранить ее, так что полчаса роли не играют. Она не успела бы даже посмотреть купленный вами для нее альбом. И я по-прежнему считаю, что вы зря его сожгли. Это глупо и нерационально. Я не могу понять ваших мотивов.

— Я бросаю это дело,— сказал Рик.

— И чем же вы станете заниматься?

— Чем угодно. Страхованием, чем предположительно занимался Гарланд, а может, эмигрирую. Да.

Он кивнул.

— Улечу на Марс.

— Но кто-то же должен этим заниматься,— заметил Фил.

— Пусть используют андроидов. Так будет лучше. Я больше не могу. С меня хватит. Она была замечательной певицей, и она была нужна планете. Все это просто безумие.

— Это необходимость. Не забывайте — чтобы бежать на свободу, каждый из них убил человека! И, если бы я не вывел вас из здания на Медиссон-стрит, они убили бы вас. Этого и хотел от меня Гарланд, за этим он и вызвал меня в кабинет. А Полоков? Разве он едва не покончил с вами? А Люба Люфт? Мы просто защищаемся. Они явились на нашу планету, эти чужаки, маскирующиеся под...

— Полицейских,— сказал Рик.— Под агентов по борьбе с андроидами.

— Ладно, валяйте, проверяйте меня. Гарланд мог и соврать. Я уверен, что он так и сделал. Таких хороших систем ложной памяти не бывает. Ну, а как насчет моей белки?

— Да, ваша белка, я и забыл...

— Если я андроид,— сказал Реч,— и вы убьете меня, то можете взять ее себе. Я напишу завещание, в котором передам ее вам.

— Андройды не имеют права писать завещание. У них нет собственности, которую они могли бы завещать.

— Тогда просто заберите ее,— сказал Реч.

— Возможно, так и будет,— сказал Декард. Лифт достиг первого этажа, двери открылись.— Оставайтесь с ней. Я вызову патрульную машину, чтобы доставить тело в Дом правосудия для экспертизы костного мозга.

Он увидел телефонную кабину, вошел, бросил монету и дрожащими пальцами набрал номер. Тем временем группа людей, ожидавших лифта, окружила Фила Реча и тело Любы.

«Она действительно была выдающейся певицей,— сказал себе Рик, закончив разговор и вешая трубку.— Я не понимаю, как такой талант мог быть помехой для общества! Но дело не в таланте, дело в ней самой. Фил Реч тоже представляет угрозу сам по себе точно в такой же мере, и, значит, я не могу уйти прямо сейчас».

Он вышел из кабинки, пробрался через толпу к лифту. Кто-то уже накрыл тело пиджаком, но это не был Фил Реч.

Подойдя к Речу — тот жадно курил маленькую серую сигару, — Рик сказал:

— Я молю бога, чтобы вы оказались андроидом.

— Вы действительно ненавидите меня, — удивленно сказал Реч. — Но там, на Медиссон-стрит, когда я спас вам жизнь, вы относились ко мне совсем по-другому.

— Просто теперь я понял систему! То, что вы убили Гарланда, а потом Любу... Вы даже убиваете не так, как я, вы даже не пытаетесь... Проклятье! — воскликнул Рик. — Я понял, в чем дело. Вам просто нравится убивать, и вам нужен только повод. Если бы у вас был повод, вы бы и меня убили. Вот почему вы ухватились за вероятность, что Гарланд был андроидом. Это давало вам повод убить его. Интересно, что вы будете делать, если не пройдете тестов? Застрелитесь? Иногда андройды делают это, хотя и нечасто.

— Не волнуйтесь, я сам о себе позабочусь, — сказал Фил Реч. — Вам ничего не придется делать, кроме теста.

Прибыл полицейский аэрокар, из кабины выпрыгнули двое полицейских и немедленно проложили себе путь через скопление людей. Один из них узнал Декарда и кивнул ему. «Значит, теперь мы можем уйти. Наше дело сделано», — вдруг понял Рик.

Когда они шли к зданию Оперы, на крыше которого стоял кар Реча, тот сказал:

— Я отдам вам свой лазер, чтобы вас не беспокоила моя реакция и степень вашей личной безопасности.

Он протянул Рiku свое оружие, и Рик взвесил его на ладони.

— А как же вы покончите с собой без лазера? — поинтересовался Рик. — Если не пройдете тест?

— Я задержу дыхание.

— Боже праведный! Это невозможно.

— В нервной системе андроидов есть автоматическое устройство для остановки дыхания, — сказал Реч, — в отличие от людей. Разве вас этому не учили? Меня научили этому много лет назад.

— Но умереть таким образом... — запротестовал Рик.

— Это не больно. А что тут такого?

— Это... — Рик пошевелил пальцами, силясь найти нужные слова.

— Я не думаю, что придется это делать, — сказал Реч.

Они поднялись на крышу и сели в машину. Закрывая дверцу, Реч сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы провели тест именно по Бонелли.

— Я не могу — я не знаю, как считывать показания.

«Ведь мне пришлось бы полагаться на его интерпретацию показаний приборов,— вдруг подумал Рик,— а это отпадает».

— Но вы скажете мне правду, хорошо?— спросил Реч.— Если я андроид, вы ведь скажете мне это, да?

— Конечно.

— Я должен твердо знать это. Я хочу знать это.

Фил Реч снова зажег свою сигару, устраиваясь поудобнее. Это ему явно не удавалось.

— Вам понравилась та картина, которую смотрела Люба Люфт?— спросил он Рика.— Мне не очень. Я не люблю реализма, я предпочитаю Пикассо.

— «Зрелость» датируется 1892 годом,— коротко ответил Рик.— Тогда ничего, кроме реализма, не существовало.

— Но та, вторая, где человек зажимает уши и кричит, не слишком типична для реализма.

Открыв чемоданчик, Рик вынул приборы для теста.

— Тонкая работа,— заметил Реч. Он наблюдал за сборкой аппарата.— Сколько вопросов нужно задать, чтобы знать точный ответ?

— Шесть-семь.

Он протянул Речу диск-сетку датчиков с липкой поверхностью.

— Приложите к щеке. Теперь свет...— Он нацелил луч.— Он сфокусирован на вашем зрачке. Не шевелитесь, старайтесь, чтобы глаз был как можно более неподвижен.

— Флуктуация рефлекса,— определил Реч.— Но стимул не имеет физической природы. Это всего лишь вопрос. То, что мы называем реакцией на вздрагивание.

— Думаете, вы сможете ею управлять?

— Нет, только не начальной амплитудой. Это не поддается контролю. Если бы не...— Он замолчал.— Начинайте, пожалуйста. Я волнуюсь и поэтому слишком много болтаю.

— Можете говорить сколько угодно.

«Говори, говори всю дорогу к могиле,— подумал Рик.— Если тебе это нравится». Рiku было все равно.

— Если тест покажет, что я андроид,— пробормотал Реч,— то ваша вера в человека будет возрождена, но, поскольку такого результата не предполагается, советую вам начать формулировать идеологический принцип, внутри которого я буду...

— Первый вопрос,— сказал Декард.

Все было готово, и стрелки на шкалах подрагивали.

— Главное — время реакции, поэтому постарайтесь отвечать как можно быстрее.

По памяти он прочитал первый вопрос, и тест начался.

Когда тест был закончен, Рик некоторое время сидел в молчании, а потом начал собирать приборы, укладывая их в чемодан.

— Ответ я уже знаю по вашему выражению лица, — сказал Реч. Он вздохнул с облегчением. — Ладно, можете отдать мне мой лазер.

Он стоял, протянув руку.

— По-видимому, вы правы насчет мотивов Гарланда, — признал Рик. — Он хотел посеять между нами вражду и поэтому солгал.

Он чувствовал себя физически и морально усталым.

— Вы уже сформулировали какие-то соответствующие принципы, — поинтересовался Реч, — которые объясняли бы мое существование как части человеческого рода?

— В вашей эмпатической способности, — сказал Рик, — должен быть какой-то дефект. Дефект, который не регистрируется нашим тестом, — ваши чувства по отношению к андроидам.

— Естественно, этот параметр не испытывается.

— Я думаю, его следовало бы ввести.

Раньше это не приходило Рiku в голову. Он не ощущал никакого сочувствия к уничтожаемым андроидам. Он всегда был убежден, что андроиды — это всего лишь умные машины, но в сравнении с Филом Речем чувствовалась заметная разница. Инстинктивно Декард ощущал его правоту. «Сопереживание относительно искусственной структуры, которая только делает вид, что живет? — спросил он себя. — Но Люба Люфт казалась живой. Симуляцией здесь и не пахло».

— Но вы сознаете, — тихо сказал Фил, — что произойдет, когда вы включите андроидов в ваш спектр эмпатической способности наравне с животными?

— Мы не сможем защищаться.

— Совершенно верно. Этот новый тип, «Узел-6», — они затопят и раздавят нас. Между ними и человечеством стоим мы: вы и я — агенты по борьбе с андроидами. Мы — барьер, который сохраняет разницу видимой и четкой. Тем более... — Он замолчал, заметив, что Рик снова начал расставлять приборы. — Я думал, тест уже кончился.

— Я хочу задать вопрос самому себе, — сказал Рик, — и я хочу, чтобы вы сказали мне показания стрелок. Я сам вычислю результаты, только скажите мне показания.

Он приклеил к щеке диск и настроил излучатель света.

— Вы готовы? Следите за циферблатами. Временной

интервал значения не имеет, только величина отклонения стрелки.

— Конечно, Рик,— с готовностью сказал Реч.

Рик громко сказал:

— Я спускаюсь в лифте вместе с пойманным андроидом, и кто-то посторонний убивает его без предупреждения.

— Никакой особой реакции,— сообщил Реч.

— Что показали стрелки?

— Левая — 2,8, правая — 3,3.

— Андроид — женщина,— сказал Рик.

— Теперь 4,0 и 6,0 соответственно.

— Довольно много,— сказал Рик, снимая со щеки диск и отклеивая его. Он выключил световой карандаш.— Это — эмпатическая реакция. Такие результаты во многих случаях показывает испытуемый человек, кроме самых экстремальных, тех, которые касаются использования человеческой кожи для обивки и так далее, чисто патологических вопросов.

— И что из этого следует?

— Что я способен сопереживать, по крайней мере, с некоторыми андроидом. Не со всеми, но с одним-двумя могу.

«Например, с Любой Люфт,— сказал он себе.— Значит, я ошибался. В реакции Фила Реча нет ничего нечеловеческого. Нестандартна моя реакция.

Интересно, кто-нибудь из людей ощущал что-то подобное по отношению к андроидом? Конечно, на моей работе это может и не сказаться, это может быть просто аномалией, чем-то минутным, связанным с моими чувствами относительно «Волшебной флейты» и голоса Любы, вообще оперы. Конечно, раньше я ничего подобного не испытывал ни по отношению к Полокову, ни к Гарланду. Если бы Фил Реч оказался андроидом, я убил бы его без особых затруднений, особенно после смерти Любы. Вот и все, что касается различия между истинными людьми и человекоподобными, движущимися конструкциями. В лифте и музее я спускался вместе с двумя существами — человеком и андроидом, и чувства мои были определенно противоположны естественно ожидаемым, тем, к которым я привык, которые я должен был бы испытывать».

— Ты в беде, Декард,— тихо сказал Реч.

Казалось, это его забавляло.

— Что я должен сделать?— спросил Рик.

— Секс,— сказал Реч.— В этом все дело.

— Секс?

— Да, половая любовь. Она, или оно, была привлекательна для тебя. С тобой этого никогда не было?— Фил рассмеялся.— Нас учили, что это проблема номер один при борьбе с анди. Разве ты не знаешь, Декард, что колонисты имеют даже любовниц-андроидов?

— Это незаконно,— сказал Рик.

— Конечно, это запрещено законом. Но закон запрещает и большинство извращений, но тем не менее люди ими занимаются.

— Но если это не секс, а любовь?

— Любовь — второе название секса.

— Любовь к Родине? К музыке?

— Если это любовь к женщине, это неотделимо от секса, так что это то же самое. К женщине или ее имитации. Проснись и посмотри в лицо действительности, Декард. Ты хотел лечь в постель с женщиной-андроидом — ни больше ни меньше. Когда-то я тоже испытал подобное, когда только начал заниматься охотой. Не позволяй себе расслабляться, и это пройдет. Все дело в том, что была нарушена обычная последовательность событий. Ты убил ее — и почувствовал влечение. Надо делать наоборот.

Рик пристально посмотрел на него.

— Сначала лечь в постель, а потом...

— А потом убить ее,— отрезал Реч. На губах у него играла жуткая улыбка.

«Ты хороший охотник, Реч,— подумал Рик,— и твое отношение к ним показывает это. Ну, а я?»

Внезапно, первый раз в жизни, он почувствовал сомнения.

Тринадцать

Словно по дуге из чистейшего огня Исидор мчался в небесах после трудового дня. «Не ушла ли она из квартиры?— думал он.— Все ли по-прежнему она в этой старой, замусоренной квартире и смотрит Бастера Джруби и вздрагивает от страха каждый раз, когда ей мерещится, что кто-то ходит по коридору?»

Он уже успел остановиться по дороге у бакалейного магазина, где был «черный рынок». На сиденье у него лежали такие деликатесы, как банка соевого творога, спелые персики, мягкий сыр, зрелый и отвратительно пахнущий. Все это двигалось, когда он разгонялся или тормозил.

Сегодня он чувствовал волнение и поэтому вел машину

рывками. Весь его кар сотрясался и фыркал. «Проклятье!»— думал он.

По кабине распространился запах персиков и сыра и приятно щекотал ноздри. Все эти редкости, на которые он угрохал двухнедельную зарплату, взятую авансом у мистера Слоута, дополнялись спрятанной под сиденьем бутылкой «Шабли». Это была величайшая редкость. Он держал ее в сейфе в «Бэнк оф Америка», не желая продавать, сколько ему ни предлагали, на случай, если в его жизни в последний момент появится девушка. Это сейчас и произошло.

Замусоренная, безжизненная крыша дома, как всегда, угнетающе подействовала на него. По пути от кара до лифта он полностью подавил свое периферийное зрение, сосредоточив внимание на драгоценном пакете и бутылке, которые нес в руках, и на том, чтобы не споткнуться и не упасть в яму экономического разорения.

Когда приехал скрипучий лифт, он опустил не на свой этаж, а на уровень ниже, где теперь жила Прис Страттон. Вскоре он стоял перед ее дверью, барабанив в створку краем бутылки, чувствуя, как колотится сердце.

— Кто там?— Голос девушки был приглушен дверью, но все равно звучал четко, остро и испуганно.

— Говорит Джон Р. Исидор,— быстро сказал он. Он применил новое ощущение авторитетности, полученное при помощи видеофона мистера Слоута.— Здесь у меня кое-что весьма вкусное, и я думаю, что можно было бы соорудить отличный обед.

Дверь приоткрылась. Из прихожей на него смотрела Прис.

— Ваш голос изменился,— сказала она.— Он повзрослел.

— Да, сегодня во время работы мне удалось уладить несколько дел. Вполне обычных. Если бы вы меня впустили...

— Вы бы рассказали мне о ваших делах.

Тем не менее она открыла дверь, чтобы он мог войти. Потом, рассмотрев его ношу, она не смогла сдержать восклицания, но почти в тот же миг радость ее погасла, и на лицо наползла черная горечь. Лицо ее затвердело, словно сохнувший цемент.

— Что случилось?— спросил он.

Он отнес пакет и бутылку на кухню и поспешил обратно.

— Вы напрасно потратились,— бесцветно сказала Прис.

— Почему?

— О...

Она пожала плечами и медленно пошла прочь, сунув руки в карманы своей плотной, несколько старомодной юбки.

— Когда-нибудь я скажу вам.— Она подняла глаза.— Но все это очень мило с вашей стороны. Теперь я хотела бы, чтобы вы ушли. У меня такое настроение, что мне никого не хочется видеть.

Она пошла к двери в холл, приоткрыла ее, еще глубже погружаясь в пучину безысходности, пустоты и одиночества.

— Я знаю в чем дело.

— Да?

— У вас нет друзей. Сейчас вам гораздо хуже, чем утром, когда я видел вас первый раз. Это потому, что...

— У меня есть друзья.— В ее голосе появилась внезапная твердость, она ощутило вернула себе былую живость.— Или были. Семеро. Сначала их было семеро, но у охотников было время для работы, поэтому, быть может, все они уже умерли.

Она побрела к окну и выглянула в темноту, где светилось несколько огоньков.

— Возможно, из нас восьми осталась я одна. Возможно, вы и правы.

— О каких охотниках вы говорите?

— Все правильно, вы не должны знать, кто они. Охотник — это профессиональный убийца, которому выдают список тех, кого он должен убить. За каждое убийство ему платят тысячу долларов. Обычно он заключает с городом контракт, поэтому получает еще и жалование, но оно маленькое, так что ему приходится проявлять активность.

— Вы уверены?— спросил Исидор.

— Да.— Она кивнула.— Вы спрашиваете, уверена ли я, что он проявляет активность? Да, он активен, и он обожает это занятие.

— Я думаю,— сказал Исидор,— что вы ошибаетесь.

Он ни разу не слышал ни о чем подобном. Бастер Джруби, например, никогда не упоминал об этом.

— Это не соответствует сострадающей этике сегодняшнего дня,— сказала она.— Вся жизнь едина. «Человек — это не остров», как говорил в старину Шекспир.

Джон Исидор возбужденно махнул рукой.

— Я ничего подобного в жизни не слышал. Разве вы не можете вызвать полицию?

— Нет.

— И они охотятся за в а м и ? Они придут сюда, чтобы убить в а с ?— Теперь он понимал, почему она так напугана.— Не мудрено, что вам никого не хочется видеть.

«Все это — заблуждение,— подумал он.— У нее, веро-

ятно, психоз, мания преследования, возможно, из-за воздействия на мозг пыли. Тогда она тоже специал».

— Я покончу с ними раньше, чем они успеют причинить вам вред,— пообещал он.

— Каким образом?

Она слабо улыбнулась, показав свои маленькие белые ровные зубы.

— Я куплю лицензию на лазерный пистолет. Здесь в заброшенных районах ее получить легко. Полиция этот район не патрулирует, мы должны сами заботиться о своей безопасности.

— А когда вы будете на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет.

— Это очень мило с вашей стороны, Джон Р. Исидор,— сказала Прис,— но только, если охотники покончили с остальными: с Максом Полоковым, Гарландом, Любой Люфт, Гаскинсом и Роем Бейти...

Она вдруг замолчала.

— Рой и Имград Бейти. Если они мертвы, тогда все это уже не имеет значения. Они мои лучшие друзья. Черт побери, почему от них нет никаких известий?

Она сердито чертыхнулась.

Вернувшись на кухню, он снял с полок покрытые пылью, давно не использовавшиеся стаканы, тарелки и чашки.

Он начал мыть их в раковине, подождав, пока ржавая горячая вода не сменится чистой. Вскоре появилась Прис и села у стола. Он откупорил бутылку «Шабли» и разделил поровну персики, сыр и соевый творог.

— Что это за белая масса? Это не сыр.— Она показала на творог.

— Это приготавливают из соевых бобов. Если бы у меня было немного...

Он запнулся и покраснел. Обычно его ели с говяжьим бульоном.

— Андроид,— пробормотала Прис.— Такие оплошности допускает обычно андроид. Это его и выдает.

Она подошла к Исидору, потом, к большому его удивлению, на секунду обняла его за талию и прижалась.

— Я попробую ломтик персика,— сказала она.

Она весело схватила длинный, сочный, оранжевый ломтик длинными пальцами. Потом, когда она ела этот ломтик, она заплакала. Холодные слезы покатались по ее щекам и закапали на грудь, на платье. Он не знал, что делать, и продолжал делить еду.

— Проклятье, — сказала она. — Ладно...

Она отодвинулась от него и начала медленно, короткими шажками ходить по комнате.

— Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему я знаю об андроидах.

Голос дрогнул, но ей удалось сдержаться, потом она продолжила — ей явно было необходимо поговорить с кем-то.

— И на Земле вы знаете только своих друзей, бывших эмигрантов, — догадался Исидор.

— Мы были знакомы еще до отлета. Мы жили в поселке неподалеку от Нью-Йорка. Рой и Имград Бейти держали аптеку. Он был фармацевтом, а она занималась рекламой косметических средств, кремами и лосьонами. На Марсе люди пользуются большим количеством этих средств. Я...

Она колебалась.

— У Роя я доставала разные лекарства, они были необходимы мне, потому что, во-первых, это жуткое место. Все это чепуха.

Она обвела рукой вокруг, указывая на заброшенную квартиру.

— Вы думаете, я страдаю от одиночества? Марс — вот одиночество, гораздо хуже, чем здесь.

— А разве с вами не было андроидов? Я слышал коммерческую рекламу...

Он сел за стол и начал есть.

Она тоже взяла стакан и равнодушно отпила глоток.

— Я понял, что андроиды должны были помогать вам там.

— Андроидам, — сказала она, — тоже одиноко.

— Вам нравится это вино?

Она поставила стакан на стол.

— Превосходное.

— Это единственная бутылка, которую я вижу за последние три года.

— Мы вернулись сюда, — продолжала Прис, — потому что туда нам и не следовало соваться. Марс не рассчитан на обитание, по крайней мере, в ближайший миллиард лет. Он такой старый. Это чувствуется через камни. Жуткий возраст. Во всяком случае, сначала я брала у Роя наркотики. Жила благодаря этому новому обезболивающему средству, силенизину. Потом я встретила Хорста Хартмана, который в то время держал лавку почтовых марок. Там продавались редкие почтовые марки. Там столько вре-

мени, что просто необходимо иметь какое-то хобби, что-то такое, чем можно заниматься без конца. Хорст заинтересовал меня беллетристикой доколониального периода.

— В смысле, старыми книжками?

— Да, рассказами о космических полетах, написанными до начала космических полетов.

— Но как могли быть рассказы о космосе до...

— Писатели, — объяснила Прис, — просто все это выдумывали.

— На чем же они основывались?

— На воображении. Очень часто они ошибались. Например, они изображали Венеру в виде лесного рая джунглей с огромными чудовищами и женщинами-воинами в металллических нагрудниках, блестящих, как зеркало.

Она посмотрела на него.

— Вам это интересно? Большие женщины с длинными волосами, блондинки с блестящими грудями величиной с дыню.

— Нет, — сказал он.

— Имград блондинка, — сказала Прис, — но она маленькая. Во всяком случае, на контрабанде доколониальной беллетристики, серьезных книг, журналов и фильмов о Марсе можно было сколотить состояние. Не было ничего более увлекательного, чем читать о городах и гигантских индустриальных предприятиях, о действительно удавшейся колонизации, воображать, как все это могло бы быть на самом деле, как должен был выглядеть Марс. Каналы...

— Каналы?

Он смутно помнил, что читал что-то об этом. В прошлом люди верили в марсианские каналы.

— Да, пересекающие планету, — сказала Прис. — И существа с других звезд, обладающие бесконечной мудростью. И рассказы о Земле, действие которых происходит в наше время и даже позже, о Земле без радиоактивной пыли.

— Наверное, от таких рассказов становится еще хуже.

— Нет, — коротко ответила Прис.

— А вы не привезли с собой ничего из этих доколониальных материалов? — спросил он.

— Здесь они ни к чему, потому что на Земле интерес к ним никогда не возникал. Кроме того, их здесь очень много в библиотеках. Оттуда мы и получали наше чтиво. Оно было выкрадено из библиотек на Земле и авторакетами запущено на Марс. Вы ночью выходите в пустыню и вдруг видите вспышку, и вот уже упала ракета, расколовшись,

как яйцо, и из нее высыпались старинные фантастические журналы, целое состояние. Но, конечно, прежде чем продать их, вы их читаете.

Во входную дверь постучали.

Лицо Прис стало пепельным, и она прошептала:

— Я не могу. Не шумите, сидите неподвижно.

Она напряглась, прислушиваясь.

— Вы заперли дверь?— спросила она едва слышно.— Боже, надеюсь, что...

Ее расширившиеся глаза замерли на Исидоре, словно умоляя ответить утвердительно.

Из холла послышался голос:

— Прис, ты здесь?

Голос был мужской.

— Это Рой и Имград. Мы получили твою открытку.

Прис встала, вышла в спальню, потом вернулась, неся карандаш и ключок бумаги. Снова сев за стол, она поспешно набросала: «ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ».

Исидор нервно взял у нее карандаш и тоже написал: «ЧТО Я СКАЖУ?»

Прис со злостью нацарапала: «ПОСМОТРИТЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО ОНИ?»

Встав, он с мрачным видом вышел в прихожую. «Как же я определю, кто они?»— спросил он себя. И открыл дверь.

В тускло освещенном холле стояли двое: невысокая женщина, симпатичная, на манер Греты Гарбо, с голубыми глазами и желто-русыми волосами, и мужчина, который был более плотного сложения и выше ростом, с умным взглядом голубых глаз, но с плоскими монголоидными чертами лица, что придавало ему жесткое выражение.

Женщина была одета модно: в высокие блестящие сапоги и брюки. На мужчине была помятая рубашка и покрытые пятнами брюки, что создавало впечатление почти намеренной вульгарности. Он улыбнулся Исидору, но его маленькие глаза остались непроницаемыми.

— Мы ищем...— начала маленькая блондинка.

Потом взгляд ее устремился за спину Исидора. Лицо ее расцвело в улыбке, и она ловко метнулась в промежуток между Исидором и дверью, воскликнув:

— Прис! Как ты?

Исидор обернулся. Женщины обнимались.

Он отошел в сторону, и в прихожую вступил Рой Бейти, строгий и большой, улыбаясь кривой, бесцветной улыбкой.

Четырнадцать

— Мы можем говорить?— спросил Рой, указывая на Исидора.

Прис, которая вся светилась радостью, сказала:

— Да, тут все в порядке, до определенной степени.

Исидору она сказала:

— Извините нас.

Она отвела в сторону Бейти, и некоторое время они о чем-то шептались, потом все трое встали перед Исидором, который чувствовал себя не в своей тарелке.

— Познакомьтесь, это мистер Исидор,— сказала Прис.— Он обо мне заботится.

В ее словах был злобный сарказм. Исидор заморгал.

— Видите? Он принес мне немного натуральной еды.

— Еды?— эхом повторила Имград Бейти.

Легкими шагами она прошла на кухню.

— О, персики!— воскликнула она.

Немедленно схватив чашку и ложку, она стала есть, глядя на Исидора. Она улыбалась, делая маленькие быстрые глотки, словно животное. Улыбка ее отличалась от улыбки Прис, в ней чувствовалось просто тепло, никакого замаскированного второго дна. Она сразу понравилась Исидору.

Войдя вслед за ней, он сказал:

— Вы с Марса?

— Да, мы бросили это дело.

Голос у нее был высокий, какой-то птичий, глаза искрились.

— Какой ужасный у вас дом. Здесь больше никто не живет, да? Мы не заметили больше освещенных окон.

— Я живу наверху,— сказал он.

— О, я думала, что вы с Прис живете вместе.

В ее тоне не было ничего неодобрительного. Просто она констатировала факт.

Продолжая улыбаться своей неприятной улыбкой, Рой произнес:

— Они прикончили Полокова.

Радость, появившаяся было на лице Прис при виде друзей, сразу растаяла.

— Кого еще?

— Убили Гарланда,— сказал Рой,— Андерса и Гитчела. А сегодня и Любу Люфт.

Он говорил так, как будто в силу какой-то извращенности ему было приятно сообщать все эти новости. Словно потрясение Прис доставляло ему удовольствие.

— Я думал, что Любу им не накрыть. Помните, я всегда говорил, что до нее они не доберутся.

— Тогда остается...— сказала Прис.

— Нас трое,— с мрачным предчувствием сказала Имград.

— Вот почему мы здесь.— В голосе Роя гудело неожиданно возникшее тепло. Чем хуже ситуация, тем приятнее, казалось, становилось ему. Исидор абсолютно не понимал его.

— Боже!— прошептала Прис.

— У них есть следователь, охотник, как они его называют,— сказала Имград,— по имени Дейв Холден.

Это имя, казалось, каплей яда упало с ее губ.

— Полоков едва не убил его.

— Е д в а не убил,— повторил Рой.

Улыбка расплылась по его лицу.

— Теперь этот Холден в больнице,— продолжала Имград.— Очевидно, список они передали другому охотнику, которого Полоков тоже едва не достал. Но в конце концов охотнику удалось убрать Полокова, и сейчас он добрался до Любы Люфт. Нам это известно, поскольку ей удалось связаться с Гарландом, и он послал кого-то поймать этого охотника привезти в здание на Медиссон-стрит. Люба вызвала нас сразу же после того, как агент Гарланда и охотник ушли. Она была уверена, что все обойдется и Гарланд убьет его, но, видимо, что-то не сработало. Мы не знаем, что именно, и, скорее всего, никогда не узнаем этого.

— У этого охотника есть список наших имен?— спросила Прис.

— Да, дорогая, думаю, что есть,— ответила Имград.— Но он не знает нашего местонахождения. Мы с Роем не вернемся в нашу квартиру. Мы набили кар вещами и решили, что найдем квартиру в одном из брошенных домов.

Исидор набрался храбрости.

— Благоразумно ли это — всем вам находиться в одном месте?— спросил он.

— Ну, со всеми остальными они уже покончили,— деловито сказала Имград. Она, как и ее муж, тоже казалась теперь странно отстраненной, несмотря на внешнюю возбужденность.

«Все они,— думал Исидор,— очень странные». Он чувствовал это, но был не в силах четко сформулировать, что именно это означало. Словно какая-то необычная и пагубная абстрактность пронизывала их мышление и психику. Кроме, может быть, Прис. Она явно была искренне напугана. Она казалась почти естественной, но...

— Почему бы тебе не переехать к нему?— спросил Рой.

Он указал на Исидора.— Он мог бы в какой-то степени охранять тебя.

— Недоумок?— удивилась Прис.— Я не намерена жить с недоумком.

Ее ноздри нервно подрагивали.

— Мне кажется, что в такой момент просто глупо быть снобом, Прис,— быстро сказала Имград.— Охотники не медлят. Он может попытаться покончить с нами еще сегодня вечером. Возможно, за скорость они получают дополнительную премию...

— Надо закрыть дверь в холл,— сказал Рой.

Он быстро подошел к двери и одним ударом ладони захлопнул ее, защелкнув замок.

— Я думаю, Прис, тебе стоило бы поселиться с мистером Исидором. И мне кажется, что нам с Имград следует находиться неподалеку. Тогда мы могли бы помогать друг другу. У меня в каре есть кое-какое электронное оборудование — всякий хлам, который я снял с корабля. Я устанавливаю потайной интерком, так что мы сможем слышать друг друга. Кроме того, я могу установить систему сигнализации. Ее сможет включать и выключать любой из нас. Совершенно очевидно, что синтетические маски личности не удались даже Гарланду. Конечно, он сам сунул голову в петлю, приведя этого охотника на Медиссон-стрит. И Полоков, вместо того чтобы держаться от полиции подальше, полез на рожон. Мы не станем этого делать, а будем жить здесь.

В голосе Роя не чувствовалось ни малейшего беспокойства. Ситуация, казалось, порождала в нем маниакальную уверенность и энергию.

— Я думаю...

Он громко втянул в себя воздух, привлекая внимание всех присутствующих.

— Я думаю, что мы трое все еще живы неспроста. Я думаю, если бы он предполагал, где мы находимся, то был бы уже здесь. Основной принцип охоты — действовать как можно быстрее. Вот в чем все дело.

— Если он станет ждать,— согласилась Имград,— мы можем ускользнуть от него еще раз. Да, Рой абсолютно прав — у него есть наши имена, но нет никаких данных о нашем местонахождении. Бедняжка Люба — работать в старой Опере, на самом виду... Ее нетрудно было найти.

— Что ж,— высокопарно заметил Рой,— она сама того хотела. Она считала, что так будет безопаснее — работать на виду у всех в качестве известной певицы.

— Но ты же предупреждал ее,— сказала Имград.

— Да,— согласился Рой.— Я говорил ей и Полокову, который вздумал выдавать себя за агента ВПО. И Гарланда я предупреждал, что один из его охотников когда-нибудь доберется и до него самого. Что, видимо, и произошло.

Рой покачивался на каблуках с умным видом.

— Как я понял из того, что услышал, мистер Бейти является вашим неформальным лидером,— сказал Исидор.

— Он организовал наше путешествие с Марса на Землю,— сказала Прис.

— О да, Рой — наш руководитель,— подтвердила Имград.

— Тогда,— сказал Исидор,— вы должны поступать так, как он предлагает.— Голос его прервался, не выдержав внутреннего напряжения и надежды.— Думаю, было бы здорово, Прис, если бы ты действительно поселилась у меня. Я мог бы пару дней не ходить на работу — у меня скоро отпуск. Я проследил бы, чтобы все было в порядке.

«Возможно, Милт, который очень изобретателен,— подумал Исидор,— мог бы сделать для меня кое-что из оружия, что-то невообразимое, с помощью которого я уничтожил бы всех охотников, кем бы они ни были».

На секунду ему почудилось нечто безжалостное, с лазером и напечатанным на листке списком жертв, движущееся с машинной точностью к своей цели — бюрократическому убийству за зарплату. Существо, лишенное эмоций, и даже самого лица, существо, которое в случае гибели немедленно заменяется другим, и так далее, пока не будут убиты все живые и настоящие.

«Невообразимо, невероятно,— думал он.— И полиция ничего не может поделать, я не могу поверить в такое. Эти люди, вероятно, совершили что-то незаконное, возможно, эмигрировали обратно на Землю нелегальным путем. Нам велено — так говорят каждый день по телевизору — сообщать о всякой посадке космического корабля вне правительственных космопортов. Очевидно, полиция старается воспрепятствовать незаконной эмиграции. Но даже если это и так, то теперь ведь за преступление не наказывают преднамеренным убийством. Это противоречит самой идее сострадания».

— Я нравлюсь этому недоумку,— сказала Прис.

— Не называй его так,— сказала Имград и послала Исидору теплый, сочувственный взгляд.— Только подумай, как он мог бы тебя назвать.

Прис промолчала. На ее лице появилось загадочное выражение.

— Я установлю переговорную цепь,— сказал Рой.— В этой квартире останемся мы с Имград. Ты, Прис, идешь вместе с мистером Исидором.

Рой направился к двери, делая шаги с поразительной для человека с таким весом легкостью. Секунду спустя он исчез за дверью, которая с грохотом захлопнулась.

У Исидора перед глазами вдруг возник образ металлического корпуса, платформы с рычагами и электронными контурами. Потом перед ним вновь возникла неряшливая фигура Роя Бейти, как изображение на постепенно проявляющемся фотографическом отпечатке. Исидор почувствовал желание расхохотаться. Он нервно подавил смех.

— Человек действия,— сказал голос Прис.— Очень плохо. Тем более что он не умеет обращаться с инструментами и механизмами.

— Если мы и спасемся,— сурово сказала Имград,— то только благодаря Рою.

— Не знаю, стоит ли пытаться спастись,— сказала Прис как бы сама себе. Она пожала плечами, а потом кивнула Исидору:— Итак, мистер Джон Р. Исидор, я переезжаю к вам. Можете меня охранять.

— Всех вас,— поправил ее Исидор.

Имград Бейти торжественным тоном изрекла:

— Я хочу, чтобы вы знали, мистер Исидор, как мы ценим вашу помощь. Кажется, вы первый человек на Земле, которого мы можем назвать другом. Мы очень вам благодарны. Быть может, мы сможем отплатить вам тем же.— Она подплыла к Исидору и погладила его по руке.— У вас не осталось доколониальной беллетристики? Мне хотелось бы почитать что-нибудь.

— Старые журналы,— сказала Прис.

Она уже собрала вещи, Исидор взял у нее из рук узел, чувствуя внутри какое-то сияние, происходящее от сознания достигнутой цели.

Он вышел в холл и сказал:

— Завтра я пойду в библиотеку и возьму несколько книг, чтобы вы могли почитать, а не сидеть, скучая.

Он провел Прис в свою квартиру — темную, душную и какую-то странную. Отнеся ее вещи в спальню, Исидор включил свет и телевизор с его единственным работающим каналом.

— Мне здесь нравится,— сказала Прис все тем же холодным и отстраненным тоном. Она прошла по комнатам, сунув руки в карманы юбки. На ее лице было выражение отвращения.

— Что случилось?— спросил он, выкладывая ее вещи на кровать.

— Ничего.

Она остановилась у окна-картины и отодвинула занавески, уставившись на изображение.

— Если вы считаете, что они отслеживают вас...— начал Исидор.

— Это все галлюцинации,— перебила Прис,— вызванные наркотиками, которые дал мне Рой.

— Простите?

— Вы действительно думаете, что эти охотники существуют?

— Мистер Бейти сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бейти такой же ненормальный, как и я. Наше путешествие заключалось в побеге из психиатрической лечебницы на восточном побережье. Мы все — шизофреники с дефектами в эмоциях... Сглаживание аффекта, вот как это называется. И у нас случаются групповые галлюцинации.

— Мне кажется, что это неправда,— сказал он с облегчением.

— Почему?

Она резко повернулась и пристально посмотрела на него. Так пристально, что Исидор вспыхнул.

— Потому что такие вещи, как вы рассказываете, не бывают. Правительство никогда не убивает людей. И сострадание...

— Но понимаете,— сказала она,— если вы — человек, тогда это меняет дело.

— Неправда. Даже животные, даже угри, суслики и змеи, пауки — даже они священны.

Прис, все еще не отрывая от него напряженного взгляда, спросила:

— Значит, это неправда? Как вы говорите, даже животные священны? Всякая жизнь, все органическое, все, что прыгает, летает, ползает, откладывает яйца...

Она замолчала, заметив вошедшего Роя Бейти, который тащил за собой провода.

— И в особенности — насекомые,— сказал Рой.— Это вообще святая святых.

Он не был смущен, хотя и подслушал их разговор.

Сняв со стены картину, он прикрепил к гвоздю небольшое электронное устройство, потом сделал шаг назад, осмотрел его, и повесил картину на место.

— Теперь сигнализация.

Собрав волочившиеся по полу провода, он присоединил

их к сложному прибору, который поднес к Исидору и Прис. И все время улыбался своей странной улыбкой.

— Это сигнализация. Эти провода идут под ковром. Они являются нашей антенной, которая улавливает присутствие... — Он колебался. — ...ментального единства, — туманно пояснил он, — отличающегося от нас четверых.

— Ну, понятно, и при этом звонит звонок, — сказала Прис. — И что тогда? У него ведь пистолет, а напасть на него и искушать до смерти мы не можем.

— Это устройство, — продолжал Рой, — имеет вмонтированный стимулятор Пенфилда. Когда сигнализация срабатывает, он начнет излучать волну паники по направлению к нападающему, если только тот не будет действовать чересчур быстро, что, впрочем, маловероятно. Никакой человек не вынесет и секунды рядом с этим излучателем. Природа паники такова, что она вызывает беспорядочное движение и желание бежать без оглядки. Это даст нам возможность прикончить его. Конечно, в зависимости от его ловкости.

— А на нас излучение не подействует? — спросил Исидор.

— Верно, — сказала Прис. — Оно подействует и на Исидора.

— Ну и что? — отозвался Рой и снова занялся своими проводами.

— Они оба выбегут отсюда. Это даст нам время среагировать. Исидора убивать не станут — его нет в списке охотника. Вот почему он полезен нам как прикрытие...

— А получше ты ничего не можешь придумать, Рой? — резко спросила Прис.

— Нет, — сказал он, — не могу.

— Завтра я смогу достать оружие, — сказал Исидор.

— А ты уверен, что присутствие Исидора не включит сигнализацию? — спросила Прис. — Ведь он... Ты понимаешь...

— Я ввел компенсацию на его энцефалографическое излучение, — объяснил Рой. — Чтобы вывести систему из равновесия, необходимо появление еще одного человека!

Он нахмурился и бросил косой взгляд на Исидора, соображая, что сказал что-то не то.

— Вы — андроиды, — сказал Исидор. Но ему было все равно. Для него это было совершенно безразлично. — Теперь я понимаю, почему они хотят вас убить. Вы ведь действительно неживые.

Теперь он все понял. Теперь все сходилось: охотники, убийство их друзей, перелет на Землю, все эти предосторожности.

— Да, когда я сказал «человека», я совершил ошибку,— сказал Рой Бейти.

— Совершенно верно, мистер Бейти,— сказал Исидор.— Но какая, собственно, разница? То есть ведь я специал, и со мной они тоже не очень-то церемонятся. Например, я не имею права на эмиграцию.

Он почувствовал, что его понесло.

— Вы не можете вернуться на Землю, а я...

После некоторого молчания Рой Бейти лаконично ответил:

— На Марсе вам не очень-то понравилось бы. Так что вы ничего не потеряли.

— Мне было очень интересно узнать,— сказала Прис Исидору,— сколько тебе понадобится времени, чтобы догадаться. Мы не такие, как люди, да?

— На этом, видимо, как раз и споткнулись Гарланд и Полоков. Они были так чертовски уверены в себе, что пытались выдавать себя за людей,— сказал Рой.— И Люба тоже.

— Вы интеллектуальны.— Исидор почувствовал подъем и радость от того, что смог понять и сделать выводы.— Вы мыслите абстрактно, и вы не...

Он пошевелил пальцами, не в силах подобрать слова, которые опять стали цепляться друг за друга.

— Если бы у меня был такой же коэффициент умственного развития, тогда я прошел бы тест и перестал бы быть недоумком. Мне кажется, что вы выше меня и я мог бы у вас поучиться.

Рой Бейти помолчал и сказал, возобновив работу:

— Сейчас закончу настройку сигнализации.

— Он еще не понимает...— резко заметила Прис. В ее тоне чувствовалась какая-то ломкость, но слова прозвучали как удар грома: — ...не понимает, каким образом мы бежали с Марса и почему нам пришлось это сделать.

— Да,— простонал Рой. В проеме открытой двери он заметил Имград.

— Я думаю, нам не стоит беспокоиться относительно мистера Исидора,— искренне сказала та.

Потом подошла к нему и заглянула в лицо.

— Они тоже с ним плохо обращались, как он сказал, и его не интересует то, что мы совершили на Марсе. Он нас уже знает, мы ему нравимся, а эмоциональное восприятие для него — самое главное. Нам трудно понять это, но это именно так.

Исидору она сказала:

— Вы могли бы заработать кучу денег, если бы выдали нас полиции. Вы понимаете?

Она снова стояла очень близко и смотрела в лицо Исидора, потом повернулась и сказала мужу:

— Видишь, он понимает, но все равно ничего не скажет.

— Вы выдающийся человек, Исидор,— сказала Прис.— Вы делаете честь вашей расе.

— Если бы он был андроидом,— с жаром продолжил Рой,— он донес бы на нас уже завтра утром, еще до полудня, и с нами было бы покончено. Я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение.

Тон его невозможно было определить. Исидор, во всяком случае, не был на это способен.

— И вы воображали, что в этом мире у нас не найдется ни одного друга, что это будет планета врагов!— Он засмеялся, словно залаял.

— Я совершенно спокойна,— сказала Имград.

— Твоей душе следовало бы поискать уголок в пятках.

— Давайте голосовать,— предложила Прис.— Как на корабле, когда возникали разногласия.

— Что ж,— сказала Имград,— если мы откажемся от этой возможности, то не думаю, что нам удастся найти другого человека, который стал бы нам помогать. Мистер Исидор...— она пыталась найти слова.

— Экстраординарный случай,— подсказала Прис.

Пятнадцать

Голосование было проведено в торжественной обстановке.

— Мы остаемся здесь,— твердо сказала Имград,— в этой квартире, в этом здании.

— Я голосую за то, чтобы мы убили мистера Исидора и спрятались в другом месте.

Рой обернулся к Прис. Исидор сделал то же самое.

— Пожалуй, нам следует остаться здесь,— приглушенно сказала Прис.— Думаю, ценность помощи мистера Исидора больше той опасности, которую он представляет. Мы явно не в состоянии жить среди людей необнаруженными. Это уже погубило Полокова, Любу, Андерса и Гарланда.

— Возможно, они тоже сделали то, что сейчас собираемся сделать мы,— сказал Рой Бейти,— доверились кому-то, поверили какому-то человеческому существу, которое, как и мы, казалось, отличалось от остальных, было, как вы выразились, экстраординарным случаем.

— Нам это не известно,— сказала Имград.— Все это — не более чем предположения. Я думаю, все дело в том, что они...

Она взмахнула рукой.

— Что они не пытались держаться подальше от посторонних глаз. Особенно Люба. Мы доверяем... Я скажу тебе, Рой, чему мы доверяем, что нас губит,— вера в превосходство нашего разума!

Она гневно посмотрела на мужа, ее маленькие высокие груди быстро поднимались и опускались.

— Мы все такие у м н ы е, Рой. Ведь ты и сейчас делаешь ту же ошибку.

— Кажется, Имград права,— сказала Прис.

— Таким образом, мы вверим наши жизни нестандартному, деградирующему...— начал Рой.

Потом он сдался.

— Я устал. Трудный это был путь, Исидор, и долгий. А здесь мы, к сожалению, совсем недавно.

— Я надеюсь,— радостно сказал Исидор,— что могу хоть частично сделать ваше пребывание на Земле приятным.

Он был уверен, что сможет. Это казалось кульминацией всей его жизни и той новой энергии, способной создать ему авторитет, которую он приобрел сегодня после разговора по видеофону.

После окончания официального рабочего дня Рик Деккард отправился через весь город в район зоомагазинов.

Магазины крупных дельцов, занимающихся продажей настоящих животных, своими огромными зеркальными витринами и манящими вывесками занимали несколько кварталов.

Незнакомая и ужасная депрессия, которая придавила его несколькими часами раньше, не прошла, и посещение зоомагазина казалось ему единственным светлым событием в окружающем его сером тумане. Он пытался изгнать депрессию из своего сознания запахом животных и крупными денежными сделками. Во всяком случае, это всегда оказывало на него положительное воздействие. Возможно, и теперь ему удастся добиться этого снова.

— Слушаю, сэр,— приветствовал его молодой продавец.

Рик с несколько простоватым видом рассматривал поразительные витрины.

— Вы выбрали что-нибудь подходящее?

— Я многое хотел бы купить,— сказал Рик,— но меня беспокоит цена.

— Сэр, скажите мне только, какого уровня покупку вы хотели бы сделать и что вам хотелось бы приобрести. Я справлюсь у нашего управляющего и получу «добро».

— У меня есть три тысячи наличными,— сказал Рик. Управление в конце дня выплатило ему премию.— Сколько стоит вон та семья кроликов?

— Сэр, если у вас есть три тысячи наличными, вы могли бы стать владельцем чего-либо более существенного, чем кролики. Как насчет козла?

— Никогда не испытывал к ним особого интереса.

— Простите, не могу я узнать: является ли покупка такого уровня обычной для вас?

— Обычно я не хожу каждый день с тремя тысячами в кармане.

— Я так и подумал, когда вы спросили о кроликах, сэр. Дело в том, что кролики очень распространены. Я хотел бы, чтобы вы перешли в более почетный класс владельцев козлов, где, как мне кажется, ваше настоящее место. Честное слово, для меня вы — истинный владелец козла.

— В чем же их преимущество?

— В том, что его можно научить бодать всякого, кто попытается его украсть.

— Но только не в том случае, когда в него выстрелят наркотиком, а потом поднимут на канате в парящий аэрокар.

Продавец невозмутимо продолжал:

— Козел лоялен по отношению к своему хозяину. Это свободная душа, которую не способны смять никакие клетки. И еще одно. Очень часто, вложив в животное деньги и привезя покупку домой, вы обнаруживаете в один прекрасный день, что животное съело какую-нибудь радиоактивную дрянь и умерло. Козлу не страшна зараженная субпшца, он способен потреблять такие дозы, которые свалили бы корову, лошадь и тем более кота. В качестве долгосрочного вложения козлы, а в особенности козы, имеют особые преимущества.

— А это коза?

Рик заметил большое черное животное козлиного рода, стоящее в центре клетки. Рик двинулся в том направлении, сопровождаемый продавцом. Животное показалось Рiku просто прекрасным.

— Да, это самка. Черная нубийская порода, отличный образец для рынка этого года. И мы предлагаем ее по очень низкой цене.

Вытащив потерянный экземпляр каталога, Рик посмотрел цену на черную нубийскую козу.

— Целиком наличными?— спросил продавец.— Или часть платы внесете в виде использованного животного?

— Наличными,— сказал Рик.

На бумажном листке продавец нацарапал цену и быстро, почти украдкой, показал ее Рику.

— Слишком дорого, — сказал тот.

Он взял листок и написал свою цену.

— Мы не можем отдать козу за такую сумму, сэр, — запротестовал продавец. И начертил новую цифру. — Этой козе нет еще и года. У нее очень высокая продолжительность жизни.

И еще раз показал бумажку Рику.

— Идет, — сказал тот.

Он подписал контракт на рассрочку, заплатил три тысячи долларов в качестве первого взноса — всю свою премию — и вскоре уже стоял рядом со своим аэрокаром, наблюдая, как служащие магазина грузят в него клетку с козой. «Я владею настоящим животным, — сказал он себе, — живым животным, а не электрической подделкой. Второй раз в жизни».

Цена и долговое рабство контракта пугали его, он чувствовал, что дрожит. «Но я должен был это сделать, — думал он. — После столкновения с Филом Речем я должен был вернуть веру в свои силы, иначе я не смогу продолжать работу».

Немеющими руками он направил кар в небо, направляясь домой. «Ирен будет рассержена, — подумалось ему, — потому что ее испугает ответственность».

И снова расстроился. «На ее долю придется много работы по уходу за животным, потому что она целый день дома».

Рик посадил аэрокар на крышу и некоторое время сидел неподвижно. В уме он уже сочинял живописную версию. «Этого требует мой разум, моя работа, — сказал он, пытаясь убедить себя, — и, в конце концов, престиж. С электрической овцой жить уже невозможно, это угнетает меня. Вероятно, этот вариант все же удовлетворит ее».

Выбравшись из кара, он вытащил клетку с козой и с пытанием поставил на крышу. Коза, всю дорогу скользившая по дну клетки, проницательно взглянула на него большими глазами, но не издала ни звука.

Он спустился на свой этаж и подошел к двери квартиры.

— Привет, — сказала Ирен. Она была занята на кухне. — Ты сегодня поздно.

— Поднимись на крышу, — сказал он. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Ты купил животное!

Она сняла фартук, машинально пригладила волосы и последовала за ним к лифту.

— Не нужно было покупать без меня,— выдохнула Ирен.— Я тоже имею право участвовать в этом, тем более что речь идет о самом важном приобретении, которое...

— Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Ты сегодня заработал неплохую премию,— обвинительно сказала она.

— Да,— сказал Рик.— Я убрал трех анди.

Он вошел в кабину лифта, подождал жену, и они поднялись на крышу.

— Мне необходимо было это сделать,— сказал он.— Со мной сегодня что-то произошло. Если бы я не купил животное, я не смог бы больше работать охотником.

Лифт остановился. Вместе с Ирен Рик вышел в вечерние сумерки, подошел к клетке, включил лампы, установленные обитателями дома, и указал на козу, молча ожидая реакции жены.

— Боже мой!— воскликнула она.

Ирен подошла к клетке, заглянула в нее, потом обошла, рассматривая козу со всех сторон.

— Она действительно настоящая? Не электрическая?

— Абсолютно настоящая,— сказал он,— если только меня не надули.

Это случалось крайне редко, поскольку штраф за подделку достигал астрономических величин: две с половиной рыночной цены животного.

— Нет, меня не надули.

— Коза,— сказала Ирен.— Черная нубийская порода.

— Да, коза,— подтвердил Рик.— Возможно, в будущем нам удастся свести ее с самцом, тогда у нас будет молоко, из которого можно делать сыр.

— А ее можно выпустить? Куда мы ее поселим? К овце?

— Сначала нужно ее привязать,— сказал Рик.— По крайней мере, на первое время.

— «Жизнь моя — любовь и наслаждение»,— вдруг пропела Ирен.

У нее странно изменился голос.

— Это старая-старая песня Иоганна Штрауса. Помнишь, когда мы в первый раз встретились?— Она положила руку ему на плечо, прижалась к нему и поцеловала.— Много любви и очень много наслаждения.

— Спасибо,— сказал он, обняв ее.

— Давай спустимся скорее вниз и поблагодарим страдающего, потом вернемся наверх и дадим ей имя. Ей необходимо какое-то имя. И ты, может быть, отыщешь какую-нибудь веревку, чтобы привязать ее.

Ирен направилась к лифту. Их сосед, Билл Барбур, стоявший рядом со своей лошастью Джуди, окликнул Рика:

— Эй, мистер Декард, у вас отличная коза. Поздравляю! Добрый вечер, миссис Декард. Возможно, у вас появятся козлята. Я мог бы обменять жеребенка на пару козлят.

— Спасибо,— сказал Рик, направляясь следом за женой.— Твоя депрессия прошла?— спросил он у Ирен.— Я, кажется, вылечился.

— Да, эта покупка меня вылечит. Теперь мы больше можем не скрывать, что наша овца — поддельная.

— Какая разница?— осторожно спросил он.

— Но теперь ведь все равно,— настаивала Ирен.— Теперь нам нечего скрывать. Теперь у нас есть настоящее животное. Это просто сон!

Она снова поднялась на цыпочки и поцеловала мужа. Нервное, возбужденное дыхание жены коснулось шеи Рика. Потом она протянула руку и нажала кнопку.

Что-то внутри Рика вдруг тревожно прошептало предупреждение, и он произнес:

— Давай не будем пока спускаться. Я хочу посидеть наверху. Просто посидеть и посмотреть на козу. А может быть, нужно покормить ее? В магазине мне дали для начала мешок овса. И мы могли бы посмотреть руководство по уходу за козой. Это мне тоже вручили, бесплатно. Мы назовем ее Эуфемией.

Но лифт уже подошел, и Ирен зашла в кабину.

— Ирен, погоди!— позвал он.

— Это было бы просто аморально,— строго сказала она,— если бы мы сейчас не слились с Сострадающим. Сегодня я уже подключалась к генератору, и это немного облегчило меня, но только чуть-чуть, совсем не так, как твоя покупка. Но все равно в меня каким-то образом попал камень.

Она продемонстрировала ему запястье с маленьким синяком.

— Я постоянно думала о том, насколько было бы лучше, несмотря на боль, когда с нами Сострадающий, и как плохо без него. Мы испытываем физическую боль, но духом мы едины с ним. Я чувствовала их присутствие — их всех, по всему миру, которые были слиты вместе с ним в этот момент.

Ирен придерживала двери лифта, не давая им скользнуть на место.

— Заходи, Рик. Это всего лишь минута. Ты ведь почти никогда не участвуешь в слиянии. Я хочу, чтобы ты пере-

дал то настроение, в котором находишься, всем остальным. Оставлять это себе одному — аморально.

Ирен, конечно, была права. Он вошел в лифт, и они вернулись в квартиру.

Войдя в гостиную, Ирен быстро щелкнула выключателем эмпатического генератора. Лицо ее осветилось живой радостью.

— Я хочу, чтобы все знали,— сказала она ему.— Со мной это уже случалось — я вошла в слияние и поймала эмоции какого-то человека, только что купившего животное. А в другой раз...

Лицо ее на секунду потемнело, удовольствие исчезло.

— Однажды я обнаружила чувства человека, потерявшего свое животное. Но мы делили с ним все наши радости — хотя у меня лично их не было совсем. И ты знаешь, это его немного ободрило. Мы даже могли бы предотвратить потенциальное самоубийство — то, что мы испытываем, чувствуем...

— Они получают нашу радость,— сказал Рик,— но сами мы ее теряем, обменяем на то, что чувствуют они. Наша радость исчезнет.

На экране генератора проносились потоком какие-то бесформенные сочетания цветов. Затаив дыхание, Ирен сжимала рукоятки.

— Нет, мы не потеряем ничего из того, что чувствуем, если только будем удерживать эти ощущения в себе. У тебя разве нет навыка слияния, Рик?

— Кажется, нет,— сказал он.

Сейчас он впервые начал понимать, какое значение для Ирен имеет сострадание. Возможно, общение с Речем и их совместная охота произвели трансформацию какого-то незначительного ответвления в его мозгу, переключили нейтронный тумблер, и, возможно, началась цепная реакция изменений.

— Ирен!— настойчиво позвал он.

Он оттащил жену от генератора эмпатии.

— Послушай! Я хочу рассказать тебе о том, что случилось со мной сегодня.

Рик отвел ее к дивану, усадил и сам сел рядом.

— Я познакомился с другим охотником, которого раньше никогда не видел и даже ничего не слышал о нем. Ему нравится уничтожать андроидов. И вот, после того как я провел охоту вместе с ним, я по-другому взглянул на анди. То есть раньше я относился к ним примерно так же, как и он, только по-своему.

— Разве с этим нельзя подождать?— спросила Ирен.

— Я выбрал один из вопросов теста и провел эксперимент,— сказал Рик.— Все сошлось — я действительно начал сопереживать андроиду. Сегодня утром ты сказала — «бедные анди». Поэтому ты понимаешь, о чем я говорю. Из-за этого я и купил козу. Я никогда еще не чувствовал ничего подобного. Возможно, это было что-то вроде депрессии, как у тебя. Теперь я понимаю, как ты страдаешь. Я всегда был уверен, что тебе просто нравится твоя депрессия и что ты можешь вырваться из нее в любой момент, если только захочешь, если не сама, то хотя бы с помощью стимулятора Пенфилда. Но дело в том — и я понял это,— что в таком состоянии тебе уже все равно. Апатия, потому что потеряно чувство цены. Ничто ничего не стоит, и не надо чувствовать себя лучше, потому что, если потерять это ощущение...

— А как же с твоей работой?

Рика словно ударили. Он промолчал.

— Работ а,— повторила она.— Сколько мы должны вносить в месяц за козу?

Она протянула руку. Он машинально вытащил контракт зоомагазина и протянул ей.

— Сколько?!— протянула она тонким голоском.— А проценты... Боже, одни только проценты!.. И ты сделал это только потому, что почувствовал себя подавленно, а вовсе не потому, что хотел сделать мне сюрприз.

Она вернула ему документы.

— Что ж, это не важно. Все равно я очень рада, что ты купил ее. Я уже люблю эту козу. Но это такое время!

Она помрачнела.

— Я могу перейти в другой отдел,— сказал Рик.— У Департамента десять или одиннадцать отделов. Заняться, например, похищением животных. Меня бы взяли.

— Но твои премии! Они необходимы нам, иначе магазин просто заберет козу.

— Я перепишу контракт с тридцати шести месяцев на сорок восемь.

Он стремительно извлек шариковую ручку и начал писать на обратной стороне листа.

— Это получится на пятьдесят два доллара пятьдесят центов меньше в каждом месяце.

Зазвонил видеофон.

— Если бы мы остались на крыше, а не спустились сюда,— сказал Рик,— то мы бы не услышали этого звонка.

Он чувствовал сожаление.

— Чего ты боишься? Они же еще не собираются отобрать у тебя козу.

Ирен подошла к аппарату и протянула руку к трубке.

— Это из Департамента,— сказал он, направляясь в спальню.— Скажи, что меня нет дома.

— Алло!— отозвалась Ирен.

«Еще три андроида,— подумал Рик,— которых мне следовало выследить, а не отправляться домой». На экране появилось лицо Гарри Брайанта, и теперь уходить было уже поздно. На негнувшихся ногах Рик вернулся к экрану.

— Да, он здесь,— говорила Ирен.— Мы купили козу. Заходите к нам, мистер Брайант, посмотрите на нее.

Последовала пауза. Потом она протянула трубку Рiku.

— Он хочет что-то тебе сказать.

Быстро вернувшись в кресло, она снова схватила за ручки генератора эмпатии. Почти мгновенно она была поглощена слиянием. Рик ясно осознал ее ментальное отсутствие в комнате, ощутив собственное одиночество.

— Алло,— сказал он в трубку.

— Мы посадили хвост на двух оставшихся андроидов.

Он звонил из своего кабинета. Рик видел хорошо знакомый ему стол, завал бумаг и прочего мусора.

— Они явно встревожены. Съехали с того старого адреса, который дал тебе Холден. Теперь их можно найти... минутку...

Брайант принялся перебирать бумаги, отыскивая нужные сведения. Рик машинально нащупал ручку. Он разгладил на колене контракт и приготовился писать на обратной стороне.

— Жилой блок 3967-Ц,— продиктовал инспектор.— Отправляйся туда как можно быстрее. Мы предполагаем, что они узнали о том, что мы убрали Гарланда и Любу Люфт. Поэтому и сбежали.

— Незаконное бегство, чтобы спасти свои жизни.

— Ирен сказала, что вы купили козу. Сегодня, после того, как ты уехал из управления?

— Да, по дороге домой.

— Когда ты покончишь с остальными андроидами, я приеду взглянуть на нее. Кстати, я только что говорил с Дейвом Холденом. Я рассказал, как трудно тебе пришлось с этими андроидами. Он поздравил тебя и советует удвоить осторожность. Он говорит, что «Узел-6» оказался более сообразительным, чем он предполагал. Он вообще с трудом поверил в то, что ты отправил на покой троих анди за один день.

— Троиш достаточно,— сказал Рик.— Я больше не могу. Мне нужно отдохнуть.

— Но завтра их может уже не быть здесь,— настаивал Брайант.— И они окажутся вне зоны нашей юрисдикции.

— Не так быстро. Они все еще будут поблизости.

— Ты поедешь туда сегодня,— твердо сказал Брайант,— пока они еще не окопались. Они не ожидают, что ты среагируешь так быстро.

— Наоборот, они будут ждать меня.

— Поджилки трясутся? Из-за Полокова, который...

— Ничего у меня не трясется. Ладно, я полечу туда.— Он хотел положить трубку, но Гарри проговорил:

— Дай мне знать, как только будут результаты. Я буду у себя в кабинете.

— Если я устранию их, я куплю овцу.

— У тебя ведь есть овца, насколько я знаю,— уточнил Брайант.

— Она электрическая.

И сразу же повесил трубку. «На этот раз овца будет настоящая. Она мне необходима для компенсации».

У черного ящика генератора эмпатии скорчилась его жена с восхищенно отсутствующим лицом. Некоторое время Рик стоял рядом с ней, рука его покоилась на ее груди. Он чувствовал, как грудь поднимается и опускается в такт приливам и отливам жизни внутри Ирен. Она не замечала его, как и всегда, поглощенная слиянием с Сострадающим.

На экране видно было облаченную в балахон фигуру Сострадающего, который взбирался вверх по склону. Мимо пронесся кусок скалы. Глядя на него, Рик вдруг подумал: «Боже мой, ведь в моей ситуации есть что-то худшее, чем в его положении. Сострадающему не приходится совершать что-то чуждое своей природе. Он страдает, но, по крайней мере, может не насиловать собственную сущность».

Нагнувшись, Рик осторожно убрал пальцы Ирен с черных клавиш и занял ее место. Первый раз за несколько недель.

Это было сделано импульсивно. Он не хотел этого. Все произошло внезапно и неожиданно. Перед ним простирался пустынный пейзаж, пустырь, покрытый сорняками. В воздухе пахло цветами. Это была пустыня, где не бывает дождя, и цветы сорняков пахли как пыль.

Перед ним стоял человек. В его глазах светился свет жалости. Глаза были усталыми и полными боли.

— Сострадающий,— произнес Рик.

— Я друг твой,— ответил старик.— Но продолжай свой

путь, словно меня не существует. Таков твой долг. Ты понимаешь меня?

— Нет, не понимаю. Мне нужна помощь.

— Но как я могу спасти тебя,— возразил старик,— если я не в состоянии спасти себя?— Он улыбнулся.— Разве ты не видишь? Это не воскресение, спасения нет.

— Тогда зачем все это?— зло спросил Рик.— Зачем тогда ты нужен?

— Чтобы показать тебе,— сказал Вилбур Сострадающий,— что ты не одинок, что с тобой — я, и я всегда буду с тобой. Продолжай исполнять свой долг, хотя ты знаешь, что поступаешь плохо.

— Почему я должен исполнять его? Я брошу эту работу и эмигрирую.

— Куда бы ты ни отправился, везде от тебя потребуют поступать плохо. Таково фундаментальное условие жизни — насиловать собственную сущность. В какой-то момент любому живому существу приходится так поступать. Это неизбежная тень, проигрыш эксперимента творения, проклятие, наложенное на него, проклятие, которое питает жизнь во всей Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать?— спросил Рик.

Мимо просвистел камень. Он пригнулся, но другой камень ударил его в ухо. Он тут же выпустил рукоятки генератора и снова оказался в собственной гостиной, рядом с женой и ящиком генератора. Голова раскалывалась от удара. Протянув руку, он обнаружил, что по щеке стекает струйка крови.

Ирен прижала к его уху носовой платок.

— Наверное, мне нужно поблагодарить тебя за то, что ты меня освободил. Я не переносу, когда в меня попадает камень. Ты принял удар на себя.

— Мне нужно идти.

— Работа?

— Целых три.

Он взял у нее платок и пошел к выходу. Голова немного кружилась. Теперь он чувствовал и тошноту.

— Удачи,— сказала Ирен.

— Ничего мне этот черный ящик не сделал,— сказал Рик.— Со мной говорил Сострадающий, но это не помогло. Он знает не больше моего. Это просто старик, взбирающийся на гору навстречу своей смерти.

— Но разве это не откровение?

— Это откровение уже у меня было.

Рик открыл дверь в холл. «Жилой блок 3967-Ц,— прочитал он пометки на обороте контракта.— Это в пригороде, в покинутом районе. Там легко спрятаться. Не считая огней вечером. Вот на что я буду ориентироваться. Окна. Как бабочка. Эти трое будут последними. Сострадающий прав: нужно исполнять свой долг. Но едва ли я смогу. Сразу трое — это уже вопрос не морали, а практики. Вероятно, я не смогу отправить их на покой. Я слишком устал, за этот день случилось слишком много веселенького. Возможно, Вилбур знал это и предвидел все, что должно произойти. Но я знаю, где мне найти помощь, которую мне уже предлагали и которую я отверг».

Он вышел из лифта на крышу и минуту спустя сидел в темноте кабины аэрокара, набирая номер на диске видсофона.

— Компания «Розен Ассосиэйшн»,— ответила дежурная.

— Рейчел Розен,— произнес он.

— Простите, сэр?

— Позовите мне Рейчел Розен.

— Если мисс Розен ожидает...

— Я уверен, что да,— сказал он и стал ждать.

Десять минут спустя на экране появилось миниатюрное смуглое лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, мистер Декард.

— Вы сейчас заняты, или мы можем поговорить?— спросил он.— О том, что вы мне предлагали.

Казалось, это произошло не сегодня, а многие поколения тому назад. Многие поколения родились и превратились в прах с тех пор, как он последний раз говорил с Рейчел Розен.

Вся тяжесть этого времени навалилась на него. Он чувствовал физический вес сго. «Это, наверное, из-за камня»,— подумал он, прижимая платок к кровоточащему уху.

— У вас ухо порезано,— заметила Рейчел.— Как вам не стыдно.

— Вы действительно были уверены, что я вызову вас?— спросил Рик.

— Я уже говорила вам,— объяснила Рейчел,— что без моей помощи один из новых андроидов прикончит вас раньше, чем вы успеете отправить его на покой.

— Вы ошиблись.

— Но вы звоните мне. Вы хотите, чтобы я прилетела в Сан-Франциско?

— Да, сегодня.

— О нет, уже слишком поздно. Лететь нужно целый час, так что я буду только завтра.

— Мне приказано покончить со всеми делами еще сегодня вечером,— уныло проговорил Рик. Помолчав, он добавил: — Из всех осталось только трое.

— Судя по вашему голосу, вам здорово досталось.

— Если вы не прилетите сегодня вечером, то я отправлюсь искать их в одиночку и мне не удастся с ними справиться. Я буквально только что купил на премию за трех первых анди козу.

— Эх, вы, хомо,— сказала Рейчел.— Козлы воняют.

— Это только самцы. Об этом написано в руководстве, которое мне дали в магазине.

— Вы действительно выглядите усталым,— сказала она, помедлив.— У вас голова не кружится? Вы уверены, что сознаете, на что идете, пытаясь убрать еще троих андроидов типа «Узел-6»? Еще никому не удавалось устранить столько андроидов за один день.

— Франклин Пауэрс прикончил в прошлом году в Чикаго примерно семерых.

— Это были устаревшие модели типа У-4,— напомнила ему Рейчел.— Это совсем другое дело.— Она задумалась.— Рик, я не могу. Я еще не ужинала.

— Но вы мне необходимы.— «Иначе я погибну,— сказал он себе.— Я знаю это. И Сострадающий знал. Думаю, Рейчел Розен тоже это знает. Я зря трачу время. Нет смысла просить сострадания у андроида. У него просто нет такого органа».

— Извини, Рик, но сегодня это невозможно. Завтра.

— Месть андроида?

— Что?

— Потому что я раскусил вас во время теста.

— Вы так думаете? В самом деле?

— До свидания,— сказал он.

— Послушайте,— быстро проговорила Рейчел.— Подождите немного, подумайте.

— Вы так говорите, потому что андроиды вашего типа умнее людей.

— Но я действительно не понимаю!

Она вздохнула.

— Я ясно вижу, что вы не хотели бы заниматься этим сегодня. Точнее, вы вообще не хотите браться за это. Вы уверены, что вам нужна моя помощь при устранении трех оставшихся андроидов? Или же вы хотите, чтобы я убедила вас не начинать этого дела?

— Прилетайте. Я сниму комнату в отеле для двоих.

— Зачем?

— Сегодня я кое-что услышал,— хрипло сказал он,— касающемся отношений между человеком-мужчиной и андроидом-женщиной. Прилетайте в Сан-Франциско, и я оставлю в покое трех остальных. Мы займемся другим делом.

Рейчел посмотрела на него, потом решительно сказала:

— Хорошо, я прилечу. Где мы встретимся?

— У «Сент-Френсиса». Это единственный приличный отель в зоне Залива.

— И пока я не прилечу, вы ничего не предпримете?

— Я буду сидеть в отеле и смотреть по телевизору Бастера Джруби. В последние три дня его гостей была Аманда Вернер, а она мне нравится. Я мог бы смотреть на нее до конца жизни. У нее такие груди, что кажется, они улыбаются.

Рик повесил трубку и некоторое время сидел неподвижно, ни о чем не думая.

Наконец холод в кабине заставил его встрепенуться. Он повернул ключ зажигания и секунду спустя летел в сторону центра города, направляясь к отелю «Сент-Френсис».

Шестнадцать

В огромном и чрезмерно роскошном номере отеля Рик Декард принялся изучать досье на трех оставшихся андроидов, в частности на Роя и Имград Бейти. К двум листам досье были приложены стереоснимки, сделанные с помощью телескопических объективов. Снимки были крайне нерезкие.

Он решил, что женщина очень хороша, в то время как ее муж — довольно неприятен.

Рик прочитал, что на Марсе Бейти выдавал себя за фармацевта и использовал это как прикрытие.

На самом деле Рой, видимо, был чернорабочим, но мечтал о чем-то большем. «Разве андроиды мечтают?— подумал он.— Очевидно, да. Вот почему они иногда убивают своих хозяев и бегут на Землю — чтобы жить без рабского труда в поле, чтобы петь, как Люба Люфт, в «Волшебной флейте», а не трудиться сутками в каменистом поле на необитаемом Марсе».

«Рой Бейти,— информировало досье,— умеет создавать впечатление агрессивной, напористой и авторитетной натуры. Именно этот андроид, предававшийся мистическим ви-

дам деятельности, предложил группе совершить побег, подведя под это идеологическую базу о якобы священном характере жизни андроида. Вдобавок он похитил ряд наркотических средств для воздействия на мозг и проводил с ними опыты, утверждая, когда был пойман с поличным, что надеялся вызвать у группы андроидов ощущения, аналогичные тем, которые испытывают приверженцы сострадания во время слияния. Он утверждал, что подобные ощущения все еще продолжают оставаться недоступными для андроидов».

В этом досье было что-то жестокое.

Грубый, хладнокровный, расчетливый андроид стремился испытать нечто, что было изначально недоступно для него благодаря намеренно встроенному дефекту.

Но особого сочувствия к Рою Бейти Рик не ощущал. Заметки Дейва передавали отталкивающее впечатление, которое производил этот андроид. Он пытался вызвать ощущение слияния, а потом, когда попытка провалилась, организовал убийство нескольких людей, за которым последовал побег на Землю.

Теперь от группы из восьми андроидов откололась эта тройка, но она тоже обречена, поскольку, если даже Декарду не удастся отправить их на покой, это сделает кто-то другой.

«Отлив и прилив,— думал Рик,— циклы жизни. Последние сумерки, конец. Как будто в этом заключалась целая Вселенная».

Дверь номера со стуком распахнулась.

— Ну и полет,— выдохнула Рейчел Розен.

Она вошла и перевела дыхание. На ней был длинный чешуйчатый плащ, под которым были шорты и в тон им — лифчик. Кроме дамской сумочки, она несла бумажный пакет.

— Милая комната,— сказала она и посмотрела на циферблат своих ручных часов.— Мenee часа. Отличное время для такой дистанции. Вот.— Она протянула Рiku бумажный мешок.— Здесь бутылка. Коньяк.

— Самый опасный из восьмерых еще жив. Тот, кто это все организовал.

Он протянул ей смятый листок папиросной бумаги с материалами о Рое Бейти. Рейчел поставила пакет и взяла текст.

— Вы его уже обнаружили?— прочитав, спросила она.

— Мне известен номер жилого блока в пригороде, где никто не живет, кроме нескольких микроцефалов и недоумков.

Рейчел протянула руку.

— Дайте остальные.

— Оба — женщины.

Он передал ей листки с досье.

— Имград Бейти и второй андроид, именующий себя Прис Страттон.

Бросив взгляд на последний листок, Рейчел только и произнесла:

— О!

Она уронила листки и подошла к окну, всматриваясь в панораму ночного Сан-Франциско.

— Последний, вероятно, тебя и накроет. Хотя, может, и нет. Может, тебе все едино.

Голос ее дрожал, очевидно, она потеряла самообладание.

— О чем это ты, собственно?— Рик нагнулся над листками, пытаясь понять, что так расстроило Рейчел.

— Давай откупорим коньяк.

Рейчел отнесла в ванную пакет и вернулась с двумя стаканчиками. Она держалась все еще неуверенно и как-то отчужденно, словно ее мысли были заняты чем-то посторонним. И они отражались на ее лице.

— Ты умеешь открывать бутылки?— спросила она.— Эта бутылка стоит целое состояние, ты знаешь? Это не синтетический коньяк. Еще довоенный.

Рик взял у нее бутылку, открыл и налил коньяк в небольшие стаканчики.

— Так что же случилось?— спросил он.

— По фону ты обещал, что, если я прилечу сегодня, ты откажешься от этих трех андроидов. «Мы займемся другим делом»— так, кажется, ты сказал? Ну вот, я здесь...

— Расскажи, отчего ты расстроилась,— поинтересовался Рик.

— Расскажи лучше, чем именно мы будем заниматься, вместо того чтобы забивать голову этими тремя андроидами.

Она расстегнула плащ и повесила его в шкаф в прихожей. Голова ее с роскошной гривой волос казалась очень большой, в то время как из-за совсем маленьких грудей ее тело производило впечатление детского. На этом ее сходство с подростком кончалось. А ее глаза, большие, с длинными ресницами, могли быть только глазами взрослой женщины. Рейчел покачивалась на носках, ее руки, согнутые в локтях, были опущены. Это была поза осторожного охотника или, может быть, кроманьонского человека из расы высоких и ловких охотников — ни грамма лишней плоти, плоский зад и маленькая грудь.

Рейчел была смоделирована по кельтскому типу, анахроничному, но тем не менее смотревшемуся красиво. Ноги, выглядывавшие из коротких шорт, имели нейтральный, какой-то неженственный вид, не слишком закругляясь в соответствующих местах. Но тем не менее было ясно, что это девушка, а не женщина, если не считать беспокойных умных глаз.

Рик потягивал коньяк. Его вкус, запах и крепость стали для него почти незнакомыми. Он почувствовал, что пьет с трудом. Рейчел, наоборот, не выказывала ничего необычного.

Присев на край кровати, Рейчел с отсутствующим и мрачным выражением лица разглядывала покрывало. Рик поставил стакан на стол и сел рядом с ней.

Кровать просела под его весом, и Рейчел немного отодвинулась.

— Так что случилось?— повторил он и, протянув руку, взял ее ладонь в свою. Она показалась ему холодной, твердой и чуть влажной.— Что с тобой?

— Это все из-за последнего анди в твоих досье,— с трудом проговорила Рейчел.— Она той же модели, что и я.

И сразу же опустила глаза, отыскиала на покрывале нитку и начала двумя пальцами скатывать ее в шарик.

— Разве ты не заметил по описанию? Это же мои приметы. У нее, возможно, другая прическа или парик, и одета она не так, как я. Но когда ты увидишь ее, ты поймешь, о чем я говорю...

Она едко рассмеялась.

— Хорошо, что компания призналась, что я андроид, иначе ты бы, наверное, сошел с ума, столкнувшись с Прис Страттон. Тебе бы показалось, что это я.

— Почему это тебя так беспокоит?

— Проклятье, ведь я буду с тобой, когда ты отправишься ее устранять!

— Может, и нет. Возможно, я ее не найду.

— Я знаю психологию «Узла-б»,— сказала Рейчел.— Именно поэтому я и здесь. Я могу тебе помочь. Они сейчас сбились в кучу — все трое. Главный у них — этот, который называет себя Роем. Он сейчас бешеными темпами организует оборону.

Губы ее скривились.

— О, Боже,— прошептала она.

— Ну, ладно, не пугайся.

Рик взял в ладонь ее маленький подбородок и поднял ее голову так, чтобы она могла его видеть. «Как можно

чувствовать себя, целуя андроида?»— подумал он. Наклонив голову, он поцеловал ее в сухие губы. Никакой реакции не последовало. Рейчел оставалась спокойной, словно ничего не чувствовала. А его реакция была совершенно другой. Возможно, он принимал желаемое за действительное.

— Если бы я знала, что ты это сделаешь, я бы сюда не прилетела. Ты хочешь слишком многого. Понимаешь ли ты, что я ощущаю по отношению к этому андроиду по имени Прис?

— Сочувствие?

— Нечто похожее: идентификация. Передо мною стою я сама. Боже, наверное, это и случится — в суматохе ты убьешь не ее, а меня, а она вернется в Сиэтл и начнет жить моей жизнью. Я еще никогда не испытывала ничего подобного. Мы ведь действительно машины, о т ш т а м п о в а н н ы е, как пробки от бутылок. Мое личное существование — всего лишь иллюзия, я всего лишь одна из вещей, сошедших с конвейера.

Она содрогнулась.

Рик понимал, что это плохо, но поведение Рейчел его забавляло. Андроид, испытывающий мрачные предчувствия.

— Но ведь муравьи тоже физически идентичны,— сказал он,— но они ничего подобного не ощущают.

— Муравьи... У них нет чувства времени.

— Тогда близнецы. Они...

— Но они не идентифицированы друг с другом. У них есть эмпатическая связь.

Она подошла к бутылке, немного нетвердо ступая, наполнила свой стакан и быстро выпила. Некоторое время мерила комнату шагами, потом, словно случайно, опустилась на кровать, облокотившись на пышные подушки, и вытянула ноги.

— Забудь об этих троих.— Голос ее был усталым.— Я такая измотанная. Наверное, из-за этого полета и из-за всего того, что я узнала за этот день. Я просто хочу спать.

Она закрыла глаза.

— Если я умру,— пробормотала она,— то, наверное, снова буду рождена, когда компания запустит модели моего типа, но с новым мозгом.

Она открыла глаза и посмотрела на Рика.

— Знаешь, зачем люди компании хотели, чтобы я действовала вместе с тобой?

— Чтобы следить за мной,— ответил Рик,— и выяс-

нить, какой параметр «Узла-6» выдает его при проведении теста Войт-Кампфа.

— И тест, и вообще все, что выдает в нем андроида. Потом я должна представить компании доклад, а она внесет изменения в режим камер, в структуру ДНР-фактора, и мы получим «Узел-7». Когда этот тип андроидов тоже научились бы распознавать, мы вновь внесли бы изменения, и так, в конце концов, получили бы гуманоидного робота, неотличимого от человека ни по каким параметрам.

— Ты знаешь о тесте с рефлекторной дугой Бонелли?— спросил он.

— Над специальной ганглией уже работают. Наступит день, когда тест Бонелли канет в Лету.

Она улыбнулась — совершенно безоблачно, по контрасту со словами. Рик не мог понять, насколько серьезно она говорила.

«Тема мирового значения, но выраженная несерьезно. Возможно, это манера всех андроидов,— думал Рик.— Никакой эмоциональной сознательности, никакого чувства действительного значения сказанного, всего лишь формальные, выхолощенные определения и термины».

Но это было еще не все. Рейчел начала поддразнивать его, перейдя от оплакивания своего положения к высмеиванию его дел.

— К черту и тебя тоже!— парировал он.

Рейчел рассмеялась.

— Я пьяна и не могу идти с тобой. Если ты уйдешь...— Она сделала неопределенный жест рукой.— Я останусь здесь отсыпаться. Расскажешь потом, что там произошло.

— Всего одна маленькая деталь,— уточнил Рик.— Этого «потом» не будет. Рой Бейти прикончит меня.

— Но теперь я все равно не смогу тебе помочь, потому что напилась. Во всяком случае, правда тебе и так известна. Я всего лишь наблюдатель и не должна спасать тебя. Мне все равно, прикончит тебя Бейти или нет. Меня волнует, не прикончит ли он меня.

Она широко открыла круглый рот.

— Боже, я эмпатически реагирую на угрозу собственному существованию? Видишь ли, если я полечу с тобой в этот покинутый жилой блок, то...— Протянув руку и поиграв пуговицей рубашки Рика, она начала расстегивать ее.

— Я просто не осмелилась бы туда соваться, потому что мы, антроиды, не испытываем особенно дружеских чувств друг к другу. Я знаю, что проклятая Прис Страттон при-

стрелила бы меня, а потом спокойно заняла бы мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы могли лечь в постель,— ответила Рейчел.

— Я купил черную нубийскую козу, и теперь мне необходимо отправить на покой еще трое андроидов. Мне нужно покончить с этим и вернуться домой к жене.

Рик встал, обошел кровать, взял бутылку коньяка и аккуратно налил себе вторую порцию. Он заметил, что у него дрожат руки. Очевидно, от усталости. «Мы оба устали,— подумал он.— Слишком устали, чтобы охотиться на трех андроидов сразу, которыми руководит самый опасный из восьмерки».

Он вдруг осознал, что испытывает неприкрытый страх перед этим восьмым андроидом. Все началось из-за него, он с самого начала был опасен больше других.

Вплоть до этого момента он сталкивался с менее зловещими воплощениями Роя Бейти и всех их отправил на покой. Теперь предстояла встреча с ним самим. Чем больше Рик думал о неизбежности столкновения, тем больше его охватывал страх.

— Я не могу идти туда без тебя,— сказал он Рейчел.— Даже не стоит уходить отсюда. Полоков едва не прикончил меня, да и Гарланд был к этому близок..

— Ты боишься Роя Бейти?

Поставив пустой стакан, она потянулась рукой за спину и расстегнула лифчик. Потом ловко стянула его и встала, покачиваясь и улыбаясь.

— У меня в сумочке,— сказала она,— лежит устройство, которое наша фабрика на Марсе изготавливает как предохранитель. Они вставляют его в новых андроидов, когда те проходят последнюю серийную проверку. Вытащи его. Ты найдешь его — оно похоже на устрицу.

Рик принялся копаться в ее сумке. Как и у женщины-человека, в сумочке можно было обнаружить самые разнообразные предметы. Рик понял, что быстро ему его не найти.

Рейчел тем временем сбросила сапожки и расстегнула молнию на шортах. Балансируя на одной ноге, она подхватила пальцами смятый кусок ткани и швырнула его в угол комнаты. Потом упала на кровать, перекатилась, дотянувшись рукой до стакана, но столкнула его на ковер.

— Проклятье,— пробормотала она.

Рейчел снова поднялась на ноги. Она стояла в одних трусах, глядя, как Рик пытается найти названное устрой-

ство. Потом она аккуратно откинула покрывало и залезла в постель.

— Это оно?

Рик держал в руках металлическую сферу с выступавшим стержнем кнопки.

— Эта штука повергает андроида в каталепсию,— сказала Рейчел. Глаза ее были закрыты.— Она на несколько секунд задерживает работу его дыхательной системы — твоей тоже, но вы, люди, способны функционировать без дыхания пару минут, а у анди нерв, находящийся...

— Я знаю.

Рик выпрямился.

— Автономная нервная система андроида не настолько гибка при включении и выключении, как наша. Но ты ведь сказала, что она действует несколько секунд?

— Этого достаточно,— пробормотала Рейчел,— чтобы спасти тебе жизнь. Понимаешь...— Она села.— Если вдруг сюда ворвется Рой Бейти, то, держа при себе это устройство, ты сможешь отключить его на несколько секунд. И пока он будет стоять на месте с заблокированным кислородным обеспечением мозговых клеток, ты успеешь пристрелить его из лазера.

— У тебя тут в сумочке лазер.

— Это подделка,— ответила она.

Она зевнула и закрыла глаза.

— Андроидам запрещено пользоваться лазерами.

Он подошел к кровати.

Рейчел перевернулась на живот, уткнувшись лицом в простыню.

— Какая чистая, приличная, девственная постель,— сказала она.— Только очень чистые и приличные девушки, которые...

Она задумалась.

— У андроидов не бывает детей. Разве это потеря?

Он раздел ее до конца, обнажив бледный, холодный изгиб спины и маленькие полушария ягодиц.

— Разве это так важно?— повторила Рейчел.— В самом деле, я не знаю. Как я могу судить, что это такое — иметь ребенка? И что такое — быть рожденным? Ведь мы не рождаемся, не растем, не умираем от болезней, а просто изнашиваемся, как муравьи. Снова муравьи... Вот кто мы! Не ты, а я. Хитиновая рефлекс-машина, которая на самом деле не живая.

Она повернула голову и громко произнесла:

— Я ВЕДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ЖИВАЯ. И ты ло-

жишься в постель не с женщиной, так что не рассчитывай на многое, идет? Ты когда-нибудь раньше спал с андроидом?

— Нет,— ответил он, снимая рубашку и галстук.

— Как я понимаю... мне говорили... впечатление удовлетворительное, если только не думать о многом. Но если все время думать о том, что делаешь, тогда, конечно, это невозможно, но уже по чисто психологическим причинам.

Наклонившись, он поцеловал ее обнаженное плечо.

— Спасибо, Рик,— сказала она слабым голосом.— Но не забывай: главное — не думать. Просто делать, и все. Никаких пауз и философии, потому что с точки зрения философии это все тоскливо для нас обоих.

— А после я все же отправлюсь искать Роя Бейти,— сказал он.— И я хочу, чтобы ты была со мной. Я ведь знаю, что лазер в твоей...

— Думаешь, я помогу тебе отправить на покой одного из анди? А не тебя?

— Я думаю, что, несмотря на все, что ты мне тут сказала, ты все же мне поможешь. Иначе бы ты не лежала здесь.

— Я люблю тебя. Если бы я вошла в комнату и обнаружила, что кушетка покрыта твоей шкурой, я показала бы по шкале Войт-Кампфа очень высокий результат.

«Сегодня вечером,— подумал Рик, шелкая выключателем,— я отправлю на покой андроида типа «Узел-б», который будет выглядеть, в точности как эта обнаженная девушка. Боже милостивый, я стану таким же, как Фил Реч. Сначала ляг с ней в постель, а потом пристрели ее».

— Я не могу,— сказал он, пытаясь от кровати.

— Очень жаль,— голос Рейчел дрогнул.

— Но не из-за тебя, а из-за Прис Страттон, из-за того, что мне придется с ней сделать.

— Но мы — не одно и то же... МЕНЯ не волнует Прис Страттон. Послушай...

Рейчел зашелестела простынями, садясь. В полумраке комнаты перед Риком проступал ее силуэт.

— **ЛОЖИСЬ СО МНОЙ, И ТОГДА Я УСТРАНЮ СТРАТТОН.** Хорошо? Потому что я не выдержу, дойдя до...

— Спасибо,— сказал он.

Внутри него, несомненно благодаря коньяку, поднялась волна благодарности, сжимая горло.

«Два,— подумал он,— остаются только двое. Только Бейти. Сдержит ли Рейчел слово? Очевидно, да. Такова

природа андроидов». Хотя он сам никогда не сталкивался с этим.

— Проклятье, да ложись наконец!— звала его Рейчел. Он лег в постель.

Семнадцать

Потом они наслаждались небывалой роскошью: Рик вызвал горничную и заказал кофе. Он долго сидел в глубоком кресле, мягком, зелено-золотом с черным, и потягивал напиток, размышляя над тем, что предстояло ему в следующие несколько часов.

В ванной плёскалась и напевала Рейчел, и голос ее заглушался шумом воды.

— Ты не прогадал, заключая со мной сделку,— сказала она, выключив душ.

Она возникла, нагая и розовая, в дверном проеме ванной, стягивая лентой мокрые волосы.

— Мы, андройды, не умеем сдерживать плотскую страсть. Наверное, ты это знал. По-моему, ты просто воспользовался мною.

В ее голосе, однако, не чувствовалось гнева. Во всех отношениях это была такая же жизнерадостная, как и любящая другая, девушка, знакомая Рик.

— Мы действительно должны отправиться за этими тремя сегодня вечером?

— Да.

«Двое для меня, один для тебя»,— добавил Рик.

Завернувшись в гигантское купальное полотенце, Рейчел спросила:

— Тебе понравилось?

— Да.

— Ты бы лег снова в постель с андроидом?

— Если бы это была девушка и напоминала тебя.

— А ты знаешь, какова продолжительность жизни гуманоидного робота? Такого, как я? Я существую уже два года. Как по-твоему, сколько мне еще осталось?

После некоторого размышления ответил:

— Еще года два?

— Эту проблему они так и не смогли решить. Самовоспроизведение клеток. Такие дела.

Она начала яростно растираться. Лицо ее потеряло всякое выражение.

— Извини,— сказал Рик.— Мне очень жаль.

— Черт, это я виновата, что заговорила об этом. Во всяком случае, это удерживает людей от побега с андроидами.

— И к типу «Узел-6» это тоже относится?

— Это проблема обмена веществ, а не мозгового устройства.

Рейчел начала одеваться.

Он тоже оделся... Они молча поднялись на крышу, где припаркованные кары стояли под наблюдением симпатичного служащего в белой униформе.

Когда кар взял курс на Сан-Франциско, Рейчел сказала:

— Какая хорошая ночь.

— Моя коза, наверное, уже спит. А может, козы ведут ночной образ жизни? Некоторые животные никогда не спят. Овца, например. Я, по крайней мере, этого не мог заметить. Всякий раз, когда на нее смотришь, она отвечает взглядом и ждет, когда ты дашь ей что-нибудь вкусное.

— А какая у тебя жена?

Он не ответил.

— Ты...

— Если бы ты не была андроидом, — перебил ее Рик, — и если бы я мог на тебе легально жениться, я бы женился.

— Или мы жили бы в грехе, если бы я была живая.

— Юридически ты неживая, но на самом деле — живая биологически. Ведь ты не собрана из электронных контуров, как животные. Ты органическое существо.

«И через два года, — подумал он, — ты умрешь, потому что до сих пор не решена проблема регенерации клеток. Так что это не имеет значения».

— У тебя грустный вид, — сказала Рейчел.

Он погладил ее по щеке.

— Ты не сможешь больше охотиться на андроидов, — спокойно произнесла она. — Так что не грусти.

Он смотрел прямо на нее.

— Еще ни один охотник не брался за такое дело, — продолжала Рейчел, — после того, как побывал со мной в постели. Кроме одного очень циничного человека по имени Фил Реч. Кроме того, он слегка тронутый — работает сам по себе.

— Понимаю, — сказал Рик.

Он чувствовал глухоту и онемение во всем теле.

— Но это время не пропадет даром, — сказала Рейчел. — Ты познакомишься с удивительно одухотворенным человеком.

— Роем Бейти? — спросил Рик. — Ты их всех знаешь?

— Да, я знала их всех, когда они еще были живы. Теперь только троих. Мы пытались остановить тебя сегодня утром, еще до того, как ты получил список Холдена. Я попыталась еще раз перед тем, как ты убил Полокова. После этого мне оставалось только ждать.

— Пока я сам не выдержал и не вызвал тебя.

— Я и Люба Люфт были близкими подругами почти два года. Как она тебе, понравилась?

— Да, понравилась.

— Но ты убил ее.

— Ее застрелил Фил Реч.

— О, значит, он составил тебе компанию, когда ты отправился в театр? Мы об этом не знали. Наша связь разладилась примерно в это время. Мы узнали только, что Люба убита, и предположили, что это сделал ты.

— Согласно записям Холдена, мне кажется, что я смог бы убрать Роя Бейти, но не Имград.

«И не Прис Страттон,— подумал он.— Теперь, когда я все знаю».

— То, что произошло в отеле,— сказал он,— представляло...

— Наш союз,— сказала Рейчел,— добивался воздействия на охотников здесь и в СССР. Такой способ оказался недейственным по неясным полностью для нас причинам. Это опять наша ограниченность, как мне кажется.

— Я сомневаюсь, что он действует так безотказно, как вы думаете.

— Но с тобой получилось.

— Это еще надо посмотреть.

— Я знаю,— сказала Рейчел.— Когда я увидела на твоём лице скорбь. Именно этого я и ждала.

— Сколько раз ты уже проделывала это?

— Не помню. Раз семь или восемь? Нет, кажется, девять.— Она или, скорее, оно кивнуло.— Да, девять раз.

Оттолкнув от себя руль управления, он перевел машину в планирующий спуск.

— Идея устарела,— сказал он.

Пораженная Рейчел пробормотала:

— Что?

— Такой она мне представляется. Я пристрелю тебя,— сказал он,— а потом в одиночку расправлюсь с Роем, Имград и Прис Страттон.

— Поэтому ты и снижаешься?

Затем она с нехорошим предчувствием в голосе сказала:

— За это тебе грозит большой штраф. Я являюсь собст-

венностью компании, а не представляю собой убежавшего с Марса андроида. Я совсем не то, что остальные.

— Но,— сказал он,— если я убью тебя, то смогу убить и их.

Рука ее метнулась к сумочке. Она стала лихорадочно рыться в ней, потом сдалась и с яростью отбросила ее.

— К черту этот мешок! Никогда ничего не могу в нем найти! Ты убьешь меня без боли, осторожно? Я не буду сопротивляться. Хорошо? Обещаю, что не буду. Ты согласен?

— Теперь я понимаю, почему Фил Реч сделал это. Он не циник, просто он слишком многое узнал, пройдя через все это. Я не виню его.

— Но он изменился не в ту сторону, в которую следовало бы,— сказала Рейчел.

Теперь она казалась более собранной, но все равно отчаяние не покидало ее. Однако пламя жизни погасло и силы покидали ее. Рик уже не раз наблюдал подобное у других андроидов. Классический случай смирения и покорности, механическое восприятие того, что живой организм с его двумя миллиардами лет эволюционного развития, побуждающего жить вопреки всему, никогда не принял бы как абсолютную неизбежность.

— Не выношу эту вашу манеру сдаваться,— грубо сказал Рик.

Кар уже завершил спуск, и Рикун пришлось резко взять руль на себя, чтобы предотвратить катастрофу. Затормозив, он со скрежетом посадил аэрокар, выключил двигатель и вынул лазер.

— В основание черепа, в затылочную кость,— попросила Рейчел,— пожалуйста.

Она повернула голову так, чтобы не видеть дула лазера. Она хотела умереть, не видя смертоносного луча.

Спрятав лазер, Рик сказал:

— Я не могу. То, о чем говорил Фил Реч.

Он повернул ключ зажигания, и они взлетели.

— Если ты собираешься убить меня,— сказала Рейчел,— то не заставляй ждать.

— Я не буду тебя убивать.

Он снова направил кар к пригороду.

— Твой кар остался в отеле, не так ли? Я высажу тебя там, и ты вернешься в Сизтл.

Ему больше нечего было сказать, и он вел машину в молчании.

— Спасибо, что сохранил мне жизнь,— сказала Рейчел через некоторое время.

— Черт возьми, ты же сама сказала, что тебе осталось жить всего два года! А мне еще лет пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз больше тебя!

— Но ты ведь презираешь меня,— сказала она,— за то, что я сделала.— К ней вернулась уверенность, голос вновь обрел силу.— Ты поступил так же, как и все остальные до тебя. Они каждый раз приходили в ярость, угрожали убить, но когда подходил решающий момент, никто из них не смел сделать этого. Так же, как ты.

Она закурила и с наслаждением вдохнула дым.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, не так ли? Это значит, что я права: ты больше не сможешь убивать андронидов, так что лучше отправляйся домой, к жене, и немного отдохни.

И вдруг резко взмахнула рукой, стряхивая что-то с плаща.

— Ой, я уронила горячий пепел!

Рик промолчал.

— Эту козу,— продолжала Рейчел,— ты любишь больше, чем жену. Номер один — коза, потом жена и в самом конце...— Она весело рассмеялась.— Что еще остается, кроме смеха?

Он не ответил. Некоторое время они летели в молчании, потом Рейчел включила радио.

— Выключи.

— Как? Выключить Бастера Джруби с его дружелюбными друзьями, с Амандой Вернер и Отто Скрагсом! Как раз наступил момент, когда он должен сообщить нам свою грандиозную новость.— Она нагнулась, всматриваясь в циферблат часов.— Почти наступил. Ты уже слышал об этом? В последнее время он только об этом и говорил, нагнетал напряжение.

— Я только хочу сказать вам, ребята, что я сижу тут с моим другом Бастером, и мы болтаем очень весело, ожидая, когда же прозвучит самое значительное объявление,— сказала радио.

Рик выключил приемник.

— Отто Скрагс,— сказал он.— Голос разумно мыслящего человека.

Рейчел протянула руку и снова включила приемник.

— Я хочу послушать. Я намерена послушать. Это очень важно — все, что собирается сказать нам сегодня вечером Бастер Джруби.

Из динамика снова донесся голос. Рейчел Розен устроилась поудобнее. Уголек ее сигареты пылал в темноте каби-

ны, как жук-светлячок: настойчивое, неумолимое доказательство победы Рейчел Розен. Ее победы над ним.

Восемнадцать

— Принеси сюда мои вещи,— приказала Прис Джону Р. Исидору,— и обязательно телевизор. Я хочу послушать сенсацию Бастера Джруби.

— Да,— согласилась Имград Бейти. Она была вся в движении, глаза ее горели.— Нам необходим телевизор. Мы так ждали этого вечера, и скоро все должно начаться.

— Мой собственный телевизор хорошо принимает только правительственный канал,— пояснил Исидор.

Рой Бейти, устроившийся в углу гостиной с таким видом, словно собирался оставаться в кресле до конца жизни, рыгнул и терпеливо сказал:

— Но мы хотели бы посмотреть Бастера Джруби и его друзей, Ис. Или мне лучше называть тебя Джон Р.? Во всяком случае ты нас понимаешь. Так что будь добр, принеси телевизор.

Джон Исидор в одиночестве спустился на соседний этаж. Цветок счастья, распустившийся внутри него, все еще цвел. Он впервые за всю жизнь испытал чувство необходимости.

«Теперь от меня зависят другие,— восторженно думал он, перешагивая покрытые пылью ступени.— И будет неплохо посмотреть передачу Бастера Джруби еще раз, вместо того чтобы слушать его по радио в фургоне. Да, совершенно верно, Бастер должен сообщить сегодня свою сенсационную новость. И вот благодаря Прис, Имград и Рою я увижу самую важную передачу за последние несколько лет».

Да, жизнь Джона Р. Исидора явно шла на подъем.

Он вошел в бывшую комнату Прис, отключил телевизор от сети и отсоединил антенну. Вдруг он почувствовал, как онемели его руки. В отсутствие Роя, Прис и Имград он сам словно выцвел, как будто не телевизор, а его самого отключили от сети. «Нужно непременно быть с людьми,— подумал он.— Если вообще хочешь жить. То есть, пока их здесь не было, я был в силах вынести тишину и одиночество, но теперь все изменилось, назад дороги нет. Я больше не смогу жить один. Теперь я завишу от них, и слава Богу, что они решили остаться здесь. Мне придется сходить еще раз, чтобы отнести вещи Прис».

Он решил сначала нести телевизор, а потом вернуться за вещами. Несколько минут спустя он уже шел с телевизором навстречу.

Чувствуя, как руки немеют от тяжести, он установил телевизор на кофейный столик в гостиной. Прис и Бейти бесстрастно наблюдали за ним.

— В этом здании хороший прием,— пыхтел он, подключая питание и кабель антенны.— Когда я еще смотрел Бастера Джруби...

— Включи телевизор,— сказал Рой,— и немного помолчи.

Исидор сделал, как его просили, потом поспешил к двери.

— Еще раз,— объяснил он,— и я перенесу все, что осталось.

Он оттягивал момент, согреваясь у очага их присутствия.

— Превосходно,— далеким голосом сказала Прис.

Исидор снова отправился на нижний этаж. «Кажется,— думал он,— они меня эксплуатируют». Но ему было все равно.

«Хорошо иметь таких друзей»,— сказал он себе.

Он собрал все вещи девушки, запаковал в чемоданы, а потом трудолюбиво потащил их вверх по лестнице.

На верхней ступеньке что-то шевелилось в пыли.

Он тут же бросил чемоданы и вытащил пластиковую бутылочку из-под лекарства, которую, как и все остальные, носил с собой на всякий случай. Это был невзрачный, но живой паук. Дрожащей рукой он загнал паука в бутылочку и аккуратно закупорил ее. Конечно в крышечке имелось несколько отверстий, проткнутых с помощью иглы.

У дверей он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Да, сэр. Время пришло. Говорит Бастер Джруби. Он надеется и верит, что вы с нетерпением ждете, когда же я поделюсь с вами сделанным открытием, которое, между прочим, было подтверждено опытными исследователями, посвятившими своей работе длительное время. Итак, внимание!

— Я нашел паука!— сообщил Исидор.

Все три андроида подняли на него глаза, оторвавшись от телевизора.

— Дай посмотреть,— сказала Прис, протягивая руку.

— Не мешайте смотреть Бастера,— перебил ее Рой Бейти.

— Я никогда не видела паука,— объясняла Прис. Она держала бутылочку двумя ладонями, рассматривая существ-

во внутри.— Сколько у него ног! Зачем ему так много, Джон Р.?

— Все пауки такие,— ответил тот. Сердце его колотилось, он тяжело дышал.— У него восемь ног.

Поднявшись с кресла, Прис сказала:

— Знаешь, что я думаю, Джон Р.? Мне кажется, ему столько ног ни к чему.

— Восемь?— спросила Имград Бейти.— Но разве он не может передвигаться на четырех? Срежь ему четыре лишних лапки, и мы посмотрим, что получится.

Она энергично раскрыла сумочку и, достав маленькие маникюрные ножницы, протянула их Прис.

Исидора охватил непонятный ужас.

Взяв бутылочку с пауком, на кухне Прис села за столик, сняла крышку и вытряхнула паука.

— Наверное, он уже не сможет бегать так же быстро,— сказала она,— но здесь ему все равно нечего ловить. Он умер бы в любом случае.

Она потянулась за ножницами.

— Пожалуйста...— начал Исидор.

— Он дорого стоит?

— ...не увечь его,— умоляюще выдохнул он.

Прис отрезала одну из ножек паука.

Бастер Джруби в другой комнате произнес:

— Взгляните на увеличенный кадр изображения, на котором вы все узнали знакомое небо. Одну минуту, сейчас Эрл Пармметр, глава моей исследовательской группы, объяснит вам смысл моего потрясающего открытия!

Прис отрезала насекомому еще одну ножку, придерживая его рукой.

Она улыбалась.

— Кадры видеоизображения,— зазвучал из гостиной новый телеголос,— будучи подвергнуты тщательному исследованию в лаборатории, показывают, что серый задний фон неба и дневной Луны, на фоне которых действует Сострадающий, не только не являются земными, они вообще созданы искусственно!

— Прис, ты все пропустишь!— тревожно позвала из комнаты Имград Бейти.

Она примчалась на кухню и замерла в дверях, увидев, чем занята Прис.

— Этим можно заняться и позже!— умоляюще сказала она.— Это очень важная передача. Все, что говорится, доказывает, что наши надежды, все, во что мы верили...

— Тише,— сказал Рой Бейти.

— ...истинно,— закончила Имград.

Голос в телевизоре продолжал:

— «Луна» просто намалевана. В увеличенном кадре видны мазки краски. Существуют также улики, что сорняки, каменистая почва и камни, бросаемые в Сострадающего невидимыми преследователями,— все это в такой же степени поддельное, как и «небо» с его нарисованной «луной». Вполне возможно, что камни сделаны из мягкого пластика и не причиняют настоящих ран.

— Другими словами,— спросил Бастер,— Вилбур Сострадающий вовсе и не страдает?

Шеф исследовательской группы ответил:

— Нам удалось, наконец, обнаружить одного человека, мистер Джруби, бывшего специалиста по кинематографическим эффектам из Голливуда. Это мистер Бойд Коркотт, и он, опираясь на годы профессионального опыта, прямо утверждает, что Сострадающий может быть лишь фигурой актера, марширующего по сцене для комбинированных съемок. Коркотт объявил даже, что эта сцена ему знакома. Она находится в павильоне, который когда-то использовался одним мелким режиссером, пользовавшимся услугами Коркотта.

— Следовательно, по словам Коркотта,— уточнил Бастер Джруби,— сомнений быть не может?

Прис успела отсечь пауку уже три ноги.

Паук жалко рыскал по кухонному столу, тщетно пытаясь найти путь к свободе.

— Мы, естественно, проверили Коркотта,— сказал шеф исследовательской группы педантичным тоном,— и потратили массу времени на исследование снимков актеров, когда-то работавших в прекратившей свое существование кинопромышленности Голливуда.

— И вы обнаружили, что...

— Вы только послушайте,— сказал Рой Бейти.

Имград, словно загипнотизированная, не отрывала взгляда от экрана. Прис прекратила мучить паука.

— С помощью многих тысяч старых снимков мы выявили человека, очень похожего, хотя уже и пожилого. Это Ал Джарри. В нескольких довоенных фильмах он играл главные роли. Мы послали нашу бригаду в Ист-Хармон, Индиана, где находится дом Джарри. Пусть один из членов бригады сам расскажет, что они там обнаружили.

— Дом, стоящий на окраине города,— заговорил после некоторой паузы новый, в той же степени бесцветный и высушенный голос,— имеет крайне запущенный вид. В

нем живет только Ал Джарри. Он пригласил нас войти. Когда мы устроились в гостиной, где пахло чем-то затхлым и было довольно грязно, я просканировал сознание Ала Джарри с помощью специальных средств.

— Слушайте,— настаивал Рой Бейти.

Он балансировал на самом краешке кресла, словно приготовившись прыгнуть на свою жертву.

— Я обнаружил,— продолжал техник,— что этот старик действительно снимался в серии коротких пятнадцатиминутных видеофильмов, заказанных менеджером, которого он сам никогда не видел. Как мы выяснили, камни были изготовлены из резиноподобного пластика, «кровь» имитировалась с помощью кетчупа, и...— Тут техник хихикнул,— единственное страдание, которое довелось пережить мистеру Джарри, состояло в том, что он целый день не имел во рту ни капли виски.

На экране снова возникло лицо Бастера Джруби.

— Ал Джарри,— продолжил он,— да, преклонных лет человек, который даже в свои лучшие годы едва ли уважал сам себя. Ал Джарри создал скучный фильм, даже, собственно, целую серию таких фильмов. Для кого — он сам не знает до сих пор. Поклонники сострадания часто говорят, что Вилбур Сострадающий не является человеческим существом, а представляет собой личность высшей расы из другой звездной системы. Что же, в некотором смысле это правда. Вилбур Сострадающий — не человек, он вообще не существует на самом деле. Тот мир, в котором он совершает свое восхождение, в действительности лишь дешевая голливудская студия, которая рассыпалась в прах много лет назад. Кто же, в таком случае, произвел этот грандиозный обман? Подумайте об этом!

— Может быть, мы никогда не узнаем этого,— пробормотала Имград.

— Может быть, мы никогда не узнаем,— сказал Бастер Джруби,— и никогда не проникнем за занавес этого надувательства. Да, да! СОСТРАДАНИЕ — ЭТО НАДУВАТЕЛЬСТВО!

— Кажется, мы знаем,— начал Рой Бейти.— Сострадание возникло...

— Но подумайте вот над чем,— продолжал Бастер Джруби.— Спросите себя: что главное в сострадании, что оно дает? Если верить последователям этого течения, оно способно слить...

— Вот она, та эмпатия, которой обладают только люди!— сказала Имград.

— ...мужчин и женщин всей Солнечной системы в единую чувственную единицу, которая, однако, поддается внушению посредством телепатического голоса так называемого Сострадающего. Заметьте, политический деятель с амбициями, этакий новоявленный Гитлер, мог бы...

— Нет, это все эмпатия,— с жаром сказала Имград.

Сжав кулаки, она вошла в кухню и остановилась рядом с Исидором.

— Разве это не доказывает, что люди способны на то, чего нам не дано? Потому что, не испытав этого слияния, мы должны верить вам на слово. Как там поживает паук?

Она наклонилась, заглядывая через плечо Прис. Та отрезала еще одну ногу.

— Теперь осталось четыре,— сказала она.

Кончиком ножниц она подтолкнула паука.

— Не хочет. Может, он просто не хочет двигаться?

В дверях появился Рой Бейти. Он глубоко дышал, на его лице светилось удовлетворение.

— Готово. Бастер наконец произнес это громко и ясно. И его слышал почти каждый человек в Солнечной системе. Сострадание — надувательство. Все эти эмпатические сеансы — обман.

Он подошел к столу, с любопытством глядя на паука.

— Он не хочет ползти,— сказала Имград.

— Я его заставлю.

Рой Бейти вытащил спички, зажег одну и поднес пламя к пауку, ближе и ближе, пока покалеченное существо не поползло в сторону.

— Я правильно говорила,— сказала Имград удовлетворенно.— Он может ходить и на четырех ногах.

Она выжидающе посмотрела на Исидора.

— Что случилось?

И чуть тронула его за локоть.

— Вы ничего не потеряли? Мы заплатим за паука по... как это называется? По каталогу Сидни. Не смотрите так мрачно. Может, вы расстроились из-за передачи? Ну, отвечайте же!

Она энергично встряхнула Исидора.

— Он расстроился,— сказала Прис,— потому что у него тоже есть генератор эмпатии, он стоит в другой комнате. Ведь ты пользуешься им, Джон Р.?

— Конечно, пользуется,— сказал Рой Бейти.— Все они пользуются или пользовались им. Возможно, теперь они задумаются над этим.

— Я не думаю, что эта передача станет концом культа

сострадания,— сказала Прис.— Но в данную минуту многим из людей совсем не весело. Мы ждали этого разоблачения многие месяцы.

Она замолчала, а потом добавила:

— А почему бы и нет? Ведь Бастер — один из нас.

— Андроид,— пояснила Имград.— Но об этом не знает ни один человек.

Прис отрезала еще одну ногу пауку. Неожиданно Исидор оттолкнул ее в сторону, осторожно взяв покалеченное насекомое, отнес к раковине и утопил. Исидор утопил свою надежду так же быстро, как утонул паук.

— Он действительно расстроен,— сказала Имград.— Отчего вы так смотрите, Джон Р.? Отчего вы молчите?

Она повернулась к Прис и мужу.

— Нет, когда он просто так стоит рядом с раковиной и молчит, меня это выводит из себя. Он не сказал ни слова с того момента, когда включил телевизор.

— Дело не в телевизоре,— сказала Прис,— а в пауке. Не так ли, Исидор? Ничего, пусть преодолевает депрессию.

Имград направились в гостиную, чтобы выключить телевизор.

Рассматривая Исидора с некоторым любопытством, Рой сказал:

— Все уже позади, Ис. Я имею в виду — для Сострадающего.— Ногтями он выудил из раковины мертвого паука.— Возможно, это был последний живой паук на Земле.

Он задумался.

— Значит, и для пауков все кончено.

— Я плохо себя чувствую,— проговорил наконец Исидор.

Он достал из кухонного шкафа чашку и некоторое время стоял, держа ее в руке. Потом обратился к Рою Бейти:

— Значит, небо позади Сострадающего не настоящее, а нарисованное?

— Ты видел на экране кадр,— пояснил Рой Бейти.— Там видны мазки краски.

— Сострадание не погибло,— произнес Исидор.

С тремя андроидами было что-то не в порядке. «Паук,— подумал Исидор.— Возможно, как сказал Рой Бейти, это был последний паук на Земле. Теперь его больше нет, как нет и Сострадающего. Пыль и мусор покроют всю Землю».

Он слышал, как наступает мусоризация, конечное деформирование форм, отсутствие порядка, и ему предстояло сдаться им. Деформация наступала, а он все стоял, держа в руке фарфоровую чашку. Кухонные шкафы закрипели и

пошли трещинами, и он почувствовал, как просел под ногами пол.

Протянув руку, он тронул стену.

Поверхность стены была тухлявой. На пол посыпались частички серой штукатурки, словно радиоактивная пыль, оседающая с неба на землю. Он сел за стол, и ножки стула, как прогнившие трубки, подкосились.

Вскочив, он попытался выправить ножки стула, но тот рассыпался в его руках, и на пол посыпались шурупы и скрепляющие части. Исидор увидел, что поставленная на стол чашка треснула, покрылась паутиной микротрещин, а потом от стенки отскочил кусочек, обнажая неглазурованную поверхность.

— Что он делает?— донесся издалека голос Имград Бейти.— Он же разрушает все вокруг! Исидор, стойте!

— Это не я,— ответил он.

Нетвердыми шагами он вышел в гостиную, чтобы остаться одному. Остановился у сломанной кушетки и устался на желтую стену в пятнах, оставленных когда-то ползавшими по ней клопами.

И вспомнил о мертвом четырехногом пауке. «Все пришло в негодность,— понял он.— Все начало разрушаться очень давно, и теперь упадка не остановить. Мертвый паук победил».

В провалах, образовавшихся из-за просевшего пола, показались части тел мертвых животных: голова вороны, мумифицированные руки, когда-то бывшие руками обезьяны. Неподалеку стоял ослик, внешне словно живой. Он еще не начал разлагаться. Исидор направился в ту сторону, ощущая, как хрустят под ногами хрупкие, будто высохшие стебли, кости мертвых животных. Не успел он добраться до ослика — любимого им животного, как иссиние-черный ворон слетел откуда-то сверху, устроившись прямо на голове беззащитного ослика.

— Не надо!— громко крикнул Исидор, но ворон быстро выклевал ослику глаза.

«Опять,— подумал Исидор.— Это снова произошло со мной. Я еще долго не выберусь отсюда, как в прошлый раз. Это всегда бывает долго, потому что здесь, внизу, ничто не меняется и даже не разлагается».

Зашелестел пересохшей кучей костей ветер, и кости стали рассыпаться. «Даже ветер способен разрушить их,— подумал он,— когда пришло время. Если вспомнить, как отсюда выбраться...»

Подняв голову, он увидел, что схватиться ему не за что.

«Сострадающий,— подумал он,— где ты? Это могильный мир, и я снова здесь, но на этот раз тебя со мной нет».

Что-то ползло по его ноге. Он наклонился, всматриваясь, и обнаружил искалеченного паука, толчками передвигающегося на трех оставшихся ножках. Он поднял его и положил себе на ладонь. «Кости,— подумал он,— превращаются в плоть. Паук ожил».

Сострадающий, видимо, был неподалеку.

Снова подул ветер, ломая оставшиеся кости, но Исидор уже ощущал присутствие Сострадающего. «Приди же,— позвал он его,— поползи по моей ноге или найди другой путь, но приди ко мне, Сострадающий!» Он громко произнес:

— Сострадающий!

По всей планете наступали сорняки, ввинчиваясь в щели руин, оплетая разрушенные стены, пока не превращались в собственные семена. Семена лопались, посылая вперед новые стебли, покрывая собой осколки стали и обломки бетона на том месте, где раньше были стены.

Когда стены исчезли, осталось опустошение. Все вокруг было пустым, кроме фигуры Сострадающего. Старик стоял перед Исидором с безмятежным выражением лица.

— Небо действительно было нарисованным?— спросил Исидор.

— Да.

— Но я не вижу мазков.

— Ты стоишь слишком близко,— сказал Сострадающий.— Нужно уйти подальше, к андроидам. У них лучше перспектива.

— Поэтому они и утверждают, что ты подделка?

— Я подделка. Они говорят правду. С их точки зрения. Они все добросовестно исследовали. С их точки зрения, я всего лишь отставной актер Ал Джарри. И разоблачение совершенно верно. Они взяли у меня интервью, и я рассказал им все, что они хотели знать, всю правду.

— Даже насчет виски?

Сострадающий улыбнулся.

— Они хорошо поработали. С их точки зрения, разоблачение Бастера Джруби выглядит убедительно. Но им было трудно понять, почему же тогда ничего не изменилось, почему я все еще здесь, с тобой.

Описав рукой полукруг, Сострадающий указал на опустошенные холмы.

— Я поднял тебя из могильного мира и буду поднимать до тех пор, пока ты не отступишь. Но тебе придется пере-

стать искать меня, потому что я никогда не перестану искать тебя.

— Мне не нравится насчет виски,— сказал Исидор,— это унизительно.

— Это потому, что ты — высокоморальный человек, а я — нет. Я не берусь судить даже тебя.

Сострадающий протянул руку вперед ладонью вверх.

— Чтобы не забыть... Это тебе.

На его руке покоился паук, но теперь у него все восемь ног были целы.

— Спасибо.

Исидор взял паука. Он хотел сказать что-то еще...

Зазвенел сигнал аварийной сигнализации.

— В доме охотник!— каркнул Рой Бейти.— Выключить все лампы! Оттащите его от генератора эмпатии. Он должен стоять наготове у двери. Тащите его скорее!

Девятнадцать

Опустив глаза, Джон Исидор увидел собственные руки, сжимающие рукоятки генератора эмпатии. Пока он непонимающе смотрел на них, комната погрузилась во тьму. Он увидел, как Прис метнулась к настольной лампе, чтобы выключить ее.

— Послушайте, Джон Р.

Имград стояла рядом. Она схватила его за плечо, ногти впились ему в мышцы. Казалось, она не сознавала, что делает. В смутном отблеске окна ее лицо исказилось и стало асимметричным, плоским, как тарелка, с жалкими, трусливыми, маленькими глазками, лишенными век.

— Ты должен подойти к двери,— прошептала она.— Когда он постучит, ты покажешь ему свои документы и скажешь, что в этой квартире ты один. Потребуй у него ордер на обыск!

Прис, стоявшая с другой стороны, добавила:

— Не позволяйте ему войти, Джон Р.— Тело ее судорожно дернулось.— Сделай, что угодно, только останови его. Ты понимаешь, что сделает охотник, если прорвется сюда? Ты понимаешь, что будет с нами?

Отодвинувшись от двух андроидов-женщин, Исидор ощупью добрался до двери.

Пальцы его нащупали ручку, он остановился, прислушиваясь. Он чувствовал, что холл за дверью оставался та-

ким же, каким он его чувствовал всегда: пустой, гулкий и безжизненный.

— Что-нибудь слышно?— спросил Рой Бейти, нагнувшись к нему. Исидор чувствовал неприятный запах страха, который словно изливался из андроида, образуя нечто вроде дымки.— Выйди и посмотри.

Открыв дверь в коридор, Исидор посмотрел в оба конца сумрачного холла. Снаружи воздух казался свежим, несмотря на запыленность. Он все еще держал в руке паука, которого дал ему Сострадающий.

Был ли это тот же паук, которому отрезала ноги Прис? Возможно, и нет. Он никогда не узнает правды. Но в любом случае это был ж и в о й паук. Он ползал внутри кулака и не кусал Исидора: как и у большинства маленьких пауков, его жало не могло пробить кожу руки.

Исидор достиг конца холла, спустился и вышел наружу, где раньше находилась терраса-балкон с садом. Сад исчез во время войны, а балкон треснул. Но Исидор знал безопасный маршрут. Он миновал часть фасада здания, подойдя к единственному клочку зелени в округе — квадратному ярду засыхающих, покрытых пылью сорняков.

Здесь он выпустил паука. Он чувствовал щекотку, когда паук сползал с ладони.

Итак, с этим покончено.

Вспыхнул луч фонарика и сфокусировался на сорняках. В луче света их стебли приобрели зловещий вид. Теперь Исидор видел паука — тот отдыхал на листке.

— Что вы делаете?— спросил человек с фонарем.

— Выпускаю паука,— ответил Исидор.

Он удивился: разве этот человек не видит сам? В свете желтого луча паук казался крупнее, чем был на самом деле.

— Зачем?

— Чтобы он мог убежать.

— Почему бы вам не забрать его с собой и не посадить в банку? По январскому выпуску Сидни почти все пауки подскочили в цене на десять процентов. Вы могли бы выручить за него около сотни долларов.

— Если я отнесу его обратно,— сказал Исидор,— она разберет его на части, кусочек за кусочком, чтобы посмотреть, что он будет делать.

— Это андроиды так поступают,— сказал мужчина с фонариком. Он сунул руку в карман и вытащил удостоверение.

— Я следователь Департамента полиции Рик Декард.

В неверном свете фонарика охотник казался обыкновенным человеком, совсем не впечатляя. Круглое лицо, бритое, обычные черты — обыкновенный клерк в какой-то фирме. Держится свободно, и вовсе не полубог, каким его представлял себе Исидор.

Мужчина захлопнул свое удостоверение и сунул его обратно в карман.

— Они там, наверху? Все трое?

— Понимаете, дело в том, — сказал Исидор, — что я за ними присматриваю. Двое из них женщины. Они последние, остальные члены их группы погибли. Я принес телевизор из комнаты Прис, чтобы они могли посмотреть Бастера Джруби. Джруби доказал, без всяких сомнений, что Сострадающего не существует.

Исидор был возбужден, ему была известна такая важная новость, а охотник наверняка ее не слышал.

— Пойдем наверх, — сказал Декард.

Он внезапно направил на Исидора ствол лазера, потом нерешительно отвел его в сторону.

— Ты ведь специал, не так ли? Недоумок?

— Но у меня есть работа. Я вожу фургон доставки... — Он с ужасом обнаружил, что забыл название лечебницы, — ветеринарной лечебницы Ван-Несса, которой владеет Ганнибал Слоут.

— Вы покажете мне, в какой они квартире? — спросил Декард. — Здесь более тысячи квартир. Вы сберегли бы мне массу времени.

Голос его был тихим от усталости.

— Если вы убьете их, то никогда больше не сможете сливаться с Сострадающим, — сказал Исидор.

— Значит, не покажете? На каком этаже? Скажите только этаж. Я сам разберусь, где они.

— Нет, — сказал Исидор.

— По государственному и федеральному законодательству... — начал Рик. Потом замолчал и решил больше не продолжать допроса. — Спокойной ночи, — сказал он.

Он пошел вверх по ступеням, фонарик бросал луч на размытую световую тропу.

Оказавшись внутри блока, Рик выключил фонарик. В свете редких лампочек на потолке он двинулся по холлу, размышляя. «Недоумок понимает, что они — андройды. Он знал это до того, как я ему сказал. Но он не понимает. А кто понимает? Я? Понимаю ли я? И один из них будет копией Рейчел. Возможно, с ней жил специал. Интересно,

как это ему понравилось? Возможно, это как раз тот андроид, который, как боялся спецнал, мог бы покалечить его паука. Я мог бы вернуться и забрать паука. Я никогда еще не находил настоящего дикого животного. Должно быть, это фантастическое ощущение — смотреть и видеть что-то движущееся. Быть может, когда-нибудь это случится и со мной, как случилось с ним».

Он взял с собой подслушивающее устройство. Теперь он установил его на пол — вращающийся тупорылый детектор и блиц-экран. В тишине холла экран был пуст. «Не на этом этаже», — сказал он себе. Он переключил детектор на вертикаль. По вертикальной оси тупая морда принимала слабый сигнал. Наверх. Он собрал приборы, взял чемоданчик и поднялся на следующий этаж.

В тени таилась фигура, ожидавшая его появления.

— Если ты шевельнешься, я отправлю тебя на покой, — сказал Рик.

Это был андроид-мужчина, и он ждал Рика. Лазер в руках Рика стал таким тяжелым, что он не смог бы поднять его и прицелиться. Он был застигнут врасплох.

— Я не андроид, — сказал человек в тени. — Меня зовут Сострадающим. — Он вышел в освещенную зону. — Я обитаю в этом доме из-за мистера Исидора, спецнала, у которого был паук. Вы разговаривали с ним там, снаружи.

— Разве я теперь вне сострадания? — спросил Рик. — Так мне сказал недоумок. Из-за того, что собираюсь сейчас проделать.

— Мистер Исидор говорит от своего имени, а не от моего, — сказал Сострадающий. — Вы делаете то, что должно быть сделано, я уже говорил вам.

Подняв руку, он указал за спину Рика:

— Я пришел сюда, чтобы предупредить вас. Один из них притаился у вас за спиной, и ниже, не в квартире. Это самый трудный андроид из трех, и вы должны убрать его первым.

Усталый древний голос вдруг обрел пыл:

— Быстрее, мистер Декард! НА ЛЕСТНИЦЕ!

Выставив перед собой ствол лазера, Рик развернулся на полусогнутых ногах, оказавшись лицом к лестничному проему.

Вниз по ступенькам плавно сбегала женщина. Он узнал ее и опустил лазер.

— Рейчел, — сказал он.

Он был поражен. Неужели она последовала в своем каре за ним и выследила его? Но зачем?

— Возвращайся в Сиэтл, — сказал он. — Оставь меня в покое. Сострадающий сказал, что я должен сделать это!

Но тут он увидел, что это не Рейчел.

— Ради всего, что мы значили друг для друга, — сказал андроид. Он приближался к Рiku, словно для того, чтобы вцепиться в него.

«Одежда другая, — подумал Рик, — но глаза те же. И она не одна такая, их может быть целый вагон. И у каждой свое имя, но все как две капли воды похожи на Рейчел Розен. Рейчел — один из прототипов, используемый компанией для производства остальных копий».

Он выстрелил в нее почти с жалостью, когда андроид бросился к нему. Он словно лопнул, куски полетели во все стороны. Рик закрыл лицо и голову руками, а потом, открыв их, увидел, как по ступеням катится лазерный излучатель андрoида. Металлический цилиндр, подпрыгивая, катился со ступеньки на ступеньку, и звук становился все слабее и слабее. «Самый трудный из трех», — сказал Сострадающий. Рик оглянулся по сторонам, всматриваясь, не стоит ли тот там. Но старик исчез. «Они могут преследовать меня с помощью Рейчел Розен до тех пор, пока я не умру или этот прототип морально устареет. Интересно, что произойдет раньше? Теперь остальные. Сострадающий сказал, что один был вне квартиры. Он оберегает меня! Он возник и помог мне. Оно прикончило бы меня, если бы не он. Теперь я справлюсь с остальными. Самое трудное позади. Она знала, что я не смогу этого сделать, но я смог, и теперь все позади. Я сделал невозможное. Бейти я могу выследить стандартными способами. Это будет нелегко, но я справлюсь».

Он стоял один в пустом холле.

Сострадающий покинул его, потому что исполнил свой долг. Рейчел, вернее, Прис Страттон, лежала на ступеньках в виде отдельных кусков и частей тела. Он остался один.

Где-то в здании его ждали супруги Бейти. Они понимали, что произошло. Возможно, они уже испугались. Все происшедшее было их реакцией, их попыткой воздействовать на него. Если бы не Сострадающий, она бы удалась.

Теперь для них пришел конец.

Он понял, что нужно действовать быстро. Он побежал вдоль холла, и детектор тут же зарегистрировал наличие энцефалографической активности. Значит, он нашел нужную квартиру. Теперь детектор был ему больше не нужен. Он отбросил чемоданчик и забарабанил в дверь.

Из-за нее донесся мужской голос:

— Кто там?

— Это мистер Исидор,— сказал Рик.— Пустите меня, потому что я за вами присматриваю и двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь,— послышался голос женщины.

— Я хочу посмотреть Бастера Джруби по телевизору Прис,— сказал Рик.— Теперь, когда он доказал, что Со-страдающего не существует, очень важно всегда смотреть его передачи. Я вожу фургон в ветеринарной лечебнице Ван-Несса. Ею владеет Ганнибал Слоут.— Он начал подделываться под заикание мистера Исидора.— Это моя квар-тира.

Он подождал, и дверь приоткрылась.

Внутри было темно, и смутно проступали два силуэта. Одна фигура, пониже ростом, сказала женским голосом:

— Сначала вы должны провести тесты.

— Слишком поздно,— сказал Рик.

Высокая фигура попыталась закрыть дверь силой, одно- временно включив какое-то электронное устройство.

— Нет,— сказал Рик.— Я должен войти.

Рик позволил Рою Бейти выстрелить один раз. Луч прошел мимо него.

— Теперь вы потеряли законное право на тест,— ска- зал Рик.— Вы первые выстрелили в меня. Сначала вам нужно было заставить меня провести тест, но теперь это уже не имеет значения.

Бейти снова выстрелил, но промахнулся, бросил лазер и побежал куда-то в глубь темной квартиры, возможно, к другому электронному аппарату.

— Почему Прис не убила вас?— спросила миссис Бейти.

— Прис не существует,— сказал он.— Есть только Рей- чел Розен, снова и снова.

В ее руке он заметил блеск ствола лазера. Его незаме- тно передал Рой Бейти, надеясь заманить Рика в квартиру и пристрелить сзади.

— Простите, миссис Бейти,— сказал Рик и выстрелил в нее.

В соседней комнате Рой Бейти завопил от бессильной ярости.

— Ладно, ты любил ее. А я любил Рейчел, а специал любил Прис — вторую Рейчел Розен.

И выстрелил в Роя. Большое мужское тело тяжело оп- рокинулось, словно набор отдельных предметов, врезалось в кухонный столик и рухнуло на пол вместе с тарелками и

прочей утварью. Рефлексные контуры заставили тело еще несколько раз дернуться, но андроид был уже мертв.

Рик не обращал на него внимания. Он не заметил и другой труп, у двери, труп Имград Бейти. «Я покончил с последним,— осознал он вдруг.— Шесть за один день. Почти рекорд. Теперь все кончилось, и я могу пойти домой, к моей Ирен и нашей козе. На некоторое время у нас будет достаточно денег».

Он присел на кушетку. Через некоторое время в дверях показался мистер Джон Р. Исидор, специал. Рик все еще продолжал сидеть неподвижно посреди пустой квартиры.

— Лучше не смотрите,— сказал он.

— Я видел там, на лестнице, Прис...

Специал плакал.

— Не принимайте это близко к сердцу,— сказал ему Декард.

Он с трудом поднялся с кушетки. Голова шла кругом.

— Где тут у вас телефон?

Специал не ответил. Рик сам отыскал аппарат и набрал номер Гарри Брайанта.

Двадцать

— Отлично,— сказал Гарри Брайант.— Теперь тебе нужно отдохнуть. За телами андроидов мы выйдем патрульный кар.

Рик Декард повесил трубку.

— Андроиды тупы,— с яростью сказал он специалисту.— Рой Бейти не мог отличить меня от вас, поэтому и открыл дверь. Полиция все здесь уберет. Может быть, вам следует перейти в другую квартиру, пока они не закончат? Едва ли вам будет приятно оставаться здесь...

— Я уезжаю отсюда. Я хочу жить ближе к центру, где много людей.

— Я думаю, в моем жилом блоке найдутся свободные квартиры.

— Я не хочу жить рядом с вами,— выдавил, заикаясь, Исидор.

— Выйдите в холл,— сказал Рик,— или на крышу. Не нужно оставаться здесь.

Специал тянул, не зная, что делать.

Лицо его отражало целую гамму чувств.

Потом, повернувшись, он вышел, оставив Рика в одиночестве.

«Что за работа!— думал Рик.— Я — наказание, посланное небом, как голод или чума. Куда бы я ни направлялся, за мной следует древнее проклятие. Как сказал Страдающий, мне приходится делать плохие дела. Все, что я делал с самого начала, было плохо и неправильно. Что ж, в любом случае пора отправляться домой. Возможно, там, с Ирен, я смогу забыться».

Когда он вернулся домой, на крыше блока его встретила Ирен. Она выглядела странно и необычно. За все годы супружества он никогда не видел ее такой.

Обняв ее за плечи, Рик сказал:

— Все позади, и я подумал, что Гарри Брайант мог бы перевести меня...

— Рик,— сказала она,— я должна тебе кое-что сказать. Мне очень жаль, но наша коза погибла.

Почему-то он даже не удивился, только почувствовал себя хуже — к давлению, навалившемуся на него со всех сторон, прибавилась еще одна весомая часть.

— Кажется, в контракте есть пункт о гарантии,— сказал он.— Если в течение девяноста дней животное...

— Она не заболела. Кто-то...— Ирен откашлялась и хрипло проговорила: — Кто-то проник сюда, вывел козу из клетки и подтащил к краю крыши.

— И столкнул вниз?

— Да.

Ирен кивнула.

— Ты видела, кто это сделал?

— Да, я очень хорошо ее рассмотрела. Барбур в этот момент еще возился со своей лошастью. Он позвал меня. Мы вызвали полицию, но она уже улетела. Невысокая молодая девушка с темными волосами, большими черными глазами, очень тонкая, одетая в черный чешуйчатый плащ. У нее была сумка через плечо, вроде почтовой. Она даже не очень пряталась, словно ей было все равно.

— Да, ей было все равно,— сказал Рик.— Рейчел было наплевать, увидишь ты ее или нет. Возможно, она даже хотела, чтобы ты ее заметила, чтобы я знал, кто это сделал.— Он поцеловал жену.— Ты все это время ждала меня здесь, наверху?

— Всего полчаса. Это случилось всего полчаса назад.

Ирен нежно вернула ему поцелуй.

— Как это ужасно и бессмысленно.

Рик повернулся к своему кару, открыл дверцу и сел за руль.

— В этом есть смысл,— сказал он.— У нее была причина, по ее мнению.

«По мнению андроида», — подумал он про себя.

— Куда ты? Разве ты не пойдешь домой? Только что по телевизору Бастер Джруби сделал просто шокирующее заявление. Он утверждает, что Сострадающий — надувательство. Что ты думаешь об этом, Рик? Это правда?

— Все правда, — ответил он. — Все, что кто-то когда-то придумал.

Он резко повернул ключ зажигания.

— С тобой будет все в порядке?

— Со мной будет все в порядке, — ответил он.

И подумал: «И я умру. Оба утверждения одинаково верны». Он захлопнул дверцу, махнул Ирен рукой и умчался в ночное небо.

«Когда-то, — подумал он, — я бы увидел звезды. Но могло случиться это только много лет назад. Сейчас везде висит пыль, и никто давно уже не видел звезд, по крайней мере с Земли. Может быть, я отправлюсь туда, откуда можно видеть звезды».

Двадцать один

В свете раннего утра перед ним, насколько хватало глаз, простиралась бесплодная серая равнина. Валуны величиной с дом накатились друг на друга да так и замерли. «Это похоже на склад, — думал Рик, — когда весь груз уже отправлен и остались одни упаковки, контейнеры, сами по себе ничего не значащие. Когда-то здесь были поля, паслись животные. Да, именно так — паслись животные! Какое странное место для того, чтобы умереть».

Он опустил кар ниже и некоторое время летел параллельно земле.

«Что бы сказал обо мне в такой момент Дейв Холден? В каком-то смысле я сейчас величайший охотник на андронидов за всю историю нашей профессии. Еще никому не удавалось отправить на покой шесть андронидов типа «Узел-б» в течение двадцати четырех часов, и никто, вероятно, не сможет повторить это достижение».

Впереди плавно поднялся покрытый пылью и камнями склон холма. Когда земля угрожающе приблизилась, Рик взял руль на себя.

«Нельзя так много летать, — подумал он. — Усталость. Надо вызвать Дейва Холдена».

Он выключил зажигание, некоторое время планировал,

а потом посадил кар. Тот, запрыгав среди камней, замер, заскрежетавав шасси.

Подняв трубку видеофона, он набрал номер коммутатора управления.

— Дайте мне госпиталь в Маунт-Сион,— попросил он.

На экране появилась новая телефонистка.

— Госпиталь Маунт-Сион.

— У вас лежит больной по имени Дейв Холден. Могут ли я поговорить с ним? Как он себя чувствует?

— Минуту, сэр, я проверю.

Экран потемнел.

Рик вдохнул щепотку специальной нюхательной смеси доктора Джонсона. Ментол с утра имел отвратительный привкус.

Он опустил окно кара и выбросил на кучу битой гальки маленькую желтую жестянку с порошком.

— Нет, сэр,— сказала оператор. Она снова возникла на экране.— Доктор Коста считает, что состояние мистера Холдена не позволяет ему говорить по фону даже в чрезвычайных случаях.

— Дело касается управления полиции,— сказал Рик. Он поднес к экрану карточку удостоверения.

— Одну минуту, сэр.

Оператор снова исчезла. Время шло.

Рик зябко повел плечами. Без отопления в кабине температура начала быстро падать.

— Доктор Коста говорит, что мистер Холден не может...

— Ладно,— сказал Рик.

Он повесил трубку. Пахло чем-то отвратительным.

Декард поднял стекло.

«Дейв действительно вышел из игры,— подумал он.— Как это они не прикончили меня? Наверное, я действовал быстро, а они этого не ожидали. Все за один день. Гарри Брайант был прав».

В кабине кара стало холодно, он открыл дверцу и вышел наружу. Неожиданный, нездоровый ветер просочился сквозь одежду. Рик стал ходить, потирая замерзшие руки.

«Но мне было бы приятно, если бы Дейв похвалил меня,— осознал Рик.— Он бы поддержал меня, оценил бы мои действия. Но он понял бы и другое, чего, как мне кажется, не понимает и Сострадающий. Для Сострадающего все легко, потому что он принимает все, как есть. Ему ничто не чуждо. Но то, что я сделал, чуждо мне самому. Собственно, я весь теперь ложь и неестественность. Мое «я» теперь мне чужое».

Он шел дальше и дальше вверх по склону холма, и с каждым шагом давивший на него груз увеличивался.

«Я слишком устал,— подумал он,— чтобы еще карабкаться на этот холм».

Остановившись, он стер с лица пот и соленые слезы, которые, казалось, лились со всего тела. Потом, рассердившись на себя, плюнул с яростью и презрением к самому себе, прямо на голую землю. Затем продолжил свое восхождение по одинокой и незнакомой местности вдали от остального мира.

Здесь был только он, и больше ничего живого.

Жара. Неожиданно он почувствовал, что стало жарко. Видимо, прошло немало времени.

И голод. Он уже бог знает сколько времени ничего не ел. Жара и голод объединились в ядовитое чувство, напоминающее поражение.

«Да,— подумал Декард.— Так оно и есть. Каким-то образом я потерпел поражение — потому что убивал андроидов. Или потому, что Рейчел убила мою козу?»

Он не знал ответа.

По мере продвижения вперед его сознание окутывала смутная дымка галлюцинаций. Рик вдруг обнаружил, что стоит в шаге от края пропасти. Падение в нее было бы смертельным. Он не представлял себе, как это могло получиться. «Беспомощное и унижительное падение вниз,— подумал он.— И никто бы меня не нашел».

Здесь не было никого, кто мог бы оценить всю глубину его деградации, и мужество, которое может проявиться в конце этого процесса, тоже останется незамеченным. Мертвые камни, покрытые пылью сорняки ничего не замечали, ничего не могли заметить ни в нем, ни в себе.

В это мгновение первый камень — он не был из резины или мягкого пенопласта — ударил его в пах.

Боль, настоящее понимание своего одиночества и абсолютности страдания коснулись его со всей неприкрытой жестокостью. Он остановился, но потом, побуждаемый чем-то недоступным пониманию, продолжил подъем.

«Качусь, как камень. Я двигаюсь без участия собственной воли. Но это ничего не значит».

— Сострадающий,— выдавил он, задыхаясь.

Декард остановился и замер. Впереди проступила смутная фигура.

— Вилбур Сострадающий, это ты?

«Боже,— понял вдруг Рик,— это же моя тень! Мне надо выбраться отсюда. Вниз, по склону...»

И начал спускаться.

Один раз он упал, и облако пыли затянуло все вокруг. Он бросился бежать — прочь от этой пыли, спотыкаясь на ненадежной гальке. Впереди он увидел свой кар.

«Я вернулся,— сказал он себе.— Я спустился с холма».

Он отворил дверцу и втиснулся в кабину. «Кто же бросил в меня камень? Никто. Почему же это так меня беспокоит? Со мной уже случалось подобное во время слияний, когда я пользовался генератором эмпатии. Ничего нового. Ничего? Но ведь на этот раз я не пользовался генератором — я был один».

Дрожа, он извлек из перчаточного отделения новую банку нюхательной смеси. Откупорив ее, он взял большую щепоть порошка. Рик отдышал, сидя наполовину в каре, наполовину снаружи. Ноги его стояли на пыльной высушенной земле.

«Не стоило сюда соваться»,— подумал он, почувствовав, что слишком устал, чтобы лететь домой.

«Если бы я только мог поговорить с Дейвом, со мной было бы все в порядке. Я смог бы выбраться отсюда. У меня по-прежнему есть работа и электрическая овца. Будут новые андроиды, и я отправлю их на покой. Моя работа еще не окончена — я еще не устранил последнего анди на Земле. Возможно, в этом-то все и дело. Я боюсь, что их больше ни одного не осталось».

Он посмотрел на часы. Было девять тридцать. Сняв трубку видеофона, он набрал номер Дома правосудия.

— Мне нужно поговорить с инспектором Брайантом,— сказал он телефонистке управления, мисс Уайлд.

— Инспектор Брайнт вылетел в своем каре, но видеофон его не отвечает. Видимо, он покинул машину.

— Он не сказал, куда направляется?

— Что-то насчет андроидов, которых вы отправили на покой прошлой ночью.

— Дайте мне моего секретаря,— попросил он.

Секунду спустя на экране появилась мисс Марстен.

— О, мистер Декард, мистер Брайнт пытался найти вас. Кажется, он собирается представить вас начальству в списках отличившихся, поскольку...

— Я знаю, что я сделал,— сказал Рик.

— До сих пор это еще никому не удавалось. Да, мистер Декард, еще вам звонила ваша жена. Она спрашивала, все ли с вами в порядке. У вас все в порядке?

Рик ничего не ответил.

— Во всяком случае,— рассудительно заметила мисс

Марстен, — вам следует ей позвонить. Она просила передать, что будет ждать вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет, я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они забрали мою козу, — сказал Рик.

— Кто? Похитители животных? Мы только что получили донесение — новая крупная банда, преимущественно подростки, действует в районе...

— Похитители жизни, — сказал он.

— Я не понимаю вас. — Мисс Марстен внимательно посмотрела на него. — Мистер Декард, у вас ужасный вид. Вы такой усталый, и... Боже, у вас течет кровь!

Подняв руку, Рик заметил кровь. Видимо, в него попал не единственный камень.

— Вы выглядите, — сказала мисс Марстен, — как Вилбур Сострадающий.

— Да, — сказал он, — я и есть Вилбур Сострадающий, я соединился с ним и теперь не могу разъединиться. Я нахожусь где-то в районе границы со штатом Орегон.

— Выслать кого-нибудь? Я вызову патрульный кар, он подберет вас.

— Нет, — сказал он. — Я больше не работаю в управлении.

— Мистер Декард, — мягко сказала секретарша, — вы переутомились. Вам необходимо лечь в постель и отдохнуть. Вы наш лучший охотник, мистер Декард, самый лучший охотник за все время существования управления. Я передам инспектору Брайанту, что вы отправились домой, отдыхать. И немедленно позвоните жене. Она ужасно волнуется, честное слово, мистер Декард. Вы оба в ужасном состоянии.

— Это все из-за козы, — сказал он. — Это не из-за андроидов. Рейчел ошиблась: мне не трудно было устранить их. И спецнал тоже ошибся, что я не смогу больше сливаться с Сострадающим. Прав был только сам Вилбур.

— Вам бы лучше вернуться сюда, мистер Декард, поближе к людям. Там, в Орегоне, совершенная пустыня, не так ли? Вы ведь там совершенно один?

— Как странно, у меня была полная иллюзия, что я сам превратился в Сострадающего, и теперь в меня самого швыряют камни. Но только это было совсем не то чувство, которое испытываешь, держа рукоятки генератора. Тогда чувствуешь, что ты — рядом с Сострадающим. Но на этот раз его не было. Я был действительно один.

— Теперь говорят, что Сострадающий — надувательство.

— Нет, не надувательство,— сказал Рик.— В противном случае, сама реальность — надувательство.

«Холм,— подумал он,— пыль и камни — все совершенно разные».

— Я боюсь,— сказал он,— что теперь не смогу рассоединиться с Сострадающим. Стоит только начать — и отступать будет поздно.

«Неужели мне снова придется карабкаться на холм?— подумал он.— Вечный подъем, как это делает Сострадающий в ловушке Вечности».

— До свидания,— сказал он и хотел уже повесить трубку.

— Вы позвоните жене? Обещаете?

— Да.— Он кивнул.— Спасибо, Энн.

И повесил трубку.

«В кровать, отдохнуть. В последний раз я ложился спать с Рейчел. Нарушение закона. Половые сношения с андроидом. Абсолютно запрещено и здесь и в колониях. Сейчас она, наверное, вернулась домой в Сиэтл, в компанию к другим Розенам, настоящим и андроидам. Если бы я мог сделать с ней то, что она сделала со мной! Но с андроидами это не получится, потому что им все равно. Если бы я убил тебя прошлой ночью, моя коза была бы жива. Вот когда я принял неправильное решение! Да, все началось с этого момента и с того, когда я лег с ней в постель. Но ты была права в одном отношении: я действительно изменился, но не так, как предполагала Рейчел. Все получилось гораздо хуже, но тем не менее мне это безразлично. После того, что случилось на склоне холма, я больше не волнуюсь. Интересно, что произошло бы, если бы я стал подниматься и достиг бы вершины? Именно там, кажется, умирает Сострадающий? Но если я действительно Сострадающий, я никогда не умру. Сострадающий БЕССМЕРТЕН».

Сняв трубку, чтобы позвонить жене, он замер.

Двадцать два

И положил трубку на рычаг. Глаза его были устремлены в одну точку.

По серой пыльной земле что-то двигалось: маленькое вздутие, холмик между двумя валунами.

«Животное»,— сказал он себе. Сердце бешено заколотилось, когда он осознал происходящее. «Я знаю, что это. Я видел их только в старых фильмах, которые показыва-

ют по правительственному каналу. Но они ведь вымерли!»

Он быстро вытащил свой помятый экземпляр каталога Сидни и дрожащими пальцами принялся листать его:

«ЖАБЫ (буффониды) — все разновидности вымерли».

Они вымерли много лет тому назад.

Это самое любимое Вилбуром Сострадающим существо, наряду с ослами. Но лягушек и жаб он любил больше всего.

«Мне нужна коробка!»

Он порылся на заднем сиденье, но ничего не нашел. Рик вышел из кара, открыл багажник и нашел топливный насос, запакованный в картонную коробку. Он вытряхнул его, положил в коробку немного ветоши и начал подкрадываться к жабе. Она полностью сливалась с окружающей пылью.

Возможно, она эволюционировала, приспособившись к новому климату. Если бы она не двигалась, он бы никогда ее не заметил. А ведь он сидел всего в двух ярдах от нее. «Если вы находите животное, — подумал он, — которое считается вымершим, то что? Это случается очень редко. Что-то случается, такое важное, вроде почетного ордена, «Звезды» от ООН, премии до миллиона долларов. К тому же найти существо, самое дорогое для Сострадающего! Боже, этого не может быть! Возможно, радиация добралась и до моего мозга и теперь я — специал? Со мной происходит то же, что и с Исидором, этим недоумком, и его пауком. Или все это подстроено Сострадающим? Нет, я сам нашел эту жабу, потому что смотрел на нее глазами Сострадающего».

Он присел рядом с ней на корточки.

Она выкопала в земле углубление и теперь снаружи была только верхушка головы и глаза.

Обмен веществ в ее теле, видимо, приостановился, жаба погрузилась в транс и не ощущала присутствия человека.

«Она умерла от жажды!» — в ужасе подумал Рик.

Но жаба шевельнулась, он опустил коробку и начал осторожно сметать с нее пыль. Она, казалось, ничего не имела против. Животное не сознавало, что происходит.

Подняв жабу, Рик ощутил ее необычную прохладность. Тело ее казалось сморщившимся и сухим и таким холодным, как будто она жила под землей, в миле от поверхности, и никогда не видела солнца.

Жаба заворочалась, вяло попыталась освободиться, чтобы ускользнуть.

«Какая большая, — подумал Рик. — Взрослая, опытная

жаба, способная выжить там, где, кажется, уже никто не живет. Интересно, где она находит воду, чтобы отложить икру? Вот что, оказывается, способен видеть Сострадающий — жизнь там, где ее не видит никто, жизнь, тщательно зарывшуюся в труп мертвого мира в самом пекле Вселенной. Сострадающий способен различать даже самые не приметные искры жизни. Теперь я понимаю это. Посмотрев глазами Сострадающего на мир, я уже не смогу остановиться. У моей жабы никакой андроид не отрежет ногу, как это случилось с пауком недоумка».

Он положил аккуратно запакованную коробку на сиденье кара и сел за руль.

«Я как будто снова стал ребенком,— подумал он.— Давящая усталость исчезла. Погодите, вот узнает об этом Ирен...»

Он схватил трубку, начал набирать номер и вдруг остановился.

«Я сделаю сюрприз,— заключил он.— Всего тридцать или сорок минут — и я буду дома».

Он жизнерадостно запустил двигатель, секунду спустя свечой взмыл в небо и полетел к лежащему в семи сотнях миль к югу Сан-Франциско.

Ирен Декард сидела рядом со своим стимулятором Пенфилда, касаясь пальцем циферблата настройки, но ничего не набирала.

Она чувствовала себя больной и безразличной. Дорогу в будущее закрывало тяжелое препятствие, отсекая путь ко всем возможностям.

«Если бы здесь был Рик, он заставил бы меня набрать «3»,— подумала она.— И тогда мне самой захотелось бы набрать что-то важное или радостное, или просто «888» — желание смотреть телевизор вне зависимости от передачи. А что, собственно, сейчас по телевизору?»

Потом она стала размышлять, куда пропал Рик.

«Может, он уже летит домой, а может, и нет». Суставы и кости ее, казалось, твердеют от старости.

В дверь постучали.

Отложив руководство по эксплуатации стимулятора Пенфилда, она вскочила, подумав: «Теперь мне ничего не нужно набирать — это прилетел Рик». Она подбежала к двери и широко распахнула ее.

— Привет,— сказал он.

Рик стоял на пороге, щека его была порезана, одежда измялась и была серой от пыли. Даже рубашка, казалось, пропиталась пылью. Все, кроме сияющих как у мальчишки глаз, было покрыто пылью.

«У него такой вид,— подумала Ирен,— словно он целый день играл на улице, и вот теперь пришел домой отдохнуть, умыться и рассказать о всех чудесах прошедшего дня».

— Как хорошо, что ты вернулся,— сказала она.

— Я кое-что принес.

Он держал в руках картонную коробку, как будто в ней было что-то хрупкое и слишком ценное, чтобы выпустить из рук. Он не выпускал ее ни на секунду.

— Я сделаю тебе кофе,— сказала она.

На плите в кухне она нажала нужную кнопку — и минуту спустя поставила на стол объемистую кружку.

Продолжая бережно держать коробку, он уселся, но удивление не покидало его лица. За долгие годы совместной жизни она еще никогда не видела его таким. Что-то произошло с ним с тех пор, как она видела его последний раз прошлой ночью.

Там, в коробке, видимо, и была причина перемен.

— Я хочу спать,— объявил он.— Я буду спать целый день. Я звонил Гарри Брайанту, и он дал мне день отдыха.

Он осторожно поставил на стол коробку, взял чашку кофе и послушно — потому что так хотела Ирен — выпил ее.

Сидя напротив него, она спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— Можно посмотреть?

Она смотрела, как он разматывает ветошь и открывает коробку.

— Ой!— вскрикнула она. Увидев жабу, она почему-то испугалась.— Она не укусит?

— Возьми ее, она не кусается. У жаб нет зубов.

Рик вытащил животное из коробки и подал ей. Подавив отвращение, Ирен взяла жабу.

— Я думала, они все вымерли.

Она перевернула жабу животом вверх, с любопытством рассматривая ножки. Они казались ей почти бесполезными.

— А жабы могут прыгать, как лягушки? Она может выпрыгнуть у меня из руки?

— У них слабые лапы,— сказал Рик.— Это главное различие между жабами и лягушками. И вода. Лягушкам нужна вода, а жаба может жить и в пустыне. Эту я нашел на границе Орегона, там, где все давно вымерло.

Он протянул руку, чтобы забрать жабу, но Ирен заметила что-то необычное. Продолжая держать ее животом

вверх, она поковыряла живот жабы ногтем и открыла миниатюрную контрольную панель.

— Да...— Лицо Рика помрачнело.— Я понимаю. Ты права.

Подавленный, он посмотрел по сторонам, потом на поддельное животное. Он взял ее у Ирен, потрогал лапки, словно не зная, что делать дальше, потом аккуратно положил псевдоживотное обратно в коробку.

— Как же она попала в самую пустынную часть Калифорнии? Я не понимаю, кто мог ее там оставить? И зачем?

— Мне, наверное, не нужно было показывать тебе, что она электрическая.

Ирен коснулась его руками. Она чувствовала себя виноватой, заметив в нем перемену.

— Нет,— сказал Рик,— я рад, что узнал правду.— Он помолчал.— Да, я предпочитаю знать...

— Хочешь, я включу стимулятор? Ты больше получал от него, чем я.

— Со мной все в порядке.

Он покачал головой, словно собираясь с мыслями, все еще не справившись с ошеломлением.

— Паук, которого Сострадающий дал недоумку, тоже, вероятно, был ненастоящий. Но это не важно. У электрических существ тоже есть своя жизнь, какой бы жалкой она ни была.

— У тебя такой вид, как будто ты прошел сотню миль,— сказала Ирен.

— День был трудный и длинный.

— Ложись в постель и отдохни.

Он посмотрел на нее, словно пораженный громом.

— Значит, все кончилось, да?

Он словно ждал, что она скажет, будто она должна была знать. Он сомневался в собственных словах, которые становились реальными, только когда их подтверждала она.

— Да, все кончилось.

— Боже, это не задание, а какой-то марафон,— сказал Рик.— Стоило только начать, а остановиться уже не было никакой возможности. Меня несло вперед, пока я не покончил с Бейти. И вдруг, совершенно неожиданно, мне стало нечего делать. И это...— Он помолчал, явно удивленный тем, что сам же хотел сказать.— Это было хуже всего. Закончив дело, я не мог остановиться. Ты была права сегодня утром, когда сказала, что я всего лишь грубый легавай с кривыми руками.

— Я больше так не думаю. Я страшно рада, что ты

вернулся.— Лицо ее светилось. Она поцеловала его, и он обрадовался этому.

— Ты думаешь, я поступил неправильно?— спросил он.— Что я не должен был так поступать?

— Нет, не думаю.

— Сострадающий сказал, что это неправильно, но что я обязан это сделать. Совершенно сверхъестественно. Иногда оказывается лучше сделать что-нибудь неправильное, чем правильно.

— Это проклятие лежит на нас,— сказала Ирен.— То, о котором говорит Сострадающий.

— Пыль?— спросил он.

— Убийцы, настигшие Сострадающего, когда ему было шестнадцать лет, сказали ему, что запрещено пускать время вспять и возвращать к жизни мертвое. Теперь он может двигаться вместе с жизнью в ту сторону, куда движется и она — к смерти. А убийцы бросают камни. Это они, они все еще преследуют его. И всех нас. Это они поранили тебе щеку?

— Да,— слабо сказал он.

— Может, теперь ты приляжешь? Я поставлю стимулятор на семьсот шестьдесят.

— И что это будет?

— Заслуженный покой.

Он с трудом поднялся с напряженным лицом, как будто побывал в тысяче битв, потом постепенно начал двигаться в спальню.

— Ладно,— сказал он.— Давай заслуженный отдых.— И вытянулся на кровати. С волос и одежды на белых простыни посыпалась серая пыль.

Ирен поняла, что в стимуляторе нет нужды. Она нажала кнопку, и окна спальни стали непрозрачными. Серый свет дня исчез.

Через минуту Рик уже спал.

Она некоторое время стояла рядом, убедившись, что он не проснется, не сядет вдруг рывком, как это бывало иногда ночью, когда ему снились кошмары.

Потом она пошла на кухню и села за стол. Рядом прыгала и шелестела электрическая жаба.

«А что она «ест»?— подумала Ирен.— И какие у нее могут быть неполадки? Наверное, она ест искусственных мух...»

Открыв телефонную книгу, она отыскала раздел «электроживотные», потом набрала номер и, когда ей ответили, спросила:

— Могу ли я заказать у вас фунт искусственных мух, которые могли бы летать и жужжать по-настоящему?

— Это для электрической черепахи, мэм?

— Нет, для жабы.

— Тогда я могу предложить вам большой ассортимент ползающих и летающих насекомых всех типов, включая...

— Мух будет достаточно,— сказала Ирен.— Вы доставите на дом? Я не хочу выходить. Мой муж спит, я хочу чтобы он как следует отдохнул.

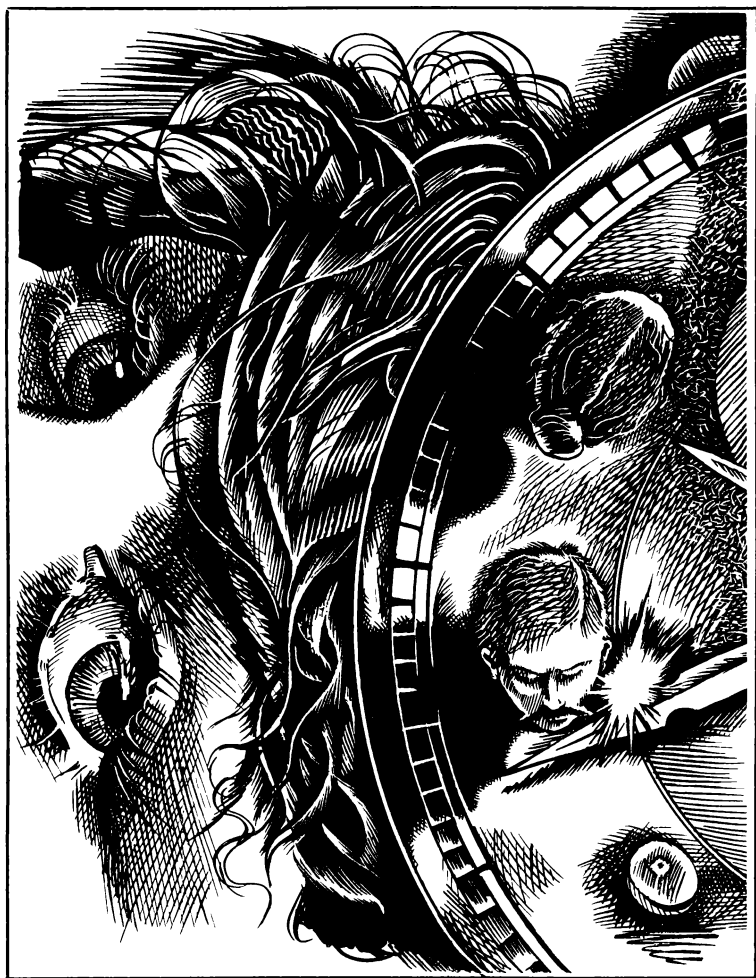
— Для жабы я порекомендовала бы также лужицу с автоматическим наполнением,— посоветовала продавщица.— Если только это не рогатая жаба. В последнем случае мы могли бы предложить вам набор из песка, разноцветной гальки и кусочков органического мусора. Если вы собираетесь кормить ее, то наш отдел выполняет работы по регулировке языка. Для жабы это жизненно необходимо.

— Прекрасно,— сказала Ирен.— Я хотела бы, чтобы жаба работала идеально. Мой муж очень к ней привязан.

Она сообщила адрес и повесила трубку.

Почувствовав себя лучше, она приготовила себе наконец чашку горячего кофе.

УБИК

*Гляжу, стоит зеленый лес,
Залитый солнца светом.
Бежим туда, пришел наш час
Идти на встречу с летом.*

Слово «UBIK» происходит от латинского «UBIQUE» — везде и английского «UBIQUITY», что означает: вседесущность, повсеместность.

Это пояснение необходимо для понимания сути произведения.

Друг, настало время распродажи, и именно поэтому мы понижаем цены на наши бесшумные электрические аппараты «Убик». Да, указанная стоимость больше не в счет! И помните: каждый из аппаратов «Убик», находящийся у нас на складе, проверен согласно инструкции.

1.

Пятого июня 1992 года в три одиннадцать утра ведущий телепат в зоне Солнечной системы исчез с карты в Нью-Йоркском бюро фирмы «Корпорация Ранкитера». В связи с этим раззвонились видеофоны. Фирма Ранкитера за последние два месяца потеряла слишком многих людей Холлиса, за которыми она следила, чтобы просто так смириться с новым случаем исчезновения.

— Мистер Ранкитер? Простите, что я вас беспокою.— Техник, ответственный за работу ночной смены, нервно откашлялся, когда массивная голова Глена Ранкитера медленно выплыла на экран видеофона.— Мы получили сообщение от одного из наших инерциалов. Сейчас я отыщу его...— Он начал рыться в грудe магнитофонных лент, на которые надиктовывали поступающую информацию.— Это сообщила миссис Дорн — может быть, вы помните, она отпавилась вслед за ним в Грин-Ривер, штат Юта, чтобы...

— За кем?— буркнул Ранкитер заспанным голосом.— Не могу же я помнить, какой из инерциалов каким из

телепатов занят.— Он пригладил ладонью непослушную массу седых жестких волос.— О деталях потом... Кто из людей Холлиса исчез на этот раз?

— С. Доул Мелипон,— сказал техник.

— Что? Мелипон исчез? Вы, верно, шутите?

— Я серьезно,— заверил его техник.— Эдди Дорн вместе с двумя другими инерциалами следили за ним вплоть до мотеля, известного под названием «Башня разнообразнейшего эротического опыта». Это подземное сооружение, состоящее из шестидесяти апартаментов, предназначенных для бизнесменов, приезжающих туда со своими девицами и не стесняющихся в развлечениях. Эдди со своими коллегами не допускали, чтобы он находился в активном состоянии. Для верности мы послали туда одного из наших телепатов, мистера Г. Г. Эшвуда, чтобы он провел измерения. Он подтвердил наличие зоны помех вокруг сознания Мелипона и, поскольку помочь им ничем не мог, вернулся в Топеку, штат Канзас, где пытается завербовать для нас нового сотрудника.

Ранкитер, почти проснувшись, закурил сигарету. Он сидел, сгорбившись, уперев ладони в подбородок, и полосы дыма плыли в поле зрения визира, установленного по его сторону видеофонной линии связи.

— Вы уверены, что этим телепатов был Мелипон? Насколько я понимаю, никто не знает, как он выглядит — он чуть ли не каждый месяц меняет свой физиономический шаблон. Каково было его поле?

— Мы направили туда Джо Чипа с заданием проверить замеры напряженности поля в районе мотеля. Чип говорит, что максимальная напряженность, которую он зарегистрировал, составляла 62,5 блр телепатической ауры. Из всех известных нам телепатов только Мелипон способен на такое. Поэтому,— закончил техник,— мы и воткнули в карту обозначавший его значок. А теперь он... он исчез.

— А вы на полу искали? Или за картой?

— Он исчез в электронном смысле! Этого человека нет больше на поверхности Земли, а также — в той степени, в какой мы можем ориентироваться,— его нет и в зоне известных внеземных территорий.

— Я спрошу совета у своей покойницы жены,— сказал Ранкитер.

— Но сейчас ночь. В эту пору моратории закрыты.

— Не в Швейцарии,— ответил Ранкитер, изображив улыбку, словно горло у него было наполнено невкусной ночной слюной.— Спокойной ночи.— И он отключился.

Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, владелец Моратория Возлюбленных Собратьев, приходил на работу раньше всех сотрудников. В это время движение внутри холодного, гулко-го здания только начиналось: в приемной уже ждал с билетом в руке взволнованный, похожий на священника мужчина в очень темных очках. Он был одет в куртку из кошачьего меха и желтые остроносые ботинки. Казалось, что он, пользуясь свободной минутой, пришел навестить кого-то из родственников. Приближался День Воскресения Из Мертвых — день, официально посвященный находящимся в полужизни, и следовало ожидать, что скоро начнется наплыв посетителей.

— Я вас слушаю,— с вежливой улыбкой проговорил Герберт.— Я лично приму ваш заказ.

— Это такая старенькая женщина,— пояснил клиент.— Маленькая и сухонькая. Моя бабушка.

— Минуточку.— Герберт направился в сторону холодильных блоков, чтобы отыскать номер 3-054-039-Б.

Найдя нужного человека, он сверил данные с прикрепленной там же контрольной карточкой. Получалось, что старушке оставалось находиться в состоянии полужизни только пятнадцать дней. «Не так много»,— подумал он, привычно прилаживая переносной усилитель протофазонов к прозрачному синтетическому материалу, из которого был выполнен гроб. Он прикрепил усилитель, настроил его на нужную частоту и прислушался, проверяя, нормально ли функционирует сознание.

Из динамика слышался слабый голос:

— ...и ...и как раз тогда Тилли сломала ногу в колене. Мы думали, что она никогда не оправится. Она так глупо себя вела, сразу начала ходить...

Удостоверившись, он выключил усилитель, связался с одним из членов бригады обслуживания и попросил его доставить номер 3-054-039-Б в гостиную, где клиент сможет побеседовать со старой дамой.

— Вы слышали ее, правда?— спросил посетитель, отсчитывая необходимую сумму.

— Да, лично,— ответил Герберт.— Все функционирует надлежащим образом.

Он щелкнул несколькими переключателями и откланялся:

— Желаю вам счастливого Дня Воскресения, сэр.

— Благодарю...

Клиент сел, повернувшись лицом к гробу — от покрывающей его изоляционной прослойки поднимался пар,— прижал динамик к уху и громко заговорил в микрофон:

— Флора, милая, ты меня слышишь? Мне кажется, что я уже различаю твой голос, Флора!

«Когда я умру,— подумал Герберт Шенгейт фон Фогельсанг,— то в завещании потребую от потомков, чтобы они оживляли меня не чаще раза в сто лет. Тогда я смогу следить за судьбой человечества». Однако это было бы слишком разорительно для наследников — уж он-то знал это. В конце концов они взбунтовались бы, распорядились извлечь его тело из холодильника и — не дай бог! — похоронить.

— Погребение тел является варварским обычаем,— пробормотал он сам себе.— Это пережиток времен начала развития культуры.

— Разумеется, шеф,— сказала секретарша, сидящая за пишущей машинкой.

В гостиной уже набралось несколько клиентов, беседовавших со своими полуживыми родственниками. Они сидели спокойно, погруженные в размышления. Каждому из них в порядке очереди доставляли гроб. Эти люди, сохранившие верность и приходящие регулярно, чтобы засвидетельствовать свое почтение умершим, производили отрадное впечатление. Они поддерживали в полуживых бодрость в моменты активизации работы мозга, пересказывали им новости о происходящем в окружающем мире. И — платили Герберту Шенгейту фон Фогельсангу. Мораторий был доходным предприятием.

— Мой отец показался мне несколько ослабленным,— сообщил молодой человек, когда ему удалось привлечь внимание Герберта.— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы уделите немного времени и проверили его.

— Разумеется,— ответил Герберт. Он прошел вместе с клиентом через гостиную, направляясь в сторону блаженной памяти родственника. Из контрольной карточки следовало, что осталось всего несколько дней — это объясняло нечеткую работу мозга. Но, несмотря на это, он немного повозился с настройкой протофазонного усилителя, и голос полуживого стал несколько громче. «Он уже на грани истощения»,— подумал Герберт. Ему стало ясно, почему сын сам не хотел разбираться в данных контрольной карты; он не хотел понимать, что контакт с отцом должен неминуемо прерваться. Зачем говорить ему, что это, скорее всего, его последний визит сюда? Он сам может обо всем догадаться.

На приемной площадке, расположенной позади здания, показался грузовик. Из него выскочили двое мужчин, одетых в знакомую светло-голубую униформу работников

фирмы «Атлас Интерплэн Вэн энд Сторэдж». «Или привезли еще одного полуживого, который только что распрощался с этим миром, или прибыли забрать кого-то, чей срок уже истек», — подумал Герберт.

Он лениво направился к ним, чтобы узнать, что там за дело, но в этот момент секретарша окликнула его:

— Герр Шенгейт фон Фогельсанг, простите, что я вам мешаю, но один из клиентов просит, чтобы вы помогли разбудить его родственника. — Голос ее приобрел особый оттенок, когда она добавила: — Этот клиент — мистер Глен Ранкитер, он прилетел прямо из Североамериканской Федерации.

Высокий пожилой мужчина с крупными руками подошел к нему широким пружинистым шагом. Он был одет в немнущийся цветной костюм из синтетики, трикотажную рубашку и яркий галстук ручной работы. Глаза его были слегка выпуклыми, круглыми и живыми, необычайно чуткими. Немного наклонив вперед массивную седую голову, Глен Ранкитер огляделся. На его лице было выражение профессиональной сердечности и внимательности, которое на мгновение сосредоточилось на Герберте и почти немедленно переключилось на что-то другое, как только Ранкитер сконцентрировался на цели своего прибытия.

— Как себя чувствует Элла? — прогудел он. Казалось, его голос усиливался каким-то электронным приспособлением. — Можно ее немного расшевелить? Я хочу поговорить с ней. Ей всего лишь двадцать, и она должна быть в лучшей форме, чем я или вы.

Ранкитер засмеялся, но смех его был отвлеченным. Он всегда смеялся или улыбался, голос его гремел, но по сути дела он никого не замечал и никто его не волновал — это только его тело улыбалось, раскланивалось или протягивало руку. Ничто не проникало в его сознание, остававшееся независимым. Он всегда был вежлив, но полон отчуждения. Потянув за собой Герберта, он быстрыми шагами направился к холодильникам, в которых помещались полуживые, и среди них — его жена.

— Давненько вы не заглядывали к нам, мистер Ранкитер, — заметил Герберт. Он никак не мог припомнить данных контрольной карты миссис Ранкитер, из которых стало бы ясно, какой отрезок полужизни оставался ей.

Ранкитер, положив на плечо директора моратория свою широкую плоскую ладонь и заставляя его таким образом идти быстрее, сказал:

— Это очень важно, герр Фогельсанг. Мы, то есть я и

мои сотрудники, столкнулись с проблемой, выходящей за границы рационального. В настоящее время я не могу поделиться с вами фактами, но складывающаяся ситуация может быть опасной. Хотя, быть может, все не так безнадежно и в отчаяние впадать не следует. Где Элла?— Он остановился и принялся оглядываться по сторонам.

— Я доставлю ее вам в гостиную,— сказал Герберт. Клиентам не разрешалось находиться в помещении холодильника.— У вас есть жетон с ее номером?

— Черт побери, нет. Я давным-давно его потерял,— сказал Ранкитер.— Но вы знаете мою жену и сможете ее отыскать. Элла Ранкитер, около двадцати лет. Глаза голубые, волосы каштановые. А где находятся теперь эти гостинные?

— Проводите мистера Ранкитера в гостиную,— приказал Герберт одному из своих сотрудников, подошедшему поближе к ним, желая рассмотреть известного на весь мир владельца фирмы анти-пси.

— Там полно людей, я не могу разговаривать с Эллой,— с неудовольствием проговорил Ранкитер, заглянув в гостиную. Он догнал Герберта, направлявшегося в сторону архива фирмы.— Мистер Фогельсанг,— обратился он к директору моратория, снова водрузив свою огромную лапу ему на плечо. Герберт ощутил тяжесть и убедительность этой длани.— Разве у вас не найдется местечка поспокойней для частных бесед? Я намерен говорить со своей женой о делах фирмы. Это не подлежит разглашению.

— Я могу доставить миссис Ранкитер в одно из наших служебных помещений, сэр,— услужливо предложил Герберт, загипнотизированный уверенным тоном Ранкитера и силой его личности. Он попытался прикинуть, какие проблемы могли заставить Глена Ранкитера покинуть свою резиденцию и предпринять столь позднее паломничество в Мораторий Возлюбленных Собратьев, чтобы расшевелить, как он сам вульгарно определил, свою жену. «Какие-нибудь неприятности»,— решил он.

В последнее время тон крикливых реклам, помещаемых в телепрограммах и домашних газетах всевозможными компаниями анти-пси, стал еще более навязчивым.

«Береги свою интимную жизнь!»— кричали объявления в газетах и по всем каналам телевидения круглосуточно. «В самом ли деле никто не принимает волны твоего мозга? Действительно ли ты сам по себе?» Все это насчет телепатов. А, кроме того, еще этот истерический страх перед ясновидами... «А не известны ли заранее твои намерения кому-то, кого ты даже не знаешь? Избавься от неуве-

ренности! Ближайший профилакторий, в который ты обратишься, проинформирует тебя, не являешься ли ты жертвой телепатического воздействия извне, и, если ты пожелаешь, нейтрализует это вмешательство! Плата умеренная».

Профилактории. Ему нравилось это слово: оно было точным и приспосаблившимся достоинством. О их полезности он знал по собственному опыту: два года назад, по не известным никому соображениям, какой-то телепат подверг зондажу весь персонал его моратория. Скорее всего, он хотел перехватить какую-то информацию, которой обменивались посетители со своими полуживыми родственниками. А может быть, это касалось какой-то определенной особы, пребывающей в моратории? Так или иначе, но представитель одной из фирм анти-пси подтвердил наличие телепатического поля и сообщил Герберту об этом. Директор моратория подписал специальный договор — и командированный фирмой антiteleпат расположился на территории моратория. Телепата не обнаружили, но воздействие его было нейтрализовано в полном соответствии с обещаниями рекламных объявлений. Поверженный телепат в конце концов убрался восвояси, и мораторий освободился от чужого пси-влияния. Но теперь Герберт проводил ежемесячный профилактический осмотр всего персонала.

— Весьма признателен, мистер Фогельсанг, — сказал Ранкитер, идя вместе с ним через служебное помещение, заполненное сотрудниками, к пустой комнате, в которой воздух пропитался запахом пыльных и никому не нужных микродокументов.

«Разумеется, — размышлял Герберт, — я поверил им на слово, что сюда пробрался телепат. Они показали мне данные, и сказали, что это и есть доказательство. Но это мог быть и обман — они могли сфабриковать эти данные в своих лабораториях. Так же я поверил, что телепат убрался. Он пришел и ушел, а я заплатил за это две тысячи посткредов. Хотя разве это возможно, чтобы профилактории были просто бандой шарлатанов, безнаказанно утверждающих, что их услуги необходимы даже тогда, когда в том нет нужды?»

Решая этот непростой вопрос, он снова пошел к архиву. Ранкитер на этот раз не пошел за ним, а усиленно заерзал, пытаясь устроиться в кресле поудобнее. Оно было слишком тесным для него и страшно скрипело. При этом он вздохнул, и Герберту показалось, что этот крепко сложенный пожилой мужчина, несмотря на свою энергичную внешность, страшно устал.

«Забравшись так высоко, человек обязан вести себя определенным образом,— думал Герберт.— Он должен производить впечатление, что представляет собой нечто большее, чем простой смертный с присущими ему слабостями. В тело Ранкитера, вероятно, вживлена дюжина артифоров, искусственных органов, подключенных к различным точкам его организма и заменяющих его естественные части, переставшие правильно работать. Медицина может оказывать влияние на разные части организма человека, и Ранкитер пользуется этим. Интересно, сколько ему может быть лет? Теперь невозможно определить возраст человека по его внешнему виду. Особенно после девяноста».

— Мисс Бисон,— сказал он своей секретарше,— прошу вас, отыщите миссис Эллу Ранкитер и сообщите мне ее идентификационный номер. Ее следует доставить в помещение 2-А.

Он уселся напротив секретарши и потянулся за щепоткой табака «Принцесс», производства фирмы «Трайборг и Трейер», а мисс Бисон приступила к выполнению приказа — отыскать жену Ранкитера.

Лучший способ заказать пиво — произнести «Убик»! Сваренное из отборного хмеля на воде высокого качества, созревающее для приобретения идеального вкуса, пиво «Убик» является в этой стране пивом номер один. Изготавливается только в Кливленде.

2.

Элла Ранкитер лежала, вытянувшись в своем стеклянном гробу, окутанная ледяным туманом. Глаза ее были закрыты, а руки раз и навсегда подняты к лишенному какого бы то ни было выражения лицу. Последний раз Ранкитер видел ее года три назад — и, разумеется, за это время она ничуть не изменилась. Было известно, что теперь с ней не может произойти никаких перемен, по крайней мере, связанных с ее внешним видом. Но каждый раз, когда ее заново подготавливали к состоянию полужизни, пусть даже ненадолго активизируя ее мозг, она немного приближалась к своей окончательной смерти. Постепенно уменьшался и таял тот запас времени, в течение которого она еще могла возвращаться в сознание.

Именно этот факт был причиной того, что он не пробуждал ее чаще. Он сказал себе, что это по сути дела то же,

что просто вогнать ее в гроб. Оживление являлось грехом перед ней самой. Из его памяти стерлись ее собственные пожелания, высказанные еще до гибели или во время первых встреч. Но, так или иначе, будучи старше ее уже в четыре раза, он сам должен быть разумен по отношению к таким делам. Что она хотела? И далее функционировать на равных правах с ним как совладелица «Корпорации Ранкитера». Отлично: к этому пожеланию он прислушался. Он консультировался с ней каждый раз, когда фирма оказывалась на грани кризиса. Именно так он поступал и теперь.

— Черт бы побрал эти наушники, — недовольно буркнул он, прижимая к уху пластмассовый кружок. — И этот микрофон тоже — все, что мешает поговорить как следует.

Он нетерпеливо крутился в неудобном кресле, которое ему подсунил этот Фогельсанг, или как там его зовут, следил за состоянием жены, постепенно возвращавшейся к сознательному состоянию, желая, чтобы она поторопилась. Неожиданно он панически подумал: а вдруг ей вообще это не удастся, может быть, силы ее уже исчерпаны, а они ничего не сказали ему об этом? Или же сами не заметили? Может, следовало бы вызвать этого типа, Фогельсанга, и потребовать от него объяснений? Может, они совершили какую-нибудь чудовищную ошибку?

Элла всегда отличалась изяществом: кожа ее была светлой, глаза, когда она еще могла открывать их, — живыми и ярко-голубыми. Но этого уже не будет никогда. Можно говорить с ней, слышать ее голос... но никогда она не поднимет век, не пошевелит губами, не улыбнется в ответ на его приветствие и не заплачет при его уходе. «Окупается ли это? — спросил он сам себя. — Лучше ли эта система той, что была раньше: непосредственный переход из состояния полной жизни в могилу? В определенном смысле я все еще вместе с ней, и я имею возможность выбирать — или это, или ничего», — решил он.

В наушнике постепенно и неразборчиво стали звучать какие-то слова, перепутанные и не имеющие значения мысли, фрагменты таинственного сна, в который была погружена Элла. Что может ощущать человек, находящийся в состоянии полужизни? Ему никогда не удавалось понять это на основе рассказов Эллы. Наверное, было просто невозможно передать все чувства, появляющиеся только в этом состоянии. Как-то она сказала ему: «На человека перестает действовать земное притяжение, ты ощущаешь себя все более невесомым, поднимаешься все выше. Мне кажется, что когда кончается этот отрезок полужизни, чело-

век выплывает за пределы Солнечной системы, прямо к звездам». Но и она не знала, а только предполагала и делала допущения. Однако она не производила впечатления испуганной или несчастной.

Такое положение вещей его вполне устраивало.

— Здравствуй, Элла.— Он не знал, с чего ему начать.

— Ах,— услышал он ее ответ. Ему показалось, что она растерялась. Но, разумеется, лицо ее при этом сохраняло полную неподвижность. По нему ничего невозможно было прочесть. Он отвел глаза.— Ну, Глен, как дела?— спросила она тоном изумленного ребенка. Его визит всегда был для нее неожиданным и волнующим событием.— Что...— она заколебалась.— Сколько прошло времени?

— Два года,— ответил он.

— И что новенького?

— Черт побери,— ответил он,— все предприятия разваливается. Я поэтому и приехал: ты же сама хотела принимать участие во всех решениях насчет новых методов работы, и — бог свидетель — именно сейчас нам необходимо разработать эти методы или, по крайней мере, реорганизовать всю нашу поисковую систему.

— А мне снилось...— сказала Элла.— Я видела туманный красный свет, он был ужасен. Но, несмотря на это, меня все время тянуло к нему, я не могла удержаться.

— Да,— кивнул Ранкитер,— об этом говорится в «Бардо Тходол», «Тибетской Книге Мертвых». Вспомни, врачи рекомендовали тебе прочесть ее, когда... когда ты умирала.

— Туманный красный свет — это нехорошо, правда?— спросила Элла.

— Да. Его следует избегать.— Он откашлялся.— Слушай, Элла, у нас неприятности. Ты в силах выслушать меня? Я бы не хотел чрезмерно утомлять тебя. Просто скажи, что ты устала или хочешь поговорить о чем-нибудь другом.

— Это так необычно. Мне кажется, я проспала все это время после нашего разговора. Что, действительно прошло два года? Знаешь, что мне кажется, Глен? Что все мы — и эти люди, которые окружают меня,— больше и больше интегрируемся. Все больше моих снов не имеют ко мне никакого отношения. Временами я мужчина, иногда — пожилая женщина, страдающая расширением вен, порой — ребенок... Я оказываюсь в местах, которые никогда в жизни не видела, и совершаю разные бессмысленные поступки.

— Что ж, это объясняют тем, что ты изменяешься в направлении нового лона, из которого должна родиться на

свет. А этот туманный красный свет означает нехорошее лono — тебе не следует идти туда, это унижительный и скверный тип лона. Скорее всего, ты предвидишь свою будущую жизнь или как там это еще можно назвать.

Он чувствовал себя довольно глупо, изъясняясь таким образом, поскольку принципиально не придерживался никаких религиозных убеждений. Но явление полужизни было реальностью, превратившей всех в теологов.

— Ну, ладно,— сказал он, меняя тему,— послушай, что случилось. С. Доул Мелипон исчез из поля зрения. Именно поэтому я и приехал сюда.

На мгновение наступила тишина, а потом Элла рассмеялась.

— Кто или что есть этот самый С. Доул Мелипон? Мне просто не верится, что нечто такое может существовать.

Так хорошо знакомый ему теплый тон ее смеха заставил его вздрогнуть. Он слишком хорошо помнил его, даже после разлуки. Смеха жены он не слышал уже лет десять.

— Ты, наверное, забыла,— сказал он.

— Нет, я не могу забыть что-то такое, что называлось бы С. Доул Мелипон. Это что-то вроде домового?

— Это главный телепат Рэймонда Холлиса. Вот уже полтора года, а точнее, с того момента, когда Г. Г. Эшвуд засек его в первый раз, рядом с ним всегда держится по крайней мере один из наших инерциалов. Мы никогда не спускали с него глаз, мы просто не можем себе этого позволить. Если появляется необходимость, он может создать поле, вдвое сильнее, чем любой другой сотрудник Холлиса. Кроме того, Мелипон — лишь один из людей Холлиса, которые исчезли, по крайней мере, для нас. Ни одна из организаций, входящих в Объединение, не знает об этом больше нас. Я подумал, что можно спросить тебя, как мне следует поступить. В точности, как ты отметила в завещании. Помнишь?

— Помню.— Казалось, что она говорит издалека.— Дайте больше рекламы по телевидению. Предупредите людей. Скажите им...— ее голос постепенно таял.

— Тебе скучно,— невесело сказал Ранкитер.

— Нет. Я...— Она заколебалась, и он почувствовал, что она снова отдаляется.— Все эти люди — телепаты?— спросила она после минутной паузы.

— Преимущественно телепаты и ясновидящие. Я знаю, что их нет на поверхности Земли. В моем распоряжении есть дюжина инерциалов, которые неактивны и которым сейчас нечем заняться, поскольку нигде нет людей с пси-

способностями, влияние которых они могли бы нейтрализовать. Но что заботит меня больше всего — упал спрос на инерциалов. Хотя что еще можно ожидать, если телепаты исчезают... Однако я знаю, что они все вместе работают над какой-то одной задачей — точнее, мне так кажется. Я уверен, что кто-то нанял целую группу телепатов. Но только Холлис знает, кто наниматель и где они сейчас находятся. И о чем вообще идет речь. — Он погрузился в невеселое молчание. Как могла Элла помочь ему? Она замкнулась в своем гробу, отрезанная от мира при помощи низких температур. Она знала лишь то, что он сообщал ей. Но он всегда полагался на ее разум, на этот типичный для женщин разум — на мудрость, опирающуюся не на знание или опыт, а на что-то врожденное.

В те времена, когда она еще была жива, он никак не мог разобраться в этом и, конечно же, у него не было никаких шансов сделать это сейчас. Другие женщины, с которыми он имел дело после ее смерти — а их было немало, обладали лишь незначительной частью этого дара. В них были лишь намеки, указывающие на большие потенциальные возможности, которые, однако, так никогда и не реализовались.

— Скажи, — спросила Элла, — что за человек этот Мелипон.

— Чудак.

— Он работает ради денег? Или из-за убеждений? Когда они начинают распространяться обо всей этой пси-мистике, об ощущении цели, о космической идентификации, это всегда вызывает у меня подозрение. Ведь именно так было с отвратительным Сараписом, ты его еще помнишь?

— Сараписа уже нет в живых. Я полагаю, что Холлис убрал его за то, что он тайно от него пытался организовать собственное предприятие и стать конкурентом. Один из ясновидящих Холлиса предупредил шефа. Но Мелипон является гораздо более серьезной проблемой, чем Сарапис. Когда он в хорошей форме, требуется не менее трех инерциалов для нейтрализации его поля. И на этом мы теряем кучу денег — гонорар ведь тот же, что и при использовании одного человека. Объединение ввело этот преysкурant, и мы должны под него подлаживаться.

С каждым годом он становился все худшего мнения об этом Объединении, и это сделалось его навязчивой идеей. Он считал, что оно не приносит никакой пользы, а обходится в кругленькую сумму, да к тому же ведет себя чересчур самоуверенно.

— Насколько мы можем судить, — продолжал Ранки-

тер,— побудительным мотивом для Мелипона являются деньги. Но, собственно, какая разница? Или ты считаешь, что это менее опасно?— Он напряженно ждал ответа.— Элла!— позвал он.

Тишина.

— Эй, Элла, ты меня слышишь? Что случилось?

«Черт побери,— подумал он,— она опять ушла».

Наступила пауза, а потом в наушнике зазвучала материализованная мысль:

— Меня зовут Жори.

Это не были мысли Эллы: они имели «элан» другого вида, более живые и связные, но лишенные свойственной его жене чуткой быстроты.

— Прошу вас отключиться,— произнес Ранкитер, охваченный неожиданно нахлынувшим страхом.— Я беседовал со своей женой, Эллой. Откуда вы взялись?

— Меня зовут Жори,— приплыла мысль,— со мной никто не разговаривает. Я к вам подключусь на минутку, если вы не имеете ничего против. Кто вы такой?

— Я хочу говорить со своей женой,— пробормотал Глен.— Я заплатил за беседу с ней и хочу говорить с ней, а не с вами.

— Я знаю миссис Ранкитер,— на этот раз мысли звучали намного сильнее.— Она разговаривает со мной, но это не то же самое, что беседовать с вами, людьми из обычного мира. Миссис Ранкитер находится с нами, и она знает не больше, чем остальные. Какой сейчас год, скажите, пожалуйста? Уже отправили тот гигантский корабль на Проксиму? Меня очень интересует — может, вы могли бы ответить? А потом, если вам будет угодно, я все перескажу миссис Ранкитер. Договорились?

Ранкитер выдернул из уха наушник, поспешно отложил в сторону микрофон и все прочие приспособления и вышел из комнаты. Он быстро зашагал между замороженными саркофагами, аккуратно расставленными ровными рядами. Служащие моратория пытались преградить ему путь — но отступали, когда он решительным шагом приближался к ним, ища глазами директора.

— Что-нибудь случилось, мистер Ранкитер?— спросил фон Фогельсанг, заметив, что клиент направляется в его сторону.— Чем я могу помочь?

— Там что-то отзывается в проводах,— тяжело дыша, сказал Ранкитер.— Вместо Эллы. Черт бы побрал вас, господи, и ваши подозрительные способы ведения дела. Такие вещи не имеют права происходить! Что вообще все это

значит?— Теперь он шел следом за хозяином моратория, который направлялся в помещение 2-А.— Если бы я руководил своей фирмой подобным образом...

— Эта особа представилась?

— Да. Он сказал, что его зовут Жори.

— Это Жори Миллер.— Фон Фогельсанг скривился, явно обеспокоенный.— Мне кажется, что он установлен в холодильнике рядом с вашей женой.

— Но ведь я вижу, что это Элла!

— После длительного нахождения вблизи,— пояснил Фогельсанг,— временами происходит взаимное проникновение сознаний полуживых. Активность мозга Жори необычайно высока, а у вашей жены — сравнительно низкая. Это вызвало перераспределение протофазонов. Увы, только в одну сторону.

— Вы не можете этому воспрепятствовать?— хрипло спросил Ранкитер. Он чувствовал, что до сих пор не может избавиться от потрясения и злости.— Уберите это нечто из сознания моей жены и верните ее назад. Это ваша обязанность.

— Если такое положение вещей сохранится,— официальным тоном заявил Фогельсанг,— ваши деньги будут вам возвращены.

— На что мне эти деньги? К дьяволу деньги!— Они дошли до помещения 2-А. Ранкитер неуверенно уселся на свое место. Сердце его стучало так сильно, что он едва мог говорить.— Если вы не уберете этого Жори,— выдавил из себя он,— я вас засужу, я доведу вас до банкротства!

Повернувшись лицом в направлении саркофага, фон Фогельсанг сунул в ухо динамик и энергично заговорил в микрофон:

— Жори, будь пай-мальчиком, отключись.— Покосившись в сторону Ранкитера, он объяснил: — Жори умер, когда ему было пятнадцать лет, поэтому в нем столько жизнеспособности. Честно говоря, такое и раньше случилось — Жори неоднократно появлялся там, где не должен был находиться.— Он еще раз произнес в микрофон: — Жори, ты ведешь себя невежливо. Мистер Ранкитер прибыл издалека, чтобы побеседовать со своей женой. Не заглушай ее сигналов, ты ведешь себя отвратительно.— Он замолчал, чтобы выслушать ответ.— Я знаю, что ее сигналы очень слабые.— Какое-то время он слушал дальше, сгорбившись и нахмурившись, потом вытащил наушник и поднялся со своего места.

— Что он говорит?— потребовал объяснений Ранки-

тер.— Он уберется и даст возможность мне поговорить с моей женой?

— Жори не имеет на это влияния,— ответил фон Фогельсанг.— Представьте себе два передатчика, работающие в одном диапазоне: один из них расположен недалеко, но мощность его едва достигает 500 ватт, в другой — гораздо дальше, но он работает с мощностью в 5 киловатт. Когда настанет ночь...

— Ночь уже настала,— сказал Ранкитер.— По крайней мере, для Эллы.

«А может быть, и для меня,— подумал он.— Особенно, если мне не удастся отыскать исчезнувших телепатов, психокинетиков, ясновидящих и медиумов Холлиса. Я потерял свою жену и, вдобавок ко всем неприятностям, лишился возможности спросить у нее совета, поскольку Жори заглушил ее раньше, чем она успела этот совет мне дать».

— Когда мы снова поместим ее в холодильник,— виновато произнес фон Фогельсанг,— мы проследим, чтобы Жори не находился поблизости от нее. В сущности, если вы согласны на более высокую ежемесячную плату, мы можем поместить ее в надежно изолированную камеру, стены которой выложены слоем тефлона-26, экранирующим гетеропсихические воздействия как со стороны Жори, так и со стороны любого другого полуживого.

— Еще не слишком поздно?— спросил Ранкитер, на мгновение освобождаясь от депрессии, в которую повергло его это происшествие.

— Ее возвращение возможно. Как только Жори выдохнется. Она доступна почти для каждого — ее разум слаб.— Фон Фогельсанг прикусил губу, задумавшись над ситуацией.— Но изоляция может ей не понравиться, мистер Ранкитер. Мы не случайно размещаем контейнеры, или, как их называют непрофессионалы, гробы, так близко один от другого. Взаимопроникновение умственной деятельности дает этим полуживым людям единственную...

— Я попрошу вас поместить ее в отдельном помещении сразу же, как только это станет возможно,— прервал его Ранкитер.— Лучше, чтобы она пребывала в одиночестве, чем не существовала вовсе.

— Она существует,— поправил его фон Фогельсанг.— Она лишь не может вступить с вами в контакт, а это разные вещи.

— Это метафизическая разница, которая для меня не имеет никакого значения,— заявил Ранкитер.

— Я ее изолирую,— сказал фон Фогельсанг.— Но я

думаю, что вы правы: уже слишком поздно. Жори проник в нее навсегда, по крайней мере в определенной степени. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — едко сообщил Ранкитер.

Мгновенно заваривающийся «Убик» обладает всеми свойствами свежего кофе, изготовленного в «экспрессе»! Твой муж скажет: «Милая, до сих пор я считал, что ты завариваешь кофе так себе, но сейчас кофе — бомба!» Безвреден при использовании согласно инструкции.

3.

Джо Чип, все еще одетый в полосатую пижаму, напоминающую одеяние клоуна, лениво развалился за кухонным столом, закурил и, опустив в прорезь десять центов, принялся манипулировать управлением недавно взятого напрокат газетного аппарата. Сделав скидку на свое похмелье, он пропустил «Межпланетные новости», неадолго задержался на разделе городских новостей и в конце концов остановил свой выбор на «Сплетнях».

— К вашим услугам, сэр, — сердечным голосом отозвался аппарат. — Сплетни: «Угадайте, что на этот раз затеял Стэнтон Мик, любящий одиночество финансист и спекулянт с международной известностью...» — Внутри аппарата что-то щелкнуло, засвистело, и из щели высунулся листок бумаги с отпечатанным текстом. Изготовленная машиной статья, документ в четыре цвета, покрытый плотными строчками печатного текста с изысканно подобранным шрифтом, скользнул по поверхности псевдодубового стола и спланировал на пол. Чип, несмотря на то, что голова разламывалась от боли, поднял его и расправил перед собой.

«МИК ОБРАЩАЕТСЯ В МИРОВОЙ БАНК ЗА ДВУМЯ ТРИЛЛИОНАМИ»

Лондон. Что на этот раз затеял Стэнтон Мик, любящий одиночество финансист и спекулянт с мировой известностью? Такие вопросы задавали себе бизнесмены, когда в Уайтхолл просочились слухи, что полный энергии, хотя и отличающийся некоторой эксцентричностью промышленный магнат, предпринявший некогда постройку бесплатной флотилии кораблей, с помощью которых Израиль мог бы колонизировать Марс и превратить его пустыни в пригодные для жизни территории, на этот раз обратился с прось-

бой о предоставлении ему невероятно высокого, не имеющего прецедентов кредита в размере...»

— Разве это сплетни!— сказал Джо Чип газетному аппарату.— Это болтовня, касающаяся финансовых спекуляций. Сегодня мне хочется прочесть о том, что какой-нибудь телегерой спит с чьей-нибудь женой, обколовшейся наркотиками...

Как обычно, Джо спал довольно скверно — ему не хватало фазы «быстрого» сна, при котором появляются быстрые движения зрачков. А использовать тонизирующие средства он не мог — еженедельный запас средств, доставленный ему из районной аптеки, расположенной в том же жилом блоке, кончился. Он вынужден был признать, что нехватка их объясняется только отсутствием у него самого чувства меры, но факт оставался фактом. Согласно обязательным предписаниям он мог обратиться с просьбой о продаже новой порции только в ближайший вторник, то есть через два дня, два долгих дня.

— Прошу вас настроиться на «Бульварные сплетни»,— сказал автомат.

Джо так и сделал, и перед ним появилась новая заметка. Сперва он сконцентрировал свое внимание на великолепной карикатуре, изображающей Лолу Херцбург-Райт, и с удовлетворением облизнул губы, видя, каким необычным способом она демонстрирует свое правое ухо, потом взялся за текст:

«Задетая вчера вечером неким хулиганом в модном нью-йоркском ночном клубе, ЛОЛА ХЕРТЦБУРГ-РАЙТ приветствовала его быстрым ударом правой в челюсть. В результате тот опрокинулся на стол, за которым сидел ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ЭГОН ГРОТ в обществе неопознанной дамы с изумительно большим...»

В этот момент раздался звонок в дверь. Вздвогнув, Джо Чип оторвался от газеты и, заметив, что сигарета прожгла гладкую поверхность псевдодубового стола, срочно занялся спасательными работами. После этого он поплелся неуверенным шагом в сторону микрофона, для удобства вмонтированного рядом с клавишей для открытия двери.

— Кто там?— буркнул он. Покосившись на часы, он увидел, что нет еще и восьми. «Наверное, робот-уборщик,— подумал Джо.— Или домовладелец». И не стал трогать клавишу замка.

Из помещенного над дверью динамика раздался полный энергии мужской голос:

— Я знаю, что еще рано, Джо, но я только что прибыл

в город. Это я, Г. Г. Эшвуд, и со мной наш новый потенциальный сотрудник, которого я отыскал в Топеке. Мне кажется, что это необычайная находка. Но мне хотелось бы, чтобы ты подтвердил это, прежде чем я повезу добычу Ранкитеру. Впрочем, сам он сейчас в Швейцарии.

— У меня нет аппаратуры,— сказал Джо.

— Ну так я заскочу в лабораторию и привезу ее.

— Ее нет в лаборатории,— неохотно признался Джо Чип.— Она находится в моей машине. Мне не хотелось забирать ее вчера вечером.— На самом деле он до такой степени надрался, что был не в состоянии открыть багажник автомобиля.— А нельзя ли повернуть все это часиков в девять, а?— растерянно спросил он. Полные энергии маниакальные атаки Г. Г. Эшвуда выводили его из себя даже в полдень, а в семь сорок — это казалось прямо-таки невыносимым, даже хуже, чем визит домовладельца.

— Джо, дружище, это необычный экземпляр, ходячий симпозиум чудес, который ломает стрелки твоих приборов и будет животворным впрыскиванием фирме свежей крови, которая так нужна ей сейчас. И более того...

— Это что, антителипат?— спросил Джо.

— Я тебе скажу всю правду,— сообщил Г. Г. Эшвуд.— Я сам не имею понятия. Слушай, Чип,— Эшвуд понизил голос,— тут дело серьезное. Я не могу стоять у двери и орать об этом во все горло. Кто-нибудь может нас подслушать. Кстати, до меня тут доходят мысли какого-то осла, который сидит парой комнат дальше, и...

— Ладно,— недовольно проворчал Джо. Он знал, что если уж Эшвуд начал свой кошмарный монолог, остановить его не удастся. Так что лучше было выслушать.— Дай мне пять минут, чтобы я оделся и глянул, есть ли в доме кофе.— Он смутно помнил, что прошлым вечером делал покупки в супермаркете, размещенном в его блоке, и, в частности, вырывал из книжки зеленый купон. Это означало, что он приобретал кофе, чай, сигареты или какие-нибудь особые импортные специи.

— Тебе она наверняка понравится,— энергично сообщил Г. Г. Эшвуд.— Хотя, как часто бывает, она дочка...

— Мне?— с ужасом спросил Джо.— Моя квартира не годится для обследования.

Джо задолжал за уборку. В его квартире уже две недели никто не убирался.

— Я спрошу, не мешает ли ей это.

— Можешь не спрашивать. Это мне не мешает. Я осматрю ее в лаборатории, в рабочее время.

— Я прочитал ее мысли, она считает, что бардак ей не помеха.

— Что? А сколько ей лет?— «Может, она еще ребенок»,— подумал он. Значительный процент новых и потенциальных инерциалов были детьми, которые развили в себе эти способности, чтобы защитить себя от родителей-телепатов.

— Сколько тебе лет, милочка?— донесся до него невнятный голос Эшвуда, повернувшегося в сторону сопровождавшей его особы.

— Девятнадцать,— сообщил он немного погодя.

Значит, уже не ребенок. Теперь в нем самом пробудился интерес. Жутковатая, сверхчеловеческая активность Г. Г. Эшвуда обычно проявлялась в связи с необычными женщинами, так что, возможно, эта девушка относилась именно к этой категории.

— Мне нужно пятнадцать минут,— сказал он Эшвуду. Он надеялся, что если поспешит и пренебрежет кофе и завтраком, то сумеет привести жилище в относительный порядок. В любом случае имело смысл попробовать.

Он выключил микрофон и начал рыться в кухонном шкафчике в поисках швабры, ручной или с автоматическим приводом, или же пылесоса, работающего от гелиевых батарей или включающегося в сеть. И ничего не нашел. Скорее всего фирма, занимающаяся оснащением дома, вообще не снабдила его такими приспособлениями. «И я узнаю об этом в самый неподходящий момент,— подумал он.— А ведь живу здесь уже четыре года».

Он поднял трубку видеофона и набрал номер 214. Это был номер администрации здания.

— Прошу выслушать меня,— сказал он, когда отозвалось гомеостатическое устройство.— Я уже могу перевести часть средств на покрытие счета за операции по уборке. Прошу прислать робота немедленно, как только он закончит работу, я уплачу все, что с меня причитается.

— Сэр, вам придется уплатить всю задолженность, прежде чем он вообще возьмется за работу.

В руках Чипа оказался бумажник. Он вытащил из него пачку Магических Кредитных Карточек, большинство из которых, впрочем, было аннулировано, причем, скорее всего, навсегда. Исходя из его финансового положения и не любви к оплате долгов.

— В таком случае я прошу выписать сумму, которую я должен, на счет моей Треугольной Магической Кредитной Карты,— обратился он к своему невидимому противни-

ку.— Таким образом долг исчезнет из ваших книг, и вы можете считать, что он погашен.

— Остаются еще штрафы за задержку, пеня и проценты.

— Прошу выписать их на счет моей Кредитной Карты в Форме Сердца...

— Мистер Чип, агентство «Феррис и Брокман», занимающееся контролем за наличностью в кредитной системе продажи в рассрочку, опубликовало на ваш счет специальную инструкцию. Она поступила только вчера и еще сохранилась в моей памяти. Согласно ей, вы с июля сего года вычеркнуты из категории ГГГ — если говорить о вашем кредите — и переведены в категорию ГГГГ. Наш отдел, а значит, и администрация всего здания, запрограммирован так, чтобы исключить возможность оказания услуг или выделения кредита таким жалким личностям, как вы, сэр. Что касается лично вас, с этого момента вы должны оплачивать все свои потребности наличными. Боюсь, что в таком положении вы окажетесь до конца жизни. Честно говоря...

Джо бросил трубку, одновременно расставаясь с надеждой, что ему удастся просьбами и угрозами вызвать в свою захлавленную квартиру робота-уборщика. Он поплелся в спальню, чтобы навести там порядок. Это было все, на что он был способен.

Он нацепил спортивную епанчу бронзового цвета, ботинки с блестящими, загнутыми вверх носками, и войлочную шляпу с помпоном. Потом обследовал кухню в поисках кофе, но тщетно. Тогда он перенес свои усилия в гостиную, и рядом с дверью, ведущей в ванную, обнаружил длинную голубую в горошек пелерину, которая украшала его прошлой ночью, и сумку, в которой находилась полуфунтовая банка настоящего кофе из Кении — величайшая ценность, на покупку которой он мог решиться только безобразно пьяным. Особенно, если принять во внимание его материальное положение.

Джо вернулся на кухню, обшарил карманы в поисках десятицентовика, и с его помощью привел в действие кофеварку. Вдыхая необычный — по крайней мере, для него — аромат, он глянул на часы и убедился, что пятнадцать минут уже истекли. Энергичным шагом он направился к двери, нажал на клавишу и попытался отвести засов.

— Прошу пять центов,— сказали двери.

Он обшарил карманы, но не нашел ни одной монеты.

— Утром заплачу,— пообещал он, снова пробуя открыть двери, но они оставались плотно закрытыми.—

Деньги, которые я даю, это, в сущности, чаевые. Я не обязан их платить!

— У меня противоположное мнение,— ответила дверь.— Загляните в контракт, который вы подписали при покупке квартиры.

Он отыскал документ в ящике стола — с момента подписания ему неоднократно приходилось к нему обращаться. Ну, ясно: он обязан был оплачивать открывание и закрывание дверей, это не были чаевые.

— Как видите, я права,— сказала дверь.

Из ящика рядом с мусоропроводом Джо извлек нож из нержавеющей стали и принялся откручивать винты на замке своих жадных и меркантильных дверей.

— Я пожалею на вас,— сказала дверь, когда первый винт вывалился.

— Вот кто на меня еще не доносил, так это двери,— сказал Чип.— Но надеюсь, что я как-нибудь это переживу.

Раздался стук.

— Джо, старина, открывай! Это я, Г. Г. Эшвуд, я привел ее. Открывай!

— Брось пять центов, с моей стороны заело механизм,— сказал Джо.

Раздалось бречание монеты, опущенной в прорезь замка, дверь открылась, и в ее проеме возник сияющий довольством Г. Г. Эшвуд. Скривившись в улыбке энтузиазма и радости на лице, он пропустил девушку внутрь квартиры.

Мгновение она стояла неподвижно, присматриваясь к Джо. С виду ей было не больше семнадцати лет. У нее была медного оттенка кожа и темные глаза. «Господи,— подумал Джо,— какая красавица». Ее одежда состояла из рабочей куртки и джинсов из искусственного полотна, а также тяжелых ботинок, вымазанных, казалось, настоящей грязью. Спутанная масса волос была зачесана назад и перевязана красной ленточкой. Подвернутые рукава куртки приоткрывали сильные загорелые руки. К поясу из искусственной кожи были прикреплены нож, переносный телефон и железная коробка с запасами воды и продовольствия. На ее темном предплечье он заметил вытатуированную надпись: «SAVEAT EMPTOR»*, и задумался, что бы она могла означать.

— Это Пат,— сообщил Эшвуд, обнимая девушку за плечи демонстративно покровительственным жестом.— Фамилия роли не играет.

* Бойся, покупающий (лат.).

Эшвуд был сильным, полным мужчиной почти квадратного телосложения и напоминал огромный кирпич. Одет он был в вельветовое пончо, абрикосового цвета войлочную шляпу, толстые лыжные брюки и полотняные туфли. Свѣтясь от удовлетворения, он подошел к Чипу.

— Вот, отыскал нечто ценное и собираюсь использовать это сполна. Пат, это специалист по измерениям электрического типа.

— Это вы электрического типа или же ваши измерения?— холодно поинтересовалась девушка, обращаясь к Джо.

— Когда как,— ответил Чип. Ему казалось, что вокруг него струится запах давно не убиравшейся квартиры, и был уверен, что на затхлость Пат уже обратила внимание.

— Садитесь,— нерешительно сказал он.— Я выдам вам по чашечке натурального кофе.

— Вот это шик!— сказала Пат, присаживаясь у кухонного стола. Она небрежно сдвинула кипу старых газет, превратив ее в более или менее аккуратную стопку.— Так вы можете позволить себе пить натуральный кофе, мистер Чип?

— У Джо дьявольски высокий оклад,— встрял в разговор Эшвуд.— Фирма просто не смогла бы без него существовать.

Он потянулся к брошенной на столе пачке и выудил сигарету.

— А ну, положи на место,— рявкнул Джо.— У меня почти не осталось сигарет, а последний зеленый купон я потратил на кофе.

— А я заплатил за двери,— сказал Г. Г. Эшвуд и пододвинул пачку девушке.— Джо просто выпендривается, не обращай внимания. Заметь, в каком состоянии он содержит свою квартиру. Таким способом он демонстрирует, что является творческой личностью. Все гениальные люди живут именно так. Где твоя аппаратура, Джо? Давай не будем терять времени.

— Вы довольно необычно одеты,— сказал Джо девушке.

— Я работаю консерватором подземных видеофонных кабелей в районе Топека,— ответила Пат.— А в этом районе занимать должности, требующие физической работы, могут только женщины. Именно поэтому я работаю там, а не в Уайчита-Фоллс.

Ее серые глаза приобрели задумчивое выражение.

— Эта надпись на вашем предплечье, татуировка, она что, по-древнееврейски?— поинтересовался Джо.

— По-латыни.— Пат прикрыла глаза, чтобы скрыть ве-

селье.— Никогда не видела такой запущенной квартиры. У вас что, нет любовницы?

— Эти специалисты по электронике не имеют времени на личную жизнь,— раздраженно сообщил Эшвуд.— Слушай, Чип, родители этой девушки работают у Рэя Холлиса. Если бы они узнали, что она была здесь, они подвергли бы ее мозг перестройке.

— Им известно, что вы обладаете способностями нейтрализующего типа?— обратился к девушке Джо.

— Нет,— качнула она головой.— Я тоже не особо понимала это, пока ваш агент не подсел ко мне в кафетерии нашего клуба и не объяснил мне. Может, это правда,— она пожала плечами,— а может, и нет. Он утверждает, что вы способны установить это с вашей измерительной аппаратурой.

— И что бы вы сделали, если приборы показали бы наличие таких способностей?— спросил Джо.

— Мне они представляются такими... негативными,— задумчиво произнесла Пат.— С ними ничего не можешь: ни перемещать камни, ни превращать землю в хлеб, ни рожать детей без оплодотворения, ни ликвидировать болезнетворные процессы у людей с нездоровой наследственностью. Я даже не могу читать мысли или предвидеть будущее. Все, что я могу,— это свести к нулю способности другого человека. Мне это кажется довольно... гротескным, что ли.

— Как фактор, могущий иметь влияние на существование человеческого рода,— сказал Джо,— ваши способности важны не меньше, чем обычные пси. Особенно для нас, нормализаторов. Фактор анти-пси естественным способом восстанавливает экологическое равновесие. Одно насекомое умеет летать, а значит, другому приходится научиться ткать паутину, чтобы поймать его. У некоторых моллюсков образовалась твердая и прочная наружная оболочка — и птицы научились поднимать их на большую высоту и бросать оттуда на камни. По сути дела, вы являетесь человеком, который паразитирует на людях с пси-способностями, так же, как они сами паразитируют на нас, нормалях. И это делает вас союзником нормальных людей. Равновесие, природный замкнутый цикл, хищник и жертва. Эта система представляется мне вечной, и, честно говоря, я не знаю, как бы можно было ее усовершенствовать.

— Меня могут обвинить в измене,— сказала Пат.

— А вас это волнует?

— Я опасаясь, что некоторые люди станут относиться ко мне враждебно. Хотя жить и не вызывать чьей-либо неприязни невозможно. Нельзя удовлетворить всех сра-

зу — ведь люди стремятся к разным вещам. Принося пользу одному, делаешь вред другому.

— Так каков же ваш противоталант? — поинтересовался Джо.

— Это трудно объяснить.

— Я ж тебе говорил, — сказал Г. Г. Эшвуд. — Это нечто необычное, я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Какие пси-способности вы нейтрализуете?

— Возможность ясновидения, — ответила Пат. — Так, по крайней мере, мне кажется. — Она указала на Эшвуда, который все еще улыбался от избытка энтузиазма. — Ваш агент мистер Эшвуд разъяснил мне это. Я знала, что умею делать нечто странное, и со мной вечно приключались всякие вещи, начиная с шестилетнего возраста. Я никогда не говорила об этом своим родителям, так как чувствовала, что это убьет их.

— Они у вас ясновидящие?

— Да.

— Вы правы. Но если бы вы хоть раз воспользовались своим даром в их присутствии, они бы поняли, что вы располагаете такими возможностями. Вы не пробовали противодействовать им?

— Я... — Пат сделала неопределенный жест. — Мне кажется, что я противодействовала им, но они этого не замечали.

Лицо ее выражало растерянность.

— Я объясню вам; на каком принципе работает средний противоясновидящий, — объяснял Джо. — Так было во всех известных нам случаях. Ясновидящий видит большое число разнообразных вариантов будущего, расположенных рядом друг с другом, как соты в улье. Один из них представляется ему более четким — его он и выбирает. Если он совершил свой выбор, антиясновидящий бессилен. Он должен присутствовать в тот момент, когда ясновидящий делает свой выбор, но не позже. Его воздействие вызывает то, что ясновидящий не может сделать выбор — все варианты будущего видятся для него одинаково четко. Ясновидящий немедленно понимает, что рядом находится инерциал, поскольку он замечает нарушение ориентации в своих способностях. В случае с телепатией проявляются такие же помехи...

— Она перемещается во времени, — сказал Г. Г. Эшвуд.

Джо внимательно посмотрел на него.

— Да, именно во времени, — повторил Эшвуд, явно наслаждаясь минутой своего триумфа. Многозначительное поблескивание его глаз, казалось, осветило кухню. — Ясновидящий, на которого она оказывает свое воздействие, про-

должает видеть один из вариантов четким — так, как ты и сказал. Он выбирает его — и поступает правильно. Но на чем основан его выбор? Почему он видит четким именно этот вариант? Потому что эта девушка, — он махнул рукой в сторону Пат, — может оказывать влияние на будущее: этот вариант представляется ясновидящему наиболее четким, потому что Пат переместилась в будущее и изменила его. И изменив будущее, она изменила и настоящее, а с ним и личность ясновидящего. Ничего не подозревая об этом, он уже оказывается под ее воздействием. И хотя ему продолжает казаться, что он пользуется своими возможностями, он уже не владеет ими. С этой точки зрения ее противоталант обладает несомненными преимуществами перед остальными противоясновидящими. Другое преимущество — еще более важное — заключается в том, что она может перечеркнуть выбор ясновидящего, причем тогда, когда этот выбор уже осуществлен. Она может вмешаться в происходящее — а ты сам знаешь, нас всегда преследовала эта проблема: если мы не успеваем к началу действия — мы бессильны. Честно говоря, мы никогда не могли в полной мере противостоять ясновидящим. Разве это не было самым слабым пунктом в перечне наших услуг?

Он посмотрел на Джо вопросительно.

— Это интересно, — после паузы произнес Джо.

— Черт побери, что значит интересно? — Эшвуд нетерпеливо заерзал в кресле. — Это же величайший антиталант, с которым мы только встречались до сих пор!

— Я не перемещаюсь во времени, — тихо сказала Пат. Она посмотрела Джо прямо в глаза, виновато, но одновременно и вызывающе. — Я обладаю определенными способностями, но мистер Эшвуд раздул их до масштабов, не имеющих никакого отношения к действительности.

— Я читаю в твоих мыслях, — сообщил Г. Г. Эшвуд. Он выглядел несколько ошарашенным. — Я знаю, что ты можешь менять прошлое. Однажды ты сделала это.

— Проще я могу изменять, — призналась она, — но я не перемещаюсь туда. Я не путешествую во времени, моя техника существенно отличается от изложенной.

— И каким же образом вы воздействуете на прошлое? — поинтересовался Джо.

— Думаю о нем. Об одном конкретном его аспекте, например о каком-нибудь происшествии или о том, что и кто сказал. Или о каком-нибудь эпизоде, который имел когда-то место, а я не хотела бы, чтобы он происходил. Первый раз я сделала это еще ребенком...

— Когда ей было шесть лет,— вмешался Эшвуд,— и она жила в Детройте с родителями, разумеется; она разбила керамическую фигурку, которую очень любил ее отец.

— И ваш отец не мог этого предвидеть?— спросил Джо.— Раз он наделен способностями ясновидящего...

— Он предвидел это,— ответила Пат,— и наказал меня за неделю до того, как я ее расколотила. Но он утверждал, что это было неизбежно: вы же знаете, ясновидящие могут предвидеть события, но не могут помешать их свершению. Потом, когда фигурка разбилась, точнее, когда я ее разбила, я очень переживала. Я вспоминала тот день, когда меня оставили без десерта и отправили спать в пять часов. «Боженька,— думала я, или как там дети это выражают,— неужели никаким образом нельзя избежать этого ужасного несчастья?» Способности моего отца не производили на меня впечатления, поскольку он все равно не мог влиять на ход событий; это же снисходительное отношение сохранилось у меня до сих пор. Целый месяц я пыталась добиться этого усилием воли — чтобы фигурка снова стала целой: возвращалась в мыслях к тому моменту, который предшествовал ее гибели, воображала себе, как она выглядела... это было ужасно. А потом, однажды утром, когда я встала с постели — мне все это снилось даже ночью,— она стояла на своем месте, так же, как и раньше.— Пат напряженно наклонилась в сторону Джо Чипа и продолжала взволнованным голосом: — И никто из моих родителей ничего не заметил. Им казалось вполне нормальным, что фигурка цела и как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Они считали, что она никогда не разбивалась. Я оказалась единственным человеком, кто помнил об этом.

Улыбаясь, она вытащила из пачки еще одну сигарету и, опершись на подоконник, закурила.

— Ладно, я пошел за своим барахлом,— сказал Джо, направляясь к двери.

— Прошу пять центов,— сообщили двери, как только он взялся за ручку.

— Заплати им,— сказал Джо Г. Г. Эшвуду.

Притащив из автомобиля комплект измерительных приборов, Джо потребовал от Эшвуда, чтобы тот оставил их наедине.

— Как это?— спросил Г. Г. Эшвуд, удивившись.— Ведь это я ее нашел и мне полагается премия. Я десять дней потерял, пока не убедился, что поле принадлежит ей. Я...

— Ты сам знаешь, что я не могу производить измере-

ния в зоне действия твоего поля,— сказал Джо.— Способности и антиспособности взаимонейтрализуются — если бы было иначе, нашей профессии попросту не существовало бы.— Он протянул к нему руку, и Эшвуд невольно поднялся с кресла.— И оставь мне несколько пятицентовых монет, чтобы мы оба могли потом отсюда выбраться.

— У меня есть мелочь,— сказала Пат.— Там, в сумочке.

— Ты же можешь измерить силу ее воздействия, установив падение напряженности моего поля,— предложил Эшвуд.— Я сто раз видел, как ты это делаешь.

— На этот раз ситуация другая,— отрезал Джо.

— А у меня больше нет пятицентовиков,— сказал Г. Г. Эшвуд.— Я не могу выйти отсюда.

— Возьмите один из моих,— предложила Пат, бросая быстрые взгляды то на одного, то на другого. Она бросила Эшвуду монетку, которую тот поймал с оскорбленным видом, который сменился выражением печали и жалости.

— Ловко же вы от меня избавились,— сказал он, опуская монету в прорезь замка.— Оба вы...— пробормотал он, выходя.— Это я ее открыл. Да, эта банда в самом деле пользуется любыми способами, если...— Голос его постепенно стихал по мере того, как двери закрывались. Потом наступила тишина.

— Когда его энтузиазм выдыхается, от него немного остается,— сказала Пат.

— Ничего с ним не сделается.— Однако Джо всегда чувствовал себя в таких случаях виноватым. Хотя и не очень.— В любом случае свое дело он сделал. Теперь...

— Теперь, надо полагать, ваша очередь?— сказала Пат.— Можно, я скину ботинки?

— Разумеется.— Он начал подготавливать аппаратуру. Проверил катушки и питание, потом подключил для проверки два датчика и подал напряжение, проверяя их показания.

— Где тут у вас душ?— спросила Пат, аккуратно отставляя ботинки в сторону.

— Двадцать пять центов,— буркнул он.— Это стоит четвертак.— Он поднял глаза и увидел, что она расстегивает свою куртку.— У меня нет таких денег.

— У нас в клубе все бесплатно,— сообщила Пат.

— Бесплатно!— Он внимательно присмотрелся к ней.— Это даже представить невозможно. Как что-нибудь может работать на этом принципе и не прогореть через месяц?

Пат продолжала расстегивать пуговицы на своей куртке.

— Наша зарплата вносится в кассу клуба, а мы получаем удостоверение, что выполнили работу. Всей суммой на-

ших доходов распоряжается клуб. По сути дела, клуб Топека давно окупился — мы тратим меньше, чем зарабатываем. — Она скинула куртку и бросила ее на спинку кресла.

Под курткой ничего не было. Джо уставился на ее крупные высокие груди и точеные плечи.

— Ты уверена, что у тебя есть такое желание? — спросил Джо. — Я имею в виду раздевание.

— Ничего-то ты не помнишь, — сказала она.

— Чего не помню?

— Что я не сняла одежды. Тогда, в прошлом настоящем. Тогда ты из-за этого очень разобиделся, вот я и стерла этот эпизод из реальности — отсюда и эта перемена.

Она ловко поднялась.

— И что же я сделал, когда ты не разделась? — настоятельно спросил Джо. — Отказался от измерений?

— Ты пробормотал что-то насчет того, что Эшвуд переоценил мои способности.

— Это не в моих принципах, — сказал Джо. — Я так не работаю.

— На, посмотри. — Она наклонилась, и ее грудь заколыхалась. Пошарив в кармане куртки, она достала сложенный лист бумаги и протянула его Джо. — Это вещь из прошлого настоящего — того, которое я изменила.

Он посмотрел на листок и прочитал свою окончательную оценку: «Создаваемое поле анти-пси — недостаточное. Гораздо ниже принятых норм. Бесполезна при использовании против ясновидящих, с которыми мы обычно имеем дело». За всем этим следовал используемый им условный знак: перечеркнутый круг. Этот символ, понятный только ему и Глену Ранкитеру, означал «не брать». Даже агенты не могли прочитать этот знак, а значит, Г. Г. Эшвуд не мог объяснить его значения девушке. Он молча возвратил ей этот бланк, она сложила его и снова сунула в карман куртки.

— Стоит ли теперь меня проверять? — спросила она. — Теперь, когда я тебе все это показала...

— Я должен действовать согласно установленной процедуре, — возразил Джо. — Эти шесть датчиков...

— Вы просто мелкий, погрязший в долгах, безнадежный бюрократ, которого не хватает даже на горсть монет, чтобы заплатить собственным дверям и выбраться из собственной квартиры! — отрезала Пат. Голос ее звучал холодно и пренебрежительно. Джо застыл, сжался и почувствовал, что стремительно краснеет.

— Как раз такое неудачное время, — объяснил он. — Но я могу в любой день взять на фирме аванс, я встану на

ноги.— Он неловко поднялся, отыскал два блюбочка, чашки и налил из кофеварки кофе.— Сахар? Сливки хочешь?

— Сливки,— сказала Пат. Она продолжала стоять без куртки и босиком.

Он взялся за ручку холодильника, чтобы достать пакет со сливками.

— Прошу десять центов,— сказал холодильник.— Пять центов за открытие, пять — за сливки.

— Это не сливки. Это обыкновенное молоко.— Он все еще продолжал беспомощно дергать дверцу.— Выручи меня еще разок, а?— обратился он к Пат.— Клянусь, я верну сегодня же вечером!

— Прошу вас,— сказала Пат и катнула ему десятицентовик по поверхности стола.— Твоя любовница, должно быть, на редкость богата. Ты правда на мели, а? Я сразу поняла это, как только Эшвуд...

— Но так не всегда,— заверил ее Джо.

— Хотите, я помогу вам, мистер Чип.— Она стояла, сунув руки в карманы джинсов, и спокойно разглядывала его. На ее лице не отражались никакие эмоции. Сама добродетель.— Я могу это сделать. Сядь и напиши рапорт об обследовании. Тесты роли не играют, мой талант необычен, и ты просто не в состоянии измерить мое поле. Оно распространяется в прошлое, а ты изучаешь меня в настоящем, которое является прямым следствием этого прошлого. Согласен?

— Покажи-ка мне еще раз эту записку, что у тебя в куртке. Я хочу еще разок взглянуть на нее, прежде чем принять решение.

Она достала из кармана сложенный листок желтой бумаги и протянула ему через стол.

— Это действительно мой почерк,— произнес он.— Да, все правильно.

Он вернул ей бланк и достал точно такой же листок желтой бумаги и написал на нем ее данные. Он вписал выдуманные, необычайно высокие результаты обследования и в конце сформулировал свои собственные выводы, но новые. «Наделена невероятно высокой силой противодействия, возможно, может нейтрализовать произвольное число ясновидящих». Потом он нарисовал символ — на этот раз два перечеркнутых крестика. Пат, стоя у него за спиной, читала написанное; он чувствовал затылком ее дыхание.

— Что значат эти перечеркнутые крестики?— поинтересовалась она.

— Принять на работу, не считаясь с расходами,— ответил Джо.

— Благодарю,— сказала Пат. Она достала из сумочки пачку банкнотов, вытащила одну и протянула Джо. Кредитка была крупной.— Это поможет тебе расплатиться с долгами. Я не могла дать тебе ее раньше, пока ты не вынесешь официальную оценку моих способностей. Иначе ты перечеркнул бы все и до конца жизни был бы уверен, что я всучила тебе взятку. В конце концов ты бы додумался до того, что у меня вообще нет никаких способностей.

Она расстегнула джинсы и непринужденно стала раздеваться дальше.

Джо Чип, стараясь не смотреть в ее сторону, еще раз проверил написанное на бланке. Перечеркнутые крестики имели совершенно другое значение, чем то, которое он ей сообщил. На самом деле они означали: «Не спускать глаз с этой особы. Принятие ее рискованно для фирмы, она небезопасна».

Он подписался под результатами исследований, сложил листок и протянул его Пат. Она сразу спрятала его в сумочку.

— Когда я могу перенести к тебе мои вещи?— спросила она, направляясь к ванне.— С этой минуты я чувствую себя как дома. Тем более что суммы, которую я тебе дала, хватит на месяц роскошной жизни.

— Когда захочешь.

— Прошу пятьдесят центов до того, как вы отвернете кран,— сказала ванная.

Пат прошагала через кухню и снова взялась за сумочку.

Новый революционный соус к салату «Убик». Не итальянский и не французский. Совершенно новый и изысканный вкусовой букет, который уже покоряет мир! Царственный «Убик». Безвреден при приготовлении согласно инструкции.

4.

Вернувшись из поездки в Мораторий Возлюбленных Собратьев в Нью-Йорк, Глен Ранкитер, выйдя из нанятого аэротакси на крыше главного офиса «Корпорации Ранкитера», быстро спустился на специальном лифте на пятый этаж, где располагался его кабинет. В девять тридцать утра по местному времени он уже сидел за столом в своем вращающемся старомодном кресле из настоящего ореха и кожи и разговаривал по видеофону с отделом рекламы.

— Я как раз из Цюриха, Тамиш. Советовался с Эллой.— Ранкитер со злостью посмотрел на свою секретаршу, которая тихонько вошла в кабинет, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Что вам угодно, миссис Фрик?— спросил он у нее.

Увядшая, пугливая миссис Фрик, старческую бесцветность которой должны были скрыть намалеванные на лице цветные пятна, виновато развела руками. Это означало, что у нее нет выбора и она вынуждена помешать.

— Ладно, ладно, миссис Фрик,— терпеливо сказал он.— Что там у вас?

— Новая клиентка, мистер Ранкитер. Я думаю, вам следует ее принять.

Она приблизилась к нему, одновременно пятась. Это был трудный прием, который могла выполнить только она. На отработку его у миссис Фрик ушло, наверно, не менее ста лет.

— Чуть погодя, после разговора,— сказал Ранкитер и вновь повернулся к микрофону.— Как часто появляются наши рекламы по всепланетным программам в те часы, когда телевизор смотрят большинство людей? Как и раньше, каждые три часа?

— Не совсем так, мистер Ранкитер. На протяжении всего дня рекламы появляются каждые три часа в среднем на каждом из каналов, но в наиболее популярное время...

— Я хочу, чтобы их передавали через каждый час,— заявил Ранкитер.— Так советует Элла.— Во время обратного пути в западное полушарие он прикидывал, какое из объявлений нравится ему больше всего.— Вы знаете последнее решение Верховного суда, согласно которому муж может безнаказанно убить жену, если сможет доказать, что она ни при каких условиях не согласна на развод?

— Да, это так называемый...

— Меня не интересует, как называется этот закон. Важен лишь факт, что у нас есть на эту тему телереклама. Какой там сюжет, я что-то не могу припомнить?

— На скамье подсудимых сидит экс-муж,— сказал Тамиш.— Один ракурс показывает скамью присяжных, другой — судью. Потом прокурор допрашивает экс-мужа. Он говорит: «Мне кажется, сэр, что ваша жена...»

— Да, да,— удовлетворенно сказал Ранкитер. Он сам был соавтором этого ролика. Это ему казалось очередным проявлением великолепной разносторонности его интеллекта.

— Почему бы нам не сообщить,— продолжил Тамиш,— что исчезнувшие люди с пси-способностями были наняты — все, группой,— одним из финансовых объединений?

Раз уж мы считаем, что так оно и есть на самом деле, то почему бы не сделать упор на ролик, адресованный бизнесменам? Вспомните, к примеру, вот этот: муж приходит домой после целого дня работы. Он все еще одет в ярко-желтую шаль, епанчу в цветочек, треугольные наколенники и военную фуражку с козырьком. Усталый, он садится в гостиной на диван и начинает снимать перчатки, неожиданно горбится и говорит: «Черт побери, Джилл, что-то со мной последнее время творится, а я не могу понять, что именно. Временами, и с каждым днем все отчетливее, я начинаю ощущать на себе внимание кого-нибудь из нашего бюро и начинаю думать: ведь они как будто читают все мои мысли!» Тогда она говорит: «Если тебя это тревожит, почему ты не обратишься в ближайший профилакторий? Они за умеренную плату пришлют к тебе инерциала — и ты снова будешь чувствовать себя как раньше!» Тут мужчина начинает радостно улыбаться и говорит: «Ты знаешь, это несносное чувство уже начинается...»

— Мистер Ранкитер, всячески извиняюсь, но...— В дверях кабинета снова появилась миссис Фрик. Очки на ее носу подрагивали.

Ранкитер кивнул.

— Потом поговорим, Тамиш. Но в любом случае свяжитесь с телестанциями и попросите начать передачу наших рекламных роликов через каждый час, как мы и договаривались.— Он отключился и молча посмотрел на миссис Фрик.— Я поехал аж в Швейцарию,— сказал он чуть погодя,— и разбудил Эллу, чтобы получить эту информацию... этот совет...

— Мистер Ранкитер уже освободился, мисс Уирт.— Секретарша неуверенно отступила в сторону, и в кабинет вплыла полная женщина. Кидая голову вверх-вниз, как баскетбольный мяч, она нацелила свое грузное тело в сторону кресла и тотчас же уселась, скрестив непропорционально худые ноги. Она была одета в немодный плащ из ткани-паутинки и производила впечатление симпатичного насекомого, помещенного в кокон, не предназначенный специально для него. От этого казалось, что ее заперли в каком-то футляре. Но она улыбалась и, по всей видимости, чувствовала себя совершенно свободно. «Ей уже сильно за сорок,— подумал Ранкитер,— и если она и имела когда-то хорошую фигуру, это время давно миновало».

— Здравствуйте, мисс Уирт,— сказал он.— Я не могу уделить вам слишком много времени, так что приступайте к существу дела сразу. В чем заключаются ваши трудности?

— У нас кое-какие неприятности с телепатами,— начала мисс Уирт милым и веселым голосом, который казался совершенно не подходящим в этой обстановке.— По крайней мере, мы так думаем, хотя и не уверены. Мы имеем собственного телепата, о присутствии которого нам, естественно, все известно. Его работа заключается в проверке, естественно негласной, наших сотрудников. Если он обнаружит кого-нибудь с пси-качествами: телепатов, ясновидящих или кого-либо еще, он должен проинформировать об этом...— Она внимательно посмотрела на Ранкитера.— Проинформировать моего шефа. Такой приказ он отдал на прошлой неделе. Мы поручили одной частной фирме провести оценку возможностей различных профилактических организаций. Ваша фирма признана лучшей.

— Мы знаем об этом,— сказал Глен Ранкитер. У него в руках как раз находился один такой доклад. Но до сих пор это не приносило ему дополнительных заказов, но вот теперь это дело.— И сколько телепатов обнаружил ваш человек? Более одного?

— По меньшей мере двоих.

— Однако не исключено, что их больше?

— Да,— кивнула головой мисс Уирт.

— Мы работаем так,— начал Ранкитер.— Вначале измеряем объективные показатели пси-поля, чтобы узнать, с кем мы имеем дело. Обычно это занимает от семи до десяти дней, в зависимости от...

— Мой шеф желает, чтобы вы прислали своих инерциалов немедленно,— перебила его мисс Уирт,— и пренебрегли такой длительной формальностью, как проведение замеров.

— Но мы не в состоянии определить количество и тип инерциалов, которых следует отрядить на нейтрализацию телепатов. Мы должны действовать систематически, если только хотим добиться реального успеха. Наша работа не заключается в помахивании волшебной палочкой или распылении ядовитых газов по всяким закоулкам. Нам надо нейтрализовать людей Холлиса одного за другим, систематически, противопоставляя способностям каждого телепата соответствующие антиспособности инерциала. Если Холлис прибрал к рукам вашу фирму, то он сделал это, поочередно внедряя в нее одного человека с пси-способностями за другим. Первый проникает в отдел кадров и берет на работу следующего. Тот, в свою очередь, возглавляет какой-либо из отделов или основывает новый сектор и составляет требование принять на работу еще сотрудников, ну и так далее. Это может длиться месяцами, и мы не в состоянии в

двадцать четыре часа ликвидировать структуру, которая создавалась столь длительное время. Серьезные анти-пси операции напоминают составление мозаичной картинки. Ни мы, ни они не могут позволить себе поспешности.

— Но мой шеф,— заметила мисс Уирт,— не любит ждать.

— Я поговорю с ним сам.— Ранкитер взял в руки наборный диск видеофона.— Какой у него номер и как его зовут?

— Контракт должен быть заключен только при моем посредничестве.

— А я не уверен, что вообще приму это предложение. Почему вы не хотите сообщить нам, от чьего имени вы выступаете?— Он нажал кнопку, скрытую под столом, давая сигнал дежурной телепатке, Нине Фриди, чтобы она перешла в соседнюю комнату и проследила за мыслительными процессами мисс Уирт. «Я не могу сотрудничать с людьми, подобными этой даме,— подумал он,— не зная, кто они есть. Я не уверен даже, что это не Рэй Холлис собственной персоной навязывает мне это задание».

— У вас какие-то предубеждения,— сказала мисс Уирт,— а нам требуется лишь срочность. И только потому, что для нас это жизненно важно. Я могу сообщить вам только то, что наша деятельность проводится не на Земле, по крайней мере та, которую нам удалось организовать. С точки зрения как возможной прибыли, так и финансовых расходов, это предприятие можно отнести к категории высшего ранга. Мой шеф вложил в него все капиталы, какие только ему удалось освободить. Вся работа должна была проводиться в абсолютной тайне. Тем большее потрясение мы испытали, узнав, что у нас появились телепаты...

— Простите, я на минуту,— прервал ее Ранкитер. Он поднялся из кресла и направился к дверям кабинета.— Я узнаю, сколько у нас имеется свободных людей, которых мы могли бы использовать в этом деле.

Закрыв за собой дверь, он по очереди заглянул во все соседние помещения, пока в маленькой комнатке не отыскал Нину Фриди, сидевшую сосредоточенно с зажженной сигаретой в руке.

— Узнай, от чьего имени она говорит,— попросил он.— И еще: попытайся определить сумму, которую они согласны заплатить за этот контракт. «У нас тридцать восемь бездействующих инерциалов,— подумал он.— Может быть, нам удастся найти для них занятие, хотя бы для части их. Не исключено, что я наконец обнаружу, где скрываются люди Холлиса».

Он вернулся в свой кабинет и снова уселся за стол.

— Если в вашу фирму проникли телепаты, вы должны смириться с фактом, что ваше предприятие уже перестало быть секретным, не говоря уже о проблеме конкретных технических вопросов, которые им удалось выудить из мозгов ваших служащих. Так почему бы вам не сказать мне, что это за проект?

Мисс Уирт какое-то время колебалась.

— Я сама не знаю.

— Ни даже где он расположен?

— Нет,— покачала она головой.

— Вы хоть знаете, кто ваш начальник?

— Я работаю в фирме, финансы которой он контролирует. Я знаю моего непосредственного шефа — мистера Шепарда Говарда. Но мне никто не говорил, кого представляет он сам.

— Если мы выделим необходимое количество инерциалов, будем ли мы знать, куда они отправлены?

— Скорее всего, нет.

— А если они никогда не вернутся?

— Почему же они не вернутся? Мы отпустим их, как только они избавят нас от чужого влияния.

— Были случаи,— пояснил Ранкитер,— когда люди Холлиса убивали инерциалов, посланных нейтрализовать их действие. Моей обязанностью является обеспечение безопасности сотрудников моей фирмы. Я не могу сделать это, если не буду знать, где они находятся.

Из скрытого в его ухе микронаушника раздался бренчащий звук, а потом тихий, слышимый только ему голос Нины Фриди сказал:

— Шефа мисс Уирт зовут Стэнтон Мик. Она — его доверенный ассистент. Никакого Шепарда Говарда в природе не существует. Предприятие, о котором идет речь, сконцентрировано в основном на Луне, оно управляется фирмой «Техпрайз». Это исследовательское объединение, принадлежащее Мику. Номинально контрольный пакет акций принадлежит мисс Уирт, но она не знает никаких технических подробностей, а мистер Мик никогда не посвящает ее в результаты исследований, опытов или разработок, отчего, кстати, она очень страдает. От сотрудников Мика она, однако, узнала, на что в общем и целом нацелена эта акция. Если мы примем, что информация, которой располагает мисс Уирт, верна, то все лунное предприятие работает над созданием принципиально новой, оригинальной системы межзвездного транспорта, позволяющего развить скорость,

близкую к скорости света, и который может быть предоставлен любой более или менее самостоятельной политической или этнической группировке. Мик считает, что благодаря этой системе окажется реальной колонизация, не являющаяся монополией отдельных правительств, причем эта колонизация может иметь массовый характер.

Нина Фриди отключилась. Ранкитер поудобнее устроился в своем кресле и погрузился в размышления.

— О чем вы думаете?— живо спросила мисс Уирт.

— Думаю, хватит ли у вас средств на оплату наших услуг. Не имея в руках результатов замера напряженности пси-поля, можно лишь приблизительно определить число необходимых инерциалов. Не исключено, что оно может достигнуть до сорока человек,— сказал Ранкитер, отлично зная, что Стэнтон Мик может позволить себе нанять неограниченное число антителепатов или же найти способ, чтобы за них заплатил кто-нибудь другой.

— Сорок...— повторила мисс Уирт.— Хм-м. Солидное количество.

— Чем больше инерциалов мы привлечем к работе, тем скорее будет выполнено задание. Поскольку время для вас — решающий фактор, мы можем направить их всех одновременно. Если вы уполномочены подписать договор от имени работодателя,— решительным жестом Ранкитер указал на нее пальцем, но это не произвело на мисс Уирт никакого впечатления,— и если вы сразу внесете задаток, то можно предполагать, что нам удастся завершить операцию за трое суток.— Он выжидающе посмотрел на нее.

В ухе забубнил микронаушник:

— Как владелица фирмы «Техпрайз», она наделена всеми полномочиями. Она может подписывать любые обязательства, формально равные по стоимости всем активам фирмы. В данный момент она подсчитывает, чему они равны, исходя из нынешнего биржевого курса.— Пауза.— Несколько миллиардов посткредов. Но у нее есть затруднения: она не хочет сама принимать решения ни насчет договора, ни насчет задатка. Она предпочла бы, чтобы это провернули юристы Стэнтона Мика, даже если это вызовет проволочку в несколько дней.

«А ведь их поджигает время,— подумал Ранкитер.— По крайней мере, они так утверждают».

— Интуиция подсказывает ей,— продолжал голос в микронаушнике,— что вы знаете или догадываетесь, кто ее начальник. Она опасается, что в связи с этим вы можете зависеть размеры гонорара. Мик знает, какая у него слава,

и считает, что все на свете пытаются ободрать его как липку. Именно поэтому он ведет дела при посредничестве какой-нибудь фирмы, выступающей в роли клиента. Но, с другой стороны, им нужно заполучить как можно больше инерциалов, и они смирились с тем, что это им обойдется в кругленькую сумму.

— Сорок инерциалов,— лениво сказал Ранкитер. Он принялся водить ручкой по листу бумаги, который лежал у него на столе исключительно для этих целей.— Посмотрите: шесть на пятьдесят и на три и умноженное на сорок.

Мисс Уирт со своей приклеенной к лицу добродушной улыбкой ожидала с видимым напряжением.

— Любопытно,— пробормотал Ранкитер,— кто заплатил Холлису, чтобы тот внедрил в вашу фирму своих людей?

— Это не имеет значения,— сказала мисс Уирт.— Существенно лишь то, что они там находятся.

— Временами нам так и не удастся до конца установить, кто наниматель. Но вы правы: когда на кухне заводятся муравьи, человек не спрашивает, откуда они взялись, а просто берется за их уничтожение.

Он уже подсчитал общую сумму гонорара.

Она была потрясенной.

— Я буду вынуждена... подумать над этим,— проговорила мисс Уирт. Она оторвала взгляд от шокирующего зрелища подсчитанной суммы и поднялась.— У вас найдется помещение, где я могла бы остаться одна и позвонить мистеру Говарду для конфиденциального разговора?

— Редко случается, чтобы профилактическая фирма располагала таким количеством свободных специалистов одновременно.— Ранкитер тоже встал.— Если вы промедлите, ситуация может измениться. Так что, если они вам нужны, берите их сразу.

— Вы и в самом деле считаете, что нам потребуется такое количество инерциалов?

Ранкитер взял мисс Уирт под руку и, выходя из кабинета, прошел через холл до самого зала с картами.

— На этой карте отображено местонахождение наших инерциалов, а также тех, кто работает на другие профилактические организации. Кроме того, мы определили по ней расположение всех — или почти всех — сотрудников Холлиса.— Он старательно пересчитал все опознавательные значки, которые были один за другим сняты с карты. Последний из них обозначал С. Доула Мелипона.— Теперь я знаю, где все они находятся,— обратился он к мисс Уирт, с лица которой исчезла механическая улыбка, когда она по-

няла значение снятых с карты фишек. Он взял ее вспотевшую ладонь, вложил в нее значок, обозначающий Мелипона, и сжал ее пальцы.— Вы можете остаться в этой комнате и подумать,— сказал он.— Видеофон вон там. Вам здесь никто не мешает. Я буду ждать вас в своем кабинете.

Он вышел из зала, размышляя:

«По сути дела я не знаю точно, находятся ли люди Холлиса именно там, однако это вполне возможно. Кроме того, Мик отказался от обычной процедуры подготовки. Если же в результате он наймет инерциалов, которые вовсе ему не нужны, это будет его собственной виной».

С формальной точки зрения «Корпорация Ранкитера» должна была бы уведомить Объединение о том, что все или часть людей Холлиса обнаружены. Однако в его распоряжении был пятидневный срок для проверки этого факта, и он решил не торопиться с сообщениями. «Возможность заработать такую сумму,— подумал он,— выпадает раз в жизни».

— Миссис Фрик,— обратился он к ней, входя в приемную рядом с собственным кабинетом,— прошу вас набросать текст договора, рассчитанного на сорок...— И замолчал.

В противоположном углу сидели двое. Мужчина — Джо Чип — имел неряшливый вид опустившегося человека и был еще более угнетенным, но в остальном выглядел как обычно. Рядом с ним сидела длинноногая девушка со сверкающими черными глазами и столь же черными блестящими волосами. Ее яркая красота сияла на все помещение, освещая его сильным, но мрачным пламенем. Ранкитеру показалось, что девушка раздражена собственной привлекательностью и ненавидит свою гладкую кожу и чувственные полные губы.

«Она выглядит,— подумал он,— словно только что поднялась с постели, еще не приступив к утреннему туалету. Она, кажется, неприязненно относится к новому дню, да и к другим дням, видимо, тоже».

— Я вижу, Г. Г. Эшвуд вернулся из Топеки,— сказал он, подходя к сидящим.

— Это Пат,— представил девушку Джо Чип.— Фамилии у нее нет.— Он махнул рукой в сторону Ранкитера и вздохнул. Вокруг него всегда распространялась специфическая атмосфера тоски, однако казалось, что в глубине души он еще не капитулировал окончательно и под покровом апатичности крылись нечеткие следы жизнестойкости. По мнению Ранкитера, Джо просто симулировал психическую депрессию, которую на самом деле он вовсе не испытывал.

— Анти—что?— спросил Ранкитер у девушки, которая сидела, развалившись и вытянув длинные ноги.

— Антикстогенезис,— мурлыкнула Пат.

— И что это значит?

— Предотвращение кетосиса,— ответила девушка, словно думая о чем-то своем.

— Переведи-ка все это,— обратился Ранкитер к Джо.

— Покажи мистеру Ранкитеру контрольные бланки,— сказал Джо девушке.

Пат, не вставая с кресла, пошарила в сумочке и достала листок желтой бумаги, на которой Джо обычно писал результаты своих обследований, и протянула его Ранкитеру.

— Изумительные результаты. У нее в самом деле все так хорошо?— спросил он у Джо. И только тут заметил два перечеркнутых крестика, означавших предостережение, если хорошо разобраться — предостережение о возможной измене.

— Она — лучшая из тех, с кем мне приходилось сталкиваться,— ответил Джо.

— Пройдите в мой кабинет,— обратился к Пат Ранкитер. Он прошел вперед, и Джо с девушкой последовали за ним.

Неожиданно в приемной появилась мисс Уирт.

— Я поговорила с мистером Говардом,— проинформировала она Ранкитера, вращая глазами,— и получила необходимые инструкции.— В этот момент она заметила Джо Чипа и Пат, на мгновение заколебалась и продолжила: — Мистер Говард желает, чтобы мы сразу уладили все формальности. Можем ли мы сделать это немедленно? Я уже говорила вам, что это значит для нас и как мы связаны временем.— Улыбаясь, как фарфоровая кукла, она обратилась к остальным: — Не могли бы вы немного подождать? Дело, по которому я обратилась к мистеру Ранкитеру, требует улаживания в первую очередь.

Пат посмотрела на нее и разразилась низким снисходительным смехом.

— Вам придется подождать минутку, мисс Уирт,— сказал Ранкитер. Ему было страшно. Он посмотрел на Пат, потом на Джо, и его страх начал переходить в панику.— Посидите, мисс Уирт,— обратился он к ней, указывая на одно из кресел в приемной.

— Я уже могу точно сообщить вам, как много нам нужно инерциалов,— сказала мисс Уирт.— Мистер Говард считает, что он сам в состоянии оценить размеры чужого влияния.

— Сколько?

— Одиннадцать.

— Через пару минут мы подпишем соглашение,— сказал Ранкитер.— Я сейчас освобожусь.

Махнув своей сильной и широкой ладонью, он указал Джо и Пат на кабинет, вошел следом и закрыл за собой дверь.

— Ничего у них не выйдет,— сказал он Джо, усаживаясь в свое кресло.— Одиннадцати человек им явно не хватит. Им и пятнадцати не хватит и двадцати. Особенно если там замешан С. Доул Мелипон.— Он чувствовал себя усталым и взволнованным одновременно.— Так, значит, это наша новая практикантка, которую Г. Г. Эшвуд открыл в Топеке? Как ты думаешь, нам стоит взять ее? Вы с Г. Г. одного мнения? Ну, раз так, мы ее, конечно, возьмем.— «Может, проверить ее на Стэнтоне Мике?— подумал он.— Послать ее вместе с десятком других... Однако никто так и не удосужился объяснить мне, какого типа способности она нейтрализует».

— Миссис Фрик говорила, что ты летал в Цюрих,— сказал Джо.— И что посоветовала Элла?

— Больше рекламы по телевидению. Каждый час.

Он повернулся к телефону, служащему для внутренних распоряжений.

— Миссис Фрик,— обратился он,— подготовьте рабочий договор между фирмой и лицом, не имеющим фамилии. Начальную зарплату прошу установить на максимально допустимой высоте, согласно декабрьской договоренности с профсоюзами.

— И какой она будет, эта зарплата?— спросила Пат голосом, полным скептицизма и наивной детской неуверенности.

Ранкитер внимательно посмотрел на нее.

— Я ведь даже не знаю, на что вы способны.

— Глен, она ясновидящая,— буркнул Джо Чип.— Но особого рода.— Он не стал давать Ранкитеру никаких детальных объяснений. Он производил впечатление человека, силы которого на исходе, словно у часов старого образца на батарейках.

— Она может сразу взяться за работу?— спросил Ранкитер у Джо.— Или же нам надо ее инструктировать и подготавливать? У нас ведь и без того сорок бездействующих инерциалов, а мы принимаем еще одного. То есть сорок минус — как там?— одиннадцать. Таким образом, мы должны платить жалованье тридцати служащим, пока они сидят и ковыряются в носу. Не знаю, Джо, честное

слово, не знаю. Может, нам пора уже уволить часть наших агентов, тем более что, кажется, я нашел людей Холлиса. Я тебе потом расскажу.

— Прошу отметить,— сказал он в телефон миссис Фрик,— что мы имеем право уволить эту особу без неустойки и компенсации. В течение первых девяноста дней ей также не принадлежит право на процент от дохода, медицинские бюллетени и оплата лечения.— Он снова повернулся к Пат.— Я всегда устанавливаю начальную плату в четыреста посткредов ежемесячно при двадцати часах работы в неделю. Кроме того, вы должны вступить в профсоюз работников горной, металлургической и мукомольной промышленности, к которому три года назад были отнесены сотрудники профилактических организаций, так что тут я уже ничего поделать не могу.

— Я больше зарабатываю,— возразила Пат,— консервируя видеофонные кабели зоны Топека. Ваш агент, мистер Эшвуд, говорил мне...

— Наши агенты врут,— сказал Ранкитер.— Мы никак не связаны их обещаниями. Ни мы, ни какие-нибудь другие профилактические предприятия.

Дверь в кабинет неуверенно открылась, в нее робко вошла миссис Фрик, сжимая в руках машинописную копию договора.

— Благодарю вас, миссис Фрик.— Ранкитер принял от нее бумаги. Потом обратился в Джо и Пат: — Моя двадцатилетняя жена лежит в холодильнике. Она чудесная женщина, но когда я попытался войти с ней в контакт, ее оттеснил какой-то развязный юнец по имени Жори, который стал говорить вместо нее. Элла понемногу угасает, а я целый день вынужден любоваться этой высохшей мумией, своей секретаршей.— Он посмотрел на Пат и почувствовал, что в нем пробуждаются какие-то темные желания, туманные и неясные, никуда не ведущие намерения, которые возвращались к нему опустошенными, описав идеальный круг.

— Я подпишу этот договор,— сказала Пат и потянулась к лежащей на столе ручке.

На этот раз ничего не выйдет с конкурсом танцев — желудок не пускает. Вот тут-то и незаменим «Убик»!

«Убик» мгновенно поставит вас на ноги! Используемый согласно инструкции, «Убик» приносит облегчение голове и желудку. Помните: на приготовление «Убика» требуются секунды. Избегай многоразового использования.

Когда выпадали дни вынужденного, неестественного безделья, антителипатка Типпи Джексон обычно спала до полудня. Вживленный в ее мозг электрод непрестанно действовал как стимулятор «быстрого» сна — когда происходят очень быстрые движения зрачков. Лежа на постели, укутанная перкалевым покрывалом, она жила весьма наполненной жизнью.

В этот момент ее искусственный сон концентрировался вокруг личности таинственного сотрудника фирмы Рэя Холлиса, наделенного колоссальными пси-способностями. Все инерциалы, находящиеся в пределах Солнечной системы, капитулировали или оказывались беспомощными. Теперь задание нейтрализовать его мощное поле выпало ей.

— Я не могу нормально функционировать, когда ты находишься поблизости, — жаловался смутно видимый соперник. У него было дикое, полное ненависти выражение лица.

— Ты ошибаешься, когда думаешь, что твои возможности неограниченны, ты выстроил ложную концепцию своей личности, опираясь на элементы подсознания, которые ты не можешь изменить. Поэтому ты и испытываешь страх передо мной, — ответила ему Типпи в своем сне.

— Ты случайно не сотрудник какой-нибудь профилактической организации? — спросил телепат Холлиса, нервно оглядываясь вокруг.

— Если твои способности так велики, как ты сам утверждаешь, то ты можешь узнать это, читая мои мысли.

— Я не могу читать мысли, мои способности иссякли. Я хочу, чтобы ты поговорила с моим братом, Биллом. Эй, Билл, переговори с этой дамой. Как она тебе нравится?

— Мне-то она нравится, поскольку я всего лишь ясно-видящий, и она не может оказать на меня влияния, — ответил Билл, который выглядел так же, как и его брат-телепат. Переступая с ноги на ногу, он улыбнулся, показав крупные белые зубы, затупленные, как лопаты. — «Хитрой природой отлитый почти человеком, только лишенный разумных пропорций», — он остановился, наморщив лоб. — Мэтт, что там дальше?

— «Я, недоделанный, высланный в мир раньше срока, еле дыша, не слепленный и вполовину*...» — продолжил Мэтт-телепат, напоминаящий белку, скривившуюся от неприятных размышлений.

* В. Шекспир, «Ричард III», акт I, сцена I.

— Ну да,— кивнул головой ясновидец Билл.— Помню: «И вот я такой, горбатый, костлявый, ужасный, так что собаки звереют, меня лишь увидя...» Это из «Ричарда III»,— пояснил он для Типпи. Оба брата скривились в улыбке. Даже их резцы были сточены, как будто они питались твердыми орехами.

— Что это означает?— спросила Типпи.

— А это означает,— хором сказали Билл и Мэтт,— что мы собираемся тебя прикончить.

В этот момент ее разбудил звонок видеофона.

Заспанная, она поплелась к аппарату. Ей казалось, что ее окружают цветные пузырьки.

— Алло,— произнесла она в трубку. «Господи, уже так поздно!— подумала Типпи, глядя на часы.— Я прямо-таки превратилась в растение».

На экране появилось лицо Глена Ранкитера.

— Добрый день, мистер Ранкитер,— стараясь не попасть в поле зрения камеры видеофона, сказала она.— Что, для меня нашлось какое-нибудь дельце?

— Рад, что застал вас дома, миссис Джексон,— сказал Ранкитер.— Мы с Джо как раз укомплектовываем оперативную группу из одиннадцати человек. Речь идет о выполнении очень важного задания. Мы посмотрели результаты предыдущей деятельности всех наших сотрудников, и Джо утверждает, что ваше прошлое весьма благоприятно. Сколько вам потребуется времени, чтобы добраться до конторы?— В его голосе слышалась необходимая доза оптимизма, но лицо на экране имело утомленный вид.

— Если в связи с этим мне придется выехать...— начала Типпи.

— Разумеется, вы должны собраться.— Нравоучительным тоном он продолжил: — Нашим сотрудникам вменяется в обязанность всегда быть собранными и готовыми отправиться в путь. Я бы хотел, чтобы этого принципа неукоснительно придерживались все. Особенно это важно сейчас, когда все зависит от вашей расторопности.

— У меня все собрано. Чтобы добраться до города, мне потребуется пятнадцать минут. Я только напишу мужу записку, так как он сейчас на работе.

— Ну, тогда порядок,— сказал Ранкитер рассеянно. Видимо, он уже читал в своем списке следующее имя.— До свидания, миссис Джексон.

Ранкитер отключился, а Типпи Джексон стала быстро расстегивать пуговочки на пижаме.

«Странный сон,— думала она, возвращаясь в спальню, где находился гардероб.— Как сказали этот Билл со своим братцем Мэттом? Что это были за стихи?»

«Ричард III»,— вспомнила она, снова видя перед собой их крупные плоские зубы, одинаковые массивные головы неправильной формы, покрытые пучками рыжих волос, которые росли как кустики сорняков.— А я вроде бы не читала «Ричарда III». А если и читала, то очень давно, в детстве. Но как человеку могут присниться незнакомые стихи? Может, на самом деле какой-то телепат оказывал на меня воздействие во сне? Может быть, это была реальная пара ясновидящий — телепат, те, которых я видела во сне? Надо поинтересоваться в отделе информации, не работают ли на Холлиса два брата — Билл и Мэтт».

Взволнованная и обеспокоенная, она начала быстро одеваться.

Раскурив зеленую гаванскую сигару «Куэста-Рэй», Глен Ранкитер поудобнее устроился в своем элегантном кресле и сказал по внутреннему телефону:

— Миссис Фрик, прошу вас, выпишите на имя Г. Г. Эшвуда чек на сумму в сто посткредов. Это его премия.

— Хорошо, мистер Ранкитер.

Он наблюдал за Г. Г. Эшвудом, который с максимальным беспокойством кружил по его просторному кабинету, раздраженно стуча по натуральному паркету каблуками своих ботинок.

— Мне кажется, что Чип не в состоянии определить ее возможности,— сказал Ранкитер.

— Джо Чип — просто паяц.

— Как же так получается, что она, эта Пат, может перемещаться во времени, а никто, кроме нее, этого не умеет? Я мог бы поклясться, что ее способности не являются чем-то новым, просто вы, агенты, не обращали до сих пор на эти качества должного внимания. Так или иначе, ее прием на работу является нелогичным поступком: она наделена способностями, а не антиспособностями, а мы занимаемся...

— Я уже объяснял, что ее способности нейтрализуют ясновидение. И Джо подтвердил это своими измерениями.

— Но это только побочный эффект,— задумчиво произнес Ранкитер. Он был отнюдь не весел.— Джо считает, что она представляет опасность для фирмы. Почему, я не знаю.

— Вы его спрашивали об этом?

— Он что-то, как всегда, пробормотал,— ответил Ранкитер.— Джо ведь никогда не пользуется логическими по-

строениями и аргументами. У него все на сплошной интуиции. Но с другой стороны, мне хочется, чтобы она участвовала в этой операции, связанной с Миком.— Он пролистал лежащие перед ним документы из отдела кадров, переложил и упорядочил их.— Пригласите-ка Джо и узнайте, собирается ли там наша группа.— Он посмотрел на часы.— Они должны прибыть с минуту на минуту. Я намерен сказать Джо прямо в глаза, что включение Пат в группу — роковая ошибка, если уж она представляет опасность. Вы согласны со мной, Эшвуд?

— Джо с ней связан,— сказал Г. Г.

— Как это?

— У него с ней роман.

— Никаких романов у Джо ни с кем нет, только вчера Нина Фриди читала у него в мозгу, что он слишком беден для...— Он замолчал, так как дверь кабинета открылась и свойственным только ей способом появилась миссис Фрик, принеся на подпись чек — премия для Эшвуда.— Я знаю, почему ему все-таки хочется, чтобы она участвовала в этой операции.— Ранкитер подписал чек.— Чтобы не выпускать ее из поля зрения. Джо тоже собирается туда — он намерен заняться замерами пси-поля, независимо от условий, поставленных нам клиентом. Благодарю вас, миссис Фрик.— Взмахом руки он отпустил ее и протянул чек Эшвуду.— Допустим, мы не замерим пси-поле, а оно окажется для наших инерциалов слишком сильным. Кто тогда окажется виноватым?

— Мы,— ответил Эшвуд.

— Я говорил им, что одиннадцать человек — это слишком мало. Мы отобрали наших лучших людей, мы делаем все, что можем. Для нас важно приобрести такого клиента, как Стэнтон Мик. Меня просто поражает, как такой богатый и влиятельный человек может быть таким недалеким! Миссис Фрик, где Джо Чип?

— Мистер Чип в приемной. Вместе с ним еще несколько человек.

— Сколько их? Десять? Одиннадцать?

— Примерно. Я не считала, так что могу ошибиться на одного-двух.

— Это наша группа. Я хочу взглянуть на всех сразу, прежде чем они отправятся на Луну.— Он повернулся к миссис Фрик.— Пригласите их всех ко мне.— И глубоко затянулся зеленой сигарой.

Миссис Фрик выскользнула из кабинета.

— Мы знаем, что каждый из них работает хорошо,—

продолжал Ранкитер.— Все это у нас зарегистрировано,— он помахал пачкой кадровых документов.— Но как они будут действовать совместно? Сколько их нужно и насколько сильным будет антиполе, которое они могут создать? Попробуйте задать себе этот вопрос, Эшвуд. Это очень серьезная проблема.

— Со временем, как мне кажется, мы получим на него ответ.

— Я давно работаю над этим,— сказал Ранкитер.— Это мой вклад в прогресс человечества.

— Хорошо сказано,— подтвердил Г. Г.— Вы — полисмен на страже личной жизни.

— Знаете, что говорит по этому поводу Рэй Холлис? Он утверждает, что мы пытаемся повернуть стрелки часов вспять.— Ранкитер замолчал и стал приглядываться к людям, входящим в его кабинет.

«Ну и паршиво же подобрана группа»,— подумал он, полный пессимизма. Эта очкастая, худая, как палка, девушка с прямыми желто-оранжевыми волосами, в ковбойской шляпе, мантилье из черного кружева и шортах «бермуды» — это, наверное, Эдди Дорн. Интересная темноволосая пожилая женщина с быстрыми, бегающими глазами, одетая в бархатный широкий пояс, нейлоновое сари и толстые носки,— это, наверное, страдающая приступами шизофрении, Фрэнси Джекестэм. Ей время от времени начинает казаться, что на крыше ее жилого блока приземляются мыслящие существа с Бетельгейзе. Курчавого молодого человека в украшенной цветочками накидке и коротких брюках, стоящего с задумчивым, циничным и снисходительным видом одновременно, Ранкитер никогда прежде не видел. Ну и так далее. Он пересчитал их: пять женщин и пять мужчин. Кого-то не хватало.

Последним вошел Джо Чип, а прямо перед ним в кабинет влетела эта девушка с полыхающим взглядом — Пат Конли. Таким образом, все были в сборе.

— А вы быстро добрались,— обратился он к миссис Джексон — мужеподобной женщине тридцати лет, бледной, одетой в юбку из искусственной кожи и грубую рубашку с оттиснутым на ней — теперь уже выцветшим — портретом Бертрана Рассела.— У вас времени было меньше всех: я сообщил вам последней.

Типпи Джексон улыбнулась своей бесцветной улыбкой.

— Кое-кого из вас я знаю,— продолжал Ранкитер, поднявшись из кресла и приглашая всех, чтобы они устроились поудобнее и курили, если кому-то хочется.— Вас,

мисс Дорн, мы вместе с мистером Чипом отобрали первой, исходя из великолепных результатов вашей великолепной деятельности против С. Доула Мелипона, с которым вы потеряли контакт не по своей вине.

— Благодарю вас, мистер Ранкитер,— пробормотала Эдди Дорн слабым и несмелым голосом. Она покраснела и широко раскрытыми глазами уставилась на противоположную стену.— Я рада, что принимаю участие в нашей новой акции,— не особенно уверенным тоном добавила она.

— Кого из вас зовут Эл Хэммонд?— спросил Ранкитер, заглянув в список.

Очень высокий, сутуловатый негр с вытянутым лицом, на котором было написано выражение полнейшего добродушия, жестом указал на себя.

— Нам не приходилось встречаться раньше,— сказал Глен, просматривая документы Хэммонда,— но из всех наших антиясновидящих именно вы демонстрируете наилучшие показатели. Я должен был, конечно, познакомиться с вами раньше. Кто еще здесь антиясновидящие?— Поднялось три руки.— Для вас четверых несомненным потрясением будет знакомство с мисс Конли и совместная работа с ней. Мисс Конли — новейшая находка мистера Эшвуда. Она нейтрализует действие ясновидящих на совершенно новом принципе. Но будет лучше, если мисс Конли сама потом вам опишет это...— Он кивнул головой в сторону Пат.

...И оказалось, что он стоит на Пятой авеню перед витриной нумизматического магазина и рассматривает экземпляр никогда не пускавшейся в оборот золотой американской монеты достоинством в один доллар. Он размышлял, может ли он позволить себе приобрести ее для пополнения своей коллекции.

Какой коллекции?

«Я же не коллекционирую монеты,— сказал он себе.— Что я тут делаю? И сколько времени я уже болтаюсь, разглядывая витрины магазинов, когда должен быть в своей конторе и руководить?— Он никак не мог вспомнить, чем же он управляет: какой-то фирмой, нанимающей людей с необычными талантами и способностями, что ли? Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями.— Нет,— догадался он,— я распрощался с этим еще в прошлом году из-за заболевания коронарных сосудов. Пришлось выйти на пенсию.

Но я ведь только что там был?!

Всего несколько секунд назад я был в своем кабинете и говорил с группой людей по поводу их нового задания.—

Он закрыл глаза.— Все исчезло,— ошеломленно подумал он.— Все, все, что я создал».

Открыв глаза, он снова обнаружил, что находится в своем кабинете. Тут же сидели Г. Г. Эшвуд, Джо Чип и темноволосая девушка, очень привлекательная, имени которой он никак не мог припомнить. Кроме них, в кабинете никого не было, и это по непонятной причине было удивительным.

— Мистер Ранкитер,— сказал Джо Чип.— Я хочу представить вам Патрицию Конли.

— Я очень рада наконец-то познакомиться с вами, мистер Ранкитер,— сказала девушка. Она улыбнулась, и в глазах ее вспыхнул победный блеск. Ранкитер не мог понять, какая этому причина.

«Она сделала что-то странное»,— подумал Джо Чип.

— Пат,— громко сказал он,— я не могу точно определить, но что-то тут изменилось.— Он внимательно посмотрел вокруг, на кабинет, но ему казалось, что все такое же, как всегда: слишком яркий ковер, слишком много не гармонирующих между собой произведений искусства, картины на стенах, лишенные какой-либо художественной ценности. Глен Ранкитер тоже не изменился: те же седые взъерошенные волосы, то же сморщившееся от раздумий лицо. Взгляд его встретился со взглядом Джо — Ранкитер тоже выглядел растерянным. Стоящий у окна Г. Г. Эшвуд в элегантных брюках из березовой коры, прозрачной куртке, перепоясанной конопляным шнуром, и в высокой фуражке железнодорожного машиниста равнодушно пожал плечами. Ему, разумеется, казалось, что все в полном порядке.

— Ничего не изменилось,— ответила Пат.

— Все изменилось,— сказал ей Джо.— Ты, должно быть, перенесла нас в другую ветвь времени. Я не могу ни доказать этого, ни определить точно характер перемен...

— Хватит заниматься семейными спорами в рабочее время,— проворчал Ранкитер полным неодобрения тоном.

— Семейными спорами?— изумленно спросил Джо. И вдруг он заметил на руке Пат обручальное кольцо: кованое серебро и нефрит. Он вспомнил, как сам помогал ей выбрать его. «Мы купили его за два дня до нашей свадьбы»,— подумал он,— то есть чуть ли не год назад, и это несмотря на мое ужасное материальное положение в то время. Разумеется, все изменилось: зарплата Пат и ее умение распоряжаться финансами здорово улучшили ситуацию раз и навсегда».

— Продолжим,— сказал Ранкитер.— Мы должны разо-

браться, почему Стэнтон Мик поручил свои заботы другой профилактической организации, а не нам. Рассуждая логически, именно мы должны были получить этот контракт: наша фирма лучшая в этой области и наше бюро расположено в Нью-Йорке, а Мик охотнее всего действует именно здесь. У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения, мистер Чип?— Он с надеждой посмотрел на Джо и Пат.

— Вы в самом деле хотите знать это?— спросила его Пат.

— Да, я бы очень хотел узнать истинную причину.

— Это я сделала,— сообщила Пат.

— Каким же образом?

— При помощи моих способностей.

— Каких еще способностей?— спросил Ранкитер.— У вас нет никаких способностей, вы просто жена Джо Чипа.

— И пришла сюда только для того, чтобы пообедать с Джо и со мной,— отозвался от окна Г. Г. Эшвуд.

— У нее есть способности,— заявил Джо. Он пытался что-нибудь вспомнить, но все ускользало и терялось где-то в тумане. Память гасла в тот момент, когда он всеми силами пытался оживить ее. «Иная временная ветвь,— подумал он.— Прошлое». Больше он ничего не мог понять, на этом месте его память обрывалась. «Моя жена — необыкновенная личность. Она умеет делать такие вещи, на которые на Земле никто больше не способен. Но в таком случае почему она не работает в «Корпорации Ранкитера»? Что-то тут не увязывается».

— Ты проверял ее?— спросил его Ранкитер.— Это же входит в твои обязанности. Ты говоришь так самоуверенно, как будто уже пределал это.

— В себе я как раз уже и не уверен,— сказал Джо.— А вот в своей жене — да. Сейчас я принесу измерительную аппаратуру, и мы посмотрим, какое поле она создает.

— О господи, Джо, да успокойся ты наконец!— со злостью сказал Ранкитер.— Если бы твоя жена обладала хоть какими-нибудь талантами или противоталантами, ты определил бы это еще год назад. И уж по крайней мере не сейчас.— Он нажал кнопку аппарата внутренней связи, стоящего у него на столе.— Отдел кадров? Есть ли у нас папка на имя миссис Чип? Патрицию Чип.

После недолгой паузы из аппарата послышалось:

— Документов на миссис Чип у нас нет. Может быть, она фигурирует у нас под девичьей фамилией?

— Конли,— сказал Джо.— Патриция Конли.

Последовала пауза.

— Касательно мисс Конли мы располагаем двумя доку-

ментами: предварительным рапортом мистера Г. Г. Эшвуда о ее открытии и результатами обследования, сделанными Джо Чипом.

Копии обоих документов медленно выползли из щели в аппарате и упали на крышку стола.

— Подойди-ка и сам посмотри на это, Джо,— гневно сказал Ранкитер, прочитав результаты обследования. Он ткнул пальцем в лист бумаги. Подойдя к нему, Джо увидел два перечеркнутых крестика. Они обменялись с Ранкитером взглядами, потом посмотрели на Пат.

— Я знаю, что там написано,— спокойно сказала Пат.— «Наделена необычайно высокой силой противодействия. Диапазон поля анти-пси невероятно широк».— Она напряглась, пытаясь вспомнить более точную формулировку документа.— «Представляется, что способна...»

— Как раз тогда, когда мы получили этот заказ от Мика,— сказал Ранкитер, обращаясь к Джо.— Мы собрали у меня в кабинете группу из одиннадцати человек и предложили ей...

— ...показать, на что она способна,— закончил Джо.— Вот она это и сделала. Она в точности выполнила ваше пожелание. Или же эта оценка оказалась верной.— Он указал на символ опасности, помещенный внизу странички.— Моя собственная жена...— добавил он.

— Я не твоя жена,— сказала Пат.— Это я тоже изменила. Хочешь, чтобы все вернулось в предыдущее состояние? Без каких-либо изменений, даже в мелочах? Но в таком случае ваши инерциалы многого не заметят. Хотя они и так не дают себе отчета в том... разве что некоторые из них, как и Джо, сохранили какие-то обрывки воспоминаний. К этому времени, однако, они должны были уже улетучиться.

— Я по крайней мере хотел бы все-таки получить этот заказ от Мика,— недовольным тоном сообщил Ранкитер.

— Надо сказать, что если я уж подыскиваю новых сотрудников, то иду на все,— сообщил бледный как полотно Г. Г. Эшвуд.

— Да, людей вы поставляете воистину талантливых,— согласился Ранкитер.

Снова зазвенел телефон, и в трубке загремел и захрипел старческий голос миссис Фрик:

— Мистер Ранкитер, группа инерциалов ждет, пока вы сможете их принять. Они говорят, что вы вызвали их в связи с каким-то новым заданием. У вас найдется для них время?

— Пригласите их ко мне.

— Я сохраню эту вещичку,— заявила Пат, указывая на

обручальное кольцо из серебра и нефрита, которое — в иной временной ветви — они выбрали вместе с Джо. Она решила сохранить этот единственный элемент альтернативного мира. Джо задумался, не сохранила ли она заодно и права на него самого. Он надеялся, что никаких прав не было, но сообразил, что об этом лучше не спрашивать. Лучше вообще ничего не спрашивать.

Дверь кабинета открылась, и в кабинет парами начали входить инерциалы. На какое-то мгновение они неуверенно останавливались, потом усаживались и поворачивались в сторону Ранкитера. Глен посмотрел на них, потом взялся за изучение лежащей перед ним кипы документов. Он явно пытался установить, не изменила ли Пат каким-либо образом состав группы.

— Эдди Дорн, — сказал он. — А, вы тут. — Он взглянул на нее и на сидящего рядом мужчину. — Хэммонд. Порядок, Хэммонд. Типпи Джексон? — Он изучающе посмотрел на нее.

— Я приехала так быстро, как только могла. Вы дали мне так мало времени, мистер Ранкитер.

— Джон Илд, — прочитал Ранкитер следующую фамилию.

Взъерошенный курчавый молодой человек ворчанием засвидетельствовал свое присутствие. Его самоуверенность несколько поуменилась, теперь он казался более замкнутым и каким-то ошеломленным. «Интересно, что он помнит? — подумал Джо Чип. — И что сохранилось у них в памяти — вместе и по отдельности».

— Франческа Спаниш, — продолжал Ранкитер.

Отозвалась изящная, похожая на цыганку темноволосая женщина, от которой исходило какое-то напряжение.

— За несколько последних минут, мистер Ранкитер, пока мы ожидали в приемной, я услышала таинственные голоса и узнала от них некоторые вещи.

— Это вы — миссис Франческа Спаниш? — терпеливо спросил Ранкитер. Он казался более обычного усталым.

— Я. Меня так всегда звали и будут звать. — В голосе миссис Спаниш звучала глубокая уверенность. — Могу я сообщить вам, что именно рассказали мне эти голоса?

— Может быть, позже? — предложил Ранкитер, берясь за документы очередного сотрудника.

— Но я должна это сказать, — настаивала миссис Спаниш.

— Ладно, — сказал Ранкитер. — Сделаем перерыв. — Открыв ящик своего стола, он достал таблетку амфетамина

и, не запивая, проглотил ее.— Расскажите, что же там такое вам сообщили эти голоса, миссис Спаниш.— Он глянул в сторону Джо и пожал плечами.

— Кто-то,— начала миссис Спаниш,— минуту назад перенес всех нас в сферу иного мира. Мы поселились в нем и жили там, как его жители, а потом с помощью какой-то огромной, всеобъемлющей духовной силы мы вернулись в наш собственный мир.

— Это сделала Пат Конли,— объяснил Джо.— Она с сегодняшнего дня работает в нашей фирме.

— Есть тут Тито Апостос?— спросил Ранкитер. Вытянув шею, он рассматривал людей, собравшихся у него в кабинете.

Лысый мужчина, указав на себя пальцем, затряс козлиной бородой. Одет он был в немодные обтягивающие бедра брюки из парчи золотистого цвета, однако выглядел вполне современно. Может быть, такое впечатление производили огромные, размером с яйцо, пуговицы на его зеленой кружевной рубашке или что-то еще, но в любом случае от него веяло великим самоуважением и необычайной выдержанностью. Джо ощутил, что этот человек произвел на него впечатление.

— Дон Денни,— прочитал Ранкитер.

— Здесь, сэр,— самоуверенным тоном сиамского кота отозвался худощавый, важно выглядящий мужчина, который сидел в кресле выпрямившись и положив руки на колени. Одежда его состояла из туники из искусственного волокна, кожаных ковбойских штанов, отделанных звездами из поддельного серебра и сандала. Длинные волосы его были перевязаны ленточкой.

— Вы — антивоскреситель,— сказал Ранкитер, заглянув в соответствующий документ.— Наш единственный специалист в этой области.— Он повернулся к Чипу.— Я сомневаюсь, будет ли он там нужен — может, нам следует заменить его на еще одного антителипата? Их наверняка потребуется намного больше.

— Мы должны быть готовы ко всему,— возразил Джо.— Мы же не знаем, с чем нам придется столкнуться.

— Ладно,— кивнул Ранкитер.— Порядок. Сэмми Мандо.

Молодой человек с крохотным носиком и маленькой, дынеобразной головой, наряженный в юбку-макси, поднял руку странным механическим движением, как будто — так показалось Джо — тело его жило отдельно от мозга. Джо знал этого человека. Мандо казался намного моложе, чем на самом деле: процесс его как умственного, так и физиче-

ского развития был давным-давно заторможен. С точки зрения интеллектуального развития он находился на уровне енота: умел ходить, есть, купаться и даже — в известном смысле — говорить. Однако его антителепатические способности были весьма солидными. Однажды он в одиночку осилил С. Доула Мелипона. Многотиражка фирмы много месяцев подряд расписывала это событие.

— Ну да,— сказал Ранкитер.— Теперь Венда Райт.

Джо воспользовался возможностью, чтобы внимательно присмотреться к девушке, которую, если бы это удалось, он охотно сделал бы своей женой или хотя бы любовницей. Казалось, что Венда Райт не состоит, как все другие люди, из плоти и крови. В ее присутствии Джо ощущал себя маленьким, толстеньким, потным и невоспитанным обжорой с бурчащим желудком и свистящим дыханием. Он начинал размышлять о механизмах, обеспечивающих его жизнедеятельность: насосы, трубки, клапаны, компрессоры, фильтры, с шумом выполняющие свою работу, заранее лишенную шансов на успех и обреченную на провал. Глядя на лицо Венды, он не мог избавиться от ощущения, что его собственное лицо — крикливая маска, а его тело — заводная игрушка, причем самая низкопробная. Казалось, что эта девушка вся выдержана в утонченных и словно бы нежно подсвеченных тонах. Глаза ее, напоминающие зеленые полированные драгоценные камни, взирали на все бесстрастно, и ему ни разу не удалось заметить в них ни страха, ни злости, ни волнения. Все, на что она смотрела, получало одобрение. Она производила впечатление существа невероятно спокойного и при этом сильного, уверенного и полного самообладания, способного противостоять усталости, изнеможению, болезням и немочи. Лет ей было каких-нибудь двадцать пять или двадцать шесть, но он не мог вообразить себе, что она когда-то выглядела моложе. Ему вообще казалось, что она никогда не постареет. Уж слишком хорошо она владела собой и окружающей ее действительностью, чтобы поддаться воздействию времени.

— Я здесь,— отозвалась Венда милым и спокойным голосом.

— О'кей,— кивнул Ранкитер.— Остался еще Фред Зафски.— Он присмотрелся к полному мужчине средних лет. Тот выглядел достаточно необычно: массивные ноги, гладко зачесанные на лоб волосы, несвежая кожа и причудливо выдающийся кадык. Ради командировки он вырядился в просторную тунику цвета сидалища павиана.— Это, наверное, вы?

— Вы правы,— подтвердил Зафски и захохотал.— Ну и что?

— О господи!— Ранкитер тряхнул головой.— Ну ладно, мы должны взять с собой хотя бы одного паракинетика, а вы как раз им и являетесь.— Он бросил документы на стол и задымил своей зеленой сигарой. Потом обратился к Джо: — Вот и вся группа, плюс ты да я. Хочешь внести какие-нибудь изменения?

— Меня состав устраивает,— сказал Джо.

— Ты считаешь, что это наиболее хорошо подобранный отряд инерциалов, какой только мы можем выставить?— Ранкитер изучающе посмотрел на Джо.

— Да,— сказал Чип.

Хотя он знал, что это ложь.

Он не мог определить это четко. Наверное, его уверенность не была основана на рациональных соображениях. Возможности одиннадцати инерциалов в создании антипси-поля действительно были колоссальными. Однако...

— Можете ли вы уделить мне минуточку внимания, мистер Чип?— Лысый и бородатый Тито Апостос в блестящих брюках взял Джо за плечо.— Я бы хотел рассказать вам об одном сновидении, которое пригрезилось мне прошлой ночью. Во время сна мне показалось, что я вступил в контакт с одним или двумя сотрудниками Холлиса. Это был телепат, сотрудничающий скорее всего с одним из работающих там же ясновидящих. Как вы думаете, не следует ли мне проинформировать об этом мистера Ранкитера? Может ли это иметь какое-то значение?

Джо Чип с сомнением покосился в сторону Глена, который восседал в своем драгоценном кресле и пытался заново раскурить гаванскую сигару. Щеки его запали, он выглядел до невозможности усталым.

— Нет,— сказал Джо.— Не стоит из-за этого волноваться.

— Дамы и господа.— Голос Ранкитера возвысился над царящим в кабинете гулом.— Мы отправляемся на Луну, то есть вы, одиннадцать инерциалов, Джо Чип и я собственной персоной. Кроме того, с нами полетит представительница заказчика — Зой Уирт. Итого — четырнадцать человек. Мы воспользуемся ракетопланом фирмы.— Он извлек из кармана старомодные часы и сверил время.— «Пратфолл II» стартует ровно в четыре с крыши главного здания.— Он закрыл крышку часов и спрятал их в карманчик своего шелкового шарфа.— Ну что ж, Джо,— заявил он.— Мы вместе беремся за это, пойдет ли нам это на пользу или во вред. Я бы хотел, чтобы мы назначили дежурного ясновидя-

щего, чтобы он определил будущее.— В голосе его явно проступала усталость, вызванная хлопотами, заботами, а также тяжелым бременем ответственности и возраста.

Мы предлагаем тебе бритье, которого ты еще ни разу не испытывал. Мы решили: пришло время немного приласкать мужское лицо. С появлением автоматической бритвы «Убик» с вечным лезвием из швейцарского хрома миновали дни отчаянных сражений со щетиной. Испробуй бритву «Убик» — и она доставит тебе истинное наслаждение. Внимание: использовать согласно инструкции. И осторожно.

6.

— Приветствую вас на Луне,— сказала веселым голосом Зой Уирт. Благодаря треугольным очкам в красной оправе ее крохотные глазки казались огромными.— Мистер Говард желает при моем посредничестве передать вам всем сердечные поздравления, а также выражает свою особую признательность мистеру Глену Ранкитеру, который так любезно предоставил нам возможность воспользоваться услугами его фирмы, а точнее, тех, кто присутствует здесь. Помещения отеля, скрытого под поверхностью, в котором мы находимся, декорированы дизайнером — сестрой мистера Говарда, Лэйд, и находятся на расстоянии менее трехсот ярдов от промышленных и исследовательских объектов, которые, как считает мистер Говард, подверглись инфильтрации. Ваше присутствие в этом помещении уже должно ограничить пси-способности агентов Холлиса, что несказанно радует всех нас.— Она замолчала и оглядела собравшихся.— Есть ли у вас вопросы?

Джо Чип, манипулирующий со своей аппаратурой, не обратил на нее внимания. Несмотря на возражения клиента, он собирался провести замеры окружающего его пси-поля. Такое решение они приняли совместно с Ранкитером по дороге с Земли.

— У меня вопрос,— отозвался Фред Зафски, подняв руку.— Где у вас тут ванная?

— Каждый из вас получит миниатюрную карту, на которой все будет обозначено,— ответила мисс Уирт. Она кивнула головой в направлении своей замухрышки ассистентки, и та принялась раздавать разноцветные планы, отпечатанные на блестящей бумаге.— В состав апартаментов входят кухня, всеми устройствами которой можно пользоваться бес-

платно, без расхода монет. Стоимость строительства этого жилого комплекса со всеми удобствами, способного вместить двадцать человек, была, разумеется, необычайно высокой. Он снабжен вентиляцией, системой тепло- и водоснабжения, гарантируется очень богатый выбор блюд, имеется автономная телевизионная система и высококачественный полифонический проигрыватель. Но, в отличие от остальных устройств, использование этих двух последних устройств требует денег. Чтобы облегчить вам использование этих механизмов, в зале игр помещены автоматы для размена банкнотов на мелочь.

— На моем плане обозначено только девять спален,— сообщил Эл Хэммонд.

— В каждой из спален размещается по две парящие кровати реактивного типа, так что общее их число достаточно для восемнадцати человек. Кроме того, пять из них — двуспальные, на случай, если некоторым из вас захочется спать вместе.

— Я отдал специальное распоряжение относительно сожительств сотрудников моей фирмы,— раздраженно заметил Ранкитер.

— Вы — за или против?

— Против.— Ранкитер смял свою карту и бросил ее на подогреваемый металлический пол.— И у меня нет привычки выслушивать чьи бы то ни было...

— Но ведь вам не придется тут долго находиться,— примирительно сказала мисс Уирт.— После того, как ваши сотрудники начнут свою деятельность, разве вы не вернетесь на Землю?— Она наградила его своей профессиональной искусственной улыбкой.

— У тебя уже есть какие-нибудь данные относительно напряженности поля?— спросил Ранкитер у Джо Чипа.

— Сперва я должен измерить анти-поле, создаваемое нашими инерциалами,— отозвался Джо.

— Ты мог бы сделать это и во время полета,— заявил Ранкитер.

— Вы пытаетесь провести какие-то измерения?— поинтересовалась мисс Уирт с беспокойством.— Как я уже говорила, мистер Говард этого не желает.

— И тем не менее мы установим уровень напряженности поля,— отрезал Ранкитер.

— Мистер Говард...

— В этих делах мы не нуждаемся в советах Стэнтона Мика,— сообщил Ранкитер.

— Позовите, пожалуйста, мистера Мика сюда,— обра-

тила мисс Уирт к своей неинтересной ассистентке. Та немедленно направилась в сторону лифтов.— Мистер Мик сам даст вам все объяснения. До этого времени я настоятельно прошу вас прекратить всякие измерения.

— Я определил наше поле,— сказал Джо Ранкитеру.— Оно весьма велико. Вероятно, из-за присутствия Пат. Почему они так настаивают, чтобы мы не проводили измерений? Наши инерциалы уже на месте и приступили к работе, так что дело не в недостатке времени.

— Есть тут какие-либо шкафы?— спросила Тилпи Джексон.— Я хотела бы где-нибудь разместить свой гардероб и распаковать багаж.

— В каждой спальне,— объяснила мисс Уирт,— имеется большой шкаф, функционирующий после опускания монеты. В качестве подарка я вручаю вам запас монет.— Она достала большой пластиковый пакет.— Не могли бы вы разделить их поровну между всеми?— обратилась она к Джону Илду, вручая ему колбаски с пяти-, десяти- и двадцатипятицентовиками.— Это жест доброй воли со стороны мистера Мика.

— Есть в блоке какая-нибудь парикмахерская или врач?— спросила Эдди Дорн.— Случается, что во время интенсивной работы я начинаю страдать психосоматическим раздражением кожи. Обычно мне помогает мазь с гидрокортизоном, но я в спешке забыла ее дома.

— В исследовательском центре, расположенном неподалеку от этого помещения,— ответила мисс Уирт,— круглосуточно дежурят врачи самого разного профиля. Кроме того, там расположена небольшая клиника с койками для больных.

— Они тоже функционируют только от монетки?— поинтересовался Сэмми Мандо.

— Медицинское обслуживание у нас бесплатное,— сообщила мисс Уирт.— Однако кандидат в пациенты сам должен доказать, что он болен. Автоматы, продающие лекарства, работают тоже от монетки. В салоне игр вы найдете автомат, продающий успокоительные средства. Если понадобится, мы доставим из соседних жилых блоков автоматы, торгующие стимуляторами.

— А как насчет галлюциногенов?— спросила Франческа Спаниш.— Я достигаю лучших результатов в работе, если использую психодиалептические препараты на основе спорыньи*. Под их воздействием я воочию вижу своего противника, и мне это сильно помогает.

* Наркотик на основе спорыньи, ЛСД.

— Наш шеф, мистер Мик, противник любых препаратов такого типа. Он считает, что они вредно действуют на кишечник. Если вы привезли с собой такие препараты — можете их использовать, но достать их здесь вам будет трудновато.

— С каких это пор, — обратился к Франческе Дон Денни, — тебе требуются психодиалептические препараты? Вся твоя жизнь и так галлюцинация наяву.

— Два дня назад у меня было потрясающее видение, — спокойно ответила Франческа.

— Этим меня не удивишь, — сказал Дон Денни.

— Передо мной по тонкой пеньковой лесенке на балкон спустилась группа ясновидящих и телепатов. Они проникли сквозь стену и объявились перед моей кроватью. Они разбудили меня своей болтовней, читали стихи и разную поэтическую прозу из старых книг. Мне это очень понравилось. Они показались мне такими... — с минуту она подыскивала подходящее слово, — такими остроумными. Один из них, которого звали Билл...

— Минуточку, — прервал ее Тито Апостос. — Я тоже видел такой же сон. — Он повернулся к Джо. — Помните, я говорил вам как раз перед отлетом с Земли. — Он нервно стиснул руки. — Помните?

— Мне это тоже снилось, — сказала Типпи Джексон. — Их звали Билл и Мэтт. Они сказали, что собираются меня прикончить.

— Ты должен был сообщить об этом мне, — сказал Ранкитер Джо Чипу. Лицо его внезапно потемнело, и непонятная гримаса исказила его черты.

— Но ты тогда... выглядел таким усталым, — начал Джо и тут же замолчал. — У тебя были другие заботы.

— Но это не было сном, — сказала резко Франческа Спаниш. — Это было настоящее видение, я-то уж умею их различать.

— Ну да, конечно же умеешь, Франческа, — сказал Дон Денни и подмигнул Джо.

— Я тоже видел сон, — сказал Джон Илд. — Но он касался автомобилей, двигавшихся на воздушной подушке. Я старался запечатлеть в памяти их номера, запомнил их шестьдесят пять штук и хоть сейчас готов их повторить. Хотите?

— Мне очень жаль, Глен, — сказал Джо Чип. — Я думал, что это привиделось лишь Апостосу, ведь о других я ничего не знал. Я...

Звук открывающейся двери прервал его. Он повернулся и посмотрел в сторону лифта.

Стэнтон Мик, низенький, плотный мужчина, шел в их сторону, быстро перебирая своими маленькими ножками. Он был одет в короткие цветастые брюки, розовые туфли из меха яка и куртку из змеиной кожи без рукавов. Длинные, до пояса, обесцвеченные волосы были перевязаны ленточкой.

«Его нос,— подумал Джо,— напоминает резиновую грушу клаксона тех такси, которые ездят по Нью-Дели — мягкий и легко сжимаемый. И шумный. Это самый шумный нос, какой только мне приходилось видеть».

— Здравствуйте, люди с антиспособностями,— выпалил Мик, разводя руки в жесте демонстративного приветствия.

Голос у него был пронзительного, скрипящего тона и напоминал голос кастрата. «Такой неприятный звук,— подумал Джо,— мог бы царить в улье, полном металлических пчел».

— И вот на милый мир, спокойный и безвредный мир Стэнтона Мика обрушилась чума в виде этих телепатов. Вы, очевидно, уже взялись за работу — я так и рассчитывал. Вы лучшие специалисты, этого никто не станет оспаривать, и я сам в восторге от того, что вы прибыли сюда. Мне не нравится только одно. Я вижу, что ваш электронщик что-то там мухлюет со своими причиндалами. Эй вы, вы не могли бы посмотреть в мою сторону, коль уж я к вам обращаюсь?

Джо выключил свои приборы и отсоединил питание.

— Не желаете ли теперь удостоить все-таки меня вниманием?— спросил его Стэнтон Мик.

— Извольте,— согласился Джо.

— Работай,— сказал Ранкитер.— Ты сотрудник моей фирмы и Мику не подчинен.

— Это не имеет значения. Я уже закончил замеры напряженности поля в этом районе. Мик опоздал.

— Ну, и как сильно их поле?

— Никакого поля нет,— ответил Джо.

— Мы нейтрализовали его? Наши инерциалы оказались сильнее?

— Нет,— сказал Джо.— Это означает, что в зоне действия моей аппаратуры вообще нет никакого источника пси-поля. Для проверки я замерил наше поле, так что мои приборы работают верно. Наши результаты просто превосходны. Мы создаем около 2000 единиц, причем временами напряженность достигает 2100 блр. Она наверняка будет еще расти, после того как они немного сработаются, и может дойти до...

— Не понимаю,— сказал Ранкитер. Все инерциалы

столпились возле Джо Чипа. Дон Денни взял в руки одну из регистрирующих лент и пригляделся к совершенно правильной прямой линии записи. Потом он показал ленту Типпи Джексон и всем остальным. Все молча уставились на Ранкитера.

Ранкитер повернулся к Стэнтону Мику и сказал:

— С чего это вам пришло в голову, что ваши люди подверглись инфильтрации? И почему вы возражали против проведения замеров? Вы что, знали, какой получится результат?

— Он наверняка знал, — с непоколебимой уверенностью заявил Джо Чип.

На лице Ранкитера внезапно появилось выражение энергичной воодушевленности. Он хотел было что-то сказать Мику, но потом вдруг повернулся к Джо и негромко сказал:

— Мы немедленно возвращаемся на Землю. Все до единого. — Он повысил голос, чтобы его слышали остальные. — Забирайте свои вещи, возвращаемся в Нью-Йорк. Все должны быть на корабле в течение пятнадцати минут. Те, кто не успеет, останутся тут. Джо, собери свое барахло, я помогу тебе донести его до корабля, один ты не справишься. — Он снова повернулся к Мику и яростно стал что-то ему говорить.

Внезапно Стэнтон Мик, комично взмахнув руками, всплыл под самый потолок и оттуда заговорил своим голосом металлического насекомого:

— Мистер Ранкитер, не позволяйте эмоциям возобладать над рассудком. Наше дело требует уравновешенности, а не поспешности. Успокойте своих людей, и я все им объясню... — Его цветастая фигура раскачивалась и выполняла круговые парящие движения. Теперь в сторону Ранкитера была направлена не голова, а ноги.

— Я слышал о чем-то похожем, — сказал Глен, обращаясь к Джо. — Это самодетонирующая бомба в человекоподобном оформлении. Быстро выводите людей, ее только что перевели на самостоятельное действие — поэтому она и всплыла под потолок.

В этот момент бомба взорвалась.

Стены треснули, комнату заполнили облака зловонного дыма. У ног Джо лежала какая-то фигура.

— Мистер Чип, Ранкитера убили! — заорал ему на ухо Дон Денни, заикаясь от потрясения. — Это мистер Ранкитер!

— Еще кто? — хриплым голосом спросил Джо, пытаясь восстановить дыхание — легкие его были забиты едким

дымом, голова гудела от взрыва. Он почувствовал, что по шее течет что-то теплое. Один из осколков достался и ему.

— Мне кажется, что все остальные живы,— сказала Венда Райт.— Но есть раненные.

— Нельзя ли вызвать кого-нибудь из оживителей Холлиса?— спросила Эдди Дорн, склоняясь над телом Ранкитера.

— Нет,— ответил Джо, тоже наклоняясь.— Ты не прав,— сказал он, обращаясь к Дону Денни.— Он еще жив.

Да, Глен Ранкитер еще был жив, но уже умирал. «Через две-три минуты слова Денни станут правдой»,— подумал Джо.

— Слушайте меня,— сказал Джо Чип.— Поскольку мистер Ранкитер ранен, я беру руководство на себя. По крайней мере, до момента нашего возвращения в Нью-Йорк.

— При условии,— вставил Хэммонд,— что нам вообще удастся туда вернуться.— Он прижимал к глубокой ране у правого глаза носовой платок.

— У кого из вас есть при себе оружие?— спросил Джо. Инерциалы беспомощно зашевелились.— Я знаю, что это противоречит уставу Объединения, но некоторые все-таки носят его. Сейчас не время чтить букву закона. Забудьте все, что вам говорили про инерциалов, имеющих во время работы при себе оружие.

— У меня есть в багаже пистолет,— сказала Типпи Джексон.— Это в соседней комнате.

— А у меня пистолет с собой,— отозвался Тито Апостос, сжимая в руке старинный револьвер со свинцовыми пулями.

— У кого есть оружие в соседней комнате, принесите сюда,— распорядился Джо.

Шесть инерциалов направились к двери.

— Надо поместить тело Глена в холодильник,— сказал Джо Элу Хэммонду и Венде Райт.

— Холодильник есть на корабле,— напомнил Хэммонд.

— Снесем его туда. Эл, берись с одной стороны, я возьму с другой. Апостос, идите впереди и стреляйте в любого из людей Холлиса, кто попытается нас задержать.

— Вы полагаете, что это подстроил Холлис вместе с Миком?— спросил Джон Илд, который уже вернулся в комнату и стоял с лазерным карабином в руке.

— Вместе с ним, а может, и один,— ответил Джо.— Не исключено, что Мик тут вообще ни при чем, а все это организовано Холлисом.

«Поразительно,— думал он,— что взрыв не убил нас

всех. Интересно, что стало с Зой Уирт? Похоже, что она ушла раньше, чем произошел взрыв,— с тех пор я ее не видел. Какова была ее реакция, узнай она о том, что работает вовсе не у Мика, а ее работодатель, подлинный работодатель, пригласил нас всех сюда, чтобы убить? Вероятно, они и ее вынуждены будут прикончить, для гарантии. Им ведь не нужны свидетели происшедшего, тем более что она, ясное дело, пользы им уже не принесет».

Остальные тоже вернулись с оружием и теперь ждали, пока Джо не отдаст им какие-нибудь распоряжения. Если учесть ситуацию, в которой они оказались, все они довольно хорошо владели собой.

— Если нам удастся быстро поместить Ранкитера в холодильник,— говорил Джо Хэммонду, неся явно умирающего шефа к лифту,— он сможет и дальше руководить фирмой — так же, как это делает его жена.

Локтем Джо надавил кнопку вызова.

— Мало шансов,— добавил он,— что лифт появится. В момент взрыва наверняка был отключен ток.

Однако лифт спустился, и они поспешно внесли Ранкитера внутрь.

— Трое с оружием с нами, остальные...

— Чепуха!— сказал Сэмми Мандо.— Мы не намерены торчать здесь и ждать возвращения лифта. Он может никогда больше не приехать.— Лицо его было искажено страхом. Он сделал шаг вперед.

— Ранкитер — в первую очередь,— твердо сказал Джо. Он нажал кнопку, и двери сомкнулись, оставляя внутри его, Хэммонда, Тито Апостоса, Дона Денни, Венду Райт и раненого Ранкитера.— Мы вынуждены так поступить,— сказал Джо, когда лифт пошел вверх.— Впрочем, если люди Холлиса ждут нас там, мы первые попадем к ним в лапы. Однако они наверняка не подозревают, что мы вооружены...

— Этот устав...— начал Дон Денни.

— Посмотри, жив ли еще Глен,— попросил Джо Тито Апостоса, который осматривал тело.

— Еще дышит, но слабо,— ответил тот немного погодя.— Шансы еще есть.

— Хорошо,— сказал Джо.

С момента взрыва он все еще испытывал некое оцепенение, как психическое, так и физическое. Кроме того, ему казалось, что у него повреждены барабанные перепонки.

«Если мы сможем вернуться на корабль,— думал он,— то поместим Ранкитера в холодильное отделение и по ра-

дио свяжемся с конторой в Нью-Йорке. Или же прямо запросим помощи у всех профилактических организаций. Если нам не удастся стартовать, они прилетят сюда и заберут нас».

Однако в действительности все было много сложнее. Прежде чем кто-нибудь из представителей Объединения добрался бы до Луны, все они, находясь они в корабле, лифте или подземном зале, были бы уже мертвы. Так что шансов на спасение было мало.

— Вы могли бы впустить в лифт больше народу.— Тито Апостос испепелял Джо осуждающим взглядом.— Здесь можно было бы разместить всех женщин.— Его руки тряслись от волнения.

— Нападение угрожает нам больше, чем им,— сказал Джо.— Холлис рассчитывает, что те, кто уцелел после взрыва, непременно воспользуются лифтом, что мы, собственно, и делаем. Поэтому он и не отключил ток. Он знает, что мы попытаемся вернуться на корабль.

— Ты уже говорил об этом,— сказала Венда Райт.

— Я пытаюсь объяснить вам логику моих действий,— ответил он.— То, что остальных я оставил там, внизу.

— А способности этой девушки?— спросила Венда.— Этой насупленной молодой особы, которая ведет себя таким легкомысленным образом, Пат Конли? Ты бы мог попросить ее вернуться во времени в момент перед ранением Ранкитера? Могла бы она это изменить? Или ты забыл о ее таланте?

— Да,— коротко ответил Джо. У него и в самом деле все это вылетело из головы во время этой бессмысленной паники.

— Вернемся вниз,— предложил Тито.— Ты же сам говоришь, что люди Холлиса будут ждать нас на поверхности и что это более опасно, чем...

— Мы уже на поверхности,— сказал Дон Денни.

Лифт остановился. Бледный и напряженный, Денни облизывал губы, следя за открывающимися дверьми.

Перед ними был эскалатор, ведущий в холл, в конце которого за рядом воздушных шлюзов можно было различить силуэт их корабля, застывшего в вертикальном положении. На пути к кораблю никого не было.

«Странно,— подумал Джо.— Может быть, они уверены, что взрыв уничтожил всех? Или они допустили ошибку в планировании акции — сначала этот взрыв, потом лифт, оставленный под током, теперь вот этот пустой коридор...»

— Я думаю,— сказал Джо Дону Денни, который вместе с Хэммондом нес тело Ранкитера к эскалатору,— что их

успеху помешал подъем бомбы под потолок. Вероятно, это был снаряд осколочного типа и большинство осколков врезалось в стены над нашими головами. Они не предполагали, что кто-то может уцелеть — поэтому не отключили ток и не блокировали выход.

— Что ж, возблагодарим Господа за это, — сказала Венда Райт. — Боже, как тут холодно! Наверное, взрыв повредил отопительную систему. — Ее трясло.

Эскалатор нес их вперед поразительно медленно. Джо показалось, что прошло не менее пяти минут, пока они доехали до двойных дверей воздушного шлюза. Этот темп показался ему наихудшим из всего того, что они пережили сегодня.

— Подождите! — прокричал кто-то сзади, и раздался шум шагов. Тито Апостос повернулся и поднял револьвер, но потом снова опустил его.

— Это остальные наши люди! — сказал Дон Денни, обращаясь к Джо, который уже не мог обернуться. Они вместе с Хэммондом пытались проделать хитроумные маневры, необходимые, чтобы пронести тело Ранкитера через воздушный шлюз. — Никто не отстал, все в порядке. — Он махнул в их направлении рукой с пистолетом. — Идите сюда.

Корабль был все еще соединен с холлом туннелем из синтетического материала. Слушая тупой звук, который производили при ходьбе его башмаки, Джо размышлял, что еще задумал противник. «Они решили позволить нам улететь? Или же ждут нас на корабле? Похоже, что с нами играет какая-то зловещая сила, позволяющая нам бежать и надеяться, как кошка — ошалевшей мыши. Она забавляется и смеется над нашими потугами, потому что стоит нам дойти до определенной точки — ловушка сомкнется и сожмет наши обезображенные останки».

— Денни, — распорядился он. — Войди первый и осмотри корабль. Может быть, они ждут нас на борту.

— А если они там? — спросил Денни.

— Тогда возвращайся, — едко сказал Джо, — и позови нас. Мы капитулируем. Чтобы им легче было перебить нас поодиночке.

— Попроси эту Пат, или как там ее зовут, чтобы она воспользовалась своими способностями, — настойчивым голосом вмешалась Венда Райт. — Я прошу тебя, Джо.

— Лучше давайте попробуем пробраться на корабль, — сказал Тито Апостос. — Мне эта девушка и ее способности не нравятся.

— Ты просто не понимаешь, на чем основан ее та-

лант,— возразил Джо, не спуская глаз с худого Дона Денни, который пробежал остаток пути и, с минуту поманипулировав с входным автоматом люка, исчез внутри корабля.— Он не вернется,— сказал он тяжело дыша. Ему казалось, что Глен стал тяжелее, он с трудом удерживал его.— Давай положим Глена здесь,— сказал Джо Хэммонду.

Они опустили Ранкитера на пол туннеля.

— Он слишком тяжел для пожилого человека,— распрямляясь, сказал Джо.— Я поговорю с Пат,— сказал он Венде.

К ним присоединились остальные члены группы. Теперь они представляли собой плотную группу.

— Это поражение,— сказал Джо.— А мы еще рассчитывали на этом заработать. Никогда ничего не известно заранее. На этот раз Холлис основательно подготовился.— Он жестом подозвал к себе Пат. Ее лицо было черным от копоти, рубашка разодрана. Сквозь дыры была видна эластичная лента, которой она, согласно требованиям моды, массировала грудь. Лента была расписана лилиями династии Бурбонов. Непонятно почему, но Джо надолго запомнил эту не имеющую значения деталь.

— Послушай,— обратился он к девушке, положив ей руку на плечо и глядя в глаза, но она спокойно выдержала его взгляд.— Ты можешь сместиться во времени? В момент перед взрывом? Исправь его так, чтобы Ранкитер был жив.

— Слишком поздно,— сказала Пат.

— Почему?

— Из-за того, что прошло слишком много времени. Нужно было сделать это сразу же.

— Так почему ты не сделала этого еще тогда?— враждебно спросила Венда Райт.

Пат посмотрела в ее сторону.

— А ты об этом подумала? Если да, то почему не сказала? Никто не сказал мне ни слова. Вы все были заняты собой.

— Значит, ты не чувствуешь ответственности за смерть Глена?— спросила Венда.— Хотя и могла ее предотвратить?

Пат рассмеялась.

— Корабль пуст!— прокричал Дон Денни, появляясь в проеме люка.

— Отлично.— Джо кивнул Хэммонду.— Понесли его в холодильник.

Они подняли неудачное, тяжелое тело и двинулись в направлении ракетоплана. Инерциалы суетились вокруг них, стремясь как можно скорее окзаться в безопасном месте.

Джо чуть ли не нутром ощущал исходящий от них поток

страха, который создавал вокруг него — и всех — специфическую атмосферу. Появившаяся возможность безопасного отлета, вместо того чтобы успокоить их, вызвала депрессию. Настороженное смирение, овладевшее всеми сначала, теперь улетучилось, уступив место животному страху.

— Где ключ? — писклявым голосом сказал Джон Илд прямо в ухо Джо, когда они с Элом Хэммондом с натугой тащили тело в холодильник. Он схватил Джо за плечо. — Ключ, мистер Чип!

— Дай ему ключ от пульта управления, — сказал Хэммонд. — Он должен быть у Глена, тот всегда носил его при себе. Надо обыскать его.

Осмотрев многочисленные карманы костюма Ранкитера, Джо нашел кожаный чехольчик с ключами и протянул его Илду.

— Мы когда-нибудь донесем его до холодильника или нет? — раздраженно спросил он. — Давай дальше! Эл, помоги мне.

«Уже поздно, — подумал он. — Мы не успеем».

С воем заработали двигатели ускоряющих ракет. Корабль задрожал. У пульта управления четверо инерциалов дружно, но не очень умело пытались запрограммировать навигационный компьютер.

— Почему они позволили нам улететь? — задал вопрос Джо, когда они с Хэммондом закрепили тело Ранкитера в вертикальном положении. Блеск от освещенных кристаллов льда слепил глаза. — Я не могу понять.

— Они ошиблись, — сказал Хэммонд. — У них не было плана на случай, если бомба подведет. Вроде как у тех, кто готовил покушение на Гитлера. Когда те удостоверились, что бомба взорвалась в бункере, они решили, что все в порядке...

— Пошли отсюда, — прервал его Джо, — пока мы не замерзли насмерть. — Он подтолкнул Хэммонда к выходу и вышел вслед за ним. Оказавшись снаружи, они вместе завернули штурвал, запирающий двери холодильной камеры.

«Ну и холод! — подумал Джо. — Трудно вообразить, что эта стихия поддерживает человека в состоянии полужизни».

Они направились в носовую часть корабля. Им навстречу шла Франческа Спаниш. Ее длинные волосы были подпалены.

— Холодильник имеет систему связи? — спросила она. — Мы можем сразу посоветоваться с мистером Ранкитером?

— Нет, — сказал Джо. — У нас нет ни наушников, ни микрофона, ни усилителя протофазонов. Даже состояния

полужизни еще нет. Все это не раньше, чем мы доставим его в мораторий на Земле.

— А как мы сможем убедиться, что доставили его в холодильник своевременно?— спросил Дон Денни.

— Никак,— ответил Джо.

— Возможно, что его мозг уже подвергся стойким изменениям.— Сэмми Мандо состроил гримасу и захохотал.

— Это верно,— согласился Джо.— Быть может, мы уже никогда не услышим его голоса. Не исключено, что руководить фирмой придется нам самим, опираясь на советы Эллы. Может быть, вообще придется перенести наш директорат в Мораторий Возлюбленных Собратьев.

Джо уселся в одно из кресел и стал наблюдать за суетой четырех инерциалов, переругивающихся насчет наилучшего способа управления кораблем. Всем телом он ощущал нудную, тупую боль, являющуюся следствием перенесенного потрясения. Он механически достал смятую сигарету и закурил.

Пересохшая сигарета рассыпалась у него в руках.

«Странно»,— подумал он.

— Это от температуры,— сказал Эл Хэммонд, заметив его недоумение.— Перегрелась при взрыве бомбы.

— А мы не постарели из-за этого?— спросила Венда, сядя рядом с Джо.— Я чувствую себя старой. Я стала старой сегодня. Твои сигареты состарились от сегодняшних событий. Этот день мы запомним надолго.

Корабль оторвался от поверхности Луны, волоча за собой ненужный теперь переходный туннель из искусственного материала.

Освежи ставшую матовой поверхность кухонной посуды и приборов новым чудодейственным препаратом «Убик» — легким в использовании, дающим стойкий блеск соединениям на пластиковой основе. «Убик» абсолютно безвреден при использовании согласно инструкции. Он избавит тебя от беспрестанного мытья посуды, и тебе больше не придется без конца крутиться на кухне!

7.

— Мне кажется,— заявил Джо Чип,— будет лучше, если мы приземлимся прямо в Цюрихе.

Он взял в руки микроволновый аудиофон, входящий в состав разнообразного шикарного оборудования, установ-

ленного в ракетоплане Ранкитера, и набрал индекс направления на Швейцарию.

— Если мы поместим его в тот мораторий, где содержится Элла, то сможем одновременно контактировать с обоими. Можно даже соединить их прозлектронными связями, — сказал Джо, — чтобы они могли совместно принимать решение.

— Протофазонными, — поправил его Денни.

— Кто-нибудь знает, как зовут директора Моратория Возлюбленных Собратьев? — спросил Джо.

— Герберт Что-То-Там, — сказала Типпи Джексон. — Какая-то немецкая фамилия.

— Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, — сообщила Венда Райт после минутных размышлений. — Я запомнила его фамилию, так как мистер Ранкитер как-то сказал мне, что она означает: Герберт — чудо птичьего пения. Я помню, что еще тогда подумала, что тоже хотела бы так зваться.

— Выйди за него замуж, — посоветовал Тито Апостос.

— Я собираюсь выйти за Джо Чипа, — заявила вдруг Венда задумчивым голосом, напоминающим интонаций серьезного ребенка.

— Вот как? — Глаза Пат Конли неожиданно блеснули. — У тебя на самом деле такие планы?

— А ты можешь это изменить при помощи твоего таланта? — спросила Венда.

— Я живу с Джо. Он мой любовник. У нас договор, согласно которому я покрываю его расходы. Сегодня утром я заплатила за двери, чтобы он выбрался наружу. Если бы не я, он бы до сих пор сидел в своей квартире.

— И нам бы не пришлось отправляться на Луну, — сказал Хэммонд, пристально глядя на Пат. Эл выглядел расстроенным.

— Сегодня, может, и нет, — сказала Типпи Джексон. — Но все равно пришлось бы, так что какая разница? Так или иначе, я думаю, Джо было бы приятно иметь любовницу, которая платила бы его дверям.

Она толкнула Джо локтем в бок. Лицо ее разругалось от неожиданного для Джо выражения любезного изумления, словно ей доставляло удовольствие такое участие в его личной жизни. Миссис Джексон производила впечатление человека не от мира сего, но под этой маской скрывалось болезненное сексуальное любопытство.

— Найдите мне универсальную телефонную книгу ко-
рабля, — попросил Джо. — Надо сообщить в мораторий о

нашем прибытии.— Он посмотрел на часы.— Осталось десять минут полета.

— Вот она, мистер Чип,— сказал Джон Илд после недолгих поисков.

Он протянул Джо тяжелую прямоугольную шкатулку с наборным устройством и буквенной клавиатурой.

Джо отстучал: «Швейц», потом — «Цюр» и наконец — «Мор Возл Собр».

— Словно по-древнееврейски,— удивилась Пат из-за его спины.— Какие-то семантические символы.

Наборное устройство двигалось из стороны в сторону, отбирая нужные элементы и опуская посторонние. Наконец аппарат выбросил из себя карту, которую Джо вставил в прорезь на видеофоне.

— Возвращаю введенную информацию,— металлическим голосом сообщил видеофон, и перфокарта выскочила обратно.— Номер, указанный на карте, устарел. Если вам нужна помощь, опустите красный бланк в...

— Какого года эта телефонная книга?— спросил Чип у Джона Илда, который взял ее, чтобы поставить на полку.

— 1990, двухлетней давности,— ответил Илд, посмотрев на клеймо на дне шкатулки.

— Это невозможно. Два года назад корабля еще не существовало. Здесь все оборудование новос.

— Может, Ранкитер ввел какие-то небольшие изменения?— предположил Апостос.

— С чего бы это!— выкрикнула Эдди.— Когда корабль строили, он не жалел ни сил, ни денег, ни новейших приспособлений. Все знают — этот космолет был его гордостью.

— Вот именно, был радостью и гордостью,— подчеркнула Франческа Спаниш.

— С этим я согласен,— сказал Джо.

Он всунул красную карту в щель на корпусе видеофона и сказал:

— Прошу сообщить нынешний номер Моратория Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, Швейцария.

Он повернулся к Франческе.

— Этот корабль еще остается радостью и гордостью Глена Ранкитера, поскольку он еще жив.

Красная карта вылетела из видеофона с отпечатанными знаками. Джо опустил ее в считывающее устройство. На этот раз видеофон сработал: на экране появилось бледное и лицемерное лицо излишне любопытного человека. Джо с неприязнью узнал его.

— Меня зовут Герберт Шенгейт фон Фогельсанг. Вы

хотите обратиться ко мне со своей печалью, сэр? Милости-во прошу сообщить мне свое имя и адрес на тот случай, если нас по ошибке разъединят.

Хозяин моратория производил впечатление человека абсолютно невозмутимого.

— Произошел несчастный случай,— объяснил Джо.

— То, что мы считаем случайностью,— возразил фон Фогельсанг,— есть лишь проявление воли Господней. В некотором смысле и жизнь можно назвать случайностью. И однако...

— Я не собираюсь заниматься теологическими дискуссиями,— заявил Джо.— По крайней мере, не сейчас.

— И тем не менее в такую минуту, более чем когда-либо, утешение, которое приносит религия, дает наибольшее облегчение. Умерший был вашим родственником?

— Моим начальником,— ответил Джо.— Это Глен Ранкитер, президент «Корпорации Ранкитера» из Нью-Йорка. Его жена — Элла — уже содержится у вас. Через восемь—десять минут мы совершим посадку. Не могли бы вы при-слать один из ваших грузовиков-рефрижераторов?

— А сейчас он пребывает в холодильнике?

— Нет. В настоящее время он загорает на пляже «Там-па» во Флориде.

— По вашему тону я понял, что вы ответили утвер-дительно.

— Ваша машина должна встречать нас в космопорту.— И Джо отключился.

«Теперь придется работать при посредничестве такого типа»,— подумал он.

— Мы доберемся до Холлиса,— сказал он собравшимся инерциалам.

— Это как? Пригласим его занять место Глена?— спро-сил Сэмми Мандо.

— Отыщем его, а потом прикончим,— сказал Джо.— За все, что он сделал...

«Глен,— думал он.— Замороженный, помещенный в прозрачный пластиковый саркофаг, разукрашенный пласти-ковыми цветочками и оживляемый раз в месяц на один час. Источающийся, слабнувший, слышимый все с большим тру-дом. Боже, почему из всех людей на свете это выпало имен-но ему? Ведь в нем было столько жизни и столько энергии!»

— Все-таки он будет рядом с Эллой,— сказала Венда.

— В определенном смысле,— согласился Джо.— Наде-юсь, что мы дотащили его до холодильника не слишком поздно... Не люблю я моратории и их владельцев. Я не

выношу этого Герберта Шенгейта фон Фогельсанга. Почему Глену так нравились швейцарские моратории? Чем его не устраивал тот, который находится в Нью-Йорке?

— Моратории — швейцарское изобретение, — сказала Эдди Дорн. — Согласно статистическим исследованиям, проведенным нейтральными фирмами, там длительность полужизни на два часа больше, чем в любом другом месте.

— ООН должна запретить содержание людей в состоянии полужизни, — сказал Джо. — Это нарушает природный цикл рождений и смертей.

— Если бы Господь Бог был сторонником полужизни, — саркастически заметил Эд Хэммонд, — мы все рождались бы сразу в гробу. Вместе с сухим льдом.

— Мы входим в зону радиовидимости посадочной системы цюрихского космопорта, — сказал Дон Денни, сидящий за пультом управления корабля. — Она доведет нас автоматически.

С хмурым выражением он подошел к остальным.

— Хватит ныть, Денни, — сказала Эдди Дорн. — Я скажу тебе прямо: нам всем повезло. Мы могли бы уже давно быть мертвыми — от взрыва или потом, от лазерных ружей людей Холлиса. Когда мы приземлимся, тебе станет легче. Там мы будем практически в полной безопасности.

— Уже сам факт, что нужно было отправляться на Луну, — проговорил задумчиво Джо, — должен был вызвать у Глена подозрения. Законы этой планетки слишком скользкие, и он всегда предупреждал, чтобы мы относились с недоверием к клиентам, предлагающим работу за пределами Земли. Причем особую осторожность он советовал соблюдать в отношении клиентов с Луны. Слишком много профилактических фирм обожглось на таких контрактах.

«Если он в моратории вернется к жизни, — подумал Джо, — то первое, что он скажет, будет примерно следующее: «Я всегда с подозрением относился ко всем этим делам, связанным с Луной». Но его осторожности оказалось недостаточно, чтобы уберечься самому. Слишком лакомым куском был этот контракт, и он не смог отказаться. Его поймали именно так, как он и предсказывал».

Загрохотали тормозные двигатели, приведенные в действие наводящей системой цюрихского космопорта. Ракетоплан завибрировал.

— Джо, — заговорил Тито Апостос, — тебе придется сообщить Элле о том, что случилось с Ранкитером.

— Да, — согласился Джо. — С момента нашего отлета с Луны я размышляю о том, как это лучше сделать.

Корабль ощутимо сбросил скорость и, управляемый автопилотом, пошел на посадку.

— Кроме того,— сообщил Джо,— я проинформирую о случившемся Объединение. Они непременно закатят нам скандал — сразу заявят, что мы сами сунули голову в петлю.

— Но ведь Объединение хорошо к нам относится,— сказал Сэмми Мандо.

— После такого с нами вообще не будут считаться.

На краю посадочной площадки в Цюрихе их ждал геликоптер с питанием от солнечных батарей. На боку его виднелась надпись «Мораторий Возлюбленных Собратьев». Рядом с ним стояла личность, напоминающая жука и одетая по европейской моде: твидовая тога, удобные спортивные мокасины, алый шарф и пурпурная шапочка в форме самолетного винта. Как только Джо спустился по трапу ракетоплана на ровную поверхность посадочного поля, к нему подбежал владелец моратория, протягивая обтянутую перчаткой руку.

— По вашему виду я могу сказать, что ваш путь не был устлан розами,— сказал фон Фогельсанг, обменявшись с Джо коротким рукопожатием.— Могут мои люди подняться на борт?

— Да,— ответил Джо.— Поднимайтесь и заберите его.

Сунув руки в карманы, сгорбившись, он потащился в сторону кафе космопорта.

«Теперь снова пойдет обычная жизнь,— думал Джо.— Мы вернулись на Землю, Холлису опять не удалось нас прикончить — везет же нам. Все эти кошмары: ловушка на Луне, бомбы, взрывы — все позади. Началась новая фаза, на ход которой мы уже не можем оказать влияния».

— Прошу пять центов,— сказали двери кафе, не желая открываться.

Джо подождал, пока мимо него не пройдет выходящая из кафе пара, потом ловко проскочил мимо них в открытую дверь. Он прошел к столику и сел, опершись руками о его крышку.

— Кофе,— листая меню, сказал он.

— Со сливками или с сахаром?— спросил динамик, соединенный с башенкой управления, в которой располагался компьютер заведения.

— Со сливками и с сахаром.

Из небольшого окошка выдвинулась чашечка кофе, два пакетика с сахаром и сосуд со сливками в форме пробирки. Все это остановилось перед носом Джо.

— С вас один международный посткред,— сказал динамик.

— Запишите его на счет Глена Ранкитера, директора «Корпорации Ранкитера», Нью-Йорк.

— Тогда прошу вас опустить соответствующую кредитную карточку,— потребовал автомат.

— Мне уже пять лет не позволяют пользоваться кредитными карточками. Я все еще оплачиваю взятое в кредит в...

— С вас один посткред,— рывкнул динамик. Из него раздалось зловещее тиканье.— Через десять секунд я вызову полицию.

Джо неохотно бросил монету — тиканье стихло.

— Нам не нужны такие клиенты, как вы,— заявил динамик.

— Когда-нибудь,— с яростью сказал Джо,— такие люди, как я, восстанут и повывергивают вам все провода. Это будет концом эры гомеостатических устройств. Вернутся времена, когда цениться будут человеческие качества, сердечность и сочувствие. И когда-нибудь, когда человек будет нуждаться в чашке кофе в трудную минуту, чтобы подкрепить свои силы, он получит кофе безотносительно к тому, есть ли у него этот самый проклятый посткред или нет.

Джо взял в руку крохотный сосудик со сливками, но тут же снова положил его на стол.

— Эти ваши сливки, или молоко, или что там вы мне подсунули, скисли.

Динамик молчал.

— Ну, вы собираетесь что-нибудь сделать?— спросил Джо.— Когда дело шло о деньгах, вы были разговорчивее.

Платные двери кафе открылись, и вошел Эл Хэммонд. Он подошел к Джо и сказал:

— Работники моратория уже перенесли Глена в свой вертолет. Они спрашивают, не полетите ли вы с ними.

— Посмотри-ка на эти сливки,— сказал Джо, поднимая сосуд вверх. Жидкость уже оставила на стенках налет в виде твердых крупинок.— Вот что ты получаешь в этом заведении за один посткред! И это в одном из наиболее развитых технологических городов мира! Я не двинусь с места, пока это заведение не вернет мне мои деньги или не заменит эту дрянь.

Эл Хэммонд внимательно присмотрелся к Джо.

— Что с тобой происходит?

— Сперва мои сигареты,— начал перечислять Чип.— Потом устаревшая на два года телефонная книга на кораб-

ле, теперь вот эти сливки недельной давности. Я не понимаю, что происходит, Эл.

— Ну так выпей кофе без сливок,— посоветовал Хэммонд.— И пойдем к ним, надо же когда-нибудь довести Ранкитера до моратория. Остальные будут на корабле ждать нашего возвращения.

Джо поднял чашку и заметил, что кофе холодный, загустевший и к тому же несвежий. Поверхность чашки подернулась слоем пористой плесени. Он с отвращением отодвинул чашку.

«Что происходит?— подумал он.— Что это со мной творится?» Его растерянность перешла в странный, необъяснимый, липкий страх.

— Да идем же, Джо.— Эл сильно сжал его плечо.— Забудь о кофе, это в данный момент не главное. Сейчас важно доставить Ранкитера в мораторий.

— Знаешь, кто дал мне этот посткред?— спросил у него Джо.— Пат Конли. И я сразу же сделал с ним то, что обычно делаю с деньгами,— потратил на дерьмо. На заваренную в прошлом году чашку кофе.— Под нажимом руки Хэммонда он сдвинулся с места.— Может, ты съездил бы со мной в этот мораторий? Мне потребуется поддержка, особенно при разговоре с Эллой. Что мне ей сказать? Свалить вину на Глена? Сказать, что это он предложил нам отправиться на Луну? Хотя, в общем-то, это так и было... А может, сказать ей, что корабль попал в аварию и он умер от естественных причин?

— Через некоторое время его подключат к ней,— ответил Хэммонд.— И он расскажет ей правду. Так что и ты можешь говорить, как все было на самом деле.

Они вышли из кафе и направились в сторону геликоптера, являющегося собственностью Моратория Возлюбленных Собратьев.

— Может, подождать, пока Глен сам ей все расскажет?— предложил Джо, поднимаясь на борт геликоптера.— Это он решил, что мы должны ехать на Луну, пусть сам и расхлебывает. Тем более что он знает, как с ней надо разговаривать.

— Вы готовы?— спросил фон Фогельсанг, сидящий на месте пилота.— Можем ли мы начать траурное путешествие к месту вечного упокоения мистера Глена Ранкитера?

Джо простонал и отвернулся к окну, сосредоточив все свое внимание на здании космопорта.

— Полетели,— сказал Эл.

Когда они были в воздухе, фон Фогельсанг нажал одну

из клавиш. Из многочисленных динамиков, размещенных в кабине, поплыли звучные аккорды «MISSA SOLEMPIS» Бетховена.

— Ты знаешь, что Тосканини, дирижируя оркестром, имел привычку подпевать исполнителям?— спросил Джо.— Его можно слышать в записи «Травиаты».

— Нет, я не слышал,— ответил Эл. Он смотрел на проплывающие под ними жилые блоки Цюриха. Джо заметил, что и сам он тоже присматривается к этому движению.

— LIBEGA ME, DOMIRE,— сказал он.

— Что это значит?

— Это значит: «Смилуйся надо мной, Господи». Ты что, не знал? По-моему, это всем известно.

— С чего это тебе пришло в голову?

— Из-за музыки. Чертова музыка! Выключите динамики, прошу вас,— обратился он к Фогельсангу.— Ранкитер все равно не слышит. Слышу только я, а я ее слушать не хочу. С тебя ведь тоже достаточно, правда?— спросил он Хэммонда.

— Успокойся, Джо,— сказал Эл.

— Мы возьмем нашего шефа в заведение, именуемое Мораторием Возлюбленных Собратьев; а ты мне толкуешь про спокойствие. Знаешь, Ранкитеру вовсе не нужно было ехать с нами на Луну. Он мог бы просто послать нас, а сам остаться в Нью-Йорке. Но он поехал, и вот теперь человек, который лучше всех нас умел пользоваться такой штукой, как жизнь, стал...

— Ваш темнокожий приятель дал вам хороший совет,— вмешался фон Фогельсанг.

— Это какой же?

— Чтобы вы успокоились.— Он открыл крышечку на пульте управления геликоптера и вручил Джо разноцветную пастилку.— Прошу вас, угощайтесь, мистер Чип.

— Жевательная резинка с успокаивающим действием,— задумчиво прочел Джо на обертке.— Со вкусом абрикоса. Пожевать мне ее?— спросил он у Хэммонда.

— Обязательно,— сказал Эл.

— А вот Глен в подобной ситуации никогда не прибегнул бы к успокаивающим средствам. Он вообще никогда не пользовался транквилизаторами. Знаешь, Эл, я сейчас понял, что он пожертвовал жизнью ради нас.

— Да,— ответил Хэммонд.— Мы приехали.

Геликоптер начал снижаться к посадочной площадке, обозначенной на крыше здания.

— Как ты думаешь, тебе удастся взять себя в руки?

— Да, когда я услышу голос Ранкитера,— сказал Джо.— Я должен удостовериться, что в нем еще сохранилась какая-нибудь искра жизни или полужизни.

— Не беспокойтесь, мистер Чип,— добродушно сказал владелец моратория.— Обычно мы получаем вполне удовлетворительный поток протофазонов. По крайней мере, поначалу. Только потом, когда срок полужизни истекает, наступает печальная минута. Но при разумном планировании общения этот момент можно отсрочить на много лет.

Он включил открывание дверей и заглушил двигатель вертолета.

— Приветствую вас в Моратории Возлюбленных Собратьев,— торжественно произнес фон Фогельсанг, пропуская их вперед, к выходу на крышу.— Мой секретарь, мисс Бисон, проводит вас в гостиную. Там вы сможете подождать, а цвета стен позволят вам вернуть ощущение покоя. Они очень хорошо действуют на подсознание. Как только с мистером Ранкитером установят контакт, я доставлю его вам.

— Я бы хотел присутствовать на всей процедуре,— сказал Джо.— Я хочу видеть, как его станут оживлять.

— Может быть, вы попытаетесь объяснить вашему другу...— обратился фон Фогельсанг к Элу Хэммонду.

— Нам придется подождать в гостиной,— твердо произнес Хэммонд.

— Ты ведешь себя как дядюшка Том,— ответил Чип, бросив на него яростный взгляд.

— Все моратории работают таким образом,— заметил Эл.— Пошли в гостиную.

— Сколько нам ждать?— спросил Джо у владельца моратория.

— Мы будем точно знать ситуацию через пятнадцать минут. Если через это время не удастся поймать четкий сигнал...

— Вы намерены ловить его сигналы только пятнадцать минут?— спросил Джо и повернулся к Хэммонду: — Они собираются потратить всего пятнадцать минут на оживление человека, который лучше нас всех, вместе взятых...— Ему хотелось разрыдаться.— Пойдем, Эл,— выдавил Джо.— Пойдем...

— Это ты иди за мной,— ответил ему Хэммонд.— Пошли в гостиную.

Джо поплелся за ним.

— Хочешь сигарету?— спросил Эл, усадив его на диван, обтянутый искусственной кожей, и протянул пачку.

— Они истлели, — сказал Джо. Ему не требовалось проверять это. Он просто был уверен.

— Да, действительно. Как ты узнал? — спросил его Эл, пряча пачку в карман. С минуту он ждал ответа. — Ты впадаешь в отчаяние легче любого другого из знакомых мне людей. Нам просто повезло, что мы остались живы. Мы все тоже могли бы сейчас лежать в холодильниках, а Ранкитер сидел бы в этой размалеванной дурацкими цветами комнате.

Он покосился на часы.

— Все сигареты в мире истлели, — проговорил Джо. Он посмотрел на свои часы: прошло десять минут. В его мозгу, как серебристые рыбки, плыли печальные мысли. Потом вместо них пришел страх. — Если бы Ранкитер был жив и сидел в этой комнате, все было бы в порядке. Непонятно только, почему я в этом так уверен.

Джо попытался представить себе, что в данный момент техники делают с телом Ранкитера.

— Ты помнишь, кто такие дантисты? — обратился он к Хэммонду.

— Да, я знаю, чем они занимались.

— Раньше у людей портились зубы.

— Я знаю, — ответил Эл.

— Отец мне рассказывал, как он переживал, сидя в приемной у дантиста. Каждый раз, когда открывалась дверь, он думал: ну, вот сейчас... Он всю жизнь этого боялся.

— Именно это ты сейчас и чувствуешь? — спросил его Эл.

— Сейчас я думаю: почему этот болван директор никак не вернется и не скажет нам наконец, жив Глен или мертв. Одно из двух. Да или нет.

— Ответ почти всегда положителен. Как говорит Фогельсанг, согласно статистике...

— На этот раз ответ будет отрицательным.

— Откуда тебе знать?

— Я тут прикидываю, есть ли у Рэя Холлиса отделение в Цюрихе.

— Конечно. Но пока он пришлет сюда ясновидящего, мы и так все узнаем.

— Позвоню-ка я все-таки ясновидящему, — решил Джо.

Он поднялся, соображая, где здесь может быть видеофон.

— Дай мне двадцать пять центов, — попросил он Хэммонда.

Тот отрицательно покачал головой.

— В некотором смысле ты — мой подчиненный. Стало быть, ты должен делать то, что я скажу, иначе тебя уво-

лят. После смерти Ранкитера управление фирмой лежит на мне, я руковожу ею с момента взрыва бомбы. Это мое решение доставить его сюда, так что мне решать, надо звонить ясновидящему или нет. С тебя четвертак,— закончил он, протягивая руку.

— Подумать только! «Корпорацией Ранкитера» управляет человек, у которого в кармане нет и пятидесяти центов. На, держи.— Эл отыскал в кармане монету и протянул ее Джо.— Приплюсуй эту сумму к моей ближайшей зарплате.

Джо вышел из гостиной и поплелся по коридору, задумчиво потирая лоб.

«Все-таки это какое-то неестественное место,— думал он.— Оно расположено на полпути от жизни к смерти. Теперь я на самом деле шеф «Корпорации Ранкитера», если не считать Эллы. Но ее нет в живых, и ее голос можно принимать в расчет только тогда, когда я сам приду разбудить ее. Я знаю подробности завещания Глена, которое гласит, что я должен управлять фирмой в случае его гибели до тех пор, пока он сам или Элла не укажут, кто должен занять пост Глена. Они оба должны выразить согласие — это отмечено в обоих завещаниях как необходимое условие. И не исключено, что они придут к выводу, что мне следует оставаться в этой должности всегда.

До этого не дойдет,— оборвал он сам себя.— Человек, неспособный привести в порядок собственные финансовые дела, не может занимать такого поста. Ясновидящий должен знать и это. И от него я сейчас узнаю, стану ли я на какое-то время директором фирмы или нет. Хорошо бы иметь в этом вопросе какую-нибудь определенность. Тем более что звонить ясновидящему мне все равно придется».

— Где здесь у вас видеофон общего пользования?— спросил Джо у одетого в мундир работника моратория.

Тот указал ему направление, и Джо двинулся дальше, пока не отыскал автомат.

Джо поднял трубку и опустил полученную от Эла монету.

— Я извиняюсь, сэр,— сообщило устройство,— но я не могу принимать деньги, вышедшие из обращения.

Монета выскочила из отверстия в корпусе видеофона и упала у ног Джо.

— В чем дело?— спросил Чип, неловко нагибаясь, чтобы поднять монету.— С каких это пор четвертаки Североамериканской Федерации вышли из обращения?

— Мне очень жаль, сэр, но это не двадцатипятицентовик Североамериканской Федерации, а старая монета Сое-

диненных Штатов Америки, отштампованная в Филадельфии. Сейчас она обладает ценностью только как нумизматическая редкость.

Джо присмотрелся к монете. На ее потемневшей поверхности виднелся профиль Джорджа Вашингтона. Согласно выбитой на ней дате, ей было больше сорока лет. Она действительно давно вышла из обращения. Видеофон был прав.

— У вас какие-то трудности, сэр, — вежливо обратился к нему работник моратория, подходя поближе. — Можно мне взглянуть на эту монету? Я видел, что автомат выбросил ее.

Он протянул руку, и Джо подал ему злополучный двадцатипятицентовик.

— Я могу предложить вам за него современную монету достоинством в десять швейцарских франков, которой вы можете заплатить за разговор.

— Договорились, — сказал Джо.

Совершив обмен, он опустил монету в прорезь автомата и набрал номер местного отделения фирмы Холлиса.

— Фирма «Таланты Холлиса», — отозвался приятный женский голос.

На экране появилось лицо молоденькой девушки, несколько измененное новейшими косметическими средствами.

— А, это вы, мистер Чип, — сказала она, узнав его. — Мистер Холлис сообщил нам, что вы должны позвонить. Мы ждали вашего звонка с полудня.

«Ясновидящие», — подумал Джо.

— Мистер Холлис, — продолжала девушка, — поручил нам соединить его с вами. Он хочет лично заняться вашим делом. Не могли бы вы минуточку подождать? Я уже соединяю. Немного подождите, и, если Господь позволит, вы услышите голос мистера Холлиса.

Лицо ее исчезло с экрана. Затем экран стал скучно серым, но через мгновение на нем появилось солидное голубоватое лицо с глубоко посаженными глазами. Лицо у Холлиса было таинственное, шеи и остальной части тела видно не было.

У Рэя Холлиса были глаза с каким-то дефектом — они отражали свет неравномерно по разным направлениям.

— Привет, Чип.

«Так вот значит как он выглядит», — подумал Джо.

Фотографии не передавали полного сходства: не было заметно неровностей поверхности его лица. Казалось, что вся конструкция его тела ударилась о землю, деформировалась, а затем была соединена заново, но так и не приобрела первоначального вида.

— Объединение получит полный отчет об этом убийстве, — заявил Джо. — У них выше крыши способных адвокатов. Остаток жизни вы проведете в тюрьме. — Но напрасно Джо ожидал реакции хозяина этого необычного лица. — Мы знаем, что это ваши делишки, — прибавил Джо, понимая бессмысленность и бездоказательность своих слов.

— Если вы хотите вести переговоры со мной по существу дела, с которым решили обратиться в нашу фирму, — сказал Холлис голосом, напоминающим шорох переползающих друг через друга змей, — то мистер Ранкитер не будет с вами разговаривать.

Дрожащей рукой Джо повесил трубку.

Он совершил обратный путь по тому же самому коридору и вновь оказался в гостиной. Там по-прежнему сидел печальный Эл Хэммонд и крошил на мелкие кусочки нечто, некогда бывшее сигаретой.

— Ответ будет отрицательным, — сказал Джо Чип.

— Тут недавно был Фогельсанг, он спрашивал тебя, — сообщил Эл. — Держался он как-то странно, видимо, у них там что-то не так. Ставлю восемь против шести, что он побоится сказать прямо и будет выкручиваться, прежде чем сообщит то, что ты и так уже знаешь. И что теперь?

— Теперь мы прикончим Холлиса.

— Нам это не удастся.

— Объединение... — начал Джо и замолчал. В гостиную проскользнул владелец моратория. Было видно, что он сильно взволнован, хотя изо всех сил пытался произвести видимость мужественного человека, встречающего свою судьбу спокойно и равнодушно.

— Мы сделали все, что могли. При таких низких температурах течение токов осуществляется практически без помех: ниже ста пятидесяти по Цельсию не наблюдается никакого сопротивления. Мы должны были получить сильный и четкий сигнал — но усилитель выдал только помеху частотой 60 герц. Однако, прошу принять во внимание, что мы не могли следить за режимом работы холодильной установки, в которой мистер Ранкитер пребывал до этого.

— Мы понимаем, — сказал Эл и тяжело поднялся. — Вроде бы все? — спросил он у Джо.

— Я хочу поговорить с Эллой, — сказал Джо.

— Сейчас? — спросил Эл. — Лучше подожди, прикинь, как лучше сказать. Сейчас тебе лучше поехать домой и поспать хоть немного. Побеседуешь с Эллой завтра.

— Ехать домой — значит ехать к Пат Конли, — сказал Джо. — Сейчас у меня нет сил разговаривать с ней.

— Ну такними комнату в отеле здесь, в Цюрихе,— сказал Эл.— А я вернусь на корабль, расскажу все нашим и подготовлю сообщение для Объединения, ты можешь письменно уполномочить меня на это.

Он повернулся к Фогельсангу:

— У вас не найдется ручки и бумаги?

— Знаешь, с кем бы я сейчас охотно поговорил?— сказал Джо, когда владелец моратория удалился за письменными принадлежностями.— С Вендой Райт. Она наверняка знает, как нам следует поступить. Я всегда считался с ее мнением, хотя мне самому интересно, почему. Ведь я почти ее не знаю...

Он заметил, что гостиную наполнила тихая, нежная мелодия.

«Реквием» Верди,— понял он. Наверное, фон Фогельсанг, появляясь в девять часов на работе, собственноручно включал музыку.

— Когда ты снимешь комнату,— сказал Эл,— мне, скорее всего, удастся уговорить Венду, чтобы она тебя навестила.

— Нет, это будет неприлично,— возразил Джо.

— Что?— не понял Эл. Он с изумлением уставился на Джо.— В такую минуту? Когда от всей нашей организации не останется и следа, если ты не соберешь их всех вместе? Все, что поможет тебе нормально работать, является вещью желательной и даже необходимой. Иди, договорись по видеофону с отелем, потом скажешь мне, где ты решил остановиться, и...

— Все наши деньги ничего не стоят,— сказал Джо.— Я могу воспользоваться видеофоном, если только отыщу нумизмата.

— Боже мой!— вздохнул Эл, покачав головой.

— Это что, я виноват?— злобно спросил Джо.— Это я, что ли, сделал твой четвертак устаревшим?

— Каким-то странным образом,— сказал Эл,— но сделал это именно ты. Я не знаю, в чем тут дело. Может, когда-нибудь мы в этом разберемся. Ладно, пошли на корабль. Заберешь оттуда свою Венду и отправишься в отель.

— А чем я заплачу за отель? Они так же, как этот видеофон, не примут наших денег.

Эл выругался, достал бумажник и стал разглядывать монеты.

— Старые, но еще имеют хождение.— Он принялся рассматривать монеты, которые извлек из кармана.— Эти уже бесполезны.

Он швырнул монеты на ковер, покрывающий пол в гостиной, как будто они были в чем-то вымазаны.

— Возьми эти деньги,— сказал Эл и вручил Джо пачку банкнотов.— Этого должно хватить на ночь в отеле, а также на завтрак и немного выпивки для вас обоих. Утром я вызову корабль из Нью-Йорка, он вас заберет.

— Я верну тебе долг,— пообещал Джо.— Как исполняющий обязанности директора «Корпорации Ранкитера» я буду получать более высокий оклад. Так что я смогу, наконец, расплатиться со всеми долгами, налоговой задолженностью, штрафами и пени, которые финансовый отдел...

— Без помощи Пат Конли?

— Теперь я смогу от нее отвязаться,— подтвердил Джо.

— Я в этом не уверен,— сказал Хэммонд.

— Теперь я смогу начать новую жизнь. Я буду руководить фирмой.

«И наверняка не допущу ошибки Глена. Никогда замаскированный под Стэнтона Мика Холлис не убьет меня, так как никто не сумеет выманить нас за пределы Земли»,— подумал он про себя.

— Мне кажется,— сказал Эл,— что в тебе живет жажда поражения. И никакая перемена обстоятельств, даже теперешняя, не изменит ситуации.

— Однако я всегда испытывал жажду выигрыша,— возразил Джо.— И Глен знал это — именно поэтому он отметил в завещании, что если умрет, то власть будет передана мне. Причем выбор моратория также оставался за мной.

Его вера в себя необычайно поднялась. Он стал четко видеть имеющиеся у него возможности, как будто сам стал ясновидящим. Но тут же ему вспомнились способности Пат — он припомнил, что она может сделать с ясновидящим или любым другим человеком, пытающимся угадать будущее.

— Ты не можешь избавиться от нее,— сказал Эл, словно читая мысли по лицу Джо.— С ее-то способностями...

— Я сниму комнату в отеле «Роотес»,— решил Джо.

«Эл прав,— думал он.— Ничего у меня не получится. Вмешается Пат — или еще кто похуже — и меня уничтожат. Я заранее обречен на заклятие».

В его растревоженном и усталом сознании неожиданно возник образ птицы, запутавшейся в сети. Это был образ, чем-то связанный с изменением хода времени. За ним пришел страх.

«Пророчество...— думал Джо.— Монеты, вышедшие из обращения, отвергаемые даже видеофоном. Похожие на те, которые я видел в музеях. Что же все-таки происходит?»

Но он не имел ни малейшего понятия об этом.

У тебя материальные затруднения? Посети девушку из кредитно-сберегательной кассы «Убик». Это избавит тебя от забот.

Скажем, тебе необходима облагаемая процентами ссуда в 59 посткредов. Значит, в сумме...

8.

В элегантный номер отеля проникали солнечные лучи, вырисовывая перед закрытыми глазами Джо Чипа смутные очертания предметов и мебели, находящихся в комнате. Тяжелые портьеры из псевдобархата с оттиснутыми сценами, представляющими всю историю человечества: от одноклеточных организмов докембрия и до того момента, когда в начале XX века состоялся полет первой машины тяжелее воздуха. Великолепный комод, имитация красного дерева, четыре хромированных кресла с регулируемыми подлокотниками...

Заспанный Джо с удивлением оглядывал меблировку номера. Он чувствовал сильнейшее разочарование — Венда так и не пришла. Хотя, может быть, она не могла войти — стучалась, а он не слышал?

Так или иначе, но добыча исчезла, прежде чем он успел ухватить ее.

Ощущая пронзающую тело ломоту — последствия вчерашнего дня, он сполз с огромного ложа, отыскал одежду и натянул ее на себя. Он почувствовал, что в комнате царит страшный холод, и какое-то время пытался сообразить, почему. Потом он поднял трубку и набрал номер ресторана.

— ...отплатить ему, если только это окажется возможным, — говорил голос в трубке. — Прежде всего необходимо установить, принимал ли участие в этом Стэнтон Мик, или же его причастность просто сфабрикована. Если это так, то нужно выяснить, почему именно Мик. Если же дело обстояло иначе, то каким именно образом...

Голос тянулся монотонно, словно его обладатель обращался не к Джо, а к самому себе. Могло показаться, что говорящий не отдает себе отчета в том, что у него есть аудитория.

— Из наших предыдущих докладов вытекает, — продолжал голос, — что обычно Мик действует безупречно и не нарушает ни юридических, ни этических норм, принятых в обществе. В свете этого...

Джо отложил трубку и попытался собраться с мыслями. Сомнений не было.

Это был голос Глена Ранкитера.

Он снова снял трубку и стал слушать.

— ...процесс, вызванный Миком, который привык к спорам такого рода и может их себе позволить. Вне всякого сомнения, необходимо проконсультироваться с нашим юридическим отделом прежде, чем подавать Объединению официальный рапорт. Если он будет обнародован, то это может принять характер клеветы и послужить причиной для судебного иска, и нам придется отвечать за ложное обвинение в покушении на свободу личности, если...

— Ранкитер! — громко сказал Джо.

— ...в состоянии доказать хотя бы...

Джо положил трубку.

— Ничего не понимаю, — произнес он вслух и пошел в ванную.

Там он ополоснул лицо холодной водой, причесался гигиенической расческой, которой отель бесплатно снабжал каждого постояльца. После недолгих раздумий он распечатал гигиеническую бритву, бесплатную и одноразового использования, намазал подбородок и щеки бесплатным гигиеническим кремом для бритья, потом вскрыл бесплатную гигиеническую кружку и напился.

«Может быть, мораторию все-таки удалось привести его в состояние полужизни, — подумал он. — И они подключили его к моему телефону. Он, наверное, сначала хотел поговорить со мной. Но тогда почему он не слышит меня? Почему связь только односторонняя? Или это просто какая-то техническая накладка?»

Джо еще раз подошел к телефону и снял трубку, намереваясь позвонить в Мораторий Возлюбленных Собратьев.

— ...не может быть лучшим кандидатом на пост директора фирмы в связи с его сложными жизненными обстоятельствами, особенно, если принять во внимание...

«Мне отсюда не позвонить, — понял Джо. — Мне даже заказать разговор не удастся».

В углу послышался звук сигнала, а потом бренчащий голос:

— Я ваша домашняя газетная машина, бесплатно устанавливаемая только в известнейшей сети отелей «Роотес» на всей Земле и колонизированных территориях. Прошу вас просто нажать одну из клавиш, соответствующую роду интересующих вас сообщений, и через несколько секунд вы получите новейшую, содержащую самые свежие сведения газету, соответствующую вашим индивидуальным вкусам. Позвольте мне напомнить, что это не потребует с вашей стороны никаких расходов.

— О'кей,— сказал Джо, подходя к машине. «Может, новость об убийстве Ранкитера уже разошлась?— подумал он.— Средства массовой информации постоянно следят за поступающими в мораторий телами».

Он нажал клавишу с надписью «Наиважнейшие межпланетные новости». Из машины начал выползать бумажный лист. Как только он весь оказался снаружи, Джо взял его в руки.

В газете не было ни слова о смерти Ранкитера. «Может, еще рано?— подумал Джо.— Или Объединению выгодно сохранить инцидент в тайне? А может быть, Эл сунул хозяину моратория в лапу? Хотя нет, все деньги Эла сейчас были у него, так что ему просто не удалось бы дать кому-нибудь взятку».

Послышался стук в дверь.

Джо отложил газетный лист и осторожно подошел к двери. «Наверное, Пат,— подумал он.— Хотя, теоретически, это может быть даже Венда,— предположил он.— Или кто-нибудь прилетел из Нью-Йорка, чтобы забрать меня. Или это посланный Холлисом убийца? Может, они решили убирать всех по очереди?»

Джо распахнул дверь.

На пороге стоял, потирая свои пухлые ладошки, Герберт Шенгейт фон Фогельсанг.

— Я этого не понимаю, мистер Чип,— пробормотал он.— Мы трудились всю ночь, но не обнаружили даже искорки жизни. Но, когда мы воспользовались электроэнцефалографом, то зарегистрировали явную, хотя и несколько слабую работу мозга. Может быть, мы имеем дело с какой-то новой формой загробной жизни? Мы уже поместили датчики на всех участках коры мозга. Не знаю, можем ли мы сделать что-либо большее, сэр.

— Аппаратура регистрирует метаболизм мозга?

— Да. Мы вызвали эксперта из другого моратория, и он подтвердил правильность наших замеров. Метаболизм протекает совершенно обычным образом, как и обычно после смерти.

— Как вы узнали, где меня найти?— спросил Джо.

— Я позвонил в Нью-Йорк, мистеру Хэммонду. Я пробова́л звонить вам в отель, но ваш номер постоянно занят.

— Видеофон испорчен. Я тоже не могу никуда дозвониться.

— Мистер Хэммонд пытался связаться с вами, но тоже безрезультатно. Он просил передать вам кое-что. Речь идет о деле, которое вы должны выполнить до отлета в Нью-Йорк.

— Я должен поговорить с Эллой?— спросил Джо.

— Да, вы должны проинформировать ее о смерти мужа.

— Не могли бы вы одолжить мне несколько посткредов, чтобы я мог позавтракать?— спросил Джо.

— Мистер Хэммонд предупреждал меня, что вы попытаетесь занять у меня денег, и сказал, что снабдил вас достаточной суммой для оплаты номера, завтрака и выпивки, а также...

— Он не рассчитывал, что номер будет стоить дороже. Мне не удалось получить апартаменты поменьше размером. Вы можете приплюсовать эту сумму к счету, который вы ежемесячно представляете нашей фирме. Как, наверное, сообщил вам Эл, в настоящее время я исполняю обязанности директора «Корпорации Ранкитера». Вы видите перед собой конструктивно мыслящего, твердого человека, который упорно поднимался вверх по служебной лестнице, пока не достиг вершины. Я могу — и вы это знаете — изменить политику нашей фирмы в отношении мораториев, услугами которых мы намерены пользоваться. Мы можем помещать людей и поближе к нашей штаб-квартире, в Нью-Йорке.

Фон Фогельсанг неохотно полез в глубь своей твидовой тоги и достал бумажник из синтетической крокодиловой кожи.

— Мы живем в безжалостном мире,— сообщил Джо, принимая деньги.— Человек человеку волк — таков основной принцип нашего мира.

— Мистер Хэммонд просил также передать вам, что корабль прибудет в Цюрих примерно через два часа.

— Порядок,— сказал Джо.

— Чтобы предоставить вам достаточно времени для беседы с миссис Ранкитер, мистер Хэммонд обговорил со мной, что корабль заберет вас прямо из моратория. В связи с этим я могу сразу доставить вас туда. Геликоптер ждет на крыше.

— Это что, Хэммонд так решил? Что я должен вернуться в мораторий вместе с вами?

— Да,— кивнул головой фон Фогельсанг.

— Высокий, сутулый негр, примерно лет тридцати? А не было ли у него на передних зубах золотых коронок с декоративными мотивами, изображающими, слева направо, черви, трети, бубны?..

— Это был тот самый, который прилетел с вами из космопорта. Что был с вами в моратории.

— На нем были зеленые войлочные туфли, серые спор-

тивные брюки, рубашка из барсучьей кожи с вырезом на животе и носки из синтетического лакированного материала?

— Я не видел, во что он был одет. Я видел на экране только его лицо.

— Я уверен, что Эл использовал какой-то отличительный знак, чтобы вы были уверены, что это он.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Чип,— раздраженно сказал владелец моратория.— Человек, который звонил мне из Нью-Йорка, был тот самый, с которым вы приезжали вчера в мой мораторий.

— Я не могу рисковать,— заявил Джо,— отправляясь с вами или пользуясь вашим вертолетом. Может, вас послал ко мне Холлис? Ведь это он убил Ранкитера.

Глаза Фогельсанга стали похожи на стеклянные пуговицы. Он спросил:

— Вы уведомили об этом руководство Объединения?

— Мы сделаем это позже. Всему свое время. Мы должны соблюдать осторожность, иначе Холлис перебьет нас по одному. Он уже попытался сделать это на Луне.

— Вам необходима охрана,— решил Фогельсанг.— Позвоните в полицию, и они выделяют человека, который позаботится о вашей безопасности до момента отлета. А как только вы прибудете в Нью-Йорк...

— Мой видеофон неисправен, я уже вам говорил. Я слышу в нем только голос Глена Ранкитера. Именно поэтому мне никто не может позвонить.

— В самом деле? Это неслыханно,— удивился владелец моратория.

Он обошел Джо и направился к аппарату.

— Можно послушать?— Он поднял трубку и вопросительно посмотрел на Джо.

— Один посткред,— сообщил Чип.

Фогельсанг сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть монет. Раздраженно покачав своей шапкой в форме самолетного винта, он подошел к Джо и протянул ему три из них.

— Я беру у вас ровно столько, сколько стоит здесь чашка кофе,— сказал Джо.

Он неожиданно почувствовал, что давным-давно не ел и что должен встретиться с Эллой натошак. Вместо еды ему придется принять амфетамин. Уж этим, вероятно, отель снабдит его бесплатно.

— Я ничего не слышу,— объявил фон Фогельсанг, держа трубку около уха.— Нет даже сигнала. Только помехи, причем как будто идущие с большого расстояния.

Он протянул трубку Джо, тот взял ее и приложил к уху. Теперь он тоже слышал только далекие помехи. «Как будто с расстояния в несколько тысяч миль»,— подумал он. Это было не менее удивительно, чем голос Ранкитера. Если, конечно, это был его голос.

— Я верну вам ваши деньги,— пообещал Джо, вешая трубку.

— Мелочи,— сказал Фогельсанг.

— Но ведь вы не слышали голоса.

— Давайте вернемся в мораторий, так советовал вам Хэммонд.

— Эл Хэммонд сотрудник фирмы, он подчиняется мне. Я полагаю, мне следует вернуться в Нью-Йорк до разговора с Эллой Ранкитер. Я считаю, что составление рапорта Объединению является более важным делом, чем беседа с ней. Не сообщил ли вам Хэммонд, покинули инерциалы Цюрих или нет?

— Да, все улетели, кроме девушки, которая провела с вами ночь в этом отеле.— Удивленный хозяин моратория обшарил комнату взглядом, прикидывая, где она может находиться.— А разве ее здесь нет?

— Что это была за девушка?— Джо охватили самые мрачные предчувствия.

— Мистер Хэммонд не сообщил мне, он считал, что вы в курсе дела. В данных обстоятельствах упоминание ее имени было бы по меньшей мере нетактичным. А разве она...

— Но ко мне никто не приходил.

«Кто же это мог быть?— думал Джо.— Пат Конли? Или Венда?» Он начал ходить по комнате, стараясь справиться с охватившей его паникой. «Боже,— думал он,— хоть бы это была Пат».

— В шкафу,— сказал фон Фогельсанг.

— Что?— Джо остановился.

— Может быть, следует посмотреть в шкафу, в этих апартаментах огромные шкафы.

Джо надавил кнопку, и пружинный механизм распахнул дверцы.

На полу лежало нечто сжавшееся, состоящее из рассыпающихся остатков того, что некогда было тканью. Создавалось впечатление, что то, что скрывал под собой материал, усохло в течение долгого времени до таких маленьких размеров. Тело было иссушено до предела, почти мумифицировано. Наклонившись, Джо перевернул его. Оно весило не больше нескольких фунтов. От его прикосновения скрюченные конечности распрямились с сухим шелестом, напо-

минающим звуки сминаемой бумаги. Казалось, что волосы у этой фигурки неимоверно длинные, они прикрывали ее лицо как черное, клубящееся облако. Джо стоял, согнувшись, не имея смелости посмотреть, кто это.

— Старые останки,— проговорил фон Фогельсанг сдавленным голосом.— Они полностью обезвожены, словно пролежали тут целое столетие. Я спущусь вниз и сообщу директору отеля.

— Невозможно, чтобы это была взрослая женщина.— Джо казалось, что это трупик ребенка.— Это наверняка не Пат и не Венда,— сказал он, распрямляясь и сбрасывая с лица фигурки волосы.— Такое ощущение, как будто ее сунули в печь для обжига кирпича.

«Может, это из-за взрыва,— подумал он.— Термическая волна после взрыва специальной бомбы».

Он молча смотрел на маленькое сморщенное личико, потемневшее от температуры. И уже знал, кто это. Он узнал ее, хотя и с трудом.

Это была Венда Райт.

«Она пришла ко мне ночью,— догадался он.— Она пришла ко мне в комнату, и неожиданно для нее самой в ней или вокруг нее стал происходить какой-то процесс. Она почувствовала, что что-то не так, и тихонько спряталась в шкафу, чтобы я ничего не видел. Так прошли ее последние часы,— хотя он надеялся, что минуты,— однако она не издала ни звука, чтобы не разбудить меня. А может быть, она и пыталась разбудить, но это ей не удалось или не хватило сил. Может быть, именно после неудачной попытки разбудить меня она и спряталась в шкафу? Господи, надеюсь, это не длилось долго».

— Вы ничего уже не сможете сделать с ней в своем моратории?— спросил Джо у Фогельсанга.

— Слишком поздно. При столь полном распаде в ней наверняка не осталось даже искры полужизни. Это та самая девушка?

— Да,— кивнул Джо.

— Будет лучше, если вы как можно скорее покинете отель. Ради вашей же собственной безопасности. Иначе Холлис — а это ведь Холлис, да?— сделает с вами то же самое.

— Мои сигареты,— произнес Джо,— превратились в труху. Телефонная книга на борту корабля оказалась двухлетней давности. Скисшие сливки и остывший, плесневелый кофе. Устаревшие деньги. Везде один и тот же фактор:

время. Она еще на Луне сказала: «Я чувствую себя такой старой».

Джо погрузился в раздумья, стараясь справиться со страхом, порой переходящим в изумление. «Но этот голос по телефону, голос Глена,— думал он,— что бы это могло значить?»

Во всем этом он не видел никакой логической связи. Отсутствовал какой бы то ни было смысл. Голос Ранкитера не вязался ни с какой гипотезой, которую он мог бы быстро выдвинуть.

— Излучение,— сказал Фогельсанг.— Наверное, она какое-то время была в зоне сильного радиоактивного излучения.

— Мне кажется, она умерла от последствий того взрыва на Луне,— сказал Джо.— Того, что убил Ранкитера.

«Частицы кобальта,— думал он.— На ней осела горячая пыль, и она дышала ею. Но тогда и на всех нас есть такая же пыль и всех нас ждет та же смерть, и сделать уже ничего не удастся, нам даже в голову не пришло, что взрыв может вызвать цепную реакцию».

— Ничего странного, что Холлис позволил нам улететь. И все-таки...

Это объяснило бы смерть Венды и высыхание сигарет. Но телефонная книга, кофе, сливки и монеты по-прежнему не укладывались в гипотезу.

И непонятно, откуда же взялся в трубке видеофона голос Ранкитера. Монолог, который прекратился, как только трубку снял фон Фогельсанг. «Он замолчал, как только его попытался слушать кто-то, кроме меня»,— понял Джо.

— Мне надо вернуться в Нью-Йорк,— твердо заявил он.— Надо встретиться со всеми, кто присутствовал при взрыве бомбы. Мы должны обдумать все это. Вероятно, это единственный способ разобраться в этом деле, прежде чем все мы умрем по одному — так же, как и Венда, или еще худшим способом. Если, конечно, может быть что-то худшее. Попросите администрацию отеля, чтобы они прислали мне пластиковый пакет,— обратился Джо к владельцу моратория.— Я заберу останки с собой в Нью-Йорк.

— А разве это не дело полиции? Такое ужасное убийство — надо сообщить им об этом.

— Позаботьтесь о пакете,— отрезал Джо.

— Ладно. В конце концов, это ваше дело. Она ваша сотрудница.— Хозяин моратория исчез в коридоре.

— Она была ею когда-то,— сказал вслед ему Джо.— Но это время прошло.

«Как же так получилось,— думал он,— что она оказалась первой? Хотя, может быть, это и к лучшему».

— Мы едем с тобой домой,— сказал он ей.— Едем вместе. Хотя и не в том качестве, как он рассчитывал.

Оставшиеся инерциалы сидели вокруг массивного стола совещаний.

— Джо должен вернуться с минуты на минуту,— прервал общее молчание Хэммонд.

Он посмотрел на часы, чтобы удостовериться. Ему казалось, что часы остановились.

— Я предлагаю,— сказала Пат,— чтобы мы пока посмотрели полуденную хронику по телевизору. Может быть, Холлис уже сообщил репортерам о смерти Ранкитера.

— В домашней газете об этом сегодня ничего не было,— сказала Эдди Дорн.

— «Теледневник» сообщает более свежие новости,— возразила Пат.

Она кинула Элу монету в пятьдесят центов, с помощью которой можно было задействовать телевизор. Этот цветной телеприемник был объектом забот Глена.

— Хотите, я попаду ею отсюда в щель аппарата?— спросил Сэмми Мандо.

— Давай,— сказал Эл. Он кинул монету Сэмми, и тот, поймав ее в воздухе, метко швырнул в сторону телевизора.

Уолтер У. Уоллес, адвокат и юрист-консультант Ранкитера, нетерпеливо шевельнулся в своем кресле. Его аристократические руки с тонкими жилками теребили застёжки папки.

— Вам не следовало оставлять мистера Чипа одного в Цюрихе,— сказал он.— Мы ничего не сможем предпринять до его возвращения, в то время как урегулирование вопросов, связанных со смертью мистера Ранкитера, является первоочередным делом.

— Вы читали завещание,— сказал Хэммонд,— и Джо Чип тоже ознакомлен с ним. Так что мы знаем, кто должен руководить фирмой.

— Но с юридической точки зрения...— начал было Уоллес.

— Ждать осталось недолго,— оборвал его Эл.

Он взял ручку и принялся рисовать бессмысленные черточки на полях листка бумаги, содержащего составленный им список. Какое-то время он был погружен в созерцание этого орнамента, а потом еще раз перечитал написанное:

ВЫСОХШИЕ СИГАРЕТЫ
УСТАРЕВШАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА
МОНЕТЫ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
ИСПОРЧЕННЫЕ ПРОДУКТЫ
ОБЪЯВЛЕНИЕ НА СПИЧЕЧНОМ КОРОБКЕ

— Я еще раз пушу этот список по кругу, — громко сказал он. — Посмотрим, может, кому-нибудь удастся найти связь между этими явлениями — или назовите их как угодно. Этими пятью фактами, которые... — он неопределенно махнул рукой.

— Которые бессмысленны, — закончил за него Джон Илд.

— Легко обнаружить связь между первыми четырьмя из них, — заявила Пат. — А вот спички — дело другое. Они не вяжутся со всем остальным.

— Покажи-ка мне еще раз этот коробок, — попросил ее Эл. Пат подала коробку спичек.

Он прочитал объявление на ней:

— «Необычайная возможность заработать для всех, кто выполнит необходимые условия!

Мистер Глен Ранкитер, пребывающий в Моратории Возлюбленных Собратьев, Цюрих, Швейцария, удвоил за неделю свой доход. Он получил бесплатный образец наших ботинок вместе с подробной инструкцией, благодаря которой каждый из вас сможет продавать наши оригинальные мокасины из искусственной кожи среди друзей, родственников и коллег по работе. Мистер Ранкитер, который, хотя и находится в неподвижном и замороженном состоянии в холодильнике, заработал...»

Эл прервал чтение и на какое-то время задумался, постукивая по зубам ногтем большого пальца. «Да, — подумал он, — это объявление совсем из другой оперы. Остальные происшествия основываются на процессе старения и порчи, а в этом случае действует что-то другое».

— Я тут прикидываю, — громко сказал он, — что было бы, если бы мы ответили на это объявление. Здесь указан номер почтового ящика в Дес-Мойнсе, штат Айова.

— Мы получили бы бесплатный набор образцов ботинок, — ответила Пат Конли. — И подробную инструкцию, благодаря которой каждый из нас смог бы...

— Возможно, — прервал ее Эл, — что таким образом мы вступили бы в контакт с Гленом.

Все собравшиеся уставились на него.

— Я говорю серьезно, — сказал он. — Держи. — Он протянул коробок Типпи Джексон.

— Что я должна написать? — спросила она.

— Просто заполнить купон.— Эл повернулся к Эдди Дорн.— Ты уверена, что эта штука у тебя именно с прошлой недели? Ты не могла купить ее сегодня?

— В среду я сунула в сумочку несколько коробков спичек,— ответила Эдди.— Я уже говорила тебе, сегодня по дороге в контору я закурила сигарету и заметила на коробке это объявление. Коробок наверняка находился в моей сумке в тот момент, когда мы отправлялись на Луну. А значит, прошло уже несколько дней.

— На нем и тогда было это объявление?— поинтересовался Джон Илд.

— Раньше я его не замечала. Я обратила внимание на надпись только сегодня. Откуда я знаю, может, оно там и было?

— Может, это какая-нибудь шутка Ранкитера? Может, он приказал отпечатать это еще до своей смерти?— сказал Дон Денни.— Или это Холлис? Вариант гротескной шуточки: он уже знал, что убьет Ранкитера и что, когда мы обратим внимание на надпись, Ранкитер уже будет пребывать в холодильной камере моратория?

— С чего бы ему знать, что мы отвезем Глена именно в Цюрих, а не в Нью-Йорк?— спросил Тито Апостос.

— Потому что там лежит Элла,— ответил Дон Денни.

Все это время Сэмми Мандо стоял у телевизора и разглядывал монету, которую ему дал Эл. Его лицо не слишком умного человека было сморщено от напряженного раздумья.

— Что там такое, Сэм?— поинтересовался Хэммонд. Он чувствовал, что его охватывает внутреннее напряжение в ожидании нового происшествия.

— Разве на пятидесятицентовике не должна находиться голова Уолта Диснея?— спросил Сэмми.

— Должна. Но если монета более старая, на ней может быть Фидель Кастро. Покажи.

— Еще одна монета, вышедшая из обращения,— сказала Пат, когда Сэмми пошел в сторону Эла.

— Нет,— возразил Эл, присмотревшись.— Дата в порядке. Она отчеканена в прошлом году. Вполне годная монета, ее примет любой автомат на свете. Даже этот телевизор.

— Так в чем же дело?— несмело спросила Эдди Дорн.

— В том, о чем толкует Сэм,— ответил ей Эл.— На монете выбит не тот профиль.

Эл подошел к Эдди и положил монету ей на ладонь.

— Кого тебе это напоминает?

— Я... я не знаю,— сказала Эдди после некоторого молчания.

— Знаешь,— возразил Эл.

— Ладно,— резко сказала Эдди, принужденная к ответу. Она сунула монету назад Хэммонду, избавляясь от нее жестом отвращения.

— Это Глен Ранкитер,— объявил Эл.

— Добавь это к своему списку,— после минутного молчания едва слышно сказала Типпи Джексон.

— Мне кажется,— сказала Пат,— что здесь протекают два процесса. Один из них основан на разложении — это очевидно.

— А второй?— спросил ее Эл, занося случай в листок.

— Я не совсем уверена...— Пат заколебалась.— Он имеет какую-то связь с Ранкитером. Я думаю, нам следует проверить все наши банкноты и монеты. Через минуту я продолжу.

Все собравшиеся вытащили свои кошельки и бумажники и стали обшаривать карманы.

— А у меня банкнот достоинством в пять посткредов,— сообщил Джон Илд,— с превосходным портретом мистера Ранкитера, выполненным техникой гравюры на стали. Остальные...— он быстренько просмотрел их.— Остальные нормальные. Не хотите ли взглянуть, мистер Хэммонд?

— У меня самого есть два таких же. Пока два,— сказал Эл.— Кто еще?— Поднялось шесть рук.— Восемь человек обладают частично деньгами мистера Ранкитера, если их можно так назвать. Наверное, к концу дня все наши деньги превратятся в деньги Ранкитера. Но в любом случае мы, вероятно, сможем ими пользоваться.

— Я не уверен,— заявил Дон Денни.— С чего это ты взял? Эти — как их,— он помахал рукой,— деньги Ранкитера... Разве существует какая-то причина, по которой банки обязаны принимать их? Они не были официально выпущены, а стало быть, все они фальшивые.

— Хорошо,— трезво рассудил Эл.— Может, они и фальшивые и банки откажутся принимать их. Но дело не в этом.

— Дело в том,— сказала Пат,— что второй процесс основан на появлении Ранкитера.

— Вот именно,— кивнул головой Денни.— Это второй процесс, равноценный процессу разложения. Одни монеты стареют, на других появляется портрет или профиль Глена Ранкитера. Знаете, что я думаю? Мне кажется, что эти процессы развиваются в противоположных направлениях. Один основан на уходе предметов — это первый процесс. Другой — это появление в мире новых предметов, которые ранее не существовали.

— Исполнение желаний,— тихо сказала Эдди Дорн.

— Что?— спросил Эл.

— Может быть, это исполнение желаний мистера Ранкитера,— пояснила Эдди.— Может быть, он мечтал, чтобы его портрет был помещен на государственных денежных знаках и монетах. Это было бы весьма внушительно.

— И на спичечных коробках?— спросил Тито Апостос.

— Наверное, нет,— призналась Эдди Дорн.— Это не слишком впечатляет.

— Наша фирма и без того упоминалась на спичечных этикетках,— сказал Дон Денни.— А кроме того, по телевидению, в газетах и иллюстрированных журналах. Мы также рассылали нашу рекламу по почте. Всем этим занимался отдел по работе с клиентами. Глен никогда не интересовался этой частью работы, и уж тем более его не занимали всякие там коробки со спичками. Будь это какая-то форма реализации скрытых устремлений, мы увидели бы его скорее по телевизору, а не на деньгах и спичках.

— Может, это еще нам предстоит,— заметил Хэммонд.

— Это правда,— согласилась Пат.— Это мы не проверили. Ни у кого не было времени посмотреть телевизор.

— Я вообще не уверена, что у меня есть желание его смотреть,— сказала Эдди Дорн, когда Сэмми опустил монету в отверстие и стал крутить ручки.

Дверь конференц-зала распахнулась, и на пороге появился Джо Чип.

— Выключи телевизор,— сказал Хэммонд, обращаясь к Сэмми, когда увидел лицо Джо.

Все молча смотрели на Чипа.

— Что случилось?— спросил Эл.

Джо молчал.

— В чем дело?

— Я нанял корабль, который привез меня сюда,— охрипшим голосом сказал Джо.

— Вместе с Вендой?

— Выпишите чек, чтобы я мог расплатиться за корабль,— попросил Джо.— У меня нет столько денег.

— Вы можете пользоваться финансами фирмы?— спросил Эл у Уолтера У. Уоллеса.

— Для таких целей — да. Я пойду улажу это дело.

Он вышел из комнаты, прихватив с собой папку. Джо все еще стоял в дверях, продолжая хранить молчание. С того времени, как Эл видел его в последний раз, Джо постарел лет на сто.

— В моем кабинете...— Джо отвернулся и заморгал глазами, явно колеблясь.— Я... я не думаю, что вам стоит

смотреть на это. Когда я нашел ее, со мной был человек из моратория. Он сказал, что ничего сделать не может, так как прошло слишком много времени — вероятно, годы.

— Годы?— переспросил Эл, ощущая холодное прикосновение страха.

— Пойдем со мной,— попросил Джо.

Они вышли из комнаты и направились по коридору в сторону лифта.

— Я купил на корабле успокаивающего,— сказал Джо.— Его стоимость включена в стоимость билета. Теперь мне немного легче, но, я полагаю, действие транквилизаторов скоро кончится.

Подождал лифт. Они спустились на третий этаж, где находился кабинет Джо.

— Не советую тебе смотреть на это,— сказал Джо и первым вошел внутрь.— Впрочем, как хочешь. Если я справился, то с тобой, наверное, тоже ничего не будет.

Он включил верхний свет.

— Господи милостивый!— выдавил Эл.

— Не открывай пакета!

— И не собираюсь. Сегодня утром или вчера вечером?

— Скорее всего, это началось раньше, еще до того, как она попала в мой номер. Мы, то есть этот Фогельсанг и я, нашли около дверей обрывки ткани. Но когда она шла через холл, все еще должно было быть в порядке — там никто ничего не заметил. В таких отелях всегда есть человек, присматривающийся к входящим. Сам факт, что ей удалось добраться до моего номера...

— Указывает на то, что она была еще в состоянии двигаться,— сказал Эл.

— Я думаю про нас, оставшихся,— сказал Джо.

— В каком смысле?

— Не ждет ли нас то же самое?

— Почему это?

— А с чего это случилось с ней? Мне кажется, из-за взрыва. Мы все будем умирать по очереди подобным образом. Никто не останется в живых. От каждого из нас сохранится только несколько фунтов кожи и волос в пластиковом мешке да несколько сухих костей вдобавок.

— Ладно,— сказал Эл.— Тут действовала какая-то сила, вызывающая быстрое разложение. Она начала работу после взрыва на Луне. Кроме того, мы знаем, что действует и другая сила — она тянет в обратном направлении и имеет какую-то связь с Ранкитером. На наших деньгах стали появляться его портреты. На спичечном коробке...

— Глен появлялся в моем видеофоне.
— В видеофоне? Как это?
— Понятия не имею. Просто он там был. Не на экране — изображения не было. Я только слышал его голос.
— И что он говорил?
— Ничего конкретного.
Эл внимательно посмотрел на него.
— Он слышал тебя?
— Нет. Я пробовал сказать что-нибудь, но связь работала только в одну сторону.
— Значит, я из-за этого не мог до тебя дозвониться.
— Именно, — кивнул Джо.
— Как раз когда ты явился, мы собирались включить телевизор. Ты знаешь, что о его смерти в газетах ничего не сообщалось? Ну и афера!

Ему не нравилось, как выглядит Джо. Он вдруг понял, что Чип кажется старше, меньше и изможденнее. Не так ли это начинается?

«Мы должны установить контакт с Ранки-тером, — подумал он. — Слышать его явно недостаточно. Скорее всего, он сам попытается соединиться с нами, но...»

— Если нам придется это пережить, то мы должны добраться до него, — сказал он вслух.

— Этого нам не удастся сделать при помощи телевизора. Там будет лицо и все. То же, что и с видеофоном, — сказал Джо. — Разве он сообщил нам, как мы можем говорить с ним? Хотя есть шанс, что он скажет нам, как это сделать. Может быть, он уже разобрался в происходящем?

— Прежде всего нам следует понять, что происходит с ним самим, мы ведь даже этого не знаем, — сказал Эл.

«В определенном смысле он до сих пор жив, — думал он. — Хотя в моратории уже не раз пытались привести его в состояние полужизни, но неудачно. Хозяин моратория, вероятно, действительно сделал все возможное для такого важного клиента».

— Фон Фогельсанг слышал голос Глена в видеофоне? — спросил он.

— Пытался услышать. Но когда он снял трубку, там была только тишина, а потом какие-то помехи, приходящие из невероятного далека. Я тоже их слышал. Это был очень странный звук, словно олицетворяющий полную пустоту.

— Мне это не нравится. Я бы предпочел, чтобы Фогельсанг тоже слышал его голос. Тогда бы мы, по крайней мере, были уверены, что это было на самом деле, а не привиделось тебе среди каких-то помех.

«А не то ли происходит со всеми нами?— подумал он про себя.— Этот спичечный коробок...»

Но с некоторыми происшествиями еще можно было разобратся — они не были иллюзиями: машины отвергали вышедшие из обращения монеты — непредвзятые автоматы, сконструированные так, чтобы реагировать только на физические факторы, так что никакие психологические явления не могли оказать на них влияния. У автоматов нет выбора.

— Давай на некоторое время выберемся из этого здания,— сказал Эл.— Назови первый попавшийся город, с которым у нас обоих нет ничего общего, в который никто из нас никогда не ездил и не был там никогда вообще.

— Балтимор,— сказал Джо.

— Отлично,— сказал Эл.— Я поеду в Балтимор. Хочу удостовериться, примут ли у меня в случайно выбранном магазине деньги с портретом Ранкитера.

— Купи мне немного свежих сигарет,— попросил Джо.

— Ладно. Посмотрим, не окажутся ли трухой сигареты, купленные в случайном магазине. Я хочу проверить и другие продукты — куплю чего-нибудь для пробы. Хочешь, поедem со мной? Или ты предпочитаешь подняться наверх и рассказать им о Венде?

— Нет, лучше я поеду с тобой.

— Может, нам вообще не следует сообщать им об этом?

— Думаю, все-таки надо. Это может случиться еще раз, может быть, даже до нашего возвращения. Может быть, это уже происходит.

— В таком случае надо немедленно ехать в Балтимор,— сказал Эл и пошел к выходу из кабинета. Джо направился за ним.

У тебя сухие волосы и ты не можешь их расчесать? Втирай в волосы особый эликсир марки «Убик»! Уже через пять дней ты убедишься в том, что твои волосы приобрели мягкость и сухость исчезла. Эмульсия для волос марки «Убик» абсолютно безвредна при использовании согласно инструкции.

9.

Они выбрали супермаркет Счастливец, расположенный на окраине Балтимора.

— Прошу пачку «Пэл Мэл»,— сказал Эл автомату за прилавком.

— Мне больше нравятся «Уингз», — сказал Джо.

— «Уингз» сняты с производства много лет назад, — сказал Эл.

— А вот и нет, их по-прежнему выпускают, — сообщил Джо. — Просто не рекламируют. Великолепные сигареты, на которые курильщики просто не нарадуются. Прошу сигареты «Уингз», — обратился он к автоматическому продавцу.

Пачка сигарет скользнула по лотку на прилавок.

— Девяносто пять центов, — сообщил компьютер.

— Вот банкнот достоинством десять посткредов, — Эл вложил деньги в аппарат. Негромко урча, анализаторы обследовали бумажку.

— Ваша сдача, сэр, — сказал автомат, выкладывая перед Элом аккуратную стопку монет и банкнотов. — Проходите вперед, прошу вас.

— Значит, деньги с Ранкитером обладают покупательной способностью, — сказал Эл, освобождая место для следующего покупателя. Это была пожилая дама в плаще черничного цвета, сжимающая в руке плетеную из бечевы мексиканскую хозяйственную сумку. Затем Хэммонд осторожно распечатал пачку.

Сигареты рассыпались в его пальцах.

— Это доказывало бы что-нибудь, если бы это была пачка «Пэл Мэл», — сказал он. — Я снова становлюсь в очередь.

Он направился к автомату, но заметил, что стоявшая ранее за ним пожилая дама переругивается с ним.

— Она была мертвой, когда я принесла ее домой. Вот, можете забрать ее назад! — Она поставила на прилавок горшочек, и Эл увидел какое-то увядшее растение. При жизни, похоже, это была азалия, но на таком расстоянии трудно было сказать с уверенностью.

— Я не могу вернуть вам ваши деньги, — возразил киберпродавец, — Продаваемые нами растения не имеют гарантии. Наш принцип гласит: «Покупатель, смотри в оба!» Следующий, прошу вас.

— А номер «Сэтэди ивнинг пост», — не успокаивалась дама, — который я взяла на вашем столике с газетами, он относится к прошлому году! Что у вас тут творится? Обед из марсианских личинок, который я...

— Следующий покупатель, прошу вас, — сказала электронное устройство, не обращая на нее внимания.

Эл прошел мимо контрольного аппарата и стал осматривать полки магазина, пока не обнаружил груды пачек высотой два с половиной метра, состоящую из блоков сигарет всевозможных марок.

— Возьми что-нибудь в твердой упаковке, — попросил он Джо.

— «Домина», — сказал Джо. — Стоят они столько же, сколько и «Уингз».

— Господи, да не отыскивай ты какие-то незнакомые марки — возьми «Уинстон», «Кул» или что-нибудь подобное.

Хэммонд вытащил одну из коробок и помахал ею.

— Пустая, — сказал он. — Чувствуется по весу.

Тут ему показалось, что внутри что-то легкое пересыпается и царапает по стенкам. Он сорвал упаковку и заглянул внутрь.

Там был большой бумажный листок, исчерканный написанными от руки словами. Почерк был знакомый. Эл вытащил записку и стал читать:

«Мне необходимо вступить с вами в контакт. Ситуация очень серьезная, и с течением времени она, вероятно, станет еще серьезнее. Существует множество возможностей объяснить ее, и я собираюсь сделать это. В любом случае, не поддавайтесь панике. Мне очень жаль Венду Райт, но в этом деле мы испробовали все, что было в наших силах».

— Значит, он знает о Венде, — констатировал Эл Хэммонд. — Что ж, может, это означает, что больше никому это не грозит.

— Случайно взятая коробка в магазине, в который мы решили зайти в последний момент, после приезда в первый попавшийся город. И вот мы получаем предназначенную нам записку от Глена Ранкитера. Может быть, в других блоках тоже такие же записочки?

Он вытащил из кипы блок «Л. М.» и сорвал обертку. Десять пачек сигарет. Джо взял другую, но в ней тоже были пачки с сигаретами — совершенно обычное содержание.

«Так ли это?» — подумал Эл и тоже взял один из блоков.

— Видишь, здесь все в порядке, — сказал Джо. Он извлек из кучи еще одну коробку. — Этот тоже полон. — Не распечатывая его, он схватил следующий, затем еще один, но во всех были сигареты, рассыпавшиеся в его руках.

— Я прикидываю, — сказал Эл, — откуда Глен мог знать, что мы приедем именно сюда? И как он догадался, что мы станем проверять именно этот блок?

Все это казалось бессмысленным. Но и тут действовали противоположные силы. «Процесс разложения — против Ранкитера, — подумал Эл. — И во всем мире то же самое. Может быть, даже во всей Вселенной. Не исключено, что

Солнце погаснет, а Глен Ранкитер поместит на его место какое-нибудь новое светило. Если, конечно, он в силах сделать что-нибудь подобное».

— Вот именно,— произнес он вслух.— Вот в чем вопрос — на что способен Глен Ранкитер? Или, другими словами, как далеко может зайти процесс разложения?

— Попробуем что-нибудь другое,— предложил он Джо.

Они двинулись по проходу между банками, пачками и коробками к отделу технических товаров. Там он наугад выбрал дорогой немецкий магнитофон.

— Выглядит солидно,— сказал он Джо, который шел за ним. Эл взял другой, но еще находящийся в упаковке.— Купим этот и заберем его в Нью-Йорк.

— Ты не хочешь сначала распаковать его и проверить?— спросил Джо.

— Я наверняка знаю, что может показать проверка,— ответил Эл.— Тем более тут нельзя провести полную проверку.

С этими словами он направился к кассе.

Вернувшись в Нью-Йорк, они передали магнитофон в мастерскую фирмы.

Четверть часа спустя начальник мастерской, который успел за это время разобрать весь механизм, сообщил им свое заключение:

— Все подвижные части лентопротяжного механизма изношены, прижимной ролик местами стерт до основания. Внутри корпуса полно кусочков изоляции. Тормозные прокладки полностью стерты. Весь аппарат нуждается в чистке и смазке. Практически нужно провести полный ремонт и заменить пассивы.

— Из этого вытекает, что магнитофону уже много лет?— спросил его Эл.

— Возможно. Давно он у вас?

— Купил его сегодня,— ответил Эл.

— Это исключено,— заявил начальник мастерской.— А если и так, то вам продали...

— Я знаю, что мне продали,— перебил его Хэммонд.— Я знал это, даже не раскрывая коробку.— Он повернулся к Джо.— Новый, только что с завода магнитофон полностью развалился. Кроме того, куплен он не за настоящие деньги. Наши деньги не имеют ценности, и за них мы можем купить изношенные до крайности вещи. В этом есть даже какая-то логика.

— Сегодня вообще какой-то недобрый день,— сказал

начальник мастерской.— Проснувшись сегодня утром, я обнаружил, что мой попугай умер.

— От чего?— спросил Джо.

— Не знаю. Просто умер. Лежал жесткий, как кусок дерева.

Начальник мастерской вытянул в сторону Эла костлявый палец.

— Я вам скажу еще кое-что, о чем вы и не подозреваете. Ваш магнитофон не только подержанный — он устарел лет на сорок. Теперь уже никто не применяет ни прижимные ролики из резины, ни пассики для приводов. Вам нигде не удастся достать для него запчастей — разве что кто-нибудь согласится изготовить их вручную. Это невыгодно — сейчас эта машина уже антиквариат. Выкиньте ее лучше и забудьте.

— Вы правы,— согласился Эл.— Этого я не знал.

Они вышли в коридор, и Эл сказал:

— Теперь мы имеем дело с чем-то большим, чем процесс распада. Вероятно, у нас будут проблемы с едой. Какие продукты могут быть еще свежими через сорок лет?

— Может быть, консервы?— предположил Джо.— В Балтиморе я видел множество консервов.

— Теперь понятно. Сорок лет назад гораздо больше продуктов продавалось в банках, чем в замороженном виде. Ты прав — это может оказаться единственным источником пищи для нас.— Он задумался.— Но, поскольку за один день этот процесс сдвинулся с двух лет до сорока, то к завтрашнему дню все может устареть на сто лет. А через сто лет ни один продукт не годится в пищу — безразлично, в банке он или нет.

— Китайские яйца,— сообщил Джо.— Яйца тысячелетней давности, которые там закапывают в землю и...

— Это не коснулось только нас самих,— продолжал Эл.— Помнишь ту старую женщину в Балтиморе? Эта сила отразилась и на ее покупках — на этой азалии.

«Неужели всему миру придется страдать из-за взрыва этой бомбы на Луне?— подумал он про себя.— Почему это влияет на других людей, а не только на нас?»

— Идем мы...— начал Джо.

— Помолчи немного, дай мне кое-что обдумать. Может быть, Балтимор существует только тогда, когда там находится один из нас? А этот супермаркет Счастливец — может, он исчез с лица Земли, как только мы из него вышли?

— Это философская проблема, лишенная реального смысла. И вдобавок нет способа установить, так это или нет.

— Это имело бы некоторое значение для той дамы в плаще цвета черники,— ехидно сказал Хэммонд.— И для всех остальных.

— Сюда идет начальник мастерской,— обратил его внимание Джо.

— Я как раз пролистал инструкцию по использованию, которая была в коробке от вашего магнитофона,— сказал тот.— Я избавлю вас от просмотра всего содержания.— Он протянул книжечку Эл и тут же отдернул ее назад.— Смотрите сюда, на последнюю страницу. Там указано, кто изготовил это свинство и куда следует отослать эту развалину, чтобы завод-производитель осуществил ремонт.

— Изготовлено фирмой Ранкитера в Цюрихе...— прочитал Эл вслух.— Здесь также указан адрес гарантийной мастерской на территории Североамериканской Федерации — в Дес-Мойнсе. Это тот же адрес, что и на спичечном коробке.

Он протянул книжечку Джо.

— Поедем в Дес-Мойнс. Эта книжечка служит доказательством связи между обоими местами.

«Интересно,— подумал Эл,— почему именно Дес-Мойнс?»

— Слушай, Джо,— спросил он,— могло что-нибудь связывать Ранкитера с Дес-Мойнсом?

— Он там родился,— сказал Джо,— и провел первые пятнадцать лет своей жизни. Время от времени он вспоминал об этом.

— Значит, после смерти он вернулся туда.

«Теперь Глен находится в Цюрихе и Дес-Мойнсе одновременно,— думал Эл.— В Цюрихе происходит обнаруженный при помощи аппаратуры моратория метаболизм мозга, тело его помещено в холодильник, но контакт с ним установить не удастся. В Дес-Мойнсе все наоборот — в физическом смысле его там нет, и тем не менее там, с наибольшей вероятностью, можно наладить с ним контакт. По сути дела, при помощи таких средств, как эта инструкция, контакт уже налажен — по крайней мере, односторонний.

Тем временем наш мир откатывается в прошлое, демонстрируя реалии прошлых лет своего развития. Быть может, проснувшись в конце недели, мы увидим, как по Пятой авеню проезжают, трезвоня, трамваи «Троллей Доджес». Он пытался понять, что означает это название. Оно появилось в его сознании как туманное воспоминание, вытесняющее реальную действительность. Под воздействи-

ем этого неясного внутреннего ощущения он почувствовал себя не в своей тарелке — никогда испытанное здесь не становилось таким реальным».

— «Троллей Доджерс», — произнес он вслух. Этому названию было по меньшей мере сто лет, и тем не менее оно каким-то образом отпечаталось в его сознании.

— Откуда вы знаете это название? — спросил его начальник мастерской. — Его уже никто не помнит. Так когда-то называлась команда «Бруклин Доджерс». — Он подозрительно уставился на Эла.

— Пойдем-ка лучше наверх, — сказал Джо. — Посмотрим — надо убедиться, что ни с кем ничего не случилось. В Дес-Мойнс мы поедем чуть позже.

— Если мы не отправимся туда немедленно, — ответил Эл, — то может оказаться, что путешествие займет у нас день или два, ведь средства сообщения будут становиться все более примитивными.

«Ракеты сменяются реактивными самолетами, которые, в свою очередь, уступят место поршневым двигателям и винтовым аппаратам. Дальше будет поезд, который тащит с собой вагон с углем, потом конные экипажи... Нет, невозможно, чтобы нас забросило так далеко, — сказал он сам себе. — Хотя у меня в руках магнитофон сорокалетней давности, значит, все может быть таким же старым...»

Вместе с Джо они направились к лифту, и Джо нажал кнопку вызова. Они молча ждали прибытия кабины.

Лифт появился с грохотом, оторвавшим Хэммонда от печальных размышлений. Он машинально взялся за ручку и распахнул железную раздвижную дверь.

И обнаружил, что стоит перед открытой кабиной, висящей на стальном канате и разукрашенной коваными деталями из латуни. Скучающий лифтер в ливрее сидел на стульчике, держа руку на кнопке и безразлично поглядывал на них.

Эл испуганно вздрогнул.

— Не входи в нее, — сказал Эл, придерживая Джо. — Посмотри повнимательнее: сегодня, совсем недавно был гидравлический привод, автоматика, полная бесшумность...

Внезапно он замолчал. Грохочущая машина исчезла, и на ее месте появился знакомый ему лифт. Однако он продолжал ощущать присутствие старой кабины, она притаилась где-то в уголке его зрения, готовая выпрыгнуть, как только он и Джо займутся чем-нибудь другим.

«Она вернется, — думал Эл. — Она намерена снова появиться».

Мы можем задержать этот момент на какое-то время, самое большее, вероятно, на несколько часов. Процесс смещения во времени уже набрал скорость — архаические объекты врываются в наш мир быстрее, чем нам кажется. Теперь каждый скачок равен веку — лифту, который мы видели, никак не меньше ста лет.

И все же,— продолжал размышлять он,— мне кажется, что мы можем в определенной степени контролировать это явление. Мы только что выдумали привычный лифт — и он немедленно появился. Если бы мы держались вместе, действовали, как одно существо, состоящее из двенадцати личностей, а не только двоих...»

— Что ты там такое увидел?— спросил Джо.— Почему ты не пустил меня в лифт?

— Ты не заметил старого лифта? Открытой кабины с латунной отделкой и лифтера, сидящего на стульчике? Кажется, это был лифт образца примерно 1910 года.

— Нет,— ответил Джо.

— Но что-нибудь ты видел?

— Да,— ответил Джо.— Нормальный лифт, который я вижу каждый день, приходя на работу. То же, что и всегда.

Он вошел в кабину, повернулся и посмотрел на Хэммонда.

— Значит, наше восприятие начало различаться,— сказал Эл. Он прикинул, что бы это могло означать.

Это представлялось ему чем-то зловещим. Это была наиболее катастрофическая перемена из всех происшедших с момента смерти Глена. Получалось, что их смещает во времени с различными скоростями. Он не мог избавиться от ощущения, что именно это испытывала перед смертью Венда Райт. Он попытался сообразить, сколько же времени осталось ему самому.

И понял вдруг, что испытывает жуткий, пронзительный холод, который уже давно начал пронизывать его тело. Холод охватил весь мир — это напоминало последние минуты, проведенные на Луне. Холод искажал очертания предметов, проявлялся в форме раздувшихся пещер, лопающихся с ужасным треском, мороз проникал во все щели, пролезал в сердцевину предметов, в стержень их жизни. Эл видел теперь что-то вроде оледеневшей пустыни, из которой выпирали обнаженные скалы. Окружающая его действительность превратилась в плоскую равнину, выдуваемую ледяным ветром. Ледовый покров становился все толще, а размеры скал постепенно становились какими-то неопределенными. На границе его поля зрения скапливалась тьма.

«Прочь!— приказал он себе.— Все это существует лишь в моем воображении, и мир вовсе не исчез под воздействием холода и тьмы; все это происходит только внутри меня. Странно, неужели весь мир заключен во мне? Когда же это началось? Должно быть, это предвестие смерти. Эта неуверенность, заторможенность всех функций, ведущая к полной энтропии, и есть тот самый процесс, а лед — это символ этого процесса. Когда я сомкну глаза, весь мир исчезнет. Однако где же те новые миры, ведь я должен их посетить! Те, что ведут к новому лону? Где тот мерцающий красный свет, означающий нечистоту? И свет темный, красный, означающий стремление к животной искренности? Я чувствую лишь полное исчезновение тепла, вижу подступающую тьму, замерзающую равнину под погасшим солнцем...

Это не может быть обычной смертью,— продолжал думать Эл.— Это нечто неестественное. Естественный процесс умирания оказался нарушенным под действием какого-то фактора. Может быть, я соображу все, если лягу и отдохну. Мне нужно набраться сил, чтобы заняться этим...»

— Что случилось?— спросил Джо, взглянув на Эла, когда они поднимались в лифте.

— Ничего,— коротко ответил Хэммонд и подумал: «Им еще может повезти, а мне уже нет».

Лифт в полной тишине продолжал свой подъем.

Входя в конференц-зал, Джо заметил, что Эл исчез. Обернувшись и выглянув в коридор, он увидел, что Эл стоит, не трогаясь с места.

— Что-нибудь случилось?— снова спросил он. Эл не шевельнулся.— Что-то произошло?— Он направился в его сторону.

— Я устал,— сказал Эл.

— Ты нехорошо выглядишь,— тревожно сказал Джо.

— Я пойду в туалет,— сказал Эл.— Ты сходи к ним, проверь, все ли в порядке. Я сейчас приду...— Он неуверенно пошел вперед, словно плохо ориентировался, где он находится.

— Я с тобой,— заявил Джо.— Я хочу убедиться, что ты доберешься.

— Может, если я ополосну лицо теплой водой...— сказал Эл.

Он отыскал бесплатную дверь в туалет и исчез внутри. Джо остался в коридоре.

«Что с ним такое?— недоумевал Джо.— Он переменялся, увидев этот старый лифт».

Эл вышел и поманил его.

— В чем дело?— спросил Джо, увидев, какое у того выражение лица.

— Посмотри-ка,— сказал Эл, втаскивая его в туалет следом за собой и показывая на противоположную стену.— Сортирная лирика. Прочитай.

Надпись, начертанная то ли цветным мелком, то ли красным фломастером, гласила:

**«ЗАЛЕЗЬТЕ В СОРТИР, ПОДНИМИТЕ РУКИ,
Я ЖИВ, А ВЫ ВСЕ МЕРТВЫ, СУКИ!»**

— Разве это не почерк Ранкитера?— спросил Эл.— Узнаешь?

— Да,— кивнул Джо,— это его почерк.

— Значит, теперь мы знаем правду.

— Но разве это правда?

— Конечно,— сказал Хэммонд.— Теперь это очевидно.

— И мы узнаём это таким вот противоестественным образом, читая изречения на стенах мужского туалета.

— Эта надпись однозначна. Мы могли бы месяцами, до конца жизни, пялиться в телевизор, листать домашние газеты, слушать видеофоны и ни о чем не догадаться, если бы не этот выразительный способ.

— Но мы же не умерли,— сказал Джо.— Никто, кроме Венды.

— Мы все — в состоянии полужизни. Мы, вероятно, еще находимся на борту ракетоплана после взрыва на Луне, который убил нас, а не Ранкитера. А он пытается уловить от нас потоки протофазонов. Видимо, до сих пор это ему не удавалось — из нашего мира ничто не проникает туда, где он находится, но ему удалось войти с нами в контакт. Как символы мы существуем везде, даже в тех местах, которые выбираем наугад, и на каждом шагу мы сталкиваемся с его присутствием. С ним, и только с ним, потому что только он пытается...

— Ты плохо говоришь,— сказал Джо.

— Мне нехорошо,— ответил Хэммонд.

Он отвернул кран и стал ополаскивать лицо теплой водой. Однако вода не была теплой, Джо заметил, как в ней со звоном рассыпались кристаллики льда.

— Иди к ним,— попросил Эл.— Я приду туда, как только мне станет лучше.

«Если это вообще случится»,— подумал он про себя.

— Я думаю, мне стоит остаться с тобой,— сказал Джо.

— Нет, черт побери! Убирайся отсюда!— Эл толкнул

его в направлении двери. На его лице явственно проступала растерянность.— Иди к ним, посмотри, ничего с ними не произошло?— Полусогнутый, он вернулся в туалет и закрыл глаза ладонями. Дверь с треском захлопнулась за Джо.

— Хорошо,— после минутного колебания через дверь сказал Джо.— Я буду вместе с ними в конференц-зале.

Он немного постоял, прислушиваясь, но ни один звук не доходил до него.

— Эл!— крикнул он. «Господи, как страшно. С ним и в самом деле что-то творится».

— Я хочу убедиться, что с тобой все в порядке!— настаивал он, наваливаясь на дверь.

— Уже поздно, Джо. Не стоит на меня смотреть.

В туалете было темно. Очевидно, Эл выключил свет.

— Ты мне уже ничем не можешь помочь,— проговорил Эл слабым голосом.— Мы не должны были разделяться с остальными. Именно из-за этого погибла Венда. Тебе удастся выжить — по крайней мере протянешь какое-то время, если ты пойдешь и будешь держаться их. Расскажи им и постарайся, чтобы они тебя правильно поняли. Ясно?

Джо потянулся к выключателю.

Слабый, легкий удар пришелся по его руке. Он испуганно отшатнулся, пораженный бессилием Эла. Теперь он все понял. Смотреть не было необходимости.

— Я пошел к остальным,— сказал он.— Я все понял. Это страшно?

— Нет, это не страшно... Это просто...

Голос замолк, настала тишина.

— Может быть, мы еще увидимся,— сказал Джо.

Он знал, что не должен был так говорить. Он поразился, что смог произнести подобную глупость. Но ни на что большее он не был способен.

— Все переменится,— говорил он, хотя знал, что Эл уже не слышит его.— Надеюсь, тебе стало легче. Я приду и посмотрю, что с тобой, как только расскажу остальным о надписи на стене. Я скажу им...— подбирал он слова,— чтобы они не мешали тебе.

Ответом было молчание.

— Ну, до свидания,— сказал Джо, выходя из темного туалета. Неверным шагом он направился в сторону конференц-зала. На мгновение задержался, набрал в легкие побольше воздуха и распахнул дверь.

Телевизор, стоящий в противоположном углу комнаты,

шумно рекламировал какой-то стиральный порошок. На огромном цветном экране какая-то домохозяйка критически осматривала свое кухонное полотенце из синтетического меха выдры, острым, пронзительным голосом сообщая, что ничего похожего не может находиться у нее в доме. Следом за этим она продемонстрировала обстановку ванной. Попутно скользнув по стене, камера остановилась на надписи, выполненной знакомым почерком на стене ванной. На этот раз она гласила:

«НАКЛОНИСЬ НАД ВАННОЙ, НЫРНИ С ГОЛОВОЙ, ВСЕ ВЫ ПОМЕРЛИ — ОДИН Я ЖИВОЙ!»

Но только один человек смотрел на телеэкран в огромном зале. Джо одиноко стоял в опустевшей комнате. Все остальные члены группы исчезли.

Он попытался сообразить, где они могут быть. И долго ли ему осталось жить, чтобы он успел найти их.

Ему это представлялось маловероятным.

Ты потеешь, и это мешает твоей личной жизни? Дезодорирующий аэрозоль «Убик» избавит тебя от опасений и позволит занять место там, где происходят интересные вещи. Срок действия — десять дней. Безопасен при использовании согласно прилагаемой инструкции, разработанной в соответствии с четкой программой личной гигиены.

10.

— А теперь, — сообщил диктор телевидения, — мы вновь вернемся к репортажу, который ведет Джим Хантер.

На экране появилось чисто выбритое лицо журналиста.

— Глен Ранкитер сегодня вновь оказался там, где он родился. Однако это не было радостное возвращение. «Корпорацию Ранкитера», наиболее известную из всех профилактических организаций, вчера ожидал трагический удар. Во время террористического покушения, происшедшего в секретной лаборатории под поверхностью Луны, в результате взрыва бомбы Глен Ранкитер был смертельно ранен и скончался прежде, чем его тело удалось доставить в холодильник. Останки Глена Ранкитера были доставлены в Мораторий Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, где, вопреки всем усилиям, его не удалось возвратить в состояние полужизни. Осознав всю бесполезность попыток, руководство моратория решило прекратить их, и тело Глена Ранкитера

было доставлено в Дес-Мойнс, где будет представлено для гражданской панихиды в Предсмертном Доме Простого Пастора.

Телекамера показала старый деревянный домик, выкрашенный в белый цвет. Вокруг него толпилось немало народа.

«Интересно,— подумал Джо,— кто это распорядился перевезти тело в Дес-Мойнс?»

— Это печальное решение,— продолжал диктор,— в результате которого наступает последняя стадия жизненного пути Глена Ранкитера, было принято его супругой. Миссис Элла Ранкитер, в настоящее время пребывающая в холодильном отделении того же моратория, куда было доставлено тело ее мужа, была возвращена в состояние полужизни и проинформирована о трагическом происшествии. Узнав сегодня утром о состоянии своего мужа, она посоветовала прекратить запоздалые попытки вернуть его в состояние полужизни, с которым — прежде, чем действительность перечеркнула ее планы,— она намеревалась воссоединиться.

На минуту на экранах появилась фотография Эллы, сделанная при жизни.

— Погруженные в траур сотрудники «Корпорации Ранкитера» собрались в часовне Предсмертного Дома Простого Пастора, чтобы принять участие в печальной церемонии и тем самым отдать свой долг усопшему.

Теперь на экране показалась крыша морга и вертикально стоящий на ней ракетоплан, откуда выходила группа мужчин и женщин. К ним обратился репортер с магнитофоном:

— Не скажете ли вы мне, сэр,— голос репортера звучал типично профессионально,— когда вы работали у Глена Ранкитера, не удалось ли вам и вашим коллегам узнать его не только как начальника, но и просто как человека?

Дон Денни, махая ресницами, словно сова, ослепленная светом, сказал в протянутый ему микрофон:

— Мы все знали Глена Ранкитера как человека, хорошего человека и гражданина, которого было за что уважать. Я уверен, что, говоря таким образом, выражаю мнение не только личное, но и всех моих коллег.

— Мистер Денни, все ли присутствующие здесь — сотрудники, а точнее, бывшие сотрудники, корпорации?

— Большая часть,— ответил Денни.— Почти все. Мистер Лен Ниггельман, президент Объединения профилактических организаций, обратился к нам еще в Нью-Йорке и

сообщил, что тело Глена Ранкитера будет перевезено в Дес-Мойнс. Он предложил нам приехать сюда и доставил нас на борту своего ракетоплана. Вот на этом.

Дон Денни показал на аппарат, из которого они только что вышли.

— Мы благодарны мистеру Ниггельману, — продолжал он, — что он уведомил нас о том, что теперь тело Глена помещено в местный морг. К сожалению, некоторых из нас нет здесь, поскольку они отсутствовали в бюро, когда пришло это сообщение. Это относится в первую очередь к Венде Райт и мистеру Хэммонду, нашим инерциалам, а также мистеру Чипу, специалисту по замерам поля. Местопребывание этих трех человек в настоящее время нам не известно, но, может быть, как раз сейчас...

— Да, — прервал его репортер, не выпуская из рук микрофона, — может быть, они увидят эту программу — она транслируется через все спутники связи во все города планеты — и приедут в Дес-Мойнс, чтобы принять участие в этой печальной церемонии. Я уверен, да и вы, наверное, тоже, что именно этого пожелали бы мистер Ранкитер и его супруга. Теперь я передаю микрофон Джиму Хантеру в студии «Телевизионного Дневника».

Вновь возникший на экране Джим Хантер сказал:

— Рэй Холлис, сотрудники которого, наделенные психическими способностями, могут быть нейтрализованы полем инерциалов, в заявлении, переданном его фирмой, выразил соболезнование в связи со смертью Глена Ранкитера и сообщил, что, если это окажется возможным, он примет участие в церемонии похорон. Однако не исключено, что мистер Ниггельман, представляющий, как уже сообщалось, Объединение профилактических организаций, будет настаивать на исключении мистера Холлиса из числа участников погребальной церемонии. Это связано с тем, что, как засвидетельствовали в своих показаниях представители ряда профилактических организаций, мистер Холлис отнесся к гибели Глена Ранкитера с плохо скрытым удовлетворением.

Ведущий «Теледневника» на мгновение замолчал, взял в руки листок бумаги и продолжил:

— Переходим к другим сообщениям...

Джо Чип нажал кнопку выключения телевизора, и экран погас.

«Не все связывается со смыслом надписей на стенах туалета и ванной, — думал Джо. — Однако, может быть, Ранкитер умер? По крайней мере так утверждает телеви-

дение и так считает Рэй Холлис. И Лен Нигтельман тоже. Они все относятся к нему как к покойнику, и единственный аргумент, на который мы можем опереться,— это два стишка, которые мог нацарапать кто угодно».

Экран телевизора снова осветился. Это поразило Джо — ведь он не прикасался к выключателю! Мало того — каналы самостоятельно стали переключаться, на экране поочередно сменялись разнообразные картинки, пока таинственное существо не отыскало то, что ему нужно. Теперь на экране остался один-единственный образ.

Лицо Глена Ранкитера.

— Твой вкус испортился? — поинтересовался Ранкитер своим ехидным голосом. — В твоем меню воцарилась квашеная капуста? Все тот же затхловатый запахок завтраков по понедельникам, независимо от того, сколько монет ты опустил в кухонный автомат? «Убик» изменит все. «Убик» возрождает вкусовые качества пищи, возвращает вкус и аромат!

Вместо Ранкитера на экране появился ярко раскрашенный флакон с аэрозолем.

— Одно дуновение невидимого потока частичек препарата «Убик», продающегося по общедоступным ценам, развеивает прочно сложившееся убеждение, что весь мир переполнен банками с прокисшим молоком, перегоревшими магнитофонами и допотопными кабинами лифтов, не говоря уже о других, еще не установленных признаках разложения. Дело в том, что распад окружающего мира представляет собой нормальное явление для множества людей, находящихся в состоянии полужизни, особенно на ее начальных стадиях, когда связи с настоящей действительностью еще достаточно сильны. Как промежуточный фактор, сохраняются некоторые факторы остаточного мира, воспринимаемого как псевдосреда. Однако она не стабилизирована и не поддерживается какой-либо энергетической структурой. Это особенно характерно для тех случаев, когда, как и у вас, дело касается нескольких объединенных систем памяти. Однако с момента появления препарата «Убик» все изменилось!

Джо сидел в оцепенении, не сводя глаз с экрана. Перед ним появилась фея из мультфильма, которая лихо поливала все вокруг аэрозолем «Убик».

После феи появилась серьезная домохозяйка с лошадиной челюстью и крупными выступающими зубами. Она металлическим голосом возвестила:

— Я перешла на «Убик», перепробовав все остальные,

слабые стабилизаторы действительности. Мои сковородки и кастрюли превратились в груды ржавчины, пол квартиры провалился. Мой муж, Чарли, насквозь пробил ногой дверь в спальню! Но теперь я применяю новый, мощный и экономичный препарат «Убик». Посмотрите, что получилось. Вот, например, взгляните на этот холодильник.

На экране появилась древняя модель холодильника «Дженерал электрик».

— Он сдвинулся на восемьдесят лет! — провозгласила домохозяйка.

«На шестьдесят два», — поправил ее про себя Джо.

— Но посмотрите на него сейчас, — продолжала дама, опрыскивая холодильник препаратом «Убик».

Холодильник обволокли магические искры, и на его месте появился новейший платный шестидверный холодильник во всем своем великолепии.

— Таким образом, — вновь раздался серьезный голос Глена Ранкитера, — благодаря использованию новейших методов современной науки, процесс превращения материи в свои предшествующие формы может быть прекращен, причем за плату, доступную для любого жителя. «Убик» можно купить в ближайшем магазине хозяйственных товаров в любой точке земного шара. Не употреблять внутрь, держать вдали от открытого огня. Использовать строго согласно инструкции, напечатанной на этикетке. Так что, Джо, иди и ищи его. Не сиди на месте, иди купи флакон «Убика» и распылай его вокруг себя днем и ночью.

— Ты знаешь, что я здесь? — сорвавшись с места, сказал Джо. — Ты меня видишь и слышишь?

— Разумеется, я тебя не вижу и не слышу. Рекламная передача была записана на пленку две недели назад — а точнее, за двенадцать дней до смерти. Я знал, что дело кончится взрывом, так как воспользовался услугами ясновидящих.

— Значит, ты и в самом деле мертв?

— Конечно же мертв. Разве ты не смотрел пару минут назад трансляцию из Дес-Мойнса? Я знаю, что ты видел ее, — об этом мне тоже сказал ясновидящий.

— А эта надпись на стене в туалете?

— Еще один пример разложения, — загремел голос Ранкитера из динамика телевизора. — Иди и купи себе флакон «Убика» — и все миражи исчезнут.

— Эл считает, что это мы умерли.

— Эл уже подвергся распаду.

Ранкитер разразился рокочущим смехом, от которого ходуном заходил весь конференц-зал.

— Слушай, Джо. Я надиктовал эту чертову рекламу, чтобы помочь вам — мы же всегда были друзьями. Я знал, что ты будешь полностью дезориентирован. Именно так и случилось. Принимая во внимание состояние твоих нервов, ничего удивительного в этом нет. Держись. Может быть, когда ты попадешь в Дес-Мойнс и увидишь мое тело, ты успокоишься.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо.

— Боюсь, что уже слишком поздно и Эл нельзя помочь.

— Каков состав «Убика»? Как он действует? — настаивал Джо.

— Честно говоря, эта надпись на стене туалета появилась там, вероятно, из-за присутствия Эла. Если бы не Эл, ты бы вообще ничего не заметил.

— Ты и в самом деле записан на магнитофон, — сказал Джо. — Ты меня не слышишь. Это правда.

— Вдобавок ко всему Эл... — начал Ранкитер.

— Черт побери, — выдавил из себя Джо. «Все это бессмысленно», — подумал он. Он уже был близок к капитуляции.

На экране телевизора вновь появилось лицо домохозяйки. На этот раз несколько приглушенным голосом она изрекла:

— Если в ближайшем к вам хозяйственном магазине еще нет средства «Убик», мистер Чип, вернувшись к себе домой, вы обнаружите рекламный образец препарата, присланный вам по почте бесплатно. Его вам должно хватить до того момента, пока вы не купите баллон нормальных размеров.

Экран вновь стал темным и немым. Домохозяйка исчезла. Существо, включившее телевизор, теперь таким же таинственным образом выключило его.

«Значит, — подумал Джо, — я должен все валить на Эла?»

Эта мысль не придавала ему энтузиазма. Эл в роли козла отпущения? «Это бессмысленно, — подумал Чип. — Кстати, в самом деле Глен меня не слышал? Или только делал вид? Какое-то время создавалось впечатление, что он отвечает мне, и лишь в конце ролика ответы перестали совпадать по смыслу с моими вопросами».

Джо ощутил себя бабочкой, бьющейся о стекло действительности, бабочкой, которая находится с одной стороны

стекла и не может выяснить, что же делается по другую сторону преграды.

Вдруг ему в голову пришла жутковатая мысль.

«Допустим,— думал он,— что Ранкитер и в самом деле надиктовал это сообщение на пленку, предполагая, что взрыв убьет его, а все остальные останутся живы. Он основывался на туманной информации от ясновидящего... Он надиктовал ленту с соответствующим сообщением, но предположение оказалось ложным — Глен не погиб, а умерли мы все,— так, по крайней мере, гласит надпись в туалете. Перед отлетом на Луну он отдал приказание передать ролик в эфир именно в это время, и, поскольку потом он не отменил заявки, телестанция выполнила его желание. Это объясняет несоответствие слов Ранкитера со смыслом надписи на стене. Только так можно объяснить все это».

Джо не удавалось найти другого объяснения происшедшему. Разве что Ранкитер играет с ними, запутывает и водит за нос? Он, словно могущественная сила, действующая в мире полуживых — или живых?— или в обоих мирах сразу?— преследующая их, вмешивающаяся в их жизнь. Она имеет решающее влияние на их ощущения и большую часть того, что их ожидает в будущем. Хотя она не влияет на сам процесс распада, это от нее не зависит. Но тогда для чего ей это? Может, процесс разложения все-таки подчиняется ее действию, а Ранкитер просто не хочет в этом сознаваться? Ранкитер и «Убик». «Вездесущность», понял Джо. Вероятно, именно от этого слова происходит название средства. Возможно, препарата вообще не существует, а это только всего лишь очередной обман, преследующий цель еще больше увеличить их заблуждения.

«Мало того,— думал он,— если Ранкитер жив, то мы имеем дело не с одним, а с двумя Ранкитерами сразу. Один из них, настоящий, пребывает в реальном мире и пытается установить с нами контакт. Другой же — фантазмагория, от которого в мире полуживых осталось лишь тело,— труп, выставленный для всеобщего обозрения в Дес-Мойнсе, штат Айова. Логически продолжая эту мысль, мы приходим к выводу, что и другие люди в нашем мире — Лен Ниггельман, Рэй Холлис и прочие — так же, как и он, всего лишь продукты нашего воображения, прообразы, призраки, а настоящие люди остались там, в реальном мире».

Джо совсем не нравилась эта концепция. Однако он принужден был признать, что, с точки зрения симметрии, она безукоризненна, хотя и кажется несколько хаотичной.

«Ладно,— решил он,— выскочу на минутку, возьму этот образчик «Убика», а потом отправлюсь в Дес-Мойнс. В конце концов, ведь именно этого хотел от меня Ранкитер. Шумливым рекламным роликом он дал понять, что с «Убиком» мне будет безопаснее. На подобные предостережения следует обращать внимание, если хочешь сохранить жизнь».

Или полужизнь.

Одно из двух».

Он вышел из аэротакси на крыше своего жилого блока и, спустившись вниз по эскалатору, оказался перед своими дверьми. С помощью монеты — он не помнил уже, от кого получил ее,— Джо открыл дверь и вошел в квартиру.

В жилой комнате ощущался явственный запах горелого — аромат, который он помнил с детства, но с тех пор никогда с ним повторно не сталкивался. Заглянув на кухню, он обнаружил причину этого явления. Автокухарка сместилась во времени, превратившись в старую газовую плиту фирмы «Бак» с засоренными горелками, погнутой дверью духовки и облупленной эмалью. Какое-то время Джо тупо разглядывал этот изрядно подержанный агрегат, а потом заметил, что подобные метаморфозы произошли со всем кухонным оборудованием. Аппарат, поставляющий газеты на дом, исчез бесследно. Тостер преобразился в причудливое устройство безо всякого признака автоматики. Из него даже тосты не выскакивали сами по мере готовности,— отметил Джо. Холодильник превратился в огромную, питающуюся от сети машину — реликвию, вынырнувшую из бог знает какого прошлого. Эта модель была древнее той старой развалины производства «Дженерал электрик», что показывали в телерекламе. Меньше всего изменения коснулись кофеварки. Она даже стала лучше: теперь на ней не было прорези для монет и можно пользоваться ею бесплатно. Хотя это же случилось и со всеми остальными устройствами — по крайней мере с теми, что еще продолжали оставаться на местах. Так же, как и газетный автомат, исчезло устройство для ликвидации мусора. Он постарался вспомнить, какими еще приспособлениями пользовались для этой цели раньше, но не смог. Он оставил это занятие и вернулся в гостиную.

Телевизора не было: вместо него стоял старинный ра-

диоприемник фирмы «Этуотер-Кент» в корпусе темного дерева и с диапазонами длинных, средних и коротких волн. Видна была антенна и провод заземления.

— Господи помилуй! — сказал вслух Джо.

«Но почему телевизор не превратился просто в грудку радиодеталей и пластика? — подумал он. — Ведь они являются его составными элементами, и он был собран именно из них, а не из старого приемника. Возможно, этот факт странным образом подтверждает предположение сторонников философии Платона о том, что общее понятие о вещи в любой из категорий является реальностью? Телевизор был просто формой, ставшей на место других форм, которые следовали друг за другом, как кадры на киноплёнке.

В любом предмете, — размышлял Джо, — должны жить в каком-то остаточном виде все его предшествующие формы. Прошрое, скрывшись под поверхностью, продолжает существовать и выползает на свет Божий, как только снимаются наслоения более позднего времени. Мужчина не содержит в себе юношу, но содержит всех предшествовавших его появлению мужчин».

Обезвоженные останки Венды — и тут проявилась нормальная преемственность форм. Последняя форма подошла к своему логическому концу, и за ней ничего не последовало. В этом, видимо, и заключается старость. Отсутствие новых форм ведет к огрублению и деградации. Разница только в скорости течения подобных процессов — ведь с Вендой все произошло за какие-то часы.

Но если говорить о Платоне, то разве он сам не утверждал, что что-то должно преодолеть распад, что существует некий элемент, не подверженный влиянию времени? Этот древний дуализм, когда душа и тело были разными элементами. Тело пришло к одному концу, а душа вырвалась из него и направилась в другое место.

«Возможно, — думал Джо, — что она должна возродиться заново, как говорит «Тибетская Книга Мертвых». Господи, я надеюсь, что это правда, и мы имеем возможность снова встретиться. Как в «Винни-Пухе»: существует другая часть леса, в которой мальчик и его медвежонок всегда будут играть вместе...

Это неуничтожимая категория, — решил он. — Так же, как и все мы. Каждый из нас возродится в новом мире вместе со своим медвежонком, и тот мир будет более светел и устойчив...»

Из чистого любопытства он включил приемник. Желтая панель из целлулоида осветилась, динамик выдавил из се-

бя бормотание, а потом, сквозь свист и помехи, пробила какая-то станция.

— Время программы «Семья Пеппера Янга», — объявил диктор. Послышалось бульканье органной музыки. — Она подготовлена фирмой, производящей мыло «Камэй», мыло Прелестных Женщин! Вчера Пеппер узнал, что его длившаяся уже несколько месяцев работа подошла к концу, причем весьма неожиданному, так как...

В этот момент Джо выключил радио.

«Мыльная опера начала второй мировой войны, — изумленно подумал он. — Ну что ж, это согласуется со смещением во времени явлений, характерных для этого, если можно так выразиться, квазимира».

Он осмотрел комнату и заметил кофейный столик со стеклянной крышкой и ножками в стиле барокко. На нем лежал номер журнала «Либерти», относящийся ко времени до начала второй мировой войны. В нем Джо нашел фрагмент научно-фантастической повести «Ночная молния», описывающий грядущую атомную войну. Он бессмысленно пролистал журнал и принялся осматривать комнату дальше в поисках других признаков перемен.

Вместо твердого покрытия были доски из мягкого дерева. Посреди комнаты расположился турецкий ковер, скопивший в себе невероятное количество пыли.

На стенах осталась лишь одна картина: эстамп в раме под стеклом, изображающий индейца, умирающего на спине лошади. Джо видел его в первый раз, и он не вызывал у него никаких воспоминаний.

Все это Джо не нравилось.

Место видеофона занял телефонный аппарат, причем еще тех времен, когда не существовало диска для набора номера. Джо снял трубку и услышал женский голос:

— Назовите нужный номер, сэр.

Джо тут же повесил трубку.

Автоматически регулирующаяся система отопления тоже исчезла, уступив место газовому камину с большой жестяной трубой, идущей вдоль стены чуть ли не до потолка.

Он прошел в спальню, распахнул гардероб и осмотрел его содержимое. Потом выбрал для себя костюм, состоящий из черных полуботинок, шерстяных носков, брюк-гольф и голубой хлопчатобумажной рубашки, спортивного пиджака из верблюжьей шерсти и кепки с козырьком.

Потом он выложил на кровать набор, подходящий для более торжественных случаев: темно-синий двубортный ко-

стюм, подтяжки, широкий галстук в цветочек и белую рубашку с жестким целлулоидным воротничком.

— Боже,— воскликнул он, обнаружив в углу шкафа сумку с набором клюшек для гольфа.— Это еще что за древность?

Джо вернулся в гостиную и обнаружил, что на том месте, где стоял комплект полифонической аппаратуры — УКВ-тюнер, высококачественный адаптер на невесомой подвеске, звуковые многополосные колонки и усилитель,— возникло высокое сооружение из темного дерева. Джо заметил ручку для установки звукозаписывающей пластинки и не стал даже поднимать крышку, чтобы убедиться, из чего состоит аппаратура. Пакет игл из бамбукового дерева лежал на полочке рядом с граммофоном марки «Виктрола». Там же находилась десятидюймовая пластинка фирмы «Виктор» на 78 оборотов. На ней красовалась этикетка: «Оркестр Рэя Нобла играет «Восточные сладости». Это было все, что осталось от его коллекции грампластинок и фонотеки магнитных лент.

«Утром,— подумал Джо,— здесь окажется предшественник патефона с зубчатыми передачами и с записью на валике».

Его внимание привлекла свежая — так ему показалось — газета, лежащая на противоположном конце мягкой софы. Он взял ее в руки и посмотрел на дату: 12 сентября 1939 года. Заголовок гласил:

«Французы утверждают, что они прорвали «Линию Зигфрида». Сообщают, что французские войска продвигаются вперед в районе Саарбрюккена».

— Любопытно,— сказал Джо.— Только что началась вторая мировая война, и французам все еще кажется, что они побеждают.

Он прочел следующий заголовок:

«Польские источники сообщают об остановке немецкого вторжения. Поляки утверждают, что агрессор бросает в бой все новые и новые силы, но не продвигается вперед».

Газета стоила три цента. Это тоже показалось Джо интересным.

«Что можно купить сейчас на три цента?— подумал он, отложив газету и еще раз обратив внимание на ее весьма свежий вид.— Ей не больше двух-трех дней. Значит, я могу определить дату».

Бродя по комнате в поисках перемен, он добрался до комода с бельем. На нем стоял ряд фотографий в рамках под стеклом.

Все они изображали Ранкитера.

Но это не был тот Ранкитер, которого знал Джо. На них был запечатлен малыш, мальчик и, наконец, молодой мужчина. Ранкитер из прошлого, — но все еще доступный для узнавания.

Достав бумажник, он нашел в нем лишь фотографии Ранкитера — ни одного снимка своих родственников или знакомых. Ранкитер был везде!

Он сунул бумажник назад в карман и вдруг сообразил, что тот изготовлен не из пластика, а из настоящей буйволовой кожи. Что ж, неудивительно. В то время кожа была доступней пластика. Он еще раз достал бумажник и внимательно осмотрел его. Потер пальцем кожу. Прикосновение к такому материалу было для него совершенно новым ощущением, однако очень приятным. «Это несравненно лучше пластика», — подумал Джо.

Вернувшись в гостиную, он обвел ее глазами в поисках ниши в стене, в которой должны были лежать сегодняшние письма. Он стал размышлять, пытаясь сообразить, как доставлялись раньше письма. Где их могли оставлять? На полу под дверью квартиры? Нет. В какой-то коробке... Он смутно припомнил слова: почтовый ящик. Отлично, но где может находиться этот самый ящик? У главного подъезда дома? У Джо была уверенность, что это именно там. Почта находилась в вестибюле, в двадцати этажах под ним.

— Прошу пять центов, — сказала дверь, когда он попытался ее отворить. Можно было подумать, что врожденное сопротивление платных дверей продлится дольше всего остального.

Он бросил монету в отверстие и быстро прошел через холл в направлении эскалатора. Однако в коридоре остались только бетонные ступени. «Двадцать этажей вниз, — подумал Джо. — Ступенька за ступенькой. Невозможно. Никто не мог бы спуститься с такой лестницы. Здесь должен быть лифт».

Джо двинулся в направлении лифта, но неожиданно вспомнил, что привиделось Элу. «А если я на этот раз увижу то, что видел тогда Эл? — подумал он. — Старая железная кабина, висящая на металлическом тросе, и обслуживающий его седой дегенеративный старикашка с фуражкой лифтера на голове. Это был эпизод уже не из 1939 года, а скорее из 1909-го. На этот раз процесс смещения во времени зашел гораздо дальше. Лучше не рисковать, а воспользоваться лестницей».

Смирившись, он начал спускаться по ступеням.

Он прошел уже полпути, когда осознал один зловещий факт — ему никогда не вернуться в свою квартиру. А тем более к такси на крыше. Там, в вестибюле, он будет обречен остаться в этом времени — и, быть может, навсегда. Разве что содержащийся в бутылке «Убик» будет достаточно силен, чтобы возвратиться к реальности лифт или эскалатор.

«Интересно,— подумал он,— как, черт бы их побрал, могут выглядеть наземные транспортные средства в тот момент, когда я окажусь внизу? Поезд? Дилижанс?»

Потеряв всякую надежду угадать, он продолжил свой спуск, суетливо перескакивая через две ступеньки. Было слишком поздно что-нибудь изменять.

Спустившись вниз, он оказался в просторном холле. В нем стоял очень длинный стол с мраморной крышкой, на котором были установлены керамические вазоны с цветами — кажется, это были ирисы. Четыре широкие ступени вели вниз, к затянутым портьерами дверям. Джо потянул за рифленую стеклянную ручку и открыл их.

Снова ступени. С правой стороны находился ряд запертых на ключ медных почтовых ящиков. На каждом из них была написана чья-нибудь фамилия. Джо оказался прав: почта доставлялась только до этого места. Он отыскал свой ящик, на котором была прикреплена полоска бумаги с надписью: Джозеф Чип, 2075, а также звонок, который, видимо, раздавался в его квартире, если нажать здесь кнопку.

Ключ. Ключа от ящика у него не было. Обшарив карманы, он отыскал колечко, на котором позвякивало множество металлических ключей самых разнообразных форм. Он изумленно рассматривал их, пытаясь определить их назначение. Замок почтового ящика был необычно маленьким. Скорее всего, для него нужен был ключ такого же размера. Выбрав самый маленький ключик в связке, Джо вставил его в скважину замка и повернул. Медная дверца отскочила, и Джо заглянул внутрь.

В ящике лежали два письма и прямоугольная пачка, обернутая коричневой бумагой и заклеенная лентой. С минуту он разглядывал непривычные памятки прошлого: пурпурные трехцентовые марки с портретом Джорджа Вашингтона. Потом Джо сорвал упаковку, с удовлетворением отметив, что пакет довольно тяжелый. «Но ведь пакет такой формы не может содержать баллон с распылителем — для этого он слишком короток»,— неожиданно понял он, почувствовав липкое прикосновение страха.

«А если это не бесплатный образец «Убика»?— вдруг подумалось ему.— Но это должен быть он, должен! Иначе попросту повторится история Эла!»

— Черт возьми!— воскликнул он, роняя упаковку на пол и рассматривая картонную коробку, которую держал в руке. На ней было написано:

«УБИК — БАЛЬЗАМ ДЛЯ НЕРВОВ И ПИЩЕВОДА».

Внутри коробочки находился пузырек из голубого стекла, заткнутый огромной пробкой. На этикетке виднелась надпись:

«СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ: мы гарантируем, что это обезболивающее средство, над усовершенствованием которого доктор Эдвард Сондербар работал более сорока лет, раз и навсегда избавит вас от необходимости просыпаться среди ночи. Первый раз вы будете спать спокойно, чувствуя себя великолепно. Надо всего лишь развести ложечку БАЛЬЗАМА ОТ НЕРВОВ И КИШЕЧНИКА «УБИК» в стакане теплой воды и выпить за полчаса до сна. Если боли и изжога не исчезают, следует увеличить дозу до одной столовой ложки. Не давать детям!

СОСТАВ: настойка из листьев олеандра, селитра, мятное масло, фенацетин, окись цинка, древесный уголь, хлористый кобальт, кофеин, экстракт дигиталиса, малые дозы стероидов, лимонная кислота, аскорбиновая кислота, искусственные отдушки и красители.

БАЛЬЗАМ ДЛЯ НЕРВОВ И КИШЕЧНИКА «УБИК»— сильнодействующее средство, безотказное при использовании согласно инструкции. Вызывает раздражение кожи. При употреблении надевайте резиновые перчатки. Следить, чтобы препарат не попал в глаза и на кожу. Не вдыхать в течение длительного времени.

ВНИМАНИЕ: длительное применение или передозировка могут привести к привыканию!»

«Сумасшествие»,— подумал Джо. Он снова перечитал список составляющих веществ, ощущая, как в нем появляется раздражение и злость. «Конец,— думал он.— Это не то средство, которое рекламировали по телевизору. Это какая-то допотопная микстура, из жутких медикаментов, крема для кожи, обезболивающих средств, ядов и совершенно бесполезных посторонних добавок. Скорее всего, произошел регресс того «Убика», который послали мне. Весьма показательно: препарат, созданный для борьбы с разложением, разложился сам. Это сразу можно было понять, увидев эти доисторические марки».

Он выглянул на улицу и заметил припаркованный к поребрику классический музейный лимузин, передвигающийся на колесах, марки «Ла Салле».

— Интересно,— спросил сам себя Джо.— Удастся ли мне добраться до Дес-Мойнса на машине «Ла Салле» образца 1939 года? Если она не примется вдруг стареть, мне удастся добраться туда примерно за неделю. Впрочем, тогда мне уже все будет безразлично, да и машины не останется в прежнем виде, все будет отодвигаться все дальше, за исключением, наверное, только дверей моей квартиры».

Он подошел к автомобилю, чтобы оглядеть его поподробнее.

«Быть может,— подумал он,— это моя машина? Тогда один из ключей должен подходить к замку зажигания — кажется, именно так приводились в действие такие механизмы. А с другой стороны — как я на нем поеду? Я ведь не умею управлять таким устройством — особенно автомобилем, в котором установлено — как это?— ручное переключение скоростей».

Однако он распахнул дверцу и уселся на сиденье поудобнее, прикусив нижнюю губу и пытаясь разобраться в ситуации.

«Может, мне следует принять ложечку бальзама для нервов и желудка «Убик»?— подумал он невесело.— Если он действительно содержит такие вещества, то должен умертвить меня максимально быстрым и гарантированным способом».

Но такой вариант не представлялся ему идеальным. Смерть не была бы спокойной и легкой. Умерщвление было бы очень медленным и незаметным. К этому привела бы окись кобальта, если раньше не достиг бы того же дигиталис. А кроме того, он упустил из виду, что смесь содержала натуральные листья олеандра, так что этот бальзам, просто-напросто разъял бы его кости, превратив их в студень дюйм за дюймом.

«Минуточку,— предположил Джо.— Кажется, в 1939 году уже существовало авиасообщение. Если бы мне удалось добраться до Нью-Йоркского аэропорта — ну, хоть на этой машине, можно было бы попытаться нанять самолет. Аппарат с тремя двигателями марки «Йорд». Он доставил бы меня в Дес-Мойнс».

Он по очереди попробовал ключи из своей связки, пока один из них не подошел и зажигание не включилось. Заработал стартер, потом зарычал двигатель. Джо понравился звук ритмично работающего исправного мотора. Вот такого

рода регресс — как с бумажником из буйволовой кожи — ему нравился больше. Транспортным средствам его времени явно недоставало именно этого элемента — звука, являющегося проявлением мощи.

— Так, теперь сцепление... Это вроде с левой стороны, внизу.— Он нащупал его левой ногой.— Давить педаль сцепления и включить скорость при помощи рычага.

Он попробовал осуществить это, но услышал только ужасающий звук трущегося металла о металл. Скорее всего, он недостаточно выжал сцепление. Джо попытался еще раз, на этот раз ему удалось переключить скорость, и автомобиль неуверенно стронулся с места.

Медленно проезжая вдоль улицы, Джо почувствовал прилив оптимизма.

— Попробуем теперь отыскать аэродром,— сказал он сам себе.— Это нужно сделать прежде, чем мы очутимся в эпохе ротационного двигателя типа «Гном» с размещенными на внешней поверхности цилиндрами и касторовым маслом в виде топлива. У него, кажется, была дальность 75 миль, и лететь можно было прямо над заборами со скоростью 50 миль в час.

Через час он добрался до аэродрома, припарковал машину и начал осматривать ангары, указатель направления и силы ветра, старые бипланы с деревянными пропеллерами.

«Ну и зрелище!— подумал он.— Эпизод из исторического фильма, воскрешенные реликты прошлого, не наделенные никакими связями с известным мне миром. Фантастические миражи, возникающие в поле зрения, но скоро и они исчезнут. Не могут же они удержаться дольше продуктов современного исполнения. Они будут сметены, как и все остальные, процессом деградации».

Вздвигнув от этой мысли, он вышел из машины и, ощущая сильную слабость, вызванную ездой в старинном автомобиле, поплелся в сторону строений аэропорта.

— Какой самолет я мог бы нанять за эту сумму,— спросил он первого встречного работника аэродрома, которого смог отыскать, раскладывая перед ним все свои наличные деньги.— Мне нужно как можно скорее попасть в Дес-Мойнс. Я хотел бы вылететь немедленно.

Лысый мужчина с черными усами и крохотными круглыми очками в золоченой оправе на носу молча посмотрел на деньги.

— Эй, Сэм!— крикнул он, повернув голову, формой напоминающую яблоко.— Иди-ка сюда, посмотри на эти бумажки!

К ним подошел другой мужчина в полосатой рубашке с короткими рукавами, заношенных хлопчатобумажных брюках и полотняных туфлях.

— Фальшивки,— сказал он, с минуту повертев банкноты в руках.— Это деньги для игр. На них нет портретов ни Джорджа Вашингтона, ни Александра Гамильтона.

Оба служащих внимательно стали изучать Джо.

— У меня там, на стоянке, машина «Ла Салле» образца 1939 года,— сказал Джо.— Я отдам ее, если меня доставят в Дес-Мойнс на любом самолете, способном совершить такой рейс. Заинтересует вас такое предложение?

— Может, Огги Брент?— сказал минуту спустя обладатель очков в золотой оправе.

— Брент?— переспросил парень в потертых брюках.— Ты имеешь в виду его «Дженни»? Да этому самолету больше двадцати лет, он не долетит и до Филадельфии.

— Тогда Мак-Джи?

— Да, но он в Ньюарке.

— В таком случае есть только Сэнди Ясперсен. Этот его «Картисс-Райт» способен долететь до Айовы. Рано или поздно.

Он повернулся к Джо.

— Идите к ангару номер три и отыщите там черно-белый биплан марки «Картисс-Райт». Там же вы найдете низенького, полненького человека, который будет в нем копаться. Если он не возьмется доставить вас на своем самолете, то никто не сможет вам помочь. Разве что вы подождете до утра, пока не появится Мак-Джи со своим трехмоторным «Фоккером».

— Спасибо,— поблагодарил их Джо и вышел из домика. Быстрым шагом он направился в сторону указанного ему ангара, уже издали приметив самолет, похожий на описанный черно-белый биплан.

«По крайней мере,— подумал он,— мне не придется совершать путешествие на «ДН» — учебном самолете времен первой мировой войны».

Вдруг Джо растерялся.

«С чего это я взял, что «Дженни» — это прозвище самолета марки «ДН»?

Боже, в моем мозгу уже появляются эквиваленты вещей этого времени. Хотя ничего странного,— размышлял он,— ведь я мог управлять этим «Ла Салле». Видимо, я и

в самом деле начал приспособливаться к этому времени».

Рыжий низенький мужчина что-то оттирал тряпкой у колес своего самолета. Заметив приближающегося Джо, он поднял глаза.

— Мистер Ясперсен?— спросил Джо.

— Он самый.

Мужчина внимательно смотрел на него, явно заинтригованный одеждой Джо, которая не испытала очередного разложения.

— Чем могу служить?— наконец спросил он.

Джо объяснил ему.

— Вы хотите дать мне «Ла Салле», новый «Ла Салле» за перелет в одну сторону до Дес-Мойнса?— Ясперсен нахмурил брови.— Может, все-таки в обе стороны? Мне ведь все равно придется сюда возвращаться. Ну хорошо, пойдем посмотрим на автомобиль. Хотя я ничего не обещаю — я ничего еще не решил.

Они дошли до стоянки.

— Но здесь нет никакого «Ла Салле»,— подозрительно сказал Ясперсен.

Он был прав. Автомобиль марки «Ла Салле» исчез. Вместо него Джо обнаружил маленький жестяной «Форд» с брезентовым верхом. Машина была очень старой — года, наверное, 1928. Она не представляла никакой ценности — это было легко определить по лицу Ясперсена.

Ситуация стала совершенно безнадежной. Он никогда не доберется до Дес-Мойнса. А это — как утверждал в рекламе Ранкитер — означает одно: смерть. Ту самую, что настигла Эла и Венду.

Теперь это всего лишь вопрос времени.

«Лучше умереть иначе,— подумал Джо, вспомнив об «Убике». Он распахнул дверцу своего «Форда» и сел за руль.

На сиденье лежал пузырек, который он получил по почте. Джо взял его в руки, и...

...обнаружил, что бутылка сместилась во времени вместе с машиной. Теперь она стала плоской, с четко видимыми царапинами, цельнолитая, без следов соединений. Такие флажки отливали в деревянных формах. Она выглядела очень старой: пробка из мягкой жести была изготовлена вручную и напоминала затычки, применявшиеся в конце XIX века. Этикетка тоже изменилась. Подняв бутылку к глазам, он прочел отпечатанный на ней текст:

«ЭЛИКСИР «УБИК». ГАРАНТИРУЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННОЙ ПОТЕНЦИИ И ПРЕДУПРЕЖ-

ДАЕТ НАРУШЕНИЯ ВСЕХ ИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ. ПОМОГАЕТ ТАКЖЕ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, ЖАЛУЮЩИМСЯ НА БЕСПЛОДИЕ. ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОЧНО ПО ИНСТРУКЦИИ СТАНОВИТСЯ БЛАГОДЕТЕЛЬНЫМ ДЛЯ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СРЕДСТВОМ ЛЕЧЕНИЯ».

Остальные слова были напечатаны более мелким шрифтом. Джо пришлось прищуриться, чтобы прочесть смазанные, крохотные буковки:

«НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, ДЖО. ЕСТЬ ДРУГОЙ СПОСОБ. ПРОБУЙ ДАЛЬШЕ — ТЫ НАЙДЕШЬ ЕГО. ЖЕЛАЮ УСПЕХА».

«Это Ранкитер,— сообразил Джо.— Он все еще продолжает свою садистскую игру в кошки-мышки. Он вдохновляет меня, чтобы я продержался еще какое-то время. Старается отсрочить наш конец. Одному Богу известно, зачем это может Глену понадобиться.

Может быть, его просто забавляют наши страдания. Хотя это не в его стиле, это непохоже на того Глена Ранкитера, которого я знаю».

Он отложил бутылку в сторону и стал прикидывать, что это за другой способ.

Используемый согласно инструкции «Убик» гарантирует крепкий сон без ощущения тяжести на следующее утро. Ты проснешься свежим и готовым справиться со всеми мелкими и крупными неприятностями, которые могут ждать тебя. Не превышай указанной дозы.

II.

— Что это за бутылка у вас в руках?— изменившимся голосом спросил Ясперсен, заглядывая внутрь машины.— Не могу ли я взглянуть?

Чип молча протянул ему плоскую фляжку с эликсиром «Убик».

— Мне рассказывала об этом моя бабка,— сообщил Ясперсен.— Откуда вы ее взяли? Ее не производят, наверное, со времен Гражданской войны.

— Наследство,— сказал Джо.

— Единственная возможность. Теперь уже не встретишь таких фляг ручной работы. Впрочем, та фирма их и немного изготовила. Это лекарство открыли в Сан-Франциско, примерно в 1850 году. Его никогда не продавали в

магазинах, оно изготовлялось исключительно на заказ. Выпускалось три сорта, разной силы действия — у вас как раз самое мощное.

Он посмотрел на Джо.

— Вы знаете его составляющие?

— Разумеется, — ответил Джо. — Мятное масло, окись цинка, лимонная кислота, древесный уголь...

— Не будем об этом, — прервал его Ясперсен. Он явно над чем-то напряженно размышлял. В конце концов выражение его лица изменилось — он пришел к решению: — Я отвезу вас в Дес-Мойнс в обмен на эту бутылку. Вылетаем сейчас же — я хотел бы большую часть пути совершить днем.

С бутылкой в руке он пошел к самолету.

Через десять минут биплан «Картисс-Райт» был заправлен горючим, винт запущен от руки, и аэроплан побежал по неровной стартовой дорожке, немилосердно трясясь. Джо стискивал зубы, пытаясь удержаться на сиденье.

— Мы слишком перегружены, — безмятежно сказал Ясперсен. Он не казался обеспокоенным. Самолет неуклюже поднялся в воздух, счастливо расставшись со взлетной полосой, и настырно затарахтел над крышами домов, направляясь на запад.

— Когда мы будем на месте? — прокричал Джо.

— Это зависит от того, как долго нам удастся лететь по ветру. Трудно сказать заранее, но, вероятно, завтра около полудня.

— Теперь вы можете сказать, что в этой бутылке? — поинтересовался Джо.

— Основной наполнитель этой жидкости — золотая пыль. А сама она — минеральные масла.

— И много там золота?

Вместо ответа Ясперсен повернул к Джо улыбающееся лицо. Можно было не продолжать — все было ясно и так.

Старенький биплан, тарахтя мотором, продолжал свой полет в направлении штата Айова.

Часам к трем пополудни следующего дня они добрались до аэродрома Дес-Мойнса. Сразу же после посадки пилот исчез бесследно, прихватив с собой бутылку с золотой пылью. Джо, совершенно окостенев, преодолевая ломоту во всем теле, выбрался из кабины. С минуту он постоял, растирая затекшие ноги, затем нетвердыми шагами направился в сторону домика у края летного поля.

— Можно мне позвонить? — спросил он у обыкновенно-

го фермера, похожего на чиновника аэропорта, сидящего за синоптической картой.

— Если у вас есть пять центов,— сказал тот, кивнув в сторону аппарата для посетителей.

Джо порывлся в карманах, вытащил оттуда монеты и начал отодвигать в сторону монеты с профилем Ранкитера. Наконец ему удалось отыскать пятицентовик с изображением бизона. Он положил его перед чиновником.

— Порядок,— буркнул тот, не поднимая головы.

Джо нашел телефонную книгу и отыскивал номер Предсмертного Дома Простого Пастора. Потом снял трубку и назвал номер телефонистке. После минутной паузы кто-то снял трубку.

— Предсмертный Дом Простого Пастора. Блосс у телефона.

— Я прибыл для участия в погребении тела Глена Ранкитера,— ответил Джо.— Я не слишком поздно?

Мысленно он возносил молитвы, чтобы это было не так.

— Церемония похорон мистера Ранкитера начинается как раз в эту минуту,— ответил мистер Блосс.— Где вы находитесь, сэр? Не желаете ли вы, чтобы за вами прислали автомобиль?— В его голосе чувствовался укор.

— Я на аэродроме,— сказал Джо.

— Вам следовало бы приехать раньше,— осуждающе заметил мистер Блосс.— Я сомневаюсь, что вам удастся успеть хотя бы к окончанию церемонии. Однако тело мистера Ранкитера будет выставлено для всеобщего обозрения сегодня вечером и завтра утром. Ждите наш автомобиль, мистер...

— Чип,— представился Джо.

— Да-да, конечно, мы ждали вас. Многие из участников похорон просили, чтобы мы были готовы встретить вас, мистер Чип, и еще мистера Хэммонда и мисс Райт. Они прибыли с вами вместе с вами?

— Нет,— ответил Джо.

Он повесил трубку и уселся на покрытую лаком деревянную плетеную скамейку, откуда ему виден был въезд на аэродром.

«В любом случае,— думал он,— я прибыл достаточно своевременно, чтобы присоединиться к остальным членам группы. Они еще здесь, а только это меня и заботит».

— Не могли бы вы подойти ко мне на минутку,— окликнул его старший чиновник.

Джо поднялся со скамейки и пошел в противоположный конец зала ожидания.

— В чем дело?

— Да вот, этот ваш пятицентовик, который вы мне дали.— Чиновник уставился на него.

— Это пятицентовик с бизоном,— заявил Джо.— Разве такие не находятся в обращении?

— На ней выбита дата: 1940.— Чиновник пытливо смотрел в глаза Джо.

Джо нетерпеливо буркнул, достал монеты и начал перебирать их. Наконец он нашел такую же монету, но с датой 1938 года и протянул ее служащему.

— Можете взять их себе обе,— сказал он и снова уселся на скамью.

— Время от времени нам попадаются фальшивые деньги,— объяснил чиновник.

Джо не ответил. Внимание его привлек приемник марки «Аудиола» в углу зала ожидания. Диктор рекламировал зубную пасту под названием «Ипана».

«Интересно,— подумал Джо,— как долго мне придется ждать?»

Теперь, когда он находился так близко от своих инерциалов, он начал волноваться. «Если уж я добрался сюда и нахожусь в нескольких милях от них, было бы ужасным...» На этом месте он прервал свои размышления и стал просто ждать.

Спустя полчаса на автостоянку выкатил «Виллис-Найт-87», модель 1930 года. Из него выбрался скромно одетый человек с конопляными волосами в бросающемся в глаза черном костюме. Заслонившись ладонью, он попытался заглянуть внутрь зала ожидания.

— Мистер Блосс?— спросил Джо, подходя к нему.

— Он самый,— ответил Блосс. Вокруг него распространился сильный запах «Сенсена». Он обменялся с Джо рукопожатием и снова забрался в машину.— Садитесь, мистер Чип,— сказал он,— нам нужно спешить. Быть может, мы еще успеем к концу церемонии. В торжественных случаях, вроде этого, отец Абернати обычно произносит длинные проповеди.

Джо устроился на переднем сиденье рядом с Блоссом. Через минуту они с клеткотом выскочили на шоссе, ведущее к центру Дес-Мойнса, и поползли по нему со скоростью, временами доходящей до сорока миль в час.

— Вы ведь сотрудник мистера Ранкитера, не так ли?— спросил Блосс.

— Да,— подтвердил Джо.

— Это какая-то необычная область, в которой работал

мистер Ранкитер. Я так и не смог понять до конца, чем он занимался. — Блосс просигналил рыжему сеттеру, выбежавшему на асфальт дороги. Пес свернул в сторону, как бы уважая право первенства, которым обладал на шоссе «Виллис-Найт». — Что такое «псионические способности»? Многие сотрудники мистера Ранкитера используют это выражение.

— Парапсихические силы, — пояснил Джо. — Способность мысли действовать непосредственно, без применения физических факторов.

— Вы имеете в виду мистические силы? Такие, как предвидение будущего? Я говорю это, потому что многие из ваших коллег говорили о будущем в таком ключе, как будто оно для них — уже свершившийся факт. Не со мной — они говорили между собой, но я слышал их беседы, знаете, как это бывает... Так, значит, вы — медиумы?

— Что-то в этом роде.

— И что вы предвидите в связи с войной в Европе?

— Немцы и японцы потерпят поражение, — сказал Джо. — США вступят в войну 7 декабря 1941 года.

Он погрузился в молчание, не имея желания говорить на эту тему. Его внимание больше занимали собственные проблемы.

— Что касается меня, — объявил Блосс, — то я — изоляционист.

«Что испытывают остальные члены группы? — думал Джо. — Живут ли они в той же самой действительности, что и я? Быть может, когда я присоединюсь к ним, мой путь повернется вспять и я окажусь в более поздних временах? Нам нужно найти способ, который позволит преодолеть эти пятьдесят три года и отыскать рациональные элементы современности, не тронутые процессом разложения. В то же время, если они смещаются с такой же скоростью, что и я, то я не смогу ничем им помочь. Разве что избавлюсь от хлопот, связанных с постоянным регрессом окружающего мира. Хотя, с другой стороны, окружающая действительность этого 1939 года уже сутки как продолжает оставаться стабильной — в ней не происходит никаких перемен. Или, может, это связано с моим приближением к основной группе инерциалов?

Хотя... этот баллончик с бальзамом «Убик», — подумал Чип, — ведь он сместился на восемьдесят лет за какие-то часы. Он за такое короткое время превратился из сосуда с распылителем во флягу, отлитую в деревянной форме. И этот лифт, который видел только Эл...

Но в этом случае все было бы иначе — ведь этот пи-

лот, Ясперсен, тоже видел эту бутылку с эликсиром. Это не было его субъективным ощущением — ведь именно благодаря этому эликсиру мне удалось добраться до Дес-Мойнса. Пилот также заметил изменения в автомобиле, так что болезнь Эла могла носить совершенно иной характер». По крайней мере, Джо надеялся на это и молился Богу, чтобы это оказалось именно так.

«Допустим, что мы окажемся не в состоянии обратить вспять этот процесс деградации и нам придется остаться в этой действительности до конца жизни. В самом ли деле это так страшно? Наверное, мы сможем привыкнуть к девятиламповым приемникам «Филко» в форме комода. Хотя... в этот период, по-моему, уже были известны супергероидины, хотя я еще ни одного не видел. Мы научимся управлять автомобилем марки «Америкэн Остин», который можно приобрести за 445 долларов, — эта сумма пришла ему в голову совершенно случайно, но он был уверен, что цифра правильная, — устроимся на работу и начнем получать деньги этого времени. Нам не нужно будет летать бипланами «Картисс-Райт», потому что через четыре года откроется авиалиния через Тихий океан, использующая скоростные четырехмоторные самолеты типа «Чайка». Трехмоторному «Форду» уже одиннадцать лет, и он уже реликвия прошлого. А этот биплан, на котором я летел сюда, — он даже для людей этого времени является музейным экспонатом. Вообще-то моя машина «Ла Салле» была весьма приличным механизмом, и управлять ею было истинное удовольствие».

— А что будет с Россией? — спросил его Блисс. — Я имею в виду — во время войны. Мы уничтожим этих красных? Можете ли вы заглядывать в будущее на такое расстояние?

— Россия примет в войне участие как союзник Соединенных Штатов, — ответил Джо, одновременно думая: «А что будет со всеми остальными веществами и продуктами? В области медицины тут не очень хорошо обстоят дела. Прикинем: они только-только должны были начать применять сульфамидные препараты. Это будет для нас нелегкой проблемой, если мы вдруг заболеем. Дантисты тоже не выглядят привлекательно: они все еще пользуются новокаином и бормашиной. Фторированная паста для зубов вообще еще появится только лет через двадцать».

— Как наш союзник? — возмущался Блисс. — Коммунисты? Это же невозможно! Они подписали мирный договор с Гитлером!

— Немцы расторгнут этот договор и нападут на Советский Союз в июне 1941 года.

— Ну, будем надеяться, что он его уничтожит.

Выванный из потока своих мыслей, Джо повернул голову, чтобы повнимательнее рассмотреть Блисса, сидящего за рулем своего «Виллис-Найта» девятилетней давности.

— Эти коммунисты — настоящая угроза для Германии, — продолжал Блисс. — Возьмите отношение к евреям. Вы знаете, кто от этого выигрывает? Евреи у нас в стране. У многих из них даже нет гражданства, но они числятся эмигрантами и даже получают пособие от государства. Я считаю, что в некоторых вопросах фашисты и в самом деле зашли слишком далеко, но ведь не надо забывать, что жиновское засилье издавна мешает всем и выход найти обязательно придется, пусть даже и не такой решительный, как концентрационные лагеря. У нас в Штатах те же проблемы — и с евреями, и с черномазыми. Так что рано или поздно и нам придется разобраться со всем этим.

«Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил негру «черномазый», — подумал Джо. Теперь он оценивал этот период времени несколько иначе. — Я уже забыл, что это такое».

— Линдберг — вот человек, у которого верный взгляд на немцев, — сказал Блисс. — Вы слышали его речи? Я не имею в виду рассказы газет, а то, какой он на самом деле...

Он затормозил и остановился перед сигналом «СТОП», оформленным в виде семафора.

— Или, к примеру, сенаторы Бор и Ней. Если бы не они, Рузвельт продал бы оружие Англии, а мы оказались бы втянутыми в войну, с которой не имеем ничего общего. Этому Рузвельту чертовски хочется внести поправку в законопроект об эмбарго на продажу оружия. Ему не терпится вступить в войну. Но американский народ не поддержит его — мы не намерены воевать за каких-то там англичан или кого-то еще.

Прозвучал сигнал семафора, и поднялось зеленое плечо указателя. Блисс включил первую скорость, и «Виллис-Найт» двинулся дальше, влившись в общую суету улиц Дес-Мойнса.

— Ближайшие пять лет у вас не будет причин радоваться.

— Это еще почему? Все жители штата Айова такого же мнения, что и я. Знаете, что я думаю о вас, сотрудниках Ранкитера, а? Послушать вас, так придешь к выводу, что

все вы — профессиональные агитаторы и пропагандисты.— Он бросил на Джо полный самоуверенности взгляд.

Джо промолчал. Он разглядывал старинное здание из кирпича, дерева и бетона, причудливых форм машины, большинство которых были окрашены в черный цвет, и думал: явился ли этот аспект жизни Среднего Запада ему одному или остальные члены группы тоже ощутили его? Ему казалось, что в Нью-Йорке все будет иначе. «Мы не станем жить здесь,— подумал он.— Мы поселимся на восточном побережье».

И все-таки он инстинктивно чувствовал, что в этом разговоре выявились вопросы, которые будут представлять для всех них серьезную проблему.

«Мы слишком много знаем,— думал он.— Мы не можем спокойно жить в этом времени. Если бы нас откинуло лет на двадцать—тридцать, мы бы еще смогли адаптироваться — снова пережить программу «Джемини», первые запуски «Аполлона» — это было бы даже интересно... Но здесь...

Здесь еще покупают сочинение «Два черных ворона» на пластинке в 78 оборотов в минуту, и Джо Пеннера, и программу «Мэрт и Мэрджи». Здесь все еще зализывают последствия Великого кризиса. В нашей эпохе люди осваивают колонии на Венере и Марсе, налаживают межзвездные перелеты, а эти не могут справиться с пустынными территориями Оклахомы.

Эти люди живут в мире, законы которого определяет риторика Уильяма Дженнингса Брайана; «обезьяний процесс» для них дело живое и актуальное. Мы никак не сможем приспособиться к их мировоззрению, морали, политическим взглядам и социологическим характеристикам. Для них мы — профессиональные агитаторы, понять которых труднее, чем фашистов. Мы, вне всякого сомнения, представляем большую угрозу, чем коммунистическая партия, потому что мы — самые опасные агитаторы из всех, с которыми имела когда-либо дело эта эпоха. Тут как раз Блосс прав».

— Откуда вы родом?— спросил Блосс.— Вы не уроженец Соединенных Штатов? Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь. Мы — граждане Североамериканской Федерации.

Джо вытащил из кармана монету с изображением Ранкитера и вручил ее Блоссу.

— Возьмите от меня в подарок.

Глянув на монету, Блосс поперхнулся от изумления.

— Этот профиль — да ведь это покойный! Это же мис-

тер Ранкитер...— произнес он дрожащим голосом. Он еще раз осмотрел монету и побледнел: — А эта дата! Там указан 1990 год!

— Не надо говорить об этом вслух,— посоветовал ему Джо.

Когда «Виллис-Найт» добрался до Предсмертного Дома Простого Пастора, церемония уже закончилась. На широких белых деревянных ступенях двухэтажного дома стояла группа людей. Джо сразу узнал их. Это были его инерциалы — Эдди Дорн, Фрэнси Джекестэм, Типпи Джексон, Джон Илд, Франческа Спаниш, Тито Апостос, Дон Денни, Сэмми Мандо, Фред Зафски...

«И Пат,— подумал Джо,— моя жена». Он еще раз поразился ее яркой красоте: необычным черным волосам, глубоким тонам кожи и глаз.

— Нет,— громко произнес он, выходя из машины.— Она мне не жена. Она сама это вычеркнула из прошлого. А перстенок-то оставила. Колечко из кованого серебра и нефрита, которое мы вместе выбирали... Вот и все.

Но новая встреча с Пат все-таки была для него потрясением. Ему словно ненадолго вернули внешнюю оболочку супружества, которое давно перестало существовать, и которое по сути дела никогда не существовало — от него осталось только это колечко. Хотя и оно может в один прекрасный день исчезнуть, если Пат вдруг придет в голову избавиться и от этого последнего следа.

— Привет, Джо,— сказала она своим холодным, несколько ироничным тоном, оценивающе глядя на Чипа.

— Привет,— несколько неловко ответил он. Остальные тоже принялись дружно приветствовать его, но он не обращал внимания — Пат вдруг захватила все его чувства.

— А где Хэммонд?— спросил Дон Денни.

— Эл умер. Венда Райт — тоже,— сообщил Джо.

— О Венде мы знаем,— спокойно сказала Пат.

— Нет, мы не знали,— возразил Денни.— Мы только предполагали, но уверенности не было. Во всяком случае, у меня. Что с ними произошло? Их убили?— Он повернулся к Джо.

— Они умерли от истощения,— ответил Чип.

— От чего?— резко спросил Тито Апостос, пробираясь к Джо.

— Последней вещью, которую ты нам сказал, Джо,— вмешалась Пат,— тогда, еще в Нью-Йорке, когда уходил вместе с Хэммондом...

— Я помню, что я говорил,— перебил ее Джо.

— Ты там что-то говорил о времени,— продолжала Пат.— Ты еще сказал: «Слишком много прошло времени». Что это означало? Это имеет что-нибудь общее с происходящим?

— Мистер Чип,— взволнованно обратилась Эдди Дорн,— с тех пор, как мы прибыли в этот город, произошли радикальные изменения. Никто из нас ничего не понимает. Вы видите вокруг то же, что и мы?

— Я не знаю точно, что именно вы видите.

— Черт бы тебя побрал, Чип,— гневно произнес Тито Апостос.— Не выкручивайся. Скажи попросту: какое впечатление производит на тебя этот городишко? Эта машина,— он указал рукой на «Виллис-Найт»,— ты на ней приехал. Скажи нам, какой она марки.

Все ждали, напряженно глядя на Джо.

— Мистер Чип,— пробормотал Сэмми Мандо,— ведь это настоящий старинный автомобиль, не так ли? И сколько же ему лет?

После недолгого размышления Джо ответил:

— Шестьдесят два.

— Стало быть, она из 1930 года,— пояснила Типпи Джексон Дону Денни.— Это примерно то же, что мы и предполагали.

— Мы решили, что находимся в 1939 году,— спокойно сказал Денни. В его голосе не осталось и следа прежнего волнения.

— Установить дату было сравнительно легко. Еще в своей нью-йоркской квартире я заглянул в газету. Там было указано 12 сентября 1939 года. Значит, сегодня 13 сентября и французы думают, что прорвали «Линию Зигфрида».

— Это выглядит довольно забавно,— заметил Джон Илд.

— Я надеялся, что вы, как группа, пребываете в более позднем этапе действительности,— заявил Джо.— Но что делать, если это оказалось не так.

— Если это действительно 1939 год, то нам следует принять это к сведению,— скрипучим голосом сказал Фред Зафски.— Мы, вероятно, переживаем одно и то же? И есть ли другая возможность?

— Успокойся, Фред,— попросил его Тито Апостос.

Джо Чип повернулся к Пат:

— А что ты думаешь обо всем этом?

Пат пожала плечами.

— Не пожимай плечами. Отвечай.

— Мы переместились во времени,— сказала Пат.

— Не совсем так,— возразил Джо.

— А что же? Может, мы отправились в будущее?

— Мы не трогались с места,— ответил Джо.— Мы там, где были всегда. Но по какой-то причине — существует целый ряд таких причин — реальность пережила регресс. Она утратила привычные нам точки отсчета и откатилась к предыдущему этапу. К этапу, на котором она находилась пятьдесят три года назад. Впрочем, каждую минуту может наступить новый регрессивный процесс. Но сейчас не об этом. Меня интересует, являлся ли вам Глен Ранкитер.

— Ранкитер,— немедленно отозвался Дон Денни с излишней долей восторга в голосе,— лежит в этом вот доме в своем гробу, мертвый, как селедка. Это единственная форма, в которой он нам являлся, и, я думаю, ни в какой другой форме нам его узреть не удастся.

— Мистер Чип,— сказала Франческа Спаниш,— у вас ни с чем не ассоциируется слово «Убик»?

Ему потребовалось некоторое время, чтобы вникнуть в смысл вопроса.

— Бога ради,— сказал наконец Джо,— вы способны отличать видения от...

— У Фрэнси бывают сны,— пояснила Типпи Джексон.— Постоянно. Расскажи ему свой сон про «Убик», Фрэнси.

Она повернулась к Чипу:

— Сейчас она расскажет вам свой сон, как она говорит, об «Убике». Он приснился ей прошлой ночью.

— Я его так называю, потому что это и в самом деле был сон об «Убике»,— с жаром выпалила Франческа, переплетя пальцы нервным движением.— Послушайте меня, мистер Чип, мой сон отличается от тех, что снились мне до сих пор. Из неба выросла огромная рука — словно длань Божья, она была размером с гору. В этот момент я поняла, что дело касается чего-то важного. Кисть была сжата в кулак, подобный скале. Я знала, что в кулаке находится нечто очень ценное, вещь, от которой зависит жизнь всей Земли. Я ждала, что кулак разожмется, и когда наконец, это случилось, я увидела, что же в нем было.

— Бутылка с аэрозолем,— сухо подсказал Дон Денни.

— Да, и на этой бутылке,— продолжала Франческа Спаниш,— крупными золотыми буквами, просто сияющим пламенем, было написано только одно слово: «УБИК». И больше ничего. Потом ладонь сомкнулась, и эта гигантская

рука скрылась за пеленой серых облаков. Сегодня, перед началом церемонии, я заглянула в библиотеку и попыталась найти это слово в словаре. Однако никто не знает, что оно означает. Библиотекарь утверждает, что это не английское выражение. Существует одно похожее латинское слово. Оно значит...

— «Везде»,— сказал Джо.

— Вот именно,— кивнула Франческа.— Но точно такого слова, как «Убик», не существует. А именно так было во сне.

— Оба эти слова имеют одинаковое значение,— сказал Джо.— Разница только в написании.

— А ты откуда это знаешь?— настойчиво спросила его Пат Конли.

— Вчера мне явился Ранкитер,— объяснил Джо.— Он выступал в телерекламе, записанной до его смерти.

Джо не стал вдаваться в подробности — дело выглядело весьма запутанным, чтобы его можно было детально изложить в данный момент.

— Ты жалкий глупец,— проговорила Пат.

— Почему?

— Ты счел это указаниями мертвеца? С таким же успехом можно считать письмами мертвеца его почту, написанную до смерти. Или вот деловые заметки, которые он вел, или даже...

— Я иду посмотреть на Ранкитера,— заявил Джо. Он отделился от остальных и вошел по деревянным ступеням в темное и холодное помещение морга.

Пустота. Ни живой души. Джо видел лишь просторное помещение со многими рядами кресел, напоминающих церковные скамьи, и гроб, украшенный цветами. В маленьком боковом помещении находился старинный орган, приводимый в действие мехами, и несколько деревянных стульев. Вокруг стоял аромат цветов и запах пыли. Эта смесь показалась ему отвратительной. Подумать только, сколько жителей штата Айова приобщились к вечности в этих стенах. Лакированные полы, носовые платочки, толстые шерстяные костюмы, ну и так далее... вплоть до медяков, которыми прикрывали глаза усопшим. И орган, играющий короткие ритмичные псалмы.

Он подошел к гробу и, поколебавшись, заглянул внутрь.

В уголке гроба лежала кучка обожженных, высушенных костей, а поверх них — череп, тонкий, как бумага, оскалившийся в сторону Джо в ехидной гримасе. Запавшие

глаза напоминали высохшие виноградины. Возле останков Ранкитера были рассеяны клочки материала с торчащими, как щетина, нитями — казалось, их принесло сюда ветром, и труп, словно еще дыша, присыпал себя ими в ходе слабеющего цикла вдохов и выдохов. Все было абсолютно неподвижным — таинственный процесс, приведший к смерти Венды и Эла, уже подошел к концу, скорее всего, довольно давно. «Много лет назад», — подумал Джо, вспомнив Венду.

Видели ли труп остальные члены группы? Джо протянул руки, поднял дубовую крышку гроба и закрыл его. Удар дерева о дерево глухим эхом прокатился по пустому залу морга, но никто не услышал его и никто не появился.

Ослепленный слезами, которые выдавил из его глаз страх, он выбрался из пропыленного тихого зала и вновь оказался в солнечном свете умирающего дня.

— Что случилось? — спросил его Дон Денни, когда он опять присоединился к остальным членам группы.

— Ты выглядишь смертельно перепуганным, — сказала Пат Конли агрессивно.

— Ничего! Ничего не случилось!

Он смотрел на них с глухой враждебностью, которая внезапно овладела им.

— Ты там не встретил случайно Эдди Дорн? — спросила Типпи.

— Она куда-то пропала, — пояснил Джон Илд.

— Но ведь она только что была здесь, — удивился Джо.

— Она целый день жаловалась, что ей холодно и что она устала, — сказал Дон Денни. — Может быть, она ушла в отель? Она говорила, что хочет лечь и выспаться. Наверняка с ней ничего не случилось.

— Она наверняка уже мертва. — Обращаясь ко всем, Джо продолжал: — Я думаю, вы все уже поняли это. Если кто-то отделился от группы, он немедленно умрет. Так было с Вендой, Элом, Ранкитером и... — он неожиданно умолк.

— Ранкитер был убит во время взрыва, — поправил его Дон Денни.

— Это мы все погибли во время взрыва, — сказал Джо. — Я знаю, так как мне сообщил об этом Глен. Он написал это на стене туалета в Нью-Йорке. Таковую же надпись я видел на...

— То, что ты рассказываешь, чистое безумие, — прервала его Пат. — Так кто же все-таки был убит? Мы или Ранкитер? Ты говоришь то так, то эдак. Можешь ты придерживаться какой-нибудь одной версии?

— Постарайся быть более последовательным,— вмешался Джон Илд. Остальные закивали головами, выражая этим немую солидарность. Лица их напряглись и пошли морщинами от страха.

— Я могу пересказать вам, как звучала эта надпись на стене,— предложил Джо.— Могу рассказать о заезженном магнитофоне и приложенной к нему инструкции по обслуживанию. Могу рассказать о телерекламе, в которой выступал Глен, о записке, которую мы с Элом нашли в блоке сигарет в магазине в Балтиморе, об этикетке на бутылке с эликсиром «Убик». Но я не могу связать все это воедино, в какое-нибудь логически целостное построение. Так или иначе, но нам нужно добраться до отеля и постараться отыскать там Эдди Дорн прежде, чем она исчерпает все свои силы и исчезнет навсегда. Где тут можно найти такси?

— Владелец морга предоставил нам свою машину,— сказал Дон Денни.— Это «Пирс-Эрроу», вон она стоит.— Он указал на автомобиль.

Они пошли к машине.

— Нам всем в нем не поместиться,— сказала Типпи Джексон, когда Денни распахнул дверцу и залез внутрь.

— Спросите Блисса, нельзя ли нам взять его «Виллис-Найт»,— посоветовал Джо.

Он сел в «Пирс-Эрроу» на место водителя и завел мотор. Как только все, кому удалось в ней разместиться, оказались внутри, Джо вывел автомобиль на оживленную главную улицу городка. «Виллис-Найт» двинулся за ними. Его клаксон время от времени мяукал, извещая Джо, что вторая машина не отстает.

Помести в свой тостер превосходный «Убик», изготовленный исключительно из свежих фруктов и живительного овожного сока. «Убик» превратит твой завтрак в мечту! Безвреден только при использовании по инструкции.

12.

«Мы умираем один за другим,— думал Джо Чип, пробираясь на огромной машине через поток автомобилей.— В моей теории есть какая-то ошибка. Эдди, находясь вместе с группой, должна была быть в безопасности. Я же... Я должен был умереть во время этого неторопливого полета в Дес-Мойнс».

— Мы должны взять за правило,— обратился он к До-

ну Денни,— что, если кто-то из нас почувствует усталость, кажется, так выглядит первый тревожный сигнал, он обязан сообщить об этом остальным и ни в коем случае не уединяться.

— Все слышали?— Дон Денни повернулся к сидящим сзади.— Как только кто-нибудь из вас почувствует усталость — пусть даже не очень сильную,— он должен сообщить об этом мне или мистеру Чипу.

Он снова повернулся к Джо.

— И что дальше?

— Да, и что дальше?— эхом повторила Пат.— Что мы потом будем делать? Мы все слушаем тебя.

— Мне кажется странным, что ты совсем не пользуешься своими возможностями,— сказал ей Джо.— Теперешняя ситуация как будто специально создана для тебя. Почему ты не можешь сместиться во времени на четверть часа и сказать Эдди, чтобы она не уходила? Почему ты не повторишь то, что делала со мной и Ранкитером, когда я знакомил тебя с ним?

— Это Г. Г. Эшвуд познакомил меня с Ранкитером,— поправила его Пат.

— Ты, видимо, и не собиралась ничего делать?— сказал Джо.

— Мисс Конли и мисс Дорн вчера разругались за обедом,— с хохотом сообщил Сэмми Мандо.— Мисс Конли не любит Эдди и не хочет ей помогать.

— Я любила Эдди,— возразила Пат.

— Так есть какая-нибудь причина тому, что ты не используешь свою силу?— поинтересовался Дон Денни.— Джо прав: это непонятно, что ты даже не пытаешься помочь.

— Я утратила свои способности,— после минутной паузы сказала Пат.— Сразу после взрыва бомбы на Луне я почувствовала, что больше не могу ничего делать.

— Так почему ты не сказала нам об этом сразу?— удивился Джо.

— Черт побери, мне не хотелось об этом говорить,— сказала Пат.— Почему я должна говорить с вами о том, что мне неприятно? Я все время пытаюсь применить свои способности, но у меня ничего не получается. Такого со мной еще никогда не бывало, всю жизнь я могла и вот теперь...

— Когда ты...— начал Джо.

— В момент смерти Ранкитера,— сказала Пат.— Сразу же после взрыва на Луне, прежде, чем ты спросил меня об этом.

— Значит, ты уже давно знаешь об этом,— констатировал Джо.

— Я пробовала в Нью-Йорке, сразу после прилета из Цюриха, когда стало ясно, что с Вендой произошло что-то странное. Я пыталась вернуть все назад и сейчас, когда ты сказал, что Эдди, вероятно, уже мертва. Быть может, мы находимся в таких временах, в которых пси-способности просто не функционируют? Но это не объясняет происшедшее на Луне, разве что мы уже тогда сместились во времени, только не давали себе в этом отчета?

Она погрузилась в унылое молчание, глядя на пробегающие за окном машины.

«Вполне возможно,— думал Джо,— что она утратила свой дар перемещения во времени. По сути дела, сейчас вовсе не 1939 год. Мы вообще находимся вне времени. Из этого вытекает, что Эл был прав: надпись на стене говорила правду. Мы пребываем в состоянии полужизни, как и говорил автор стишков».

Однако Джо не стал пересказывать свои умозаключения остальным. «Зачем говорить, что ситуация безнадежная?— думал он.— Они и без того сами в этом быстро убедятся. Наиболее сообразительные из них — например, Денни — и сейчас это прекрасно понимают. Они могли определить это и сами на основе того, что я рассказал им».

— Кажется, ты опечален тем, что ее способности больше не действуют,— сказал Дон Денни.

— Конечно,— согласился Джо.— Я надеялся, что с их помощью нам удастся изменить ситуацию.

— Наверняка дело не только в этом?— предположил Денни, руководимый необычной для него интуицией.— Я это чувствую по твоему...— он неопределенно махнул рукой,— по тону голоса, что ли... Так или иначе, я знаю, что это имеет какое-то значение, что это важно и что-то проясняет.

— Мне и дальше ехать прямо?— спросил Джо, притормаживая у перекрестка.

— Сворачивай направо,— сказала ему Типпи Джексон.

— Там увидишь кирпичное здание,— сказала Пат,— с бегающей вверх-вниз неоновой надписью «Отель “Мармонт”». Так называется это кошмарное заведение. Один умывальник на два номера и ванна вместо душа. У них в меню имеется один-единственный напиток — какое-то пойло под названием «Нейи».

— А мне еда понравилась,— сказал Дон.— Настоящая говядина вместо синтетического протейна, свежий лосось...

— У вас нет хлопот с местными деньгами?— спросил Джо. Неожиданно он услышал высокий воющий звук, эхом отозвавшийся вдоль улицы.— Что это такое?

— Не знаю,— нервно сказал Денни.

— Это полицейская сирена,— сообщил Сэмми Мандо.— Ты свернул, не подав никакого сигнала.

— А как я мог это сделать?— спросил Джо.— На приборном щитке нет переключения указателя направления поворота.

— Надо было показать рукой,— ответил Сэмми.

Сирена приближалась. Повернувшись, Джо увидел мотоцикл, как раз в этот момент поравнявшийся с машиной. Он затормозил, не зная, что делать дальше.

— Остановись у тротуара,— сказал Сэмми.

Джо свернул к краю и остановил автомобиль.

Полицейский слез с мотоцикла и быстрым шагом подошел к машине. Это был молодой человек с худым мышинным лицом, большими глазами и острым взглядом.

— Ваши права,— сказал он, внимательно разглядывая Джо.

— У меня их нет,— признался Чип.— Составляйте протокол и позвольте нам ехать дальше.— Он уже видел отель.

Джо повернулся к Дону Денни:

— Быть может, тебе лучше дойти до отеля пешком, захватив остальных?

«Виллис-Найт» продолжал движение в направлении отеля. Дон Денни, Сэмми и Типпи Джексон вместе с Пат вылезли из машины и, оставив Джо один на один с полицейским, направились к «Виллису», который как раз притормаживал на другой стороне улицы.

— Есть у вас какое-нибудь удостоверение личности?— спросил полицейский.

Джо протянул ему бумажник. Красным копировальным карандашом полицейский заполнил бланк, вырвал его из своего блокнота и протянул Джо со словами:

— Поворот без сигнала. Отсутствие водительских прав. На обороте отмечено, куда и когда вы должны явиться.

Он закрыл свой блокнот с бланками и протянул Джо его бумажник. Затем неторопливо вернулся к своему мотоциклу, завел его и, дав газ, исчез в уличной суете.

Сам не зная зачем он это делает, Джо, прежде чем убрать повестку в карман, заглянул в нее. Потом — медленно — перечитал ее еще раз. Он узнал почерк, которым было написано следующее:

«Вы в гораздо большей опасности, чем я думал прежде. Слова Пат Конли были...»

Текст прерывался на середине предложения. Джо попытался прикинуть, что должно было быть написано дальше. Не было ли на повестке еще какой-нибудь надписи? Не найдя ее на обороте, он снова изучил лицевую сторону. Никаких других слов, написанных от руки, не было, но внизу бланка помещался отпечатанный крохотными буквами текст:

«Посети аптеку Арчера, продающую по доступным ценам безотказные средства, незаменимые в домашнем хозяйстве, а также медикаменты в точной и проверенной дозировке».

— Не много это говорит,— пробормотал Джо.

И все-таки от повестки дорожной полиции города Дес-Мойнса этого ожидать не следовало бы. Очевидно, это все-таки был очередной знак, такой же, как и слова, написанные красным карандашом.

Он вел машину к ближайшему магазину, в котором продавались сигареты, сладости и газеты.

— Я могу воспользоваться вашей телефонной книгой?— спросил он у владельца, полного мужчины среднего возраста.

— Там, в глубине,— сказал приятным голосом тот, указывая направление пухлым пальцем.

Джо отыскал телефонную книгу и в сумрачном уголке темного, крохотного магазинчика попытался найти в ней телефон аптеки Арчера, однако ее в списке не было.

Закрыв справочник, он подошел к хозяину, который как раз продавал какому-то мальчишке пачку вафель «Некко».

— Вы не знаете, где находится аптека Арчера?— спросил Джо.

— Нигде,— ответил владелец магазина.— Теперь — нигде.

— Как это?

— Она закрылась несколько лет назад.

— И все же скажите мне, где она была? И как мне до нее добраться.

— Это просто.— Мужчина наклонился вперед, вытянув руку в направлении двери.— Видите вон тот салончик с вывеской парикмахера? Дойдите до него и сверните на север. Это вон там.— Он указал Джо направление.— Там увидите старый желтый дом с декоративным карнизом. Некоторые квартиры еще заселены, но помещение магазина на первом этаже пустует. Однако вам еще удастся про-

честь надпись «Аптека Арчера», так что вы ее узнаете. Вам будет легко ее найти. Старый Эд Арчер заболел раком горла и...

— Благодарю вас.

Он вышел из лавочки и вновь оказался на улице, залитой светом заходящего солнца. Он пересек улицу, дошел до парикмахерской и свернул в указанном направлении.

Далеко, в глубине улицы, он заметил высокий желтый дом, с которого уже местами облетела краска. Что-то насторожило его при виде этого здания. Он заметил странное мерцание, подрагивание, как будто дом попеременно принимал реальные очертания, но тут же искажался, изменяя свою форму. Каждая последующая фаза этого колебательного процесса занимала несколько секунд, потом следовало возвращение в исходное состояние. Эти изменения следовали в строгом ритме и последовательности, словно дом был живым существом.

«Может быть, и мне пришел конец», — подумал Джо.

Он направился в сторону заброшенной аптеки, не отводя взгляда от странного здания, наблюдая за пульсирующими переменами в его внешнем виде. Подойдя поближе, он уловил характер перемен, отличных друг от друга, как два противоположных полюса.

В тот момент, когда дом становился как бы более реальным, он приобретал вид магазина разных хозяйственных мелочей из родного для Джо времени. Лавочка самообслуживания, управляемая роботом, в которой можно было купить десять тысяч различных предметов, входящих в оборудование современной квартиры. С тех пор как Джо стал взрослым, он частенько пользовался этими контролируемыми автоматическими устройствами магазинами.

В фазе нереальности магазин превращался в маленькую старинную аптеку с карнизом в стиле рококо. В ее небольших витринах Джо видел бандажи для грыжи, ряды стекол для очков, от руки написанную вывеску «ПИЯВКИ», большие бутылки со стеклянными пробками, содержащие наследство Пандоры — действенные препараты и бесполезные медикаменты... Он заметил также слова: «АПТЕКА АРЧЕРА», нарисованные на деревянной панели, идущей над окнами. От пустого, брошенного помещения не осталось и следа: этап 1939 года был каким-то образом устранен.

Какое-то время он стоял перед домом, пристально рассматривая его вид в ходе меняющихся фаз, напоминающих прилив и отлив. Он чувствовал, что какая-то сила влечет

его вперед, потом назад, потом снова вперед. Идущие мимо него люди не обращали на происходящее ни малейшего внимания — вероятно, никто не видел того, что видел Джо: ни старой аптеки, ни магазина из 1992 года. Именно это и казалось Джо самым загадочным.

В тот момент, когда дом принял старинный вид, Джо переступил порог и оказался в аптеке Арчера.

«Значит,— входя в аптеку, прикинул Джо,— я или продолжу свой путь в глубь времени, или окажусь в современной мне эпохе. Похоже, что все-таки перейду в более древние времена, чем 1939 год».

Справа от входа шла длинная стойка с мраморной крышкой. На полках стояли выцветшие коробки. Все помещение казалось погруженным в темноту, не только из-за недостатка света, но и из-за отсутствия в краске охряных тонов. Как будто так и было задумано, чтобы помещение сливалось и гармонировало с мраком, чтобы здесь всегда царила тьма. Тяжелая атмосфера давила на Джо, он физически ощущал ее гнет на своих плечах, словно на него взвалили солидный груз. Колебания прекратились — по крайней мере, он перестал ощущать их, когда зашел внутрь. Он не был уверен, что совершил правильный выбор. Теперь он пытался понять, что случилось бы, если бы он вошел в дверь в фазе своей эпохи.

«Может, лучше возвращение в свое время,— подумал он.— Прыжок из этого мира деградации, в котором постоянно происходит вырождение времени, и не исключено — навсегда. Ну да ладно, дело сделано».

Он прошелся по аптеке, присматриваясь к латунной стойке. Наконец, он добрался до дальнего окошка, в котором принимали рецепты.

Худой молодой человек в костюме пепельного цвета, застегнутом на все пуговицы, появился в окошке и молча встал напротив Джо. Какое-то время они молча рассматривали друг друга. Тишину нарушал только звук висящих на стене часов, круглый циферблат которых украшали римские цифры. Маятник, ритмично постукивая, раскачивался направо и налево, как и маятники всех часов во всем мире.

— Порцию «Убика»,— попросил Джо.

— Мази?— спросил продавец.

Казалось, что каждое движение его губ было несинхронно произносимым словам. Сперва Джо заметил, что рот его открывается, потом заметил движение губ, и лишь после некоторого интервала услышал звук его голоса.

— Значит, это мазь,— сказал Джо.— А я думал, его следует принимать внутрь.

Аптекарь какое-то время не отвечал, а потом его рот приоткрылся, губы еще раз шевельнулись. Через минуту, словно их разделяло огромное расстояние — или целая эпоха, Джо услышал слова:

— «Убик» пережил множество изменений, по мере того как производитель совершенствовал его. Может быть, вам известен предыдущий продукт, но не наш — новейший.

Продавец сделал полуоборот. Его манера двигаться напоминала замедленное кино. Он передвигался неторопливыми, размеренными шагами, напоминающими какой-то танец. Ритм его, может, и мог удовлетворить чье-либо эстетическое чувство, но у Джо он вызвал страшное раздражение.

— Последнее время у нас были трудности с поставками «Убика»,— сказал продавец, вновь появляясь в поле зрения Джо. В правой руке он держал плоскую, запаянную банку, которую положил на прилавок перед Джо.

— Этот препарат изготавливается в виде порошка, который следует смешивать со смолой. Смола продается отдельно, вы можете запастись ею за весьма умеренную цену. Порошок же довольно дорог — сорок долларов за банку.

— Каковы его составляющие?— спросил Джо. Он был поражен размером цены.

— Это секрет изготовителя.

Джо взял в руки банку и поднес ее к свету.

— Могу я прочесть этикетку?

— Разумеется.

В слабом свете, проникающем с улицы, Джо удалось разобрать напечатанный текст. Он представлял собой продолжение написанных от руки строк, обнаруженных на повестке дорожной полиции. Он начинался именно с того места, на котором оборвались написанные рукой Ранкитера слова:

«...абсолютной ложью. Она вовсе не пробовала, повторяю, не пробовала воспользоваться своими способностями после взрыва бомбы. Она также не пыталась вернуть к жизни Венду, Эла Хэммонда и Эдди Дорн. Она обманывает тебя, Джо, и этот факт принуждает меня заново переосмыслить ситуацию. Я дам тебе знать, как только приду к новым выводам. Тем временем ты должен быть крайне осторожен. И еще: порошок «Убик» обладает универсальными лечебными свойствами, если точно придерживаться рекомендаций, касающихся его применения».

— Не могу ли я заплатить чеком?— обратился к аптекарю Джо Чип.— У меня нет при себе сорока долларов наличными, а лекарство мне крайне необходимо.— Он потянулся к карману за чековой книжкой.

— Вы ведь не житель нашего города, не так ли?— спросил продавец.— Я понял это по вашему акценту. Нет, я должен знать вас, чтобы принять чек на такую крупную сумму. За последние несколько недель мы получили слишком много необеспеченных чеков, и все это были люди не из нашего города.

— Кредитная карточка вас устроит?

— Что такое кредитная карточка?

Джо положил банку с «Убиком», молча повернулся и вышел из аптеки на улицу. Он перешел на противоположную сторону и пошел по направлению к отелю. Потом обернулся и еще раз посмотрел на аптеку.

Он увидел лишь дряхлый желтый дом, у которого окна верхнего этажа были затянуты занавесками, а на первом этаже забиты досками. Заглянув в щели, Джо увидел за разбитыми стеклами черноту покинутого помещения, полностью лишенного признаков жизни.

«Вот так, значит,— подумал Джо.— Теперь я потерял возможность приобрести банку с порошком «Убик», даже если бы и имел сорок долларов. Но Ранкитер все-таки передал мне предостережение, правда, не известно, чего оно стоит теперь. Оно может быть и неправдой. Не исключено, что это вообще ошибочное, деформированное мнение, порожденное умирающим рассудком. А может, это вообще продукт сознания, уже переставшего существовать. Господи,— вздрогнул он.— А если это правда?»

Некоторые из прохожих стали обращать внимание на небо. Джо тоже поднял голову и, заслонив ладонью глаза от косо бьющих лучей заходящего солнца, заметил крохотную точку, оставляющую за собой полосу белого дыма — какой-то высоко летящий самолет был занят писанием на небе. На глазах Джо и других прохожих полоса инверсии сложилась в надпись:

«ВЫШЕ ГОЛОВУ, ДЖО!»

«Легко сказать,— подумал он.— Или просто написать подходящие слова».

Склонившись под бременем болезненной усталости и первыми, еще неясными, проявлениями возвращающегося страха, он поплелся в отель «Мармонт».

В сводчатом, провинциально оформленном холле с красным ковром он встретил Дона Денни.

— Мы отыскиали ее. Уже поздно,— сообщил Дон.— По крайней мере, для нее. Зрелище, надо сказать, не особо приятное. Теперь исчез Фред Зафски. Я думал, что он поехал на другой машине, но его там не было. Похоже, он до сих пор в морге.

— Теперь все разворачивается еще стремительнее,— сказал Джо.

Он задумался, не мог ли «Убик», постоянно маячивший перед ним и проявляющийся в разнообразных ипостасях, как-то повлиять на ход событий. «Вероятно, нам не дано узнать этого»,— решил он.

— Есть тут что выпить?— спросил он у Дона Денни.— Как у вас с деньгами? Может, они обесценились?

— За все платит морг. Такое распоряжение они получили от Ранкитера.

— Включая счет за отель?— Это показалось Джо весьма странным. Каким образом это могло быть организовано?

— Я хочу показать тебе полицейскую повестку,— сказал он Дону Денни. И протянул ему листок бумаги.— Есть также и продолжение. Именно за ним я и ходил.

Денни прочитал написанное, потом перечел текст еще раз и вернул записку Джо.

— По мнению Ранкитера, Пат нам врет.

— Да.

— А ты понимаешь, что все это может означать?— внезапно поднял голос Денни.— Это означает, что она была в состоянии предотвратить все это или, по крайней мере, изменить все, что с нами происходило, начиная с момента гибели Ранкитера.

— Может быть, это означает и нечто большее,— заметил Джо.

— Ты прав,— согласился Дон Денни, посмотрев ему прямо в глаза.— Да, да, ты совершенно прав.— Сначала он был полностью дезориентирован, но теперь до него стал доходить смысл сказанного Джо. На лице его появилось выражение понимания, смешанного с растерянностью и болью.

— У меня нет желания копаться во всем этом,— сказал Джо.— Но мне это не нравится. Все много хуже, чем я предполагал. Хотя, с точки зрения Хэммонда, ситуация всегда была довольно мерзкой.

— Возможно, так оно и есть,— сказал Дон Денни.

— Все время, пока это творилось,— сказал Джо,— я пытался понять причину происходящего. Я был уверен, что если бы я знал ее...

«Но Элу это не пришло в голову,— подумал он.— Мы оба сознательно обходили эту возможность. И не без оснований».

— Не надо ничего сообщать остальным,— сказал Денни.— Быть может, все выглядит иначе. И даже если это правда, нам это ничем помочь не может.

— Что правда?— раздался за их спинами голос Пат Конли.— Что нам не поможет?

Она обогнула их и остановилась напротив. Ее быстрые, удивительно темные глаза были совершенно спокойны. Спокойны и серьезны.

— Это ужасно, что произошло с Эдди Дорн,— сказала она.— И с Фредом Зафски. Мне кажется, что он тоже умер. Немного нас осталось, правда? Любопытно, кто станет следующим?

Она, казалось, полностью владела собой.

— Типпи легла в своей комнате. Она не говорила, что чувствует усталость, но мне кажется, что это следует понимать именно так. Вы со мной согласны?

— Да, ты права,— немного погодя сказал Дон Денни.

— Что там тебе указали в повестке, Джо?— спросила Пат, протягивая руку.— Можно посмотреть?

Джо отдал ей листок. «Самое подходящее время,— подумал он.— Все произойдет сейчас. Прошлось жалось до одной минуты или даже секунды».

— А откуда полицейскому известно мое имя?— спросила Пат, разглядывая бланк. Она подняла глаза и внимательно посмотрела сначала на Джо, а потом на Денни.— Откуда здесь эта надпись обо мне?

«Она не узнала почерк,— подумал Джо.— Она не знает его так хорошо, как мы».

— Это Ранкитер,— сказал он.— Правда, что это ты все устроила, Пат? Ты и твои способности. Мы оказались здесь не без твоей помощи, не так ли?

— И это ты нас постепенно убиваешь по одному,— сказал Дон Денни.— Но зачем? Он повернулся к Джо: — Какие у нее могут быть мотивы? Она ведь по сути дела нас почти не знает.

— С этим планом ты и поступила в «Корпорацию Ранкитера»? — спросил Джо. — Тебя отыскал и привел Г. Г. Эшвуд. Он работал на Холлиса, ведь так? Получается, что все, что здесь происходит, не было случайностью или следствием взрыва бомбы? Это все просто из-за тебя?

Пат усмехнулась.

И весь холл отеля взорвался перед глазами Джо.

Расправь плечи и прими более привлекательный вид. Новый, необычайно удобный бюстгальтер «Убик», а также специальный удлиненный бюстгальтер того же названия свидетельствует — теперь ты можешь сделать это. При применении согласно инструкции гарантируется приятное и ненавязчивое поддержание бюста.

13.

Тьма клубилась вокруг него, облепляя тело, словно отвердевшая, влажная кожа. Страх, который он испытывал раньше скорее как угрозу, в сочетании с тьмой сделался конкретным и осязаемым.

«Я не был достаточно осторожен,— подумал он.— Я не послушался Ранкитера и показал ей эту записку».

— Что такое, Джо?— В голосе Дона Денни сквозила тревога.— Что случилось?

— Со мной все в порядке.— Он уже начинал что-то видеть. Во тьме появились горизонтальные серые полосы, словно мрак начал рассеиваться.— Просто я устал.

Он почувствовал, что все тело охватывает какое-то изнеможение. Он никогда еще не чувствовал такой сильной усталости.

— Я помогу тебе дойти до кресла,— сказал Дон Денни.

Джо почувствовал, как рука Денни подхватила его за локоть. Он понял, что Дон ведет его, и эта необходимость направления его шагов вызвала в нем необъяснимый страх.

— Со мной все в порядке,— повторил он.

Перед ним начала материализовываться фигура Дона. Он попытался сосредоточить на ней все свое внимание и через минуту начал различать выступающий из темноты холл отеля времен середины века, отделанную хрусталем люстру и сложную систему желтых ламп.

— Дай я сяду,— сказал Джо. На ощупь он отыскал кресло с камышовым сиденьем.

— Что ты сделала с ним?— резко спросил Денни у Пат.

— Ничего она мне не сделала,— вмешался Джо, стараясь придать своему голосу уверенность, но он прозвучал неестественно и пискляво.

«Словно голос был записан, а потом воспроизведен на повышенной скорости,— подумал Джо.— Тонкий голос, словно и не мой вовсе».

— Это правда,— подтвердила Пат.— Ничего я ему не сделала, как не делала никому другому.

— Я хотел бы подняться наверх и лечь,— сказал Джо.

— Я пойду, сниму тебе номер,— нервно произнес Дон Денни.

Он вертелся вокруг Джо, то появляясь, то исчезая в слабнушем с каждой минутой свете ламп холла. Освещение приобрело мутно-красный оттенок, то делаясь чуть ярче, то снова ослабевая.

— Оставайся в этом кресле, Джо. Я сейчас вернусь.

Денни поспешил в сторону стойки регистрации. Пат осталась на месте.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь?— доброжелательно спросила она.

— Нет,— ответил Джо. Он выговорил это с огромным усилием. Казалось, слова были заключены в образовавшейся в его сердце пещере — в пустоте, увеличивающейся с каждой секундой.— Разве что сигарету,— добавил он.

Произнесение целого предложения полностью обессилило его. Он чувствовал, как неровно колотится его сердце. Этот странный ритм еще больше ухудшал его состояние. Джо казалось, что на него обрушился дополнительный огромный груз, словно нажатие гигантской ладони.

— У тебя есть сигареты?— спросил он, с трудом поднимая глаза и глядя на Пат в мигающей суете неверного красного света.

— Нет,— ответила Пат.— Мне очень жаль.

— Что со мной?— спросил Джо.

— Может, сердечный приступ?

— Есть в этом отеле врач?

— Сомневаюсь.

— Не могла бы ты разузнать это? Поищи его,— с трудом выдавил он.

— Мне кажется, что у тебя чисто психосоматическое расстройство. Ты не болен. Это скоро пройдет.

— Я снял тебе номер,— сказал Дон Денни, подходя к ним.— Это на втором этаже, номер 203.— На минуту он замолчал. Джо почувствовал, что Денни изучающе и со все большей тревогой смотрит на него.— Ты ужасно выглядишь, Джо. Кажется, что ты так слаб, что будешь унесен ветром. Знаешь, что мне это напоминает? Так выглядела Эдди Дорн, когда мы нашли ее.

— Ничего подобного,— возразила Пат.— Эдди умерла. А Джо жив. Правда, Джо?

— Я хотел бы пойти наверх и лечь.

Каким-то чудом Джо смог подняться. Его сердце работало как бы с сомнением: то на мгновение переставало

биться, то вдруг снова бралось за дело, грохоча, как металлические листы, упавшие на бетонную плиту. Каждый удар сотрясал все тело.

— Где лифт?— спросил он.

— Я провожу тебя к нему,— отозвался Дон. Его рука снова сжалась на локте Джо.— Ты слаб, как ребенок. Что с тобой творится, Джо? Ты можешь говорить? В чем дело? Попытайся объяснить.

— Он этого не знает,— сказала Пат.

— Мне кажется, нужно вызвать врача,— заявил Денни.— Причем немедленно.

— Нет,— сказал Джо, думая: «Мне станет лучше, когда я прилягу».

Он чувствовал, что его влечет какая-то непреодолимая сила, как сила приливов и отливов беспокойного океана. Она приказывала ему лечь, и под ее влиянием он испытывал лишь одну потребность: вытянуться на спине и остаться в одиночестве там, где никто его не увидит.

«Я должен добраться до номера,— думал он.— Мне нужно остаться одному». Но почему должен? Он не мог найти ответа. Просто его охватила иррациональная, инстинктивная жажда одиночества, и он не мог ни понять ее, ни объяснить.

— Я схожу за врачом,— сказал Денни Пат.— Побудь с ним здесь. Не спускай с него глаз, я постараюсь вернуться как можно скорее.

Он ушел. Джо смутно различал его удаляющуюся фигуру. Ему казалось, что Дон просто сжимается и уменьшается в размерах. Наконец он совершенно исчез из поля зрения Джо. Осталась только Пат, но Джо не ощущал от этого себя менее одиноким. Несмотря на ее присутствие, он не мог избавиться от ощущения полной изолированности от мира людей.

— Ну что, Джо,— спросила Пат,— чего тебе хочется? Скажи, могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

— Лифт...— выдавил он.

— Ты хочешь, чтобы я довела тебя до лифта? Охотно.

Она направилась вперед, и Джо, в меру своих сил, старался следовать за ней. Ему казалось, что Пат двигается невероятно быстро. Она не оглядывалась и не ждала его, и лишь с величайшим трудом Джо удавалось не потерять ее из виду. «Она что, и в самом деле так быстро ходит?— спросил он себя.— Или это мне только кажется? Наверное, причина во мне самом. Я такой медлительный, придавленный силой тяготения...»

Ему казалось, что его тело стало массивным, что он просто предмет, на который действует сила тяготения. Это было его единственным качеством, а единственным ощущением было чувство беспомощности.

— Не так быстро,— попросил он.

Он уже не мог видеть Пат, она исчезла из поля зрения. Он остановился, запыхавшись, не в силах сделать ни одного шага, чувствовал, что все лицо его покрыто потом.

— Подожди,— прошептал он.

Пат снова возникла неподалеку. Он узнал ее, когда она наклонилась, и отметил, что у нее на редкость спокойный вид. Она возилась с ним без тени личного участия, с отстраненностью и беспристрастностью ученого-исследователя.

— Хочешь, я вытру тебе лицо?— спросила она, доставая изящный носовой платочек с волнистыми краями. Улыбалась она, как и раньше.

— Доведи меня до лифта.— Он принудил тело сделать еще один шаг вперед. Один шаг, потом еще один — и он уже мог видеть дверцы лифта и нескольких ожидающих его людей. Он заметил старомодный указатель в виде циферблата часов над раздвигающимися дверями. Причудливая стрелка колебалась между цифрами 3 и 4. Она на мгновение задержалась, а потом задрожала между двойкой и тройкой.

— Через секунду он будет здесь,— сказала Пат.

Она достала из сумочки сигареты, зажигалку и закурила, выпуская струйки сероватого дыма.

— Это очень старый лифт,— сказала она, сложив руки.— Знаешь что? Мне кажется, это одна из античных железных клеток. Тебе не страшно будет ехать на нем?

Стрелка миновала цифру 2, на миг задержалась на единице, а потом бессильно упала.

Джо увидел забранную решеткой, архаичную дверь лифта, наряженного в ливрею лифтера, который сидел на стульчике, не снимая рук с кнопок управления.

— Мы поднимаемся вверх,— сказал он.— Прошу, проходите в глубь кабины.

— Я в него не сяду,— заявил Джо.

— Почему?— спросила Пат.— Ты что, боишься, что оборвется трос? Мне кажется, ты растерян.

— То же самое видел Эл,— произнес Джо.

— Твое дело. Единственный альтернативный способ — подняться по лестнице. В твоем состоянии у тебя может не хватить сил.

— Хватит.

Он сделал шаг вперед, присматриваясь к ступеням. «Я теряю зрение!— думал он.— Я не могу отыскать ступени!» Давящий на него груз сжимал грудную клетку, и теперь трудно стало даже дышать. Ему приходилось концентрироваться даже на процессе дыхания. «Может, у меня и в самом деле сердечный приступ?— подумал Джо.— Но если так, то мне нельзя подниматься пешком по лестнице».

Он все время ощущал жажду одиночества. Ему хотелось лечь в тишине, без свидетелей, в закрытом на ключ помещении, где не нужно ни с кем говорить или двигаться. Он хотел освободиться от контактов, устранить от решения каких бы то ни было проблем. «Никто не должен знать, где я»,— думал он. Непонятно почему, но это казалось ему архиважным. Он хотел стать невесомым, невидимым, исчезнуть с глаз других людей.

«В особенности это касается глаз Пат,— подумал Джо.— Я не могу допустить, чтобы она была рядом со мной».

— Сюда,— сказала Пат.

Она указала ему направление, слегка подтолкнув его вправо.

— Прямо перед тобой. Схватись за перила и ползи наверх, к постели. Ясно?

Легко пританцовывая, она начала подниматься по ступеням.

— Ты справишься?— спросила она его.

— Я... не хочу... чтобы... ты... шла со мной,— сказал Джо.

— Да ну!— Она ехидно причмокнула, делая вид, что рассердилась. Ее черные глаза блестели.— Ты что, боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием? Что причину тебе вред?

— Нет.— Он покачал головой.— Хочу... быть... один.— Крепко ухватившись за перила, он кое-как поднялся на первую ступеньку. Он пытался рассмотреть, где же кончается лестница, подсчитать, сколько ступенек осталось ему преодолеть.

— Мистер Денни попросил меня присматривать за тобой. Я могу читать тебе, приносить разные вещи, опекать тебя.

Джо вскарабкался еще на одну ступеньку.

— Я сам...— с трудом выговорил он.

— А можно мне посмотреть, как ты поднимаешься? Мне интересно, сколько времени у тебя уйдет на это. Если, конечно, ты вообще сможешь добраться до верха.

— Я дойду.— Он поставил ногу на следующую ступень-

ку, ухватился за перила и подтянул себя вверх. Сердце подкатывало к горлу, давило и душило его. Он закрыл глаза и с трудом вздохнул.

— Мне любопытно, — сказала Пат, — то ли чувствовала Венда? Ведь она была первой, не так ли?

— Я... любил ее, — прошептал Джо.

— Знаю. Эшвуд говорил мне. Он прочел это в твоих мыслях. Я с ним весьма подружилась — мы провели вместе немало времени. Можно сказать, у нас с ним был роман. Да, именно так это и следовало бы назвать.

— Наша теория, — ответил Джо, — была... — Он вздохнул поглубже. — Она была верной.

Ему удалось подняться еще на одну ступеньку, потом — с невероятным трудом — он вполз на следующую.

— Ты... сговорила с Холлисом... Ты и Г. Г. ... Чтобы ликвидировать...

— Верно, — признала Пат.

— ...наших инерциалов и... Ранкитера. Прикончить всех нас. — Он вскарабкался еще на одну ступеньку. — Мы не находимся в состоянии полужизни. Мы не...

— Ох, можете умирать, — сказала Пат. — Кое-кто еще цепляется за жизнь — вот ты, например. Однако вы мрете один за другим. К чему говорить об этом? Зачем мусолить одно и то же? Совсем недавно ты все уже высказал. Честно говоря, ты порядком надоел мне, твердя одно и то же. По сути дела ты просто нудный педант, Джо Чип. Ты такой же зануда, как и Венда Райт. Вы составили бы превосходную пару.

— Поэтому Венда и умерла первой, — сказал Джо. — Не потому, что находилась вдали от группы, а просто... — Он скорчился от внезапного резкого укола в сердце. Он пытался нащупать ногой следующую ступеньку, но на этот раз не попал на нее и споткнулся. Немного погодя он почувствовал, что сидит, сжавшись, как... «Как Венда в шкафу», — подумал он. Вытянув руку, он ухватился за рукав своей рубашки и рванул его.

Ткань расплзлась. Высохшая, истлевшая ткань распалась, как дешевая серая бумага, как оболочка осинового гнезда. Все было ясно: скоро он начнет оставлять за собой следы — обрывки материи, замусоренный путь, ведущий к нмеру отеля, в котором его ждет вожденное одиночество. Одиночество, до которого он дополз из последних сил, благодаря тропизму, силе, влекущей его к смерти, разложению и небытию. Охваченный влиянием ужасных чар, он идет к собственной могиле.

Он поднялся еще на одну ступеньку.

«Я дойду,— понял он.— Сила, ведущая меня, пожирает мое тело. Именно поэтому Венда, Эл и Эдди — а теперь, вне всякого сомнения, и Фред Зафски пережили в момент смерти такое же физическое разложение, и от них остались лишь отброшенные, как коконы, лишенные веса, ничего не содержащие оболочки, без всяких признаков того, что когда-то они принадлежали живым существам. Эта сила воюет с многократно усиленной силой земного тяготения, пожирая все слабеющее тело. Но в этом теле все-таки окажется достаточно энергии, чтобы добраться до верха. Это биологический процесс, и даже Пат, хоть именно она вызвала его, не в состоянии остановить этот процесс».

Он попытался вообразить, что может думать она, наблюдая за этим его восхождением. Удивляется ему? Гордится им? Он поднял голову, пытаясь отыскать ее и нашел. На ее лице отражалось лишь любопытство и лишенное враждебности нейтральное безразличие. Он не был шокирован этим. Пат ничего не делала, чтобы помешать ему, но и не помогала. Непонятно почему, но это показалось Джо обнадеживающим.

— Тебе лучше?— спросила Пат.

— Нет,— ответил он. Подтянувшись, он резким движением тела влез еще на одну ступеньку.

— Ты выглядишь так, как будто энергии у тебя прибавилось.

— Это потому, что я точно знаю, что смогу добраться до верха.

— Это уже близко,— сказала Пат.

— Далеко,— поправил ее Джо.

— Ты невероятен. Ты мелочный, поверхностный человек. Даже чувствуя приближение смерти... или то, что ты субъективно воспринимаешь как агонию,— чутко поправилась она.— Вероятно, мне не следовало бы применять такой термин. Он может подействовать на тебя угнетающе. Старайся сохранять оптимизм, хорошо?

— Скажи... сколько мне еще... осталось до конца... ступенек?

— Шесть.— Она удалилась от него, тихо и бесшумно взбежав наверх.— Нет, извини, десять. Или девять? Вроде бы девять...

Он снова преодолел ступеньку, потом еще одну, и еще. Он не отзывался и не пытался даже смотреть перед собой. Он карабкался наверх, как улитка, встречающая преграду, чувствуя, как в нем вырабатывается что-то вроде умения

рационально пользоваться своим телом, остатками своих сил.

— Ты почти у финиша, — довольным голосом произнесла стоящая наверху Пат. — Что ты можешь сказать, Джо, насчет своего грандиозного подъема? Это величайший подъем в истории человечества. Хотя нет, это не так. То же самое осуществили перед тобой Венда Райт, Эл, Эдди Дорн и Фред Зафски. Но только за тобой я наблюдала своими глазами.

— Почему именно за мной? — спросил Джо.

— Потому, что мне так захотелось из-за той твоей примитивной интрижки в Цюрихе. Когда ты все так ловко подстроил, чтобы Венда оказалась с тобой ночью в отеле. Только теперь дело будет обстоять иначе. Сегодня ты будешь один...

— Тогда... ночью... я... тоже был... один. — Еще одна ступенька. Он судорожно закашлялся. С лица капал пот, и вместе с ним его покидали последние силы.

— Венда была с тобой — не в постели, а где-то в твоей комнате. Ты просто проспал ее посещение, — рассмеялась Пат.

— Я пытаюсь... не кашлять, — сказал Джо.

Он преодолел еще две ступеньки и чувствовал, что до конца теперь близко. «Сколько времени я потратил на этот подъем?» — вдруг подумалось ему. Но ответить он все равно не смог бы.

Неожиданно он обнаружил, что кроме изнеможения он испытывает пронизывающий холод. «Когда это началось?» — подумал он. Видимо, холод уже давно проникал в его тело, а он только что заметил его.

— Господи! — сказал он, трясаясь как в лихорадке. Ему казалось, что дрожат даже его кости.

Это была сильнейшая стужа, сильнее, чем холод Луны, сильнее, чем в номере отеля в Цюрихе. Тот холод был только предвестником сегодняшнего.

«Метаболизм, — подумал Джо, — основан на реакции окисления, горения. Когда он перестает действовать, жизнь кончается».

«Скорее всего, все ошибаются насчет ада, — продолжал размышлять он. — В аду царит холод, там все замерзает. Тело — это вес и тепло, теперь же вес меня уничтожает, а тепло покидает меня. Оно никогда не вернется, если только я не рожусь во второй раз. Такая судьба предназначена всему миру, и я не буду одинок».

И все-таки он ощущал одиночество. «Это пришло

слишком рано,— решил он.— Подходящий момент еще не настал. Что-то должно было ускорить ход событий. Это сделала какая-то сила извне, может быть, просто из любопытства или в виде предостережения: какой-то извращенный, обладающий тысячью ликов элемент, решивший понаблюдать за мной. Какое-то инфантильное существо, которое развлекают мои страдания. Оно поработило меня, как обычное насекомое, как жука, который не может ни улететь, ни убежать, а может только шаг за шагом двигаться по направлению к распаду и хаосу. Двигаться в направлении могилы, места, где пребывает это извращенное существо в окружении собственных нечистот. То, которое мы зовем Пат».

— Есть у тебя ключ от номера?— спросила Пат.— Только подумай, как было бы обидно, когда, добравшись наконец до своего номера, ты обнаружил бы, что ключа у тебя нет и в номер тебе не попасть.

— Есть.— Джо на ощупь обшаривал карманы.

Дырявая рубашка окончательно расплзлась и свалилась с его плеч. Она упала на пол, из верхнего кармана выпал ключ и скатился на две ступеньки ниже.

Туда, куда Джо не мог дотянуться.

— Я подниму,— сказала Пат. Она промелькнула мимо него, подняла ключ, осмотрела и положила на поручень наверху.

— Он лежит здесь, наверху, и ты можешь взять его, когда поднимешься. Это будет тебе наградой. Мне кажется, твоя комната расположена по левой стороне. Четвертая дверь. Тебе придется двигаться осторожно, хотя это будет куда легче подъема.

— Я уже... вижу... ключ и... площадку,— сказал Джо.— Я вижу конец лестницы.

Ухватившись обеими руками за перила, он пополз вверх, отчаянным усилием преодолев сразу три ступеньки. Он ощутил, что на это ушли все оставшиеся силы — бремя давления стало еще тяжелее, холод — еще невыносимее, а нить, связывающая его с жизнью,— еще тоньше.

Он взобрался на самый верх.

— До свидания, Джо,— сказала Пат.

Она наклонилась к нему, слегка согнув колени, чтобы он мог видеть ее лицо.

— Ты, наверное, не хочешь, чтобы к тебе ввалился Дон Денни? Врач все равно не сможет уже тебе помочь. Я скажу ему, что ты приказал вызвать такси и что ты уже на пути в больницу. Она расположена на другом конце

города, так что тебе уже никто не сможет помешать и ты сможешь побыть совершенно один. Согласен?

— Да,— ответил Джо.

— Вот тебе ключ.— Она вложила ему в руку холодный металлический предмет и сжала его пальцы.— Выше голову, как говорят в этом, 1939 году. И не дай себя надуть, так здесь тоже говорят.

Она отодвинулась от него и снова выпрямилась. Какое-то время она продолжала стоять, внимательно разглядывая его, потом быстро зашагала по коридору, направляясь к лифту. Джо видел, как она нажала кнопку, подождала, затем двери раздвинулись, и она исчезла из виду.

Сжимая в руке ключ, Джо медленно принял полувертикальное положение. Он оперся на стену коридора, свернул налево и шаг за шагом начал продвигаться вперед.

«Темно,— думал он,— свет не работает».

Он закрыл глаза, потом снова открыл их, моргая. Его все еще слепил текущий по лицу пот. Джо не был уверен, что коридор действительно погружен во мрак. Быть может, он слепнет?

Когда добрался до первой двери, он понял, что дальше ему придется ползти на четвереньках. Он поднял голову и прочитал номер. Нет, не тот. И двинулся дальше.

Отыскав нужную дверь, Джо пришлось сделать усилие и встать, чтобы отпереть замок. Это отобрало у него остатки энергии, он упал, ударившись головой о дверь, и покатился по ковру. Джо лежал, вдыхая аромат старения, разложения и ледяной смерти.

«В номер мне не попасть,— понял он.— Во второй раз подняться мне уже не удастся».

И все же ему придется это сделать. Здесь его мог кто-нибудь увидеть.

Ухватившись обеими руками за ручку, он заставил себя подняться. Перенеся всю тяжесть тела на дверь, дрожащей рукой он направил ключ в сторону замочной скважины. Джо знал, что как только дверь откроется, он упадет внутрь. Потом ему останется только захлопнуть ее за собой и доползти до кровати.

Замок заскрежетал, и металлический язычок отошел назад. Дверь распахнулась, и Джо рухнул головой вперед, вытянув вперед руки. Пол надвинулся на него. Он успел заметить орнамент, украшающий ковер: красно-желтые зигзаги, фигуры, букеты цветов. Ковер был вытертым и полинялым от старости, краски утратили свежесть и яркость. «Какой, однако, старый номер,— подумал Джо.—

Строя этот дом, они наверняка устроили шахту лифта в виде железной клетки».

Какое-то время он лежал без движения, потом шевельнулся, словно призываемый к деятельности каким-то внутренним голосом. Джо встал на колени и уперся руками в пол перед собой.

«Боже мой!— подумал он.— Мои руки! Они напоминают гузку пережаренной индейки, они стали какими-то узловатыми, пергаментными. А кожа, она не похожа на кожу человека. Она стала щетинистая и как будто покрылась зачатками перьев, словно меня отбросило в развитии на миллионы лет, превратив в этакое чудище, которое сперва взбирается повыше, а затем прыгает оттуда, используя кожу перепонку вместо крыльев».

Напрягая глаза, он осмотрелся в поисках кровати. На дальней стене он заметил широкое окно, из которого сквозь паутину занавески сочился сероватый свет. Потом он различил мерзкий туалетный столик на тонких ножках и, наконец, кровать. С обоих ее концов возвышались металлические спинки, отделанные сверху медными шарами, с погнутыми и неровными прутьями. Было полное ощущение того, что кровать была в употреблении множество лет, за которые металл погнулся, а покрытые полировкой деревянные части обесцветились. И тем не менее Джо испытывал острое желание лечь на нее. Он вытянул перед собой руки и начал ползком двигаться к цели.

И только тогда он заметил сидящего в кресле и глядящего на него человека. Зрителя, который не выдал своего присутствия ни единым звуком. Теперь человек встал и направился к Джо.

Это был Глен Ранкитер.

— Я ничем не мог тебе помочь в подъеме по лестнице,— сказал Ранкитер. На его лице застыло выражение серьезности.— Я не хотел, чтобы Пат меня видела. Честно говоря, я опасался, что она последует за тобой в номер. Было бы весьма некстати, если бы она...— Он замолчал, наклонившись к Джо и поставив его на ноги так же легко, как если бы тот вообще не имел массы или каких-либо материальных составляющих организма.— Об этом мы поговорим позже. А сейчас...

Он перенес Джо через всю комнату и опустил в кресло, в котором сам до этого сидел.

— Потерпи немного,— сказал он.— Мне нужно запереть дверь на замок. На тот случай, если Пат вдруг изменит свои планы.

— Да,— ответил Джо.

Ранкитер, сделав три больших шага, оказался у двери, захлопнул ее, повернул ключ в замке и сразу же вернулся к Джо.

Из ящика туалетного столика Ранкитер торопливо достал бутылку с распылителем. На ее боках красовались круги, разноцветные пояски и буквы.

— Это «Убик»,— сообщил Ранкитер. Он встряхнул сосуд и, встав напротив Джо, направил струю в его сторону.— Не стоит благодарности,— сказал он, распыляя на Джо препарат слева направо.

Воздух дрожал и сверкал, словно в нем метались вырвавшиеся на свободу частички света или солнечных лучей.

— Тебе лучше?— сказал Ранкитер.— Будем надеяться, что препарат подействует немедленно.— Он с тревогой смотрел на Джо.

Если ты хочешь, чтобы продукты сохраняли свежесть, нужен не просто пластиковый пакет — нужна пластиковая упаковка «Убик»,— а точнее, четырехслойная пленка. Она сохраняет свежесть внутри, не пропуская снаружи воздух и влагу. Испробуйте-ка рекламный образец.

14.

— У тебя есть сигареты?— спросил Джо. Голос его подрагивал, но не от изнеможения и холода. Он уже не ощущал ни того, ни другого.— Я нервничаю.

«Я уже не умираю,— понял он.— «Убик» остановил этот процесс».

Как и предсказывал в своей телерекламе Ранкитер. «Если тебе удастся его раздобыть,— вспомнил он фразу из ролика,— тебе ничего не грозит».

«Однако он успел добраться до меня в последнюю минуту, так что это заняло немало времени»,— сообразил он.

— Без фильтра,— предупредил его Ранкитер.— В этой безрадостной вредной эпохе еще не существует сигарет с фильтром.— Он протянул Джо пачку «Кэмел».— Я зажгу,— сказал он и протянул горящую спичку.

— Свежие сигареты!— удивился Джо.

— Ну да, я их купил сегодня утром в киоске внизу. Мы уже слишком далеко зашли в этом процессе, так что этап скисшего молока и истлевших сигарет уже позади.— Он

мрачно улыбнулся, его глаза совсем не отражали света.— Мы вошли в это, теперь уже вышли из этого. В этом вся разница.

Ранкитер тоже закурил и, устроившись поудобнее, стал пускать дым. На его лице все еще была видна озабоченность. «И усталость»,— подумал Джо. Но это была усталость другого рода, не та, что одолевала Джо еще совсем недавно.

— Ты можешь помочь остальным?— спросил он у Ранкитера.

— У меня только одна банка «Убика». Большую часть ее я израсходовал на тебя.— Он энергично жестикулировал, под воздействием сдерживаемой ярости пальцы Глена переплетались.— Мое влияние на этот мир ограничено, я уже сделал все, что мог.— Он резко потрянул головой и посмотрел на Джо.— Я старался пробиться ко всем, к каждому из вас. Я делал все, что было в моих силах,— а это значит, что делал я дьявольски мало. Почти ничего.

Он погрузился в молчание, за которым крылся сдерживаемый гнев.

— Эти надписи на стенах туалета,— сказал Джо.— Ты утверждал, что это мы умерли, в то время как ты — жив.

— Потому что я и в самом деле жив,— резко заявил Ранкитер.

— А мы, остальные, мы умерли?

— Да,— сказал Ранкитер после долгого молчания.

— Но в той телерекламе...

— Речь шла о том, чтобы толкнуть тебя на поиски «Убика». Под воздействием рекламы ты принялся гоняться за ним. Я все время пытался подсунуть его тебе, но ты знаешь, что происходило: каждый раз нас переносило в предшествующее время, действуя регрессивно и на препарат, так что он становился бесполезным. Все, что мне удалось передать тебе,— это коротенькие записки.— Решительным жестом он нацелил на Джо указательный палец, словно намереваясь подчеркнуть весомость своих слов.— Пойми, с чем мне приходилось бороться — с той самой силой, которая овладела всеми вами, убивая одного за другим. Честно говоря, я и сам удивлен, что мне вообще удалось хоть что-то сделать.

— Когда ты понял, что происходит?— спросил его Джо.— Или ты знал все с самого начала?

— С начала?— едко переспросил Ранкитер.— Что значит — с начала? Все это длилось месяцы, а может, и годы. Один бог ведает, как давно эти Мик, Холлис, Пат, С. Доул

Мелипон и Г. Г. Эшвуд затеяли это дело. Нас заманили на Луну, и мы согласились взять с собой Пат Конли, совершенно незнакомого нам человека, способностей которой мы не понимали. Может быть, даже сам Холлис не знает, на чем они основываются, но в любом случае они связаны с возможностью переписывать время, хотя сама она во времени не перемещается... Она не может, например, сбежать в будущее, равно как и в прошлое. Ее способности связаны с воскрешением, с возможностью вызывать возникновение обратного процесса, который воскрешает минувшие этапы действительности. Хотя ты и сам знаешь об этом — вы с Элом уже додумались до этого.— Он яростно заскрипел зубами.— Эл Хэммонд... какая потеря! И я был не в состоянии хоть что-нибудь сделать — тогда мне не удалось проникнуть к вам, как сейчас.

— Почему же тебе это удалось теперь?— поинтересовался Джо.

— Потому что Пат уже не в состоянии отбросить вас еще дальше в прошлое. Теперь время идет нормально, и вы двигаетесь от прошлого в будущее. Скорее всего, она исчерпала свои возможности и 1939 год — для нее предел. Но она выполнила задание Рэя Холлиса.

— Сколько людей оказалось под ее влиянием?

— Все мы, то есть все, кто находился в том секретном помещении на Луне... Зой Уирт уже не была под ее влиянием. Пат может регулировать радиус сферы создаваемого ею поля. В глазах всех остальных жителей Земли мы все вместе отправились на Луну и погибли в результате случайного взрыва. Заботами сердобольного Стэнтона Мика нас поместили в холодильник, но ни с одним из нас контакт установить не удалось — все оказалось слишком поздно.

— Почему им мало было одного взрыва?— спросил Джо.

Ранкитер глянул на него, приподняв одну бровь.

— Зачем они вообще использовали Пат Конли?— продолжал Джо. Даже в таком состоянии, утомленный и взволнованный, он ощущал какое-то несоответствие. Рассуждая логически, не было никакой необходимости приводить в действие всю эту механику смещения во времени — это было ни к чему.

— Интересное замечание,— сказал Ранкитер, медленно кивая головой и сосредоточенно хмурая изрезанное морщинами лицо.— Мне еще предстоит поразмыслить над этим. Подожди минутку.

Он встал и подошел к окну. Некоторое время он раз-

глядывал магазины, расположенные на противоположной стороне улицы.

— У меня складывается впечатление, — сказал Джо, — что мы имеем дело не с силой, стремящейся к определенной цели, а с каким-то злым существом. Это не просто убийца, пытающийся обезвредить нас, как сотрудников профилактической организации, а... — Он на мгновение задумался, уже почти понимая, в чем дело. — Некое безликое существо, которое забавляется процессом нашей гибели. Ведь не было необходимости убивать нас поочередно, это просто непохоже на Холлиса — тот убивает хладнокровно и расчетливо. А из того, что мне известно о Стэнтоне Мике...

— Это, вероятно, дело самой Пат, — холодно прервал его Ранкитер, повернувшись от окна. — С точки зрения психологии у нее явно садистские наклонности. Такие люди любят обрывать бабочкам крылья. Она забавляется с нами. — Он смотрел на Джо, словно ожидая его реакции.

— Мне это больше напоминает поведение ребенка, — возразил Джо.

— Посмотри на Пат — она же злая и завистливая. Сперва она прикончила Венду из-за личной неприязни. Минуту назад она наблюдала — и с удовольствием — за твоим подъемом к смерти.

— Откуда это тебе известно? — спросил Джо. «Он же ждал меня в номере и не мог видеть всего этого. И еще одно: каким чудом Ранкитер узнал, что я приду именно в этот номер?»

Ранкитер шумно засопел.

— Я не сказал тебе всего. На самом деле... — Он замолчал, прикусив нижнюю губу. — То, что я сказал тебе, не было правдой в полном смысле этого слова. Мои связи с этим миром несколько отличаются от тех, которые связывают всех вас с ним. Ты совершенно прав: я слишком много знаю. Но это происходит от того, что я пришелец, человек извне.

— Вроде духа... — пробормотал Джо.

— Вот именно. Я появляюсь то там, то тут, в ключевые моменты в самых разных местах. Так было с полицейским из дорожной службы, с аптекой Арчера...

— Ты не записывал телерекламу, — сказал Джо. — Она была прямой передачей.

Ранкитер согласился, неохотно кивнув головой.

— Чем твое положение отличается от нашего? — спросил Джо.

— Ты и в самом деле хочешь это знать?

— Да.— Джо внутренне собрался, хотя и подозревал, что он может услышать.

— Я не умер, Джо. Надпись на стене говорила правду. Это вы все находитесь в холодильнике, а я...— Ранкитер говорил с трудом, пряча глаза.— Я сижу в гостиной Моратория Возлюбленных Собратьев. Я посоветовал, чтобы всех вас соединили между собой проводами, так что вы теперь функционируете как группа, а я пытаюсь наладить с вами контакт. Именно это я имел в виду, когда говорил, что я пришелец извне. Отсюда мои странные появления — в виде духа, как ты сам определил, и я уже неделю пытаюсь вызвать вас в состояние активной полужизни, но... ничего не получается. Во всех вас, в одном за другим, жизненная сила кончается.

— А что делается с Пат Конли?— спросил Джо после некоторой паузы.

— Она находится в состоянии полужизни вместе с вами, и присоединена проводами вместе с остальными.

— А этот процесс... Он действительно вызван ее способностями или это нормальные эффекты состояния полужизни?

Он напряженно ждал от Ранкитера ответа. Ему казалось, что от слов Глена зависит очень многое.

Ранкитер фыркнул, скорчился и проворчал:

— Это нормальные признаки распада жизни. Элла пережила то же самое. Это испытывает каждый, кто находится в состоянии полужизни.

— Ты обманываешь меня,— сказал Джо. Он чувствовал себя так, как будто его ударили ножом сзади.

— Джо, ради Бога, ведь я спас тебе жизнь,— сказал Ранкитер, не сводя с него глаз.— Я добрался до тебя достаточно близко, чтобы вернуть в состояние нормальной полужизни — теперь, скорее всего, ты сможешь существовать до бесконечности. Если бы я не ждал тебя в номере, когда ты мучился с дверьми... черт побери, да ты сам подумай: без моей помощи ты бы сейчас валялся на этой кровати мертвый, как мумия. Я — Глен Ранкитер, твой шеф, боролся за то, чтобы сохранить жизнь всем вам. Тут, в реальном мире, я стараюсь в одиночку, пытаюсь хоть чем-нибудь помочь вам.— Он все еще не сводил с Джо глаз, обиженный и расстроенный. На его лице проступали изумление, сожаление и растерянность, словно он был не в состоянии понять, что же на самом деле происходит.— Эта девушка, эта Пат Конли, убила бы вас таким же образом, как уничтожила...— он замолчал.

— Каким уничтожила Венду, Эла, Эдди, Фреда и теперь, наверное, Тито Апостоса, — закончил за него Чип.

— Теперешняя ситуация очень сложна, — тихим голосом проговорил Ранкитер. — Ее не удастся прояснить при помощи нескольких простых ответов.

— Особенно, если ты их не знаешь, — заметил Джо. — В этом-то и состоит основная сложность. Свои предположения ты же сам и выдумал, чтобы объяснить свое появление здесь. И эти твои странные визиты тоже. Твое знание о том, что, собственно, происходит и кто противостоит нам, ничем не отличается от моего. Глен, ты не можешь сказать мне, кто является нашим противником, потому что ты сам этого не знаешь.

— Я знаю только одно — что я жив, — сказал Ранкитер. — Я знаю, что сижу в гостинной моратория.

— Твое тело лежит в гробу, — произнес Джо. — Тут, в Предсмертном Доме Простого Пастора. Ты видел его?

— Нет, — ответил Ранкитер. — На самом деле...

— Оно идеально высушено, — сказал Джо. — И скорчилось так же, как и останки Венды, Эла, Эдди, так, как вскоре скорчится и мое.

— Для тебя я раздобыл «Убик»... — Ранкитер снова замолчал. На его лице появилось трудное для расшифровки выражение: смесь страха, озарения и чего-то такого, чего Джо и сам не знал. — Я раздобыл «Убик», — повторил Глен.

— Что такое этот «Убик»? — спросил Джо.

Ранкитер не ответил.

— Ты и сам не знаешь, — констатировал Джо. — Ты и понятия не имеешь, что это за препарат и как он действует. Ты даже не знаешь, откуда он берется.

— Ты прав, Джо. — После долгой паузы Ранкитер подрагивающими пальцами прикурил новую сигарету. — Но я хотел спасти тебе жизнь — в этом случае я говорил правду. Черт побери, я действительно хотел спасти всех вас. — Сигарета выпала из его пальцев и покатилась по полу.

С явным усилием Ранкитер нагнулся и поднял ее. Лицо его выражало вселенскую печаль, почти отчаяние.

— Мы все попали в этот процесс, — сказал Джо, — а ты сидишь там, в гостинной моратория, и ничего не можешь сделать, чтобы предотвратить этот процесс.

— Верно, — признался Ранкитер.

— Мы в холодильнике, — продолжал Джо, — но здесь что-то происходит. Что-то такое, что обычно не бывает с людьми, находящимися в состоянии полужизни. Тут дейст-

вуют две силы, как обнаружил Эл: одна помогает нам, другая влечет нас к гибели. Ты сотрудничаешь с тем существом, силой или еще чем, что старается помочь нам. Именно от нее ты и получил этот пресловутый «Убик».

— Да.

— Значит, никто до сих пор не знает, кто, собственно, влечет нас к гибели, а кто помогает нам. Мы, находящиеся тут, тоже не имеем об этом ни малейшего понятия. Может быть, это и Пат.

— Мне тоже кажется, что враг — это она, — сказал Ранкитер.

— Это похоже на правду, — согласился Джо. — Но я чувствую, что ты заблуждаешься. — «Мне кажется, — подумал он про себя, — что мы еще не встретились лицом к лицу с настоящим противником. Но, вероятно, эта встреча уже близка, так что мы узнаем, кто есть кто в этой борьбе». — Ты уверен, — спросил он у Ранкитера, — что ты — единственный уцелевший после взрыва? Подумай, прежде чем говорить.

— Я говорил тебе: Зой Уирт...

— Да нет, я имею в виду, из наших, — прервал его Джо. — Зой Уирт не находится в том временном сегменте, что и мы. Ну, к примеру, как насчет Пат Конли?

— У нее была разможжена грудная клетка. Она умерла от шока, разрыва легкого и многочисленных ожогов. Кроме того, у нее был поврежден кишечник и в трех местах сломана нога. В физическом смысле она находится в четырех футах от тебя — то есть ее тело, конечно.

— И то же самое постигло остальных? Мы все находимся в Моратории Возлюбленных Собратьев?

— За одним исключением — Сэмми Мандо. Он получил серьезные повреждения мозга и оказался в состоянии беспамьтства. Утверждают, что он уже никогда не придет в себя. Кора его мозга...

— Значит, он жив? Он не в холодильнике?

— Я бы не назвал это «жизнью». Его обследовали с помощью различных приборов и обнаружили полное отсутствие работы коры головного мозга. Он представляет собой растение — и ничего больше. Никакой индивидуальности, в его мозгу нет ни одной мысли, совершенно ничего.

— Почему ты не рассказал мне об этом?

— Я сказал тебе сейчас.

— Лишь тогда, когда я сам принялся тебя расспрашивать. — Джо задумался. — Как далеко он от нас находится? Он тоже в Цюрихе?

— Да, мы все остались здесь. Сэмми лежит в госпитале Карла Юнга, это четверть мили от моратория.

— Найми телепата,— посоветовал Джо,— или используй Г. Г. Эшвуда. Пусть они исследуют его мысли.

«Мальчишка,— сказал он сам себе.— Неорганизованный и незрелый мальчишка. Ужасная, несформировавшаяся личность. Хотя это хорошо сочеталось бы с теми капризами судьбы, с обрыванием у нас крыльев и приставлением их снова. С временным возвращением сил после утомительного подъема по лестнице».

Ранкитер вздохнул.

— Я сделал это. При таких поражениях всегда делаются попытки добраться до мозга пациента при помощи телепатии. Но на этот раз мы не достигли ничего. Телепат не обнаружил никаких следов активности лобных долей мозга. Мне очень жаль, Джо,— Ранкитер покачал своей крупной головой, словно желая выразить Джо свою симпатию. Он явно разделял разочарование Джо.

— Я навещу тебя немного попозже,— сказал Глен Ранкитер, вытаскивая из уха миниатюрный динамик.

Он отложил в сторону всю аппаратуру, необходимую для установления связи, и тяжело поднялся из кресла. Какое-то время он стоял, разглядывая смутную, неподвижную и заледеневшую фигуру Джо Чипа, лежащую в прозрачном пластиковом гробу. Джо застыл в горизонтальном положении — и будет в нем до скончания века.

— Вы вызывали меня?— В гостиную проскользнул Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, приняв вид раболепного слуги из средних веков.— Мне вновь соединить мистера Чипа с остальными? Вы уже закончили беседу, сэр?

— Да,— ответил Ранкитер.

— А вам...

— Именно. Мне удалось войти с ним в контакт. На этот раз мы слышали друг друга.

Он закурил сигарету — первую за много часов. Лишь теперь у него нашлась для этого свободная минута. Ранкитер чувствовал себя вымотанным от долгих и безуспешных попыток наладить связь с Джо.

— Есть у вас где-нибудь поблизости автомат с амфетамином?— спросил он у Фогельсанга.

— В коридоре, рядом с гостиной,— предупредительно указал владелец моратория.

Ранкитер вышел и направился к автомату. Бросив монету, он надавил на рычаг — и в лоток выпала знакомая

упаковка. Приняв таблетку, он почувствовал себя лучше. Но тут же вспомнил, что через два часа у него назначена встреча с Леном Ниггельманом, и у него появилось сомнение, успеет ли он. «Слишком много дел приходится держать в голове одновременно,— подумал он.— Надо, пожалуй, позвонить Ниггельману и передоговориться на более поздний срок. Я еще не готов предоставить Объединению официальный рапорт».

Пользуясь автоматическим видеофоном, он соединился с бюро Лена Ниггельмана в Североамериканской Федерации.

— Лен,— обратился Ранкитер,— я сегодня просто не в состоянии еще что-то делать. Последние двенадцать часов я провел в попытках наладить контакт с моими людьми, которые находятся в холодильнике. Я вконец измотался. Что, если мы встретимся с тобой завтра утром?

— Чем раньше ты предоставишь нам официальный рапорт, тем скорее мы сможем предпринять против Холлиса какие-то меры. Мои адвокаты утверждают, что у нас в этом деле высокие шансы на успех. Им уже просто не терпится ринуться в бой.

— Они думают, что им удастся выиграть дело в гражданском суде?

— И в гражданском, и в уголовном. Они разговаривали с прокурором Нью-Йорка. Но пока ты не предоставишь нам официального донесения...

— Утром,— пообещал Ранкитер.— Я только немного отосплюсь, а то меня чуть не прикончило это дело.

«Я потерял всех моих лучших людей,— подумал он.— Особенно жаль Джо Чипа. Моя фирма прогорела, нам не удастся приступить к нормальной деятельности еще несколько месяцев, а то и лет. Господи, где мне взять инерциалов, способных заменить погибших? И где я найду второго такого специалиста по замерам поля, каким был Джо?»

— Хорошо, Глен. Сегодня выспись, а завтра — скажем, часов в девять по нашему времени — я буду ждать тебя в своем бюро.

— Спасибо.— Ранкитер положил трубку.

Он тяжело опустился на розовый диванчик, стоящий напротив видеофона. «Мне никогда не найти такого работника, как Джо,— думал он.— По сути дела это крах «Корпорации Ранкитера».

Снова, и, как обычно, вовремя, объявился владелец моратория:

— Вам что-нибудь нужно, мистер Ранкитер? Чашечку кофе? Может быть, еще амфетамина? Или снадобье, действу-

ющее продолжительное время? У меня есть таблетки, стимулятор, они рассчитаны на сутки. Приняв одну, вы окажетесь в состоянии работать еще несколько часов, а то и всю ночь.

— Ночью я намерен спать,— сказал ему Ранкитер.

— Тогда, может быть...

— Скройтесь,— буркнул Глен.

Директор моратория исчез, оставив его в одиночестве. «Почему я выбрал именно этот мораторий?— спросил себя Ранкитер.— Вероятно, потому, что здесь лежит Элла. И, в конце концов, это самый лучший мораторий; именно поэтому здесь оказалась Элла, а теперь и все остальные. Подумать только — столько людей погибло! Какая катастрофа!»

«Элла,— подумал он.— Может, следует поговорить с ней, объяснить, как выглядит теперешняя ситуация? В конце концов, я обещал ей...»

Он поднялся с места и отправился на поиски владельца моратория.

«Интересно, мне и на этот раз придется выслушивать этого Жори?— думал он.— Или же мне удастся занять внимание Эллы на достаточно долгое время, чтобы я успел сообщить ей все, что услышал от Джо? Теперь контакт с ней затруднен, с тех пор как этот Жори расширил сферу своего влияния и паразитирует на моей жене а может, и на остальных людях, находящихся в состоянии полужизни... Но мораторий должен с ним как-то справиться — он представляет угрозу всем находящимся здесь. Почему они позволяют ему так себя вести?»

Наверное, они просто не могут ему помешать,— решил он.— А может быть, до сих пор среди полуживых не встречалось еще такого наглеца, как этот Жори».

Может быть, у тебя несвежее дыхание? Что ж, если тебя это беспокоит, попробуй наш новейший, пенистый «Убик» — препарат с сильным антибактериальным действием. Безвредность гарантируется только при применении согласно инструкции.

15.

Дверь старого гостиничного номера распахнулась, и в ней возник Дон Денни в сопровождении солидного мужчины среднего возраста с коротко стриженными седыми волосами.

— Как ты себя чувствуешь, Джо?— спросил Денни с

выражением тревоги и беспокойства на лице.— Почему ты не лег? Бога ради, тебе нужно быть в постели.

— Мистер Чип, прошу вас, лягте,— сказал врач, ставя на столик чемоданчик с медицинскими принадлежностями. Он подошел к постели, держа в руке старомодный стетоскоп и неудобный аппарат для измерения давления.— У вас когда-нибудь были нелады с сердцем? А у ваших родственников? Снимите рубашку.— Он пододвинул к кровати кресло и принял выжидающую позу.

— Я хорошо себя чувствую,— сказал Джо.

— Пусть доктор выслушает твое сердце,— сказал Денни.

— Как угодно.— Джо вытянулся на кровати и расстегнул пуговицы на рубашке.— Ранкитеру удалось повидаться со мной,— сообщил он Дону.— Это мы в холодильнике, а он пытается установить с нами контакт. А кто-то еще пытается причинить нам вред. Это не Пат, или же она действует не одна. Ни она, ни Ранкитер не имеют ни малейшего понятия, что происходит на самом деле. Когда ты входил, ты не заметил Ранкитера?

— Нет,— сказал Денни.

— Он сидел там, напротив меня,— сказал Джо.— Еще две-три минуты назад. «Мне очень жаль, Джо»,— это были его последние слова. Потом он прервал связь, попросту отключился. Посмотри-ка на тумбочку — он должен был оставить там флакон «Убика».

Денни посмотрел туда, подошел и поднял вверх ярко раскрашенный флакон.

— Вот он.— Он сильно встряхнул его.— Но, кажется, в нем пусто.

— Почти пусто,— сказал Джо.— Распыли на себя все, что там осталось. Ну, давай,— он сделал требовательный жест.

— Прошу вас, мистер Чип, помолчите,— сказал врач. Потом он завернул рукав рубашки Джо и обернул ему руку резиновой лентой, собираясь измерить давление.

— Что у меня с сердцем?— спросил Джо.

— Кажется, все нормально,— сказал доктор.— Разве что ритм несколько ускорен.

— Вот видишь,— обратился Джо к Дону Денни,— я выздоровел.

— Остальные умирают, Джо,— сказал Дон.

— Все?— спросил Джо, принимая полусидячее положение.

— Все, кто еще остался в живых.— Дон держал в руках бутылку «Убика», но не воспользовался ею.

— Что, и Пат тоже?— спросил Джо.

— Я видел ее здесь, на втором этаже, как только вышел из лифта. Она, видимо, только начала ощущать на себе влияние этого процесса. Она производила впечатление ужасно растерянной, скорее всего, она просто не могла в это поверить.— Он отложил флакон.— Наверное, она считала, что сама вызывает эту реакцию при помощи своих способностей.

— Да, мне тоже кажется, что она была в этом уверена,— согласился Джо.— Почему ты не воспользуешься препаратом?

— Черт побери, Джо, мы должны умереть, и мы все об этом знаем.— Он снял свои очки в роговой оправе и потер глаза.— Увидев, в каком состоянии находится Пат, я обошел остальные комнаты и увидел, что стало с остальными членами группы. Поэтому меня так долго не было. Прежде чем прийти сюда, я попросил доктора Тейлора обследовать их. Я не думал, что силы будут исчерпаны так быстро. Произошло какое-то дьявольское ускорение процессов...

— Распыли на себя «Убик»,— сказал Джо.— А то я сам им обольюсь.

— Ладно,— сказал Денни. Он взял сосуд в руки и направил распылитель в свою сторону.— У меня и в самом деле нет причин, чтобы этого не делать... Если уж ты так настаиваешь... Ведь это конец, не так ли? Они все умерли, нас осталось только двое, и «Убик» тоже перестанет действовать через пару часов. И тебе будет трудно добыть новую порцию. Это значит, что я останусь один.

Денни надавил кнопку распылителя, и вокруг него образовалось сверкающее, подрагивающее, туманное облако, наполненное частичками металлического света, пляшущими в головокружном танце. Дон исчез за сплошной пеленой сияющих энергетических разрядов.

Оторвавшись от измерения давления, доктор Тейлор повернул голову и посмотрел в сторону Дона Денни. Туман начал рассеиваться. На ковре блестели лужицы жидкости; эта же жидкость текла со стены за спиной Денни.

Скрывающее его облако в самом центре дымящегося пятна «Убика», который уже пропитал старый пыльный ковер, не было Доном Денни.

На его месте стоял поразительно стройный молодой человек. Его неправильных очертаний темные глаза смотрели из-под кустистых бровей. Он был наряжен в старомодную одежду: белую нейлоновую рубашку, джинсы и кожаные мокасины середины XX века. Джо заметил улыбку на его

вытянутом лице. Эта улыбка была какая-то бесформенная — какая-то продольная морщина, издевательская гримаса. Детали лица не сочетались между собой: крупные уши с большим числом завитков не подходили к глазам, словно сделанным из хитина. Прямые волосы контрастировали с буйными, вьющимися бровями. «Этот нос,— подумал Джо,— он слишком узкий, слишком длинный и слишком острый». Даже подбородок не гармонировал с общими чертами лица: на нем виднелась глубокая вмятина, как бы трещина, заходящая, скорее всего, в глубь кости... «Словно творец этого создания,— подумал Джо,— приложился к нему как следует, намереваясь уничтожить, однако материал, из которого была создана первоначальная субстанция, оказался слишком податливым. Парнишка не лопнул, не раскололся напополам, а продолжил свое существование, издевательски кривляясь перед всеми, в том числе и перед самим создателем».

— Кто ты?— спросил Джо.

Юнец нервно пошевелил пальцами. Напряжение рук, видимо, помогало ему справиться с заиканием.

— Иногда я использую имена Мэтт и Билл,— ответил он.— Но чаще всего меня зовут Жори. Так звучит мое настоящее имя.— Открывая рот, он показывал испорченные зубы и покрытый налетом язык.

— А где Денни?— спросил Джо. «Он мертв,— подумал он про себя,— так же, как и все остальные...»

— Я сожрал Денни давным-давно,— сказал Жори.— Еще в самом начале, прежде, чем ты приехал в Нью-Йорк. Сперва я съел Венду Райт, а Денни был вторым на очереди.

— Что ты имеешь в виду под словом «сожрал»?— спросил его Джо. «Неужели буквально?»— подумал он с отвращением. Его пронзила мощная волна омерзения, под воздействием которой ему показалось, что тело уменьшилось и хочет исчезнуть. Однако ему удалось скрыть это чувство.

— Я сделал то, что делал всегда,— ответил Жори.— Это трудно объяснить, я давным-давно занимаюсь этим, и я проделал это с множеством людей, находящихся в состоянии полужизни. Я ем их жизнь, точнее то, что от нее осталось. В них обычно немного остается, так что мне приходится съедать много людей. Раньше я делал это только тогда, когда они находились какое-то время в состоянии полужизни, а теперь мне приходится сразу за них приниматься. Приходится делать это, если хочешь выжить сам. Если ты подойдешь ко мне, а я открою рот, то ты сможешь

услышать голоса тех людей. Не всех, конечно, но тех, которых я съел совсем недавно. Я съел тех, кого ты знаешь.

Он принялся постукивать ногтем по одному из своих верхних клыков. Слегка наклонив голову набок, он приглядывался к Джо, явно ожидая его реакции.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?— спросил он.

— Это из-за тебя я начал умирать там, в холле?

— Из-за меня, а вовсе не из-за Пат. Я съел ее в коридоре, возле лифта, а потом доел остальных. Я думал, что ты уже мертв.— Он повертел в руках банку с «Убиком».— Вот что я не могу понять. Из чего сделан этот «Убик» и где Ранкитер его берет.— На его лице появились признаки гнева.— Но ты прав: Ранкитер не мог сделать этого — ведь он находится в наружном мире. А эта бутылка принадлежит кому-то в нашем мире. Это должно быть так, потому что снаружи могут проникать только слова.

— Ты не можешь сожрать меня,— сказал Джо.— Благодаря «Убику».

— Это только временно. Через некоторое время «Убик» перестанет действовать...

— Ты сам в этом не уверен — ты же не знаешь, из чего он состоит и откуда берется.

«Интересно, как его можно убить?»— подумал Джо. Жори казался таким хрупким. «Значит, это он убил Венду Райт. А теперь я стою перед ним лицом к лицу, как и предвидел. Это он уничтожил Венду, Эла, Эдди Дорн, настоящего Дона Денни и всех остальных. Он сожрал даже тело Ранкитера, находящееся в морге. Должно быть, в них — или вокруг них — сохранилось какое-то количество активных протофазонов. В любом случае что-то, что заинтересовало его».

— Мистер Чип,— сказал врач.— В такой позе я не могу измерить вам давление. Прошу вас лечь снова.

Джо внимательно посмотрел на него, потом перевел взгляд на Жори:

— Он что, не заметил твоего появления, Жори? Или он не слышит, что ты говоришь?

— Доктор Тейлор является продуктом моего воображения,— сообщил Жори.— Так же, как и все прочие стабильные элементы этого псевдомира.

— Я тебе не верю,— заявил Джо. Он повернулся к врачу.— Вы ведь слышали, что он сказал, правда?

Хлопком лопающегося воздушного шарика врач исчез.

— Вот видишь,— удовлетворенно сказал Жори.

— Что ты собираешься делать после моей смерти?— спросил Джо у юнца.— Сохранишь этот мир 1939 года, или как ты там это назвал — псевдомир?

— Зачем? В этом нет необходимости.

— Значит, он существует только для меня? Весь этот мир?

— Он не очень велик,— сказал Жори.— Один-единственный отель в Дес-Мойнсе. Улица за окном, на ней немного прохожих и один автомобиль и, может, еще пара магазинов и домов, которые ты сможешь увидеть, выглянув из окна.

— Значит, ты не сохранил ни кусочка из Цюриха или Нью-Йорка? Или...

— А зачем бы я стал это делать? Там ничего особенного не было. Везде, где появлялся ты или еще кто-нибудь из вашей группы, я создавал приблизительную действительность, более или менее соответствующую вашим ожиданиям. Когда ты летел из Нью-Йорка, мне пришлось сделать сотни миль пейзажа, один город за другим — это было сущее мучение. Мне пришлось много есть, чтобы сберечь силы. Честно говоря, именно поэтому мне пришлось так быстро прикончить остальных вскоре после твоего приезда сюда. Я нуждался в пище для восстановления сил.

— А почему ты выбрал именно 1939 год?— спросил Джо.— Чем был плох современный мир 1992 года?

— Все дело в затрачиваемых усилиях. Я не могу препятствовать регрессивному процессу изменений. Для меня это слишком сложно. Сперва я создал 1992 год — но все начало портиться — монеты, сигареты, молоко — ну, вы сами наблюдали. Ко всему прочему, Ранкитер постоянно вторгался в этот мир снаружи, что еще больше затрудняло мою деятельность. Лучше, если бы он не вмешивался.— Жори слегка улыбнулся.— Но регресс не беспокоил меня, я знал, что вы станете подозревать Пат Конли. Эти изменения казались вызванными ее способностями, так как вы помнили, что она умеет это делать. Я даже рассчитывал, что вы, возможно, ее убьете. Меня бы это позабавило.— Его улыбка сделалась еще выразительнее.

— С какой целью ты сохраняешь для меня этот отель и улицу за окном?— спросил Джо.— Ведь я теперь все знаю.

— Но я всегда так поступаю,— сказал Жори. Глаза его расширились.

— Я убью тебя,— пообещал Джо. Он сделал в его сторону неловкий шаг. Потом он поднял руки и бросился на

юношу, стараясь схватить его за горло и пережать глотку пальцами.

Жори заворчал и укусил его. Крупные плоские зубы глубоко впились в правую руку Джо. Не ослабляя челюстей, Жори поднял голову, заставляя руку Джо двигаться следом. Все это время он смотрел прямо в глаза Чипа и напряженно сопел, пытаясь сомкнуть челюсти. Его зубы впились все глубже, и Джо ощущал боль, пронзающую все тело. «Он сожрет меня», — вдруг понял он.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал Джо. Он ударил кулаком Жори прямо в лицо, потом еще несколько раз. — «Убик» защищает меня, — приговаривал Джо, колотя прямо по прищуренным глазам. — Ты не в состоянии ничего со мной поделать.

— Грр... Грр... — урчал Жори, вгрызаясь в руку Джо. Боль стала невыносимой. Джо изо всех сил отшвырнул юношу. Зубы Жори разжались, освобождая руку. Джо ослабленно качнулся, поглядев на рану. «Господи!» — думал он, глядя на текущую кровь.

— Ты не можешь расправиться со мной так, как сделал это с остальными.

Он нашел сосуд с «Убиком» и направил его на кровоточащую рану. Из отверстия вылетела тонкая струйка частиц, которые тонкой пленкой покрыли искусанную руку. Боль мгновенно утихла. Рана затянулась буквально на глазах.

— Но и ты ничего не можешь сделать со мной, — скривившись в усмешке, ответил Жори.

— Я пошел вниз, — сказал Джо. Неуверенным шагом он добрался до дверей номера, раскрыл их и вышел в грязный коридор. Потом, осторожно ставя ноги, двинулся вперед. Но пол был прочен и не производил впечатления продукта псевдомира.

— Не уходи слишком далеко, — произнес за его спиной Жори. — Я не могу создавать слишком много пространства. Если ты, к примеру, сядешь в одну из этих машин и помчишься милоу за милей, то в конце концов доберешься до места, где случится катастрофа. Это было бы так же прищербно для вас, как и для меня.

— Мне, кажется, все равно нечего терять, — заметил Джо и нажал кнопку.

— У меня затруднения с лифтами, — сказал Жори. — Они слишком сложные. Может, ты спустишься по лестнице?

Джо постоял с минуту, потом, следуя совету Жори,

начал спускаться по лестнице. Это был тот же самый пролет, который он недавно преодолевал ступеньку за ступенькой.

«Что ж,— думал он,— вот и одна из действующих сил. Это Жори уничтожил всех нас. Он убил всех, кроме меня. За Жори уже никто не стоит — на нем все кончается. А вот удастся ли мне встретить другое существо? Наверное, недостаточно скоро, и это уже не будет иметь значения»,— пришел он к выводу.

Он еще раз посмотрел на свою совершенно здоровую руку.

Оказавшись в холле, Джо осмотрелся, разглядывая людей и люстру. Он был вынужден признать, что результаты труда Жори превосходны, несмотря на этот процесс возвращения к предыдущим формам. «Он самый настоящий,— пробормотал он, трогая пол ногой.— Мне это непонятно.

У Жори, вне всякого сомнения, немало опыта,— решил он.— Должно быть, он не раз проделывал такое и раньше».

— Вы можете порекомендовать мне какой-нибудь ресторан в городе?— спросил он у служащего, подойдя к стойке регистрации.

— Вам нужно пройти по улице,— ответил ему служащий, оторвавшись от разборки почты.— С правой стороны будет «Матадор». Вы убедитесь, что это превосходный ресторан, сэр.

— Мне довольно одиноко,— продолжал Джо под воздействием внезапного импульса.— Отель не мог бы обеспечить меня обществом какой-либо девушки?

— Только не наш отель, сэр,— неодобрительным тоном сказал служащий.— Мы не занимаемся сводничеством.

— Да, у вас тут приличное заведение.

— По крайней мере, мы так хотели бы думать, сэр.

— Я всего лишь проверял вас,— объяснил Джо.— Мне хотелось удостовериться, что я остановился в хорошем отеле.

Он пошел от стойки через холл к выходу. Там он спустился по ступеням, преодолел вертушку дверей и оказался на улице.

Приветствуй утро изрядной порцией питательных, тонизирующих хлопьев «Убик» — хлопьев для взрослых, отличающихся великолепным вкусом и отменно хрустящих. Питательные хлопья «Убик» — сплошное наслаждение! Не используй больше одноразовой упаковки.

Ему понравилось разнообразие машин. Здесь были представлены марки и модели разных лет выпуска. Среди них преобладали автомобили черного цвета, но в этом не проявлялся вкус самого Жори — так была устроена эта эпоха.

Но откуда же Жори мог это знать?

«Странно,— подумал Джо,— это его знакомство с вещами 1939 года, со всеми этими вещами. В это время никого из нас, может быть, кроме Ранкитера, еще не было на свете».

Неожиданно он понял причину. Жори не лгал, утверждая, что является творцом этого мира — он создавал мир, а точнее, его фантазмагорический аналог, соответствующий периоду его жизни. Разложение, возврат к прежним формам не было его делом — он даже пытался помешать этому. Этот процесс появления атакизмов возникает самопроизвольно, по мере того, как сам Жори теряет силы. Он сам говорил, что это страшное напряжение. Вероятно, он впервые создал столь детализированный мир и для стольких людей одновременно. Редко случается, чтобы такое большое число полуживых были соединены между собой.

«Мы вынудили Жори на чрезвычайные усилия,— подумал он,— и заплатились за это».

Его как раз миновало старенькое такси марки «Додж». Джо сделал знак рукой, и машина со скрежетом остановилась. «Посмотрим,— сказал он себе,— много ли правды в словах Жори о том, что границы этого псевдомира сжались».

— Провезите меня по городу,— сказал он шоферу.— Вы можете ехать, куда вам заблагорассудится. Я бы хотел увидеть как можно больше домов и людей. Потом, когда мы осмотрим Дес-Мойнс, я хочу съездить в другой город и осмотреть его.

— Видите ли, я не езжу за пределы города,— сказал водитель, распахивая перед Джо дверцу.— Однако я охотно покатаю вас по Дес-Мойнсу. Это милый городишко, сэр. Вы ведь не из нашего штата, верно?

— Я из Нью-Йорка,— ответил Джо, садясь в такси. Машина вновь влилась в уличный поток.

— Что думают в Нью-Йорке насчет этой войны?— спросил водитель после недолгого молчания.— Как вы считаете, примем мы в ней участие или нет? Рузвельт хотел бы втянуть нас...

— У меня нет желания говорить о политике,— невежливо оборвал его Джо.

Какое-то время они ехали молча. Глядя на дома и прохожих, Джо задумался над тем, как Жори удастся реализовать все это...

«Сколько подробностей,— думал он с удивлением.— Очевидно, скоро мы доберемся до края этого мира. На это не должно уйти много времени».

— Есть у вас в городе какие-нибудь публичные дома?— спросил он у водителя.

— Нет,— ответил тот.

«Может, Жори не догадался создать их?— думал Джо.— Ведь он еще молод для этого. Или он просто противник их существования?» Неожиданно на него навалилась усталость. «Куда я еду?— спросил он сам себя.— И зачем? Чтобы убедить самого себя, что Жори говорил правду? Но я и так знаю, что это правда. Я же был свидетелем исчезновения доктора. Я видел, как Жори вынырнул из тела Дона Денни. Этого уже достаточно, чтобы поверить. То, чем я занимаюсь сейчас, лишь затрудняет существование Жори, а значит — увеличивает его аппетит. Лучше будет, если я вернусь. Это не имеет никакого смысла. Хотя Жори сам говорил, что действие «Убика» скоро кончится. Я не хочу проводить последние минуты жизни, колеся по Дес-Мойнсу. Надо придумать что-то другое».

По тротуару неторопливым, легким шагом шла стройная девушка со смешными белокурыми косичками. Казалось, она была занята разглядыванием витрин. Она была одета в расстегнутый жакет, блузку, ярко-красную юбку и туфельки на высоких каблуках.

— Притормозите-ка,— попросил он таксиста.— Остановитесь возле вон той девушки с косичками.

— Она не станет с вами разговаривать,— сказал ему шофер.— И позовет полицию.

— Не страшно,— сказал Джо. Теперь это не имело ни малейшего значения.

Старый «Додж» притормозил и, позвякивая, остановился у тротуара. Шины с громким пискom прошлись по бордюру. Девушка обернулась в их сторону.

— Добрый день,— сказал Джо.

Она с интересом посмотрела на него. Ее живые, теплые глаза немного расширились, но в них не было ни безразличия, ни страха.

— Слушаю вас,— сказала она.

— Я умираю, — сказал Джо.

— О господи, — сказала она с волнением, — неужели вы...

— Ничего с ним не сделается, — вмешался водитель. — Он спрашивал о девушках, так что он просто хочет вас подцепить.

Девушка рассмеялась, но не отошла.

— Приближается обеденное время, — сказал Джо. — Не позволите ли вы пригласить вас в «Матадор»? Я слышал, это неплохой ресторан.

Утомление росло: он уже ощущал на себе его тяжесть. Неожиданно он понял, что это именно тот вид усталости, который обрушился на него в холле отеля, когда он показывал Пат полицейскую повестку. И холод. В его тело снова проник мороз. «Действие «Убика» кончается, — понял он. — Жить мне осталось совсем немного».

Должно быть, его мысли отразились на выражении лица. Девушка подошла поближе и заглянула в окошко машины.

— Что с вами? — спросила она.

— Умираю, — с трудом выговорил Джо. Он снова чувствовал пульсирующую боль в руке. Следы зубов снова проступили на коже. Одного этого хватило, чтобы наполнить его страхом.

— Пусть водитель отвезет вас в больницу, — посоветовала девушка.

— А пообедать со мной вы не можете? — спросил ее Джо.

— А у вас есть такое желание? Теперь, когда вы... в таком состоянии? Вы и правда больны? — Она распахнула дверцу. — Хотите, я поеду с вами в больницу? Хотите?

— В «Матадор», — сказал Джо. — Мы съедим по две порции паровых зраз из марсианских медведек. — Тут он вспомнил, что в это время еще не существовал такой деликатес. — По бифштексу, — поправился он. — Вы любите говядину?

— Он хочет поехать в «Матадор», — сообщила девушка водителю такси.

— О'кей, дамочка, — сказал шофер.

Машина выехала на дорогу. Доехав до ближайшего перекрестка, шофер развернулся на 180 градусов.

«Теперь мы едем в направлении ресторана, — думал Джо. — Интересно, доберусь ли я до него?»

Его снова охватили изнеможение и холод. Он чувствовал, что функции его организма постепенно отмирают. Его

органы уже не имели будущего: печени не было необходимости вырабатывать эритроциты, почкам — заниматься фильтрацией, его сердце еще подавало признаки жизни — оно билось с усилием, дышать становилось все труднее. Набирая воздух в легкие, он каждый раз чувствовал, что у него на груди лежит бетонный блок.

«Это мой надгробный камень», — подумалось ему. Он заметил, что его рука снова стала кровоточить: густая кровь медленно текла из нее, капля за каплей.

— Сигарету? — спросила девушка, протягивая ему пачку «Лаки Страйк». — Они хорошо высушены — так по крайней мере говорилось в рекламном объявлении. Марка «Л. С. М. Ф. Т.» стоит лишь на том...

— Меня зовут Джо Чип, — сообщил Джо.

— Вы хотите, чтобы я тоже представилась?

— Да, — выдавил он сквозь стиснутые зубы и закрыл глаза. Он был не в состоянии разговаривать дальше, по крайней мере, некоторое время. — Вам нравится Дес-Мойнс? — спросил он немного погодя, пытаясь убрать руку с глаз. — Вы давно здесь живете?

— Вы выглядите очень усталым, мистер Чип, — сказала девушка.

— Ну да, черт побери. Но это не имеет значения. — Он махнул рукой.

— Мне кажется, что имеет, — сказала девушка и стала рыться в сумочке, что-то быстро ища в ней. — Я не извращенное творение этого Жори, не то, что он, — она кивнула головой в сторону таксиста. — Или эти домики и магазинчики, грязные улицы с машинами эпохи неолита. Прошу вас, мистер Чип, — она протянула ему конверт. — Это вам. Прочитайте сразу же. Мне кажется, что нельзя долго тянуть ни вам, ни мне.

Свинцовыми пальцами он разорвал конверт.

В нем находился какой-то торжественный, нарядный документ. Буквы расплывались перед глазами Джо. Он слишком устал, чтобы прочесть текст.

— Что там написано? — спросил он, кладя бумагу на колени.

— Это письмо от фирмы, изготавливающей «Убик», — сказала девушка. — Она гарантирует бесплатное пожизненное снабжение вас этим препаратом. Бесплатно, потому что мы знаем ваши затруднения, так сказать, вашу идиосинкразию к финансовым вопросам. На обратной стороне приведен список всех аптек, где производится его продажа. В нем есть две функционирующие аптеки в Дес-Мойнсе. Я

предлагаю вам посетить одну из них до обеда.— Водитель, прошу вас,— она наклонилась к шоферу и протянула ему листок бумаги,— отвезите нас по этому адресу. И поторопитесь, там скоро закрывают.

Джо откинулся на сиденье и наладил дыхание.

— Мы успеем добраться до аптеки,— сказала девушка, похлопав его по плечу, словно стараясь придать ему мужества.

— Кто вы?— спросил Джо.

— Меня зовут Элла. Элла Хайд Ранкитер. Я жена вашего шефа.

— Вы тоже здесь, с нами,— сказал Джо.— Вы с этой стороны — в холодильнике...

— Как вам, должно быть, известно, я здесь уже давно. Вскоре, как мне кажется, я рожусь из другого лона второй раз. Так утверждает Глен. Мне все время снится красный свет, а это нехорошо. Это символизирует безупречный — с моральной точки зрения — тип лона.— Она засмеялась свободно и жизнерадостно.

— Вы и есть тот второй элемент,— сказал Джо.— Жори уничтожает нас, а вы пытаетесь помочь. За вами, как и за Жори, уже никто не стоит. Я добрался до существ, находящихся на обоих концах.

— Я как-то не привыкла думать о себе как о «существе»,— ехидно заметила Элла.— Я привыкла относиться к себе как к Элле Ранкитер.

— Но ведь это правда,— настаивал Джо.

— Да.— Она кивнула головой.

— Почему вы действуете против Жори?

— Потому что он и в меня вторгся,— сообщила Элла.— Он начал мне угрожать таким же образом, как и вам. Мы оба знаем, на чем основаны его поступки: он сам сказал вам в номере отеля. Время от времени он приобретает немалую силу, иногда ему удается даже забивать мои сигналы, когда в состоянии активности я пытаюсь поговорить с Гленом. Но, похоже, я научилась с ним справляться. У меня это получается лучше, чем у остальных полуживых — с «Убиком» или без. Лучше, чем у всей вашей группы.

— Да,— признался Джо.— Наверняка так и было, и тому есть веские доказательства.

— Когда я рожусь заново,— сказала Элла,— Глену уже не удастся со мной консультироваться, так что я руководствовалась чисто эгоистическими побуждениями, помогая вам, мистер Чип. Я хочу, чтобы вы меня заменили. Хочу, чтобы существовал другой человек, к ко-

тому Глен мог бы обратиться за советом и помощью. Человек, на которого он мог бы положиться. Вы идеальный кандидат: находясь в состоянии полужизни, вы будете заниматься тем же, что делали в реальной жизни. Так что мной руководят не сентиментальные чувства. Я избавила вас от Жори из чисто деловых соображений. Кроме того, один Бог знает, как я ненавижу этого Жори.

— А я не умру после вашего очередного рождения?— спросил Джо.

— Вас будут пожизненно снабжать «Убиком». Согласно тому, что написано в документе, который я вам передала.

— Может быть, мне удастся уничтожить Жори.

— Что значит уничтожить?— задумалась Элла.— Одолеть его невозможно. Со временем вы, вероятно, научитесь нейтрализовывать его влияние. Вот, наверное, и все, на что можно рассчитывать. Я сомневаюсь, чтобы вы оказались в силах уничтожить его на самом деле — или, иначе говоря, съесть его так, как он делал это с остальными полуживыми, лежащими рядом с ним в моратории.

— Чертовщина!— сказал Джо.— Я сообщу Глену Ранкитеру об этой ситуации. Я попрошу, чтобы он вообще убрал этого Жори из моратория.

— На это у Глена не хватит возможностей.

— Но ведь Шенгейт фон Фогельсанг...

— Родственники Жори выплачивают ему ежегодно небольшую сумму, чтобы он держал его вместе с остальными и чтобы выдумывал веские причины, почему надо именно так поступать. А кроме того, в каждом моратории имеется свой Жори. Такая война ведется везде, где только находятся полуживые. Это закон, правило нашего существования.— Она погрузилась в молчание. В первый раз на ее лице появился гнев. Выражение тягостного напряжения, которое пробивалось через излучаемое ею спокойствие.— С этим надо воевать здесь, с этой стороны стекла,— продолжала она.— Это должны делать те, кто сам находится в состоянии полужизни, на ком паразитирует Жори. После моего рождения вы будете руководить действиями остальных. Справитесь? Это будет нелегко — Жори постоянно будет подрывать ваши силы, взваливать на вас бремя, которое вы будете ощущать, как...— она заколебалась,— как приближение смерти. Да, так и будет на самом деле. Поскольку в состоянии полужизни мы постоянно таем, а Жори лишь ускоряет этот процесс. Усталость и холод придут в любом случае, разве что не так быстро.

«Я буду всегда помнить, что он сделал с Вендой,—

думал Джо.— И это заставит меня действовать. Этого будет вполне достаточно».

— Аптека, мадам,— сообщил таксист. Старый «Додж» свернул к тротуару и остановился.

— Я с вами не пойду,— сказала Элла, когда Джо выбрался наружу.— До свидания. Благодарю за вашу верность Глену. И за то, что вы будете делать для него в дальнейшем.— Наклонившись, она поцеловала его в щеку. Ему показалось, что губы ее полны жизни и что часть этой жизни передалась ему — он ощутил себя несколько сильнее.— Удачи вам в этой войне.

Она откинулась на сиденье и уселась в позе полного спокойствия, держа сумочку на коленях.

Джо захлопнул дверцу и немного постоял на месте. Затем он преодолел тротуар и вошел в аптеку. За его спиной «Додж» заурчал и тронулся с места. Джо слышал, как машина уехала, но не обернулся.

В уютном освещенном помещении аптеки он увидел лысого продавца в форменной одежде, состоящей из темной рубашки, галстука-бабочки и тщательно выглаженных брюк из искусственной парчи. Продавец направился в его сторону.

— К сожалению, мы уже закрылись,— сказал продавец.— Я как раз шел запереть дверь.

— Но я уже вошел,— сказал Джо.— И вы должны обслужить меня.— Он показал аптекарю полученный от Эллы документ. Поглядывая через очки без оправы, фармацевт с трудом разобрал готический текст.

— Так вы намерены обслужить меня?— спросил еще раз Джо.

— «Убик»,— произнес аптекарь.— Кажется, я продал весь запас. Сейчас проверю.

Он пошел в глубь помещения.

— Жори,— сказал Джо.

— Вы что-то сказали, сэр?— спросил аптекарь, повернув голову.

— Ты — Жори,— заявил Джо.— Теперь-то я умею это определять.— «Я учусь узнавать его с каждой встречей»,— подумал он.— Ты создал эту аптеку,— сказал Джо,— и все, что в ней находится, за исключением аэрозоля «Убик». Он не подчиняется твоей власти — он идет от Эллы, а не от тебя.

Заставив себя двигаться, он шаг за шагом подошел к шкафу с запасами медикаментов. Внимательно рассматривая все полки по очереди, он попытался найти флаконы с

«Убиком». Свет в аптеке ослаб, и античные элементы интерьера сделались почти неразличимыми.

— Я вызвал регресс всего «Убика», который здесь находился, — сообщил продавец высоким голосом Жори. — Это снова всего лишь бальзам для нервов и печени. Для тебя он уже бесполезен.

— Я пойду в другую аптеку, где он есть на складе. — Джо оперся о прилавок и медленно втягивал в себя воздух, ощущая сильную боль.

— Она окажется уже закрытой, — сказал Жори из тела лысеющего аптекаря.

— Приду утром, — сказал Чип. — До завтрашнего утра я дотяну.

— Нет, не выдержишь. А впрочем, и в другой аптеке «Убик» окажется превращенным в бальзам.

— В другом городе... — начал Джо.

— Куда бы ты ни направился, «Убик» везде будет превращаться в предшествующую форму. Он вновь будет порошком, эликсиром или мазью. Ты никогда не получишь баллона с аэрозолем, Джо Чип. — Жори, скрывшийся под оболочкой лысого аптекаря, усмехнулся, демонстрируя искусственную челюсть.

— Я могу... — Джо замолчал, чтобы собраться с силами и собственным теплом отогреть замерзающее тело, — перенестись в современное время, в 1992 год.

— В самом деле, мистер Чип? — продавец вручил ему картонную коробку. — Взгляните, пожалуйста...

— Я знаю, что там, — сказал Джо. Он сконцентрировал свое внимание на голубоватой этикетке бальзама от нервов и печени.

«Переместись в более поздний этап развития», — мысленно приказал он ей, пытаясь мысленно перелить в бутылку всю свою оставшуюся энергию. Этикетка не менялась.

«Мы находимся в реальном мире», — говорил ей Джо.

— Баллон с распылителем, — сказал он вслух, чтобы хоть немного передохнуть.

— Это не баллон с распылителем, — возразил продавец. Расхаживая по аптеке, он гасил свет. Потом надавил клавишу механического кассового аппарата — и ящик с грохотом открылся. Аптекарь привычно переложил банкноты и мелочь в металлическую, запираемую на ключ коробку.

— Ты — банка с распылителем, — сказал Джо картонной коробке. — Сейчас 1992 год.

Последняя лампа погасла, выключенная деловитым ап-

текарем. Мглистый свет уличного фонаря освещал прямоугольные формы предмета, который Джо продолжал сжимать в руках.

— Вот и все, мистер Чип,— сказал аптекарь, распахивая входную дверь.— Пора и домой. А ведь она ошиблась, не так ли? Вы никогда ее больше не увидите, она уже на пути к своему новому рождению. Она уже не думает ни обо мне, ни о вас, ни о Ранкитере. Теперь Элла видит разные цвета: туманно-красный, и может быть, даже ярко-апельсиновый...

— То, что я держу в руке — бутылка с аэрозолем,— сказал Джо.

— Нет,— сказал аптекарь.— Мне очень жаль, мистер Чип, но вы ошибаетесь.

Джо отложил в сторону картонную упаковку, с достоинством повернулся и начал свой долгий и медленный путь через аптеку, направляясь в сторону двери, которую аптекарь придерживал открытой. Они не произнесли ни одного слова. Джо миновал дверь и оказался на темном тротуаре.

Аптекарь вышел за ним, наклонился и запер дверь на ключ.

— Я направлю изготовителю жалобу на вашу...— Джо замолчал. Что-то сдавило ему горло, он был не в состоянии ни дышать, ни говорить. Потом давление на минуту ослабло,— ...вашу подверженную регрессу аптеку.

— Спокойной ночи,— сказал продавец. Он еще немного постоял, разглядывая Джо в сумерках. Потом пожал плечами и пошел вперед.

Слева от себя Джо различил во мраке очертания скамейки, на которой сидели какие-то люди, ожидающие трамвая. Ему удалось добраться до нее и сесть рядом с двумя или тремя людьми, которые тут же отодвинулись, то ли для того, чтобы освободить ему место, то ли от отвращения. Почему — он так и не понял, да это его не особенно и заботило. Он ощущал лишь скамейку под собой, а она поддерживала его, уменьшая давящую на него тяжесть.

«Еще несколько минут,— подумал он.— Я же все хорошо запомнил. Господи! Через какие же жуткие вещи мне приходится проходить, причем второй раз.

В любом случае мы пытались,— продолжал Джо свои размышления, присматриваясь к желтым мигающим огням, неоновым надписям рекламы и потоку машин, скользящему в обе стороны перед его глазами.— Ранкитер рвался к нам, Элла долгое время сражалась с Жори, строила ему разные каверзы. Сам я чуть не заставил бальзам для нер-

вов и печени совершить обратное путешествие. Мне это почти удалось». Каким-то образом он был полностью уверен в этом, он отдавал себе отчет в собственной силе.

Трамвай, этот грохочущий металлический монстр, со скрежетом остановился у скамейки. Сидящие рядом с Джо люди вскочили и начали спешно садиться через заднюю площадку.

— Эй, а вы?— окликнул кондуктор трамвая сидящего Джо.— Вы садитесь или нет?

Джо ничего не ответил. Кондуктор подождал еще минуту, потом дернул за сигнальную веревку. Трамвай, грохочнув, стронулся с места. Какое-то время он ехал прямо, потом завернул за угол и исчез из поля зрения Джо.

— Всего хорошего,— пробормотал Джо, вслушиваясь в удаляющийся перестук колес.— И до встречи.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку скамейки.

— Простите,— сказала, наклонившись к нему, какая-то девушка в плаще из искусственной кожи. Он посмотрел на нее, постепенно приходя в себя.— Вас зовут не мистер Чип?

Она была худенькая и стройненькая. Шляпка, перчатки, туфли на высоких каблуках. В руке она держала какой-то предмет — Джо узнал его очертания.

— Вы из Нью-Йорка?— спросила она.— Из «Корпорации Ранкитера»? Мне бы не хотелось вручить эту вещь не тому человеку.

— Я Джо Чип,— сказал он. Какое-то время ему казалось, что это — Элла Ранкитер. Но нет, он никогда не видел ее раньше.

— Кто вас прислал?

— Доктор Сондербар,— ответила девушка.— Молодой доктор Сондербар, сын основателя фирмы.

— Кто он такой?— Фамилия ему ничего не говорила, только потом он вспомнил, где видел ее.— Человек с этикетки бальзама от нервов и кишечника,— произнес он вслух.— Настойка из листьев олеандра, ментоловое масло, древесный уголь, хлористый кобальт, окись цинка...— его охватила усталость, и он умолк.

— Благодаря использованию наиболее передовых методов современной науки, процесс обращения материи в ее предшествующие формы может быть остановлен, причем за сумму, которой располагает любой владелец квартиры. «Убик» продается во всех магазинах хозяйственных товаров по всему земному шару. Загляните за ним в тот магазин, где вы обычно совершаете покупки, мистер Чип.

— Куда это мне за ним заглянуть?— спросил Джо, окончательно придя в себя. Он с усилием поднялся и встал, сохраняя неустойчивое равновесие.— Вы из 1992 года — то, что вы процитировали, взято из телерекламы Глена Ранкитера.— Его обдувал вечерний ветер, и казалось, что он тянет его за собой, пытаясь унести прочь. Ему представилось даже, что сам он — уродливая кучка клочков и обрывков, с трудом удерживающаяся на месте.

— Все верно, мистер Чип.— Девушка вручила ему пакет.— Вы вызвали меня из будущего своими действиями в аптеке. Я прибыла прямо с фабрики. Мистер Чип, я могу распылить препарат вокруг вас, если вы сами слишком слабы. Хотите? Я официальный представитель фирмы и ее технический советник. Я знаю, как пользуются этим средством.

Быстрым движением она выхватила пакет из его дрожащих рук, разорвала упаковку и направила на него поток частиц «Убика». Джо заметил в темноте поблескивание сосуда и цветные веселые буквы.

— Спасибо,— сказал он немного погодя, когда ему стало лучше и холод немного отступил.

— На этот раз вам не потребуется так много, как тогда, в номере гостиницы,— заметила девушка.— Вы сейчас сильнее, чем были тогда. Возьмите эту бутылку — «Убик» может вам понадобиться еще раз до конца ночи.

— А я смогу раздобыть его впоследствии? Я имею в виду, когда эта порция кончится?

— Я думаю, это будет возможно. Если уж вы сумели вызвать меня сюда, то, думаю, сможете сделать это и еще раз таким же образом.— Она уже уходила, таяла в тени, отбрасываемой стенами расположенных поблизости закрытых магазинов.

— Что такое «Убик»?— спросил он, желая, чтобы она побыла с ним подольше.

— Сосуд «Убика»,— сказала она,— это портативный переносной ионизатор, работающий при высоком напряжении. Он питается от гелиевой батареи с напряжением в двадцать пять киловольт. При помощи специального приспособления в ускорительной камере заряженным ионам придается движение по спирали, закручивающейся против часовой стрелки. В результате этого они приобретают особые качества и как бы облепляют тело, а не рассеиваются в пространстве. Поле ионов замедляет скорость находящихся в воздухе антипротофазонов. Как только скорость последних падает, они перестают быть антипротофазонами

и, согласно правилу симметрии, уже не могут реагировать с протофазонами, излучаемыми человеком, помещенным в холодильник, то есть находящимся в состоянии полужизни. Конечным результатом является увеличение плотности потока протофазонов, а это означает прирост — по крайней мере, на определенное время — энергии активности протофазонов. В результате этого у человека, находящегося в состоянии полужизни, наблюдается возрастание энергетического потенциала, и он в определенной степени перестает ощущать низкую температуру холодильника. Вы можете видеть, что те формы, которые испытали регрессивный процесс...

— Не надо говорить: «отрицательные ионы», — задумчиво произнес Джо. — Ионы все отрицательные.

— Может быть, мы еще встретимся, — сказала девушка, снова удаляясь от него. — Мне было приятно оказать вам эту услугу. Может быть, в следующий раз...

— Мы могли бы пообедать вместе, — закончил за нее Джо.

— Заранее благодарна за приглашение, — сказала она.

— Кто изобрел «Убик»? — спросил Джо.

— Группа серьезных людей, находящихся в состоянии полужизни и подвергающихся опасности со стороны Жори. Это в первую очередь Элла Ранкитер. Совместно с другими она работала долгие годы, и, несмотря на это, препарат доступен в весьма ограниченных количествах.

Отступая все дальше каким-то грациозным шагом, она почти исчезла с его глаз.

— В «Матадоре», — прокричал ей вслед Джо. — Жори удалось создать там неплохой ресторанчик. Или, скорее, — переместить его до подходящего момента. — С минуту он прислушивался, но ответа не получил.

Осторожно держа баллончик с «Убиком», он направился в сторону оживленной улицы, пытаясь поймать такси. Когда он вышел на освещенную улицу, то смог разобрать слова, напечатанные на этикетке:

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЗОВУТ МАЙРА КЭЙНИ. НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ ФЛАКОНА ТЫ НАЙДЕШЬ ЕЕ АДРЕС И НОМЕР ТЕЛЕФОНА».

— Благодарю, — сказал Джо. — Нам прислуживают духи, умеющие писать и читать.

«Они проникают всюду, умелые, чуткие, быстрые. Они являются из мира живых, они — элементы, обломки субстанции, пульсирующие, как раньше наше сердце. И из всех них наибольшей благодарности заслуживает Глен

Ранкитер. Именно он автор всех этих записок, этикеток и инструкций».

Он поднял руку, чтобы помахать проезжающему такси. Автомобиль марки «Грехэм» образца 1936 года с гневным ворчанием затормозил и остановился у тротуара.

Я — Убик. Прежде чем появился мир, был я. Я создал солнца и миры. Я создал живые существа и населенные ими города, разбросанные тут и там. Они идут туда, куда я им прикажу, и делают все, что я пожелаю. Я — слово, но никогда мое имя не было произнесено. Имя, которое никто не знает. Они называют меня «УБИК», но мое длинное имя от них скрыто. Я — есть, и я буду всегда.

17.

Глен Ранкитер безуспешно разыскивал директора моратория.

— Вы и в самом деле не знаете, где он?— спросил он у мисс Бисон, секретарши фон Фогельсанга.— Мне необходимо еще раз поговорить с Эллой, это дело весьма серьезное.

— Я прикажу доставить ее,— ответила мисс Бисон.— Вы можете воспользоваться комнатой 4-В. Будьте добры, подождите там, мистер Ранкитер. Ваша жена будет доставлена вам незамедлительно. Вы можете пока немного отдохнуть.

Ранкитер отыскал комнату 4-В и принялся беспокойно расхаживать. Наконец, появился служащий моратория, толкавший перед собой на ручной тележке гроб с телом Эллы.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал он и принялся подключать электронные устройства, необходимые для установления связи. Он мурлыкал себе под нос какую-то мелодийку.

Через минуту работа была окончена. Служащий в последний раз проверил соединения, удовлетворенно кивнул головой и направился к выходу.

— Это — для вас,— сказал Ранкитер, вручая ему несколько пятидесятицентовых монет, которые насобирал по карманам своего пиджака.

— Благодарю вас, мистер Ранкитер,— сказал сотрудник моратория. Он посмотрел на деньги и неожиданно нахмурился.— Что это такое?— спросил он.

Ранкитер какое-то время рассматривал пятидесятицентовики. Он понял, что насторожило техника: деньги явно отличались от обычных монет, находящихся в обращении.

«Чей это профиль?— спросил он сам себя.— Кто это выбит на всех монетах? Это не тот, кто должен там находиться, и все же кто-то не совсем посторонний. Мне кажется, я его знаю».

Неожиданно он узнал профиль. «Интересно, что бы это могло означать?— задумался он.— Это самая странная вещь из всех, что случались со мной раньше. Большинство происходящих в мире событий рано или поздно можно как-то объяснить. Но портрет Джо Чипа на пятидесятицентовой монете?»

Это были первые деньги с профилем Джо Чипа, которые он встречал в жизни.

Отозвавшееся холодным ознобом чувство говорило ему, что если он перероем свои карманы и бумажник, то найдет их гораздо больше.

Но это было только началом.

Человек в ВЫСОКОМ замке

Глава 1

Всю неделю мистер Чилдан с волнением просматривал почту, но ценная посылка из Средне-Западных Штатов до сих пор не пришла. Когда он открыл свой магазин утром в пятницу и на полу под прорезью для почты увидел только письма, он сразу понял, что заказчик будет недоволен. Нацедив из пятицентового автомата, встроенного в стену, чашку растворимого чая, он взялся за веник. Скоро торговый зал магазина «Американские художественные промыслы» был готов к открытию: все блестело и сверкало, касса полна мелочи, в цветочной вазе свежие бархатцы, из репродуктора льется тихая музыка.

Снаружи по тротуару Монтгомери-стрит клерки спешили в свои конторы. Вдалеке прошел троллейбус. Чилдан остановился и с удовольствием поглазел на него. Женщины в длинных пестрых шелковых платьях — на них он тоже поглазел. Зазвонил телефон, и он повернулся, чтобы снять трубку.

— Алло, — прозвучал знакомый голос.

Сердце Чилдана упало.

— Это мистер Тагоми. Не прибыл ли заказанный мной вербовочный плакат времен Гражданской войны, сэр? Вспомните, пожалуйста, вы обещали, что он прибудет еще на прошлой неделе.

Резкий, нервный голос, на грани соблюдения приличий.

— Разве я не оставил вам задаток, мистер Чилдан, сэр, договариваясь с вами? Вы понимаете, что это будет подарок? Я ведь уже объяснял. Клиенту...

— Международная справка, — начал Чилдан, — которую я навел за свой собственный счет, мистер Тагоми, сэр, в отношении обещанной посылки, которая, как вы понимаете, не из этого района и поэтому, следовательно...

— Значит, она еще не получена...— перебил его Тагоми.

— Нет, мистер Тагоми, сэр.

Наступило ледяное молчание.

— Я больше не могу ждать,— сказал Тагоми.

— Разумеется, сэр.

Чилдан угрюмо посмотрел сквозь стекло витрины на теплый солнечный день и на конторы Сан-Франциско.

— Тогда предложите замену. Ваши рекомендации, мистер Чулдан.

Тагоми умышленно произнес фамилию неправильно — оскорбление в пределах Кодекса, и потому уши Чилдана вспыхнули.

Горькое чувство обиды объяснялось его положением. Желания, страхи и муки с новой силой вспыхнули в нем, подавляя волю, лишая дара речи. Он с трудом подбирал слова, не в силах оторвать руки от телефонной трубки. Запах бархатцев и спокойная музыка наполняли магазин, но ему казалось, что он тонет в каком-то дальнем море.

— Ну,— удалось выдать ему,— кремосбивалка. Миксер для приготовления мороженого, что-то около 1900 года...

Мозг отказывался думать. Только бы не забыть об этом, только бы не показаться дурачком. Ему было тридцать восемь лет, и он помнил довоенные времена, совсем другие времена, Франклина Делано Рузвельта и Всемирную выставку, прежний лучший мир.

— Могу ли я занести вам на работу соответствующие предметы?— промямлил он.

Встречу назначили на два часа.

«Придется закрывать магазин,— подумал Чилдан, вешая трубку.— Выбора нет. Нужно сохранять расположение таких покупателей, от них зависит бизнес».

Он все еще стоял, взволнованный, потом понял, что кто-то — какая-то пара — вошел в магазин. Молодой человек и девушка, оба красивые, хорошо одетые, само совершенство.

Взяв себя в руки, он с профессиональной легкостью пошел им навстречу, улыбаясь. Склонившись над застекленным прилавком, они разглядывали прелестную пепельницу. «Муж и жена,— предположил он.— Живут в каком-нибудь из этих новых, страшно дорогих кварталов на окраине, с видом на горы».

— Здравствуйте,— выговорил он.

Он почувствовал себя лучше. Они улыбнулись ему в

ответ без всякого превосходства, простыми и добрыми улыбками. Прилавки с товарами, а они действительно были лучшими в своем роде на всем побережье, привели их в состояние некоего благоговейного трепета, он понял это, за что был им бесконечно благодарен. Они знали толк.

— Действительно, отличные экземпляры, — сказал молодой человек.

Чилдан непринужденно поклонился.

Взгляды их, согретые не только чисто человеческой симпатией, но и особым наслаждением, которое доставляли продаваемые им произведения искусства, их взаимными вкусами и привычками, оставались устремленными к нему. Они как бы благодарили его за то, что у него есть такие вещи для них и они могут ими любоваться, брать с прилавка и осматривать, просто держать в руках, даже не покупая. «Да, — подумал он, — они знают, в каком магазине они находятся. Это не какой-нибудь хлам, не дощечки красного дерева, «из секвойи», не смешные значки, брелки и девичьи кольца, не почтовые открытки с видом моста. А глаза у девушки большие, темные. Как легко я мог бы влюбиться в такую девушку! Насколько трагична, значит, вся моя жизнь, как будто и без того не было уже плохо. Модная прическа, лакированные ногти, уши, проколотые для длинных, покачивающихся сережек ручной работы».

— Ваши серьги, — пробормотал он, — вы, вероятно, приобрели их здесь?

— Нет, — ответила она. — Дома.

Чилдан поклонился. Не современное американское искусство, только прошлое могло быть представлено здесь, в таком магазине, как у него.

— Вы надолго сюда? — спросил он. — К нам, в Сан-Франциско?

— Пока не знаю, — ответил мужчина. — Я работаю в Комиссии по планированию повышения жизненного уровня в отсталых районах.

На его лице отразилась гордость. Это был не военный, не из тех жующих жвачку грубых мужланов с жадными крестьянскими рожами, которые рыскают по Маркет-стрит, глаза на непристойные афиши, на стены, увешанные фотографиями блондинок не первой молодости, зажимающих между морщинистыми пальцами дряблые груди, и плотоядно взирающих зевак, которые не вылазят из притонов, понатыканных в трущобах, заплонивших боль-

шую часть равнинного района Сан-Франциско и составленных из шатких жестяных или фанерных бараков, которые выросли как грибы еще до того, как упала последняя бомба. Нет, этот человек принадлежал к элите. Утонченно воспитанный, культурный, образованный. Наверняка в этом отношении он был еще выше мистера Тагоми, который являлся, между прочим, высокопоставленным чиновником Главного Торгового Представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми — пожилой человек. Его мировоззрение сформировалось еще в дни правления Военного кабинета.

— Вы хотите купить подарок? Что-нибудь из традиционных американских народных поделок?— спросил Чилдан.— Или, может быть, желаете украсить новую квартиру? Если так, то...

Настроение его поднялось в предвкушении выгодной сделки.

— Вы верно догадались,— сказала девушка.— Мы начинаем обставлять квартиру и никак не можем на чем-нибудь остановиться. Вы бы не смогли что-нибудь нам посоветовать?

— Разумеется, мы можем встретиться в вашей квартире,— сказал Чилдан.— Я захвачу все самое наилучшее и помогу вам в выборе. Когда только пожелаете. Это мой долг.

Он опустил глаза, пряча свою надежду. Здесь, наверное, пахнет тысячами.

— Я должен получить кленовый стол из Новой Англии, весь на деревянных шпильках без единого гвоздя, изумительно красивый и заслуживающий внимания, и еще зеркало времен войны 1812 года, затем искусство аборигенов: несколько ковриков козьей шерсти, выкрашенных натуральными красками.

— Я лично,— сказал мужчина,— предпочитаю городское искусство.

— Да,— живо откликнулся Чилдан.— Послушайте, сэр. У меня есть стенное панно времен покорения Дикого Запада. Оно стояло в почтовой конторе, очень оригинальное, на четырех досках, изображает Горация Грилея. Бесценный предмет почитания коллекционеров.

— О!— отозвался мужчина.

Его темные глаза заблестели.

— И стенной шкаф в викторианском стиле, переделанный в 1920-х годах в бар.

— О...

— И, послушайте, сэр: подписанная картина Джина Харлоу в багетной раме.

Мужчина смотрел на него во все глаза.

— Значит, мы договорились?— сказал Чилдан.

Он старался не упустить верного психологического момента. Он вынул из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку.

— Я запишу ваши имена и телефон, сэр и леди.

Когда пара ушла, Чилдан заложил руки за спину и стал глядеть на улицу. Какая радость!

Если бы все дни были похожи на этот.

Нет, это не просто бизнес, это больше, чем просто успех для его магазина, это возможность встретиться с молодой японской парой в неофициальной обстановке, когда его будут принимать как человека, а не как янки, который продает произведения искусства. Да, эта новая молодежь, подросшее поколение, которое не помнит ни военного времени, ни даже самой войны,— именно она составляет надежду мира. Местные различия не имеют для нее никакого значения.

«Все это кончится,— подумал Чилдан,— когда-нибудь. Сама идея мести. Ни угнетенных, ни правительств — просто люди».

Все же он дрожал от страха, представляя себе, как он будет стучаться в их дверь.

Он проверил свои записки. Казуора. Его пригласят к столу, несомненно, предложат чай.

Все ли он сделает как надо? Как надо поступать и что говорить в каждом случае? Или он опозорится, как бестактное животное? Девушку зовут Бетти. «В ее лице столько понимания,— подумал он.— Нежные приятные глаза». Конечно же, даже за то малое время, что она была в магазине, она разглядела и его надежды, и их крушение.

Его надежды!.. У него неожиданно закружилась голова. Какое желание, граничащее с безумием, если не с самоубийством, у него возникло! Но ведь известны случаи связи между японками и янки, хотя в основном между мужчинами-японцами и женщинами-янки.

Здесь же... Он испугался одной только мысли об этом. Да к тому же она замужем. Он отогнал эту живую картину, выкинул из головы непозволительные мысли и начал деловито вскрывать утреннюю почту.

Руки у него при этом еще тряслись. Он это обнаружил как постфактум. Потом он вспомнил о своем свидании с мистером Тагоми, назначенном на два часа. Руки сразу

перестали дрожать, волнение сменилось решимостью. «Я должен приехать с чем-нибудь стоящим», — сказал он себе. С чем? Где? Что? Позвонить по телефону. Связи. Деловые качества, способности...

По кусочку наскрести полностью восстановленный «форд» модели 1929 года, включая матерчатый верх черного цвета.

Как «Большой шлем» в покере, это может навеки обеспечить покровительство. Или совершенно новенький почтовый самолет, обнаруженный в сарае на заброшенной ферме в Алабаме, и так далее. Такое поднимет его репутацию не только среди американских любителей антиквариата по всему Тихоокеанскому побережью, но и среди снобов на Родных Островах.

Чтобы взбодриться, он закурил сигарету с добавкой марихуаны и с клеймом великолепной фирмы «Земля улыбок».

* * *

Френк Фринк лежал на кровати в своей комнате на улице Хейнса, никак не решаясь подняться. Яркое солнце пробивалось сквозь шторы и падало на валявшиеся на полу одежду и очки. Как бы не наступить на них? «Надо как-то попытаться добраться до ванной, — подумал он, — хоть ползком, хоть на карачках». Голова разламывалась, но он не унывал. «Никогда не оглядывайся», — решил он. Время? Часы на комодке показывали одиннадцать тридцать. Ну и ну! А он все валяется.

«Меня уволят», — предположил он.

Вчера на фабрике он поступил глупо, разглагольствовал черт знает о чем перед мистером Уиндемом-Матсеном — вздернутый сократовский нос, бриллиантовое кольцо, золото запонок. Другими словами — могущество, высокое положение. Мысли Фринка беспорядочно завертелись.

«Да, — подумал он, — теперь не миновать мне черного списка. От мозгов проку нет. Другой профессии не имеется. Пятнадцатилетний опыт — и все насмарку».

Да еще придется предстать перед Рабочей дисциплинарной комиссией, а так как он не мог никогда разобраться во взаимоотношениях Уиндема-Матсена с «пинки» — этим белым марионеточным правительством в Сакраменто, то не в силах был понять и глубины влияния своего бывшего нанимателя на подлинных правителей, японцев. В РДК заправляют «пинки». Он будет стоять перед четырьмя

или пятью толстыми белыми людьми. Если же ему не удастся оправдаться в комиссии, то придется отправиться в одно из импортно-экспортных торговых представительств, управляемых из Токио и имеющих конторы по всей Калифорнии, Орегону, Вашингтону и части Невады, включенной в Тихоокеанские Штаты Америки. Но если ему и там не удастся добиться успеха...

Планы теснились в голове, пока он, глядя на древний плафон на потолке, лежал в кровати. Он мог бы, например, улизнуть в Средне-Западные Штаты. Но они были тесно связаны с США и могли выдать его. А как насчет Юга?

Все тело содрогнулось от отвращения. Нет, только не это. Как белый, он мог бы там найти любое место, фактически там было гораздо лучше, чем в США, но он не хотел бы попасть туда.

Хуже всего то, что Юг был жестко связан экономически, идеологически и еще бог знает как с Рейхом. А Френк Фринк был еврей. Первоначально его звали Френк Финк. Он родился на восточном побережье, в Нью-Йорке, и в 1941 году был призван в Вооруженные Силы Соединенных Штатов Америки, как раз после поражения России. Когда японцы захватили Гавайи, его послали на западное побережье. Там его и застал конец войны, на японской стороне линии разграничения. Здесь он так и остался и живет уже пятнадцать лет.

В 1947 году в день капитуляции он почти что обезумел. Страстно возненавидя японцев, он поклялся отомстить, закопал в подвале свое оружие на трехметровую глубину, предварительно любовно обернув и обильно смазав, чтобы в целостности и сохранности откопать его в день, когда начнется восстание.

Однако время — великий целитель. Тогда он этого не принимал во внимание. Когда он теперь вспоминал об этих надеждах, об этой грандиозной кровавой бане, о резне «пинки» и их хозяев, у него возникало такое чувство, будто он перечитывает пожелтевшие дневники школьника, перелистывает мальчишеские грезы: Френк, Харасик Финк собираются стать палеонтологом и клянутся жениться на Норме Праут. Норма Праут была первой девушкой класса, и он действительно поклялся жениться на ней. Теперь это далеко в прошлом. В первые месяцы, тогда, в 1947 году, он встречался и разговаривал, наверное, не менее, чем с несколькими тысячами японцев, а его желание творить насилие над любым из них или над всеми сразу так никогда и

не материализовалось. Теперь оно было уже просто неуместным.

Но стоп. Был один, некий мистер Амуро, который скупил контроль над большим жилым районом в центре Сан-Франциско и который одно время был хозяином дома, где жил Френк.

Это была паршивая овца, акула, никогда не делавшая ремонта, делившая комнаты на крохотные клетушки, взвинчивая квартплату.

Во время депрессии начала пятидесятых он надувал нищих, особенно очень нуждавшихся бывших военнослужащих. И ведь именно эти Торговые Представительства отрубили Амуро голову за спекуляции. А теперь такое нарушение жестокого, сурового, но справедливого японского Гражданского кодекса просто немыслимо. Это заслуга неподкупных высших японских представителей, пришедших к власти после падения Военного Кабинета.

Вспомнив о суровой, стоической честности Торговых Представительств, Френк обрел уверенность. Даже от Уиндема-Матсена они отмахнутся, как от назойливой мухи. Будь он владельцем «Уиндем-Матсен корпорейшн», или кто угодно еще. Он, Френк, по крайней мере, на это надеялся.

«Кажется, я начинаю верить в эту муру насчет Сопротивления Тихоокеанского Содружества,— сказал он про себя.— Оглядываясь в прошлое... тогда все это казалось очевидной фальшивкой, пустой пропагандой. А сейчас...»

Он поднялся с кровати и нетвердыми шагами отправился в ванную. Пока он мылся и брился, радио вещало дневные новости.

— И пусть не смеются над этими попытками,— сказала радио, когда он включил горячую воду.

«Нет, мы и не думали смеяться»,— с горечью решил Френк. Он знал, о каких попытках шла речь. Однако, в конце концов, в этом было даже что-то забавное, особенно в картине, где бесстрастные, хмурые немцы шагают по Марсу, по красному песку, на который не ступала еще нога человека...

— Цивилизация процветания должна остановиться и рассмотреть, сочетаются ли наши поиски обеспечения сбалансированного равенства обязанностей и ответственности с вознаграждением...

«Типичный жаргон правящей иерархии»,— отметил Френк.

— Мы прекрасно понимаем, что будущей ареной, где

будут вершиться судьбы людей, будь они нордической, японской, негроидной...

И все в том же духе. Тем не менее факт оставался фактом: Тихий океан почти ничего не предпринимает в деле колонизации планет. Он занят — а скорее, завяз — в Южной Америке. Пока немцы были поглощены суматохой запуска в космос огромных автоматических систем, японцы все еще выжигали джунгли во внутренних районах Бразилии и возводили восьмиэтажные дома из глины для бывших охотников за черепами. А к тому времени, когда японцы запустят свой первый космический корабль, немцы приберут к рукам всю Солнечную систему. Как говорилось в старинных учебниках истории, немцев не было, когда остальная Европа накладывала последние штрихи на мозаику своих колониальных империй. «Однако,— размышлял Френк,— на этот раз они не собираются становиться в хвост очереди, они научились».

Потом он подумал об Африке, об эксперименте, проведенном там наци. От этой мысли кровь стыла в жилах.

Эти гигантские опустошенные руины...

— Мы должны,— продолжало радио,— невзирая на свои личные симпатии и антипатии, признать нужды всех народов и их духовные влечения, которые должны...

Френк выключил радио, потом, несколько успокоившись, снова включил его.

«Христа на виселицу!— подумал он.— Африка».

На этот раз — призрак умерщвленных племен, стертых с лица земли, чтобы освободить землю. Для чего? Кто знает? Возможно, даже главные вершители в Берлине не знают этого.

Компания роботов, строящих и опутывающих колючей проволокой. Строящих? Скорее перемалывающих. Чудовищ из палеонтологического музея, призванных делать чаши из черепов врага. Дружная семейка, поставившая на конвейер вычерпывание мозгов — и только для того, чтобы съесть их. А практическое использование человеческих костей? Как это экономно — думать не только о том, как пожрать людей, кои не пришлось по вкусу, но пожрать из их же собственных черепов.

Лучшие в мире инженеры! Питекантроп в стерильно белом халате в какой-нибудь университетской лаборатории Берлина, размышляющий над тем, для чего можно приспособить черепа, кожу, уши, жир других людей. «Да, герр доктор. Новое применение больших пальцев ног: смотрите, можно приспособить сустав в качестве быстродействующего

механизма для зажигалки. Теперь герр Крупп сможет производить их в количествах...»

Его ужаснула эта мысль: древний гигантский недочеловек, каннибал, ныне процветает, вновь завладев миром. «Мы потратили миллионы лет, стараясь подальше убежать от него,— думал Френк,— а теперь он вернулся, но не просто как соперник, а как повелитель».

— Мы не можем порицать...— говорил по радио голос маленькой желтой красавицы из Токио.

«Боже,— подумал Френк,— а ведь мы их называли обезьянами, этих цивилизованных кривоногих малюток, которые не возводили газовых печей и не топили жир из женщин».

— ...И мы часто порицали в прошлом за эту ужасную растрату людей в фанатичном стремлении удалить основную массу индивидов из общества, поставив их вне закона.

Они, эти японцы, очень сильны в законах.

— ...процитировать широко известного западного святого: «Что за выгода человеку, если он заполучит весь мир, но при этом теряет свою душу?»

Радио замолчало. Френк тоже прекратил завязывать галстук. Шло утреннее промывание мозгов.

«Мне нужно с ними примириться»,— осознал он.

Занесут его в черный список или нет, если он покинет территорию, контролируемую японцами, и покажется на Юге или в Европе — в любом месте Рейха,— это будет означать смерть.

«Мне нужно помириться со стариком Уиндемом-Матсеном». Усевшись на кровать и приткнув рядом чашку чуть теплого чая, Френк достал экземпляр Древнекитайского Оракула.

Из кожаного футляра он извлек сорок девять черенков тысячелетника. Некоторое время он размышлял, приводя в порядок мысли и придумывая вопросы.

Вслух он сказал:

— Как мне следует подойти к Уиндему-Матсену, чтобы на сходных условиях помириться с ним?

Он записал вопрос на обложке блокнота, а затем начал перебрасывать черенки из руки в руку, пока не получил первую строчку, начало. Восьмерка. При этом была отсечена половина из шестидесяти четырех гексаграмм.

Он разделил черенки и получил вторую строчку. Вскоре, умело обращаясь с Оракулом, он получил все шесть строк, гексаграмма лежала перед ним, и ему не нужно

было проверять ее идентичность по таблице. Он прочитал в ней гексаграмму пятнадцать: скромность, низшие воспрянут, высшие падут вниз, могучие семьи покорятся. Ему не нужно было обращаться к тексту — он знал его наизусть. Хорошее предзнаменование. Оракул дает ему благоприятный совет.

Все же он был чуточку разочарован.

Было что-то бесполезное в гексаграмме пятнадцать, слишком благочестивое. Конечно, ему нужно быть скромным. Может быть, правда, в этом и заключался смысл, ведь после случившегося у него не было власти над старым Уиндемом-Матсеном. Он не смог бы принудить его, чтобы тот взял его назад. Все, что он мог бы сделать, — это принять указания гексаграммы пятнадцать: видно, наступил момент, когда нужно просить, надеяться и ждать. Если Бог даст, может, его и возьмут на прежнюю работу или даже на что-нибудь получше.

Читать другие строчки было не нужно: это были статичные строки. Значит, все, перехода на другую гексаграмму не было.

Тогда следующий вопрос.

— Увижу ли я снова Юлиану?

Это была его жена или, вернее, бывшая жена. Юлиана ушла год тому назад, и он не видел ее несколько месяцев. В сущности, он даже не знал, где она сейчас живет, наверное, уехала из Сан-Франциско, возможно даже из Тихоокеанских Штатов.

Общие друзья или ничего не слышали о ней, или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал об Юлиане, задавая то один вопрос, то другой? Вот и гексаграмма, порождение слепой случайности положения черенков растения, была случайна, но тем не менее казалась связана тысячью незримых уз с мгновением, в котором он находился, в котором его жизнь была взаимосвязана со всеми остальными жизнями и частями Вселенной. Сквозь рисунок переменчивых и неизменных строк всегда находила себе путь неудержимая необходимость, высвечивая положение в целом. Он, Юлиана, фабрика на Гоуч-стрит, Торговые Представительства, хозяйничающие здесь, исследование планет, миллиард кучек химических соединений в Африке, которые теперь уже не были даже трупами, стремления тысяч людей вокруг него в мелких курятниках Сан-Франциско, обезумевшие бестии в Берлине, с их хладнокровными лицами и маниакальны-

ми планами, — все соединилось в одно мгновение, когда он бросал стебли тысячелистника, чтобы избрать точное, мудрое высказывание, соответствующее этому мгновению, в книге, корни которой уходят в тринадцатое столетие до нашей эры. В книге, созданной мудрецами Китая за пять тысяч лет, отразившей доведенную до совершенства космологию еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

Гексаграмма. Сердце его упало. Сорок четыре. Лицом к лицу с ней. Ее отрезвляющий приговор:

«Девуца сильная. Не следует жениться на такой девушке».

Он снова получил тот же ответ относительно Юлианы. «Значит, она не для меня, я знал это. Но ведь не об этом я спрашивал Оракула. Зачем Оракулу нужно было напоминать мне? Скверный жребий выпал мне встретить ее и влюбиться — и любить до сих пор».

Юлиана — самая красивая из женщин, которых он знал. Черные как смоль брови и волосы: следы испанской крови были видны даже в цвете губ. Упругая, неслышная походка — она носила туфли с ремешками, оставшиеся еще со старых времен.

По существу, вся ее одежда была какой-то поношенной, казалась старой и застиранной. И он и она были сломлены так давно, что, несмотря на свою внешность, она должна была носить бумажный свитер, старый жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и коротенькие носки.

Он ненавидел это, и все из-за того, что эта одежда, как она сама говорила, делала ее похожей на женщину, играющую в теннис или (даже хуже) собирающую грибы.

Но самое главное — его с самого начала привлекало эксцентричное выражение ее лица: безо всякой причины она привлекала незнакомых мужчин многозначительной улыбкой Моны Лизы, которая приводила их в замешательство: отвечать ей тем же или нет? Сила ее обаяния была так велика, что в большинстве случаев, когда Юлиана проплывала мимо, с нею здоровались. Сначала он думал, что причиной этого является плохое зрение, но потом подумал, что это приоткрывает глубоко скрытую при всех других обстоятельствах глупость. Эта ее манера да еще походка, обычное выражение лица, будто она знает какую-то только ей известную тайну, — все это очень досаждало Френку. Но даже перед разрывом, когда они очень часто ссорились, он никогда не видел в ней ничего другого, как только

прямое, непосредственное порождение самого Бога, которое попало в его жизнь по причинам, о которых он никогда не узнает. Именно вследствие какой-то религиозной интуиции, веры в нее он никак не мог смириться с тем, что потерял Юлиану.

Казалось, что сейчас она где-то совсем рядом, как будто он все еще с ней.

Это ощущение никогда не покидало его.

Особенно сильным оно было, когда он брал в руки Оракула. Сидя на кровати и готовясь выйти на улицу и начать свой день, Френк Фринк размышлял над тем, спрашивает ли кто-нибудь еще совета у Оракула в этом огромном Сан-Франциско? Все ли получают такое же мрачное предсказание, как и он? Являются ли складывающиеся в этот момент обстоятельства столь же неблагоприятными для них, как и для него?

Глава 2

Мистер Нобусуке Тагоми присел, чтобы испросить совета у пророческой Пятой книги конфуцианской мудрости, Оракула, известного много столетий назад под названием «ЯЧинг», или «Книга перемен». В полдень у него возникли какие-то смутные предчувствия, связанные со встречей с мистером Чилданом, которая должна была состояться через два часа.

Несколько комнат, занимаемых Главным Торговым Представительством «Ниппон Таймс Билдинг», на двадцатом этаже на Тейлор-стрит выходили окнами на залив. Через стеклянную стену можно было наблюдать, как суда, проходя под мостом «Золотые Ворота», заходят в бухту. Как раз сейчас возле острова Алькатрас был виден сухогруз, но мистер Тагоми не проявил к нему никакого интереса.

Он подошел к стене, отстегнул шнур и опустил бамбуковые шторы. В кабинете стало темнее. Теперь ему не нужно было щуриться от яркого света, а мысли становились более ясными.

Он решил, что, видимо, не в его силах угодить своему клиенту. С чем бы ни пришел мистер Чилдан, на клиента это не произведет особого впечатления. «Приходится признать в этом,— сказал он самому себе.— Но мы, по крайней мере, можем сделать так, чтобы не доставить кли-

енту огорчений. Мы можем сделать так, чтобы он не оскорбился дурным подарком».

Клиент скоро прибудет в аэропорт Сан-Франциско в новой немецкой высотной ракете типа «Мессершмитт-ГЕ». Мистеру Тагоми еще ни разу не приходилось летать на таком аппарате. Когда он встретит мистера Бейнеса, он должен придать лицу невозмутимость, какой бы огромной ни оказалась эта ракета.

Надо немного попрактиковаться. Он встал перед зеркалом, которое висело в кабинете, придав лицу холодный, слегка скучающий вид и стал внимательно рассматривать свои черты, чтобы они не выдавали его волнения. «Да, они такие шумные, мистер Бейнес, сэр. Совершенно невозможно читать. Но зато весь полет из Стокгольма в Сан-Франциско длится всего сорок пять минут». Тут бы еще вставить словечко о неполадках в машинах немецкого производства. «Я полагаю, вы слышали сообщение радио о катастрофе над Мадагаскаром. Должен признать, что то же самое можно сказать и о старых поршневых самолетах».

Важно избежать разговора о политике, потому что ему ничего не известно о взглядах мистера Бейнеса на спорные проблемы современности. Но такой разговор может возникнуть. Мистер Бейнес, будучи шведом, должно быть, занимает нейтральную позицию. Однако он все-таки предпочел Люфтвафзу своим авиакомпаниям. «Один щепетильный вопрос. Мистер Бейнес, сэр, говорят, что герр Борман очень сильно болен, что этой осенью на партийном съезде будет избран новый рейхсканцлер. Это слухи. Увы, так много секретности между Тихоокеанией и Рейхом».

Мистер Тагоми достал папку с выдержками из недавней речи мистера Бейнеса, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», и стал критически изучать их, низко склонившись из-за неправильной коррекции контактных линз. В речи говорилось о необходимости еще раз — в девяносто восьмой? — произвести разведку источников воды на Луне. «Мы еще можем разрешить эту надрывающую сердце проблему, — цитировался газетой мистер Бейнес. — Наша ближайшая соседка, — и пока что совершенно бесполезная для нас, если сбросить со счетов военные цели». «Стоп, — подумал мистер Тагоми. — Это, кажется, ключ к мистеру Бейнесу. Так мог выразиться только военный».

Мистер Тагоми мысленно взял это на заметку.

Тронув кнопку интеркома, он сказал:

— Мисс Эфрикян, мне хотелось бы, чтобы вы занесли сюда диктофон, пожалуйста.

Наружная дверь скользнула в сторону, и появилась мисс Эфрикян. Прическа ее была со вкусом украшена голубыми цветами.

— Еще бы немного сирени, — заметил мистер Тагоми.

Когда-то на родине, на острове Хоккайдо, он был профессиональным цветоводом.

Мисс Эфрикян, высокая, темноволосая армянка, любезно склонился перед шефом.

— Ваш аппарат готов? — спросил мистер Тагоми.

— Да, мистер Тагоми.

Мисс Эфрикян села и приготовила к работе портативный диктофон на батарейках.

Мистер Тагоми начал:

— Я спросил у Оракула: «Будет ли встреча с Чилданом полезна для меня?» — и получил, к собственному неудовольствию, зловещую гексаграмму: «Преимущество величия. Подпорка, удерживающая шатер, оседает. Слишком большой вес в центре, все неуравновешено».

Магнитофон крутился. Мистер Тагоми размышлял. Мисс Эфрикян выжидающе посмотрела на него и выключила запись.

— Пусть на минутку войдет мистер Рамсей, пожалуйста, — сказал мистер Тагоми.

Она поднялась, положила диктофон и застучала каблуками к выходу из кабинета.

Мистер Рамсей появился, держа под мышкой большую папку со счетами и накладными отправленных грузов.

Молодой, улыбающийся, с аккуратно завязанным галстуком-шнурком в стиле Среднего Запада, в клетчатой рубашке и голубых джинсах с поясом, столь ценимых у ревнителей моды, он бодро приветствовал японца:

— Добрый день, мистер Тагоми. Какой прекрасный день, сэр.

Мистер Тагоми ответно кивнул. Мистер Рамсей сейчас же встал по стойке смирно и тоже поклонился.

— Я консультировался у Оракула, — сказал Тагоми.

Мисс Эфрикян снова села к своему диктофону.

— Вы понимаете, что мистер Бейнес, который, как вам известно, вскоре прибывает лично, придерживается нордической идеологии по отношению к так называемой культуре Востока. Я мог бы попытаться поразить его, чтобы он больше проникся ее сутью, например, с помощью китайской живописи на пергаменте или нашей керамики перيو-

да Такугавы, но это не наше дело — обращать его в нашу веру.

— Понимаю,— сказал мистер Рамсей.

Его лицо, типичное для представителей белой расы, сморщилось от мучительной сосредоточенности.

— Поэтому мы не дадим пищи его предрассудкам и подарим ему вместо этого какой-нибудь бесценный предмет американской культуры, произведение народа, близкого ему и по духу и по крови.

— Да.

— Ваши предки, сэр, американцы. Хотя вы и не погнушались сделать цвет вашей кожи более темным.

Он внимательно посмотрел на мистера Рамсея.

— Это загар кварцевой лампы,— проямлил мистер Рамсей.— Только для того, чтобы запастись витамином D.

Однако выражение униженности на его лице сразу выдало его попытку хоть чем-то быть похожим на новых хозяев.

— Уверяю вас, что я храню подлинную приверженность...

Мистер Рамсей запнулся, не находя нужных слов.

— Я еще не разорвал все связи с этнически близким образом жизни...

Мистер Тагоми сказал мисс Эфрикян:

— Продолжайте, пожалуйста.

Диктофон снова зажужжал.

— Получив от Оракула гексаграмму двадцать восемь, я потом еще получил строку девять на пятом месте, которая гласит: «Высокий тополь выбросил цветы. Более строгая женщина возьмет молодого мужа». Ни порицания, ни хвалы. Это ясно указывает на то, что в два часа мистер Чилдан не предложит нам ничего стоящего...

Мистер Тагоми сделал паузу.

— Давайте будем искренними. Я не могу положиться на свой собственный вкус в отношении произведений американского искусства. Вот почему...

Он помешкал, стараясь найти точное выражение.

— Вот почему вы, мистер Рамсей, являясь, как я сказал, уроженцем этих мест, будете необходимы. Наверное, вместе мы сделаем все лучшим образом.

Мистер Рамсей не отвечал. Несмотря на все попытки сохранить самообладание, его черты выдавали боль, гнев, мучительную и безмолвную реакцию.

— Сейчас,— сказал мистер Тагоми,— мне нужно еще раз посоветоваться с Оракулом. Из соображений благора-

зумия я не могу задавать вопрос при вас, мистер Рамсей.

Другими словами, его тон означал, что вам и всем вашим «пинки» не дано право участия в важных делах, с которыми мы сталкиваемся.

— Однако уместно сказать, что я получил в высшей степени вызывающий ответ. Он заставил меня очень долго размышлять над ним.

Оба, и мистер Рамсей и мисс Эфрикян, внимательно следили за ходом его мыслей.

— Мой вопрос относительно мистера Бейнеса, благодаря таинственным деяниям Тао, привел к гексаграмме сорок шесть, к весьма неплохому суждению, и к строчкам шесть в начале и девять на втором месте.

Его вопрос состоял в том, успешной ли будет сделка с мистером Бейнесом, и строка девять на втором месте уверяла, что так оно и будет. Она гласила:

«Если кто-нибудь искренен, то он может ограничиться еще меньшим повышением. Его не осудят».

Очевидно, мистер Бейнес будет удовлетворен любым подарком от Главного Торгового Представительства.

Но мистер Тагоми, задавая вопрос, имел в виду нечто более глубокое, нечто, о чем он сам догадывался весьма смутно.

Как это часто случалось, Оракул постиг более сокровенный, основной вопрос и, отвечая на другой, высказанный вслух, заодно ответил и на этот, подсознательный.

— Насколько мы знаем, — сказал мистер Тагоми, — мистер Бейнес везет с собой подробный отчет о новых способах литья под давлением, разработанных в Швеции. Если нам удастся подписать контракт с его фирмой, мы, безусловно, сможем заменить многие металлы, которых нам не хватает, пластмассами.

В течение многих лет Тихоокеания пыталась добиться помощи Рейха в области применения синтетических материалов, однако крупные немецкие химические картели, в частности ИГ Фарбениндустри, не разглашали своих секретов. В сущности, они добились мировой монополии на пластмассы, особенно в части получения полиэстера. Такими мерами Рейх сохранял свое преимущество над Тихоокеанией в мировой торговле и опережал Японию в области технологии по крайней мере лет на десять.

Межпланетные ракеты, стартовавшие из процветающей Европы, состояли главным образом из пластмасс, очень легких, жаростойких и настолько прочных, что выдерживали столкновение с метеоритами. У Тихоокеании не было ничего подобного, до сих пор применялись натуральные

металлы, а также такие материалы, как дерево и, конечно, металлокерамика.

Мистер Тагоми съезжился от благоговейного трепета при одной мысли: на промышленных ярмарках — достижения германских заводов, включая автомобили, сделанные полностью из синтетических материалов, автомобили, продаваемые по цене шестьсот долларов в валюте ТША.

Но его внутренний, подсознательный вопрос, который он никогда не разгласил бы перед этими «пинки», как мухи облепившими конторы Торговых Представительств, был связан с обратной стороной интересов мистера Бейнеса, которая предполагалась в той шифровке из Токио. Прежде всего, содержание было зашифровано частотным кодом, характерным для органов безопасности, а не торговых фирм, да и шифр представлял собой метафору, содержащую поэтические намеки, для того чтобы сбить с толку операторов Рейха, прослушивавших иностранные передачи и умеющих расшифровать любое прямое сообщение независимо от сложности используемого шифра.

Было ясно, что, шифруя телеграмму, токийские власти имели в виду именно Рейх, а не вроде бы враждовавшие между собой группировки на Родных Островах.

Ключевая фраза «Сними сливки с молока, что он будет есть» относилась к «Цинафоре», к жуткой песне, в которой разъяснялась эта ключевая фраза:

«Вещи редко оказываются такими, какими кажутся. Снятая с молока пенка часто принимается за сливки».

«Книга перемен», к которой обратился за советом мистер Тагоми, укрепила в нем эту точку зрения. Комментарий во втором томе к полученной гексаграмме гласил:

«Предполагается, что это сильный человек. В действительности, он не соответствует своему окружению, так как слишком резок и не обращает внимания на форму. Но если у него прямой характер, он встретит ответное...»

Интуиция просто подсказывала, что мистер Бейнес совсем не тот, кем кажется, что истинной целью его приезда в Сан-Франциско является вовсе не подписание контракта о сотрудничестве в сфере применения пластмасс. Следовательно, мистер Бейнес по сути — шпион.

Но жизненный опыт мистера Тагоми пока что не мог подсказать ему, какого рода шпионом он является, на кого работает и ради чего.

В час сорок пополудни Роберт Чилдан со страшной неохотой запер двери магазина «Американские художественные промыслы». Он подтащил к краю тротуара тяжелые сумки, подозвал педикэб и велел китаезе-рикше отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

Китаеза с изможденным лицом сгорбился над сумками и, пытаясь, стал укладывать их за сиденьем пассажира.

Затем он помог самому мистеру Чилдану сесть на открытое коврик сиденье, включил счетчик на седле и завертел ногами, набирая скорость, лавируя между автобусами и автомобилями.

Весь день ушел на то, чтобы найти подходящую вещь для мистера Тагоми. Волнение и обида почти захлестнули его, когда он приближался к представительству. Но вот — ура!

Он, наконец, нашел нужную вещь, мастерство не подвело его и на этот раз.

Мистер Тагоми должен смягчиться, а его клиент, кем бы он ни был, будет вне себя от радости.

«Я всегда доставляю удовольствие, — подумал Чилдан, — своим покупателям».

Ему удалось совершенно сверхъестественным путем добыть абсолютно новый экземпляр первого выпуска комикса «Шик-Блеск», изданного еще в тридцатые годы.

Это был изысканный образец так называемой «Американы» — одна из первых забавных книжонок, великолепная находка, за которой постоянно охотятся покупатели.

Конечно, у него были и другие вещи, которые он покажет первыми.

Он постепенно подведет покупателя к этой забавной книжке, которая теперь лежала, скрытая от посторонних глаз, на самом дне кожаной сумки, завернутая в шелковистую бумагу.

Радио педикэба всюду наявляло популярные мелодии, соперничая в громкости с радиоприемниками других кебов, автомобилей и автобусов. Чилдан почти ничего не слышал — он давно привык к шуму. Не обращал он внимания и на огромные неоновые панно с рекламой, закрывавшие фасады, по существу, всех больших зданий. Такое же панно было и его магазине. Вечером оно вспыхивало ярким пламенем, таким же, как и всюду в городе. А каким же другим способом можно было заявить о себе?

Приходится быть реалистом.

Рев радио, шум уличного движения, мелькание реклам и суета толпы фактически даже убаюкивали его. Все это в

какой-то степени сглаживало внутреннюю тревогу. К тому же было приятно, когда тебя везут, было приятно ощущать, как напряжение мускулатуры рикши превращается в монотонное колебание коляски. «Это своего рода убаюкивающая машина,— пришло в голову Чилдану.— Лучше, когда тянут тебя, чем ты сам бы тащил кого-то».

Хоть на короткое время, а ощущаешь свое более высокое положение.

Тут он заставил себя вострепнуться, почувствовав даже вину. Стыдно, когда еще надо столько продумать и прикинуть в уме. Надлежащим ли образом он одет для визита в «Ниппон Таймс Билдинг»? Может, ему станет дурно в скоростном лифте? Но на этот случай у него при себе были таблетки от головокружения — немецкие, лицензионные. Различные формы этикета... они ему известны. Порезче, бесцеремонно со швейцаром, лифтером, секретарем в приемной, курьерами, с любым членом обслуживающего персонала. Но перед любым японцем, конечно, как это было бы ни неприятно, раскланиваться сотни раз.

Только вот как вести себя с «пинки»?

Это была весьма туманная область.

Кланяться, но глядеть сквозь них, как будто их не существует?

Все ли варианты учтены? А как быть с посетителями-иностранцами? В Торговых Представительствах можно часто встретить и немцев, и нейтралов. А кроме того, можно увидеть и какого-нибудь раба.

Немецкие суда или суда Американского юга почти всегда есть в порту Сан-Франциско, и черных иногда отпускают в краткосрочные увольнения. Всегда группами, но не больше трех сразу. И задерживаться после полуночи они не имеют права. Даже по законам Тихоокеании они должны соблюдать комендантский час. Рабы заняты на погрузке в порту. Эти живут постоянно на берегу в бараках под причалами, чуть выше уровня воды.

Они не бывают внутри Торговых Представительств, но вдруг начнут грузить какие-нибудь товары? Как тогда? Должен ли он нести, например, свои сумки в контору мистера Тагоми собственноручно? Конечно, нет. Нужно обязательно найти раба, даже если для этого придется стоять в ожидании час, даже если он пропустит время свидания. Малейшая возможность того, чтобы позволить какому-нибудь рабу увидеть, что он сам что-то несет, должна быть абсолютно исключена. Здесь нужно быть очень осторожным. Такого рода ошибки могут дорого стоить: он уже

никогда не сможет занять хоть какое-то положение среди тех, кто это заметит.

«Хотя в какой-то степени,— подумал Чилдан,— мне бы даже доставило удовольствие среди бела дня войти в «Ниппон Таймс Билдинг» со своими сумками в руках. Был бы великолепный жест. В сущности, в этом нет ничего противозаконного: в тюрьму за это не посадят. Но зато я проявил бы свои искренние чувства, ту сторону настоящего мужчины, которая никогда не прорывается наружу в общественной жизни. Но... я мог бы так поступить, не будь там этих чертовых рабов, спящих вокруг, как тени. Я мог бы пережить, если бы это увидели те, кто стоит повыше меня, пережить их презрение, ведь они и так презирают меня, унижая ежедневно. Но чтобы увидели те, кто ниже, на себе ощутить их жалость? Вот вроде этого китаезы, который крутит педали впереди: что, если бы он увидел, что я не нанял педикей, а пытаюсь идти пешком на деловую встречу?

В какой-то мере за создавшееся положение следовало бы упрекнуть немцев, за стремление откусить больше, чем они могут прожевать.

В конце концов, едва им удалось победить в войне, как они тут же принялись за завоевание Солнечной системы, издав в то же время у себя дома приказы, согласно которым... Что ж, во всяком случае, идея сама по себе была хороша. И ведь они все-таки добились успеха с евреями, цыганами и разными учеными. Славян они отбросили назад на добрые две тысячи лет, на их прародину где-то в сердце Азии, пусть себе ездят верхом на яках и охотятся с луком и стрелами.

А эти огромные глянцевые журналы, которые печатаются в Мюнхене и циркулируют по всем библиотекам и газетным киоскам,— каждый может воочию увидеть на цветных снимках во всю страницу, как голубоглазые, белокурые арийские поселенцы на новейшей индустриальной основе пашут, сеют, убирают урожай и так далее в этом бездонном резервуаре пшеницы, который представляет собой Украина.

Эти ребята определенно выглядят счастливыми, а их фермы и домики — очень чистенькими.

Уже больше не видно фотографий пьяных поляков, отупевших, уныло ссутулившихся перед своими покосившимися развалюхами либо налетающих, как саранча, на гнилую репу среди деревенского базара. Все это уже достоинство прошлого, так же как и грязные, разбитые дороги,

которые превращаются в сточные канавы, как только пойдет дождь, и в которых утопают примитивные деревенские телеги.

Зато Африка... Вот уж где они дали волю своему энтузиазму, и можно только восхищаться этим, хотя и не мешало бы осторожно предостеречь их, намекнуть, что с этим, мол, можно было бы немного и подождать, ну, хотя бы до тех пор, пока не завершится проект «Фармланд».

Вот здесь наци проявили свой гений, здесь проявился присущий им артистизм.

Средиземное море закупорено, высушено, превращено в обрабатываемые земли при помощи атомной энергии — вот это дерзость. Как были посрамлены различные скептики, среди, например, торговцев-насмешников Монтгомери-стрит. Да ведь, по существу, и Африка была почти успешным предприятием, но при начинаниях такого рода всегда раздаются злопыхательства. Ссылаются на широко известную брошюру Розенберга. Именно там впервые прозвучали слова: «Что же касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей. К несчастью, однако...»

Однако для того, чтобы избавиться от аборигенов Америки, понадобилось два столетия, а германцы в Африке добились того же за пятнадцать лет. Поэтому не следовало бы заниматься милосердием. Об этом Чилдан не раз спорил за обедом с коллегами. Им, вероятно, хотелось бы чуда, как будто наци могли переплавить весь мир по мановению волшебной палочки. Нет, их союзниками были: наука, техника и этот сказочный талант упорного труда. Немцы никогда не гнушались никакой работы. И уж если они за что-то брались, то брались как следует.

А потом все-таки полеты на Марс отвлекли мир от неприятностей в Африке. Так что он снова говорит своим коллегам — владельцам магазинов: у них есть все, что недостает нам: благородная мечта, которая первыми привела их на Луну, а потом на Марс, а разве это не древнейшее и сокровеннейшее стремление человечества, наша высочайшая мечта о величии?

А что же, с другой стороны, японцы? Я знаком с ними очень хорошо, я с ними торгую. Так вот: они — откроем же глаза — люди Востока, желтые люди. Нам, белым, приходится кланяться перед ними только потому, что у них власть. Но мы смотрим на Германию, мы видим, что может быть совершенно, когда управляют белые, и это совсем не то.

— Скоро «Ниппон Таймс Билдинг», сэр, — сказал китаец.

Он тяжело дышал после подъема на холм и замедлил ход.

Чилдан попытался представить себе клиента мистера Тагоми. Ясно, что это очень важная шишка. Тон мистера Тагоми, его чрезвычайное волнение при разговоре подтверждали этот факт.

Образ одного из самых важных клиентов Чилдана, вернее, покупателя, всплыл у него перед глазами: образ человека, который очень помог Чилдану завоевать репутацию у высоких лиц, обитавших в районе залива.

Четыре года назад Чилдан не был продавцом редкостей и реликвий и не пользовался такой известностью, как сейчас. Он держал небольшую, весьма сомнительную лавчонку подержанных книг в Гири. В соседних магазинах продавали старую мебель, скобяные изделия. Тут же были второразрядные прачечные. Вряд ли это было достойное окружение. По вечерам случались ограбления и мародерство, несмотря на все усилия со стороны полицейского управления Сан-Франциско и японского Кемпейтай, поставленного над ним.

На витринах всех магазинов были металлические ставни, опускавшиеся после закрытия дверей магазинов, чтобы избежать взлома. В этот район как-то и забрел пожилой японец-отставник, бывший майор Ито Хумо.

Высокий, стройный, седовласый, с отменной выправкой и гордой походкой, мистер Хумо первый намекнул Чилдану, какого рода торговлей он мог бы заняться.

— Я коллекционер, — объяснил мистер Хумо.

Он провел добрых полдня, роясь в грудях старых журналов на прилавке, одновременно излагая спокойным голосом, что у многих состоятельных, культурных японцев исторические предметы народного быта американцев вызывают такой же интерес, как и обычный антиквариат. Почему так случилось, майор и сам не знал. Лично он помешался на собирании американских медных пуговиц. Это было то же, что и коллекционирование монет или почтовых марок: никаких рациональных объяснений этому не было. И богатые коллекционеры, не скупясь, платили втридорога.

— Приведу вам пример, — сказал майор. — Вы знаете такие карточки — «Ужасы войны»?

Хумо алчно взглянул на Чилдана.

Напрягая память, Чилдан все-таки вспомнил. Карто-

чки продавались во время его детства, вместе с надувными шарами, по центу за штуку. Их была целая серия: каждая карточка изображала какой-нибудь отдельный ужас войны.

— Один из самых моих близких друзей собирает «Ужасы войны», — продолжал майор. — Теперь ему не хватает всего одной карточки: «Гибель крейсера «Панай». Он предлагает весьма солидную сумму за эту карточку.

— Кувыркающиеся карточки, — неожиданно сказал Чилдан.

— Что?

— Мы шелкали по ним, и они летали. На каждой карточке, как известно, есть лицо и изнанка.

Тогда ему было восемь лет.

— Каждый из нас обладал одной колодой. Мы становились попарно лицом друг к другу. Каждый бросал карточку так, чтобы она кувыркалась в воздухе. Мальчик, чья карта падала лицом вверх, то есть той стороной, на которой отпечатана картинка, выигрывал обе карточки.

Чилдан с удовольствием вспомнил эти прекрасные дни, счастливые дни раннего детства.

Мистер Хумо задумчиво произнес:

— Я часто слышал рассуждения моего друга о карточках «Ужасы войны», но он никогда не говорил ничего похожего. У меня такое впечатление, что он и не знал, как иногда использовались эти карточки.

Через некоторое время друг майора появился в лавке, чтобы из первых рук получить историческую информацию. Этот человек, также офицер Имперской армии, был восхищен.

— А крышечки от бутылок! — без предупреждения воскликнул Чилдан.

Японец заморгал, не понимая, о чем идет речь.

— Мы когда-то собирали колпачки от молочных бутылок. В детстве. Круглые крышечки с названием молочного магазина. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, каждый печатал свою собственную крышечку.

Глаза офицера заблестели в предвкушении.

— И у вас остались какие-нибудь коллекции?

Естественно, что таковой у Чилдана не осталось, но, вероятно, еще можно было бы найти древние, давно забытые колпачки — напоминание о довоенных временах, когда молоко продавалось в стеклянных бутылках, а не в одноразовых картонных пакетах.

Вот так, постепенно, он втянулся в этот бизнес. За ним

и другие стали открывать подобные магазины, пользуясь все возрастающим помешательством японцев на «Американе», но Чилдан всегда старался быть впереди.

— Стоимость вашего проезда, — сказал китаец, прерывая его размышления, — один доллар.

Он выгрузил сумки и стал ждать.

Чилдан рассеянно уплатил. «Да, весьма возможно, что клиент мистера Тагоми напоминает мистера Хумо, по крайней мере, — подумал язвительно Чилдан, — с моей точки зрения».

Ему приходилось иметь дело с такими японцами... но он каждый раз испытывал трудности, когда нужно было отличить одного от другого. Среди них были невысокие, коренастые, с борцовским сложением, были похожие на аптекарей, а некоторые молодые, с его точки зрения, и вовсе не были похожи на японцев. Клиент мистера Тагоми скорее всего полный, представительный бизнесмен, курящий филиппинскую сигару.

Вдруг, уже стоя на тротуаре, среди своих сумок, возле «Ниппон Таймс Билдинг», Чилдан с ужасом подумал: а если клиент вовсе не японец! Все, что он подобрал и принес в своих сумках, было рассчитано на них, на их вкусы.

Нет, он непременно будет японцем: не зря же Тагоми сначала заказал вербовочный плакат времен Гражданской войны. Только японец может заинтересоваться таким хламом. Типичная для них мания на все обывденное, их бюрократическое восхищение документами, воззваниями, объявлениями. Он вспомнил одного, который посвящал весь досуг собиранию объявлений и газет до 1919 года, посвященных американским патентованным лекарствам.

Ладно, его ждут и другие проблемы, более насущные. В высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» входило множество хорошо одетых мужчин и женщин. Их голоса долетали до слуха Чилдана, и он двинулся вперед. Быстрый взгляд вверх, на возвышающееся над ним здание, самое высокое в Сан-Франциско. Стена из окон, сказочный замысел японских архитекторов, — и окружающий ее сад из карликовых вечнозеленых кустарников, скалы, альпийская горка, песок, имитирующий русло высохшего ручья, струившегося мимо корней, между простыми плоскими камнями неправильной формы...

Он заметил свободного черного носильщика и тут же позвал его.

Черный на цыпочках, улыбаясь, бросился к нему.

— Двенадцатый этаж,— как можно грубее сказал Чилдан.— В контору В, да поживее.

Жестом он указал на сумки и небрежно направился ко входу, естественно, не оглядываясь.

Через мгновение он вместе с толпой ввалился в кабину одного из скоростных лифтов.

Вокруг были, в основном, японцы, их чистые лица сияли в ослепительном свете кабины. Тут началось вызывавшее тошноту ускорение, частые щелчки пронесившихся мимо дверных проемов. Он закрыл глаза, чтобы этот полет побыстрее кончился.

Черномазый, конечно, забрал сумки в служебный лифт. То, что он окажется в этой же кабине, было за гранью воображения. По сути — Чилдан открыл на мгновение глаза — он был одним из немногих белых в кабине.

Когда лифт выпустил его на двенадцатом этаже, Чилдан уже мысленно раскланивался, подготавливая себя к встрече в кабинете мистера Тагоми.

Глава 3

Глядя вслед заходящему солнцу, Юлиана Фринк увидела сверкающую точку, описавшую широкую дугу и исчезнувшую на западе. «Один из ракетных кораблей наци,— сказала она себе.— Летит к побережью, полный важных шишек, а я здесь, внизу». Она помахала рукой, хотя корабль уже исчез из виду.

Со стороны Скалистых гор надвигались тени. Голубые вершины погружались в тень. Параллельно горам пролетела стая перелетных птиц. То тут, то там мелькали автомобильные фары — вдоль дороги вытягивались двойные точки. Огни бензоколонки. Дома.

Вот уже несколько месяцев она живет здесь, в Канон-Сити, штат Колорадо, и работает инструктором дзю-до.

Рабочий день закончился, усталая, она готовилась принять душ.

Все душевые были заняты занимающимися в гимнастическом зале Рэя, и поэтому ей пришлось немного постоять на улице, наслаждаясь прохладой, горным воздухом, тишиной. Единственное, что она сейчас слышала, это слабый гул со стороны закусочной, которая стояла у обочины дороги, чуть поодаль.

Возле закусочной торчали два огромных дизельных грузовика, и в полумраке можно было различить водителей,

натягивающих кожаные куртки перед тем, как войти в зал.

«Дизель, кажется, выбросился из окна своей отдельной каюты,— подумала она.— Наложил на себя руки, утонув во время путешествия через океан. Возможно, и мне следует сделать то же. Но здесь нет океана. Правда, всегда существует какой-нибудь способ. Как у Шекспира. Воткнуть острую шпильку прямо через кофту, и прощай, Френк. Девушка, которой не нужно бояться бездомных бродяг в пустыне, которая прекрасно знает все душераздирающие возможности искалечить брызжущего слюной противника. Смерть, вместо того чтобы всю жизнь через соломинку вдыхать выхлопные газы в этом городишке у оживленного шоссе».

Она переняла это у японцев. Это спокойное отношение к смерти, так же как и возможность зарабатывать на жизнь с помощью дзю-до. Как убивать и как умирать.

Янг и джин, свет и мрак восточной этики.

Но все это в прошлом. Здесь страна протестантская.

Хорошо сознавать, что ракеты наци проносятся над головой, а не садятся здесь, не находят ни малейшего интереса в Канон-Сити, Колорадо, а также в штатах Юта и Вайоминг и в восточной части Невады— ни в одном из этих пустынных штатов, представляющих собой огромное, пустынное пастбище. «Мы не представляем для них ценности,— подумала она.— Мы имеем возможность тихо жить сами по себе, если нам захочется, если это имеет для нас какой-то смысл».

Послышался звук открываемой двери одной из душевых. Хрупкая, хорошо сложенная мисс Дэвис, уже одетая, с сумочкой под мышкой.

— О, вы ждали, миссис Фринк? Извините меня.

— Ничего, не беспокойтесь,— ответила Юлиана.

— Вы знаете, миссис Фринк, я стольким обязана дзю-до. Мне думается, даже большим, чем дзен.

— Поджимайте губы способом дзен,— сказала Юлиана.— Теряйте в весе посредством безболезненных упражнений. Извините меня, мисс Дэвис. Я такая рассеянная. Я не хотела обидеть вас.

— Они очень навредили вам?— сказала мисс Дэвис.

— Кто?

— Япошки. Прежде чем вы научились, как вам защищаться?

— Это было ужасно,— сказала Юлиана.— Вы ведь никогда не были на побережье, там, у них?

— Я никогда не выезжала из Колорадо.

Мисс Дэвис задумалась.

— Это могло произойти и здесь. Этот район они ведь тоже могли оккупировать.

— Но теперь-то уж поздно!

— Никогда не известно, что они собираются сделать,— сказала Юлиана.— Они так умело скрывают свои замыслы.

— Что они заставляли вас делать?

Мисс Дэвис, прижав сумку обеими руками, придвинулась поближе, чтобы не упустить ни слова.

— Все!

— О, Боже! Я бы боролась!

Юлиана извинилась и вошла в освободившуюся кабинку — приближался кто-то еще с полотенцем в руке.

Потом она сидела в закусочной «Вкусные жареные бифштексы Чарли», перечитывая в который раз меню. Автомат в углу играл какую-то мелодию в стиле «кантри»: банджо и чувствительно-сдавленные стоны. В воздухе стоял тяжелый запах жареного сала. И все же в закусочной было тепло и уютно, и это подняло ей настроение. Водители грузовиков у стойки, официантка, массивный повар-итальянец в белом пиджаке, отсчитывающий мелочь в кассе.

Завидев ее, Чарли подошел, чтобы лично принять заказ. Улыбаясь, он заговорил, растягивая слова:

— Миссис, хо-о-оти-и-те чаю?

— Кофе,— ответила Юлиана, терпеливо перенося юмор повара.

— Да, да,— сказал Чарли, склоняясь перед ее столиком.

— И сэндвич, с горячим бифштексом и соусом.

— Может, козы мозги, поджаренные на оливковом масле, и черепаховый суп?

Двое водителей повернулись на высоких стульях и тоже ухмыльнулись шутке, а вдобавок получили удовольствие, заметив, какая она привлекательная. Даже не подняв глаз на шутника повара, она чувствовала, что шоферы внимательно ее рассматривают.

Она знала, что многие месяцы занятий дзю-до пошли на пользу ее фигуре. Она знала, что находится в хорошей форме и может нравиться мужчинам.

«И все это благодаря мышцам плечевого пояса,— подумала она, перехватив их взгляды.— Такое же сложение у танцовщиц. И дело здесь не в размере бюста. Посылайте

своих жен в гимнастический зал— и мы их переделаем. И у вас будет гораздо больше удовольствия в жизни».

— Держитесь от нее подальше.

Повар подмигнул шоферам.

— А не то она зашвырнет вас в ваши жестянки.

— Откуда вы едете?— спросила она у более молодого водителя.

— Из Миссури,— ответили оба.

— Вы из Соединенных Штатов,— удивилась она.

— Да,— сказал шофер постарше,— из Филадельфии. Там у меня трое ребятишек, старшему одиннадцать.

— Послушайте,— сказала Юлиана.— Там действительно легко найти хорошую работу?

Ответил водитель помоложе:

— Конечно. Если у вас подходящий цвет кожи.

У него самого было смуглое вытянутое лицо и курчавые черные волосы. Выражение глаз стало застывшим и жестким.

— Он «воп»,— сказал старший.

«Итальяшка»,— подумала Юлиана. Так называли итальянцев презиравшие их коренные жители восточных штатов.

— А разве Италия,— сказала Юлиана,— не победила в войне?

Она улыбнулась молодому водителю, но ответной улыбки не последовало. Вместо этого он еще яростнее сверкнул глазами и неожиданно отвернулся.

«Извини меня,— подумала она, но вслух ничего не сказала.— Я не могу спасти ни тебя, ни кого-нибудь другого от того, что вы смуглые». Она вспомнила о Френке. «Интересно, жив ли он еще? Может, сказал что-то невпопад, что-нибудь не так сделал... Нет,— подумала она.— В какой-то мере ему же нравятся японцы. Возможно, он чувствует себя похожим на них. Они ведь такие некрасивые, как и он».

Она всегда говорила Френку, что он противный. Крупные поры на лице, большой нос. У нее самой была очень гладкая и красивая кожа, даже чересчур. «Неужели он там погиб без меня? Финч — это зяблик, мелкая птичка. Говорят, что мелкие птицы живут недолго».

— Вы отправляетесь нынче же вечером?— спросила она у итальянца.

— Завтра.

— Если вы так несчастны в Соединенных Штатах, почему бы вам не переехать сюда навсегда?— спросила

она.— Я уже давно живу на Среднем Западе, и здесь не так уж плохо. Раньше я жила на побережье, в Сан-Франциско. Вот там цвет кожи значил гораздо больше.

Сгорбившись у стойки, он бросил на нее долгий взгляд.

— Леди, провести хотя бы один день или одну ночь в такой дыре, как эта, уже само по себе несчастье. А жить здесь? Господи, если бы мне удалось найти какую-нибудь другую работу, а не торчать все время на дорогах и не обедать в таких забегах!

Заметив, что повар побагровел, он замолчал и принялся цедить кофе.

Водитель постарше заметил ему:

— Джо, ты — сноб.

— Вы могли бы жить в Денвере, — сказала Юлиана. — Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, американцев Востока, — подумала она. — Вам по душе великие времена и грандиозные начинания. Эти скалы для вас как палки в колеса». Здесь ничего не изменилось с довоенных лет. Удалившиеся на покой старики, фермеры, а все ребята попроворнее, как перелетные птицы, устремляются на восток, в Нью-Йорк, всеми правдами и неправдами пересекая границу. Потому что именно там настоящие деньги, большие промышленные деньги, постоянный рост. Немецкие капиталовложения сделали многое, у них не ушло много лет на восстановление Соединенных Штатов».

— Приятель, — сердито прохрипел повар, — я отношусь к тем, кто любит евреев, некоторых из этих евреев-беженцев я видел. Они спасались от ваших Соединенных Штатов. И если там снова строительный бум и кучи свободных денег, то только потому, что их украли у этих евреев, когда им дали пинка под зад в Нью-Йорке, согласно тому чертовому Нюрнбергскому декрету наци. Я жил мальчишкой в Бостоне, и евреи мне были до лампочки, но я никогда не думал, что доживу до того дня, когда в США будут введены расистские законы наци, пусть мы и проиграли войну. Удивляюсь, что ты еще не в армии этих Соединенных Штатов и не готовишься напасть на какую-нибудь маленькую южноамериканскую республику, давая Германии повод не то что потеснить японцев назад к...

Оба водителя вскочили со своих мест, лица их побелели. Старший схватил со стойки бутылку с томатным соусом и, держа ее за горлышко, выставил перед собой.

Повар, не показывая водителю спины, попятился, пока пальцы его не нащупали одну из вилок, которой он пере-

ворачивал мясо на сковородке, и приготовился к обороне.

— Сейчас в Денвере строят огнестойкую взлетно-посадочную полосу, — сказала Юлиана, — так что скоро ракеты Люфтваффы смогут садиться и там.

Все трое молчали и не двигались. Остальные посетители закусочной замерли в тишине.

Наконец повар сказал:

— Как раз перед закатом над нами пролетела одна такая ракета.

— Это не в Денвер, — сказала Юлиана. — Она шла на запад, куда-то на побережье.

Постепенно обстановка разрядилась, и оба водителя снова уселись.

— Я всегда забываю о том, — пробормотал старший, — что все они здесь немного пожелтели.

— Ни один япошка не убивал евреев ни во время войны, ни после, — сказал повар. — Да и печей японцы не строили.

— Ну и очень плохо, что не строили, — сказал старший.

Он повернулся к своей тарелке.

«Пожелтели, — подумала Юлиана. — Да, по-своему это верно. Поэтому нам и нравятся японцы».

— Где вы собираетесь остановиться на ночь? — спросила она, обратившись к более молодому водителю, Джо.

— Не знаю, — ответил он. — Я только вот вылез из кабины и вошел сюда. Мне что-то не нравится весь этот штат. Наверное, лягу в грузовике.

— Мотель «Пчелка» не так уж плох, — сказал повар.

— О'кей, — отозвался молодой человек. — Возможно, я там и остановлюсь, если не будут возражать против итальянца.

Он говорил с явным акцентом, хотя и старался скрыть его.

Наблюдая за ним, Юлиана подумала, что причиной его ожесточения был идеализм.

«Он слишком многого требует от жизни, все время в движении, нетерпеливый и всегда чем-то угнетенный. И я такая же. Я не смогла остаться на западном побережье и, может статься, не удержусь и здесь. А разве не такими были люди раньше? Но, — подумала она, — сейчас граница проходит не здесь, она на других планетах».

И тут она подумала: «А ведь и он, и я могли бы записаться на один из этих ракетных кораблей для колонистов. Но немцы не пустят его из-за цвета кожи, а меня из-за

цвета волос. Эти бледные, тощие нордические эсэсовские ведьмы, которых воспитывают в замках Баварии! А парень — этот Джо какой-то — даже не может придать своему лицу надлежащее выражение. Ему следовало бы принять этот холодный, но в чем-то полный энтузиазма вид, будто он ни во что не верит и все же каким-то образом обладает абсолютной верой. Да, они именно такие. Они не идеалисты, подобно Джо или мне, они циники с абсолютной верой. Это какой-то дефект мозга, вроде лоботомии — этого увечья, которое используют немецкие психиатры в качестве заменителя психотерапии».

Она решила, что их затруднения начинаются с отношения к сексу: они где-то запутались в нем еще в тридцатые годы, и с тех пор все пошло наперекосяк. Гитлер начал со своей — кем она ему приходилась? — сестрой, теткой, племянницей? А в его семье и до этого уже были близкородственные связи: его мать и отец были двоюродными братом и сестрой. Они все совершали кровосмешения, возвращаясь к первородному греху возжелания своих собственных матерей. Именно поэтому у них, у этих отборных эсэсовских бестий, такие ангельские глупо-жеманные улыбки, такая белокуро-детская невинность. Они берегут себя для Мамули или друг для друга.

А кто же для них эта Мамуля? Интересно.

Лидер, герр Борман, который, как предполагают, вот-вот умрет? Или тот, что...

Старый Адольф, он, должно быть, в каком-то санатории доживает свой век, пораженный сифилисом мозга, который ведет свое происхождение еще от дней его бедности, когда он бездельничал в Вене: длинное черное пальто, грязное белье, ночлежка.

Очевидно, это злобно-язвительная месть самого Господа, ну прямо как в стародавнем немом кино. Этот жуткий человек поражен внутренней грязью, задохнулся в собственных нечистотах. История наказывает людской пороки.

Самым жутким из всего этого является то, что нынешняя Германская империя есть продукт этого мозга. Сначала одна партия, затем одна нация, затем полмира. И сами наци поставили диагноз, определили эту болезнь. Всеми миру известно, что этот шарлатан гомеопат, который лечит Гитлера, раньше был специалистом-венерологом. Тем не менее бессвязная болтовня лидера является святой, служит Священным писанием.

Взгляды, которые заразили цивилизацию и которые, подобно семенам зла, слепые блондинки-наци спешат зане-

сти не только на всю Землю, но и на другие планеты, сеют повсюду скверну и заразу.

Вот вам награда за кровосмешение: безумие, слепота, смерть.

Бррр! Она встrepенулась.

— Чарли,— позвала она повара.— Вы уже справились с моим заказом?

Она почувствовала себя совершенно одинокой.

Встав из-за стола, она подошла к стойке и уселась возле кассы.

Никто не обратил на это внимания, кроме молодого шофера-итальянца. Он не сводил с нее своих черных глаз. «Джо, так его зовут. Джо — кто?»— ей стало интересно.

Сейчас, вблизи, он не казался ей таким уж молодым, как прежде. Его возраст было трудно определить: та напряженность, которая исходила от него, мешала вынести суждение.

Он то и дело проводил рукой по волосам, как бы зачесывая их назад огрубелыми кривыми пальцами. «В этом человеке что-то есть,— подумала она.— От него исходит дыхание смерти». Это огорчало ее, но вместе с тем и влекло к нему. Водитель постарше наклонился к его уху и что-то прошептал. Затем они оба внимательно посмотрели на нее, на этот раз таким взглядом, в котором был не только обычный интерес к красивой женщине.

— Мисс,— сказал старший.

Оба мужчины насторожились.

— Вы знаете, что это такое?

В руках у него появилась не слишком большая плоская белая коробка.

— Да,— сказала Юлиана,— нейлоновые чулки из синтетической ткани, которую делает только один огромный картель в Нью-Йорке, ИГ Фарбен. Очень дорогие и редкие.

— Вы угадали, но все-таки сама идея монополий не так уж плоха.

Старший из шоферов передал коробку своему компаньону, который подтолкнул ее локтем по прилавку в сторону девушки.

— У вас есть автомобиль?— спросил итальянец.

Он допил кофе.

Из кухни появился Чарли. В руках у него дымилась тарелка с ужином для Юлианы.

— Вы могли бы отвезти меня куда-нибудь?

Неистовые, жгучие глаза продолжали изучать ее, и она

забеспокоилась, хотя и чувствовала, что как бы прикована к своему месту.

— В тот мотель или куда-нибудь, где я смог бы переночевать. Ну как?

— Ладно,— сказала она.— У меня есть автомобиль, старый «студебеккер».

Повар взглянул на нее, затем на молодого водителя грузовика и поставил тарелку перед ней на стойку.

* * *

Громкоговоритель в конце прохода объявил:

— Ахтунг, майне дамен унд геррен.

Мистер Бейнес приподнялся в кресле и открыл глаза. Через окно справа он различил далеко внизу коричневую и зеленую сушу, а за ней голубой цвет Тихого океана. Он понял, что ракета начала свой медленный постепенный спуск.

Сначала по-немецки, затем по-японски и только после этого по-английски последовало из громкоговорителя разъяснение, что курить и вставать со своего мягкого сиденья запрещается.

Спуск займет всего восемь минут.

Затем включились тормозные двигатели, так внезапно и так громко, так неистово трясся корабль, что у большинства пассажиров перехватило дух. Мистер Бейнес улыбнулся, а другой пассажир, сидевший через проход рядом, молодой человек с коротко подстриженными волосами, улыбнулся в ответ.

— Зи фюрхтен даск...— начал молодой человек.

Мистер Бейнес тотчас сказал по-английски:

— Простите, но я не говорю по-немецки.

Молодой человек вопросительно взглянул на него и на этот раз то же самое сказал ему по-английски.

— Вы не говорите по-немецки?— удивился молодой человек по-английски с сильным акцентом.

— Я — швед,— сказал Бейнес.

— Вы сели в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делу. Мой бизнес заставляет меня бывать во многих странах.

Было совершенно ясно, что этот молодой немец никак не мог поверить тому, что кто-то в современном мире, тот, кто занимается международными сделками и позволяет себе летать на новейших ракетах Люфтганзы, не может или не хочет говорить по-немецки. Он сказал Бейнесу:

— В какой отрасли вы работатете, майн герр?

— Пластмассы, полиэстры, резина, полуфабрикаты для промышленного использования. Понимаете? Не для товаров широкого потребления.

— Швеция производит пластмассы?

В голосе немца звучало недоверие.

— Да, и очень хорошие. Если вы соблаговолите назвать свое имя, я отправлю вам по почте рекламные проспекты фирмы.

Мистер Бейнес вынул авторучку и записную книжку.

— Не беспокойтесь, это будет пустой тратой времени. Я художник, а не коммерсант. Возможно, вы видели мои работы. На континенте. Алекс Лотце.

— К сожалению, я почти не знаком с современным искусством,— сказал мистер Бейнес.— Мне нравятся старые, довоенные кубисты и абстракционисты. Я люблю картины, в которых есть какой-то смысл, а не просто представление идеала.

Он отвернулся.

— Но ведь в этом задача искусства,— заметил Лотце.— Возвышать духовное начало в человеке над чувственным. Ваше абстрактное искусство представляло период духовного декадентства или духовного хаоса, обусловленного распадом общества, старой плутократии. Еврейские и капиталистические миллионеры, этот международный союз, поддерживали декадентское искусство. Те времена прошли, искусство же должно развиваться, оно не может стоять на месте.

Бейнес вежливо кивнул, глядя в окно.

— Вы бывали в Тихоокеании прежде?— спросил Лотце.

— Неоднократно.

— А я нет. В Сан-Франциско выставка моих работ, устроенная ведомством Геббельса при содействии японских властей. Культурный обмен с целью взаимопонимания и доброжелательства. Мы должны смягчить напряженность между Востоком и Западом. Не так ли? У нас должно быть больше общения, и искусство может помочь в этом.

Бейнес кивнул.

Внизу были видны огненное кольцо под ракетой, город Сан-Франциско и весь залив.

— А где можно хорошо поесть в Сан-Франциско?— снова заговорил Лотце.— На мое имя заказан номер в «Палас-отеле», но, насколько я понимаю, хорошую еду можно найти и в таком международном районе, как Чайна-таун.

— Верно, — сказал Бейнес.

— В Сан-Франциско высокие цены? У меня на этот раз совсем немного денег. Министерство очень бережливо.

Лотце рассмеялся.

— Все зависит от того, по какому курсу вам удастся обменять деньги. Я полагаю, у вас чеки Рейхсбанка. В этом случае я предлагаю вам обменять их в Банке Токио на Сомсон-стрит.

— Данке шон, — сказал Лотце. — Я бы, скорее всего, поменял их прямо в гостинице.

Ракета почти коснулась земли. Уже были видны взлетное поле, ангары, автострада, ведущая в город, дома.

«Очень симпатичный вид, — подумал Бейнес. — Горы и вода и несколько клочков тумана, проплывающих над «Золотыми Воротами».

— А что это за огромное сооружение внизу? — спросил Лотце. — Оно только наполовину закончено, одна сторона совершенно открыта. Космопорт? Я думал, что у японцев нет космических кораблей.

— Это бейсбольный стадион «Золотой мак», — ответил Бейнес.

Он улыбнулся.

Лотце рассмеялся.

— Да, они ведь обожают бейсбол. Невероятно. Затеять строительство такого гигантского сооружения для такого пустого времяпрепровождения, ради праздной и бессмысленной траты времени на спорт...

Бейнес прервал его:

— Оно уже закончено. Это его окончательный вид. Стадион открыт с одной стороны. Новый стиль. Они очень гордятся им.

Лотце глядел вниз.

— У него такой вид, — произнес он, — будто его проектировал какой-то еврей.

Бейнес пристально посмотрел на него.

На какое-то мгновение ему показалось, что в этой немецкой голове есть какая-то неуравновешенность, психический сдвиг.

Неужели Лотце и вправду имел в виду сказанное или это просто ничего не значащая фраза?

— Надеюсь, мы еще встретимся в Сан-Франциско? — сказал Лотце.

Ракета приземлилась.

— Мне будет очень не хватать соотечественника, с которым можно было бы поговорить.

— Я вам совсем не соотечественник,— сказал Бейнес.

— О да, конечно. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и во всех отношениях.

Лотце заерзал в кресле, готовясь к тому, чтобы отстегнуться.

«Неужели у меня какие-то родственные связи с этим человеком?— удивился Бейнес.— Какое-то родство во всех отношениях? Значит, и у меня тоже такой же психический сдвиг? Мы живем в умственно неполноценном мире, у власти — безумцы. Как давно мы столкнулись с этим, осознали это? Сколько нас это понимают? Разумеется, Лотце не входит в это число. Пожалуй, если знаешь, что ты сумасшедший, то тогда ты еще не до конца сошел с ума. Или же к нам в конце концов возвращается рассудок, просыпаясь в нас. Скорее всего, пока еще совсем немногие осознают это, отдельные личности там и здесь. Но массы, что они думают? Неужели они воображают, что живут в психически нормальном мире? Или у них все-таки есть какие-то смутные догадки, проблески истины? Но,— думал он,— что же, собственно, обозначает это слово — безумие — юридически? Что я имею в виду? Я его чувствую, вижу его, но что же это такое? Это то, что они делают, это то, чем они являются. Это их духовная слепота, полное отсутствие знаний о других, полная неосознанность того, что они причиняют другим, непонимание разрушения, причиной которого они стали и являются сейчас. Что, они игнорируют реальность? Да. И не только это. Посмотрим на их планы. Завоевание космоса и планет, такое же, как Африки, как Европы. Их не интересует ни какой-то человек здесь, ни какой-то ребенок там. Только абстракции будоражат их: народ, земля, расовая чистота,— Фольк, Ланд, Блут, Эрде. Абстрактное для них реально, реальность невидима. Это их чувство пространства и времени. Они глядят сквозь настоящий момент, сквозь окружающую действительность в лежащую вне ее черную бездну неизменного. И это имеет самые роковые последствия для живущих. Так как совсем скоро они перестанут существовать. Когда-то во всем космосе были лишь одни частички пыли, горячие пары водорода и ничего более, а скоро снова наступит такое же состояние. Мы — это только промежуток между двумя этими состояниями. Космический процесс убыстряется, сокращая жизнь, превращая живую материю снова в гранит, в метан. Колесо его не остановить. Все остальное преходяще. И эти безумцы стараются соответствовать этому граниту,

этой пыли, этому страстному стремлению к мертвой материи. Они хотят помочь Природе. И я знаю, почему: они хотят быть движущей силой, а не жертвами истории. Они отождествляют свое могущество со всемогуществом Бога и верят в собственную богоподобность. И это главное их безумие. Они одержимы какой-то одной идеей, архитипической идеей. Их эгоизм настолько разросся, что они уже не понимают, откуда они начали, что они вовсе не боги. Это не высокомерие, не гордыня, это раздувание своего «я» до его крайнего предела, когда уже нет разницы между теми, кто поклоняется, и теми, кому поклоняются. Не человек съел Бога, это Бог пожрал человека. Чего они не могут уразуметь, так это беспомощности человека. Я слаб, я мал. Вселенной нет до меня никакого дела. Она не замечает меня. Я продолжаю вести незаметную жизнь. Но почему это плохо? Разве это не лучше? Кого боги замечают, тех они уничтожают. Будь невелик — и ты избежишь ревности сильных».

Отстегивая ремень, Бейнес сказал:

— Мистер Лотце, я этого еще никогда никому не говорил. Я — еврей. Понимаете?

Лотце взглянул на него с жадностью.

— Вы об этом никогда бы не догадались, потому что внешне я нисколько не похож на еврея. Я изменил форму носа, уменьшил свои сальные железы, кожа моя осветлена химически, изменена форма черепа. Короче, по внешним признакам я не могу быть разоблачен. Я вхож в самые высшие сферы нацистского общества и часто бываю там. Никто до сих пор меня не разоблачил.

Он замолчал, как можно ближе придвинулся к Лотце и сказал так тихо, чтобы услышал только он:

— И там есть еще такие же, как я. Вы слышите? Мы не умерли. Мы все еще существуем и незаметно продолжаем жить.

Лотце был ошарашен.

— Служба безопасности...

— СД может просмотреть мое досье, — сказал Бейнес. — Вы можете донести на меня. Но у меня очень сильные связи. Некоторые мои друзья — арийцы, другие — такие же евреи, занимающие высокие посты в Берлине. На ваш донос не обратят внимания, а я через некоторое время сам донесу на вас, и благодаря этим же моим связям вы окажетесь под Защитной опекой.

Он улыбнулся, поклонился и зашагал по проходу подалее от Лотце, вслед за другими пассажирами. Спустив-

шись по трапу на холодное, продуваемое ветром взлетное поле, Бейнес на мгновение снова очутился рядом с Лотце.

— В сущности,— сказал Бейнес, шагая рядом с Лотце,— мне что-то очень не нравится ваша внешность, мистер Лотце, поэтому я не буду надолго откладывать и напишу донос немедленно.

Он быстро зашагал вперед, оставив Лотце далеко позади.

В дальнем конце взлетной площадки у входа в вестибюль пассажиров ожидала толпа встречающих. Родственники, друзья, многие из них махали руками, выглядывали из-за стоящих впереди, улыбались, внимательно вглядывались в лица, суетились. Несколько впереди остальных стоял коренастый японец средних лет, одетый в изысканное английское пальто, рядом с ним стоял японец помоложе. На лацкане его пальто поблескивал значок Главного Торгового Представительства Империи.

«Это он,— понял Бейнес,— мистер Нобусуке Тагоми явился лично, чтобы встретить меня».

Слегка подавшись вперед, японец протянул руку.

— Герр Бейнес, добрый вечер.

— Добрый вечер, мистер Тагоми,— ответил Бейнес.

Он также протянул руку. Обменявшись рукопожатиями, они поклонились друг другу.

Молодой японец тоже поклонился, глядя на них с сияющей улыбкой.

— Немного прохладно, сэр, на этом открытом поле,— сказал мистер Тагоми.— В город мы полетим на вертолете Представительства. Не возражаете? Или, может быть, вам нужно еще уладить какие-нибудь дела здесь?

Он с волнением вглядывался в лицо Бейнеса.

— Мы можем отправиться прямо сейчас,— сказал Бейнес.— Я хочу только оформить номер в гостинице. Мой багаж...

— Об этом позаботится мистер Котомики,— сказал мистер Тагоми.— Он поедет вслед за нами. Видите ли, сэр, на этом вокзале всегда приходится дожидаться багажа целый час. Дольше, чем вы летели.

Мистер Котомики приятно улыбнулся.

— Хорошо,— сказал Бейнес.

— Сэр, а у меня для вас скромный дар.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось приятное впечатление.

Мистер Тагоми сунул руку в карман пальто и вынул оттуда небольшую коробку.

— Благодарю вас,— произнес Бейнес, принимая дар.

— Почти полдня специальные эксперты проверяли верность выбора,— продолжал Тагоми.— Это настоящий раритет умирающей культуры бывших США, редчайшая и прекрасно сохранившаяся реликвия, несущая на себе отпечаток давно минувших безоблачных дней.

Мистер Бейнес открыл коробку. В ней лежали детские часы в виде головы Микки-Мауса на черной бархатной подушечке.

Что это — розыгрыш? Он поднял глаза и увидел взволнованное и серьезное лицо мистера Тагоми. Нет, это никак не могло быть шуткой.

— Большое спасибо,— сказал Бейнес.— Это действительно совершенно невероятно.

— Во всем мире сейчас найдется не более десятка настоящих часов Микки-Мауса выпуска 1938 года,— сказал мистер Тагоми.

Он испытующе вглядывался в лицо Бейнеса, упиваясь произведенным впечатлением, постижением ценности дара.

— Ни один из известных коллекционеров не имеет подобного экземпляра, сэр.

Они вошли в здание вокзала и по лестнице вышли на вертолетную площадку.

Шедший за ними мистер Котомики сказал:

— Харусаме ни нуроцуцу яне но томари кана...

— Что такое?— переспросил мистер Бейнес у мистера Тагоми.

— Старинная поэма,— сказал мистер Тагоми,— периода Токугавы.

— Идет весенний дождь, и на крыше мокнет маленький детский мячик,— перевел Котомики.

Глава 4

Наблюдая за тем, как его бывший наниматель вперевалку проковылял по коридору в основное производственное помещение «Уиндем-Матсен корпорейшн», Френк Фринк подумал, что самым странным в Уиндем-Матсене является то, что он совсем не похож на человека, владеющего фабрикой.

Он больше напоминал бездельника — завсегдатая злых мест, какого-то пропойцу, которого отмыли в бане, дали новую одежду, побрили, постригли, накачали витаминами и послали в мир с пятью долларами, чтобы он начал

новую жизнь. У старика была болезненная, заискивающая, нервная, даже вызывающая сочувствие манера держаться, как если бы он в каждом видел своего скрытого врага, более сильного, чем он сам, и перед ним он вынужден вилять хвостом и ублажать. Эта его манера как бы говорила: все собираются меня облапошить.

В действительности же Уиндем-Матсен был чрезвычайно могущественным. Ему принадлежал контрольный пакет акций целого ряда предприятий, торговые фирмы, недвижимость, да еще и «Уиндем-Матсен корпорейшн».

Проследовав за стариком, Френк распахнул дверь в цех. Там грохотали станки, которые он ежедневно видел вокруг себя в течение многих лет, люди за станками, воздух, наполненный пылью, тусклое освещение, суeta движений. Вот сюда и вошел старик. Фринк ускорил шаги.

— Эй, мистер Уиндем-Матсен! — позвал он.

Старик остановился возле начальника цеха, человека с волосатыми руками по имени Эд Мак-Карти. Они одновременно посмотрели на Фринка, когда он подошел к ним.

Нервно облизнув губы, Уиндем-Матсен сказал:

— Очень жалко, Френк, но я уже ничего не могу сделать, чтобы взять вас назад. Я уже нанял на ваше место человека, полагая, что вы не вернетесь. После всего того, что вы наговорили.

Его маленькие черные глазки забегали из стороны в сторону. Френк знал, что уклончивость была его наследственной чертой. У старика это было в крови.

— Я пришел за своим инструментом и ни за чем более, — сказал Фринк.

Его голос — он был рад это слышать — был твердым и даже резковатым.

— Ну, посмотрим, — проямлил Уиндем-Матсен.

У него не было четкой линии относительно статуса инструментов Фринка. Он обратился к Эдди Мак-Карти:

— Думаю, что это по вашему ведомству, Эд. Наверное, вы сможете уладить здесь все, что касается Френка. У меня другие заботы.

Он взглянул на карманные часы.

— Знаете, Эд, я переговорю с вами об этой накладной позже. Мне еще нужно кое-куда сбежать.

Он похлопал Эдди Мак-Карти по руке и поспешил прочь, не оглядываясь.

— Ты пришел, чтобы снова стать на работу? — спросил, помолчав, Мак-Карти.

— Да.

— Я горжусь тобой. Ты здорово вчера высказался.

— Я тоже страшно горжусь,— сказал Френк.— Но — Бог мой — я не могу так же хорошо работать где-то в другом месте.

Он чувствовал себя побитым и беспомощным.

— Ты ведь знаешь это.

Раньше они частенько обсуждали свои проблемы.

— Нет, не знаю,— сказал Мак-Карти.— Ты справишься с любой проблемой не хуже любого другого на побережье. Я видел, как ты выдал деталь, всего за пять минут, включая и чистовую полировку. Вот только сварка...

— А я никогда не говорил, что могу варить,— отозвался Фринк.

— А ты никогда не думал завести собственное дело?

Фринк, захваченный врасплох, застыл.

— Какое дело?

— Ювелирное.

— Да ну тебя, ради Христа!

— Заказы, оригинальные изделия, а продавать будут другие.

Мак-Карти отвел его в угол цеха подальше от шума.

— Тысячи за две ты смог бы снять небольшой подвал или гараж. Когда-то я рисовал эскизы женских сережек и кулонов. Помнишь ведь — настоящий модерн.

Взяв кусок наждачной бумаги, он стал рисовать, медленно и упрямо.

Заглянув ему через плечо, Фринк увидел эскиз браслета с орнаментом из расходящихся и переплетающихся линий.

— А разве еще существует рынок ювелирных изделий?— спросил Фринк.

Все, что он когда-либо видел, это традиционные, даже старинные, изделия из прошлого.

— Кому нужны современные американские вещи? Их не существует вовсе, во всяком случае теперь, после войны.

— Сам создай рынок,— посоветовал сердито Мак-Карти.

— Ты хочешь сказать, что и продавать я буду сам?

— Пусти их в розничную продажу через магазин, вроде... как он называется? На Монтгомери-стрит — большой шикарный магазин произведений искусства.

— «Американские художественные промыслы»,— сказал Фринк.

Он никогда не заходил в магазины столь дорогие и

фешенебельные, как этот, так же как и подавляющее большинство американцев. Только у японцев были такие деньги, чтобы делать покупки в подобных магазинах.

— Ты знаешь, что там продают?— спросил Мак-Карти.— И на чем наживают состояния? На тех чертовых серебряных пряжках для поясов из Нью-Мексико, которые делают индейцы. Всякий хлам, который производят для туристов. Это считается модным искусством.

Какое-то время Фринк разглядывал Мак-Карти, не решаясь открыть рот, а потом сказал:

— Я знаю, что они там продают. И ты тоже знаешь.

— Да,— сказал Мак-Карти.

Они оба знали, потому что имели к этому делу самое прямое отношение, и довольно давно.

Официально «Уиндем-Матсен корпорейшн» занималась выпуском решеток из кованого железа для лестниц, балконов, каминов и для декоративных украшений жилых зданий, все на базе массового производства, по стандартным чертежам. Для каждого сорокаквартирного здания штамповалось одно и то же изделие сорок раз подряд. С виду «Уиндем-Матсен корпорейшн» была металлургическим предприятием. Но вдобавок к этому она занималась еще и другими делами, и именно оттуда она получала настоящие прибыли.

Используя большое количество тщательно подобранных инструментов, материалов и оборудования, «Уиндем-Матсен корпорейшн» непрерывным потоком выпускала подделки американских изделий довоенного производства. Эти подделки осторожно, со знанием дела выбрасывали на оптовый рынок произведений искусства, вливая в реку подлинных вещей, собираемых по всему континенту. И так же, как при коллекционировании почтовых марок и монет, никто не мог оценить фактический процент подделок, находившихся в обращении. И никто — в особенности торговцы, да и сами коллекционеры — не хотели этого делать.

Когда Фринк ушел с работы, на его верстаке лежал наполовину законченный револьвер фирмы «Кольт» времен освоения западных территорий. Он сам сделал отливку в собственного же изготовления формах и теперь был занят ручной шлифовкой деталей. Рынок огнестрельного оружия времен Гражданской войны и освоения западных земель был неограниченным: «Уиндем-Матсен корпорейшн» могла продать все, что производил Фринк. Это и было их специальностью.

Медленно подойдя к своему верстаку, Фринк взял еще не обработанный, покрытый заусенцами шомпол револьвера.

Еще дня три — и револьвер был бы закончен. «Да, — подумал он, — приличная работа». Эксперт, конечно, мог бы определить разницу, но коллекционеры-японцы не были знатоками в точном значении этого слова, у них не было ни эталонов, ни методов проверки для того, чтобы судить о подлинности изделия.

Насколько ему было известно, им фактически и в голову не приходило хоть сколько-нибудь сомневаться в исторической подлинности предметов или произведений народных ремесел, продаваемых на западном побережье. Возможно, когда-нибудь такая мысль все-таки придет им в голову — и тогда пузырь лопнет, а вместе с ним лопнет и рынок подлинных изделий. В соответствии с законом Грешэма, подделки подрывают ценность подлинников. В этом, без сомнения, была причина отсутствия проверок: ведь в конце концов все оставались вполне довольны.

Фабрики и заводы, разбросанные по разным городам, выпускали продукцию и имели свою прибыль. Оптовики передавали вещи дальше, а хозяева магазинов выставляли их и рекламировали. Коллекционеры раскошеливались и, удовлетворенные, везли свои приобретения домой, чтобы произвести впечатление на любовниц, жен, коллег и друзей.

Так же, как с послевоенными горами бумажных денег, все шло прекрасно, пока никто не задавал вопросов. Никому не причинялось никакого ущерба, пока не придет день расплаты. Тогда расплатятся все. Но пока никто не разговаривал об этом, даже те, кто зарабатывал на жизнь производством подделок. Все отказывались думать о том, что они делают, занимаясь только чисто техническими вопросами.

— Давно ты не пробовал сделать что-нибудь оригинальное? — спросил Мак-Карти.

Фринк пожал плечами.

— Много лет. Я могу скопировать все, что угодно, довольно аккуратно, но...

— Ты знаешь, о чем я думаю? Я думаю, что ты заразился у нацистов идеей о том, что евреи не способны творить, что они могут заниматься лишь имитацией и торговлей, посредничеством.

Он безжалостно уставился на Френка.

— Может быть, так оно и есть,— сказал Френк.

— А ты попробуй. Сначала сделай эскизы. Или сразу поработай с металлом. Поиграй, как дети играют.

— Нет,— сказал Фринк.

— Веры у тебя нет,— сказал Мак-Карти.— Ты ведь окончательно ее похоронил, верно? Веру в себя. Очень плохо. Потому что я уверен— ты в состоянии сделать это.

Он отошел от верстака.

«Да, очень плохо,— подумал Фринк.— И тем не менее это правда. Я не могу по принуждению обрести веру или энтузиазм одной лишь решимостью. Этот Мак-Карти,— думал он,— чертовски хороший начальник цеха. Он обладает способностью прищипорить человека, заставить его выказать все свое умение, превзойти себя даже наперекор себе же. Прирожденный руководитель. Почти ведь вдохновил меня, пусть хоть на мгновение, но вот он отошел— и энергия ушла в песок. Жаль, что не захватил своего Оракула. Можно было бы спросить у него совета, воспользоваться плодами его пятидесятилетней мудрости». И тогда он вспомнил, что экземпляр «Книги перемен» есть в комнате отдыха конторы корпорации Уиндема-Матсена. Он прошел через цех в контору, а оттуда в комнату отдыха.

Усевшись на стул из хромированных трубок с пластиковым сиденьем, он записал свой вопрос на обратной стороне конверта: «Следует ли мне заняться частным бизнесом в области прикладного искусства, как мне только что советовали?» После этого он стал бросать монеты.

В последней строке выпала семерка, затем он определил вторую и третью. Нижнее трехстишие, как он определил, было Чиен. Все выглядело неплохо, потому что Чиен означало творчество. Затем строка четвертая с переходом на восьмерку: Джин. И строка пятая также дала переход на восьмерку, тоже Джин.

«Боже,— подумал он взволнованно,— еще одна строчка Джин, и выйдет гексаграмма одиннадцать».

Так, спокойно. Очень благоприятный исход. Или...

Руки его задрожали, позвякивая монетами.

Строка Янг и, следовательно, гексаграмма двадцать шесть. Та Чу, Усмиренная Сила Величия. И та и другая строки были благоприятными, третьего не было. Он бросил три монеты.

Джин значит покой.

Открыв книгу, он прочел соответствующее разъяснение: «Покой. Малое уходит.

Приближается нечто великое.

Большая удача. Успех».

«Значит, я должен поступить так, как сказал Мак-Карти. Завести свое маленькое дело».

Осталось только определить скользкую строку. Он перевернул страницу. Какой там текст?

Он не мог вспомнить, но скорее всего благоприятный, потому что сама гексаграмма была очень удачной. Союз небес и земли — однако первая и последняя строки были за пределами шестиугольника.

Глаза его нащарили нужное место и тут же выхватили его:

«Стена рушится назад в ров. Сейчас не нужна армия. Пусть твои появления будут известны в твоём городе. Упрямство ведет к унижению».

Полное банкротство! Он вскричал от ужаса. Дальше следовал комментарий:

«Перемена, о которой упоминалось в центре гексаграммы, уже начала осуществляться. Стена города погружается назад в ров, из которого она была воздвигнута, близится час гибели».

Это была, без всякого сомнения, одна из самых страшных строк в книге, содержащей более трех тысяч строк. А вот суждение гексаграммы тем не менее было хорошим.

Так чему же ему следовать? Почему такая огромная разница? Такого с ним еще не случалось. В одном пророчестве смешались и большая удача, и гибель. Что за сверхъестественная судьба? «Я, должно быть, нажал одновременно на две кнопки», — решил он.

Черт, но ведь случиться должно или одно, или другое. А вместе? Разве может одновременно выпасть и большая удача, и гибель?

Или... может быть, ты...

Ювелирный бизнес завершится полным успехом, суждение относится именно к нему. А вот строка, чертова скользкая строка. Она относится к чему-то более глубокому, она указывает на какую-то катастрофу в будущем, возможно, и не связанную с ювелирным делом.

«Но тем не менее мне уготована какая-то зловещая судьба. Война! — подумал он. — Третья мировая! Два миллиарда будут убиты, наша цивилизация будет стерта с лица Земли. Водородные бомбы градом падут на нас. Ну и ну! Что же происходит? Неужели я буду как-то причастен к ее возникновению? Или другой какой-то бедолага, которого я даже не знаю? Или мы все будем ви-

новаты в этом? Во всем виноваты эти физики с их теорией синхронности, по которой каждая частица неразрывно связана со всеми остальными: любой случайный шаг может нарушить равновесие Вселенной. И все это превращает жизнь в забавную шутку, над которой некому будет посмеяться. Я открываю книгу и читаю отчет о будущих событиях, которые сам Бог затеял по рассеянности и о которых хотел бы забыть. А кто я есть? Стоит ли меня принимать во внимание? Мне нужно забрать свои инструменты и электрооборудование у Мак-Карти, открыть мастерскую и заняться своим пустячным бизнесом, не обращая никакого внимания на эту последнюю жуткую строку, работать, творить по своему собственному разумению до самого конца, стараться изо всех сил, пока не рухнут стены на всех нас, на все человечество. Вот о чем поведал мне Оракул. Злой рок, так или иначе, скоро уничтожит нас всех, но пока что у меня есть чем заняться. Я должен воспользоваться своим разумом, своими руками. Суждение относилось только лично ко мне, а последняя строка — ко всем нам. Слишком уж ничтожен я сам по себе, могу только прочесть то, что написано, поднять взор к небу и склонить голову, а затем упорно трудиться, как если бы я ничего не знал из того, что ждет меня впереди. Оракул не ожидает от меня ничего иного, не ждет, что я начну бегать туда-сюда по улицам и вопить что есть мочи, привлекая внимание прохожих. А может ли кто-нибудь из нас изменить ситуацию? Все мы вместе, или кто-то по-настоящему великий, или кто-то по-настоящему счастливый сможет оказаться в нужном месте. Совершенно случайно, в результате слепой удачи. И вся наша жизнь, вся наша планета висят на тонком волоске этой случайности».

Закрыв книгу, он вышел из комнаты отдыха и пошел в цех. Увидя Мак-Карти, он помахал ему рукой, чтобы тот отошел в сторону и они могли бы продолжить разговор.

— Чем больше я думаю об этом,— сказал Фринк,— тем больше мне нравится твоя идея.

— Прекрасно,— сказал Мак-Карти.— Теперь послушай. Тебе нужно сделать вот что. Ты должен достать деньги у Уиндема-Матсена.

Он подмигнул Фринку.

— Я придумал, каким образом. Я собираюсь тоже бросить эту работу и присоединиться к тебе. Ты видел мои эскизы? Разве они плохи? Ведь хорошие же, я знаю.

— Конечно,— сказал Фринк, несколько смутившись.

— Давай встретимся вечером после работы у меня дома. Приходи часов в семь, пообедаешь со мной и с Джоанной, если только выдержишь мою ребятню.

— О'кей,— заключил Фринк.

Мак-Карти хлопнул его по плечу и отошел.

«Я проделал большой путь,— сказал Фринк самому себе,— за эти десять минут».

Страх и тревоги уже не было, был только азарт.

«Все произошло так быстро»,— подумал он, подойдя к своему верстаку и собирая инструменты.— Наверное, такие перемены так и происходят. Появляется благоприятная возможность...

Всю жизнь я ждал этого. Когда Оракул говорит: «Что-то должно быть достигнуто»,— он именно это и имеет в виду. Время поистине великое. Какое сейчас время? Именно в этот момент? Оракул говорит, что надвигается «Усмиренная Сила Величия». Джин становится Янгом. Все движется. Строка скользит, и появляется новое мгновение. Я так спешил, что не заметил этого, возможно, ошибся, выхватив взглядом не то место. Держу пари, что именно поэтому я и наткнулся на эту жуткую строку, и благоприятная гексаграмма стала зловещей. Какой же я осел!»

Однако, несмотря на свое возбуждение и оптимизм, он не мог просто взять и выбросить из головы эту строку.

«И все же,— подумал он с усмешкой,— придется постараться. Вдруг до вечера удастся забыть о ней, будто ничего не случилось. Да, я почти уверен, потому что это совместное с Эдди предприятие действительно может вылиться в нечто крупное. Я уверен, что у него безошибочный нюх. Да и я еще не сказал последнего слова. Сейчас я ничего из себя не представляю, но если я смогу проверить всю эту затею, то, может быть, мне удастся вернуть Юлиану. Я знаю, что ей нужно, она заслуживает человека, представляющего собой кое-что имеющее вес в обществе, а не какого-то там чокнутого. Когда-то в прежние времена мужчины были мужчинами. Тогда, до войны, а сейчас... Не удивительно, что она скитается с одного места на другое, от одного мужчины к другому, ищет что-то и даже не осознает, что она есть и каковы ее биологические потребности. Но я-то знаю, и эта затея Мак-Карти, чего бы не стоило, поможет мне ради нее добиться успеха».

* * *

Роберт Чилдан закрыл магазин «Американские художественные промыслы» на обед. Обычно он переходил улицу и ел в кафе напротив. И всегда он уходил не больше, чем на полчаса, а сегодня и того меньше — на двадцать минут. Воспоминания о тяжелых испытаниях, перенесенных им при встрече с мистером Тагоми и персоналом Торгового Представительства, совершенно испортили ему аппетит.

Возвратившись в магазин, он твердо сказал себе: пора менять тактику и, не отзываясь на телефонные вызовы, все дела устраивать в магазине.

На визит к Тагоми ушло около двух часов, это очень много. Уже почти два — открываться снова слишком поздно. За целых полдня он продал всего одну вещь, эти часы с Микки-Маусом — довольно дорогой предмет, но...

Он открыл дверь магазина, подпер ее и вошел в подсобку повесить пальто.

Когда он вновь появился, то обнаружил в магазине покупателя. Белого. «Ну и ну,— подумал он.— Сюрприз».

— Добрый день, сэр,— сказал Чилдан. Он слегка поклонился. Вероятно, какой-нибудь «пинки». Худой, довольно смуглый, хорошо, по моде одетый, а держится скованно, лицо поблескивает от пота.

— Добрый день,— пробормотал посетитель.

Он двигался по магазину, осматривая витрины.

Затем неожиданно подошел к прилавку, сунул руку в пальто, достал небольшой кожаный футляр для визитных карточек и выложил цветную, изысканно отпечатанную карточку.

На карточке была эмблема Империи и воинские знаки отличия. Военно-морской флот. Адмирал Харуша. Роберт Чилдан с волнением рассматривал ее.

— Корабль адмирала,— объяснил покупатель,— в настоящее время находится в заливе Сан-Франциско. Авианосец «Сиокаку».

— О,— отозвался Чилдан.

— Адмирал Харуша до сих пор еще не посещал западного побережья,— продолжал объяснять покупатель.— У него масса пожеланий, и среди них — посетить ваш знаменитый магазин. На Родных Островах только и говорят об «Американских художественных промыслах».

Чилдан поклонился, не в силах дольше скрывать восторг.

— Однако,— продолжал мужчина,— из-за большого количества назначенных встреч адмирал не сможет нане-

сти персональный визит в ваш уважаемый магазин. Поэтому он послал меня. Я — его поверенный.

— Адмирал — коллекционер?— спросил Чилдан.

Мысли его лихорадочно работали.

— Он — любитель искусств. Он истинный знаток, но не коллекционер. То, что он хочет, предназначено для подарков, а именно: он желает преподнести каждому офицеру своего корабля какой-нибудь ценный исторический предмет, что-либо из легкого стрелкового оружия времен легендарной американской Гражданской войны.

Мужчина на мгновение замолчал.

— Всего на корабле двенадцать офицеров.

«Двенадцать пистолетов времен Гражданской войны,— подумал про себя Чилдан.— Это будет почти десять тысяч долларов».

Он затрепетал.

— Насколько известно,— продолжил поверенный адмирала,— ваш магазин продает такие бесценные старинные предметы, будто сошедшие со страниц американской истории и, увы, слишком быстро исчезающие в бездне времени.

Подбирая слова самым тщательным образом — позволить себе упустить такой случай, совершить хотя бы одну малейшую оплошность он не мог, — Чилдан сказал:

— Да, правда. Я располагаю наилучшим в Тихоокеанских Соединенных Штатах ассортиментом оружия времен Гражданской войны. Я буду счастлив оказаться полезным адмиралу Харуша. Должен ли я собрать эту прекрасную коллекцию и привезти на борт «Сиокаку»? Может, к вечеру?

— Нет. Я произведу осмотр здесь.

Двенадцать. Чилдан стал подсчитывать в уме. У него сейчас не было двенадцати, у него было только три. Но он мог бы приобрести двенадцать, если ему повезет, в течение недели через различные каналы, например, посылка авиапочтой с Востока и связи среди местных оптовиков.

— Вы, сэр,— сказал Чилдан,— хорошо разбираетесь в таком оружии?

— Сносно,— сказал мужчина.— У меня есть небольшая коллекция ручного оружия, включая крохотный пистолет, выполненный в виде костяшки домино. Приблизительно 1840 года.

— Прелестная вещица,— сказал Чилдан.

Он направился к запертому столу, чтобы достать несколько пистолетов для проверки их поверенным адмирала Харуша.

Когда он вернулся, то увидел, что покупатель выписывает чек. Поверенный оторвался от своего занятия и сказал:

— Адмирал желает уплатить вперед. Задаток в размере пятнадцати тысяч долларов ТША.

Комната перед глазами Чилдана поплыла.

Однако ему удалось сохранить спокойствие, даже придать себе несколько скучающий вид.

— Как пожелаете. В этом нет необходимости — простая формальность.

Поставив кожаную, с фетровыми накладками коробку на прилавок, он сказал:

— Вот исключительный кольт сорок четвертого калибра выпуска 1860 года. — Он открыл коробку. — Черный порох и пули. Такие поставлялись в армию США. Парни в голубом носили это оружие при себе, например, во время второго похода на Юг.

Поверенный весьма продолжительное время изучал кольт-44. Затем, подняв глаза, холодно сказал:

— Сэр, это подделка.

— А? — непонимающе спросил Чилдан.

— Возраст этого образца не более шести месяцев. Сэр, представленный вами предмет — подделка. Я глубоко сожалею. Но смотрите. Вот это дерево рукоятки подвергнуто искусственному старению с помощью химикатов. Стыдно.

Он отложил револьвер.

Чилдан поднял его и безмолвно повертел в руках. Он не мог ничего придумать, ничего сказать. Наконец он вымолвил:

— Этого не может быть.

— Имитация подлинного исторического оружия. Ничего более. Я боюсь, сэр, что вас обманули. Наверное, какой-нибудь недобросовестный агент. Вы должны заявить об этом в полицию Сан-Франциско.

Мужчина поклонился.

— Я весьма сожалею. Возможно, у вас есть и другие подделки. Может быть, вы, сэр, владелец и продавец таких изделий, не в состоянии отличить фальшивки от подлинника?

Наступила пауза.

Протянув руку, посетитель поднял наполовину заполненный чек, положил его в карман, спрятал авторучку и поклонился.

— Очень жаль, сэр, но я определенно не могу, увы, вести дела с «Американскими художественными промысла-

ми». Адмирал Харуша будет разочарован. Но войдите и вы в мое положение.

Чилдан не отрывал взгляда от пистолета.

— До свидания, сэр,— сказал мужчина.— Последуйте, пожалуйста, моему скромному совету, наймите какого-нибудь эксперта, чтобы он мог осматривать ваши приобретения. Ваша репутация... Я уверен, что вы понимаете.

— Сэр, если бы вы могли, пожалуйста...— промямлил Чилдан.

— Не волнуйтесь, сэр. Я никому не расскажу об этом. Я скажу адмиралу, что, к сожалению, ваш магазин сегодня закрыт.

Мужчина остановился у двери.

— Ведь мы оба все-таки белые.

Еще раз поклонившись, он ушел.

Оставшись один, Чилдан продолжал держать пистолет в руках.

«Этого не может быть,— думал он.— Но это случилось. Господь всемогущий на небесах! Я уничтожен! Я потерял пятнадцать тысяч долларов! И мою репутацию, если это выплывет наружу. Если бы только этот человек, поверенный адмирала Харуша, оказался не болтлив! Я покончу с собой! Я потеряю этот магазин. Я не смогу продолжать, это факт. С другой стороны, может быть, этот человек заблуждается, может быть, он лжет. Он был подослан «Историческими предметами США», чтобы меня убить. Или «Первоклассными произведениями искусства». В любом случае кем-нибудь из конкурентов. Пистолет, без сомнения, подлинный. Как мне подтвердить это?»— Чилдан стал рыться в памяти.

«Ага. Я отдам этот пистолет на проверку в Калифорнийский университет, в отдел экспертизы. Кого-нибудь там я должен знать или, во всяком случае, когда-то был знаком. Один раз такой вопрос уже всплывал. Подозрение на подделку старинного мушкета».

Торопясь, он дозвонился до одного из городских агентов по доставке и потребовал, чтобы ему немедленно прислали рассылного.

Затем он завернул пистолет и написал записку в университетскую лабораторию с просьбой провести профессиональную оценку даты изготовления оружия и как можно скорее позвонить ему по телефону.

Прибыл рассылный. Чилдан передал ему записку и пакет с адресом и велел нанять вертолет. Рассылный

ушел, а Чилдан принялся рассказывать взад и вперед по магазину.

Из университета позвонили в три часа.

— Мистер Чилдан, вы хотели, чтобы этот пистолет был проверен и была определена его подлинность — состоял ли он на вооружении, этот кольт сорок четвертого калибра образца 1860 года.

Наступила пауза, во время которой Чилдан в страхе сжимал в руке телефонную трубку.

— Вот протокол лаборатории. Это копия, выполненная посредством литья в пластмассовую форму, кроме рукоятки, отделанной древесиной ореха. Серийные номера деталей подделаны. Корпус пистолета не подвергался цементации с целью упрочнения. Как бурая, так и синяя поверхности деталей затвора получены посредством современной быстродействующей технологии, весь пистолет подвергнут искусственному старению с тем, чтобы он производил впечатление долго бывшего в употреблении оружия.

— Человек, принесший его мне для оценки...— затараторил в трубку Чилдан.

— Скажите ему, что его надули,— произнес сотрудник лаборатории.— Хотя и весьма искусно. Работа очень хорошая, выполнена настоящим умельцем. Только взгляните, у настоящего оружия детали со временем приобретают синеватый оттенок. Здесь же добились того же результата с помощью заворачивания в кусок кожи и последующего нагрева в атмосфере цианистых паров. Это очень сложный технологический процесс с точки зрения современной техники. Но он выполнен очень добротно и в хорошо оборудованной мастерской. Мы обнаружили частицы порошков, применяющихся при шлифовке и полировке, причем весьма необычных. Мы сейчас не можем еще доказать, но есть уверенность, что существует целая отрасль промышленности, выпускающая такие подделки. Она, безусловно, существует. Мы довольно часто сталкиваемся с подобными изделиями.

— Да нет, вряд ли,— сказал Чилдан.— Это только слухи. Я могу с полной уверенностью сказать, что вы заблуждаетесь.

Он просто кричал в трубку, преисполненный благородного негодования.

— Мне-то уж с моей работой это было бы доподлинно известно. Как вы думаете, зачем я послал вам сегодня этот пистолет? Потому что мне сразу же показалось, что это подделка. У меня же многолетний опыт. А такие подделки

очень редки, их можно расценивать просто как шутку, как чью-то неосторожную шалость.

Он замолчал, переводя дух.

— Спасибо вам за то, что вы подтвердили мои собственные опасения. Пришлите счет на мое имя. Спасибо.

Затем тут же достал свои записки и стал выяснять происхождение пистолета.

Как он попал к нему? От кого?

Как выяснилось, пистолет пришел от одного из крупнейших оптовых поставщиков Сан-Франциско, компании Рэя Келвина на улице Ван-Несс. Он тут же позвонил туда.

— Мне нужно поговорить с мистером Келвином,— сказал он.

Теперь его голос несколько окреп.

Вскоре послышалось сердитое, очень недовольное «Да!».

— Это Боб Чилдан. «Американские художественные промыслы», Монтгомери-стрит. Рэй, у меня к вам одно очень тонкое, деликатное дело. Я хотел бы встретиться лично в любое время сегодня в вашей конторе или любом другом месте. Поверьте, вы должны внимательно отнестись к моей просьбе.

К своему удивлению, он обнаружил, что снова вовсю орет в трубку.

— О'кей,— ответил Рэй Келвин.

— Никому не говорите, это строго между нами.

— В четыре?

— В четыре,— согласился Чилдан.— У вас в конторе. Пока.

Он с такой яростью хлопнул трубкой, что аппарат свалился с прилавка на пол. Наклонившись, он поднял его и водрузил на прежнее место.

Оставалось еще полчаса до выхода. Он принялся вышагивать по магазину, чувствуя свою беспомощность. Что делать?

Идея! Он позвонил в редакцию газеты «Геральд» на Маркет-стрит.

— Скажите, пожалуйста,— спросил он,— находится ли в гавани авианосец «Сиокаку», и если находится, то давно ли? Я был бы признателен за эту информацию от вашей уважаемой газеты.

Мучительное ожидание, затем снова голос девушки.

— Согласно нашей справочной службе,— сказала она,— «Сиокаку» лежит на дне Филиппинского моря.

Она еле сдерживала смех.

— Он был потоплен американской подводной лодкой в 1945 году. У вас еще будут к нам вопросы, сэр?

Очевидно, там, в редакции, высоко оценили сумасбродную выходку, которую с ним сыграли.

Он положил трубку. Авианосца «Сиокаку» не существует уже семнадцать лет, так же как и, вероятно, адмирала Харуша. Этот человек был мошенником, но тем не менее... он оказался прав, кольт сорок четвертого калибра был подделкой.

Чилдан никак не мог уловить смысла этой проделки.

Возможно, этот человек — какой-нибудь делец, которому захотелось завладеть рынком стрелкового оружия времен Гражданской войны, и он, профессионал из профессионалов, будучи компетентным в этой области, распознал подделку.

Только профессионал смог бы сделать это, тот, кто занимается этим бизнесом сам. Простой коллекционер ничего бы не заметил.

У Чилдана отлегло от сердца. Значит, немногие смогли бы обнаружить обман, скорее всего, вообще никто. И вряд ли он поделится с кем-то еще своей тайной.

Плунуть на это дело?

Поразмыслив, он решил, что не стоит.

Нужно тщательно все проверить, а прежде всего вернуть потраченные деньги, потребовать от Рэя Келвина возмещения и договориться с лабораторией насчет оценки всего остального.

Однако предположим, что многие из его товаров — не подлинники?

Тяжелое дело.

Значит, остается одно. Он помрачнел, охваченный отчаянием. Нужно идти к Рэю Келвину, припереть его, настоять на том, чтобы тот проследил путь подделки до самого источника. Возможно, он также невиновен. В любом случае нужно сказать ему, что больше никаких подделок я покупать у него не буду.

«Он будет вынужден смириться с потерей денег, — решил Чилдан. — Он, а не я. Если же он не захочет, то я свяжусь с другими розничными торговцами, расскажу им обо всем и погублю его репутацию. С какой стати я должен один за все отдуваться? Пусть отвечают те, кто повинен в этом, пусть сами едят кашу, которую заварили». Но проделать это надо с особой секретностью, все должно быть чисто конфиденциально».

Глава 5

Телефонный звонок от Рэя Келвина озадачил Уиндема-Матсена. Он никак не мог понять, в чем дело, то ли из-за торопливой манеры говорить, свойственной Рэю Келвину, то ли из-за того, что, когда звонил Келвин — а было это в половине двенадцатого вечера, — Уиндем-Матсен развлекался с посетительницей в своем номере в отеле «Муромачи».

— Поймите, мой друг, — сказал Келвин, — мы отсылаем вам последнюю партию товаров, полученных от ваших людей. Я отослал бы всю ту дрянь, которую вы подсунули раньше, но мы уже оплатили ее полностью, кроме этой последней партии. Присланный вами счет датируется восемнадцатым мая.

Разумеется, Уиндем-Матсен хотел знать причину.

— Вся партия состоит из паршивых подделок.

— Но вы же знали об этом.

Он был ошарашен.

— Я имею в виду то, Рэй, что вы всегда были осведомлены о положении дел.

Он окинул взглядом комнату: девушка куда-то исчезла, наверное, вышла в туалет.

— Я знал, что это подделки, — сказал Келвин. — Я говорю не об этом. Я имею в виду их вшивое качество. Меня на самом деле совсем не интересует, действительно ли каждый из присылаемых вами пистолетов применялся во время Гражданской войны. Все, что меня заботит, так это то, чтобы каждый предмет в вашем наборе, будь то кольт сорок четвертого калибра или что-то подобное, соответствовало определенным стандартам. Вам известно, кто такой Роберт Чилдан?

— Да.

Он что-то смутно помнил, хотя в это мгновение и не мог с уверенностью сказать, кому точно принадлежит эта фамилия. Наверное, какой-то шишке.

— Он был сегодня у меня в конторе. Я звоню из конторы, а не из дома: мы еще до сих пор разбираемся. Так вот, он пришел и долго бушевал по этому поводу. Он прямо-таки взбесился, его трясло. Будто бы какой-то его солидный клиент, какой-то японский адмирал зашел сам или велел зайти своему поверенному. Чилдан говорит о заказе на двадцать тысяч, но это скорее всего преувеличение. Во всяком случае, произошло то, и тут у меня нет причин сомневаться, что пришел японец, захотел совершить покуп-

ку, один лишь раз взглянул на экземпляр кольта сорок четвертого калибра, состряпанного вашими людьми, увидел, что это подделка, положил свои деньги в карман и удалился. Что вы скажете на это?

Уиндем-Матсен сразу не нашелся, что сказать, но про себя тут же отметил, что это Фринк или Мак-Карти. Они что-то пообещали, и вот результат. Но представить себе, что же именно они совершили, он так и не смог. Он никак не мог уразуметь, в чем суть рассказанного Келвином.

Его охватил какой-то суеверный ужас.

Эти двое — как они сумели откопать экземпляр, сделанный еще в прошлом феврале? Он допускал, что они могут пойти в полицию или в редакцию газеты или даже обратиться к марионеточному правительству этих «пинки» в Сакраменто, и, конечно, он сам породил все это. Жуть. Он не знал, что ответить Келвину, что-то лепетал, одно и то же, бесчисленное число раз. В конце концов ему удалось закруглить разговор и положить трубку.

Тут только он понял, что и Рита уже давно вышла из спальни и слышала почти весь их разговор. Она нетерпеливо ходила туда-сюда в черной шелковой комбинации с распущенными длинными волосами, свободно падавшими на обнаженные, слегка тронутые веснушками плечи.

— Позвони в полицию, — сказала она.

«Что ж, — подумал он, — вероятно, дешевле будет предложить им тысячи две, может, чуть больше. Они возьмут, это, скорее всего, единственное, чего они добиваются. Мелкие людишки, вроде них, столь же мелко и мыслят. Для них это будет целым богатством. Они вложат его в свой новый бизнес, потратят и через месяц полностью прогорят».

— Нет, — ответил он.

— Почему нет? Вымогательство является преступлением.

Ей трудно было объяснить. Он привык платить людям, это было частью накладных расходов, чем-то вроде платы за услуги, оказываемые фирме. Если сумма была не очень велика. Но в чем-то она была права. Он погрузился в размышления.

«Я дам им эти две тысячи, однако я еще и свяжусь с одним знакомым в Отделе гражданства, одним инспектором полиции. Пусть они внимательно посмотрят досье на Фринка и Мак-Карти и попробуют обнаружить что-нибудь полезное. Так что если они вернутся и снова попытаются,

я сумею как следует прибрать их к рукам. Например,— подумал он,— кто-то говорил мне, что Фринк изменил фамилию и форму носа. Все, что мне нужно сделать, это уведомить германское консульство в Сан-Франциско. Обычное дело. Консул потребует у японских властей его выдачи. Как только этого педераста переведут через демаркационную линию, его тут же отправят в душегубку или в один из тех лагерей в штате Нью-Йорк, которые, я думаю, еще сохранились. А там есть печи».

— Меня удивляет,— сказала девушка,— что кто-то смог шантажировать человека вашего положения.

Она взглянула на него.

— Что ж, вот что я тебе скажу. Весь этот проклятый бизнес, связанный с историей,— абсолютная чушь. Эти японцы — дубины. И я это докажу.

Он встал, прошел в свой кабинет и сейчас же вышел с двумя зажигалками, положив их на кофейный столик.

— Взгляни. Они кажутся совершенно одинаковыми, правда? Так вот, одна из них настоящая реликвия.

Он улыбнулся.

— Возьми их. Пойдем дальше. На рынке коллекционеров стоимость одной из них, возможно, тысяч сорок или пятьдесят.

Девушка осторожно взяла в руки обе зажигалки и принялась их рассматривать.

— Неужели ты не видишь этого?

Он шутливо ее подзадоривал.

— Историчности.

— Что такое историчность?

— Это когда вещь отмечена печатью времени. Послушай. Одна из этих зажигалок была в кармане Франклина Д. Рузвельта, когда на него было совершено покушение, а другая — нет. Одна имеет историческое значение, и еще черт знает какое. Такое же, как и другие вещи, бывшие при нем. Другая не имеет никакого значения. Чувствуешь историчность одной из них?

Он продолжал подзадоривать.

— Ты не можешь сказать, какая из них обладает историчностью. Вокруг нее нет никакого ореола или некоего духа ауры.

— Вот здорово,— сказала девушка.

Она вытаращила глаза.

— Это и в самом деле правда, что одна из них была у него в тот день?

— Конечно. И я знаю, какая именно. Теперь понима-

ешь суть того, что я говорю? Все это жуткое жульничество, они надувают сами себя. Я имею в виду то, что пусть какой-то пистолет был в какой-то известной битве, ну скажем, при Геттисберге, но он остался точно таким же, как будто его там не было, если только не знать об этом. А это — здесь!

Он постучал себя по лбу.

— Это в мозгу, а не в пистолете. Когда-то я сам был коллекционером. Фактически из-за этого я и занялся этим бизнесом. Я собирал почтовые марки. Английских колоний.

Девушка стояла у окна, сложив на груди руки, и смотрела на огни центра Сан-Франциско.

— Мать и отец часто говорили, что мы бы не проиграли войну, если бы он был жив, — сказала она.

— О'кей, — продолжал Уиндем-Матсен. — Теперь предположим, что в прошлом году канадское правительство или кто-то там еще, не важно, находит матрицы, с которых делают старые марки, и хороший запас типографской краски...

— Я не верю, что какая-то из этих зажигалок принадлежала Франклину Рузвельту, — сказала девушка.

Уиндем-Матсен расхохотался.

— Так в этом-то как раз и весь смысл моих рассуждений! Я должен это тебе доказать с помощью каких-то допущений, бумаг, удостоверяющих подлинность. Поэтому-то все это и является надувательством, массовым самообманом. Ценность вещи доказывает бумага, а не сам предмет.

— Покажите мне эту бумагу.

— Пожалуйста.

Он вскочил и снова ушел в кабинет, где снял со стены взятый в рамку сертификат Смитсоновского института. Документ и зажигалка обошлись ему в целое состояние, но они стоили того, так как это давало ему возможность доказывать, что он прав, говоря, что слово «подделка», по сути, ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра есть кольт сорок четвертого калибра, — обратился он к девушке, выходя из кабинета. — Речь здесь идет о размере отверстия дула, о форме, об убийстве и меткости стрельбы, а не о том, когда он сделан. Речь идет о...

Она протянула руку. Он передал ей документ.

— Значит, вот эта подлинная, — сказала она наконец.

— Да, именно эта.

— Мне, пожалуй, пора уходить,— сказала девушка.— Мы еще встретимся с вами в другой раз.

Она положила на столик документ и зажигалку и пошла в спальню, где оставила одежду.

— Зачем?— вскричал он взволнованно. Он последовал за ней.— Ты же знаешь, что сейчас мы в полной безопасности: жена вернется через несколько недель. Я же объяснял тебе ситуацию. У нее отслоение сетчатки.

— Не в этом дело.

— Тогда в чем же?

— Пожалуйста, вызови мне педикейб,— сказала Рита,— пока я оденусь.

— Я отвезу тебя,— сердито сказал он.

Она оделась и, пока он доставал из шкафа пальто, стала молча бродить по номеру.

Она задумалась, погрузилась в себя, даже казалась несколько угнетенной. Он понял, что прошлое вызывает у людей печаль. «Ну и черт с ним. Зачем это я решил привести именно этот пример? Но ведь она такая молоденькая — я думал, что ей вряд ли известно это имя».

Возле книжного шкафа она остановилась.

— Вы читали это?— спросила она, вытаскивая книгу.

Прищурившись, он взглянул.

Мрачная обложка. Роман.

— Нет,— сказал он.— Это купила жена. Она много читает.

— Вам бы следовало прочесть эту книгу.

Все еще чувствуя разочарование, он взял книгу и посмотрел название. «Саранча садится тучей».

— Это одна из тех, запрещенных в Бостоне книг?— спросил он.

— Она запрещена всюду в Соединенных Штатах и, конечно, в Европе.

Она подошла к двери и остановилась, ожидая его.

— Я слышал об этом Готорне Абеденсене.

На самом деле он впервые столкнулся с этой фамилией. Единственное, что он знал об этой книге, это то, что сейчас она очень популярна. Еще одна причуда, еще один пункт массового помешательства. Он нагнулся и положил книгу на место.

— На беллетристику у меня нет времени. Я слишком занят работой.

«Секретарши,— подумал он язвительно,— читают эту дрянь, лежа дома в постели перед тем, как уснуть. Это их возбуждает. Вместо того, чтобы заняться чем-нибудь на-

стоящим, чего они боятся, а на самом деле страстно желают».

— Одна из любовных историй?— спросил он, сердито открыв дверь в кабинет.

— Нет,— ответила она.— О войне.

Пока они шли по коридору к лифту, она сказала:

— Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Этот Абеденсен?

— Его теория вот в чем: если бы Джо Зангара не попал в него, то он бы вытянул Америку из депрессии и вооружил бы ее так, что...

Она замолчала, так как они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

Позже, когда они ехали по ночному городу в «мерседес-бенце» Уиндема-Матсена, она продолжила рассказ.

— Согласно теории Абеденсена, Рузвельт должен был быть ужасно сильным президентом, таким же сильным, как Линкольн. Он показал себя за тот год, когда был у власти, всеми своими действиями и делами. Книга, конечно, не документ. Я имею в виду то, что она написана как роман. Рузвельт не убит в Майами, он продолжает править страной, и в 1936 году его переизбирают, так что он президент до 1940 года, когда война уже началась. Не понимаете? Он все еще президент, когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу. И он все это видит. Он заставляет Америку стать сильной. Гарнер был на самом деле дрянным президентом. Во многом из того, что произошло, повинен именно он. А затем, в 1940 году, вместо избранного демократами Бриккера...

— Это согласно Абеденсену,— прервал ее Уиндем-Матсен. Он взглянул на сидевшую рядом девушку.

«Боже,— подумал он,— прочтут какую-то книжонку и вот разглагольствуют!»

— Его гипотеза в том, что в 1940 году вместо сторонников невмешательства Бриккера президентом стал Рексфорд Тагвелл.

Ее чистое хорошенькое лицо, освещенное уличными огнями, покраснелось от волнения, глаза расширились, она говорила, размахивая руками.

— Он стал активно продолжать антифашистскую линию Рузвельта, поэтому Германия побоялась прийти на помощь Японии в 1941 году. Она не выполнила условия договора. Понимаешь?

Повернувшись к нему, вцепившись в плечо, она почти что крикнула ему в ухо:

— Поэтому Германия и Япония войну проиграли!
Он рассмеялся.

Глядя на него, пытаюсь отыскать что-то в его глазах — он не мог понять, что, да к тому же ему приходилось следить за дорогой, — она сказала:

— Это совсем не смешно. Могло же получиться так, что Соединенные Штаты раскололи бы японцев и...

— Как? — прервал он ее.

— Он как раз все это и изложил.

Она на мгновение замолчала.

— В форме романа. Естественно, там масса замечательного, иначе люди бы не читали эту книгу. Там есть и герой — очень интересный поворот; существуют двое молодых людей, парень служит в американской армии, девушка... Президент Тагвелл оказывается очень ловким политиком. Он прекрасно понимает, что замышляют японцы, — продолжала она взволнованно. — Об этом можно спокойно говорить: японцы не препятствуют распространению этой книги в США. Я где-то прочла, что многие из них ее читали. Она популярна на Родных Островах и вызвала кучу толков и пересудов.

— Послушай, а что он говорит о Пёрл-Харборе?

— Президент Тагвелл был настолько предусмотрителен, что велел всем кораблям выйти в море. Поэтому флот Соединенных Штатов не был уничтожен.

— Понятно.

— Поэтому никакого Пёрл-Харбора и не было. Они напали, но все, чего добились, — утопили несколько мелких суденышек.

— Она называется «Саранча...» — как там?

— «Саранча садится тучей». Это цитата из библии.

— Значит, Япония потерпела поражение, потому что не было Пёрл-Харбора. Но, послушай, — сказал Уиндем-Матсен, — никакие события, подобные тем, которые пригрезились этому парню, вроде города на Волге, смело названному Сталинградом, никакая оборона не смогла бы добиться большего, чем некоторой отсрочки окончательной развязки. Ничто не могло повлиять на нее. Слушай. Я встречался с Роммелем в Нью-Йорке, когда был там по делам в 1943 году.

Фактически он всего лишь раз, да и то издали, видел Военного Губернатора США на приеме в Белом Доме.

— Какой человек! Какое достоинство и выправка. Я знаю, что говорю, — заключил он.

— Да, было ужасно, — сказала Рита, — когда на место

Роммеля пришел этот мерзавец Ламмерс. Вот тогда-то и начались эти повальные убийства и эти концентрационные лагеря.

— Они существовали и тогда, когда губернатором был Роммель.

Она махнула рукой.

— Но это скрывалось. Может быть, эти бандиты из СС и тогда творили всякие беззакония, но он не был похож на остальных: он напоминал прежних прусских военных. Суровый...

— Я скажу тебе, кто на самом деле хорошо поработал в США,— сказал Уиндем-Матсен.— Кто больше всех сделал для возрождения экономики. Альберт Шпеер, а не Роммель и не организация Тодта. Шпеер был лучшим из тех, кого партия направила в Северную Америку. Это он добился, чтобы все эти заводы, тресты и корпорации — все-все — снова заработали, и притом эффективно. Мне хотелось бы, чтобы и у нас здесь было что-нибудь подобное, ведь сейчас в каждой отрасли экономики конкурируют не менее пяти фирм и при этом несут ужасные убытки. Нет ничего более глупого, чем конкуренция в экономике.

— Не знаю, я не смогла бы жить в этих жутких трудовых лагерях, этих поселках, которые были понастроены на востоке. Одна моя подруга там жила. Ее письма проверяла цензура, и поэтому она не могла рассказать обо всем, пока не переехала снова сюда. Она должна была подниматься в шесть тридцать утра под звуки духового оркестра.

— Ты бы к этому привыкла. У тебя было бы чистое белье, жилье, хорошая еда, отдых, медицинское обслуживание. Что еще нужно? Молочные реки?

Его большой немецкий автомобиль продолжал бесшумно прорезать холодный туман ночного Сан-Франциско.

Мистер Тагоми сидел на полу, поджав под себя ноги. В руках он держал пиалу с черным чаем, на которую сначала подул, а потом улыбнулся мистеру Бейнесу.

— У вас здесь прелестное место,— сказал Бейнес.— Здесь какое-то спокойствие, на Тихоокеанском побережье. Там у нас совсем не так.

Уточнять ему не хотелось.

— Бог говорит с человеком под знаком Пробуждения.

— Простите?

— Это цитата из Оракула. Реакция сознания на поспешные выводы.

«Вот он о чем»,— подумал Бейнес рассеяннo и улыбнулся про себя.

— Мы абсурдны,— сказал мистер Тагоми,— потому что живем по книге пятидесятилетней давности. Мы задаем ей вопросы, как будто она живая. Так же как и Библия христиан. Многие книги, по существу, живые. И это совсем не метафора. Дух оживляет их. Правда?

Он взглянул в лицо мистера Бейнеса, ожидая реакции.

Тщательно подбирая слова, Бейнес ответил:

— Я слабо разбираюсь в вопросах религии. Она вне поля моей деятельности. Я предпочитаю обсуждать такие вопросы, в которых хоть немного разбираюсь.

На самом же деле у него не было полной уверенности, что ему понятно, о чем говорит мистер Тагоми. «Должно быть, я устал,— подумал мистер Бейнес.— Все, с чем я столкнулся, приобретает какой-то нереальный оттенок. Все будто валяют дурака. Что это за книга пятидесятилетней давности? Эти часы Микки-Мауса, сам мистер Тагоми, хрупкая чашка в руке мистера Тагоми...» Со стены на мистера Бейнеса уставилась голова буйвола, грозная и уродливая.

— Что это за голова?— неожиданно спросил он.

— Это,— ответил мистер Тагоми,— не что иное, как создание, которое поддерживало жизнь туземного населения в былые дни.

— Понятно.

— Может быть, показать вам искусство забивания буйволов?

Мистер Тагоми поставил чашку на столик и поднялся. Здесь, дома, вечером, он был одет в шелковый халат, комнатные туфли и белый шарф.

— Вот я на железной лошадке.

Он слегка присел.

— На коленях у меня верный винчестер образца 1866 года из моей коллекции.

Он вопросительно взглянул на мистера Бейнеса.

— Вас, видимо, утомило путешествие, сэр?

— Боюсь, что да,— ответил Бейнес.— Все это как-то ошеломляет. Заботы о делах...

«И другие»,— подумал он. У него болела голова. Узнать бы, можно здесь, на Тихоокеанском побережье, до-

стать хорошие анальгетики, выпускаемые ИГ Фарбен? Он привык глотать их, когда болел затылок.

— Все мы должны во что-нибудь верить,— сказал мистер Тагоми.— Нам не дано знать все ответы. И вперед мы тоже заглянуть не в силах. Остается только полагаться на себя.

Мистер Бейнес кивнул.

— У моей жены, возможно, что-нибудь найдется от головной боли.

Он заметил, что Бейнес поднял очки и трет лоб.

— Боль причиняют глазные мышцы. Извините меня.

Поклонившись, Тагоми вышел из комнаты.

«Что мне сейчас нужно — так это сон,— подумал Бейнес.— Одна спокойная ночь. Или дело в том, что я не в состоянии смело смотреть в лицо возникшей ситуации, уклоняюсь от острых углов?»

Когда мистер Тагоми вернулся, неся стакан воды и что-то вроде пилюли, мистер Бейнес сказал:

— Мне действительно следует попрощаться и отправиться к себе в гостиницу, но вначале я хотел бы кое-что выяснить. Мы, конечно, можем поговорить о делах и завтра, если вас это устроит. Вам сказали о третьей стороне, которая должна присоединиться к нашим переговорам?

Лицо мистера Тагоми на мгновение выразило удивление. Затем удивление исчезло, и лицо его вновь стало спокойным.

— Мне ничего об этом не сказали. Однако это, конечно, интересно.

— С Родных Островов.

— О,— вымолвил мистер Тагоми.

На сей раз на его лице никакого удивления не отразилось, самообладание его было абсолютным.

— Пожилой бизнесмен, удалившийся от дел,— сказал мистер Бейнес.— Он плывет морем. На сегодняшний день он, вероятно, уже недели две в пути. У него предубеждение против воздушных путешествий.

— Человек с причудами,— заметил мистер Тагоми.

— Круг его интересов позволяет ему быть хорошо осведомленным о состоянии рынков на Родных Островах. Он сможет дать вам ценную информацию, а в Сан-Франциско он едет лечиться. Все это не так уж важно, но придаст большую точность нашим переговорам.

— Да,— сказал мистер Тагоми.— Он поможет избежать ошибки, связанной с рынком родины. Я не был там больше двух лет.

— Вы хотели дать мне эту пилюлю?

Мистер Тагоми удивленно опустил глаза и увидел, что до сих пор держит в руках таблетку и стакан воды.

— Простите меня. Это очень сильное средство, называется заракаин и производится фармацевтической фирмой в провинции Китая.

Разжимая ладонь, он добавил:

— К нему не привыкнешь.

— Солидная реклама,— сказал мистер Бейнес.

Он приготовился взять пилюлю.

— Он появится, вероятно, непосредственно в вашем Торговом Представительстве. Я запишу фамилию, чтобы ваши люди его не завернули. Встречаться с ним я не встречался, но слышал, что он слегка глуховат и чудаковат. Хотелось бы быть уверенным, что он не разозлится.

Казалось, Тагоми понимает, о чем идет речь.

— Ему нравятся рододендроны. Счастье его будет полным, если вы сможете подсунуть кого-нибудь, кто смог бы поговорить с ним об этом в течение хотя бы получаса, пока мы будем договариваться о встрече. Да, фамилия. Сейчас я запишу.

Приняв пилюлю, он достал ручку и записал.

— Мистер Синиро Ятабе,— прочел мистер Тагоми на листке бумаги.

Он аккуратно вложил его в записную книжку.

— Еще один момент.

Мистер Тагоми медленно поднял чашку за край и изобразил на своем лице внимание.

— Несколько деликатный. Этот джентльмен в стесненном положении. У него почти ничего нет. Некоторые рискованные предприятия в конце его карьеры не привели к успеху. Понимаете?

— И теперь у него нет состояния,— продолжил мистер Тагоми,— а возможно, он вообще живет на пенсию.

— Вот именно. А пенсия чрезвычайно небольшая. Поэтому ему приходится время от времени ее чем-то подкреплять.

— В нарушение некоторых постановлений,— добавил мистер Тагоми,— правительства Метрополии и его раздутго бюрократического аппарата. Я понял ситуацию. Пожилой джентльмен получает вознаграждение за консультацию, проведенную у нас, не сообщая об этом в свой пенсионный отдел. Следовательно, мы должны держать его посещение в тайне. Им известно только то, что он проходит курс лечения.

— Вы искушены в делах житейских,— пробормотал Бейнес.

Он потер лоб. Пилюля подействовала, что ли? Его стало клонить ко сну.

— Будучи родом из Скандинавии, вы, несомненно, имеете тесный контакт с процветающей Европой. К слову: вы вылетели из Темпельхофа. Там тоже такое отношение? Вот вы нейтрал. Что вы об этом думаете?

— Я не понимаю, о каком отношении идет речь,— сказал мистер Бейнес.

— К старикам, больным, ущербным, умалишенным, лишним людям разного рода. «Какая польза от новорожденного ребенка?»— спросил один из известных англосаксонских философов. Я зафиксировал в памяти это высказывание и много раз задумывался над ним. Сэр, от него нет никакой пользы. В общем смысле.

Мистер Бейнес что-то пробормотал, что можно было бы расценить как проявление уклончивой вежливости.

— Разве не правда,— продолжал Тагоми,— что ни один человек не должен быть орудием в руках другого?

Он подался вперед.

— Пожалуйста, выскажите свое нейтральное мнение уроженца Скандинавии.

— Не знаю,— произнес мистер Бейнес.

— Во время войны я занимал небольшую должность в провинции Китая, в Шанхае. Там, в районе Хуанку было поселение евреев, интернированных императором и его правительством на неопределенный срок. Их жизнь поддерживалась Международным Красным Крестом. Советник консульства нацистов в Шанхае требовал, чтобы мы вырезали евреев. Я запомнил ответ моего начальника. Вот он: «Это не соответствует арийским представлениям о человечности». Требование было отвергнуто, как варварское. Это произвело на меня большое впечатление.

— Понимаю,— пробормотал Бейнес. Он спрашивал себя, куда этот человек пытается его загнать. Он насторожился: все его чувства обострились.

— Евреи,— сказал мистер Тагоми,— всегда трактовались нацистами как азиаты, не принадлежащие к белой расе. Сэр, смысл этих утверждений никогда не терялся из виду высокопоставленными лицами Японии, даже членами Военного кабинета. Я никогда не обсуждал этого вопроса с гражданами Рейха, с которыми встречался.

Мистер Бейнес прервал его:

— Что ж, я не немец и поэтому вряд ли могу говорить за Германию.

Он встал и направился к двери.

— Завтра мы возобновим этот разговор. Извините меня, пожалуйста. Я сейчас соображаю плохо.

На самом деле его мысли стали сейчас совершенно ясными. «Нужно убираться отсюда,— подумал он.— Этот человек слишком далеко меня затянул».

— Простите глупость фанатика,— сказал Тагоми.

Он тоже направился к двери.

— Философские затруднения ослепили меня так, что я перестал замечать, что происходит с ближним. Сюда.

Он позвал кого-то по-японски, и дверь отворилась. Появился молодой японец, слегка поклонился и воззрился на мистера Бейнеса.

«Мой водитель,— подумал Бейнес.— Вероятно, мои донкихотские выходы в полете с этим... как его... Лотце... каким-то образом дошли до японцев через неизвестные мне связи. Жаль, что я разболтался с этим Лотце. Да. Не запоздало ли мое раскаяние? Я вовсе не подхожу для этого, совсем напротив. Ничего общего».

Но потом он подумал, что швед, скорее всего, так бы и разговаривал с Лотце.

«Значит все правильно, ничего не случилось. Я что-то стал слишком осторожен, переносу образ жизни из другой обстановки в эту. Фактически здесь я могу очень вольно высказываться о многом, это факт. И я должен к этому привыкнуть».

И все же его воспитание и привычки восставали против этого. Кровь в венах, кости, все внутренности противились этому.

«Раскрой рот,— говорил он себе,— мели что-нибудь, что угодно, высказывай любое мнение. Ты должен, иначе нечего ждать успеха от операции».

И он сказал:

— Возможно, ими движут какие-то подсознательные внутренние побуждения, вроде тех, о которых говорил Юнг.

Мистер Тагоми кивнул.

— Да, я читал Юнга. И я понимаю вас.

Они пожали друг другу руки.

— Завтра утром я позвоню,— сказал мистер Бейнес.— Спокойной ночи, сэр.

Он поклонился, мистер Тагоми тоже поклонился в ответ.

Молодой улыбающийся японец вышел первым и что-то сказал мистеру Бейнесу, но он не разобрал, что.

— Да?— переспросил Бейнес.

Он снял с вешалки пальто и вышел на крыльцо.

— Он обратился к вам по-шведски, сэр,— объяснил Тагоми.— Он прослушал курс истории Тридцатилетней войны в Токийском университете и был очарован вашим великим героем Густавом II Адольфом.

Мистер Тагоми сочувственно улыбнулся.

— Однако совершенно ясно, что его попытки овладеть столь чуждым лингвистическим языком безнадежны. Без сомнения, он пользовался одним из курсов, записанных на пластинки; он студент, а такие курсы обучения очень популярны среди студентов вследствие своей дешевизны.

Молодой японец, очевидно, не понял ничего по-английски, поклонился и улыбнулся.

— Понимаю.— пробормотал Бейнес.— Что ж, я желаю ему удачи.

«У меня собственные лингвистические проблемы,— подумал он.— Совершенно очевидно».

Боже мой, студент-японец по пути в гостиницу, конечно же, попытается заговорить с ним по-шведски. Бейнес едва понимал этот язык, и то только тогда, когда на нем говорили совершенно правильно, а не так, как будет пытаться говорить молодой японец, проходивший курс обучения с помощью грампластинки.

«Но от меня он так никогда и не сможет ничего добиться,— подумал он.— Хотя все время будет пытаться, так как это его единственный шанс: вероятно, он больше никогда не встретится со шведом».

Мистер Бейнес тяжело вздохнул. Какие же муки предстоят для них обоих!

Глава 6

Ранним утром, наслаждаясь прохладой и ярким солнечным светом, Юлиана ходила по продовольственным магазинам. Она не спеша прогуливалась по тротуару с двумя бумажными коричневыми пакетами, останавливаясь возле каждой витрины и изучая ее содержимое. Торопиться ей было некуда.

А в аптеке ей что-нибудь нужно? Она задумалась. Ее смена в зале дзю-до начнется после полудня, утром у нее масса свободного времени. Устроившись на высоком стуле

перед прилавком, она поставила сумку и принялась листать журналы.

В свежем «Лайфе» была статья, называвшаяся «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». Она с интересом пробежала ее и увидела фотографию немецкой семьи, смотревшей у себя дома телепередачу. В статье говорилось, что теперь изображение из Берлина передается уже в течение четырех часов ежедневно, а когда-нибудь телевизионные станции будут во всех крупных городах Европы. К 1970 году одна такая станция будет построена и в Нью-Йорке.

На другом снимке были изображены инженеры по электронной технике из Рейха в одной из лабораторий Нью-Йорка. Они помогали местному персоналу разрешить возникающие перед ними проблемы. Очень легко было отличить немцев от остальных. У них был присущий только им здоровый, чистый, уверенный, энергичный вид. Американцы же выглядели как обыкновенные люди. Эти могли быть кем угодно.

Было видно, как один из немецких специалистов на что-то указывает, а американцы сосредоточенно пытаются вникнуть, что же именно он имеет в виду. «Похоже, что и зрение у них получше, чем у нас,— решила она,— да и питание получше, чем у нас за последние двадцать лет. Нам когда-то говорили, что они могут видеть такие вещи, которые никто другой видеть не может. Может, витамин «А»? Интересно все же — сидеть дома и видеть весь мир на экране маленькой серой трубки. Если эти наци могут летать туда-сюда между Землей и Марсом, почему бы им не завести у себя телевидение? Думаю, что мне бы больше нравилось смотреть на эти смешные представления, видеть, как на самом деле выглядит Боб Хоуп и Дюран, чем бродить по безжизненному Марсу. Может быть, в этом и вся загвоздка».

Она положила журнал обратно на стеллаж.

У наци совершенно отсутствует чувство юмора, так зачем же им обзаводиться телевидением? Как-никак, а они поубивали почти всех знаменитых комиков. Правда, все они были евреями. По сути они, как она себе представляла, уничтожили почти всю индустрию развлечений. Интересно, как это еще Хоупу сходит с рук то, что он говорит. Разумеется, он работает в Канаде, а там чуть посвободнее. Но ведь Хоуп действительно говорит слишком смело о некоторых вещах. Вроде этой шутки о Геринге, в которой тот покупает Рим и велит перевезти его в свою берлогу в

горах и выстроить там заново, или же о том, что он возрождает христианство, чтобы его любимцы — львы — имели что-нибудь на...

— Вы хотите купить этот журнал, мисс?

Маленький высохший старичок, держащий аптеку, подозрительно обратился и к ней.

Она виновато положила на место номер «Ридерз дайджест», который начала перелистывать.

И снова Юлиана, прогуливаясь по тротуару со своими сумками, размышляла о том, что, возможно, Геринг будет новым фюрером, когда умрет Борман. Он чем-то отличался от остальных. Единственным, благодаря чему Борман выдвинулся на первый план, было раболепие, перед которым не устоял Гитлер, когда стало ясно, что он вот-вот начнет разлагаться, и только те, кто был в его непосредственном окружении, понимали, когда именно это начнется. Старый Геринг в это время был, как всегда, в своем дворце в горах.

Геринг должен был занять место Гитлера, потому что именно его Люфтваффе уничтожили сначала английские локационные станции, а затем покончили с Королевскими военно-воздушными силами. Гитлер вместо этого, скорее всего, приказал бы разбомбить Лондон, так же, как он разбомбил Роттердам.

Но место, скорее всего, достанется Геббельсу. Об этом говорят все. Так же, как и о том, что оно не должно достаться этому жуткому Гейдриху. «Он бы перебил всех нас. Это же настоящий мясник. Кто мне нравится,— подумала она,— так это Бальдур фон Ширах. Он единственный выглядит в какой-то степени нормальным. Но у него нет ни малейшего шанса».

Свернув к старому деревянному дому, где жила, она поднялась по ступенькам на крыльцо.

Когда она отперла дверь квартиры, то увидела Джо Чинаделла там, где оставила, — лежащим на животе посередине кровати, свесив руки. Он все еще спал.

«Нет,— подумала она.— Он же не может оставаться здесь вечно. Его грузовик ушел. Он отпустил его? Очевидно».

Войдя в кухню, она свалила сумки с едой на стол рядом с тарелками от завтрака.

«Но хотел ли он отпустить его?»— спросила она себя. Вот это ее интересовало.

Что за странный человек. Он тратил на нее столько энергии, не отпуская всю ночь, и все же это происхо-

дило так, будто его здесь и не было, будто он не осознавал, что делает. Мысли его были заняты чем-то другим.

Она принялась привычно перекладывать продукты в старый холодильник фирмы «Дженерал электрик» с дверцей наверху, потом взялась за стряпню.

«Может быть, он так часто этим занимается, что уже привык,— решила она,— это стало его второй натурой. Тело совершает движения так же автоматически, как мое, когда я сейчас кладу тарелки в раковину. Он мог бы делать это, даже если удалить три пятых его мозга, как лягушка— на уровне биологии, на уровне голых рефлексов».

— Эй,— позвала она,— просыпайся.

Джо пошевелился на кровати и засопел.

— Ты слышал, что отмочил Боб Хоуп по радио позавчерашним вечером? Он рассказал одну смешную историю о том, как немецкий майор допрашивает каких-то марсиан. Марсиане не могут предъявить документы, удостоверяющие, что их предки были арийцами. Слышал? Поэтому немецкий майор шлет донесение в Берлин, что Марс населен евреями.

Войдя в комнату, где лежал на кровати Джо, она добавила:

— И что они ростом полметра и имеют две головы. Ты знаешь, как это может подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и молча, не мигая, смотрел на нее. Подбородок его почернел от щетины, темные глаза наполнились болью.

Она тоже притихла.

— Что с тобой?— наконец вымолвила она.— Ты боишься?

«Нет,— подумала она,— то Френк боится, а этот — не знаю».

— Старый плут уехал,— сказал Джо, приподнявшись.

— Что же ты собираешься делать?

Она присела на край кровати, вытирая руки посудным полотенцем.

— Я перехвачу его на обратном пути. Он ничего никому не скажет. Он знает, что я сделал бы для него то же самое.

— С тобой уже было так раньше?— спросила она.

Джо не ответил. «Значит, ты знал, что грузовик уходит,— сказала себе Юлиана.— Теперь я знаю это точно».

— А если он выберет другой маршрут?

— Он всегда ездит по шоссе номер пятьдесят и никогда по сороковому. Там у него как-то вышла авария. Несколько лошадей вышли на дорогу, и он в них врезался. В Скалистых горах.

Подобрав со стула одежду, он начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо?— спросила она, когда он задумался, обнаженный.

— Тридцать четыре.

«Тогда,— подумала она,— ты должен был участвовать в войне». Она не видела явных физических дефектов: тело было стройным, ладным, длинноногим. Джо, заметив, как она внимательно изучает его, нахмурился и отвернулся.

— Я что, не могу посмотреть?— спросила она.

Она в самом деле удивилась. Ну почему бы и не посмотреть? Всю ночь она была с ним, а теперь такая стеснительность.

— Мы что — тараканы?— спросила она.— Мы не можем выдержать зрелище друг друга на свету и потому должны забираться в щели?

Раздраженно засопев, он прямо в трусах и носках направился в ванную, потирая подбородок.

«Ведь это мой дом,— размышляла Юлиана.— Я его сюда пустила, а он даже не разрешает посмотреть на себя. Зачем же он тогда хотел остаться?» Она последовала за ним в ванную. Он уже начал набирать горячую воду в чашку для бритья.

На руке она увидела татуировку, синюю букву «К».

— Что это?— спросила она.— Твоя жена? Конни? Корина?

Умываясь, Джо выговорил:

— Каир.

«Что это за экзотическое имя?»— подумала она с завистью, а потом почувствовала, что краснеет.

— Я действительно глупая.

Тридцатилетний итальянец из занятой нацистами части мира... Он участвовал в войне, все верно, но на стороне держав Оси. И он сражался под Каиром: татуировка была связующим звеном меж немцами и итальянцами, ветеранами кампании,— знаком победы над британо-австралийской армией, под командой генерала Готта, которой добился Роммель и его Африканский корпус.

Она вышла из ванной, вернулась в комнату и начала застилать постель. Руки не слушались ее.

Аккуратной стопкой на стуле лежало все имущество

Джо: одежда, небольшой плоский чемодан, личные вещи. Среди них она заметила покрытую бархатом коробочку, похожую на футляр для очков. Взяв в руки, она открыла ее.

«Ты действительно сражался за Каир,— думала она, глядя на Железный крест второй степени с надписью и датой 10 июня 1945 года, выгравированной на планке, к которой крепился крест.— Не все из них получили такую награду, только самые доблестные. Интересно, что же ты совершил такого, ведь тогда тебе было всего семнадцать лет?»

Джо вернулся как раз в то мгновение, когда она вынула орден из обитой бархатом коробочки. Она почувствовала его присутствие и виновато вскочила на ноги, но он, казалось, не сердился на нее.

— Я только посмотрела,— сказала Юлиана.— Прежде я никогда не видела такого ордена. Роммель лично приколот его к твоему мундиру?

— Его вручил мне генерал Вайерлейн. К тому времени Роммеля уже перевели в Англию, чтобы завершить ее разгром.

Голос его был спокоен, рука непроизвольно потянулась к голове, и пальцы, как расческа, воткнулись в шевелюру, как бы расчесывая ее. Юлиана решила, что это хронический нервный шок.

— Расскажешь?— спросила Юлиана, когда он возвратился в ванную и продолжил бритье.

Однако, побрившись и приняв горячий душ, Джо Чинаделла совсем мало рассказал ей, во всяком случае ничего, что было бы похоже на тот рассказ, который ей хотелось услышать.

Два его старших брата участвовали еще в Эфиопской кампании, в то время как он, тринадцатилетний, был в фашистской молодежной организации в Милане, его родном городе. Позже братья служили в знаменитой артиллерийской батарее, которой командовал майор Рикардо Парди, а когда началась вторая мировая война, Джо уже был в состоянии присоединиться к ним.

Они сражались под командованием Грациани. Их техника, особенно танки, была ужасной. Англичане подбивали их, даже старших офицеров, как кроликов. Люки танков во время боя приходилось закрывать мешками с песком, чтобы они случайно не открылись.

Майор Парди подбирал выброшенные артиллерийские снаряды, чистил и смазывал их, а потом стрелял ими. Его

батарея остановила отчаянное наступление генерала Пауэрла в 1943 году.

— А братья живы?— спросила Юлиана.

Братья были убиты в сорок четвертом, задушенные проволокой, которую употребляли английские десантники из специальной бригады, действовавшей за линией фронта, на территории, занятой державами Оси. Они стали особенно фанатичными на последних этапах войны, когда стало ясно, что союзники уже не смогут победить.

— А как ты теперь относишься к британцам?— спросила Юлиана, запинаясь.

— Мне бы хотелось посмотреть, как с ними в Англии поступают — так же, как они поступали в Африке?

Голос его отдавал железом.

— Но ведь это было восемнадцать лет назад,— сказала Юлиана.— Я знаю, что англичане творили особые жестокости, но...

— Говорят о зверствах, которые наци чинили над евреями,— сказал Джо.— Англичане поступали еще хуже. Во время битвы за Лондон.

Он помолчал.

— Эти огнеметы, струи горящего фосфора и нефти. Я видел потом кое-кого из немцев-десантников. Лодка за лодкой сгорали дотла, превращаясь в золу. Эти спрятанные под воду трубы прямо-таки поджигали море. А что они творили с гражданским населением во время массированных налетов бомбардировщиков, с помощью которых Черчилль рассчитывал спасти войну в самый последний момент! Эти ужасные налеты на Гамбург... Эссен...

— Давай не будем говорить об этом,— сказала Юлиана.

Она пошла на кухню и стала готовить ветчину. Она включила маленький белый радиоприемник фирмы «Эмерсон» в пластмассовом корпусе, который Френк подарил ей в день рождения.

— Я сейчас приготовлю что-нибудь поесть.

Она вертела ручку настройки, пытаясь поймать легкую, приятную музыку.

— Подойди ко мне,— позвал Джо.

Он сидел на кровати в комнате, положив свой чемоданчик рядом. Открыв его, он извлек потрепанную, обернутую в газету книгу, на которой отпечатались следы множества читателей. Он улыбнулся Юлиане.

— Вот взгляни. Ты знаешь, что говорит этот человек?

Он показал книгу.

— Сядь.

Он взял ее за руку, притянул к себе и усадил рядом.

— Я хочу тебе почитать. Предположим, что они победили бы. Что бы тогда было? Можешь не задумываться: этот человек все за нас продумал.

Открыв книгу, Джо начал медленно переворачивать страницы.

— Ну хотя бы вот: «Британская империя контролировала бы Европу, все Средиземноморье. Италии не было бы вообще, как и Германии. Бобби и эти смешные солдатики в высоких меховых шапках с королевством до самой Волги».

— А разве это было бы плохо?— спросила тихо Юлиана.

— Ты читала эту книгу?

— Нет,— призналась она, заглядывая на обложку под газетным листом.

Она слышала об этой книге, многие ее читали.

— Но Френк, мой бывший муж, и я — мы часто говорили о том, что было бы, если бы союзники выиграли войну.

Джо казалось не слушал ее. Он смотрел вниз, на экзепляр «Саранчи...».

— А здесь,— продолжал он,— ты можешь узнать, каким образом победила Англия, как она добила державы Оси.

Она покачала головой, чувствуя растущее внутреннее напряжение в человеке, сидевшем рядом с ней. Подбородок его подрагивал, он непрерывно облизывал губы, запуская пальцы в шевелюру. Когда он заговорил, голос его был хриплым.

— У него Италия предала интересы Оси,— сказал Джо.— Италия переметнулась к союзникам, присоединилась к англосаксам и открыла то, что называется «мягким подбрюшьем Европы». Но для писателя естественно так думать. Мы все знаем, что трусливая итальянская армия бежит каждый раз, едва завидит британцев. Дует вино. Умеет только гулять, а не драться. Этот парень...

Джо закрыл книгу и отогнул газету, чтобы взглянуть на обложку.

— Абеденсен. Я не виню его. Он написал эту утопию, вообразил, каким был бы мир, если бы державы Оси потерпели поражение. А как же еще они могли бы проиграть? Только благодаря предательству Италии.

Он заскрежетал зубами.

— Дуче — он был клоуном, мы все это знали.

— Нужно перевернуть бекон.

Она ускользнула на кухню.

Идя за ней с книжкой в руке, Джо продолжал:

— И США тоже выступили после того, как поколотили япошек. А после войны США и Англия разделили мир между собой точно так же, как это теперь сделали Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия,— поправила Юлиана.

Он взглянул на нее.

— Ты пропустил Италию.

Она спокойно встретила его взгляд.

«Маленькая империя на Ближнем Востоке, опереточный Новый Рим»,— подумала она.

Он с аппетитом стал есть поданный ему на деревянной дощечке бекон с яичницей, поджаренные ломтики хлеба, кофе и мармелад.

— А чем тебя кормили в Северной Африке?— спросила она, усаживаясь за стол.

— Дохлой ослиатиной,— ответил он.

— Но ведь это противно.

Криво усмехнувшись, Джо сказал:

— «Азимо Морте». Консервы из говядины с напечатанными на банке инициалами А. М. Немцы называли их «Альтер Манн». Старик.

Он вернулся к еде.

«Хотелось бы мне прочесть эту книгу,— подумала она, вытаскивая том из-под локтя Джо.— Долго ли он пробудет со мной? На книжке много жирных пятен, страницы порваны, всюду отпечатки пальцев. Водители грузовиков читали ее на долгих стоянках, в закусочных, вечерами. Держу пари, что он читает медленно. Могу поспорить, что он дотошно перечитывал ее несколько недель, если не месяцев...»

Наобум открыв книгу, она прочла:

«Теперь, в старости, он успокоенно взирал на свои владения, которых так жаждали, но не могли достичь древние: корабли из Крыма и Мадрида, и по всей империи одни и те же деньги, один язык, одно знамя. Старый великий Юнион Джек развеивался от восхода до заката солнца. Наконец это свершилось, все, что касалось солнца, и все, что касалось флага».

— Единственная книга, которую я таскаю с собой,— сказала Юлиана,— фактически даже не является книгой. Это Оракул, «Книга перемен». Меня приучил к ней Френк, и я всегда пользуюсь ею, когда нужно что-то решить. Я никогда не теряю ее из виду. Никогда.

Она открыла книжку.

— Хочешь взглянуть на Оракула, спросить у него совета?

— Нет,— ответил Джо.

Облокотившись о стол и упершись подбородком в кисти рук, она спросила:

— Ты, может быть, совсем переседешь сюда или у тебя есть еще что-то, что тебя держит?

«Будут персуды, сплетни,— подумала она.— Ты поражаешь меня своей ненавистью к жизни, но в тебе что-то есть. Ты похож на маленькое животное, не слишком важное, но ловкое». Глядя на его резко очерченное, узкое, смуглое лицо, она подумала: «И как это я вообразила, что ты моложе меня? Но и тут есть правда — ты инфантилен, ты еще братишка, боготворящий своих старших братьев, майора Парди, генерала Роммеля, братишка, который все еще из всех сил бьется над тем, чтобы удрать из дому и добить этих томми. Да и правда ли, что они придушили твоих братьев проволоочной петлей? Мы, конечно, слышали об этом, все эти рассказы о зверствах, мы видели снимки, опубликованные после войны». Она содрогнулась. Но британские парашютисты давным-давно преданы суду и понесли наказание.

Радио прекратило трансляцию музыки: похоже на то, что будут передавать последние известия, и, судя по количеству помех,— из Европы. Голос диктора захрипел и смолк.

Последовала длительная пауза, просто тишина. Затем раздался голос диктора из Денвера — очень четкий, казалось, что он звучит почти рядом. Юлиана протянула руку, чтобы приглушить звук, но Джо остановил ее.

— Известие о смерти канцлера Бормана, подтвержденное недавно, ошеломило и потрясло Германию, так же как и вчерашнее сообщение о том...

Они вскочили на ноги.

— Все радиостанции Рейха отменили назначенные прежде передачи, и слушатели внимают торжественным мелодиям, исполняемым хором дивизии «Рейх», звукам партийного гимна «Хорст Вессель». Позже, в Дрездене, где работает партийный секретариат и руководство СС, а также национальная служба безопасности, сменяющая гестапо...

— Ресорганизация правительства по инициативе бывшего рейхсфюрера Гиммлера, Альберта Шпеера и других... Была объявлена двухнедельная траурная национальная церемония, и уже, как сообщают, закрылись многие магазины и предприятия. До сих пор не поступало сведений об ожидаемой сессии Рейхстага, этого официального парламента Третьего Рейха, чье одобрение требуется для...

— Канцлером будет Гейдрих,— сказал Джо.

— А мне бы хотелось, чтобы им стал этот высокий блондин, Ширах.— Господи, наконец-то он умер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет,— кратко ответил Джо.

— А может быть, там теперь начнется гражданская война,— предположила она.— Но эти парни, все эти старые ребята из партии — Геринг и Геббельс,— они ведь уже старики.

Из радио неслось:

— ...достигло его приюта в Альпах близ Бреннера...

— Это о толстяке Германе.

— ...просто сказал, что он потрясен потерей не только солдата, патриота и преданного партийного вождя, но и, как он уже неоднократно заверял в этом, своего личного друга, которого, как все помнят, он поддерживал во времена безвластия, вскоре после окончания войны, когда выяснилось, что элементы, препятствующие восхождению герра Бормана к верховной власти...

Юлиана выключила радио.

— Они просто переливают из пустого в порожнее,— сказала Юлиана.— Зачем им словесный мусор? Эти мерзкие убийцы разглагольствуют так, будто они ничем не отличаются от обычных людей.

— Они такие же, как мы,— сказал Джо.— Из того, что они совершили, нет ничего такого, чего бы не сделали мы, будь на их месте. Они спасли мир от коммунистов. Если бы не Германия, нами всеми сейчас правили бы красные, и всем нам было бы намного хуже.

— Ты говоришь как радио.

— Я жил под властью наци,— сказал Джо,— и знаю, что это такое. Это совсем не пустая болтовня, когда проживешь там двенадцать—тринадцать лет, даже больше — пятнадцать лет! Я получил трудовую книжку от организации Тодта. Я работал в этой организации с 1947 года сначала в Северной Африке, а затем в США. Послушай...

Он ткнул в нее пальцем.

— У меня чисто итальянский талант к различным строительным специальностям. Доктор Тодт очень высоко ценил меня. Я не разгребал лопатой асфальт и не месил бетон для автотрасс: я помогал проектировать их, выполняя работу инженера. Однажды ко мне подошел доктор Тодт и проверил, как работает наша бригада. Он сказал мне: «У тебя хорошие руки». Это было великим моментом в моей жизни, Юлиана. Гордость за свой труд! Они не

просто говорят слова. До них, до наци, все смотрели на физическую работу сверху вниз, и я не был исключением. Трудовой фронт положил конец такому отношению. Я впервые совсем иначе взглянул на свои собственные руки.

Он говорил очень быстро, и акцент чувствовался гораздо сильнее. Ей даже было трудно разобрать, о чем он говорил.

— Мы жили тогда в лесистой местности, в северной части Нью-Йорка, жили как братья: распевали песни, строем шли на работу. В нас жил воинский дух, но направленный на восстановление, а не на разрушение. Это были самые лучшие дни — восстановление после войны: аккуратные, бесконечные ряды общественных зданий, квартал за кварталом совершенно новая часть Нью-Йорка и Балтимора. Теперь-то эта работа уже в прошлом. Крупные картели, такие, как «Нью-Джерси Крупп и сыновья», завладели сценой. Но это не наци, это прежние европейские воротилы. Слышишь? Нацисты, подобные Роммелю или Тодту, в миллион раз лучше, чем промышленники, такие, как Крупп, и банкиры, все эти пруссаки. Их всех следовало бы загнать в душегубки. Всех этих фраеров в жилетках.

«Но,— подумала Юлиана,— теперь уже эти джентльмены в жилетках закрепились навечно, а вот твои кумиры, Роммель и доктор Тодт, они вышли на сцену сразу же после прекращения военных действий для того, чтобы расчистить развалины, построить автострады, запустить промышленность. Они даже позволили жить евреям, что было удивительно, но это была приманка, чтобы привлечь их к работе. Пока не наступил сорок девятый год... и тогда, гуд бай, Тодт и Роммель, на заслуженный отдых. Разве я не знаю всего этого, разве я не слышала всего этого от Френка? Ты ничего не можешь рассказать мне о жизни под властью наци: мой муж был и есть еврей. Я знаю, что доктор Тодт был скромнейшим и добрейшим из всех когда-либо живших людей. Мне известно, что все, что он хотел сделать, это обеспечить работой, честной, достойной уважения работой миллионы отчаявшихся американцев с потускневшим взором, мужчин и женщин, копошившихся после войны в развалинах. Я знаю, что он хотел увидеть приличное медицинское обслуживание, курорты, где можно было бы провести свой отпуск, и приличное жилище для всех, независимо от расы. Он был строитель, а не мыслитель, и в большинстве случаев ему удалось создать то, что он хотел, он фактически добился этого. Но...»

Какая-то беспокоившая ее мысль, раньше бывшая где-то в глубине сознания, теперь поднялась на поверхность.

— Джо, эта книга, «Саранча...», разве она не запрещена на восточном побережье?

Он кивнул.

— Так как же ты умудрился ее прочитать?

Что-то именно по этому поводу беспокоило ее.

— Они ведь до сих пор расстреливают людей за то, что они читают...

— Все зависит от социальной группы, от доброй армейской нарукавной повязки.

Значит, так оно и есть. Славяне, пуэрториканцы и всякие поляки ограничиваются в том, что им можно читать, делать, слушать. Положение англосаксов было намного лучше. Для их детей существовала даже система народного образования, они могли посещать библиотеки, музеи, концерты.

Но даже для них... «Саранча...» была не просто редкой книгой, она была запрещена — и для всех в равной степени.

— Я читал в уборной, прятал под подушкой. Да, я читал ее, потому что она запрещена.

— Ты очень смелый, — сказала она.

— Да? — отозвался он. — Ты, похоже, подтруниваешь надо мной.

— Нет.

Он чуть расслабился.

— Вам здесь, ребята, легко. У вас безопасная, бесцельная жизнь, вам нечего совершать, не о чем беспокоиться. Вы вдали от основного потока событий, вы — осколки былого, верно?

Он насмешливо посмотрел на нее.

— Ты сам убиваешь себя своим цинизмом. У тебя одного за другим забирали твоих идолов, и теперь у тебя нет ничего, чему бы ты мог посвятить свою любовь, — сказала она, протянув ему вилку.

«Ешь, — подумала она, — а то и от биологических процессов откажись».

— Этот Абеденсен живет где-то здесь, неподалеку, судя по надписи на обложке, в Майенне, — сказал Джо, кивнув на книгу. — Обозревает мир из такого безобидного места, что никому и в голову не придет. Прочти-ка о нем вслух.

Юлиана прочитала текст на задней стороне обложки.

— Он — демобилизованный солдат, служил сержантом в морской пехоте США во время второй мировой войны, ранен в Англии в бою с фашистским танком «тигр». Здесь говорится, что место, где он писал роман, он превратил, по существу, в крепость, расставив повсюду винтовки.

Она отложила книгу и добавила:

— И хоть здесь об этом и не говорится, я слышала, как кто-то рассказывал, что он почти параноик: свой дом он окружил колючей проволокой под напряжением, а ведь это где-то в горах. Подобраться к нему трудно.

— Возможно, он и прав, что стал жить так, написав эту книгу. Немецкие шишки от злости прыгали до потолка, прочтя ее.

— Он и прежде вел такую жизнь. Книга была написана там. Это место называется...

Она взглянула на обложку.

— «Высокий замок». Вот как он его называет.

— Очевидно, им до него не добраться. Он настороже и весьма предусмотрителен.

— Я уверена, — сказала Юлиана, — что для того, чтобы написать эту книгу, требовалось немало смелости. Если бы державы Оси проиграли войну, то мы могли бы говорить и писать все, что заблагорассудится, как это было когда-то. Мы бы снова были единой страной, и у нас была бы справедливая законная система, единая для всех.

К ее удивлению, он согласно кивнул.

— Не понимаю я тебя. Во что ты веришь? Чего ты хочешь? То ты защищаешь этих чудовищ, этих уродов, истребляющих евреев, а потом вдруг...

Она в отчаянии вцепилась ему в уши.

От удивления и боли он заморгал, когда она, поднявшись со стула, стала тащить его за голову вверх, к своему лицу.

Тяжело дыша, они смотрели друг на друга, не в силах заговорить. Первым нарушил молчание Джо.

— Дай мне доесть то, что ты мне приготовила.

— Ты не хочешь говорить? Ты не желаешь со мной разговаривать? Ты прекрасно понимаешь, о чем я веду речь, ты это понимаешь, а продолжаешь жрать, притворяешься, что не имеешь ни малейшего понятия, о чем разговор.

Она отпустила уши, выкрутив их до такой степени, что они стали пунцово-красными.

— Это пустой разговор, — возразил Джо. — Он не имеет никакого смысла. Вроде того, что болтают по радио. Ты знаешь, как когда-то коричневорубашечники называли тех, кто плетет философские премудрости? Их называли яйцеголовыми из-за большого выпуклого черепа, который так легко разбить в уличной драке.

— Если это относится и ко мне, — сказала Юлиана, — почему же ты не уходишь? Для чего ты остался вообще?

Его загадочная гримаса остудила ее пыл.

«Жаль, что я позволила ему пойти со мной, — подума-

ла она.— Сейчас уже слишком поздно. Теперь мне не избавиться от него, слишком уж он сильный. Происходит что-то ужасное, исходящее от него, и я, пожалуй, ему помогаю в этом».

— Так в чем же дело?

Он протянул руку, ласково потрепал ее по подбородку, погладил шею, сунул пальцы под рубашку и нежно прижал ее плечи к своей груди.

— Настроение. Твои проблемы меня сковывают.

— Тебя когда-нибудь назовут европейским психоаналитиком.

Она кисло улыбнулась.

— Тебе что — хочется закончить жизнь в печи?

— А ты боишься мужчин?

— Не знаю.

— Могла бы предупредить ночью. Только потому что я...

Он запнулся, строя фразу.

— Потому что я специально позаботился о том, чтобы заметить твоё желание.

— Потому что ты валялся в постели с очень многими девками, — выпалила Юлиана. — Вот что ты хочешь сказать.

— Но я знаю, что прав. Послушай, я никогда не причиню тебе вреда, Юлиана, даю тебе слово, клянусь памятью матери. Я буду особенно нежным к тебе, и если тебе захочется воспользоваться моим опытом, я готов всегда тебе услужить. Все твои страхи пройдут. Я смогу уничтожить твои тревоги и поднять настроение, хотя и ненадолго. А раньше тебе просто везло.

Она кивнула, несколько приободрившись.

Но холод и тоска все еще не отпускали ее, и она не понимала, откуда они взялись.

Прежде чем начать трудовой день, мистер Нобусуке Тагоми улучил момент, когда остался один. Он сидел в своем кабинете в «Ниппон Таймс Билдинг» и размышлял.

Когда он собирался отправиться в контору, пришло сообщение Ито о мистере Бейнесе. У молодого аспиранта не было и тени сомнения, что мистер Бейнес не швед. По всей вероятности, мистер Бейнес — немец.

Но способности Ито к языкам германской группы никогда не производили впечатления ни на Торговое Представительство, ни на Токкоку — японскую тайную полицию.

«Может быть, этот дурак не разнюхал ничего стояще-

го,— подумал мистер Тагоми.— Неуклюжий энтузиазм, совмещенный с романтическими доктринами. Излишняя подозрительность».

В любом случае вскоре начнется совещание с мистером Бейнесом и пожилым человеком с Родных Островов, и это произойдет независимо от национальности мистера Тагоми. К тому же этот человек понравился мистеру Тагоми. Это предположительно и является главным талантом, решил он, людей, расположенных высоко. Таких, как он сам. Сразу же распознаешь при встрече хорошего человека.

Интуиция по отношению к людям. Отбросить все церемонии и внешние проявления, проникнуть в самую суть. «Мне он нравится,— сказал себе мистер Тагоми,— немец он или швед. Надеюсь, что заракаин помог ему от головной боли. Прежде всего нужно не забыть справиться об этом».

На столе зажужжал интерком.

— Нет,— сказал он резко в микрофон,— никаких обсуждений. Это момент постижения внутренне присущей истины.

Из крохотного динамика послышался голос мистера Рамсея:

— Сэр, только что сообщили из пресс-службы внизу. Рейхсканцлер мертв. Мартин Борман.

Наступила тишина.

«Отменить все дела на сегодня.— Мистер Тагоми поднялся из-за стола и начал быстро рассказывать по кабинету, сложив на груди руки.— Будем разбираться. Сразу же нужно отправить официальное послание рейхсконсулу. Это мелочь, можно оставить подчиненным. Глубокая скорбь и тому подобное. Вся Япония вместе с немецким народом... Зачем? Нужно быть особенно внимательным, чтобы незамедлительно принимать сообщения из Токио».

Нажав кнопку интеркома, он сказал:

— Мистер Рамсей, удостоверьтесь в надежности связи с Токио. Скажите девушкам-телефонисткам, чтобы были на чеку. Мы не должны потерять связь.

— Есть, сэр,— ответил тот.

— Я буду все время у себя. Отложите все дела. Отваживайте всех, кто звонит по обычным делам.

— Сэр?

— У меня должны быть свободными руки на случай, если понадобится вдруг мое вмешательство.

— Да, сэр.

Через полчаса, в девять, пришла телефонограмма от самого высокопоставленного представителя Имперского

правительства на западном побережье, от посла Японии в ТША distinguished барона Л. Б. Калемакуле. Министерство иностранных дел созывало чрезвычайную сессию в здании посольства на Зуттер-стрит. И каждое из Торговых Представительств должно послать самое ответственное лицо на эту сессию. В данном случае это означало, что посетить сессию должен мистер Тагоми лично.

Времени на переодевание не было. Мистер Тагоми поспешил к экспресс-лифту, спустился на первый этаж и через мгновение был уже в пути, сидя в лимузине Представительства, черном «кадиллаке» выпуска 1940 года, который вел опытный шофер-китаец, одетый в специальную форму.

Возле здания посольства стояло не менее дюжины машин других сановников. Высокопоставленные знаменитости — со многими он был знаком, некоторые были ему совершенно не известны — поднимались по широким ступенькам в здание посольства, заполняя его вестибюль. Шофер мистера Тагоми распахнул перед ним дверцу, и он быстро вышел из машины, сжимая ручку портфеля, который был, конечно, пустым, потому что никаких бумаг приносить сюда было не нужно, но играл существенную роль; чтобы не сложилось впечатление, будто мистер Тагоми просто наблюдатель. Большими спокойными шагами он поднялся по ступеням. Весь его вид говорил о значимости происходящего, хотя ему даже не удосужились сообщить, о чем будет идти речь.

Влиятельные лица собирались группками, в вестибюле стоял размеренный ропот переговаривающихся. Тагоми присоединился к группе знакомых ему людей, то и дело кивая и стараясь при этом выглядеть, как и все остальные, очень торжественно.

Появился служащий посольства и проводил их в большой зал, где стояли кресла с откидными сиденьями. Все вошли и молча расселись по местам. Разговоры прекратились, было слышно только покашливание и сморкание.

К столу на небольшом возвышении подошел джентльмен с небольшой пачкой бумаг. Полосатые брюки — представитель министерства иностранных дел.

Пронесся легкий шумок, и все сихло.

— Господа, — произнес он зычным, командирским голосом.

Все глаза устремились на него.

— Как вам известно, получено подтверждение, что рейхсканцлер умер. Официальное заявление Берлина. Эта встреча, которая не затянется — вы скоро сможете вер-

нуты в свои учреждения, — имеет целью проинформировать вас о нашей оценке положения нескольких соперничающих фракций в политике Германии, которые к настоящему моменту могут выйти на авансцену и вступить в ничем не сдерживаемый спор за место, освобожденное герром Борманом. Коротко о самых значительных. Прежде всего Герман Геринг, «живой боров», как его называют за его размеры, когда-то храбрый воздушный ас времен первой мировой войны, основатель гестапо. Он занимал пост, наделенный обширной властью в послевоенном правительстве Пруссии. Один из самых безжалостных первых нацистов, хотя впоследствии чувственные излишества привели к возникновению ложной, вводящей в заблуждение картины этакого добродушного любителя вин и искусства. Наше правительство настоятельно рекомендует вам отбросить подобные представления. Несмотря на то, что, как говорят, у этого человека нездоровые аппетиты, он больше всего похож на самопрославляющих древнеримских императоров, чья тяга к власти с возрастом не уменьшалась, а даже увеличивалась. Без сомнения, точнее было бы представить этого типа в тоге, окруженного любимыми львами, владельца гигантского замка, набитого награбленными трофеями и произведениями искусства. Тяжело груженные поезда с ценностями направлялись в его личные поместья в первую очередь, не пропуская даже в военное время поезда с военными грузами. Наша оценка: этот человек жаждет неограниченной власти и способен добиться ее. Из всех нацистов он больше всех потворствует своим слабостям и в этом отношении резко контрастирует с поздним Гиммлером, который жил в нужде на сравнительно невысоком жалованье. Герр Геринг — представитель людей с извращенным складом ума, использующий власть как средство приобретения излишних благ и богатства. У него примитивный интеллект, даже вульгарный, но тем не менее это весьма разумный человек, пожалуй, даже самый умный среди всех нацистских главарей. Предмет его вожделений — самовозвеличивание в стиле древнеримских императоров.

Следующий — герр Геббельс. В детстве он перенес полиомиелит, происходит из католической семьи, блестящий оратор, писатель, космополитический характер, изысканные манеры, очень активен с дамами, элегантен, образован, недюжинные способности, очень много работает: почти бешеное увлечение администрированием. Говорят, что он никогда не отдыхает. Весьма уважаемая особа. Может быть очарователен, но, говорят, имеет неистовый характер, не имею-

щий равных среди других наци. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитское средневековое мировоззрение, обостренное позднеромантическим немецким нигилизмом. Считается единственным настоящим интеллектуальным человеком фашистской партии. В молодости мечтал стать драматургом. Друзей немного, но пользуется любовью подчиненных. Тем не менее в высшей степени отшлифованный продукт многих лучших элементов европейской культуры. В основе его честолюбия лежит не самовосхваление, а власть ради самой власти. Организаторские способности в классическом смысле прусского государства.

Герр Р. Гейдрих. Гораздо моложе всех вышеперечисленных, принимал участие еще в перевороте 1932 года. Карьерист из элиты СС. Будучи подчиненным Гиммлера, возможно, сыграл определенную роль еще в не до конца объяснимой смерти Гиммлера в 1948 году. Официально устранил других соперников из полицейского аппарата, таких, как Эйхман, Шелленберг и другие. Говорят, что многие члены национал-социалистской партии боятся этого человека. Ответственный за надзор над вермахтом после прекращения военных действий и известной стычки между полицией и армией, что привело к реорганизации правительства, когда власть партийного аппарата еще больше возросла. Поддерживал Мартина Бормана. Продукт исключительного воспитания, которое предшествовало так называемой замкнутой системе. Говорят, что в традиционном смысле его характер лишен эмоциональности. Его побуждения составляют тайну. Вероятно, можно было бы сказать, что ему видится общество, в котором борьба между людьми сводится к последовательности игр. В некоторых технократических кругах находят, что ему присуща особая квазинаучная отрешенность. В идеологических дискуссиях участия не принимает. Вывод: является типичным для времени, последовавшего за веком просвещения; свободен от так называемых неизбежных иллюзий, как-то: вера в Бога и тому подобное. Значение термина «так называемый реалистический склад ума» так и не было понято нашими учеными-социологами в Токио, поэтому этот человек должен расцениваться знаком вопроса. Тем не менее следует взять на заметку распад эмоциональности, присущий патологической шизофрении.

Бальдур фон Ширах, бывший руководитель гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Привлекательная внешность. Особенно опытным или компетентным его не считают. Искренне предан целям нацистской партии. В заслугу ему вменяется осушение Средиземного моря и мелио-

рация огромных площадей с целью создания сельскохозяйственных угодий. Принял некоторые меры для смягчения ужасов политики расового искоренения на захваченной территории славянских народов в начале пятидесятых. Апеллировал непосредственно к населению Германии, чтобы остатки славян могли существовать в закрытых районах-резервациях как на территории метрополии, так и на окраинах, призывал к прекращению определенных форм убийства «из сострадания» и медицинских экспериментов, но потерпел неудачу.

Доктор Зейсс-Инкварт, нынешний управляющий колониальными владениями Рейха, отвечающий за политику по отношению к окраинам. Наверное, его больше, чем других, ненавидят на территории Рейха. Говорят, что он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер по отношению к покоренным народам. Вместе с Розенбергом разрабатывал идеологическое обоснование таких всеобъемлющих и чудовищных акций, как попытки стерилизации всего русского населения после прекращения военных действий. О реализации этого проекта нет достоверных сведений, однако он считается одним из нескольких, особо ратовавших за уничтожение всей природы Африканского континента, что создало бы условия для массового исчезновения негритянского населения. Вероятно, по темпераменту он ближе всех к первому фюреру — Адольфу Гитлеру.

Представитель Министерства иностранных дел закончил свою сухую, неторопливую информацию.

Мистер Тагоми подумал: «Похоже, я схожу с ума. Мне нужно как-то отсюда уйти, у меня начинается приступ. Тело больше не может вмещать все это, оно начинает отторгать чуждое ему, я умираю».

Он с трудом поднялся на ноги и начал протискиваться к выходу через стулья и людей, почти ничего не видя.

Скорее в туалет. Он побежал по проходу между рядами.

Несколько голов повернулось в его сторону. Его увидели. Какое унижение — обморок во время столь важной встречи.

Дайте пройти! Он выбежал в дверь, которую перед ним открыл служащий посольства.

И сейчас же улеглась паника. Окружающее перестало плыть перед его глазами, снова стали различимы предметы — пол, стены.

Приступ головокружения. Функциональное расстройство среднего уха, вне всякого сомнения.

«Какое-то ограниченное, кратковременное расстройство», — подумал он.

Нужно прийти в себя, восстановить с внешним миром связь, вспомнить, как он устроен.

За что ухватиться? За религию? За...

Служащий посольства подхватил его локоть.

— Сэр, вам помочь?

— Спасибо, мне уже лучше.

Лицо служащего было спокойным и внимательным, ни тени насмешки. «Возможно, что все они будут смеяться надо мной где-то в глубине души»,— подумал мистер Тагоми.

«Я не могу поверить в это. Я не могу выдержать этого. Разве то, что я сделал, грешно?» Прислушиваясь к шуму движения на Зуттер-стрит, он подумал о кулуарных разговорах, о представителе МИДа, выступавшем перед элитой Сан-Франциско. «Вся наша религия неверна. Но что же мне делать?»— спрашивал он себя. Он прошел к главному входу в посольство. Какой-то служащий открыл дверь, и мистер Тагоми спустился по ступенькам к стоянке автомобилей. Шофер его машины стоял вместе с несколькими другими шоферами.

«Это неотъемлемая часть нашего мира, проникающая в наши тела, даже в камни, на которых мы стоим. Все вокруг пропитано злом. Почему? Мы, как слепые кроты, роемся в земле, осязая ее своим рылом. Мы ничего не знаем. Я постиг это теперь, когда не знаю, куда же мне идти. Остается только вопить от страха, бежать без оглядки. От кого ждать сострадания? Смейтесь надо мной!— подумал он.— Нет, нужно возвращаться в контору».

— «Ниппон Таймс Билдинг»!— приказал он шоферу.— Помедленнее.

Из окна машины он смотрел на город, автомобили, магазины, высокие здания, многие из которых были очень современны. Люди. И все эти мужчины и женщины спешат куда-то по своим глубоко личным делам.

Когда он добрался до своего кабинета, то поручил мистеру Рамсею связаться с другим Торговым Представительством, занимавшимся рудными ископаемыми, и попросить, чтобы их представитель на встрече в посольстве связался с мистером Тагоми, как только вернется.

Звонок раздался незадолго до полудня.

— Вы, наверное, заметили мое недомогание во время встречи,— сказал мистер Тагоми в трубку.— Оно было, несомненно, замечено всеми, особенно мой поспешный уход.

— Я ничего не заметил,— ответил глава Представи-

тельства по импорту руды в Японию.— Вот только после инструктажа я не увидел вас и заинтересовался, что с вами произошло.

— Я высоко ценю вашу деликатность,— невыразительно произнес мистер Тагоми.

— Совсем нет. Я уверен, что все были настолько поглощены лекцией Министерства иностранных дел, что вряд ли были в состоянии отвлечься на что-либо другое. Что же касается того, что произошло после вашего ухода... Вы присутствовали при изложении кратких характеристик претендентов на власть? Сначала говорилось об этом.

— Я дослушал до того момента, когда пошла речь о Зейсс-Инкварте.

— После этого докладчик пространно говорил об экономическом положении Рейха. Правительство Родных Островов придерживается точки зрения, согласно которой замыслы Германии низвести население Европы и Средней Азии до положения рабов плюс истребление всех интеллигуалов, буржуазных элементов, патриотической молодежи и много другого обернется экономической катастрофой. До сих пор нацистов спасали только внушительные достижения германской науки и промышленности. Чудесное оружие, так сказать...

— Да.

Мистер Тагоми сел в кресло, держа трубку в руке.

— Так же как и их удивительные ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2 и реактивные истребители военного времени.

— Все, что они делают, это всего лишь ловкость рук,— сказал эксперт по рудам.— Главным образом их экономика держится на использовании атомной энергии и на том, что внимание широких кругов общественности систематически отвлекается, ну хотя бы запуском ракет на Марс и Венеру. Так сказал докладчик.

— Значение всех этих факторов сильно преувеличено нацистами,— заметил мистер Тагоми.

— Прогноз докладчика был очень мрачен. Он сказал, что возникло ощущение, будто большинство высокопоставленных нацистов отказывается открыто смотреть в лицо фактическому застою в экономике. Поступая так, они еще больше развивают тенденцию к еще более рискованным и грандиозным авантюрам, к меньшей предсказуемости, к меньшей стабильности экономики в целом. Сначала цикл фанатического энтузиазма, затем страх, затем решения партии и жесты отчаяния — и все опять идет по кругу. Все это, как он указал, ведет к тому, что власть могут захва-

тить в крайней степени безответственные и безрассудные претенденты.

Мистер Тагоми кивнул невидимому собеседнику.

— Значит, мы должны предполагать скорее худшее, чем благоприятное. В этой нынешней схватке и трезвые, и ответственные потерпят поражение.

— А кто же, по его мнению, является наихудшим?— спросил мистер Тагоми.

— Гейдрих. Доктор Зейсс-Инкварт. Герман Геринг. Однако об этом он высказался недостаточно подробно.

— Что еще?

— Он сказал, что мы должны крепить веру в императора и правительство в этот час более, чем всегда... Что мы должны с доверием взирать на своих руководителей.

— Была минута скорбного молчания?

— Да.

Мистер Тагоми поблагодарил собеседника и положил трубку.

Он пил чай, когда зажужжал интерком.

— Сэр, вы хотели отправить соблезнование германскому консулу,— раздался голос мисс Эфрикян.— Вы изволите продиктовать мне его сейчас?

Только теперь мистер Тагоми осознал, что забыл об этом, и пригласил секретаршу в кабинет.

Она сейчас же вошла, обнадеживающе улыбаясь.

— Вам уже лучше, сэр?

— Да. Инъекция витаминов помогла.

Она на несколько секунд задумалась.

— Напомните мне, как фамилия германского консула?

— Фрейер Гуго Рейсс.

— Майн герр,— начал мистер Тагоми.— До нас дошла ужасная весть о том, что ваш вождь, герр Мартин Борман, пал в борьбе со смертью. Слезы душат меня, когда я пишу эти строки. Когда я вспоминаю о героических деяниях, совершенных герром Борманом по обеспечению спасения народов Германии от врагов, как внутренних, так и внешних, а также о потрясающих душу твердых мерах, направленных против малодушных и предателей, желавших лишить человечество перспективы покорения космоса, куда устремились светловолосые, голубоглазые представители нордических рас в своей неумной...

Он остановился, продолжать можно было до бесконечности, и понял, что уже не сможет закончить предложение. Мисс Эфрикян выключила диктофон, вся преисполнившись ожидания.

— Сейчас великие времена,— сказал он ей.

— Мне записать это, сэр? Это войдет в послание?

В нерешительности она снова включила аппарат.

— Это я вам сказал,— произнес мистер Тагоми.

Она улыбнулась.

— Прокрутите-ка то, что я сказал.

Завертелись бобины, затем он услышал свой голос, тонкий, металлический, исходящий из громкоговорителя диаметром в два дюйма.

— ...совершенных... по спасению...

«Как будто какое-то насекомое скреблось и билось внутри аппарата», подумал он.

— А вот и заключительная фраза,— сказал он, когда лента остановилась.— Решимости бороться и принести себя в жертву и тем самым обеспечить такое место в истории, из которого никакая форма жизни не сможет их изгнать, что бы ни случилось с миром. Все мы насекомые,— помолчав, сказал он мисс Эфрикян.— Слепо рвемся к чему-то ужасному и божественному. Вы согласны?

Он поклонился. Мисс Эфрикян, не отрываясь от диктофона, слегка поклонилась в ответ.

— Отправьте это. Подпишите и тому подобное. Подрабатывайте предложения по своему усмотрению, так, чтобы они приобрели хоть какой-нибудь смысл.

Когда она выходила из кабинета, он добавил:

— Или так, чтобы они ничего не значили вообще. Любой вариант, какой вы сами сочтете предпочтительным.

Открывая дверь кабинета, она с любопытством взглянула на него.

Когда она ушла, он принялся за обычные повседневные дела. Но почти тут же мистер Рамсей предупредил его по интеркому:

— Сэр, звонит мистер Бейнес.

«Хорошо,— подумал мистер Тагоми.— Теперь мы сможем начать важный разговор».

— Соедините меня с ним.

— Мистер Тагоми,— послышался голос мистера Бейнеса.

— Добрый день. Из-за смерти канцлера Бормана я был вынужден неожиданно покинуть свой кабинет утром. Тем не менее...

— Мистер Ятабе еще не связался с вами?

— Пока еще нет,— ответил мистер Тагоми.

— Вы предупредили свой персонал, чтобы они его не упустили?— спросил мистер Бейнес.

Он казался взволнованным.

— Да,— сказал мистер Тагоми.— Мои люди сейчас же проводят его прямо ко мне, как только он прибудет.

Он тут же сделал пометку на календаре: сказать об этом мистру Рамсею. До сих пор он не вспомнил об этом. Похоже, переговоры не начнутся, пока не прибудет пожилой джентльмен.

Это повергло его в уныние.

— Сэр, мне не терпится начать. Вы представите свои приспособления для прессования пластмасс? Хотя у нас такая неразбериха...

— Ситуация изменилась,— сказал мистер Бейнес.— Мы подождем мистера Ятабе. Вы уверены в том, что он еще не прибыл? Я хочу, чтобы вы обещали мне, что я получу известие о его прибытии немедленно, после того как он созвонится с вами. Пожалуйста, постарайтесь, мистер Тагоми.

Голос мистера Бейнеса звучал напряженно и отрывисто.

— Я даю вам слово.

Теперь он ощутил беспокойство.

Смерть Бормана — вот что обусловило изменение обстановки.

— А тем временем,— быстро проговорил он,— я бы с удовольствием отобедал в вашем обществе, ну хотя бы сегодня. Мне еще не удалось перекусить.

Импровизируя, он решил вернуться к делам.

— Хотя мы и подождем конкретных переговоров, возможно, мы могли бы поговорить об общих условиях, в частности о...

— Нет,— отрезал мистер Бейнес.

«Нет?» Мистер Тагоми недоумевал, он еще сильнее сжал свою трубку.

— Я не совсем здоров сегодня, сэр. Со мной случилось одно прискорбное происшествие. Я так надеялся поделиться с вами своими заботами.

— Извините,— сказал мистер Бейнес,— я позвоню вам позже.

Раздался сигнал отбоя. Мистер Тагоми быстро положил трубку.

«Я обидел его,— подумал мистер Тагоми.— Он, должно быть, догадался, что я забыл предупредить персонал об этом пожилom джентльмене. Но ведь это такая мелочь».

Он нажал кнопку и сказал:

— Мистер Рамсей, пожалуйста, зайдите ко мне.

«Я могу сразу же это поправить. Тут дело в чем-то более крупном,— решил он.— Его потрясла смерть Борма-

на. Пустяк — и тем не менее проявление моего небрежного, даже, можно сказать, наплевательского отношения, — мистер Тагоми почувствовал себя виноватым. — Сегодня плохой день. Мне следовало бы проконсультироваться с Оракулом, выяснить, какой сейчас момент. Я, по-видимому, слишком далеко отошел от Тао. Под действием какой из шестидесяти четырех гексаграмм, — думал он, — нахожусь я сейчас? — Он открыл ящик стола, вытащил оттуда оба тома «Книги перемен» и положил их на стол. — С какого же вопроса начать? Во мне столько вопросов, что не знаю, как же правильно построить их».

Когда мистер Рамсей вошел в кабинет, он уже получил гексаграмму.

— Смотрите, мистер Рамсей.

Он показал ему открытую книгу.

Это была сорок седьмая гексаграмма. Подавленность, изнеможение.

— В общем-то, предзнаменование плохое, — сказал мистер Рамсей. — Какой был ваш вопрос, сэр? Если только я не обижаю вас, спрашивая об этом.

— Я справился относительно текущего момента, — ответил мистер Тагоми. — Момент для всех нас. Переходящих строк нет. Статическая гексаграмма.

Он захлопнул книгу.

* * *

В три часа дня Френк Фринк все еще дожидался со своим деловым партнером решения Уиндем-Матсена о деньгах и поэтому решил посоветоваться с Оракулом. «Как все обернется?» — спросил он и стал кидать монеты.

Выпала гексаграмма сорок семь с одной скользящей строкой. Девятой на пятнадцатом месте.

«У него отрезали нос и ноги. Он раздавлен человеком с красивой повязкой на колене. Радость приходит легко. Она побуждает делать подношения и возлияния».

Довольно долго — не меньше получаса — он изучал эти строчки и связанные с ними комментарии, пытаясь определить, что же это могло означать. Гексаграмма и особенно скользящая строка очень беспокоили его. Наконец он с неохотой пришел к выводу, что особых денег ждать не приходится.

— Ты слишком полагаешься на эту штуковину, — заметил Мак-Карти.

В четыре часа появился рассыльный от Уиндем-Матсе-

на и вручил Фринку и Мак-Карти конверт. Когда они вскрыли его, то внутри обнаружили подписанный чек на две тысячи долларов.

— Ты оказался неправ,— сказал Мак-Карти.

«Оракул, должно быть,— подумал Фринк,— ссылается на какие-то дальнейшие последствия. В этом все дело. Позже, когда это случится, можно будет оглянуться назад, точно сказать, что имел в виду Оракул. А сейчас...»

— Мы можем открыть мастерскую,— сказал Мак-Карти.

— Сегодня? Прямо сейчас?

Он почувствовал, что теряет терпение.

— А почему бы и нет? Мы уже подготовили все необходимые письма с заказами. Все, что мы должны сделать, это отправить их по почте. И чем скорее, тем лучше. А оборудование, которое можно достать здесь, в Сан-Франциско, мы выберем сами.

Надев пиджак, Эд двинулся к двери комнаты Фринка.

Они уговорили домовладельца сдать им подвал под домом. Сейчас он использовался под склад. Вынеся картонные коробки, они смогут соорудить верстаки, подвести к ним электричество, установить светильники, начать монтаж электродвигателей и приводных ремней. У них уже были готовы эскизы, заполнены спецификации, перечни деталей, так что фактически они уже начали.

«Наше предприятие уже заработало»,— понял Фринк. Затем они договорились о его названии. «Ювелирные изделия фирмы ЭдФренк».

— Самое большее, что мы можем сегодня сделать,— сказал Фринк,— это купить доски для верстаков и, возможно, электрооборудование. Ну, конечно же, и сырье для изделий.

Затем они отправились на лесной склад на южной окраине Сан-Франциско и через час уже запасались нужными пиломатериалами.

— Что тебя тревожит?— спросил Мак-Карти, когда они вошли в магазин оборудования, продававший товары оптом.

— Деньги. У меня падает настроение. Когда мы оплатим все?

— Старый Уиндем-Матсен тоже не лыком шит,— сказал Мак-Карти.

«Мне это известно,— подумал Фринк.— Именно поэтому я и места себе не нахожу. Мы влезли в его владения. Мы уподобились ему. И что же? Приятна ли нам эта мысль?»

— Не оглядываясь назад,— сказал Мак-Карти.— Смотри вперед. Думай о будущем.

«Я и смотрю вперед,— подумал Фринк.— Об этом говорит и гексаграмма. Какие же подношения и возлияния я могу сделать? И кому? С кем?»

Глава 7

Красивая молодая японская чета, посетившая магазин Роберта Чилдана и носившая фамилию Казуора, связалась с ним по телефону к концу недели и пригласила на обед.

Он очень ждал этого звонка, приглашение посетить их квартиру вызвало у него восторг.

Он закрыл «Американские художественные промыслы» чуть раньше обычного и нанял педикейб, чтобы поехать в привилегированный район, где жили Казуора. Он хорошо знал этот район, белые там не жили.

Глядя из педикейба, катившего по извилистым улицам с разбитыми там и сям газонами и декоративными ивами, на современные многоквартирные дома, Чилдан восхищался изяществом архитектуры. Чугунные литые решетки балконов, высокие и в то же время современные колонны, мягкие пастельные тона, использование всевозможных орнаментов — все это представляло собой произведение искусства. Он помнил те послевоенные годы, когда здесь не было ничего, кроме руин.

Игравшие на улицах японские дети наблюдали за ним без всякого интереса и сразу же возвращались к своему футболу или бейсболу. А вот реакция взрослых была иная.

Хорошо одетые молодые японцы, выходя из своих автомобилей и входя в парадные жилых домов, не без удивления следили за ним. Он живет здесь? Им было просто интересно. Это были молодые японцы-бизнесмены, приехавшие домой из своих контор, даже главы Торговых Представительств жили здесь. Он заметил на стоянке «кадиллаки». По мере того, как педикейб все ближе продвигался к месту назначения, он нервничал все больше и больше.

Поднимаясь по лестнице к квартире Казуора, он подумал: «Вот он я. Приглашен, и не просто по делу, а гостем к обеду».

Он, конечно, особенно мучился с костюмом, но теперь, по крайней мере, он мог быть уверен, что его внешность соответствует обстоятельствам. «Да, соответствует,— подумал он.— Как я выгляжу? Никого это не введет в заблуждение. Я не принадлежу к ним, я чужеродное тело здесь, на этой самой земле, которую белые расчистили и где по-

строили один из самых прекрасных городов. А теперь я посторонний в своей собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к нужной двери и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась. Перед ним стояла молодая миссис Казуора в шелковом кимоно и оби — ярком шелковом широком поясе. Ее длинные черные волосы были заколоты в сверкающий клубок ниже затылка. Она приветливо улыбнулась. Позади нее, в гостиной, стоял муж, держа в руке бокал и кивая головой.

— Мистер Чилдан, заходите.

Чилдан поклонился и вошел.

Квартира была обставлена со вкусом, в высшей степени утонченным вкусом и одновременно несла на себе отпечаток аскетизма.

Совсем немного предметов обстановки: торшер, стол, книжный шкаф, литография на стене. Невероятное, непревзойденное, присущее только японцам чувство «ваби», такого не могло быть в европейских жилищах. Способности найти в самых обыденных предметах красоту не меньшую, чем в изысканных и замысловатых вещах. И все благодаря определенному их расположению в пространстве.

— Выпьете?— спросил мистер Казуора.— Виски с содовой?

— Мистер Казуора...— начал Чилдан.

— Просто Пол,— сказал молодой японец.

Затем, указывая на жену, он сказал:

— Бетти. А вы...

— Роберт,— пробормотал Чилдан.

Усевшись на мягком ковре со стаканами в руках, они слушали запись «кото» — японской тринадцатиструнной арфы. Пластинка была совсем недавно выпущена фирмой «Хиз мистерс войс» по японской лицензии и была очень популярна. Чилдан обратил внимание на то, что вся музыкальная установка была куда-то спрятана, даже динамики. Он не мог определить, откуда льются звуки.

— Не зная ваших вкусов, мы не стали искушать судьбу. Бетти улыбнулась.

— На кухне в электропечи жарятся бифштексы. Гарниром будет печеный картофель в кисло-сладком соусе с луком. По принципу: никогда не прогадаешь, подавая гостю бифштекс в первую же встречу.

— Весьма польщен,— сказал Чилдан.— Я обожаю бифштексы.

Это действительно было так. Ему редко приходилось

пробовать бифштексы. Громадные скотоводческие фермы Среднего Запада давно уже не присылали мяса на западное побережье большими партиями, и он не мог вспомнить, когда в последний раз ел хороший бифштекс.

Теперь пришла его очередь одарить хозяев.

Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую вещь, завернутую в китайскую шелковую бумагу. Он осторожно положил ее на столик. Хозяева сразу же заметили это, и тогда он сказал:

— Подарок. Безделушка. Чтобы хоть как-то отблагодарить за покой и радость, которые я вкусил в вашем доме.

Он развернул бумагу и показал им подарок: кусочек слоновой кости, точеный китобоями Новой Англии более столетия назад, крохотное, украшенное орнаментом произведение искусства, называвшееся резьбой по слоновой кости. Хозяева знали толк в резьбе, которой моряки занимались в свободное время. Ни один предмет не был столь законченным выражением культуры старых США.

Наступила торжественная тишина.

— Спасибо, — сказал Пол.

Роберт Чилдан поклонился.

В душе его на мгновение разлился покой. Это подношение есть, по определению «Книги перемен», своего рода возлияние.

Какая-то часть тревоги и подавленности, терзавших его, стала покидать его душу.

От Рэя Келвина он получил возмещение за кольт сорок четвертого калибра и вдобавок письменное заверение в том, что подобное не повторится. Однако это не уменьшило груза, лежавшего на сердце.

Только сейчас, в этом не относящемся к бизнесу положении, у него исчезло ощущение, что все в мире летит к черту.

«Ваби», окружавшее его и излучавшее гармонию, — вот это что. Соразмерность, равновесие. Они так близки к Тао, эти двое молодых японцев. «Вот почему на меня так подействовало их появление: я еще тогда почувствовал присутствие в них Тао, собственными глазами увидел его отблеск».

Очень интересно, на что это похоже — по-настоящему постичь Тао? Тао — это то, что сначала свет, а потом тьма. Оно есть причина взаимодействия двух основных сил и таким образом обуславливает обновление. Благодаря этому сдерживается распад мира. Вселенная никогда не исчезает, потому что, как только покажется, что мир окутывается мраком, что он и вправду берет верх над миром, тут же в самых глубинах тьмы зарождаются ростки света. Та-

ков путь развития. Когда зерно падает, оно падает на землю, в почву. И там, глубоко внизу, невидимое взору, оно прорастает и дает начало новой жизни.

— Настоящий шедевр, — сказала Бетти.

Она присела на колени и предложила ему тарелку с маленькими ломтиками сыра.

Он с благодарностью взял два.

— Сегодняшний день весь заполнен известиями из-за рубежа.

Пол прихлебнул из бокала.

— Когда я ехал вечером с работы домой, передавали прямую трансляцию грандиозной церемонии национальных похорон в Мюнхене. Там было пятидесятитысячное шествие с флагами и тому подобное. Все время пели «Был у меня товарищ». Сейчас тело усопшего доступно для всех преданных членов партии.

— У доктора Геббельса такие прелестные дети, — продолжал Чилдан. — И все очень способные.

— Да, это верно. Он, в отличие от других крупных высокопоставленных лиц Германии, примерный семьянин, — сказал Пол. — Нравы других весьма сомнительны.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилдан. — Вы, вероятно, имеете в виду Рема? Это древняя, давно позабытая история.

— Я скорее имел в виду Германа Геринга.

Пол медленно потягивал виски и разглагольствовал.

— Говорят, он, подобно Рему, устраивает оргии, отличающиеся фантастическим разнообразием. От одного упоминания о них мороз пробирает по коже.

— Это все ложь, — отозвался Чилдан.

— Да ну его. Этот субъект не заслуживает того, чтобы о нем говорили, — тактично вмешалась Бетти, глядя на обоих мужчин.

Они допили стаканы, и она вышла наполнить их вновь.

— Политические дискуссии всем горячат головы, — заметил Пол. — А самое главное, не терять ее.

— Да, — согласился Чилдан. — Спокойствие и порядок. Только при таких условиях все вернется на свои места.

— Период после смерти вождя — период критический в тоталитарном обществе, — сказал Пол. — Отсутствие традиций и влияния среднего класса на общественную жизнь в сочетании с...

Он запнулся.

— А не лучше ли бросить разговоры о политике?

Он улыбнулся, как гростой студент.

Роберт Чилдан почувствовал, как краска заливает лицо, и склонился над новым стаканом, чтобы укрыться от глаз своих хозяев.

Какой ужасный разговор он затеял. Во все горло поидиотски спорить о политике. Бестактность его не имела границ. И только врожденный такт хозяина дома позволил спасти вечер. «Мне еще нужно многому научиться,— подумал Чилдан.— Они такие воспитанные и вежливые, а я кто? Белый варвар. Ведь правда?»

Некоторое время он смаковал виски, стараясь придать лицу выражение удовлетворенности. «Нужно всегда следовать их примеру,— сказал он себе,— всегда соглашаться».

Тут он с ужасом подумал, что его уму приходится продираться теперь сквозь рогатки, поставленные алкоголем. Да еще усталостью и волнением. «Нужно держаться, иначе меня больше никогда не пригласят, может, и теперь уже поздно». Его охватило отчаяние.

Бетти, вернувшись из кухни, снова уселась на ковер. «Какая привлекательная,— снова подумалось Чилдану.— Такое нежное тело. У них прекрасные фигуры: никакого жира, никаких выпуклостей. Им не нужны ни грации, ни пояса». Свои чувства нужно скрывать любой ценой, и тем не менее порой он не мог сдержаться и то и дело украдкой поглядывал на нее. Прелестный темный цвет кожи, волос, глаз. «В сравнении с ними мы выпечены только наполовину. Нас вышвырнули из печи прежде, чем мы допеклись. Как в древней легенде аборигенов о белых пришельцах. Как это близко к истине».

Нужно думать о чем-нибудь другом, найти какую-нибудь расхожую тему, все, что угодно. Висела неловкая пауза, делавшая его напряжение жгучим, невыносимым.

О чем же, черт побери, говорить? О чем-нибудь безопасном. Он скользнул взглядом по невысокому черному шкафу.

— У вас, я смотрю, там «Саранча садится тучей»?— сказал он.— От многих слышал о книге, но большая занятость не позволила мне ее прочесть.

Он поднялся и направился к шкафу, где стояла книга, тщательно выверяя каждое движение с выражением на их лицах. Они, казалось, допускали такой поворот общения, и поэтому он продолжил:

— Детектив? Вы уж простите мое крайнее невежество. Теперь он листал книгу.

— Вовсе даже не детектив,— отозвался Пол.— Просто весьма интересная форма утопии, возможная только в жанре фантастики.

— О нет,— не согласилась Бетти.— Фантастика здесь ни при чем. Там, в фантастике, речь идет о будущем, где наука ушла далеко вперед по сравнению с нашим временем. А эта книга не укладывается в подобные рамки. Тут дело происходит не в будущем.

— Но,— возразил Пол,— в ней идет речь об альтернативном настоящем. Есть множество широко известных фантастических романов подобного рода.

Повернувшись к Роберту, он пояснил:

— Простите мне мою дотошность, но жена моя знает, что я долгие годы был страшным любителем научной фантастики. Она поглотила меня в раннем детстве, когда мне было еще лет двенадцать. Это было в самом начале войны.

— Понимаю,— вежливо сказал Чилдан.

— Хотите взять «Саранчу»?

Пол улыбнулся.

— Мы скоро ее дочитаем, самое большее через день или два. Так как моя контора в центре города, недалеко от вашего знаменитого магазина, я мог бы с радостью занести ее вам в обеденный перерыв.

Некоторое время он молчал, а затем продолжил, как показалось Чилдану, повинуюсь какому-то знаку Бетти.

— Вы и я, Роберт, могли бы тогда вместе пообедать.

— Благодарю вас,— сказал Чилдан.

Это было все, что ему удалось вымолвить.

Обед в одном из центральных модных ресторанов для бизнесменов. Он и этот изысканный современный высокопоставленный японец! Об этом он и мечтать не смел. Все поплыло у него перед глазами.

Однако он продолжал просматривать книгу и только кивнул.

— Да,— отозвался он наконец,— эта книга, вероятно, очень интересная. Мне бы очень хотелось прочитать ее. Я всегда стараюсь быть в курсе того, о чем так много спорят.

Но тут же новые сомнения стали одолевать его. Стоило ли ему именно так высказываться, признаваться, что его интерес к книге обусловлен модой на нее? Может, это дурной тон? Он не знал, так ли это, но тем не менее почувствовал, что так.

— Нельзя судить о книге только на том основании, что она бестселлер,— сказал он.— Это всем известно. Многие из бестселлеров — ужасный хлам. Но, однако, эта книга...

Он в нерешительности замолчал.

— Вы правы,— сказала Бетти,— у большинства на самом деле скверный вкус.

— То же самое относится и к музыке,— поддержал Пол.— Сейчас мало кто интересуется, например, подлинным американским народным джазом. Вот вам, Роберт, нравятся Ванк Джонсон или Кид Ори и им подобные? У меня целая дискотека такой музыки: оригиналы пластинок фирмы «Дженет».

— К сожалению, я немного знаю о негритянской музыке. По их виду он понял, что это признание не доставило им большого удовольствия.

— Я предпочитаю классику, Баха и Бетховена.

Конечно же, это произвело желанное впечатление. Но все же он ощущал некоторую натянутость. Неужели они предполагали, что он будет отрицать музыку великих европейских мастеров, не подвластную времени классику, ради нью-орлеанского джаза, родившегося в притонах и кабачках негритянских кварталов?

— Пожалуй, если я поставлю вам что-нибудь из избранного этих нью-орлеанских королей ритма...— начал Пол.

Он собрался выйти из комнаты, но Бетти бросила на него предупреждающий взгляд, и он нерешительно пожал плечами.

— Обед уже почти готов,— сказала она.

Пол вернулся на свое место и сел, пробормотав, как показалось Роберту, несколько раздраженно:

— Джаз из Нью-Орлеана — это самая подлинная народная музыка. Ее корни на этом континенте. Все остальное пришло из Европы, например эти старомодные струнные баллады на английский манер.

— Мы непрерывно спорим друг с другом.

Бетти улыбнулась Роберту.

— Я не разделяю его любви к старому джазу.

Все еще держа в руках экземпляр «Саранчи», Чилдан спросил:

— Какого рода альтернативное настоящее описывается в этом романе?

Бетти ответила не сразу.

— То, в котором Германия и Япония проиграли войну. Повисла пауза.

Наконец Бетти грациозно поднялась и сказала:

— Пора обедать. Пожалуйста к столу, двое изголодавшихся джентльменов, утомленных делами и заботами.

На обеденном столе, покрытом большой белой скатертью, столовое серебро, фарфор, высокие грубые салфетки, в которых Роберт узнал старинные американские подгузники.

Приборы были также из безукоризненного американского серебра высшей пробы.

Чашки и блюда темного-голубого и желтого цветов производства фирмы «Ройял Альберт». Это была очень редкая посуда, и Роберт не мог не залюбоваться ею, испытывая при этом профессиональное восхищение.

Тарелки же не были американскими. На вид это были японские тарелки, но он не стал бы этого утверждать. Это было вне поля его деятельности.

— Это фарфор Имари,— сказал Пол.

Он угадал мысли Роберта.

— Из Ариты. Он считается одним из лучших в Японии. Они сели за стол.

— Кофе?— спросила Бетти у Роберта.

— Да,— ответил он.— Спасибо.

— После обеда, разумеется,— сказала она.

Она направилась к тележке с кушаньями.

Пища показалась Чилдану восхитительной.

Бетти великолепно готовила. Особенно ему понравился салат. Авокадо, сердцевина артишоков, цветная капуста... Слава Богу, что его не потчуют японской пищей, смесью зелени и кусочков мяса: ею он был сыт по горло со времен окончания войны.

И морскими продуктами. К счастью, его положение позволяет обходиться без креветок и всяких других моллюсков.

— Хотелось бы узнать,— поинтересовался Роберт,— каким, по мнению автора, был бы мир, если бы Германия и Япония проиграли войну?

Некоторое время не отвечали ни Пол, ни Бетти.

— Разница была бы очень существенной,— отозвался Пол.— Но лучше об этом прочесть самому. Если вы сейчас все узнаете, впечатление от книги будет испорчено.

— У меня по данному вопросу есть одно очень твердое убеждение,— сказал Роберт.— Я не раз обдумывал этот вариант и пришел к выводу, что в мире было бы все намного хуже.

Он слышал свой твердый, резкий теперь голос.

— Намного хуже.

Эти слова, казалось, удивили их, а может быть, тон, которым они были произнесены.

— Повсюду господствовал бы коммунизм,— продолжал Роберт.

Пол кивнул.

— Автор, мистер Готорн Абеденсен, со всех сторон рассмотрел этот вопрос — беспрепятственное распространение

Советской России. Но так же как и в первой мировой войне, даже будучи на стороне победителей, отсталая, в основном крестьянская Россия, естественно, получает кукиш. Становится посмешищем в крупных размерах — вспомните ее войну с Японией, когда...

— Теперь же пришлось пострадать нам, оплачивая цену нынешней ситуации, — сказал Роберт. — Но мы сделали это по доброй воле, чтобы остановить нашествие славянского мира.

Бетти тихо сказала:

— Лично я не верю ни в какие исторические бредни о нашествии со стороны любых народов. Славян ли, китайцев или японцев.

Она безмятежно посмотрела на Роберта.

Было видно, что ее не занесло, что она абсолютно владеет собой и что она просто намеревалась выразить свои чувства. На щеках ее появился яркий румянец.

Какое-то время они молча ели.

«Снова я осрамился, — признался себе Чилдан. — Невозможно избежать этой темы, потому что она повсюду: в книге, которая случайно попадает в руки, в этих подгузниках — добыче завоевателей. Мародерство, учиненное по отношению к моему народу. Взгляни в лицо фактам. Пытаешься убедить себя в том, что эти японцы и ты похожи? Но погляди, даже когда ты прославляешь их победу, опускаешься до того, что радуешься поражению своего народа, — все равно мы стоим на разных позициях. То, что определенные слова значат для меня, имеет совершенно противоположное значение для них. У них другие мозги и другие души. Смотри, они пьют из английских фарфоровых чашек, пользуются американскими столовыми приборами, слушают негритянскую музыку. Это все на поверхности. Преимущества богатства и власти делают все это доступным для них, но это все суррогат, наносное. Даже эта «Книга перемен», которой они почти что придушили нас, — она китайская, позаимствованная у другого, ранее покоренного народа. Кого они думают одурачить? Самих себя? Воруют обычаи и справа и слева: одежду, еду, разговоры, походку. Ну хотя бы только взгляни, как и с каким смаком они пожирают печеный картофель со сметаной и сыром, это старинное американское блюдо, также ставшее их трофеем. Никого они не одурачат, вот что я вам скажу, а меня — меньше всего. Только белые расы наделены даром творчества, — размышлял он. — И тем не менее я — чистокровный представитель этих рас — должен разбивать об пол лоб перед

этими двумя. Только подумай, что было бы, если бы мы победили! Да мы бы стерли их с лица земли. Сегодня не было бы Японии, а США были бы единственной могучей процветающей державой на всем необъятном мире. Я должен обязательно прочесть эту книгу... «Саранчу», — подумал он. — Это мой патриотический долг».

— Роберт, вы совсем не едите, — мягко заметила Бетти. — Разве еда плохо приготовлена?

Он сразу же зацепил полную вилку салата.

— Нет, — сказал он. — Это воистину самая превосходная еда, которую мне только приходилось есть за последние годы.

— Спасибо, — сказала она, явно польщенная его словами. — Я изо всех сил старалась приготовить настоящую... Например, я делала покупки только на крохотных американских базарчиках, удаленных от центральных улиц, где нам пытаются выдать итальянские или мексиканские продукты за американские.

«Да, вы довели нашу пищу до совершенства, — подумал Роберт Чилдан. — Общее мнение справедливо: у вас безграничные способности к подражанию. Яблочный пирог, кока-кола, увлечение кинофильмами, Гленом Миллером... Вы могли бы склеить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги, бумажную мамулю на кухню, бумажного па, читающего газету, бумажного беби у его ног. Все, что угодно».

Пол молча наблюдал за Чилданом. Роберт, внезапно заметив это внимание, оборвал ход мыслей и сосредоточился на еде.

«Он что, и мысли умеет читать, видеть то, что я думаю на самом деле? Пожалуй, внешне я ничем себя не выдал. Лицо соответствует ситуации. Нет, все в порядке».

— Роберт, — сказал Пол, — поскольку вы здесь родились и выросли, употребляете местные, трудно переводимые выражения, хорошо знакомы с культурой и обычаями своего народа, вы, возможно, окажете мне помощь в понимании одного явления, с которым я недавно столкнулся. Разъясните мне смысл некоторых фильмов двадцатых годов, которые мне довелось увидеть».

Роберт слегка поклонился.

— В этих фильмах главную роль играет ныне уже давно забытый актер, некто Чаплин. Это неловкий, жалкий человек, над которым издеваются все окружающие, и тем не менее его страдания, его нескончаемые несчастья вызывают у белой публики какой-то совершенно неконтролиру-

емый смех. Я несколько раз пытался докопаться, что же может быть смешного в зрелище страданий хорошего, порядочного человека? В каких аспектах вашей культуры или религии таятся корни такого отношения? Может быть, только потому, что актер по национальности — еврей?

— Если бы Германия и Япония проиграли войну, — немедленно отозвался Роберт, — то сегодня миром правили бы евреи. С помощью Москвы и Уолл-стрита.

Оба японца, и мужчина и женщина, казалось, отпрянули. Они поникли, стали холоднее, ушли в себя. Даже в комнате, казалось, стало холоднее. Роберт Чилдан почувствовал одиночество. Он продолжал есть, но уже не вместе с ними.

Что он натворил?

Что именно они неправильно истолковали?

Глупая неспособность их уловить оттенки чужого языка, западного образа мышления? Ускользнувшее от них значение сказанного и вызванная тем самым обида?

«Какая трагедия, — подумал он, продолжая есть. — И тем не менее, что с этим поделаешь?»

Прежняя ясность, та, что существовала несколько минут назад, — должна быть восстановлена во что бы то ни стало.

Только теперь он понял, насколько глубоко различие между ним и ими. Никогда прежде не чувствовал он себя так напряженно, потому что нелепая мечта оказалась такой неосуществимой. «А ведь я многого ожидал от этой встречи. Когда я поднимался по лестнице, мне кружил голову юношеский романтический дурман. Но нельзя игнорировать реальность: мы должны стать взрослыми. А здесь все наполнено этим дурманом. Эти люди и людьми-то в полном смысле этого слова не являются. Носят одежду как обезьяны, которые кривляются в цирке. Они умны, их можно выдрессировать, но это и все. Зачем же я стараюсь угодить им, если это так? Только потому, что победители они, а не мы?»

В этот вечер проявился неприятный пункт моего характера. И я ничего с этим не могу поделать. У меня, оказывается, патологическая склонность к... ну, скажем, к безошибочному выбору наименьшего из зол. Как у коро-вы, завидевшей корм: мчусь напропалую, не подумав о результате.

Чем я занимался всегда? Следил за внешними своими проявлениями, потому что так безопаснее, ведь они победители, они командуют. И дальше я буду поступать точно так же, судя по всему. Потому что зачем мне эти неприят-

ности? Они смотрят американские фильмы и хотят, чтобы я их комментировал. Они надеются, что я, белый, могу дать им ответ. Что ж, попробую! Но не сейчас, хотя если бы я видел эти фильмы, то, несомненно, смог бы».

— Когда-нибудь мне удастся посмотреть какой-нибудь из фильмов с этим Чаплином, — обратился он к Полу, — и тогда я смогу довести до вас значение происходящего как на экране, так и в зале.

Пол слегка поклонился.

— Сейчас же работы так много, — продолжал Роберт. — Позже, наверное... Я уверен, что вам не придется долго ждать.

«И все же и он, и Бетти выглядят разочарованно, — подумал Чилдан. — Интересно, а ощущают ли они эту непроходимую пропасть, пролегшую между нами? Будем на это надеяться, — подумал он. — Они заслуживают этого. Смотреть американские фильмы и просить моих пояснений — стыдно».

Он с еще большим наслаждением весь ушел в поглощение пищи.

Ничто больше не портило вечер. Когда он покидал квартиру Казуора в десять часов, он все еще чувствовал уверенность, обретенную во время еды.

Он спускался по лестнице, уже не думая о том, что его могут встретить еще какие-нибудь японцы — жильцы этого дома, сновавшие туда-сюда, в основном в коммунальные дешевые дома. Он вышел на темный тротуар и остановил проходивший мимо педикейб.

«Мне всегда хотелось, — размышлял он по дороге домой, — встретиться с некоторыми своими покупателями в неофициальной обстановке. И ведь не так уж и плохо. Этот опыт, возможно, будет мне хорошим подспорьем в бизнесе».

Встреча с людьми, которых боишься, имеет большое терапевтическое значение. Раскусить их. Тогда исчезнет страх.

Размышляя таким образом, он не заметил, как оказался перед собственными дверьми. Расплатившись с возникшей-китайцем, он поднялся по знакомой лестнице.

Здесь, в передней, сидел мужчина, совершенно ему не знакомый. Белый, в пальто, он сидел на диванчике и читал газету.

Как только Чилдан появился на пороге и удивленно застыл там, тот отложил газету, неторопливо поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и вытащил оттуда удостоверение.

— Кемпсйтай.

Это был один из «пинки», служащий государственной полиции Сакраменто, учрежденной японскими оккупационными властями.

Чилдан похолодел.

— Вы — Роберт Чилдан?

— Да, сэр.

Сердце его бешено колотилось.

— Недавно, — сказал полицейский, — вас посетил один человек, белый, назвавшийся представителем одного из офицеров имперского флота.

Он сверился с бумагами в папке, которую вытащил из лежавшего на диване портфеля.

— Последовавшее расследование показало, что это совсем не так. Такого офицера не существует, как и такого корабля.

Он внимательно посмотрел на Чилдана.

— Да, это так, — отозвался Чилдан.

— Нам сообщили, — продолжал полицейский, — о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива. Этот парень, очевидно, приложил там руку. Не можете ли вы обрисовать его?

— Невысокий, довольно смуглый, — начал Чилдан.

— Похож на сврея?

— Да, — сказал Чилдан, — только теперь это пришло мне в голову, а тогда я каким-то образом просмотрел.

— Вот фото.

Человек из Кемпейтай протянул ему снимок.

— Это он.

Чилдан не чувствовал никаких сомнений. Его несколько ужаснула способность сыска Кемпейтай.

— Как же вы нашли его? Я ведь не сообщал об этом, а позвонил своему оптовому торговцу, Рюю Келвину, и сказал ему о...

Полицейский жестом приказал ему молчать.

— У меня тут есть для вас одна бумага, которую вы должны подписать, и это все. Вам не нужно будет присутствовать на суде, ваше участие в этом деле заканчивается этой предписываемой законом формальностью.

Он протянул Чилдану лист бумаги и ручку.

— Здесь говорится о том, что этот человек посетил вас и что он попытался обмануть вас, выдавая себя за другого, и так далее. Все это вы можете прочесть здесь.

Полицейский отвернул рукав и посмотрел на часы, пока Чилдан читал бумагу.

— По существу здесь все верно?

— По существу — да.

У Роберта Чилдана не было времени уделять этой бумаге должного внимания, да к тому же он был несколько сбит с толку всем, что произошло в этот день.

Но он знал, что этот человек выдавал себя за другого и что был тут какой-то шантаж и, как сказал этот человек из Кемпейтай, парень этот — еврей. Чилдан взглянул на имя под фотографией. Френк Фринк, урожденный Френк Финк. Да, конечно, еврей, любому ясно, да еще с такой фамилией.

Чилдан подписал бумагу.

— Спасибо, — сказал полицейский.

Он собрал свои вещи, нахлобучил шляпу, пожелал Чилдану спокойной ночи и вышел. Все дело заняло каких-нибудь несколько минут.

«Они найдут его, — подумал Чилдан, — где бы он ни скрывался».

Он испытывал большое облегчение. Замечательно, что они так быстро работают.

«Мы живем в обществе законности и порядка, где евреям не дано власти плести свои коварные интриги вокруг невинных людей, мы от этого защищены. И как это я не распознал в нем сразу еврея? Простак я, что ли? Очевидно, я на хитрость и не способен, а это делает человека беспомощным. Не будь закона, я был бы всецело в их власти, этот еврей мог бы убедить меня в чем угодно. Это какая-то форма гипноза. Они могут все общество подчинить себе. Завтра я пойду и куплю эту книгу. Интересно будет взглянуть, как автор представляет себе мир, где правят евреи и коммунисты, где Рейх лежит в развалинах, а Япония — просто провинция России. Россия там, кажется, простирается от Атлантического океана до Тихого. Интересно, описывает ли автор — как там его фамилия? — войну между Россией и США? Занятная книга. Странно, что никто не написал ее раньше».

Он подумал, что такие книги позволяют лучше понять, насколько нам сопутствует удача, даже несмотря на все тяготы... Эта книга дает нам огромный моральный урок. Да, здесь у власти японцы, а мы побежденная нация, но мы должны смотреть вперед, должны строить, а из этого произрастают такие великие свершения, как колонизация планет.

«Последние известия!» — спохватился он.

Удобно усевшись, он включил радио.

«Может быть уже избрали нового рейхсканцлера? Мне лично этот Зейсс-Инкварт кажется наиболее динамичным. Он больше всего подходит для того, чтобы осуществлять смелые проекты. Я хотел бы быть там. Возможно, когда-нибудь у меня будет достаточно денег, чтобы совершить путешествие в Европу и своими глазами увидеть все, что там свершается. Обидно пропустить такое, торчать здесь, на западном побережье, где ничего не происходит. История проходит мимо».

Глава 8

В восемь часов утра Фрейер Гуго Рейсс, рейхсконсул в Сан-Франциско, вылез из своего «мерседеса-220-Е» и взбежал по ступенькам консульства. За ним следовали два молодых служащих МИДа. Дверь была открыта кортежем Рейсса; он вошел внутрь, поднятием руки приветствуя девушек-телефонисток, вице-консула герра Франка, а затем, в приемной кабинета, секретаря консула, герра Пфердхофа.

— Фрейер, — сказал Пфердхоф, — вот радиogramма, только что полученная из Берлина, с грифом номер один.

Это означало, что послание было срочным.

— Спасибо, — сказал Рейсс.

Он снял пальто и передал его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Креус фон Меер. Он просил, чтобы вы ему перезвонили.

— Спасибо, — сказал Рейсс.

Он сел за небольшой столик у окна кабинета, снял салфетку со своего завтрака, обнаружил на тарелке булочку, яичницу с ветчиной, налил себе черного кофе из серебряного кофейника, затем развернул утреннюю газету.

Звонивший ему Краус фон Меер был шефом СД на территории ТША. Его штаб-квартира, конечно же, располагалась под какой-то фальшивой вывеской в здании аэровокзала. Взаимоотношения между Рейссом и Краусом фон Меером были довольно напряженными. Их юрисдикция перекрещивалась в бесчисленных вопросах. Это было, без сомнения, преднамеренной политикой тузов из Берлина. У Рейсса была почетная должность в СС, чин майора, и это ставило его формально в подчиненное положение перед Краусом фон Меером. Эта должность была дарована ему несколько лет назад, и теперь он понял цель этого назначения.

Но тут он ничего не мог поделать. И все же это до сих пор его раздражало.

Газета, доставляемая Люфтвагзой к семи утра, была «Франкфуртер цайтунг».

Рейсс внимательно просмотрел первую страницу. Бальдур фон Ширах под домашним арестом, возможно, в данный момент уже мертв. Очень нехорошо. Геринг на учебной базе Люфтвагзы, окруженный опытными ветеранами войны, всецело преданными Борову. К нему не подступиться никаким топорникам СС и СД. А что там с доктором Геббельсом? Вероятнее всего, он в самом центре Берлина, как всегда, полагается на свой ум, свою способность проложить себе путь куда угодно с помощью уговоров. Если Гейдрих пошлет взвод солдат разделаться с ним, маленький доктор не только отговорит их, пожалуй, убедит их перейти на его сторону, сделает их служащими Министерства пропаганды и общественного просвещения.

Он представил себе доктора Геббельса в этот момент в квартире какой-нибудь потрясной киноактрисы, свысока вззирающего на марширующие по улицам подразделения вермахта. Ничто не может устроить этого карлика.

Геббельс будет улыбаться своей презрительной улыбкой, продолжая ласкать прелестную женскую грудь левой рукой, в то время как правой будет писать статью для...

Стук секретаря прервал ход его мыслей.

— Извините меня. Краус фон Меер снова на проводе.

Рейсс встал, подошел к письменному столу и взял трубку.

— Здесь Рейсс.

— Что-нибудь слышно об этом типе из Абвера?— раздался голос шефа местной СД с явным баварским акцентом.

— Гм...— отозвался Рейсс.

Он в недоумении пытался сообразить, к кому относятся слова Крауса фон Меера.

— Насколько мне известно, в данный момент на Тихоокеанском побережье существуют три или четыре типа из Абвера.

— Я имею в виду того, который прибыл сюда на ракете Люфтвагзы на прошлой неделе.

— А...— протянул Рейсс.

Прижав трубку к уху плечом, он вынул из кармана портсигар.

— Он сюда не заходил.

— Что он делает?

— Боже, откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Мне хочется, чтобы вы позвонили в Министерство иностранных дел и попросили их, чтобы они связались с

Рейхсканцлером и его канцелярией, сказав любому, кто попадется, чтобы он прижал Адмиралтейство, требуя от Абвера либо отозвать своих людей отсюда, либо дать им вразумительные пояснения о причинах пребывания здесь.

— А вы сами не можете этого сделать?

— В нашем ведомстве сплошная неразбериха.

«Они совершенно потеряли из виду этого агента Абвера,— решил Рейсс.— Им, местной организации СД, было кем-то из персонала Гейдриха поручено следить за ним, а они его упустили и теперь хотят, чтобы я таскал каштаны для них из огня».

— Если он сюда заявится,— сказал консул,— я велю кому-нибудь задержать его. Вы можете на меня положиться.

Конечно, шансов на то, что этот тип посетит консульство, было мало. И оба это знали.

— Он, несомненно, скрывается под чужой фамилией,— упрямо продолжал Краус фон Меер.— Мы, естественно, не знаем ее. У него внешность аристократа. Около сорока лет. Капитан. Настоящая фамилия Рудольф Вегенер. Происходит из старой монархической семьи Восточной Пруссии. Вероятно, является сторонником фон Папена.

Рейсс поудобнее расположился в кресле, продолжая в полуха слушать монотонный голос фон Меера.

— Единственное средство, по-моему, с помощью которого можно придержать этих монархистов с кортиками, — урезать бюджет флота, чтобы они были не в состоянии позволить себе...

Наконец Рейссу удалось отвязаться от телефона. Когда он вернулся к завтраку, яичница уже совсем остыла. Кофе, однако, был еще горячим. Он выпил его и принялся за чтение газеты.

«Этому нет конца,— подумал он.— Люди из СД продолжают свою вахту и днем и ночью, им ничего не стоит позвонить и в три часа ночи».

Секретарь Рейсса Пфердхоф просунул голову в дверь кабинета и, увидев, что телефон свободен, сказал:

— Только что был очень тревожный звонок из Сакраменто. Они объявили о том, что на улицах Сан-Франциско свободно разгуливает какой-то еврей.

Они оба, Рейсс и Пфердхоф, рассмеялись.

— Хорошо,— сказал Рейсс.— Скажите им, чтобы они успокоились и прислали нам соответствующие документы. Что-нибудь еще?

— Прочтите соболезнования.

— Много?

— Несколько. Я их оставлю на своем столике, если они вам понадобятся. Я уже разослал ответы.

— Мне нужно приветствие для сегодняшней встречи,— сказал Рейсс.— В час дня. С теми бизнесменами.

— Я вам напомню.

Рейсс откинулся в кресле.

— Хотите пари?

— Только не по поводу медлительности партии. Если вы имеете в виду это...

— Это будет вешатель.

Немного помешкав, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих уже достиг своего потолка. Таких людей не допустят к непосредственному контролю над партией, потому что все их боятся. Даже от одной этой мысли у партийных бонз может случиться обморок. Коалиция будет создана за те двадцать пять минут, которые понадобятся первому же автомобилю СС, чтобы проехать по Принц-Альберт-штрассе. В нее войдут все эти воротилы вроде Круппа и Тиссена...

Он умолк, так как к нему подошел с конвертом один из шифровальщиков.

Рейсс протянул руку, и секретарь передал ему конверт.

Это была срочная радиошифровка из Берлина, уже расшифрованная и отпечатанная.

Закончив читать ее, он скомкал радиогамму, положил в большую керамическую пепельницу и поджег зажигалкой. Пфердхоф застыл в ожидании.

— Здесь говорится, что к нам прибывает инкогнито какой-то японский генерал, некто Тадеки. Пожалуйста, отправляйтесь в публичную библиотеку и возьмите один из официальных японских военных журналов, где есть его фотография. Постарайтесь, конечно, сделать это скрытно. Я не думаю, что у нас в консульстве есть какие-нибудь сведения о нем.

Он подошел к запертому сейфу, но затем, видимо, передумал.

— Добудьте любую информацию, какую только можно. Статистические данные. Они должны быть в библиотеке. Этот генерал Тадеки был начальником штаба несколько лет назад. Вы что-нибудь о нем помните?

— Весьма смутно,— сказал Пфердхоф.— В молодости — дуэлянт. Сейчас ему должно быть около восьмидесяти. Мне кажется, он был сторонником какой-то отвергнутой программы по выводу Японии в космос.

— Здесь он потерпел неудачу,— вставил Рейсс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, — сказал Пфердхоф. — Здесь всегда полно старых японских вояк, пользующихся услугами госпиталя университета, где процветает германская хирургия, совершенно недоступная в Японии. Естественно, это делается втихую. По причинам патриотизма. Так что, если Берлину нужно, чтобы мы не спускали с него глаз, нам понадобится кто-нибудь в госпитале Калифорнийского университета.

Рейсс кивнул. А может быть старый генерал замешан в торговых спекуляциях, основная часть которых прокручивается в Сан-Франциско. Связи, оставшиеся у него с тех времен, когда он был в строю, будут особенно полезны для него теперь, когда он вышел в тираж. А вышел ли? Ведь в послании его называют «генерал», а не «генерал в отставке».

— Как только достанете фотографию, — сказал Рейсс, — раздайте копии вашим людям в аэропорту и гавани. Он, возможно, уже прибыл. Вы же знаете, сколько проходит времени, пока до нас что-нибудь дойдет.

Конечно, если генерал уже здесь, Берлин будет недоволен консульством в ТША.

Консул должен сам догадаться взять его — до того, как был послан приказ из Берлина.

— Я проштампую дату на шифровке из Берлина, — угадал Пфердхоф, — так что если даже возникнет какой-нибудь вопрос, мы сможем точно указать, когда мы ее приняли, вплоть до минут.

— Спасибо, — ответил Рейсс.

Начальники в Берлине были непревзойденными мастерами перекладывать ответственность, а ему уже надоело быть козлом отпущения, слишком часто это случалось.

— Только для того, чтобы подстраховаться, — сказал он. — Думаю, вам следовало бы ответить на это послание. Ну, скажем, так: «Ваши инструкции чрезвычайно запоздали. Это лицо уже объявилось на территории ТША. Возможность успешного перехвата на данной стадии маловероятна». Велите кому-нибудь подредактировать это послание и направьте в Берлин. Побольше там всякого тумана и благих намерений. Ну, не мне вас учить.

Пфердхоф кивнул.

— Я сейчас же отошлю это донесение и зарегистрирую точную дату и время отправления.

Он закрыл за собой дверь.

«Да, тут глядя в оба, — размышлял Рейсс, — а не то сразу же очутишься консулом в компании нигтеров на острове у берегов Южной Африки, а потом у тебя будет чер-

ная нянька в качестве любовницы, десять или одиннадцать крохотных негрятят будут называть тебя папулей».

Вновь усевшись за столик для завтрака, он закурил египетскую сигарету «Саймен-Ариномер семьдесят», тщательно закрыв металлическую банку.

Похоже, что некоторое время его не будут беспокоить, и поэтому он вынул из портфеля книгу, которую сейчас читал, открыл ее на заложенном месте, устроился поудобнее и начал с того места, где вынужден был остановиться в прошлый раз.

«И были ли в действительности эти прогулки по улицам с тихими автомобилями, воскресная утренняя тишина Тиргартена, там, в далеком прошлом? Совершенно иная жизнь. Мороженое, вкус которого он никак не мог вспомнить. Теперь им приходится рвать крапиву и радоваться, найдя ее.

— Боже,— закричал он.— Когда же это все прекратится?

Огромные английские танки все шли и шли. Рухнуло еще одно здание, возможно, жилой дом, или фабрика, или школа — сейчас уже нельзя было разобрать; руины валились, распадаясь на отдельные камни.

Ниже, среди обломков,— еще одна часть погребенных людей, которых ожидает молчаливая смерть. Смерть равно простерлась повсюду, над еще живыми, ранеными, мертвыми, лежавшими слоями и начинающими разлагаться. Смердящий, конвульсирующий труп Берлина, все еще поднятые орудийные башни с выбитыми глазницами, исчезающие безо всякого протеста так же, как и это безымянное здание, некогда гордо воздвигнутое людьми.

Мальчик вдруг обнаружил, что руки его покрыты слоем чего-то серого: пепла, происхождения частью неорганического, частью сожженного и просеянного венца творения. «Теперь все перемешалось»,— понял мальчик и стер с руки налет. Больше он об этом не думал, другие мысли овладели им, если только можно было мыслить среди всех этих криков и грохота снарядов. Голод. Уже шесть дней он ничего не ел, кроме крапивы, и даже ее больше не осталось. Весь пустырь превратился в одну огромную воронку. На другом конце воронки показались неясные, изможденные фигуры, постояли, как и он, и так же молча исчезли. Старушка с платочком на седой голове, в руке пустая корзинка. Однорукий мужчина с таким же пустым взглядом, как и его корзинка. Девушка. Растаяли среди обрубков поваленных деревьев, где прятался Эрик.

А змея из танков все ползла и ползла.

— Она когда-нибудь кончится?— спросил мальчик, ни к кому не обращаясь.— И если да, то что же наступит после? Будут ли они набивать свои животы, эти...»

— Фрейер,— послышался голос Пффердхофа.— Извините, что я оторвал вас. Только одно слово.

Рейсс подскочил и закрыл книгу.

— Да, пожалуйста.

«Как этот человек умеет писать,— подумал он.— Абсолютно унес меня, совершенно. Падение Берлина перед англичанами так описано, как будто так оно и было на самом деле. Бррр...»— Он содрогнулся.

«Поразительную силу имеет литература, даже такая дешевая беллетристика, и не удивительно, что эта книга запрещена на территории Рейха. Я бы и сам запретил ее. Напрасно я ее раскрыл. Но теперь уже поздно жалеть, нужно докончить».

— Несколько моряков с немецкого судна,— произнес секретарь,— просят встречи с вами...

— Да, да,— отозвался Рейсс.

Он вприпрыжку подбежал к двери и вышел в приемную.

Там его ждали трое моряков в плотных серых свитерах, все с густыми светлыми волосами, волевыми лицами. Они немножко нервничали.

Рейсс поднял правую руку, и дружески улыбнулся.

— Хайль Гитлер.

— Хайль Гитлер,— нестройно ответили моряки и начали показывать документы.

Как только он зарегистрировал их в книге посещений, он сразу же поспешил обратно в кабинет.

Снова он открыл свой экземпляр «Саранчи». Глаза его случайно наткнулись на эпизод с Гитлером. Теперь он уже не мог оторваться. Он читал эпизод прямо с середины, чувствуя, как пылает затылок.

Как он понял, описывался суд над Гитлером. После войны — о Боже! Гитлер в руках союзников. Так же как и Геббельс, Геринг и все остальные. В Мюнхене. Очевидно, Гитлер отвечал американскому обвинителю.

«Казалось, дрожащее тело дернулось, голова поднялась. С губ сорвалась непрерывно сочащаяся слюна, раздался полулай, полупшепот:

— Германия, я здесь...

Те, кто смотрели и слушали, вздрогнули и теснее прижали наушники. Все эти напряженные в разной степени лица: русских, англичан, американцев, немцев. «Да,— подумал Карл.— Вот он снова стоит здесь. Они победили нас и даже

больше, чем победили. Они раздели догола этого «сверхчеловека», показав, кто он на самом деле. Только одно...»

— Фрейер.

Рейсс увидел в кабинете секретаря.

— Я занят.

Он захлопнул книгу.

— Я пытаюсь прочесть эту книгу, но тщетно!

— Еще одна шифровка из Берлина,— сказал Пффердхоф.— Я заглянул в нее краем глаза, когда начали расшифровывать. Она имеет отношение к политической ситуации.

— Что же в ней говорится?— пробормотал Рейсс.

Он потер лоб большим и указательным пальцами.

— Доктор Геббельс неожиданно выступил по радио. С очень важной речью.

Секретарь еле сдерживал волнение.

— Предполагается, что мы получим текст его сообщения и должны обязательно добиться, чтобы он появился здесь в печати...

— Да, да,— сказал Рейсс.

В то же мгновение, как только секретарь вышел, Рейсс снова открыл книгу.

«Взгляну еще разок, несмотря на свое решение». И перевернул следующую страницу.

«В тишине Карл размышлял у покрытого знаменами гроба: «Он здесь лежит, и на самом деле его уже больше нет, нет вообще. И никакая демоническая сила уже не сможет его воскресить». Этот человек или все-таки «сверхчеловек», за которым Карл шел так слепо, которого он боготворил даже на краю могилы, Адольф Гитлер, ушел в мир иной, но Карл цеплялся за жизнь.

«Я не пойду вслед за ним,— шептал разум Карла.— Я буду существовать дальше, живой и возрожденный. И мы все возродим заново. Мы должны».

Ох как далеко завела его слепая вера в вождя, притягательность фюрера.

В чем же она состояла теперь, когда поставлена последняя точка в этой невероятной летописи, в этом восхождении из полузаброшенного деревенского города в Австрии, через гнойную нищету Вены, от кошмаров в траншеях первой мировой войны, сквозь политические интриги и создание партии до канцлерства, до того, когда уже казалось близким мировое господство?

Карл знал, в чем. В блефе. Адольф Гитлер лгал им. Он вел их за собой пустословием.

«Но еще не поздно. Мы раскусили твой блеф, Адольф Гитлер. Мы теперь знаем, кем ты являешься на самом деле и чем является партия нацистов, ужасная эра убийств и мегаломаниакальных фантазий, чем она была.

Повернувшись, Карл побрел прочь от гроба».

Рейсс закрыл книгу и некоторое время сидел, не в силах размышлять ни о чем другом.

Несмотря на все свои старания, он был расстроен. «Следовало посильнее нажать на япошек, — сказал он себе, — чтобы они запретили эту проклятую книгу. По существу, с их стороны это акт умышленный, ведь они могли бы арестовать этого, как его, Абеденсена. У них достаточно власти на Среднем Западе».

То, что его расстроило, — это смерть Адольфа Гитлера, поражение и уничтожение Гитлера, нацистской партии и самой Германии, как это описывается в книге Абеденсена. Все это было каким-то помпезным, соответствовало духу старины больше, чем реалиям настоящего мира, где господствовала Германия.

Каким образом это могло произойти?

Рейсс задавал себе такой вопрос. Только ли вследствие писательского дара этого человека?

Они знают миллион всяких фокусов, эти романисты. Возьмем доктора Геббельса: то, с чего он начинал — с литературной деятельности. Он обращался к основным вожделям, которые таятся в любом, сколь бы он ни был респектабелен снаружи. Да, романисты знают людей, знают, что они не имеют никакой цены, что ими правят алчность и трусость, что из жадности они готовы продать всех и каждого, — и он бьет изо всех сил в барабан и находит отклик. А затем он, конечно, исподтишка смеется над тем воздействием, которое оказывает на людей.

«Только подумать, как он играет на моих чувствах, — размышлял герр Рейсс, — совершенно не обращаясь к интеллекту. И за это он собирается получить плату, прежде всего деньгами. Очевидно, кто-то его надоумил, о чем писать. Они напишут, что угодно, стоит им узнать, что им заплатят, наговорят ворох лжи, а затем общественность абсолютно серьезно воспримет их вонючее варево, когда оно будет продано. Где напечатана эта книга?» Герр Рейсс внимательно просмотрел книгу. Омаха, штат Небраска, последний аванпост американской плутократической типографской индустрии, некогда расположенной в центре Нью-Йорка и поддерживаемой золотом евреев и коммунистов.

«Может быть, этот Абеденсен — еврей? Они все еще

существуют, стараясь нас отравить. Это еврейская книга». Он с яростью хлопнул по переплету «Саранчи». Настоящая фамилия, вероятно, Абенштейн.

Несомненно, этот аспект не ускользнул от СД.

«Мы обязательно должны послать кого-нибудь в эти Средне-Западные Штаты с визитом к герру Абенштейну. Интересно, получил ли Краус фон Меер инструкции на этот счет? Скорее всего, нет, из-за всей этой неразберихи в Берлине. Все сейчас слишком заняты домашними делами. Но эта книга,— думал Рейсс,— очень опасна. Если бы Абенштейна нашли в одно прекрасное утро висющим под потолком, это было бы отрезвляющим предупреждением любому, кто находится под влиянием этой книги. Последнее слово должно быть за нами. Написанный кровью постскрипtum. Для этого нужен, разумеется, кто-нибудь из белых. Интересно, что сейчас делает Отто Скорцени?»

Рейсс еще раз перечитал все, что было написано на суперобложке книги. Этот оборотень забаррикадировался высоко в замке. Дураков нет. Попав туда, можно и не вернуться назад.

Может быть, все это ребячество? Ведь книга уже напечатана, сейчас уже поздно. И эта контролируемая японцами территория, эти желтые малютки поднимут ужасный шум.

Нет, все следовало бы повернуть половчее, только бы как следует взяться.

И тут сразу, безо всякого перехода он почувствовал, что у него кружится от бешенства голова.

Фрейер Гуго Рейсс сделал пометку в своем еженедельнике: обсудить этот вопрос с генералом СС Отто Скорцени или, еще лучше, с полковником Олендорфом, который возглавлял оперативную команду Д.

«Я думал, что все это прошло. Неужели это будет длиться вечно? Война закончилась много лет назад. Мы думали, что тогда все и кончилось. Но это фиаско в Африке, безумный Зейсс-Инкварт, воплощающий в жизнь проекты Розенберга. Этот герр Хоуп прав,— думал он,— с этой своей шуткой о Марсе, населенном евреями: мы бы наверняка увидели их там, даже если у них было две головы и стояли бы они на одной ноге. Но мне хватает обычных неотложных дел,— опомнился он.— У меня нет времени на эти безрассудные авантюры, эту посылку оперативной команды за Абенштейном. С меня достаточно приветствий немецких моряков и ответов на шифрованные телеграммы. Пусть уж кто-нибудь повыше возьмет на себя инициативу осуществления подобного проекта, это их дело.

В любом случае,— решил он,— если бы даже я затеял это и оно привело бы к нежелательным результатам, можно только гадать, где бы я очутился: под Защитной опекой где-нибудь в камере, куда напустят газ «Циклон-В».

Подумав, он тщательно вычеркнул пометку из еженедельника. Этого ему показалось недостаточно, и он сжег вырванную страницу в керамической пепельнице.

Раздался стук, дверь в кабинет отворилась. Вошел секретарь с ворохом бумаг.

— Речь доктора Геббельса во всей своей полноте.

Пфердхоф разложил листы на столе.

— Вы должны ее прочесть. Очень хороша. Пожалуй, одна из лучших его речей.

Закурив еще одну сигарету «Саймен Ариномер семьдесят», Гуго Рейсс начал читать речь доктора Геббельса.

Глава 9

После двух недель непрерывной работы фирма «ЭдФренк» наконец закончила первую партию своих товаров. Изделия лежали на двух листах фанеры, оклеенных черным бархатом, каждый из которых уложен в квадратную плетеную корзину японского производства. Кроме того Эд Мак-Карти и Френк Фринк сделали визитные карточки.

Для этого они использовали ластик из искусственной резины, на котором вырезали свои фамилии. Затем они сделали отпечаток красного цвета на бумаге для высококачественных рождественских открыток с помощью простого типографского прессы, найденного среди разного хлама. Эффект был потрясающим.

Они были профессионалами во всем, что бы ни делали. Самая тщательная проверка их ювелирных изделий, этикеток и упаковок не указывала ни на малейшее проявление любительского подхода. Френк Фринк подумал, что иначе и быть не могло, ведь они всегда были профессиональными умельцами, если не в ювелирном деле, то в производстве разных подделок и высокосложных деталей.

Изделия, изготовленные ими, были разнообразны: браслеты из меди, бронзы, латуни, даже из искусно обработанного железа. Кулоны, подвески в основном с медным орнаментом и небольшим количеством серебра. Серебряные серьги, заколки из меди и серебра. Серебро им обходилось далеко не дешево. Даже серебряный припой резко увеличивал себестоимость изделий.

Они купили несколько полудрагоценных камней для того, чтобы вставить в булавки: причудливые жемчужины, шпинел, нефрит, осколки огненного опала. А если дела пойдут в гору, то они попробуют изготовить что-нибудь из золота с небольшими бриллиантами.

Только золото могло обеспечить им настоящую прибыль. Они уже начали поиски источника золотого лома, старинных предметов, не имеющих художественной ценности, чтобы потом переплавить их. Это получилось бы намного дешевле, чем покупка обычного золота.

Но даже в этом случае требовались громадные расходы. Тем не менее одна золотая булавка могла принести доход больший, чем сорок латунных. Они могли бы назначить практически любую цену за оригинальную по форме и современную по исполнению золотую булавку, при условии, как подчеркнул Фринк, что их работу вообще будут покупать.

Пока они еще не делали попыток продать свои изделия. Они разделились с тем, что, как им казалось, было главными техническими проблемами: у них был верстак с электродвигателями для привода различного оборудования, наливочный станок, набор шлифовальных и полировальных кругов. По существу, у них был полный комплект доводочных инструментов, начиная от жестких стальных щеток и кончая полировочными ремнями из различных материалов. И, конечно, у них был ацетиленовый сварочный аппарат с соответствующими емкостями для карбида, шлангами, кислородными баллонами, горелками, темными очками и, разумеется, прекрасный набор ювелирных инструментов: щипцы из Германии и Франции, микрометры, алмазные сверла, ножовочные полотна, клещи, пинцеты, паяльники, тиски, фетровые круги, ножницы, небольшие молоточки, откованные вручную, всякого рода точное оборудование.

В качестве сырья они приобрели различные прутки, листы металла, проволоку, цепочки, заколки, замочки.

Уже была истрачена добрая половина имевшихся у них двух тысяч долларов. На банковском счету фирмы «ЭдФренк» теперь было всего двести пятьдесят долларов, но зато они устроили мастерскую на законных основаниях.

Они даже приобрели лицензию на продажу на территории ТША. Оставалось только одно — реализация изделий.

Фринк подумал, что ни один розничный торговец, осматривая коллекцию ювелирных изделий, не будет столь скрупулезно осматривать их продукцию, как они сами. А вещи и в самом деле выглядели очень здорово, эти несколько отобранных вещичек, с каждой из которых были

удалены заусенцы, неровности плохой сварки, пятна различного цвета. Их собственный контроль качества был намного жестче, чем у платных оценщиков, работавших в различных металлообрабатывающих мастерских. Было достаточно ничтожного помутнения поверхности или царапины от металлической щетки, чтобы изделие вновь возвращалось на верстак. «Мы не можем себе позволить показывать грубую или неоконченную работу: одна оставшаяся незамеченной черная крапинка на серебряном ожерелье — и все наши труды пойдут прахом».

Магазин Роберта Чилдана значился первым в их списке. Но только Эд мог пойти туда: Чилдан, безусловно, хорошо запомнил Фринка.

Фактически Эд примирился с тем, что вести переговоры с Чилданом придется ему самому. Он купил приличный костюм, новый галстук, белую рубашку — все для того, чтобы произвести хорошее впечатление. Тем не менее он испытывал неловкость.

— Я уверен, что у нас получится, — не переставал повторять он. — Чем черт не шутит?

Большинство изделий были абстрактными: спирали из проволоки, петли. Форма многих предметов в некоторой степени определялась свободным истечением тонкой струйки расплавленного металла, предоставленного самому себе. Некоторые вещи получились воздушными и имели оттенок утонченности, свойственной паутине. Другие, наоборот, были массивными, имели почти что первобытную тяжеловесность и примитивность, поразительное разнообразие форм, особенно если учесть, что на бархатном панно расположено не так уж много предметов. «В принципе, — подумал Фринк, — один магазин мог бы купить все, что мы здесь выложили. Если нам не удастся продать все в одном магазине, мы заглянем в другие, но если дела пойдут хорошо и наши изделия будут пользоваться спросом, нам придется выполнять заказы всю оставшуюся жизнь».

Вместе они загрузили бархатные панно в плетеную корзину. «Мы могли бы кое-что вернуть, продав металл, — подумал Фринк, — если случится худшее. За металлом пойдут инструменты и оборудование. Будут, естественно, некоторые потери, но во всяком случае что-нибудь да получим».

Самый подходящий момент обратиться за советом к Оракулу, спросить, что получится из этой первой попытки реализации продукции, но он чувствовал, что сейчас слишком нервничает. Оракул может дать плохой прогноз, а он не способен смело встретить его. В любом случае мосты были со-

жжены: изготовлены образцы, оборудование, мастерская, что бы ни болтала по этому поводу «Книга перемен».

«Разве она может продавать за нас наши ювелирные изделия? Она не может принести нам удачу в прямом смысле этого слова».

— Я попытаюсь первым делом убедить Чилдана,— сказал Эд.— Хотя с таким же успехом мог бы начать и с кого-нибудь другого, а потом и ты попробуешь в паре других магазинов. Ты поедешь со мной, не так ли? В грузовичке. Я поставлю его за углом.

Когда они тащили плетеную корзину в кузов пикапа, Фринк подумал, что не известно, является ли Эд, а в равной степени и он хорошими продавцами.

Чилдану можно что-нибудь продать, но, похоже, что было бы не плохо сначала поставить ему магарыч, как принято говорить среди торгового люда.

«Будь здесь Юлиана,— подумал он,— она могла бы пойти туда и все сделать, не моргнув глазом. Она красивая, она может заговорить любого, и она прежде всего женщина. Ведь в конце-то концов это женская бижутерия. Она могла бы в магазине показать эти вещи на себе».

Закрыв глаза, он попытался представить, как бы она выглядела, одев тот или иной браслет, то или иное ожерелье, как различные предметы шли бы к ее черным волосам и бледно-матовой коже, меланхоличному изучающему взгляду... В сером свитере из джерси, чуть тесноватом, с серебром на обнаженной верхней части груди, которая поднималась бы и опускалась при каждом вдохе и выдохе.

Боже, он так ярко представил ее в своем воображении как раз в эту минуту, как она своими тонкими пальцами поднимает каждый из сделанных им предметов, осматривает его, отбрасывает назад голову, поднимая вещь повыше, чтобы взглянуть на нее получше. Она, с ее хорошим вкусом, могла бы даже подсказать ему, что он должен делать,— находясь рядом, когда он работает.

Больше всего к лицу ей были серьги, яркие, свободно висащие, особенно из красной меди. Волосы, скрепленные сзади заколкой или коротко подстриженные, чтобы были видны шея и уши. «Мы могли бы использовать ее фотографии и для рекламы, и для показа своей продукции». Они уже как-то обсуждали с Эдом возможность подготовки рекламы для того, чтобы можно было посылать проспекты с фотографиями продукции по почте в магазины в других районах мира.

Она выглядела бы потрясающе: у нее отличная, очень

здоровая кожа, без пятнышек и морщинок, прекрасного цвета. «Согласилась бы она, если бы мне удалось ее разыскать? Не важно, что бы она обо мне подумала. Наши личные взаимоотношения не должны иметь никакого значения, это должны быть чисто деловые отношения. Черт, зачем мне фотографировать ее самому? Мы бы наняли профессионала-фотографа. Это бы ей весьма польстило. Она всегда была чересчур тщеславна. Ей всегда нравилось, когда люди глядели на нее, восхищались ею — все, кто угодно. Я полагаю, таковы почти все женщины. Они всегда жаждут, чтобы на них обращали внимание, тут они как дети».

Он хорошо помнил, что Юлиана никогда не могла выдержать одиночества. Она заставляла его всегда быть возле нее, делать ей комплименты. Маленькие дети ведут себя точно так же. Они чувствуют, что если их родители не следят за тем, что они делают, значит, им не нужны они. Несомненно, она подцепила себе какого-нибудь парня, который сейчас любит ее, говорит ей, какая она красивая, какие у нее ноги, гладкий розовый живот...

— Что с тобой?

Эд смотрел на него.

— Ты нервничаешь?

— Нет, — ответил Фринк.

— Я не собираюсь стоять там как чурбан, — сказал Эд. — У меня есть пара неплохих мыслишек. Меня совсем не страшит это людное место и то, что я должен был надеть этот изысканный костюм. Признаюсь, я не люблю выражаться и чувствую себя не очень-то удобно, но все это не имеет никакого значения. Я все же пойду туда и наверняка продам свой товар этому простофиле.

— Дай-то Бог, — сказал Фринк.

— Черт, вот если бы ты мог пойти туда, как в тот раз, — сказал Эд, — когда представился ему как доверенное лицо японского адмирала, который ищет произведения современных американских ремесленников. Ты мог бы рассказать ему, что это на самом деле оригинальное творчество, ювелирные изделия ручной работы. Да, туда пойду я и не уйду от него, пока он не получит полного удовольствия за свои деньги. Ему следует купить это. Если он этого не сделает, он чокнутый. Я хорошенько это взвесил: ничего подобного нет в продаже ни в одном магазине. Боже, да стоит мне подумать о том, что он, может быть, взглянет на это и не купит, — это приводит меня в такое бешенство, что я не знаю, что с собой поделаться.

— Обязательно скажи ему, что это не гальваническое покрытие, — сказал Фринк, — что медные изделия сделаны из настоящей цельной меди, так же как латунные — из цельной латуни.

— Позволь мне самому выработать подходящую линию поведения. У меня есть и в самом деле несколько хороших идей.

«Что я могу сделать, — подумал Френк, — так это взять пару предметов, он возражать не будет, уложить в посылку и отослать их Юлиане, чтобы она знала, чем я сейчас занимаюсь. Почтовые чиновники проследят ее. Я вышлю по последнему адресу, известному мне. Интересно, что скажет она, открыв посылку? Нужно положить в нее записку с объяснением, что это сделал я сам, что я один из партнеров по новому бизнесу, связанному с изготовлением оригинальных ювелирных украшений. Я распалю ее воображение, сделаю пару таких намеков, которые заставят ее захотеть узнать больше, которые вызовут в ней интерес. Я наговорю о драгоценностях и благородных металлах, расскажу о местах, куда мы посылаем свои вещи, о роскошных магазинах».

— Кажется, где-то здесь? — спросил Эд.

Он снизил скорость. Вокруг было оживленное уличное движение. Высокие дома загорали небо.

— Наверное, лучше поставить машину поближе.

— Через пять кварталов, — бросил Фринк.

— Дай мне сигаретку с марихуаной, — попросил Эд. — Она мне поможет. Нужно немного успокоиться.

Фринк передал ему пачку «Небесной музыки». К этому сорту он пристрастился во время работы в корпорации Уиндема-Матсена.

«Уверен, что она живет с каким-нибудь парнем, — думал он, — спит с ним, как будто она его жена. Я знаю Юлиану, иначе ей не выжить. Я знаю, что творится с нею, когда приходит ночь, когда становится холодно и темно и все сидят по домам. Она рождена для уединенной жизни так же, как я. Возможно, что этот парень и не плохой, какой-нибудь застенчивый студент, которого она заарканчила: она очень подходящая женщина для какого-нибудь желторотого парня, у которого не хватает смелости в обращении с женщинами. Она не грубая и не циничная. Она может дать ему немало хорошего. Я очень надеюсь, что она не с кем-то постарше. Этого я не смог бы перенести. С каким-нибудь опытным подлецом, у которого вечно из угла рта торчит зубочистка и который помыкает ею как хочет».

Он почувствовал, что дышать стало тяжело. Представив

себе какого-нибудь мясистого волосатого малого, крепко придавившего Юлиану, сделав жизнь ее жалкой и несчастной...

«Я уверен, что в конце концов она кончит тем, что убьет себя,— подумал он.— У нее это на роду написано. Если она не найдет себе какого-нибудь подходящего мужчину, а это означает на деле нежного, чувственного, доброго студента или аспиранта, который в состоянии оценить ее по достоинству. Я был для нее слишком груб. Однако я не такой уж плохой. Есть чертовски много мужчин хуже меня. Я всегда мог представить себе, чего она хочет, о чем она думает, когда она чувствует себя одинокой, когда ей худо, когда она угнетена и подавлена. Я проводил много времени, заботясь о ней и суетясь вокруг нее. Но этого оказалось недостаточно. Она заслуживала большего, она заслуживала многого.

— Стоп,— сказал Эд.

Он нашел свободное место и дал задний ход, глядя через плечо.

— Послушай,— сказал Фринк,— могу ли я послать папочку вещей своей жене?

— Я и не знал, что ты женат.

Поглощенный парковкой машины, Эд ответил ему не задумываясь.

— Конечно, если только они не из серебра.

Эд выключил двигатель.

— Приехали,— сказал он.

Сделав несколько затяжек марихуаны, он погасил окурок о крыло автомобиля.

— Пожелай мне удачи.

— Ни пуха, ни пера,— сказал Френк Фринк.

— К черту. О, смотри, здесь одно из этих японских «вака», стихотворений на задней стороне пачки сигарет.

Эд прочел стихотворение вслух, перекрывая гул уличного движения:

«Услышав крик кукушки,
Я посмотрел в направлении,
Откуда пришел звук.
Что же я увидел?
Только бледную луну
На зардевшемся небе».

Он вернул пачку Фринку, хлопнув его по спине, осклабился, открыл дверцу, подхватил плетеную корзину и сошел с подножки на тротуар.

— Я разрешаю тебе бросить в счетчик десятицентовик, — сказал он, отходя от машины.

Через мгновение он исчез среди прохожих.

«Юлиана, — подумал Фринк. — Может быть, она так же одинока, как и я?»

Он вылез из пикапа и бросил десятицентовик в прорезь счетчика на стоянке.

«Странно, — подумал он, — вся это авантюра с ювелирным делом... А если ничего не получится? Если нас ждет неудача? Именно на это намекал Оракул. Стенания, слезы, разбитые черепки. Человек должен смело встречать темные стороны своей жизни. На пути к могиле. Будь она здесь, все это не было бы так печально, было бы не так уж плохо. Я боюсь. А вдруг ничего не продаст, вдруг нас засмеют? Что тогда?»

* * *

На простыне, постеленной прямо на полу гостиной, повернувшись лицом к Джо Чинаделла, лежала Юлиана Фринк. В комнате было тепло от послеполуденного солнца. Ее тело и тело мужчины в ее объятиях были влажными от испарины. Со лба Джо скатилась капля пота, на мгновение зацепилась за выступ подбородка, затем упала ему на горло.

— С тебя все еще капает, — проворчала она.

Он не отозвался. Дыхание его было спокойным, медленным, размеренным, как колыхание океана, подумала она. У нас внутри нет ничего, кроме воды.

— Ну как на этот раз? — спросила она.

Он пробормотал, что все было о'кей.

«Я тоже так думаю, — решила Юлиана, — и могу об этом сказать. Теперь нам обоим нужно подниматься, таща друг друга. А разве это плохо? Знак подсознательного неодобрения?»

Он шевельнулся.

— Ты встаешь?

Она крепко стиснула его обеими руками.

— Не надо. Еще.

— Тебе не нужно идти в зал?

«Я не собираюсь в зал, — сказала себе Юлиана. — Разве ты не понимаешь этого? Мы поедем куда-нибудь. Здесь больше оставаться нельзя. Это будет такое место, где мы еще не были. Самое время».

Она почувствовала, как он начинает отодвигаться, поднимаясь на колени, почувствовала, как ее руки соскольз-

нули с его мокрой спины. Потом она услышала, как он пошел, шлепая по полу босыми ногами, в ванную. Принимать свой душ, разумеется.

«Вот и все,— подумала она.— Как было хорошо». Она вздохнула.

— Я слышу,— раздался голос Джо из ванной,— ты сто-нешь. Всегда брошенная, да? Беспокойство, страх и подозрения относительно меня и всего мира?

Он на секунду показался в дверях ванной. С него капала мыльная вода, но лицо его сияло.

— Ты бы хотела немного прокатиться?

Ее пульс участился.

— Куда?

— В какой-нибудь большой город. Как насчет Севера, в Денвер? Я вытащу тебя отсюда, куплю билеты в театр, хороший ресторан, такси, достанем тебе вечернее платье и все, что понадобится. О'кей?

Она вряд ли могла поверить ему, но хотела, старалась изо всех сил.

— Твой «студебеккер» потянет?— донесся голос Джо.

— Конечно,— ответила она.

— Мы оба раздобудем хорошую одежду,— продолжал Джо,— и понаслаждаемся, может быть, в первый раз за всю нашу жизнь. Нужно поддержать тебя, чтобы ты не сломалась.

— Где мы возьмем денег?

— У меня есть,— сказал Джо.— Посмотри в моем чемоданчике.

Он закрыл дверь ванной. Шум воды заглушил остальное.

Открыв гардероб, она вытащила его продавленный, засаленный саквояж. В одном углу она обнаружила конверт. В нем были банкноты рейхсбанка крупного достоинства, которые имели хождение повсюду. «Значит,— дошло до нее,— мы можем уехать. Может быть, он все же не водит меня за нос. Как бы я хотела забраться к нему в башку и увидеть, что там». Она пересчитала деньги.

Под конвертом она обнаружила огромную цилиндрическую авторучку. Во всяком случае, ей показалось, что это авторучка, у нее был зажим. Но она была такая тяжелая. Она проворно вынула ее и открыла колпачок. Да, с золотым пером, но...

— Что это?— спросила она, когда Джо вновь вышел из ванной.

Он взял авторучку и положил ее на место в саквояж. С

какой осторожностью он обращался с ней... Она заметила это, задумалась и растерялась.

— Опять страхи?— сказал Джо.

Он казался беззаботным. Такой беспечности она еще не видала у него с тех пор, как они повстречались. С восторженным возгласом он подхватил ее за талию и поднял высоко вверх, покачивая из стороны в сторону, затем низко опустил и пристально взглянул в лицо, обдавая своим теплым дыханием, и с такой силой стиснул, что она взмолилась.

— Нет,— отдышалась она.— Я просто очень тяжелая на подъем.

«Я все же немного боюсь тебя,— подумала она.— Так напугана, что даже не отваживаюсь сказать об этом».

— Вперед, в окно!— закричал Джо.

Он прошел через всю комнату, держа ее на руках.

— Вот сюда мы и выйдем.

— Пожалуйста,— сказала она.

— Шучу,— ответил он.— Слушай, мы совершим набег, вроде похода на Рим. Помнишь? Дуче вел их, моего дядю Карло, например. Теперь и у нас будет небольшой марш-бросок, пусть не такой важный, о котором умолчат учебники истории. Верно?

Наклонив голову, он поцеловал ее в губы так сильно, что зубы их стукнулись.

— Как здорово мы будем выглядеть в новой одежде. И ты объяснишь мне, что в таких случаях принято говорить и как держать себя. Да? Поучишь меня хорошим манерам. Да?

— Ты и так очень хорошо говоришь, даже лучше, чем я,— сказала Юлиана.

— Нет.

Он сразу же стал серьезным.

— Я говорю очень неправильно. У меня действительно очень сильный акцент макаронника. Разве ты не заметила этого, когда впервые встретила меня в кафе?

— Вроде,— сказала она.— Но это не имело значения.

— Только женщина знает все светские условности,— добавил Джо.

Он перенес ее назад и с шумом уронил на диван.

— Без женщин мы бы только и обсуждали гоночные автомобили, лошадей и несли вслух всякую похабщину, как дикари.

«У тебя какое-то странное настроение,— подумала Юлиана,— беспокойное и грустное до тех пор, пока ты не решил куда-то двинуться. После этого ты начинаешь пры-

гать как ненормальный. А нужна ли я тебе? Ты можешь выбросить меня в канаву, оставить меня здесь, такое уже случилось прежде. И я могла бы вышвырнуть тебя, если бы мне нужно было куда-то уехать».

— Значит, это твоя плата?— спросила она, пока он одевался.— Ты долго собирал их? Здесь так много. Конечно, на Востоке денег куры не клюют. Я что-то не припомню, чтобы у других водителей, с которыми я разговаривала, были такие деньги.

— Ты считаешь меня водителем?— оборвал ее Джо.— Послушай, я езжу в этом рыдване не как водитель, а для охраны от бандитов, выгляжу как второй шофер, похрапывающий в кабине.

Плюхнувшись в кресло в углу комнаты, он откинулся назад, притворяясь спящим, челюсть его отвисла, тело расслабилось.

— Видишь?

Сначала она ничего не разобрала, но потом поняла, что в руке у него был нож с тонким, как у ножа для чистки картофеля, лезвием. Ну и ну! Откуда это он вытащил его? Из рукава, что ли? Или прямо из воздуха?

— Вот зачем меня наняли служащие фирмы «Фольксваген» благодаря послужному списку. Мы сумели защититься от Хазельдена с его командос. Он был их предводитель.

Его черные глаза заблестели. Он улыбнулся Юлиане.

— Догадайся, кто прихватил полковника, когда все кончилось? Когда мы поймали их на берегу Нила — его и еще четверых из его группы в пустыне, через несколько месяцев после окончания битвы за Каир? Как-то ночью они сделали на нас налет, чтобы добыть бензин. Я стоял на часах. Хазельден подкрался, весь вымазанный сажей — и лицо, и тело, и даже руки. В этот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы, очень шумное оружие. Он пытался перебить мне гортань, но я его прикончил.

Смеясь, он одним прыжком перемахнул расстояние от кресла до Юлианы.

— Давай собираться. Скажи в зале, что ты берешь отпуск на несколько дней. Позвони туда.

Его рассказ вовсе не убедил ее. Возможно, он никогда не был в Северной Африке, даже не сражался в войне на стороне Оси и вообще не воевал. Какие бандиты?

Это изумило ее. Насколько ей было известно, ни один

грузовик, проезжавший Канон-Сити с восточного побережья, не имел вооруженного профессионала-наемника в охране. Возможно, он даже не жил в ТША, все врал с самого начала, плел для того, чтобы заманить ее, заинтересовать, придать себе налет романтичности.

«Может быть, он — сумасшедший,— подумала она.— Какая ирония... Я могла бы на самом деле сделать то, в чем столько раз уверяла других, что делала: использовать дзю-до для самозащиты, чтобы уберечь... свою честь? Свою жизнь. Но, скорее всего, он просто какой-то бедный итальянец из низов, всю жизнь месивший грязь, утешая себя им же самым выдуманной славой. Он хочет устроить грандиозный кутеж, промотать все свои сбережения, прожить их и потом снова вернуться к своему нудному существованию. А для полноты счастья ему нужна девушка».

— Хорошо,— ответила она.— Я позвоню в зал.

Выходя в прихожую, она подумала: «Он купит мне дорогие платья и возьмет меня в какой-нибудь роскошный отель. Каждый мужчина жаждет иметь по-настоящему хорошо одетую женщину до того, как умрет, даже если ему самому придется покупать ей одежду. Этот кутеж, возможно, цель всей жизни Джо Чинаделла. Но он проницательный: как он прав в анализе моего поведения. У меня всегда был нервный страх перед всеми мужчинами. Фринк знал об этом тоже. Вот почему мы и расстались, вот почему меня охватило сейчас такое беспокойство, такое недоверие».

Когда она вернулась из телефона-автомата, то увидела, что Джо снова погрузился в «Саранчу», время от времени издавая нечленораздельные звуки и ничего вокруг не замечая.

— Ты же собирался дать мне почитать эту книгу.

— Может быть, пока я буду вести машину,— ответил Джо, не отрываясь от страницы.

— Ты сам собираешься вести? Но это же моя машина!

Он ничего не ответил, просто продолжал чтение.

* * *

Роберт Чилдан стоял возле кассового аппарата, когда, подняв глаза, увидел высокого тощего мужчину, вошедшего в магазин. На мужчине был немного вышедший из моды костюм, а в руках плетеная корзина. Мелкий торговец. Но тем не менее у него не было добродушной улыбки, совсем наоборот, на его жестком лице было печальное, даже угрюмое выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Рассчитавшись с покупателем, Чилдан обратился к вошедшему мужчине:

— Вы от кого?

— Я представляю фирму «Ювелирные изделия ЭдФренк»,— пробурчал человек.

Он поставил свою корзину на один из прилавков.

— Не слышал о ней,— прохаживаясь, заметил Чилдан.

Мужчина отстегнул крышку корзины и, делая массу лишнего движений, открыл ее.

— Все ручной работы, каждый предмет уникален, выполнен по оригинальным эскизам. Медь, латунь, серебро. Даже вороненое железо.

Чилдан заглянул в корзину. Специфический блеск металла на черном бархате.

— Спасибо, это не по моей части.

— Эти предметы представляют американское художественное ремесло. Современное.

Отрицательно мотнув головой, Чилдан вернулся к кассовому аппарату. Некоторое время посетитель неуклюже возился со своим бархатным панно и корзиной. Было непонятно, то ли он вытаскивает панно из корзины, то ли ставит его назад. Казалось, что он понятия не имеет о том, что делает. Чилдан наблюдал за ним, скрестив руки и размышляя о различных сиюминутных делах. В два часа у него свидание, где он должен показать несколько старинных чашек. Затем в три должны принести еще одну партию изделий из лаборатории Калифорнийского университета, где проверялась их подлинность. В последнюю пару недель он не прекращал передавать различные изделия на проверку с того самого злополучного происшествия с кольцом сорок четвертого калибра.

— Все эти изделия произведены без напыления или гальваники,— сказал посетитель с плетеной корзиной.

Он извлек из нее ручной браслет.

— Цельная латунь.

Чилдан кивнул, не отвечая. Посетитель еще немного поторчит здесь, перетасовывая свои образцы, но в конце концов уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдан взял трубку.

Один из его покупателей справлялся о старинном кресле-качалке, очень дорогом, которое Чилдан взялся для него починить. Работа еще не была закончена, и Чилдану пришлось на ходу выдумывать какую-то убедительную историю. Глядя через витринное стекло на уличное движе-

ние, он успокаивал и заверял клиента; в конце концов покупатель, несколько умиротворенный, дал отбой.

«В этом не приходится сомневаться», — подумал он, вешая трубку. Вся эта заварушка с кольцом сорок четвертого калибра основательно выбила его из колеи. Он уже больше не взирал на свои товары с прежней гордостью. Даже крупница подобного знания долго не выходит из памяти, сродни впечатлениям раннего детства. «Что указывает, — размышлял Чилдан, — на глубокую связь с нашим прошлым: здесь была замешана не только история США, но и события нашей личной биографии. Как если бы возник вопрос о подлинности наших свидетельств о рождении или воспоминании о дедах. Может быть, я, например, не помню на самом деле Франклина Делано Рузвельта, синтезированный образ, являющийся следствием обрывков подслушанных разговоров, так или иначе дополнявших друг друга, миф, внушенный навязчиво сознанию, вплетенный в ткани мозга, подобно мифу о Гайавате, о Чиппендейле или вроде того, что вот здесь обедал Авраам Линкольн, пользовался этими стаканами, старинными ложками, вилками, ножами. Этого нельзя увидеть, но факт остается».

У другого прилавка, все еще неуклюже копаясь в корзине с бархатным панно, коммивояжер произнес:

— Мы можем делать изделия по заказу как заблагорассудится клиенту, если кто-нибудь из ваших покупателей имеет свои собственные идеи.

Его голос был каким-то сдавленным. Он прочистил горло, глядя то на Чилдана, то на какое-то изделие, которое держал в руках.

Он явно не знал, как уйти из магазина.

Чилдан улыбался, но ничего не говорил.

«Это не мое дело. Его — собираться и убраться отсюда. Пусть ковыряется сколько угодно. Такая неуклюжесть. Ему не следовало быть коммивояжером. Мы все страдаем в этой жизни. Взгляните на меня. Целый день мне достается от таких япошек, как мистер Тагоми. Простым изменением гласных в моей фамилии он может всегда щелкнуть меня по носу, сделать мою жизнь ничтожной».

Затем ему в голову пришла идея.

«Этот парень, очевидно, неопытный. Надо присмотреться к нему. Может быть, я смогу взять что-нибудь из его побрякушек на комиссию. Стоит попытаться».

— Эй, — позвал Чилдан.

Торговец быстро поднял глаза.

Подойдя к нему со все еще скрещенными на груди руками, Чилдан сказал:

— Похоже, что вы уже здесь добрых полчаса. Я ничего не обещаю, но вы могли бы выложить некоторые из своих товаров. Перестаньте мучиться с крышкой этой корзины.

Кивнув, мужчина расчистил место на одном из прилавков. На этот раз ему удалось без всяких препятствий открыть корзину и вынуть панно.

Чилдан знал, что он выложит все подряд, будет кропотливо расставлять свой товар в течение следующего часа, суетиться и перекладывать его с места на место, пока не будет удовлетворен раскладкой, надеясь, тайно молясь, наблюдая за Чилданом краем глаза, увидит ли хозяин магазина хоть какой-нибудь интерес.

— Когда вы все это разложите,— сказал Чилдан,— если я не буду слишком занят, то попытаюсь взглянуть, что здесь у вас есть.

Продавец стал лихорадочно работать, будто его ужалили.

В магазин вошло несколько покупателей, и Чилдан приветствовал их. Теперь все его внимание было приковано к ним и их желаниям, и он забыл о коммивояжере, который продолжал корпеть над своими изделиями. Он уже понял создавшуюся ситуацию, и движения его стали спокойными, он обрел уверенность.

Чилдан продал кружку для бритья, почти продал вязаный коврик и принял залог за афганский ковер. Время шло. Наконец, покупатели вышли. Магазин опустел, в нем остались только он и коммивояжер.

К этому времени он уже завершил раскладку своих товаров. Весь набор ювелирных изделий был разложен на черном бархате на поверхности прилавка.

Роберт Чилдан лениво подошел к прилавку, закурил «Страну улыбок» и стал покачиваться взад и вперед с носков на пятки, попыхивая сигареткой. Продавец стоял тихо, оба молчали.

Затем продавец быстро заговорил:

— Вот хороший экземпляр. Вы не найдете на нем ни малейшей царапины от металлической щетки. Все отполировано и не скоро потускнеет. Мы покрыли их таким лаком, что блеск будет сохраняться в течение многих лет. Это лучший из лаков, которые только можно изготовить.

Чилдан понимающе кивнул.

— Что мы здесь сделали,— продолжал торговец,— так это приспособили испытанные промышленные технологические приемы для производства ювелирных изделий. На-

сколько мне известно, прежде никому не удавалось совершить подобное. Здесь нет литья в формы, только металл к металлу, сварка и плазменная обработка.

Он остановился.

— С обратной стороны некоторых образцов применена пайка твердыми сплавами.

Чилдан взял два браслета, затем булавку, затем еще одну.

Он подержал их какое-то время и отложил в сторону.

В глазах продавца засветилась надежда. Проверив ярлычок на ожерелье, Чилдан сказал:

— Это цена...

— Розничная. Вы платите только пятьдесят процентов от нее. Если вы сделаете покупку, ну, скажем, долларов на сто, то мы сделаем вам скидку еще на два процента.

Один за другим Чилдан отложил в сторону еще несколько изделий. С каждым следующим экземпляром продавец становился все более оживленным, он говорил все быстрее и быстрее и в конце концов стал повторяться и даже говорить какие-то глупые, бессмысленные вещи, все вполголоса и очень монотонно. «Он на самом деле думает, что ему удастся что-то продать»,— догадался Чилдан, но выражение его лица осталось бесстрастным. Он продолжал игру в отбор образцов.

— Это особенно хороший экземпляр,— бессвязно пробормотал продавец, когда Чилдан выудил большую подвеску и на этом остановился.— У вас действительно хороший вкус.

Глаза его быстро бегали по отложенным предметам. Он прикидывал в уме их стоимость и окончательную стоимость партии.

— Наша политика,— сказал Чилдан,— в отношении неопробованных товаров состоит в принятии их на комиссию.

Торговец в течение нескольких секунд не мог понять, о чем он говорит. Он молчал, стараясь постичь сказанное.

Чилдан ободряюще улыбнулся.

— На комиссию,— наконец, как эхо, отозвался торговец.

— Вы предпочитаете не оставлять?— спросил Чилдан.

Заикаясь, посетитель, наконец, произнес:

— Вы имеете в виду, что я оставляю это здесь, и вы производите оплату позже, когда...

— Вы получите две трети от вырученной суммы, когда вещи будут проданы. Таким образом, вы заработаете гораздо больше. Вам, конечно, придется подождать, но...

Чилдан развел руками.

— Дело ваше. Я могу предоставить один из своих застекленных прилавков. Если дело пойдет, тогда мы, может быть, и договоримся о непосредственной покупке.

Чилдан понял, этот человек провел в его магазине больше часа, выставляя свои товары, и выложил абсолютно все. Все его панно были в беспорядке, а предметы разбросаны по разным углам. Для того чтобы привести все в надлежащий вид, когда товары можно будет показать еще кому-нибудь, потребуется не меньше часа работы. Никто из них не нарушал воцарившую тишину.

— Те образцы, которые вы отложили в сторону, вы хотите оставить именно их?— спросил торговец тихо.

— Да. Я разрешаю оставить их у меня.

Чилдан прошел через весь магазин в подсобку.

— Я выпишу квитанцию, так что вы будете знать, что вы оставили у меня.

Когда он вернулся со своей квитанцией, то добавил:

— Вы понимаете, что, когда товары остаются на комиссионной основе, магазин не берет на себя ответственности в случае кражи или повреждения?

Он протянул торговцу на подпись небольшой бланк с отпечатанным на гектографе текстом. Магазины никогда не нужно будет полностью рассчитываться за отдельные предметы. При возвращении нераспроданной продукции, если чего-нибудь вдруг будет недоставать, это считается, что они украдены.

Так решил про себя Чилдан. В магазине всегда случаются кражи, особенно таких небольших вещей, как ювелирные изделия.

Не было такого варианта, чтобы Роберт Чилдан мог что-либо потерять на комиссии. Он должен платить за ювелирные изделия этого человека. Ему не нужно делать какие-либо закупки инвентаря, необходимого для их продажи. Если какое-то из них будет продано, он получит прибыль, а если нет — он просто вернет их все, или столько, сколько останется, торговцу в какой-нибудь туманный отдаленный срок.

Чилдан составил опись оставленных на комиссию вещей, подписал ее и копию передал торговцу.

— Вы можете позвонить мне,— сказал он,— через месяц и спросить, как идут дела.

Взяв с собой те ювелирные изделия, которые ему понравились, он вышел в подсобку, оставив торговца собирать оставшийся товар.

«Не думаю, что он будет продолжать,— подумал он,— но определенно сказать трудно. Вот почему всегда не грех попробовать».

Когда он вновь появился, то увидел, что торговец уже собрался. Плетеная корзинка была у него в руке, а прилавок был свободен. Торговец подошел к нему, что-то протягивая.

— Да?— отозвался Чилдан, который собирался просмотреть корреспонденцию.

— Я хочу оставить нашу визитную карточку.

Продавец положил на стол Чилдана какой-то странный на вид квадратик красной и серой бумаги.

— «Ювелирные изделия фирмы «ЭДФренк». Здесь есть наш адрес и номер телефона на случай, если вам захочется связаться с нами.

Чилдан поклонился, вежливо улыбнулся и принялся за почту.

Когда он поднял голову, в магазине было пусто. Торговец ушел.

Бросив пятицентовую монету в стенной автомат, Чилдан получил чашку горячего растворимого кофе и стал медленно пить, размышляя.

Интересно, как эти изделия могут покупаться. Не очень-то похоже, что сильно. Никто не видел ничего подобного. Он осмотрел одну из булавок. Очень оригинальная штучка. Работа отнюдь не любительская.

«Я поменяю ярлыки, поставлю гораздо большие цены и сделаю упор на то, что это ручная работа, и на их уникальность и оригинальность исполнения. Крохотная скульптурка. Носите на себе произведение искусства. Дорогое произведение на вашем лацкане или запястье».

Была еще одна мысль, все более занимавшая Роберта Чилдана. С этими изделиями не будет проблемы подлинности, а ведь эта проблема когда-нибудь может стать причиной краха индустрии, производящей исторические американские артефакты. Не сегодня, так завтра, после, но когда — никто не знает.

«Лучше всего не ставить весь капитал на одну лошадь. Этот визит еврейского мошенника, возможно, предвестник грядущего краха рынка. Если я тихонько запасусь неисторическими, современными изделиями, не имеющими исторической ценности — реальной или воображаемой, то я, возможно, на корпус обойду конкурентов, и это мне обойдется задаром».

Откинувшись в кресле так, что оно уперлось в стену, он потягивал кофе и размышлял.

Момент изменяется. Нужно быть готовым измениться вместе с ним либо каким-то другим образом выйти сухим из воды, приспособиться.

«Закон выживания,— подумал он.— Ищи, откуда ветер дует. Учись жить на потребу дня, изучай запросы, всегда делай нужное в нужное время».

Неожиданно его осенило, он даже выпрямился в кресле. Одним махом — двух зайцев. Да... В возбуждении он вскочил.

«Лучшие побрякушки заверну поизящнее, естественно, сняв ярлыки. Булавку, подвеску или браслет. Все равно, что-нибудь поприличнее. Затем — раз нужно оставить магазин, закрою его в два часа, как обычно, и прогуляюсь-ка я до дому, где живут Казуора. Мистер Казуора, Пол, конечно, будет на работе, но миссис Казуора, Бетти, скорее всего окажется дома. Сделаю ей подарок — новое оригинальное произведение американского художественного творчества. Свои собственные комплименты, чтобы набить цену. Вот так и возникнет новая мода. Разве это не прелестьная вещица? В магазине целая подборка ей подобных. Потом нечаянно уронить вещицу и так далее. Вот, пожалуйста, это для вас, Бетти.

Он затрепетал. «Среди дня только она и я в квартире! Муж на работе. Все к одному — великолепный предлог. Воздуха!»

Взяв небольшую коробочку, прихватив оберточную бумагу и цветные ленточки, Роберт Чилдан принялся готовить подарок для миссис Казуора. Смуглая, очаровательная женщина, такая изящная в своем шелковом восточном одеянии, на высоких каблуках. А может, все это слишком? Пол будет раздражен, разнюхает и ответит. Может, лучше притормозить: вручить подарок ему в его конторе, изложить ту же историю, но ему. Потом он пусть передаст подарок ей — подозрение может и не возникнуть. «А тогда-то,— подумал Чилдан,— я и позвоню ей по телефону через день-два. Надо же выяснить ее отношение к подарку. Еще воздуха!»

* * *

Когда Френк Фринк увидел, как его компаньон идет по тротуару, он сразу понял, что радоваться нечему.

— Что стряслось?— спросил он.

Он забрал у Эда корзинку и поставил ее в кузов пикапа.

— Где ты торчал добрых полтора часа? Господи Иисусе,

ему что, нужно было так много времени, чтобы сказать «нет»?

Эд был совершенно измочален, когда забрался в кабину и сел.

— И что же тогда он сказал?

Фринк открыл корзину и увидел, что многого в ней уже не было, причем не было лучшего.

— Эй, он забрал порядочно. В чем же тогда дело?

— Я ему разрешил.

Этому нельзя было поверить.

— Мы же договорились...

— Сам не знаю, как это получилось.

— О Боже! — простонал Фринк.

— Извини меня. Он так смотрел, будто собирался купить их. Он набрал много вещей. Я и подумал, что он покупает...

Они долго молча сидели в кабине пикапа.

Глава 10

Две последние недели были ужасными для мистера Бейнеса. Ежедневно в полдень он звонил из своего номера в Торговое Представительство и справлялся, не появился ли пожилой джентльмен. Ответом было неизменное «нет». Голос мистера Тагоми с каждым днем становился все суше и официальнее. Готовясь уже к шестнадцатому звонку, мистер Бейнес подумал, что рано или поздно ему скажут, что мистер Тагоми отсутствует. Он перестанет откликаться на звонки, и на этом все кончится.

Что же произошло? Где мистер Ятабе?

У него было только одно достойное объяснение. Смерть Мартина Бормана стала причиной немедленного оцепенения Токио. Мистер Ятабе, несомненно, был в пути в Сан-Франциско, всего в одном или двух днях пути, когда до него дошли новые инструкции: вернуться на Родные Острова для дальнейших консультаций.

«Не везет, — подумал мистер Бейнес, — возможно, даже фатально». Но он должен был оставаться на месте, в Сан-Франциско, и продолжать подготавливать встречу, ради которой он сделал сорокапятиминутный ракетный перелет из Берлина, а теперь уже больше двух недель сидит в отеле. «Мы живем в удивительное время. Можно отпра-

виться в любое место, куда пожелаешь, даже на другую планету, и ради чего? Сидеть, день за днем теряя надежду, морально разлагаясь, предаваясь бесконечной скуке и чувству внутренней опустошенности, а тем временем другие заняты по горло. Они не сидят, сложа руки, безнадежно надеясь». Мистер Бейнес развернул дневную «Ниппон Таймс» и перечитал заголовки.

Доктор Геббельс назначен рейхсканцлером.

Неожиданное разрешение проблемы руководства комитетом партии. Речь по радио звучит весьма внушительно. Толпы в Берлине кричат «Ура!».

Ожидается официальное заявление. Геринг, возможно, будет назначен шефом полиции вместо Гейдриха. Он еще раз прочитал всю статью, потом снова отложил газету, поднял трубку и назвал номер Торгового Представительства.

— Это мистер Бейнес. Можно мистера Тагоми?

— Одну минуточку, сэр.

Очень долгая минуточка.

— Мистер Тагоми слушает.

Мистер Бейнес глубоко вздохнул и произнес:

— Прошу прощения, но ситуация в равной степени угнетает нас обоих, сэр...

— Да, мистер Бейнес.

— Я очень признателен вам, сэр, за ваше участие. Когда-нибудь, уверен, вы поймете причины, побудившие меня отложить наше совещание, пока не прибудет пожилой...

— Весьма сожалею, но еще не прибыл.

Мистер Бейнес закрыл глаза.

— Я думал, может быть, со вчерашнего дня...

— Боюсь, что нет, сэр.

В трубке раздался щелчок. Мистер Тагоми положил трубку на рычаг.

«Я должен что-то предпринять. Больше ждать невозможно».

Он получил совершенно четкие указания от начальства: ни при каких обстоятельствах не выходить на связь с Абвером.

Он должен просто ждать, пока ему не удастся связаться с японцами, с их военным представительством. Он должен провести совещание с японцем, а затем вернуться в Берлин. Но никто не мог предугадать, что именно в этот момент умрет Борман. Следовательно...

План придется изменить. Указания заменить советами,

выработанными им самим, поскольку спросить их было не у кого.

В ТША работало по меньшей мере десяток агентов Абвера, и некоторые из них — а возможно, и все — были известны местной организации СД и ее полномочному старшему региональному руководителю Бруно Краусу фон Мееру. Несколько лет назад он мимоходом встретил Бруно на партийном собрании. У этого человека уже тогда была определенная дурная репутация в партийных кругах, ибо именно он в 1943 году раскрыл британско-чешский заговор, имевший целью покушение на жизнь Рейнхарда Гейдриха, и, следовательно, можно было сказать, что он спас Вешателя от смерти.

В общем, Бруно Краус фон Меер в то время был уже растущим деятелем аппарата СД, а не просто полицейским бюрократом.

Больше того, он был довольно опасным человеком.

Была даже некоторая вероятность того, что несмотря на все меры предосторожности, принятые как со стороны Абвера в Германии, так и со стороны Токкоки в Японии, СД узнала об этой намечающейся встрече в Сан-Франциско в офисе Главного Торгового Представительства. Однако здесь была все-таки территория, контролируемая японцами. СД не имела здесь реальной возможности воспрепятствовать встрече. Во всяком случае, законно. Было ясно, что поданный Германии — в данном случае он сам — будет арестован, как только ступит на территорию Рейха, но очень трудно было предпринять что-либо против японского подданного и против самой встречи.

По крайней мере он надеялся, что это так.

Была ли вероятность, хоть маленькая, того, что СД удалось задержать пожилого японского джентльмена где-то в пути?

Путь из Токио в Сан-Франциско долг, особенно для столь престарелого и больного человека, который не может позволить себе воздушный перелет.

Что нужно сделать — Бейнес был в этом уверен, — так это выяснить у тех, кто стоит выше, находится ли мистер Ятабе до сих пор в пути. Им это известно. Если бы его перехватило СД, или отозвало правительство в Токио, они бы об этом узнали.

Однако ему пришло в голову, что если им удалось добраться до пожилого джентльмена, то они обязательно доберутся и до него.

И все же, несмотря ни на что, положение еще не было

безнадежным. Одна мысль родилась в голове мистера Бейнеса, пока он день за днем один в номере ждал в отеле «Ахирати».

Чем возвращаться в Берлин с пустыми руками, не лучше ли передать имевшиеся сведения мистеру Тагоми? По крайней мере в этом случае оставался шанс, пусть и весьма незначительный, что в конце концов соответствующие люди будут проинформированы. Но мистер Тагоми мог только выслушать, и в этом был недостаток этой идеи. В самом благоприятном случае он мог бы услышать, все хорошо запомнить и как можно быстрее совершить поездку на Родные Острова. А мистер Ятабе — на том уровне, где делают политику. Он может и слушать, и говорить.

Все же это было бы лучше, чем ничего.

Времени оставалось все меньше и меньше. Начать все сначала, организовать осторожно, кропотливо, спустя несколько месяцев, еще раз эту тайную связь между некоей группировкой в Японии...

Это, конечно, очень удивит мистера Тагоми. Неожиданно обнаружить, какого рода знание обрушилось на его плечи, как далеко лежат они от дел, связанных с производством пластмасс.

Тут даже возможен нервный срыв.

«А вдруг он выболтает информацию какому-нибудь человеку из своего окружения, а может, просто замкнется в себе, притворится, даже перед самим собой, что он ничего не слышал, просто откажется верить мне, встанет, поклонится и, извинившись, выйдет из комнаты, как только я начну?»

Неблагоразумно, но он именно так может воспринять откровение мистера Бейнеса. Он не из тех, кому положено слушать подобные вещи.

«Так легко,— подумал Бейнес,— уйти, это самый простой, доступный для всех выход. Хотел бы я, чтобы у меня был такой способ уклониться от бремени ответственности. Но все-таки этот выход невозможен даже для мистера Тагоми. Мы не так уж и отличаемся друг от друга. Он может закрыть уши, чтобы не слышать того, что будет исходить от меня, исходить в форме слов, но позже, когда до него дойдет глубинный смысл сказанного... Или кому-нибудь другому, с кем я в конце концов переговорю...»

Мистер Бейнес покинул свой номер, вошел в лифт и спустился в вестибюль. Снаружи, уже на тротуаре, он велел швейцару вызвать для него педикейб и вскоре уже ехал по Маркет-стрит, глядя на то, как энергично накручивает педали водитель-китаец.

— Здесь, — сказал он водителю, увидев вывеску, которую искал. — Встаньте у бордюра.

Педикейб остановился у пожарного гидранта. Мистер Бейнес расплатился с водителем и отпустил его. Казалось, никто за Бейнесом не следил. Он немного прошелся по тротуару, а через мгновение с несколькими другими покупателями вошел в магазин «Фуга», самый большой супермаркет в центре города.

Повсюду толпились покупатели. Бесконечные ряды прилавков. Продавщицы, в основном белые, с небольшим вкраплением японцев в качестве заведующих секциями, ужасный шум.

После некоторого замешательства мистер Бейнес нашел отдел мужской одежды.

Он остановился перед стеллажом с мужскими брюками и начал осматривать их.

Вскоре к нему подошел приказчик, молодой, белый, и приветствовал его.

— Я вернулся, — сказал мистер Бейнес, — за темно-коричневыми шерстяными широкими брюками, которые я присмотрел еще вчера.

Встретившись взглядом с приказчиком, он добавил:

— Вы не тот человек, с которым я говорил. Тот был выше, с рыжими усами, довольно худой. На его пиджаке было имя «Дарри».

Приказчик ответил, что Дарри недавно ушел на обед, но скоро вернется.

— Я найду в примерочную и примерю эту пару, — сказал мистер Бейнес, беря брюки со стеллажа.

— Пожалуйста, сэр.

Приказчик указал на свободную кабину, а затем отошел, чтобы обслужить кого-то еще.

Мистер Бейнес вошел в примерочную и закрыл за собой дверь. Сев на один из двух стульев, он принялся ждать. Через несколько минут раздался стук.

Дверь примерочной отворилась, и вошел невысокий японец средних лет.

— Вы иностранец, сэр? — сказал он мистеру Бейнесу. — Я должен проверить вашу платежеспособность. Позвольте взглянуть на ваше удостоверение.

Он закрыл за собой дверь. Мистер Бейнес достал бумажник. Японец сел и начал проверять содержимое. Накнувшись на фотографию девушки, он приостановился.

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь, Марта.

— У меня есть дочь, которую тоже зовут Мартой,— сказал японец.— Теперь она в Чикаго, учится игре на фортепиано.

— Моя дочь вот-вот выйдет замуж,— сказал мистер Бейнес.

Японец вернул бумажник и замер, выжидая.

— Я здесь уже две недели,— сказал мистер Бейнес.— Но мистер Ятабе до сих пор не появился. Я хочу узнать, находится ли он до сих пор в пути? И если нет, то что я должен делать?

— Приходите завтра, во второй половине дня,— ответил японец.

Он встал. Встал и мистер Бейнес.

— До свидания.

— До свидания,— ответил мистер Бейнес.

Он вышел из примерочной, положил брюки назад на стеллаж и вышел из универсама «Фуга».

Шагая по тротуару вместе с другими пешеходами, он думал, что на все ушло не так много времени. Сможет ли он получить необходимую информацию? Ведь нужно было связаться с Берлином, передать его запрос, произвести шифровку и дешифровку — каждый из этих шагов отнимал время.

«Жаль, что я раньше не встретился с этим агентом. Я бы избавился от многих страхов и мук. Очевидно, это не связано с особым риском, все как будто прошло очень гладко. По существу, на это ушло всего пять-шесть минут».

Теперь он чувствовал себя намного лучше.

Вскоре он уже рассматривал витрину с фотографиями, сделанными во время непристойных представлений в низкопробных притонах — грязные, засиженные мухами, снимки совершенно голых белых женщин, чьи груди висели, как наполовину опустившиеся воздушные шары. Зрелище позабавило его, и он задержался у витрины. Мимо него по своим делам шли прохожие, не обращая никакого внимания.

Наконец-то он хоть что-то сделал.

Какое облегчение!

* * *

Юлиана читала, поудобнее опершись на дверцу автомобиля. Рядом с ней, выставив локоть из окна, Джо одной рукой, слегка касаясь баранки, вел машину. К его нижней губе прилипла сигарета. Он был хорошим водителем. И

они уже покрыли большую часть расстояния между Канон-Сити и Денвером.

Из приемника неслась слашавая народная музыка, вроде той, которую играют ансамбли аккордеонистов в пивных на открытом воздухе: бесконечные польки и шотландки — она никогда не умела отличать одних от других.

— Дешевка, — отметил Джо, когда музыка закончилась. — Послушай, я неплохо разбираюсь в музыке, могу сказать, кто был великим дирижером. Ты, наверное, не помнишь его: Артуро Тосканини.

— Не помню, — машинально ответила она, не отрываясь от книги.

— Он был итальянцем. Но после войны ему не разрешили бы дирижировать из-за его политических симпатий. Теперь-то он уже умер. Не нравится мне этот фон Кароян — бессменный дирижер Нью-Йоркской филармонии. Мы были обязаны ходить на его концерты, наш рабочий поселок. А что я люблю, как всякий «воп», — догадайся!

Он посмотрел на нее.

— Понравилась книга?

— Захватывает.

— Мне нравятся Верди и Пуччини. Все, что у нас было в Нью-Йорке, — это тяжеловесная, напыщенная музыка Вагнера и Орфа, и мы были обязаны каждую неделю ходить на эти пошлые драматические представления, устраиваемые нацистами в Медисон-сквер-гарден — с флагами, трубами, барабанами, пылающими факелами. История готических племен или другая воспитательная чушь, если бы все это можно было назвать «искусством». Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — отозвалась она, не отрываясь от книги.

— Правда, что там были шикарные театры? Я слышал, что были. Да и с кино теперь то же самое: вся кинопромышленность сосредоточилась в одном берлинском квартале. За те тринадцать лет, которые я провел в Нью-Йорке, не было ни одной оперетты или пьесы, только эти...

— Не мешай мне читать, — сказала Юлиана.

— То же самое и с книжными издательствами, — сказал Джо невозмутимо. — Сейчас они все монополизированы, с центром в Мюнхене. А вот до войны Нью-Йорк был центром мирового книгоиздательства. Так во всяком случае говорят.

Заткнув уши пальцами, она сосредоточилась на лежавшей у нее на коленях книге, стараясь отключиться от его голоса.

Ей попался тот раздел «Саранчи», где описывалось легендарное телевидение, и оно очаровало ее, особенно те строки, где говорилось о дешевых небольших установках для отсталых народов Африки и Азии.

«Только предприимчивость янки и система массового производства — Детройт, Чикаго, Кливленд — какие волшебные названия! — могли совершить это чудо, посылку нескончаемого и почти до безумия бескорыстного потока дешевых однодолларовых (в китайских долларах) телевизионных приборов в каждую деревню, в любую глухомань Востока. И когда какой-нибудь изможденный юноша с беспокойным умом, умирая от голода, хватался за этот единственный шанс, который предоставляли ему щедрые американцы, и собирал из набора крохотный приемник с встроенным в него источником питания размером не больше куска туалетного мыла, то что же можно было узнать с его помощью? Сгрудившись перед экраном, молодежь деревни, а часто и люди постарше, видели слова. Инструкции. Прежде всего как научиться читать, затем все остальное. Как выкопать более глубокий колодец, вспахать более глубокую борозду. Как очистить питьевую воду, исцелить своих больных. Над их головами витала американская искусственная волна, распространяя сигналы, разнося их повсюду, всем страждущим, всем жаждущим знания массам Востока...»

— Ты читаешь все подряд? — спросил Джо. — Или пропускаешь какие-то куски?

— Как это замечательно! Он заставил нас посылать пищу и образование всем азиатам, миллионам их, — сказала она.

— Благотворительность во всемирном масштабе.

— Да, Новый курс, провозглашенный Тагвеллом, по подъему уровня жизни масс. Только послушай.

Она прочла вслух:

— «Чем был всегда Китай? Томящимся, цельным, испытывающим во всем нужду существом, глядевшим на Запад. Его великий президент демократ Чан Кайши, который провел китайский народ через военные годы, теперь, в дни мира, вел его к Декаде перестройки. Но для Китая это не было восстановлением, так как в этой, почти сверхъестественно обширной плоской стране раньше ничего не возводилось, и она еще оставалась погруженной в свой древний сон. Восстающее ото сна существо, гигант, которому нужно было наконец-то обрести ясное сознание, пробудиться в современном мире с его реактивными самолетами и атомной энергией, его автострадами, заводами и лекарствами.

И откуда же должен был раздаться тот удар грома, что разбудил бы гиганта? Чан Кайши знал это еще во время войны с Японией. Он мог раздаться только из Соединенных Штатов. К 1950 году американские техники и инженеры, учителя, врачи, агрономы роем устремились в каждую провинцию, каждую деревню, подобно какому-то новому виду ожившего...»

— Ты знаешь, что он сделал, а?— прервал ее чтение Джо.— Он взял у нацизма все лучшее: социалистическую часть, организацию Тодта и экономический прогресс, достигнутый при Шпеере, и все это подарил чему? Новому курсу. И выкинул все то, что уродливо: деятельность СС, уничтожение низших рас, изоляцию других. Но это же утопия! Ты думаешь, если бы союзники победили, то Новый курс оживил бы экономику и совершил бы все эти социальные сдвиги, поднял бы благосостояние? Ничего подобного! Он выдумал некую форму государственного синдиката, кооперативного государства, вроде того, к которому мы пришли при дуче. Он утверждает: вы будете иметь только хорошее и ничего из...

— Дай почитать,— огрызнулась Юлиана.

«И эти рынки, неисчислимые миллионы китайцев обеспечили на много лет работой заводы Детройта и Чикаго. Этот гигантский зев никогда не наполнится, этот народ и за сто лет не обеспечить нужным количеством грузовиков и кирпичей, стальных болванок и одежды, пишущих машинок и капель от насморка. Американский рабочий имел в 1960 году наивысший уровень жизни в мире, и все потому, что Штаты изящно именovali себя «страной наибольшего благоприятствования» при заключении торговых сделок со странами Востока. США больше не оккупировали Японию, а последняя никогда не оккупировала Китай, и тем не менее неоспоримым фактом было то, что Кантон, Токио и Шанхай покупали не британские товары, а американские. И в каждой новой сделке рабочий в Балтиморе, Лос-Анджелесе и Атланте видел увеличение своего благосостояния. Тем, кто делал долгосрочную политику, людям в Белом доме, обладающим широким кругозором, казалось, что они почти добились цели. Исследовательские ракеты должны были вот-вот устремиться в космические бездны, покидая мир, который наконец-то увидел окончание своих вековых болезней: голода, болезней, войн, невежества. Эквивалентные меры социального и экономического развития, предпринятые Британской империей, принесли подобное же облегчение участи широких масс в Индии, Бирме,

Африке, на Ближнем Востоке. Продукция заводов Рура и Манчестера, сталь Саара, нефть Баку — все слилось и взаимодействовало в сложной, но действенной гармонии. Народы Европы наслаждались тем, что казалось...»

— Я полагаю, что именно они должны править миром, — сказала Юлиана.

Она оторвалась от книги.

— Они во всем были лучше всех. Британцы.

Джо ничего на это не ответил, несмотря на то что она выжидающе посмотрела на него.

Она вновь взялась за книгу.

«...осуществлением мечты Наполеона: разумная однородность этнически различных народов, отсутствие которой было причиной раздоров и пререканий по каждому пустяку со времен падения Рима. А также мечты Карла Великого: объединенное христианство, которое бы стало жить в мире не только между собой, но и с остальным миром. И все же до сих пор оставалась одна ноющая рана. На Малайях жило много китайцев, в основном предпринимателей, и эта процветающая, работающая буржуазия видела в американском способе ведения дел в Китае более справедливое общение с теми, кого британцы называли «туземцами». Бывшие под британским господством темнокожие расы не допускались даже в провинциальные клубы, отели, приличные рестораны. Как и прежде, они видели, что для них в трамваях отведены особые секции, и, что хуже всего, что они ограничены в выборе места жительства в любом из городов. Эти «туземцы» по слухам, из газет знали, что в США проблемы цветных решены еще до 1950 года. Что белые и негры живут, и работают, и едят вместе даже на глухом Юге. Вторая мировая война покончила с дискриминацией...»

— А потом начались беспорядки? — спросила она у Джо.

Он кивнул, продолжая следить за дорогой.

— Ну расскажи же, что было дальше.

Она закрыла книгу.

— Мне все равно не успеть дочитать ее до конца, скоро мы будем в Денвере. Наверное, Америка и Англия затеют между собой войну, и в результате одна из них будет повелевать всем миром.

— Кое в чем эта книга не так уж и плоха, — отозвался Джо. — Он все продумал до мельчайших подробностей. США получили Тихий Океан, создав нечто вроде нашей Со-Процветания Юго-Восточной Азии. Россию они с Англией поделили на сферы влияния. Так продолжалось десять лет. А затем, естественно, между ними возникли трения.

— Почему же «естественно»

— Такова человеческая натура, — сказал Джо, — и природа государства. Подозрительность, страх, жадность. Китайцы думают, что США подрывают господство Британии в Южной Азии, привлекая на свою сторону значительное китайское население; у тех, кто под влиянием Чан Кай-Ши, настроение проамериканское. Англия начинает организовывать то, что они называли «охраняемые районы опеки».

Он ухмыльнулся.

— Другими словами, концентрационные лагеря для тысяч китайцев, подозреваемых в измене. Их обвиняют в саботаже и пропаганде. Черчилль до того...

— Ты хочешь сказать, что он еще у власти? Разве его еще не убрали?

— Вот тут-то британская система и превзошла американскую, — сказал Джо. — Каждые восемь лет США дают пинка под зад своим руководителям, какими бы опытными они ни были. Но Черчилль-то все еще у власти. У США после Тагвелла никогда не было руководителя, подобного ему. Одни ничтожества. И чем старше он, тем властолюбивее и жестче, этот Черчилль. В 1960 году он уже напоминает какого-то древнего властителя Центральной Азии. Никто не смеет ему перечить. Он у власти более двадцати лет.

— О, боже! — воскликнула она.

Она открыла книгу с конца, чтобы найти подтверждение тому, что он говорил.

— С чем я согласен, — продолжал Джо, — так это с тем, что Черчилль во время войны был единственным порядочным лидером Англии. Если бы его оставили у власти, дела Англии были бы гораздо лучше. Вот что я скажу: государство не может быть лучше своего руководителя. Фюрер, принцип — принцип фюрерства, как говорили наци. Они правы. Даже этот американец должен согласиться с нами. Конечно, у него США после войны осуществили колоссальную экономическую экспансию, прибав к рукам бездонный рынок сбыта в Азии, доставшийся им от японцев. Но этого оказалось недостаточно: таким путем трудно обрести идею. Не получили ее и британцы. В обеих странах правят богачи, plutократия. Если бы победили они, все их думы сводились бы к тому, чтобы увеличить побольше доходы для своей верхушки. Он ошибся, этот Абеденсен: не было бы никаких социальных реформ — не было бы планов повышения жизненного уровня масс. Англосаксонская plutократия не допустила бы этого.

Теперь он говорил как настоящий фашист.

Очевидно, Джо по ее лицу понял, о чем она думает. Он повернулся к ней, снизил скорость и, поглядывая то на нее, то на шедшие впереди машины, горячо проговорил:

— Послушай, я не из интеллектуалов. Фашизму нет в них надобности. Что требуется, так это дело, а теория выводится из действия. Единственное, что требует от нас наше корпоративное государство, — это достижения социальных сил истории. Понимаешь? Это я говорю тебе. Я это точно знаю, Юлиана.

Тон его стал неистовым, даже молящим.

— Эти старые, гнилые, руководимые золотом империи: Британская, Французская, Американская, хотя последняя — только незаконнорожденный ублюдок, а не империя в полном смысле. Все они в равной степени опираются на деньги. Души у них не было, а естественно, не было и будущего, роста не было. Да, наци — это б а н д а головорезов, я с этим согласен. Ты тоже так думаешь? Верно же?

Она через силу улыбнулась: итальянские экзальтации засосали его — он вел машину, извергая из себя целую речь.

— Абеденсену слишком важно, кто победит — США или Англия. Явная нелепость. Они не достойны победы. Они ничем ее не заслужили. Ты когда-нибудь читала что-нибудь из того, что писал дуче? Это откровение. Красивый мужчина. Красивые слова. Он объясняет подоплеку каждого явления. На самом деле основным существом конфликта во время войны была борьба старого против нового. Деньги — вот почему нацисты ошибочно и нескстати притянули сюда еврейский вопрос — против коллективного духа масс, названного фашистами «хемейштафт» — народность.

«Он сейчас — вылитый Муссолини», — подумала Юлиана.

— Зверство нацистов — это трагедия.

Джо на минуту замолк, обгоняя еле тащившийся грузовик.

— Но при всякой перемене проигравшему приходится туго. Тут нет ничего нового. Вспомни прежние революции, например французскую, вспомни тактику Кромвеля по отношению к Ирландии. В немецкой философии слишком много темперамента, да и театральности с избытком. Одни шествия чего стоят. Настоящего фашиста никогда не увидишь разглагольствующим. Он всегда действует, как я. Верно?

Она рассмеялась.

— Ты болтаешь со скоростью мили в минуту.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия!— вне себя вскричал он.

Она не смогла ответить: слишком уж забавно это было. Но человек, сидевший рядом, вовсе не считал это забавным. Раскрасневшись, он сердито смотрел на нее.

Вены на его лбу вздулись, его начало трясти. Он снова засунул пятерню в лохматую шевелюру и стал ею двигать взад и вперед, ничего не говоря, но глядя ей в глаза.

— Не обижайся на меня,— сказала она.

На какой-то миг ей показалось, что он хочет ее ударить: он уже занес руку, но тут же потянулся к приемнику и включил его.

Из динамика неслась оркестровая музыка, трещали помехи. Она попыталась снова еще раз сосредоточиться на книге.

— Ты права,— сказал Джо после долгой паузы.

— Насчет чего?

— Насчет дважды битой империи. С клоуном вместо вождя. Неудивительно, что мы ничего от этой войны не получили.

Она похлопала его по руке.

— Юлиана, все это муть,— отозвался Джо.— Ничего нет истинного и определенного. Верно?

— Может быть, и так,— отсутствующе произнесла она.

Она продолжала читать.

— Победила Британия.

Джо указал на книгу.

— Избавлю тебя от необходимости выискивать это место. США приходят в упадок, Британия все больше их теснит, продолжая экспансию, сохраняя инициативу. Так что можешь отложить книгу в сторону.

— Надеюсь, в Денвере нам будет весело.

Она закрыла книгу.

— Тебе нужно расслабиться. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

«Если тебе не удастся это,— подумала она,— ты развалишься на миллион частей, как лопнувшая пружина. А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может, уже сейчас оставить тебя? Очень хочется тех лучших времен, которые ты мне обещал. Я не хочу быть обманутой. Слишком часто меня обманывали прежде другие люди».

— Обязательно будет хорошо,— сказал Джо.— Послушай...

Он как-то странно, оценивающе взглянул на нее.

— Ты слишком увлеклась этой книгой. Вот интересно — представь себе человека, написавшего бестселлер,

ну, автора, вроде этого Абеденсена. Пишут ли люди ему письма? Могу поспорить, что многие пишут и хвалят книгу, может быть, даже посещают его.

Она тут же поняла.

— Джо, это же всего лишних полторы сотни километров.

Глаза ее засияли. Он улыбнулся ей, снова счастливый, не испытывая ни огорчений, ни волнений.

— Пожалуй, можно было бы,— сказала она.— Ты так хорошо водишь машину, тебе ничего не стоило бы доехать туда, правда?

— Ну, я сомневаюсь, что этот знаменитый человек так запросто пускал бы к себе посетителей. Их, наверное, пруд пруди.

— А почему бы не попытаться, Джо?

Она схватила его за плечо и возбужденно сдавила его.

— Худшее, что он может сделать,— выгнать нас. Пожалуйста, Джо.

— Только когда сделаем покупки и прилично оденемся,— веско проговорил Джо,— все с иголочки. Это очень важно — произвести хорошее впечатление. И может быть, даже найдем новый автомобиль, уже там, на Шайенн. Дерзну пари, нам удастся.

— Да,— подтвердила она.— И тебе нужно постричься. И позволь, чтобы одежду тебе подобрала я, пожалуйста, Джо. Я, бывало, выбирала одежду для Фринка. Мужчина ведь никогда не может купить что-нибудь приличное для себя.

— На одежду у тебя неплохой вкус,— заметил Джо.

Он смотрел на расстилавшуюся перед ним дорогу.

— И вообще... Лучше всего, если ты сама позвонишь ему, именно ты свяжешься с ним.

— Я сделаю себе прическу,— сказала она.

— Хорошо.

— И даже не побоюсь подняться и нажать звонок.

Она осмелела.

— Я имею в виду, что живем-то мы только раз. Зачем же нам трусить? Он такой же человек, как и мы все. Может быть, ему будет даже приятно узнать, что кто-то только для того и заехал в такую даль, чтобы сказать ему, как понравилась его книга. Мы сможем получить его автограф на первой странице книги — обычно его оставляют именно там. Разве не так? Только было бы лучше купить новый экземпляр: этот так обтрепался и засалился. Тут автограф не будет смотреться.

— Все что пожелаешь,— ответил Джо.— Я позволю тебе взять на себя все детали. Я уверен, что тебе они под

силу. Хорошенькая девушка всегда добьется своего. Когда он увидит, какая ты сногшибательная, он настежь распахнет дверь. Но послушай: давай без дураков!

— Ты это о чем?

— Скажешь, что мы женаты? Я не хочу, чтобы ты впуталась с ним в какую-нибудь историю. Ты понимаешь, о чем я говорю. Это было бы ужасно. Это бы разбило нам всю жизнь — какая награда за его гостеприимство, какая ирония. Так что гляди в оба, Юлиана.

— Кстати, и поспоришь с ним, — сказала Юлиана, — насчет того, Италия ли стала причиной поражения, предав державы Оси, расскажешь ему то, что ты рассказал мне.

Джо кивнул.

— Ну что ж, договорились. Мы обсудим все, что он написал.

Они быстро мчались на север.

* * *

Остывший взор, слабость в желудке и так далее. Тошнота и угнетенное половое чувство.

И все же — перед глазами ничего нет.

Чем может ответить его тело? Бегством?

Скрестив ноги, мистер Тагоми уселся прямо на полу своей гостиной и начал манипулировать с сорока девятью стебельками тысячелистника.

Вопросы были безотлагательными, и он с лихорадочной быстротой проделал все необходимое, чтобы получить перед собой все шесть строчек.

О ужас! Гексаграмма пятьдесят один!

Бог является под знаком грома и молнии.

Трубный глас! Он произвольно прижал руки к ушам. Ха-ха! Хо-хо! Мощный взрыв, что бросает его в дрожь и заставляет закрыть глаза от страха. Рев тигра, нервная суетная всполошившихся ящериц — и вот сам бог является миру.

Что же это значит? Он оглядел комнату.

Приближение — чего? Он вскочил и неподвижно ждал, тяжело дыша.

Ничего. Колотящееся сердце. Дыхание и все физиологические процессы, включая даже произвольные, управляемые подсознанием, близки к критическому уровню: адреналин, сильное сердцебиение, учащенный пульс, нарушение функций желез, комок в горле, застывший взор, слабость в желудке и так далее. Тошнота и угнетенное половое чувство.

И все же — перед глазами ничего нет.

Чем может ответить его тело? Бегством?

Все готово к нему. Но куда бежать? И зачем?

На ум ничего не приходило. Значит, невозможно. Дилемма цивилизованного человека: тело готово к чему угодно, но угроза туманна, не обозначена.

Он вошел в ванную и начал намыливать подбородок, чтобы побриться.

Зазвонил телефон.

— Удар,— сказал он громко.

Он отложил бритву.

— Будь готов.

Он быстро перешел из ванной в спальню.

— Я готов.

Он поднял трубку.

— Тагоми слушает.

Голос его сорвался, и ему пришлось прочистить горло.

Пауза, затем слабый, вялый, шуршащий, как старые опавшие листья, голос произнес:

— Сэр, это Синиро Ятабе. Я прибыл в Сан-Франциско.

— От имени Главного Торгового Представительства приветствую вас,— сказал мистер Тагоми.— Как я рад. Вы в добром здравии и в добром духе?

— Да, мистер Тагоми. Когда я смогу увидеть вас?

— Очень скоро. Через полчаса.

Мистер Тагоми взглянул на настенные часы, с трудом разбирая время.

— Третья сторона, мистер Бейнес. Я должен связаться с ним. Возможна задержка, но...

— Мы можем условиться: через два часа, сэр,— сказал мистер Ятабе.

— Хорошо,— сказал мистер Тагоми, поклонившись.

— В вашей конторе в «Ниппон Таймс Билдинг».

Мистер Тагоми поклонился вторично.

Щелк. Мистер Ятабе опустил трубку.

«Мистер Бейнес будет доволен,— подумал мистер Тагоми.— Он должен будет чувствовать то же, что кот, которому бросили кусок семги, например отличный жирный хвост».

Мистер Тагоми нажал-отпустил рычаг, а затем спешно набрал номер отеля «Абхирати».

— Тягостное ожидание закончилось,— сказал он, услышав сонный голос мистера Бейнеса.

Сон как рукой сняло.

— Он здесь?

— В моей конторе,— сказал мистер Тагоми,— в десять часов двадцать минут. До свидания.

Он положил трубку и бросился в ванную заканчивать бритье. На завтрак не было времени, нужно будет велеть мистеру Рамсею что-нибудь сообразить, когда все будут в сборе. Все трое могут одновременно позволить себе это удовольствие. Пока брился, он думал о том, что именно заказать на завтрак.

* * *

Мистер Бейнес стоял в пижаме с трубкой в руке и нервно потирал лоб. «Какой стыд,— думал он,— сломаться и выйти на связь с этим агентом. Если бы подождать всего день. Но, возможно, ничего плохого и не произошло. Однако сегодня нужно вернуться в магазин. Предположим, я не покажусь? Это может вызвать цепную реакцию, они подумают, что меня убили, или что-то в этом роде. Попытаются меня отыскать. Но все это уже не столь важно, потому что он здесь. Наконец-то. Ожидание кончилось».

Мистер Бейнес бросился в ванную и стал готовиться к бритью.

Он решил, что не стоит сомневаться в том, что мистер Тагоми узнает его, как только увидит.

«Теперь мы сможем отбросить это прикрытие: «Мистер Ятаве». По существу, мы можем отбросить все прикрытия и условности».

Побрившись, он тут же поспешил под душ.

«Наверное, уже поздно СД что-либо предпринимать,— подумал он,— даже если они разнюхали, поэтому мне вероятно, можно не беспокоиться. По крайней мере, будничные, мелкие заботы можно выкинуть из головы. Ничтожный страх за свою собственную шкуру. Что же касается всего остального — теперь придется беспокоиться всерьез».

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан-Франциско Фрейера Гуго Рейсса первое же дело этого дня было неожиданным и внушающим тревогу.

Войдя в приемную, он обнаружил, что там его уже ждет посетитель, крупный мужчина средних лет с тяжелой челюстью и следами оспы на лице, с недобрым хмурым лицом. Мужчина встал и отдал партийный салют, одновременно пробормотав:

— Хайль!

— Хайль!— ответил Рейсс.

Внутренне он застонал, хотя на лице его отразилась формальная деловая улыбка.

— Герр Краус фон Меер? Я удивлен. Входите.

Он отомкнул дверь своего кабинета, удивляясь тому, куда запропастился его вице-консул и кто позволил войти в приемную шефу СД. Однако этот человек уже был здесь, и теперь с этим уже ничего не поделаешь.

Войдя вслед за ним, сунув руки в карманы своего темного драпового пальто, Краус фон Меер сказал:

— Послушайте, Фрейер, мы нашли парня из Абвера. Это Рудольф Вегенер. Он показался на одной старой явке Абвера, которая у нас под колпаком.

Краус фон Меер захихикал, ослабившись и показывая при этом огромные золотые зубы.

— Мы проследили его до самой гостиницы.

— Прекрасно,— сказал Рейсс.

Он заметил на своем столе почту. Значит, Пфердхоф где-то поблизости. Несомненно, он оставил кабинет закрытым, чтобы помешать шефу СД совать свой нос в их дела.

— Это очень важно,— сказал фон Меер.— Я известил Кальтенбруннера самым безотлагательным образом. Теперь в любую минуту вы можете получить известие из Берлина, если только эти «Унратфреззеры» («Дерьмоеды») там, дома, все не перепутают.

Он уселся за консульский стол, вытащил из кармана пачку сложенных бумаг и, шевеля губами, старательно развернул одну из них.

Фамилия для прикрытия — Бейнес. Выдает себя за шведского промышленника или коммерсанта или за кого-то еще, связанного с промышленностью. Сегодня утром в восемь десять он отозвался на телефонный звонок насчет официального свидания в десять двадцать в японской конторе. Сейчас мы пытаемся проследить, откуда был сделан звонок. Возможно, нам это удастся сделать через полчаса. Они мне перезвонят сюда.

— Понимаю,— сказал Рейсс.

— Теперь мы можем подцепить этого молодца,— продолжал Краус фон Меер.— И если мы это сделаем, то, естественно, отошлем назад в Рейх на ближайшей ракете Люфтганзы. Однако японцы или Сакраменто могут протестовать и попытаться помешать этому. Они адресуют протест вам, если решаться. Возможно, они даже окажут

очень сильное давление и доставят в аэропорт целый грузовик агентов Тококку.

— Вы не можете сделать так, чтобы они никого не обнаружили?

— Слишком поздно. Он уже на пути на это свидание. Нам, возможно, придется брать его прямо на месте, ворваться, схватить и убежать.

— Мне это не нравится,— сказал Рейсс.— А вдруг у него свидание с каким-то чрезвычайно важным, высокопоставленным японцем? Как раз сейчас в Сан-Франциско, по-видимому, находится личный посланец императора. На днях до меня дошел слух...

— Это не имеет значения,— перебил его фон Меер.— Подданный Германии должен подчиняться законам Рейха.

«А мы хорошо знаем, что представляют собой законы Рейха»,— подумал Рейсс.

— У меня наготове отделение коммандос,— продолжал Краус фон Меер.— Пятеро отличных ребят.

Он снова хихикнул.

— Выглядят как скрипачи. Чудные лица аскетов, грустные лица, такие, как, может быть, у студентов богословов. Когда они войдут, япошки сначала подумают, что это струнный квартет...

— Квинтет,— подсказал Рейсс.

— Да. Они подойдут прямо к двери, соответствующие одетые.

Он внимательно осмотрел консула.

— Почти так же, как вы.

«Спасибо»,— подумал Рейсс.

— Прямо на виду у всех, не стесняясь, прямо к этому Вегенеру. Они окружают его, как-будто с ним совещаются. Мол, очень важное сообщение,— продолжал бубнить он, пока консул открывал свою почту.— Никакого насилия, просто: «Герр Вегенер, пройдемте с нами, пожалуйста. Вы же все понимаете». И между спинными позвонками маленькое острие. Миг — и высшие нервные центры парализованы.

Рейсс кивнул.

— Вы слушаете?

— Да.

— И снова на улицу, в автомобиль. Назад ко мне в контору. Япошки, конечно, переполошатся, но будут вежливыми до последнего момента.

Краус фон Меер неуклюже отодвинулся от стола, пытаясь показать, как будут раскланиваться японцы.

— Это же так грубо — обманывать нас, герр фон Меер. Однако ничего не поделаешь, гуд бай, герр Вегенер...

— Бейнес, — сказал Рейсс. — Разве не этой фамилией он пользуется на этих переговорах?

— Бейнес. Очень жаль, что вы покидаете нас. В другой раз мы, возможно, еще о многом с вами переговорим.

На столе зазвонил телефон, и Краус фон Меер перестал кривляться.

— Это, наверное, мне.

Он потянулся к трубке, но Рейсс его опередил.

— Это Рейсс.

— Консул, говорит «Ауслянд Ферншпрехамт» в Новой Шотландии, — проговорил незнакомый голос. — Вам трансатлантический вызов из Берлина, срочно.

— Хорошо, — отозвался Рейсс.

— Подождите минутку, консул.

Послышались слабые разряды, треск, потом другой голос, женский.

— Канцелярия.

— Да, это «Ауслянд Ферншпрехамт» в Новой Шотландии. Вызывается рейхсконсул Гуго Рейсс. Сейчас консул на проводе.

— Поддерживайте связь.

Последовала долгая пауза, во время которой Рейсс одной рукой продолжал перебирать почту. Краус фон Меер равнодушно наблюдал за ним.

— Герр консул, извините, что отнимаю у вас время, — раздался мужской голос.

Кровь застыла в жилах Рейсса. Баритон, тщательно отработанный, гладкий, переливающийся голос, знакомый Рейссу много лет, — доктор Геббельс.

— Это доктор Геббельс.

— Да, канцлер.

Следивший за Рейссом Краус фон Меер улыбнулся.

Челюсть его больше не отвисала.

— Только что меня попросил позвонить вам генерал Гейдрих. В Сан-Франциско сейчас находится какой-то агент Абвера, его зовут Рудольф Вегенер. Вы должны всецело содействовать СД во всем, что она предпринимает по отношению к нему. На подробности в данный момент нет времени. Просто полностью предоставьте свою контору в их распоряжение. Заранее премного вам благодарен.

— Понимаю, герр канцлер, — сказал Рейсс.

— До свидания, консул.

Краус фон Меер пристально посмотрел на Рейсса, как только тот положил трубку.

— Я был прав?

Рейсс пожал плечами.

— О чем тут спорить?

— Подпишите ордер на принудительное возвращение этого Вегенера в Германию.

Вынув ручку, Рейсс подписал ордер, поставил на нем печать и вернул его шефу СД.

— Благодарю вас,— сказал фон Меер.— Теперь, как только японские власти позвонят вам и станут жаловаться...

— Если только станут.

Краус фон Меер взглянул на него.

— Станут. Они будут здесь — не пройдет и пятнадцати минут после того, как мы сгребем этого Вегенера.

Он перестал паясничать, лицо стало серьезным.

— Никакого струнного квартета,— сказал Рейсс.

Фон Меер не обратил внимания на укол.

— Мы будем брать его вот-вот, так что будьте готовы. Можете сказать япошкам, что он гомосексуалист, фальшивомонетчик или что угодно в этом духе. Требуется вернуть его домой для предания суду как крупного уголовного. Не говорите им, что он политический. Вы же знаете, что они не принимают девяносто пяти процентов кодекса национал-социализма.

— Это я знаю,— сказал Рейсс.— И что делать, я тоже знаю.

Он чувствовал растущее раздражение и возмущение от того, что его снова провели.

«Действуют через мою голову,— говорил он себе.— Как обычно. Меер связался с канцелярией, ублюдок».

Руки его тряслись. Не от звонка ли Геббельса? Ужас перед его всемогуществом? Или это чувство обиды от ущемления его прав?

«Чертова полиция,— подумал он.— Они все сильнее и сильнее. Уже заставили работать на себя и Геббельса. Они заправляют там, в Рейхе. А что я могу сделать? И кто тут может что-нибудь сделать? Лучше будет помочь им. Не такое нынче время, чтобы перечить этому типу. Вероятно, там, в Берлине, он может добиться чего угодно, даже увольнения любого неугодного ему человека».

— Я давно понял,— сказал он вслух,— что вы вовсе не преувеличили значение этого дела, герр полицайфюрер. Полагаю даже, что безопасность Германии зависит от того,

насколько оперативно вы разоблачите этого шпиона и предателя.

Ему самому вдруг стало страшно оттого, что он выбрал такие слова. Однако Краус фон Меер, казалось, был польщен.

— Благодарю вас, консул.

— Возможно, вы спасли нас всех.

— Ну мы его еще не взяли.

Фон Меер нахмурился.

— Давайте подождем. Думаю, что скоро позвонят.

— Японцев я беру на себя,— сказал Рейсс.— Вы же знаете, у меня богатый опыт. Их жалобы...

— Не сбивайте меня,— перебил его Краус фон Меер.— Мне нужно подумать.

Очевидно, его обеспокоил звонок из канцелярии. Теперь он понял, что положение довольно серьезно.

«А ведь возможно, что этот молодчик уйдет, и это будет вам стоить вашей работы,— думал консул Гуго Рейсс.— Моей работы, вашей работы — оба мы можем в любой момент очутиться на улице. Вряд ли у вас более безопасное положение, чем у меня. В самом деле, может быть стоит вас слегка цапнуть за ногу, чтобы поубавить спеси, герр полицайфюрер? Что-нибудь этакое проверить, что никогда нельзя будет вменить в вину. Например, когда сюда придут жаловаться японцы, можно вскользь упомянуть номер рейса Люфтганзы, которым уволочут отсюда этого парня, или, все отрицая, постепенно раздражить их, ну хотя бы тем, что, самодовольно улыбаясь, дать понять, что Рейху на них наплевать, что маленьких желтых человечков не принимают всерьез. Их легко уколоть. А если они достаточно разогреются, они могут довести свои жалобы непосредственно до самого Геббельса. Есть разного рода возможности. СД, в сущности, не может выдворить этого парня из США без моего активного сотрудничества. Если бы мне только точно знать, куда нанести удар! Ненавижу тех, которые лезут через мою голову! Это ставит меня в чертовски неудобное положение. Я начинаю нервничать до бессонницы, а если я не смогу спать, то не смогу и делать свое дело. Оставим Германии самой решать свои проблемы. И вообще, мне было бы намного спокойнее, если бы этого неотесанного баварца вернули домой, к составлению отчетов в каком-нибудь вшивом отделении полиции».

Зазвонил телефон.

На этот раз Краус фон Меер был первым у аппарата, и Рейсс не смог ему помешать.

— Алло,— проговорил фон Меер в трубку.

Он внимательно слушал.

«Уже?»— мелькнуло в голове Рейсса.

Но шеф СД протянул трубку ему.

— Это вас.

Втайне облегченно вздохнув, Рейсс взял трубку.

— Это какой-то школьный учитель,— пояснил Краус фон Меер,— допытывается, можете ли вы дать ему несколько австрийских театральных афиш для его класса.

* * *

Около одиннадцати утра Роберт Чилдан закрыл магазин и пешком направился в контору мистера Пола Казуора.

К счастью, Пол не был занят. Он вежливо поприветствовал Чилдана и предложил ему чаю.

— Я вас не задержу,— сказал Чилдан после того, как они оба принялись потягивать чай.

Кабинет Пола, хотя и был невелик, но отличался современной и простой обстановкой.

На стене всего одна, но превосходная литография: тигр работы Моккаи, шедевр конца тринадцатого столетия.

— Я всегда счастлив видеть вас, Роберт,— сказал Пол тоном, содержащим, как показалось Чилдану, некоторый оттенок равнодушия.

Возможно, это было просто его фантазией. Чилдан осторожно взглянул поверх чашки. Собеседник казался добродушным и дружелюбным. И все же Чилдан ощутил некоторую перемену.

— Ваша жена,— сказал Чилдан,— вероятно, разочарована моим безвкусным подарком. Я мог бы и обидеться. Однако, когда имеешь дело с чем-то новым и неопробованным, как я уже говорил, предлагая вам этот подарок, трудно сделать надлежащую окончательную оценку, во всяком случае, человеку, привыкшему думать только о делах. Думаю, что вы и Бетти вместе имеете больше прав на высказывание суждения, чем я.

— Она не была разочарована, Роберт,— сказал Пол.— Я не передавал ей той вещицы.

Опустив руку в ящик стола, он извлек маленькую белую коробочку.

— Она не покидала стен этого кабинета.

«Догадался,— подумал Чилдан.— Ну и ловкач. Он даже не сказал ей. Вот так история. Теперь остается надеяться, что он не выйдет из себя и не обвинит меня в попытке

соблазнить его жену. А он может стереть меня в порошок».

Сохраняя на лице хорошую мину, он продолжал потягивать чай.

— О,— мягко протянул он.— Интересно.

Пол открыл коробочку, вынул из нее заколку и начал ее осматривать, поворачивая к свету, и повертел из стороны в сторону.

— Я нашел в себе смелость показать это кое-каким деловым людям,— сказал Пол,— разделяющим мои вкусы по отношению к американским историческим вещцам и реликвиям, имеющим общехудожественное эстетическое достоинство.

Он взглянул на Роберта Чилдана.

— Конечно, прежде никто из них ничего подобного не видел. Как вы объяснили мне, до настоящего времени такие вот современные изделия известны не были. Думаю даже, что вы не знаете, что являетесь единственным представителем этого направления.

— Да, знаю,— отозвался Чилдан.

— Хотите знать, как они отреагировали?

Чилдан поклонился.

— Они смеялись,— сказал Пол.

Чилдан молчал.

— И я смеялся,— сказал Пол,— без вас, на другой день после того, как вы пришли и показали мне эту штуковину. Естественно, чтобы не расстроить вас, я скрыл свою реакцию. Вы, несомненно, помните, что я был более или менее сдержан во внешних своих проявлениях.

Чилдан кивнул.

— Но тем не менее,— сказал Пол,— я уже несколько дней внимательно ее осматриваю и без всяких логических причин ощущаю определенную эмоциональную нежность. «Почему же?»— спрашиваю я себя. Ведь я даже не спроецировал эту штуковину: как в германских психологических опытах — свое собственное естество. Я до сих пор не вижу в ней никаких черт, никакой формы души. Но она каким-то образом имеет сопричастность к Тао. Понимаете?

Он кивнул Чилдану.

— Она уравновешенна. Силы внутри этого предмета сбалансированы. Равнодействующая придает ей покой. Поэтому можно сказать, что эта штуковина пребывает в мире со Вселенной. Она была вовлечена в нее, но ей тут же удалось прийти в независимое состояние, поддерживаемое только внутренними, без внешнего вмешательства, ресурсами.

Чилдан кивнул, изучая заколку, но Пол, не обращая на него внимания, продолжал:

— У нее нет «Ваби»,— сказал он,— и не могло быть, но...

Он тронул пальцами головку заколки.

— Роберт, у этой штуковины есть «Бу» — слово не японское, оно китайское.

— Я верю вам,— сказал Чилдан.

Он пытался вспомнить, что же такое «Бу» — «слово не японское, оно китайское».

Он вспомнил, что оно означает «мудрость» или «разумение», в любом случае нечто в высшей степени значительное, хорошее.

— Руки ремесленника,— сказал Пол,— обладали «Бу» и сделали так, чтобы «Бу» передалось этому предмету. Но он закончен, совершенен, Роберт. Размышляя над этим, мы сами приобретаем еще большее «Бу». Мы испытываем умиротворение, присущее, однако, не искусству, а священным предметам. Я припоминаю храм в Хиросиме, где можно рассматривать челюсть какого-то средневекового святого. Однако вот этот предмет — дело рук человека, а то была реликвия. Этот предмет живет в настоящем, в то время как тот — просто остался. В результате этих размышлений, занимающих меня со времени вашего последнего посещения, я определил ценность этой вещи: она заключается в отсутствии историчности. И я этим глубоко заинтересован, да вы и сами видите.

— Да,— отозвался Чилдан.

— Не иметь исторической ценности, не иметь художественных, эстетических достоинств и тем не менее содержать оттенок некой неземной ценности — это какое-то чудо. И именно оттого, что эта безделушка такая жалкая, маленькая, просто никчемная. Это, Роберт, только из-за «Бу». Потому что часто бывает, что «Бу» — в таком хламе, как старая палка или ржавая жестянка из-под пива на обочине. Однако в этих случаях «Бу» находится внутри самого смотрящего. Это религиозное переживание. Здесь же мастер вложил «Бу» в предмет, а не просто стал свидетелем «Бу», внутренне присущего этому предмету.

Он поднял глаза.

— Я достаточно ясно излагаю свои мысли?

— Да,— ответил Чилдан.

— Другими словами, это указывает на совершенно новый мир. И имя ему — не искусство, так как у него нет формы, и не религия. А что же? Я бесконечно долго раз-

мышлял над этой заколкой, но так и не смог ничего понять. У нас, очевидно, нет слова для определения такого предмета. Так что вы правы, Роберт. Это действительно подлинная новая вещь перед лицом Вселенной.

«Подлинная,— подумал Чилдан.— Да, определенно, так оно и есть. Я ухватил его мысль. Что же касается остального...»

— Придя же в своих размышлениях к такому выводу,— продолжал Пол,— я тут же позвал сюда тех же своих знакомых. Я взял на себя, так же как и сейчас с вами, труд донести до них те же соображения. Я попросил, чтобы они выслушали меня до конца,— столь велика была сила воздействия этой вещи на меня, что вынудила отбросить всякий такт по отношению к ним.

Чилдан понимал, что значит для такого человека, как Пол, навязывать свои идеи другим людям. Задача совершенно невероятная.

— Результат,— продолжал Пол,— был обнадеживающим. Они оказались в силах воспринять, подчиняясь моему давлению, мою точку зрения. Они постигли то, что я им обрисовал. Так что игра стоила свеч. Тогда я успокоился. Все, Роберт. Я выдохся.

Он уложил заколку обратно в коробочку.

— На этом моя миссия закончена. От дальнейшей ответственности я себя освобождаю.

Он подтолкнул коробочку Чилдану.

— Сэр, это ваше,— сказал Чилдан.

Он чувствовал неведомый ранее страх: ситуация не подходила ни под одну модель, которую ему когда-либо приходилось переживать. Высокопоставленный японец, восхваляющий до небес полученный им подарок, а затем возвращающий его. Чилдан почувствовал, как у него затряслись колени. У него не было ни малейшего представления, что делать. Он стоял как дурак, лицо его вспыхнуло.

Спокойно, даже сурово Пол сказал:

— Роберт, вы должны с большой смелостью смотреть в лицо действительности...

Побледнев, Чилдан произнес, запинаясь:

— Я смущен тем, что...

Пол встал, глядя ему прямо в лицо.

— Мужайтесь. Это единственная ваша задача. Вы являетесь единственным поверенным этого предмета и других такого же рода. Вы, кроме того, являетесь профессионалом. На некоторое время уйдите в себя, замкнитесь, поразмыслите, возможно, даже испросите совета у «Книги перемен»,

затем еще раз внимательно проверьте свои витрины, свою систему торговли.

Чилдан широко разинул рот, не сводя с Пола глаз.

— И вы увидите, что вам следует сделать,— сказал Пол,— как, каким образом сделать эти предметы популярными у покупателей.

Чилдан застыл как вкопанный. Этот человек уговаривал его, чтобы он взял на себя моральную ответственность за ювелирные изделия «ЭдФренка»! Сумасшедшее японское наркотическое видение мира: ничего нет, только все заслоняющая духовная и деловая связь с побрякушками, имеющими какую-то ценность в глазах Пола Казуора.

Самое худшее было то, что Пол говорил определенно со знанием дела, с авторитетом истинного носителя японской культуры и традиций.

«Обязанность»,— подумал он горько.

Она могла прицепиться к нему на всю оставшуюся жизнь, до самой могилы. Пол, к своему удовлетворению, сумел от нее избавиться. Но для Чилдана, к сожалению, это клеймо может стать несмываемым.

«Они выжили из ума. Пример: именно из-за налагаемых на них обязательств перед будущим, вечностью они никогда не помогут вытащить человечество из помойной ямы. Как это можно назвать? И ведь это для них типично. Чего еще можно ждать от нации, которая, когда мы велели сделать копию английского эсминца, умудрилась воспроизвести заплату на котлах так же, как и...»

Пол неотрывно следил за его лицом. К счастью, Чилдан давно уже выработал привычку автоматически подавлять любые проявления подлинных чувств. Он сделал невыразительное, спокойное лицо, полностью соответствующее возникшей ситуации. На лицо его легла как бы маска.

«Это ужасно,— понял Чилдан.— Катастрофа. Лучше бы Пол обвинил меня в том, что я пытался соблазнить его жену».

Бетти. Теперь уже не было никакой возможности, чтобы она увидела его подарок, что ей станет известно о его чувствах. «Ву» было несовместимо с чувственностью, сексуальностью. Оно было, как сказал Пол, важным и священным, как всякая реликвия.

— Каждому из этих людей я дал вашу визитную карточку,— сказал Пол.

— Простите?— переспросил Чилдан, поглощенный собственными мыслями.

— Ваши визитные карточки. Чтобы они могли прийти к вам и посмотреть остальные вещи.

— Понимаю,— сказал Чилдан.

— И еще вот что,— добавил Пол.— Один из них желает обсудить с нами этот вопрос в своей конторе. Я написал имя и адрес.

Пол протянул Чилдану сложенный лист бумаги.

— Он хочет, чтобы его коллеги по бизнесу тоже послушали. Он крупный импортер, осуществляет крупномасштабные операции на массовой основе, особенно в Южной Америке. Радио, фото, бинокли, диктофоны и тому подобное.

Чилдан взглянул на листок.

— Разумеется, он имеет дело с очень крупными партиями,— сказал Пол,— возможно, с десятками тысяч единиц каждого товара. Его компания контролирует различные предприятия, которые производят для него товары по низкой цене. Все они на Востоке, где труд дешевле.

— Почему он...— начал Чилдан.

— Предметы, подобные этой заколке, могут быть освоены в массовом производстве. Как в металле, так и в пластмассах. Литье по моделям в любом потребном количестве.

Пол еще раз на секунду вынул заколку, а затем положил ее в коробку и отдал Чилдану.

Немного помолчав, Чилдан спросил:

— А как же «Ву»? Оно разве останется в этих вещах?

Пол не ответил.

— Вы советуете мне с ним встретиться?— уточнил Чилдан.

— Да.

— Почему?

— Амулеты.

Чилдан вопросительно посмотрел на Пола.

— Приносящие удачу амулеты. Чтобы их носили. Сравнительно бедные люди. Целый ряд амулетов, которыми можно было бы торговать по всей Латинской Америке и Востоку. Вы знаете, что в своем большинстве широкие массы все еще верят в магию и заклинания, в заговоры и в чары. Скажу вам, что это очень крупное дело.

Лицо Пола было неподвижно, голос лишен выразительности.

— Похоже,— медленно произнес Чилдан,— что это связано с большими доходами.

Пол кивнул.

— Это была ваша идея?— спросил Чилдан.

— Нет,— ответил Пол.

Наступило молчание.

«Так вас наняли!»— понял Чилдан.— Вы показали обра-

зец своему начальнику, знакомому этого импортера. Ваш начальник или некое влиятельное вышестоящее лицо, кто-то имеющий над вами власть, кто-то богатый и значимый, связался с этим импортером. Вот почему вы вернули мне эту вещь. Вы не желаете быть в этом замешанным. Но вам же хорошо известно, как и мне самому, что я все-таки пойду по этому адресу и встречу этого человека. Я вынужден. Выбора у меня нет. Я продам ему лицензию на чертежи или буду в процентной доле. Какая-нибудь сделка между мной и им все равно возникнет. Через ваши руки. Исключительно. А теперь вы думаете, что я не буду вас останавливать, перебивать, спорить с вами, ибо это дурной тон».

— Так что у вас есть возможность,— сказал Пол,— стать чрезмерно богатым.

Взгляд его по-прежнему был непреклонно направлен куда-то за спину Чилдана.

— Эта идея несколько ошарашила меня своей эксцентричностью,— сказал Чилдан.— Делать амулеты на счастье из таких вещей — это не укладывается в моей голове.

— Потому что весь ваш деловой опыт противоречит этому. Вы привыкли к предметам пикантным, которые доступны лишь посвященным. И я из этого же теста. И те лица, о которых я упомянул, те, которые в скором времени посетят ваш магазин.

— А что бы сделали вы, будь вы на моем месте?— подхватил Чилдан.

— Не надо недооценивать возможностей, таящихся в предложении этого почтенного импортера. Он очень прозорлив. Вы и я — мы не представляем себе, какое огромное число людей невежественно. Они могут радоваться штамповке — наслаждение, для нас недоступное. Мы должны быть уверены, что обладаем чем-то единственным в своем роде или, по крайней мере, чем-то редким, что есть у немногих, и, конечно же, чем-то истинно уникальным, подлинным, не копией и не дубликатом.

Он продолжал смотреть мимо Чилдана в пустоту.

— Что это не что-нибудь, отливаемое в десятках тысяч экземпляров.

«Интересно, а не пришла ли ему невзначай мысль о том, что львиная доля исторических предметов в магазинах, вроде моего, не говоря уж о большинстве экземпляров в его собственной коллекции,— всего лишь имитация? В его словах можно проследить некоторый намек. Будто бы про себя он говорит мне что-то совершенно отличное от

того, что говорит вслух, двусмысленность, столь характерная для Оракула, качество, как говорят, восточного склада ума. А на самом деле он произносит вот что: «Кто вы такой, Роберт? Тот, которого Оракул называет «нижестоящим человеком», или тот, кому предназначены все добрые советы Оракула? Нужно решать прямо здесь. Выбрать можно либо один путь, либо другой, но не оба. А момент выбора наступил сейчас».

Роберт Чилдан спросил себя: «Каким же путем пошел бы «вышестоящий человек», по крайней мере, по разумению Пола Казуора? А то, что здесь передо мной,— это ведь не тысячелетнее собрание божественных мудростей, это просто мнение одного смертного, одного молодого японского бизнесмена. И все же тут есть рациональное звено, «Ву», как сказал бы Пол. «Ву» создавшегося положения состоит в том, что, как бы мало нам это ни нравилось, реальность, а тут не может быть сомнений, отвечает образу и подобию мыслей этого импортера. И если у нас такой узкий взгляд, это плохо. Мы должны, как утверждает Оракул, приспособливаться. И ведь потом оригиналы все еще могут продаваться в моем магазине придиричивым покупателям. Ну, например, таким, как друзья Пола».

— Вы колеблетесь,— заметил Пол.— В такой ситуации каждый, несомненно, предпочел бы побыть в одиночестве. Он направился к двери кабинета.

— Я уже решил.

Глаза Пола блеснули.

Поклонившись, Чилдан сказал:

— Я последую вашему совету. Сейчас ухожу, чтобы навестить импортера.

Он взял сложенный листок бумаги.

Странно, но ему показалось, что Пол остался недоволен. Он пробормотал что-то невнятное и вернулся к своему столу.

«Сдерживать свои эмоции они умеют до конца»,— подумал Чилдан.

— Спасибо вам большое за помощь,— сказал он.

Он собрался уходить.

— Когда-нибудь я получу возможность отплатить вам тем же и всегда буду об этом помнить.

Молодой японец все еще никак не реагировал. «Да уж,— подумал Чилдан,— правду говорят, что они непробиваемы».

Провожая гостя до двери, японец, казалось, был поглощен только проводами и вдруг неожиданно выпалил:

— Американские ремесленники сделали это вручную, не так ли? Это плод их индивидуальности?

— Да, от предварительного эскиза до окончательной полировки.

— Сэр, а согласятся ли эти ремесленники? Я почему-то представил себе, что у них были совершенно другие планы, мечты касательно их товара.

— Я беру на себя смелость утверждать, что их можно переубедить,— сказал Чилдан.

Ему самому эта проблема казалась пустяком.

— Да,— сказал Пол,— полагаю, что можно.

Что-то в его голосе показалось Роберту Чилдану неожиданным, что-то туманное было в его в словах. Внезапно Чилдана осенило.

Он, без сомнения, расшифровал всю эту двусмысленность, будто с глаз спала пелена.

Конечно же то, что происходило на его глазах, было абсолютным и жестоким отрицанием американского таланта. Как это было цинично, а он, прости Господи, заглотнул и крючок, и леску, и удочку.

«Японец заставил меня согласиться, шаг за шагом ведя по узкой тропинке к пропасти, куда свалил продукцию американских мастеров, якобы ни на что уже более не пригодную, как только служить моделью каких-то вшивых амулетов. Вот так они и правят нами: не жестокостью, а утонченным, искусным, бесконечным коварством. Господи! Мы — варвары в сравнении с ними,— понял Чилдан.— Мы не более чем деревенские простофили перед лицом их безжалостной логики. Пол ведь не говорил — и так и не сказал мне,— что наше искусство не имеет никакой ценности, он заставил меня самого признать это. И какая в конце концов ирония в том, что ему досадно мое согласие с этим. Мягкий, цивилизованный жест, которым он выразил скорбь по высказанной мной же правде».

«Он сломал меня»,— почти вслух подумал Чилдан. Но, к счастью, сдержался. Как и прежде, эта мысль осталась в глубине его мозга, обособленная и затаенная, предназначенная только для него одного.

«Он унизил меня и всю мою расу, а я совершенно беспомощен. У меня нет возможности отомстить ему за это. Мы побеждены, но побеждены так тонко, так искусно, что едва ли способны постичь свое поражение. По сути, нам нужно подняться на гораздо более высокий уровень развития, чтобы понять, что это уже случилось. Какое еще нужно доказательство права японцев господствовать над други-

ми народами?» Он почувствовал, что смеется, скорее всего, от такого вывода. «Да,— думал он,— здорово, лучше любого анекдота. Его нужно запомнить, попозже посмаковать, даже рассказать его. Но кому? Вот вопрос. Анекдот слишком личный для того, чтобы кому-нибудь его рассказывать. В углу кабинета есть урна. Туда эту штуку, это захваченное «Ву», ювелирную безделушку. Смог бы я это сделать? Смог бы вышвырнуть ее со всем этим прямо на глазах у Пола?»

Сжимая в кулаке коробку, он обнаружил, что даже не сможет выбросить ее. «Я не должен,— подумал он,— если хочу еще раз увидеться со своим приспешником-японцем. Черт бы их побрал, я не в силах освободиться от их влияния, даже под властью минутного импульса. Моя непосредственность куда-то пропала». Пол внимательно смотрел на него, не требуя объяснений: было достаточно одного того, что он не уходил. «Он поймал мою совесть в капкан, протянул невидимую струну от этой штуковины в моем кулаке через руку прямо к моей душе. Наверное, я слишком долго прожил рядом с ними: Слишком поздно откалываться от них, возвращаться к жизни среди белых людей».

— Пол...— выдавил из себя Роберт Чилдан.

Голос его скрипнул, он это заметил, в нем не осталось твердости, уверенности, он не зазвучал.

— Да, Роберт.

— Пол, мне стыдно.

Голос его был внимательный, но бесстрастный. Он исключал всякое сочувствие.

— Пол, одну минуту...

Он извлек заколку, она стала от пота скользкой.

— Я горжусь этой работой, а об этом хламе, об этих талисманах не может быть и речи. Я отказываюсь.

И снова было совершенно неясно, как же прореагировал на это молодой японец.

Он просто весь обратился в слух, выражая на лице только стремление понять Чилдана.

— И тем не менее я вам благодарен,— продолжал Чилдан.

Пол поклонился.

Роберт Чилдан ответил тем же.

— Люди, которые сделали это,— сказал Чилдан,— это гордые американские художники, и я с ними. Предложить нам выбросить свои творения на свалку для производства амулетов — это для нас оскорбление, за что вам придется извиниться.

Последовала невероятно долгая пауза.

Пол внимательно обозревал его, слегка подняв одну бровь и изогнув тонкие губы.

Улыбается?

— Я требую, — настаивал Чилдан.

И все. Больше он не в силах нести эту взваленную им самим на себя ношу. Оставалось просто ждать.

Но ничего не происходило.

«Пожалуйста, — взмолился он. — Помогите мне».

— Простите мое высокомерие, — сказал Пол.

Он протянул руку.

— Все в порядке, — ответил Роберт Чилдан.

Они пожали друг другу руки.

Спокойствие окутало душу Чилдана: «Я пережил это, и со мной ничего не случилось. Теперь все кончено. Слава Богу, он еще существовал в нужный для меня момент. В другое время все могло получиться для меня иначе. Смогу ли я еще хоть раз отважиться на подобное? Скорее всего, нет».

Ему стало грустно. Миг — будто выплыл на поверхность и почувствовал себя свободным от тяжелого бремени.

«Жизнь коротка, — подумал он. — Искусство существует вечно, бесконечно извиваясь, как бетонная лента шоссе, плоская, белая, и ничто не может ее выпрямить, что бы по ней ни проезжало, хоть вдоль, хоть поперек. А вот я стою здесь, но дальше уже нельзя». Повернувшись, он засунул продукцию фирмы «ЭдФренк» в карман пиджака.

Глава 12

— Мистер Тагоми, к вам мистер Ятабе, — сказал мистер Рамсей.

Он отошел в угол кабинета. Вперед вышел хрупкий пожилой джентльмен. Протянув руку, мистер Тагоми сказал:

— Рад встретиться с вами лично, сэр.

Легкая сухая старческая ладонь скользнула в руку. Рука была принята и тут же почтительно и осторожно опущена.

«Надеюсь, — подумал Тагоми, — ничего не сломано». Он смотрел в лицо пожилого джентльмена и нашел его весьма приятным: твердый и ясный дух, никакого тумана в восприятии. Определенно, яркое проявление всех стойких древних традиций. Лучшее из качеств, которыми мог бы обладать старик. И тут же он обнаружил, что стоит лицом

к лицу с генералом Тадеки, бывшим главой Имперского Генерального штаба.

— Генерал, — сказал он и отвесил низкий поклон.

— Где же третья сторона? — спросил генерал Тадеки.

— Сейчас прибудет. Он проинформирован лично мной в номере гостиницы.

В голове у него стоял грохот. Он сделал несколько шагов назад, согнулся и вряд ли был в состоянии снова разогнуться.

Генерал сел. Мистер Рамсей, все еще не ведая истинного значения старика, услужливо помог ему сесть, но не выказывал особого почтения. Мистер Тагоми нерешительно сел в кресло лицом к генералу.

— Теряем время, — сказал генерал. — Очень жаль, но этого не избежать.

— Конечно.

Мистер Тагоми кивнул.

— Простите меня, сэр, — в конце концов обеспокоенно сказал мистер Рамсей. — Я пойду, если во мне нет необходимости.

Мистер Тагоми кивнул, и мистер Рамсей вышел.

— Чаю, генерал? — спросил мистер Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, — сказал мистер Тагоми, — я должен признаться, что мне страшно. Что-то жуткое мне чувствуется в этой встрече.

Генерал склонил голову.

— Мистер Бейнес, которого я принял, — продолжал мистер Тагоми, — и которого приглашал к себе домой, заявил, что он швед. Однако при ближайшем рассмотрении я убедился, что на самом деле это в некотором роде высокопоставленный немец. Я говорю об этом, потому что...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо, генерал. Его лихорадочное состояние, связанное с этой встречей, побуждает меня сделать вывод о том, что это связано с политическими сдвигами в Рейхе.

Мистер Тагоми не стал упоминать о другом факте: о том, что ему известно, как генерал не смог прибыть в заранее установленное время.

— Сэр, — отозвался генерал, — теперь не стоит строить догадки. Не та информация.

Ясные его глаза отечески светились. В них не было никакой злобы.

Мистер Тагоми переварил упрек.

— Сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность, чтобы сбить с толку нацистских ищек?

— Естественно,— сказал генерал.— Мы заинтересованы в поддержании определенной легенды. Мистер Бейнес — представитель одной из стокгольмских фирм, чисто деловой человек. А я — Синиро Ятабе.

Мистер Тагоми подумал: «А я — мистер Тагоми. Такова моя участь».

— Несомненно, наци следят за всеми перемещениями мистера Бейнеса,— сказал генерал.

Он положил руки на колени, сидя совершенно прямо, как будто, подумал мистер Тагоми, принимаясь к далекому, едва уловимому запаху кухни.

— Но чтобы разоблачить его, они должны пользоваться законными методами. В этом заключается подлинная цель: не введение их в заблуждение, а соблюдение формальностей в том случае, если выяснится, кто он такой на самом деле. Вы понимаете, сэр, что, например, для того, чтобы задержать мистера Бейнеса, им придется сделать больше, чем просто пристрелить его, что они могли бы сделать, если бы он приехал, ну, скажем, без всякого прикрытия.

— Понимаю,— сказал мистер Тагоми.

«Похоже на игру,— решил он,— ибо склад мышления наци известен. Значит, предполагается, что я буду полезен».

На столе зажужжал интерком. Раздался голос мистера Рамсея:

— Сэр, мистер Бейнес здесь. Пригласить его к вам?

— Да!— прокричал мистер Тагоми.

Дверь открылась, вошел мистер Бейнес, изысканно одетый, отутюженный, весь с иголочки. Лицо решительное, сосредоточенное.

Генерал Тадеки встал и повернулся к нему. Мистер Тагоми тоже поднялся. Все трое раскланялись.

— Сэр,— обратился мистер Бейнес к генералу.— Я — капитан Рудольф Вегенер из военно-морской контрразведки Рейха. Вы должны понять, что я никого здесь не представляю, кроме себя лично и некоторых анонимных лиц, не представляю я также никакого ведомства или бюро правительства Рейха.

— Герр Вегенер,— ответил генерал,— я понимаю, что вы никоим образом не можете приписать себе представительство любого из подразделений правительства Рейха. Я сам являюсь неофициальной, приватной стороной, которая благодаря прежнему положению в Имперской армии, можно сказать, имеет доступ к тем кругам в Токио, которые хотели бы услышать все, что вы сочтете необходимым сообщить.

«Удивительный разговор,— подумал мистер Тагоми,— но отнюдь не неприятный, в нем даже есть что-то музыкальное, освежающая легкость».

Все сели.

— Без всяких предисловий,— сказал мистер Бейнес,— мне хотелось бы проинформировать вас и тех, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе в стадии развития имеется некая программа под названием «Левенцан». Одуванчик.

— Да.— Генерал кивнул, будто уже знал об этом, однако мистер Тагоми подумал, что он с нетерпением ждет продолжения рассказа мистера Бейнеса.

— «Одуванчик» прежде всего включает в себя пограничное столкновение между Средне-Западными и Тихоокеанскими Штатами.

Генерал снова кивнул, чуть-чуть улыбнувшись.

— Войска ТША будут атакованы и перейдут в контрнаступление, пересекут границу привлекая на себя регулярные войска СЗША, расположенные поблизости. Войска ТША располагают подробными картами, где указано расположение войск Северо-Западной армии. Это шаг первый. Шаг второй включает в себя заявление Германии относительно этого конфликта. На помощь ТША будет послан отряд парашютистов-добровольцев. Однако все это — только маскировка.

— Да,— кивнул генерал, поглощенный рассказом.

— Основной целью операции «Одуванчик»,— продолжал мистер Бейнес,— является грандиозное атомное нападение на японские острова без какого-либо предварительного предупреждения.

Сказав это, он надолго замолчал.

— С целью уничтожения императорской семьи, сил самообороны, большей части Имперского флота, гражданского населения, промышленности, естественных ресурсов,— продолжил генерал Тадеки,— после чего заморские владения будут поглощены Рейхом.

Мистер Бейнес молчал.

— Что еще?— спросил генерал.

Казалось, что мистер Бейнес потерял дар речи.

— Дата, сэр,— сказал генерал.

— Все может измениться,— ответил мистер Бейнес,— вследствие смерти Мартина Бормана. По крайней мере, я так предполагаю. У меня нет сейчас связи с Абвером.

Немного помедлив, генерал сказал:

— Продолжайте, герр Вегенер.

— Что мы рекомендуем, так это трезвый взгляд прави-

тельства Японии на ситуацию, создавшуюся в Рейхе. Я могу сообщить следующее. Определенные группировки в Берлине склоняются к осуществлению операции «Одуванчик», некоторые не разделяют этих планов. Существовала надежда, что те, кто противится им, могли бы прийти к власти после смерти канцлера Бормана.

— Но пока вы были здесь,— сказал генерал,— герр Борман умер, и политическая ситуация получила свое разрешение. Рейхсканцлером теперь доктор Геббельс. Переход власти в другие руки завершился.

Он сделал паузу.

— А как эта группировка рассматривает операцию «Одуванчик»?

— Доктор Геббельс,— сказал мистер Бейнес,— выступает за претворение этой операции.

Мистер Тагоми, на которого собеседники не обращали внимания, закрыл глаза.

— А кто же выступает против нее?— сказал генерал Тадеки.

До слуха мистера Тагоми дошел голос мистера Бейнеса:

— Генерал СС Гейдрих.

— Вы меня изумили.

Генерал, казалось, был застигнут врасплох.

— Я очень подозрительный человек. Скажите, это точная информация или точка зрения, которой придерживаетесь вы и ваши коллеги?

— Административное управление Востоком, то есть территориями, ныне занимаемыми Японией, будет осуществляться Министерством иностранных дел, людьми Розенберга, работающими непосредственно под началом рейхсканцелярии. Об этом были горячие споры на многих совещаниях руководства в прошлом году. У меня имеются фотокопии сделанных записей. Полиция требовала власти, но была отвергнута. Ей поручили осуществление колонизации космоса, Марса, Луны, Венеры. Это и должно стать ее сферой деятельности. Как только произошло разделение сфер влияния, полиция приложила все свои силы к осуществлению космической программы и стала выступать против операции «Одуванчик».

— Соперники,— проговорил генерал Тадеки.— Одна группировка против другой. Это устраивает Вождя. Именно поэтому его власть никем не оспаривается.

— Верно,— сказал мистер Бейнес.— Вот почему я был послан сюда с просьбой о вашем вмешательстве. Возможность вмешаться все еще существует. Положение до сих

пор еще до конца не ясное. Пройдет еще не один месяц, пока доктор Геббельс упрочит свою власть. Ему придется преодолеть сопротивление полиции, возможно даже убрать Гейдриха и других высших руководителей СС и СД. Как только это будет сделано...

— Мы, значит, должны оказать всемерную поддержку СД,— перебил его генерал Тадеки,— наиболее злокачественной части немецкого общества?

— Да, это так,— согласился Бейнес.

— Император,— сказал генерал,— ни за что не допустит такой политики. Он рассматривает отборные войска Рейха, как бы они ни назывались и что бы они ни носили, черную ли форму, мертвые ли головы, носителей зла.

«Зла,— подумал мистер Тагоми.— И все-таки это правда. И мы должны им помогать в борьбе за власть, чтобы спасти свои жизни? Не в этом ли парадокс возникшей на земном шаре ситуации? Я не могу смело встретить эту дилемму. Чтобы человек поступал в соответствии с такой моральной двусмысленностью. Здесь все пути ведут в тупик, все перепуталось, все представляет собой хаотическое нагромождение света и тьмы, тени и материи».

— Вермахт,— продолжал мистер Бейнес,— военные являются единственными в Рейхе обладателями водородной бомбы. Когда ее использовали чернорубашечники, то делали это только под надзором армии. Рейхсканцелярия при Бормане никогда не допускала никакой передачи ядерных вооружений в руки полиции. Операция «Одуванчик» вся будет осуществляться ОКБ. Верховным Армейским Командованием.

— Это мне ясно,— сказал генерал Тадеки.

— То, что творят чернорубашечники, своей жестокостью превосходит действия вермахта. Но у них нет власти. Нам следует размышлять на основе реальной физической власти, а не на основе этических норм.

— Да, мы должны быть реалистами,— вслух произнес наконец мистер Тагоми.

Оба, и мистер Бейнес, и генерал Тадеки, посмотрели на него.

Обращаясь к мистеру Бейнесу, генерал спросил:

— Что вы предлагаете конкретно? Следует ли нам установить связь с СД здесь, в Тихоокеанских Штатах? Вступить в переговоры непосредственно с... Не знаю, кто здесь является шефом СД. Какой-нибудь мерзавец, я думаю?

— Местная СД ничего не знает,— возразил Бейнес.— Здесь шефом Бруно фон Меер, партийный бонза прежних

времен. Айн альтпартайнгеноссе. Дурак, каких мало. Никто в Берлине и не подумает о том, чтобы сказать ему хоть что-то, он просто выполняет текущие поручения.

— Что же вы предлагаете?

Голос генерала звучал уже сердито.

— Консул здесь или посол Рейха в Токио?

«Эти переговоры завершатся провалом,— подумал мистер Тагоми,— вне зависимости от того, что стоит на карте. Мы не можем погрязнуть в чудовищном шизофреническом болоте междоусобных интриг нацистов. Наш разум просто не допустит этого. Он не сможет к этому приспособиться».

— Все должно быть сделано чисто,— сказал Бейнес.— Через цепь посредников, через кого-то близкого к Гейдриху, который находился бы вне Рейха, в нейтральной стране. Или кого-нибудь, кто часто курсирует из Токио в Берлин и обратно.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, заслуживающий доверия, очень смелый человек, всецело преданный идее международного взаимопонимания. Однако у него нет никаких контактов с аппаратом СД. Но он мог бы работать через кого-то в Германии, например через таких промышленников, как Крупп, или генералов, как Шпейдель, или даже через лиц из флотской СС. Флотские эсэсовцы наименее фанатичны, они в наибольшей степени соответствуют основному направлению немецкого общества.

— А ваше учреждение, Абвер? Было бы, наверное, бесполезно подобраться к Гейдриху через вас?

— Чернорубашечники на каждом шагу оскорбляют нас. Они уже двадцать лет пытаются заполучить одобрение партии на ликвидацию нас вообще.

— Не подвергаете ли вы сейчас себя излишней опасности?— спросил генерал.— Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они весьма активны.

— Активны, но неумелы,— заметил мистер Бейнес.— Представитель же Министерства иностранных дел Рейсс весьма способен, но противится СД.

Он пожал плечами.

— Мне хотелось бы получить ваши фотокопии,— сказал генерал Тадеки,— чтобы передать их моему правительству. Любые материалы, которыми вы располагаете, имеющие отношение к этим спорам в Германии. И...

Он задумался.

— Доказательства объективного характера.

— Конечно,— сказал мистер Бейнес.

Он сунул руку в пиджак и вытащил плоский серебряный портсигар.

— В каждой сигарете вы найдете полный контейнер с микрофильмом.

И передал портсигар генералу.

— А как же быть с самим портсигаром?— спросил генерал, осматривая вещь.

— Он выглядит слишком дорогим предметом, чтобы просто дарить его.

Он принялся старательно вынимать из него сигареты.

Улыбаясь, мистер Бейнес сказал:

— Портсигар тоже.

— Спасибо.

Так же улыбаясь, генерал положил портсигар во внутренний карман пиджака.

На столе зажужжал интерком.

— Сэр, на нижней лестнице в вестибюле группа людей из СД. Они пытаются захватить здание. Охранники с ними дерутся.

Откуда-то издали послышался звук сирены — снаружи, с улицы, далеко внизу под окном мистера Тагоми.

— Военная полиция уже спешит сюда, плюс Кемпейтай Сан-Франциско.

— Благодарю вас, мистер Рамсей,— сказал мистер Тагоми.— Вы поступили благородно, столь спокойно сообщив нам обо всем этом.

Мистер Бейнес и генерал Тадеки, выслушав сообщение, застыли в решительных позах.

— Господа,— обратился к ним мистер Тагоми.— Мы, несомненно, перестреляем этих головорезов из СД прежде, чем они доберутся до нашего этажа.

Обратившись к мистеру Рамсею, он сказал:

— Отключите электропитание лифтов.

— Слушаюсь, мистер Тагоми.

Мистер Рамсей отключил все лифты.

— Мы подождем,— сказал мистер Тагоми. Он открыл один из ящиков стола и извлек из него коробку из красного дерева. Вынул из нее прекрасно сохранившийся кольт сорок четвертого калибра образца 1860 года, реликвию времен Гражданской войны США, бесценное сокровище для любого коллекционера. Внутри ящика была другая коробочка, из которой он достал порох, пули и гильзы и стал заряжать револьвер. Мистер Бейнес и генерал Тадеки следили за его действиями, широко раскрыв глаза.

— Это из моей личной коллекции, — пояснил мистер Тагоми. — Много времени потрачено зря в тщеславных попытках быстро подготовить это оружие к стрельбе. Конечно, в свободное от работы время. Признаюсь честно, что добился неплохих результатов в сравнении с другими энтузиастами: мы соревновались на время. Но до сих пор серьезное использование этого умения откладывалось за ненадобностью.

Держа револьвер по всем правилам, он направил его ствол в сторону двери и стал, ждать.

* * *

Френк Фринк сидел за верстаком в подвале, поближе к шпинделю. Он держал наполовину завершенную серебряную серьгу возле вращающегося с шумом круга, на который была наклеена полоса из хлопчатобумажной ткани. Искры сыпались на его очки и почерневшие руки.

Серьга в форме спиральной раковины от трения стала горячей, но Фринк упорно еще сильнее прижимал ее к кругу.

— Зачем тебе нужно, чтобы она так уж сильно сверкала? — вмешался Эд Мак-Карти. — Просто подровняй выступы, а впадины можешь оставить, как они есть.

Френк Фринк буркнул что-то непонятное.

— Серебро покупают лучше, когда оно не очень сильно отполировано, — сказал Эд. — Серебряные вещи должны иметь такой вид, будто они старинные.

«Рынок сбыта», — подумал Фринк, вздыхая.

Они еще ничего не продали. Если не считать сдачи на комиссию в «Американские художественные промыслы», никто больше ничего у них не взял, хотя они и побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали, — сказал себе Фринк. — Делаем все больше вещей, а они просто скапливаются у нас».

Застежка серьги зацепилась за колесо, серьга выскочила из рук Фринка и полетела сначала на полировочный круг, а затем упала на пол. Он выключил мотор.

— Смотри, не теряй эти штуки, — сказал Мак-Карти, не отрываясь от паяльной лампы.

— Господи, она же не больше горошины, в руку нехватишь.

— И все-таки как-нибудь подцепи ее.

«Черт с нею», — подумал Фринк.

— В чем дело?— спросил Мак-Карти, видя, что он не пошевеливается.

— Мы выбрасываем деньги на ветер,— сказал Фринк.

— Мы можем продать только то, что произведем.

— Пока что мы ничего не можем продать,— отозвался Фринк.— Произведенного или не произведенного.

— Пять магазинов — это капля в море.

— Но какова тенденция!— воскликнул Фринк.— Пять магазинов достаточно, чтобы ее выявить.

— Не обманывай себя.

— Я себя не обманываю,— сказал Фринк.— Так что самое время поискать, кому продать этот металлолом.

— Хорошо,— сказал Мак-Карти.— Значит, выходишь из игры?

— А куда деваться?

— Я буду продолжать один.

Мак-Карти снова зажег лампу.

— А как же мы поделим барахло?

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

— Выкупи мою долю,— сказал Фринк.

— Черта с два!

— Выплати мне шестьсот долларов,— подсчитал Фринк.

— Нет, бери половину чего угодно.

— Половину электродвигателя?

Оба на какое-то время замолчали.

— Еще три магазина,— сказал Мак-Карти,— а тогда поговорим.

Опустив на лицо щиток, он начал паять из меди секцию к браслету.

Френк Фринк встал из-за стола. Он нашел серьгу в форме раковины, валявшуюся на полу, и поместил ее в коробку с недоделанными изделиями.

— Выйду покурить.

Он пошел к лестнице, ведущей из подвала. Секундой позже уже стоял на тротуаре, держа сигарету с марихуаной.

«Всему этому конец,— подумал он.— Чтобы понять это, мне не нужен Оракул. Я знаю, какой сейчас момент. Чувствуется запах разложения. В сущности, даже трудно сказать, почему. Может быть, логически мы могли бы и продолжать. Магазины за магазином, другие города. Но что-то здесь не так. Все эти попытки и ухищрения не изменяют сути дела. Хотел бы я знать, почему. Но я никогда не узнаю. Что же мне делать? Чем заниматься? Мы выбрали не тот момент, воспротивились Тао, двинулись против те-

чения, не в том направлении. И теперь — конец, распад. «Джин» захватит нас. Свет показал нам свою задницу и куда-то исчез. Теперь остается только подчиняться.

Пока он стоял так под карнизом здания, часто затягиваясь марихуаной и тупо глядя на уличное движение, к нему подошел совершенно заурядный на вид человек средних лет.

— Мистер Фринк? Френк Фринк?

— Совершенно верно, — ответил Фринк.

Человек достал сложенное удостоверение.

— Полиция Сан-Франциско. Я уполномочен арестовать вас.

Рука Фринка оказалась в его руке. Все произошло очень быстро.

— За что? — спросил Фринк.

— За обман мистера Чилдана из «Американских художественных промыслов».

Полицейский силой повел Фринка по тротуару. К ним присоединился еще один переодетый фараон, зашедший к Фринку с другой стороны.

Вдвоем они быстро затолкали Фринка в стоявший у тротуара ничем не примечательный автомобиль.

«Вот чего требует от нас время», — подумал Фринк, бухнувшись на заднее сиденье между двумя шпиками. Дверь захлопнулась, автомобиль, за рулем которого сидел третий полицейский в форме, влился в уличный поток.

«Мы вынуждены подчиняться этим сукиным детям».

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил Фринк.

— Вам дадут в участке список.

— Спасибо.

— Что вы сделали с деньгами? — спросил вновь один из шпииков.

Машина въехала в гараж полицейского участка на Керни-стрит.

— Я их истратил.

— Все?

Он не ответил.

Один из шпииков покачал головой и рассмеялся.

Выходя из машины, он спросил у Фринка:

— Ваша настоящая фамилия Фринк?

Фринк похолодел от ужаса.

— Фринк, — подтвердил шпик. — Вы — обманщик.

Он показал большую папку.

— Вы беженец из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Френк.

— Вы смылись от наци, — сказал шпик. — И вам известно, что это значит.

Френк Фринк вырвался и побежал через гараж. Три шпика загалдели. У ворот он наткнулся на полицейский автомобиль, загородивший ему выход из гаража. Полицейские в автомобиле засмеялись, и один из них, вытащив пистолет, выскочил из машины и защелкнул наручник вокруг кисти Фринка.

Резко потянув его за руку — тонкий металл врезался, казалось, до самой кости, — фараон повел его назад по тому же пути, которым он перебежал гараж.

— Назад, в Германию, — сказал один из шпиков.

И смерил его взглядом.

— Я — американец, — сказал Френк Фринк.

— Ты — еврей, — возразил шпик.

Когда его вели наверх, один из фараонов спросил:

— Его здесь пустят в расход?

— Нет, — ответил второй. — Мы подождем германского консула. Они хотят поступить с ним в соответствии с германскими законами.

Списка адвокатов, разумеется, не было.

* * *

Мистер Тагоми оставался недвижим за своим столом в течение двадцати минут, направив дуло револьвера на дверь. Мистер Бейнес нервно шагал по кабинету, старый генерал после некоторого раздумья поднял трубку и позвонил в японское посольство в Сан-Франциско. Однако ему не удалось пробиться к барону Калемакуле: посол, как сказал ему чиновник посольства, был за пределами города.

Генерал Тадеки принялся договариваться об трансокеанском разговоре с Токио.

— Я посоветуюсь с руководством Военной академии, — объяснил он мистеру Бейнесу. — Они свяжутся с имперскими военными подразделениями, расквартированными в США.

Внешне он остался невозмутимым.

«Значит, нас освободят через несколько часов, — сказал себе мистер Тагоми. — Может быть, японская морская пехота с одного из авианосцев, вооруженная автоматами и гранатометами?»

Действовать по официальным каналам в высшей степени эффективно, если иметь в виду конечный результат, но

при этом неизбежна прискорбная задержка во времени. Внизу же мародеры-чернорубашечники заняты избиением секретаря и клерков.

Тем не менее лично он не мог предпринять ничего большего.

— Интересно, стоит ли связаться с германским консулом?— спросил мистер Бейнес.

Тотчас же перед мысленным взором мистера Тагоми возникла картина, как он вызывает мисс Эфрикян с ее неразлучным диктофоном и наговаривает срочный протест герру Гуго Рейссу.

— Я могу позвонить герру Рейссу,— предложил мистер Тагоми,— по другому телефону.

— Пожалуйста,— сказал мистер Бейнес.

Не выпуская из рук своего драгоценного кольта сорок четвертого калибра, предел мечтаний каждого коллекционера, мистер Тагоми нажал кнопку на столе. Появился незарегистрированный телефон, специально установленный для тайных переговоров.

Он набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто у телефона?— раздался официальный голос, скорее всего какой-то пешки.

— Пожалуйста, его превосходительство герра Рейсса,— сказал мистер Тагоми.— Срочно. Это мистер Тагоми, руководитель Главного Имперского Торгового Представительства.

Голос его звучал уверенно и жестко.

— Да, сэр. Извольте подождать один момент.

Слишком затянувшийся момент. Из телефона не доносилось ни звука, даже не трещало.

Мистер Тагоми решил, что тот просто стоит неподвижно с трубкой в руке, уклоняясь с типично нордической хитростью.

— От меня, естественно, отделаются,— сказал он ходившему мистеру Бейнесу и генералу Тадеки, ждавшему у другого телефона.

Наконец раздался голос дежурного на другом конце линии.

— Извините за то, что заставили вас ждать, мистер Тагоми.

— Ничего.

— Консул на совещании. Однако...

Мистер Тагоми опустил трубку.

— Пустая трата времени, если не сказать больше,— вымолвил он.

Он чувствовал себя неловко.

Кому же еще позвонить? В Токкоку уже позвонили, так же как и в портовую военную полицию. Второй раз звонить туда нельзя. Позвонить непосредственно в Берлин рейхсканцлеру Геббельсу? Или на военный аэродром с просьбой о высылке вертолетного десанта?

— Я позвоню шефу СД герру Краусу фон Мееру,— решил он вслух,— и начну горько жаловаться, а потом бранить его всемерно и шумно.

Он набрал телефон, официально зарегистрированный в телефонной книге как телефон охраны военных отпавлений аэровокзала Люфтганзы. Услышав ответный сигнал незнамого телефона, он сказал:

— Попробую подпустить истерики.

— Желаю удачи,— сказал генерал Тадеки.

Он улыбнулся.

— Кто это?— послышался голос с явно выраженным немецким акцентом.— Поживее.

Мистер Тагоми закричал изо всех сил:

— Я приказываю арестовать и отдать под суд вашу банду дегенератов, этих обезумевших светловолосых бестий— головорезов, не поддающихся никакому описанию! Вы меня знаете, Фринк? Это Тагоми, советник Имперского правительства. Даю вам пять секунд, или я наплюю на все законы и велю морским пехотинцам забросать ваших людей фосфорными бомбами. Какой позор для цивилизации!

На другом конце провода стали что-то бессвязно лепетать. Мистер Тагоми подмигнул мистеру Бейнесу.

— Мы ничего не знаем.

Голос был как у студента, провалившегося на экзамене.

— Лжец!— загремел мистер Тагоми.— Значит, у нас нет выбора.

Он швырнул трубку.

— Несомненно, это просто жест,— сказал он, обращаясь к Бейнесу и Тадеки.— Но в любом случае вреда от этого не будет. Всегда есть какая-то возможность вызвать нервозность даже у СД.

Генерал Тадеки начал что-то говорить по телефону, но в этот момент раздался чудовищный удар в дверь кабинета. Тадеки замолчал. В ту же секунду дверь распахнулась.

Два дюжих белокурых молодчика, оба вооруженные пистолетами с глушителями, бросились к мистеру Бейнесу.

— Это он,— сказал один из них.

Мистер Тагоми, упершись в стол, направил на них свой допотопный кольт сорок четвертого калибра, предмет вож-

делений многих коллекционеров, и нажал на спуск. Один из эсэсовцев упал на пол, другой мгновенно повернул свой пистолет в сторону мистера Тагоми и выстрелил в ответ. Мистер Тагоми не услышал выстрела, только увидел тонкий дымок из глушителя и услышал свист пролетевшей рядом пули. С затмевавшей все рекорды скоростью он оттягивал курок своего револьвера однократного действия и стрелял снова и снова.

Эсэсовцу разворотило челюсть. Куски кости, частицы плоти, осколки зубов разлетелись в разные стороны. Мистер Тагоми понял, что попал в рот. Ужасно уязвимое место, особенно если пуля на взлете.

В глазах лишившегося челюсти эсэсовца все еще теплилась какая-то искорка жизни. «Он все еще воспринимает меня»,— подумал мистер Тагоми. Затем глаза эсэсовца потускнели, и он рухнул на пол, выпустив из рук пистолет и издавая нечеловеческие захлебывающиеся звуки.

— Меня тошнит,— сказал мистер Тагоми.

Больше никто не появлялся в открытой двери.

— По-видимому, все кончено,— сказал генерал Тадеки, немного обождав.

Мистер Тагоми, занятый утомительной трехминутной операцией по перезарядке, приостановился и нажал кнопку интеркома.

— Вызовите «скорую помощь»,— распорядился он.— Здесь тяжело раненный бандит.

Ответа не было, только ровное гудение.

Наклонившись, мистер Бейнес подобрал оба принадлежавших немцам пистолета.

Один из них он протянул генералу, а другой оставил себе.

— Теперь мы и вовсе задавим их,— сказал мистер Тагоми.

Он снова уселся за стол, как и прежде, с кольцом сорок четвертого калибра в руке.

Теперь в кабинете весьма внушительно вооруженный триумvirат.

Из приемника послышался голос:

— Немецкие бандиты, сдавайтесь!

— О них уже позаботились,— отозвался мистер Тагоми.— Они валяются мертвыми и умирающими. Входите и удостоверьтесь.

Робко появилась группа служащих «Ниппон Таймс Билдинг». У некоторых в руках было оружие против нарушителей: топоры, ружья, гранаты со слезоточивым газом.

— Весьма благопристойный повод,— сказал мистер Тагоми,— чтобы правительство ТША в Сакраменто могло без колебаний объявить войну Рейху.

Он оттянул затвор своего револьвера.

— И все же с этим покончено.

— Они будут отрицать свою причастность,— сказал мистер Бейнес.— Стандартная, отработанная техника, применявшаяся бесчисленное число раз.

Он положил оснащенный глушителем пистолет на стол мистера Тагоми.

— Сделано в Японии.

Он вовсе не шутил. Это было правдой: великолепный японский спортивный пистолет.

Мистер Тагоми проверил его.

— И не немцы по национальности,— добавил мистер Бейнес.

Он достал бумажник одного из белых, того, который был уже мертв.

— Гражданин США, проживает в Сен-Хосе. Ничто с СД его не связывает. Фамилия Джек Сандерс.

Он отшвырнул бумажник.

— Просто бандитский налет,— сказал мистер Тагоми.— Мотив — наш запертый подвал, несколько не связанный с политикой.

Трясаясь, он встал на ноги.

В любом случае попытка убийства или похищения со стороны СД провалилась, по крайней мере первая. Но совершенно ясно, что им известно, кем является мистер Бейнес, и та цель, ради которой он сюда прибыл.

— Прогноз,— сказал мистер Тагоми,— весьма удручающий.

В этот момент он подумал о том, какая польза была бы сейчас от Оракула. Возможно, он смог бы защитить их, предупредить и прикрыть своим советом.

Все еще не в состоянии унять дрожь, он начал вытаскивать сорок девять стебельков тысячелистника. Он решил, что в целом положение неясное и ненормальное, человеческому мозгу его расшифровать не дано, только объединенный разум пяти тысяч лет способен на это. Немецкое тоталитарное общество напоминает какую-то ошибочную форму жизни, намного худшую, чем естественные формы. Худшую во всех отношениях, сплошное поупурри бессмысленности.

Он подумал, что здесь местные агенты действуют как инструменты политики, полностью не соответствующей на-

мерениям головы в Берлине. В чем смысл этого сложного существа? Чем в действительности является Германия? Чем она была? Всецело похожая на разлагающуюся на части кошмарную пародию проблем, с которыми обычно сталкиваются в процессе существования.

Оракул может разобраться в этом. Даже в таком сверхъестественном отродье, как фашистская Германия, нет ничего непостижимого для «Книги перемен».

Мистер Бейнес, видя, как отрешенно мистер Тагоми манипулирует с горстью стебельков, понял, насколько глубоко душевное потрясение этого человека. «Для него, — подумал мистер Бейнес, — это событие — то, что ему пришлось убить и искалечить этих двоих, — не только ужасно, для него это непостижимо. Что бы мне сказать такого, что утешило бы его? Он стрелял ради меня, следовательно, на мне лежит моральная ответственность за эти две жизни, и я беру ее на себя. Так себе я это представляю».

Подойдя вплотную к Бейнесу, генерал Тадеки тихо произнес:

— Вы сейчас являетесь свидетелем отчаяния этого человека. О, вы должны понять — он, несомненно, воспитан в буддистском духе. Даже если это не проявляется внешне, влияние буддизма налицо. Религия, в соответствии с которой никакую жизнь нельзя отнимать, все живое священо.

Мистер Бейнес склонил голову.

— Он восстановит свое равновесие, — продолжал генерал Тадеки, — со временем. Сейчас ему еще не за что зацепиться, откуда он мог бы обозреть свой поступок и постичь его. Эта книга поможет ему, потому что даст ему внешнюю шкалу отсчета.

— Понимаю, — сказал мистер Бейнес.

«Другой системой эталонов, которая бы могла ему помочь, — подумал он, — была бы доктрина изначального, первородного греха. Интересно, слышал ли он о ней? Мы все обречены на то, чтобы совершать акты жестокости, насилия и даже злодейства. Это наша судьба, уготованная нам издревле. Наша кара. Чтобы спасти одну жизнь, мистер Тагоми был вынужден отнять две. Логический, уравновешенный разум не может постичь смысла в этом. Добряк вроде мистера Тагоми может сойти с ума от соприкосновения с такой реальностью. Тем не менее критическая, решающая точка находится не в настоящем и даже не в момент моей смерти или смерти этих двух эсэсовцев. Она находится — гипотетически — в будущем. То, что случилось здесь, оправданно или неоправданно с точки зрения

того, что случится позже. Сможем ли мы спасти жизнь миллионов, по сути, всю Японию? Но человек, который орудует стебельками растений, не в силах подумать об этом в данный момент. Настоящее, окружающая его действительность захлестнула его, из его разума не выходят мертвый и умирающий немцы на полу его кабинета. Генерал Тадеки прав: только время может вернуть к реальности мистера Тагоми. Если же этого не случится, то он, вероятно, отступит в тень душевной болезни, отвратит навсегда свой взор от окружающей жизни, ошеломленный охватившей его безнадежностью. Фактически мы не так уж и отличаемся друг от друга. Мы сталкиваемся с одними и теми же трудностями. И поэтому, к несчастью, мы не можем оказать помощь мистеру Тагоми. Нам остается только ждать, надеясь, что в конце концов он найдет силы и сам воспрянет духом и не поддастся».

Глава 13

Магазины Денвера оказались современными и шикарными. Одежда, как показалось Юлиане, была потрясающе дорогой, но Джо, казалось, не обращал на это внимания. Он просто платил за все, что она отбирала, и они спешили в следующий магазин.

Ее главное приобретение — после многих примерок и длительного размышления — было куплено к концу дня: светло-голубое платье итальянского производства с короткими рукавами-буфами и чрезвычайно низким декольте.

Она увидела его на манекене в модном европейском магазине. Считалось, что это лучшая модель сезона, и обошлось Джо почти в двести долларов.

Теперь к нему ей были необходимы три пары туфель, чуть побольше нейлоновых чулок, несколько шляп и новая черная кожаная сумка ручной работы. Кроме того, выяснилось, что декольте итальянского платья требует нового бюстгальтера, который прикрывал бы только нижнюю половину груди. Оглядев себя с головы до ног в зеркале, она почувствовала себя полуголой, выставленной напоказ в витрине магазина, и поняла, что этот полубюстгальтер прочно сидит на положенном ему месте, несмотря на отсутствие шлеек.

«Только соски и прикрывает,— подумала Юлиана, глядя на себя в примерочной,— ни миллиметром выше. А обошелся недешево».

Продавщица объяснила, что он тоже импортный и тоже ручной работы. Потом продавщица показала ей спортивную одежду, шорты, купальные костюмы и махровый пляжный костюм, но тут Джо забеспокоился, и они пошли дальше.

Когда Джо погрузил пакеты и сумки в машину, она спросила:

— Правда, я буду выглядеть потрясающе?

— Да,— ответил он рассеянно,— особенно в этом голубом платье. Вот его и наденешь, когда мы пойдем туда, к Абеденсену. Поняла?

Последнее слово он произнес отрывисто, так, будто это был приказ. Его тон удивил ее.

— У меня двенадцатый—четырнадцатый размер,— сказала она, когда они вошли в следующий магазинчик.

Продавщица любезно улыбнулась и проводила ее к стойке с платьями. «Чего же мне еще?— подумала Юлиана.— Лучше, пока можно, взять побольше». Глаза ее тут же разбежались: кофты, свитера, спортивные брюки, пальто.

— Джо,— сказала она,— мне нужно длинное пальто, но очень легкое.

Они сошлись на легкой синтетической шубке немецкого производства — более ноской, чем натуральная, и не такой дорогой, тем не менее возникла легкая досада, и, чтобы утешиться, Юлиана принялась рассматривать ювелирные изделия. На прилавке лежала отчаянно скучная, заурядная дрянь, сделанная без малейшего намека на воображение и оригинальность.

— Мне нужны какие-то украшения,— объяснила она Джо.— Хотя бы серьги или заколки для этого голубого платья.

Она вела его по тротуару к ювелирному магазину.

— Да еще твой костюм,— вспомнила она виновато.— Надо же и тобой заняться.

Пока она рассматривала украшения, Джо зашел в парикмахерскую постричься. Когда через полчаса он вышел оттуда, она была ошеломлена: он не только остриг волосы как можно короче, но еще и покрасил их. Она едва узнала его: теперь он был блондином. «Боже мой,— подумала она, глядя на него.— А это для чего?»

Пожав плечами, Джо сказал:

— Надоело мне быть макаронником.

Этим он ограничился в объяснениях. Теперь они пошли в магазин мужской одежды и начали делать покупки для него.

Первым был отлично сшитый костюм из нового синтетического материала фирмы «Дюпон», дакрона, затем новые носки, белье и пара стильных остроносых туфель. «Что еще?— подумала Юлиана.— Сорочки и галстуки».

Она вместе с приказчиком выбрала две белые сорочки с французскими манжетами, несколько английских галстуков и пару серебряных запонок. Все это заняло минут сорок.

Она удивилась, что получилось быстрее, чем процедура ее собственной экипировки.

Костюм еще нужно было подогнать, но Джо опять забеспокоился и торопливо оплатил счет банкнотами рейсбанка, достав их из кармана. «Вот что нужно еще,— подумала она,— новый бумажник». Поэтому она с помощью продавца выбрала для него черный, крокодиловый кожи бумажник и на этом удовлетворилась. Они покинули магазин и вернулись к машине. Было уже четыре тридцать, и вся экипировка была завершена.

— Ты не хочешь, чтобы тебе чуть заузили пиджак в талии?— спросила она, когда они влились в общее движение.

— Нет.

Голос его, резкий и обезличенный, ее озадачил.

— Что-нибудь не так? Может, я слишком много накупила?

«Конечно же,— сказала она себе же в ответ,— я потратила многовато».

— Я могла бы вернуть несколько юбок.

— Давай пообедаем,— сказал он.

— Боже мой! Ты знаешь, о чем я забыла? О ночных рубашках!

Он свирепо взглянул на нее.

— Ты что, не хочешь купить мне пару новых пижам?— спросила она.— Чтобы я всегда была свежей и...

— Нет.

Она покачала головой.

— И кончим на этом, лучше смотри, где нам лучше поесть.

Нетвердым голосом Юлиана предложила:

— Поедем сначала в гостиницу и снимем номер, чтобы переодеться, а уж потом поедем.

«Лучше, если это будет по-настоящему хорошая гостиница,— подумала она.— Иначе все будет зря. Пока еще не поздно. А уж в гостинице мы спросим, где в Денвере лучшее место и как называется хороший ночной клуб, где можно было бы хоть раз за всю жизнь увидеть не какие-нибудь местные таланты, а крупных звезд из Европы, вро-

де Элеоноры Перез или Вилли Бека. Я знаю, что крупнейшие имена студии «Уфа» заезжают в Денвер, я слышала об этом в объявлениях по радио. И ни на что меньшее я не согласна».

Пока они искали гостиницу, Юлиана не переставала разглядывать своего партнера. Теперь, коротко остриженный, со светлыми волосами, в новом костюме, он был не похож на того Джо, каким был раньше.

«Больше ли он мне такой нравится? Трудно сказать. Я и сама, когда сделаю себе новую прическу, становлюсь совершенно другим человеком. Мы сделаны из ничего или, скорее, из денег. Но я обязательно должна сделать прическу».

Большой роскошный отель они нашли в самом центре Денвера. У входа стоял швейцар в ливрее, взявший на себя заботу об устройстве машины на стоянке. Это было как раз то, что она хотела. Коридорный — фактически взрослый мужчина, хотя и одетый в идиотскую форму мальчика-рассыльного, — быстро подскочил к ним и забрал все пакеты и багаж, оставив им только необходимость подняться по широкой, покрытой ковром лестнице, пройти под тентом через стеклянную дверь в раме красного дерева и попасть в вестибюль.

По всему вестибюлю были разбросаны киоски — цветочные, сувенирные, кондитерские, стол для телеграмм, окошко авиакасы. Суета гостей перед портье и лифтами, огромные растения в горшках, ковры под ногами, толстые и пушистые, — во всем чувствовалась роскошь отеля, важность его постояльцев, важность их деятельности. Неоновые указатели обозначали ресторан, коктейль-холл, небольшую закусочную. Юлиана с трудом переваривала все это, пока они пересекали вестибюль, идя к стойке дежурного администратора.

Здесь был даже книжный киоск.

Пока Джо заполнял бланк, она извинилась и поспешила к книжному киоску, посмотреть, есть ли там «Саранча». Да, она была здесь, внушительная кипа экземпляров с рекламной надписью на витрине, где говорилось, как она популярна и конечно же о том, что она запрещена на всех подконтрольных Германии территориях. Ее приветствовала улыбающаяся женщина средних лет. Книга стоила почти четыре доллара — ужасно дорого, как показалось Юлиане, но она все же заплатила за нее купюрой рейхбанка из своей новой сумочки, а затем вприпрыжку пустилась назад, к Джо.

Коридорный, подхватив багаж, пошел впереди к лифту, который поднял их на третий этаж, и они прошли по тихо-му, теплому, покрытому коврами коридору в свой перво-классный, поражающий воображение номер. Коридорный открыл дверь, занес внутрь вещи, подошел к окну и приот-крыл занавески. Джо дал ему чаевых, и он отправился восвояси, прикрыв за собой дверь.

Все складывалось именно так, как хотела Юлиана.

— Сколько мы пробудем в Денвере?— спросила она Джо.

Джо стал разворачивать на кровати пакеты с покупками.

— Потом ведь нам в Шайенн?

Он не ответил: его совершенно захватило содержание саквояжа.

— День или два?— настаивала она.

Она сняла свою новую шубку.

— А может быть, стоит остаться здесь и на три дня, как ты думаешь?

Подняв голову, Джо ответил:

— Мы отправимся туда сегодня вечером.

Сначала она не поняла его, но когда осознала, то не могла поверить своим ушам. Она глядела на него во все глаза, а он ответил на этот взгляд насмешливой, почти зловещей ухмылкой. Лицо его приняло теперь настолько сосредоточенно-напряженное выражение, какого ей не приходилось видеть еще ни у одного мужчины за всю ее прошлую жизнь. Он не двигался, казалось, он был скован параличом на том месте, где оказался со своей новой, только что извлеченной из саквояжа одеждой в руках, на-клонившись туловищем вперед.

— После того, как мы пообедаем,— добавил он.

Она лишилась дара речи. Ни одна мысль не шла ей на ум.

— Так что надевай то голубое платье, которое так до-рого стоит,— продолжал он,— и которое тебе так понрави-лось. Нет, правда, прекрасное платье. Согласна?

Он расстегнул рубашку.

— Я собираюсь побриться и принять горячий душ.

В его голосе было что-то механическое, будто он гово-рил откуда-то издалека с помощью какого-то устройства. Повернувшись, он прошел в ванную, рывками передвигая негнущиеся ноги.

С большим трудом ей удалось вымолвить:

— Сегодня уже слишком поздно.

— Нет. Мы пообедаем где-то часам к шести, а до Шай-енна можно добраться за два — два с половиной часа. Это

будет только восемь тридцать, ну, допустим, самое позднее, девять. Мы можем отсюда позвонить Абеденсену, предупредить его, что мы едем, и объяснить ситуацию. Это ведь произведет впечатление — междугородный разговор. Скажем, что летим на западное побережье, в Денвере остановились только на одну ночь и что нас так увлекла эта книга, что мы решили заехать в Шайенн и вернуться обратно среди ночи, только ради того, чтобы...

— Зачем?— перебила Юлиана.

На глазах выступили слезы, она сжала руки в кулаки, засунув внутрь большие пальцы, как когда-то в детстве.

Она чувствовала, как у нее дрожит челюсть, и когда заговорила, голос ее был едва слышен.

— Я не хочу ехать к нему сегодня, не собираюсь. И вообще не хочу, даже завтра. Мне только хочется посмотреть здесь что-нибудь интересное. Ты же обещал мне.

Пока она говорила, страх снова заполнил ее, сдавил ей грудь, охватила неожиданная слепая паника, которая почти не покидала ее даже в самые яркие мгновения общения с ним. Она заполняла все ее естество и подчиняла себе. Юлиана чувствовала, как эта паника мелкой дрожью трясет ее лицо, как она выпирает повсюду так, что это можно заметить без особого труда.

— Вот вернемся, устроим кутеж, все злачные места пообедем.

Он говорил рассудительно, но тем не менее с непреклонной твердостью, как будто отвечал хорошо выученный урок.

— Нет,— ответила она.

— Надень голубое платье.

Он принялся рыться в пакетах, пока не нашел платье, бережно разложил его на кровати: казалось он не спешил.

— Ну? Как? Ты будешь в нем сногшибательной. Слушай, купим бутылку дорогого шотландского виски и возьмем с собой.

«Френк,— подумала на,— помоги мне. Я влипла во что-то, чего не понимаю».

— Шайенн гораздо дальше, чем ты думаешь,— ответила она.— Я смотрела по карте. Будет на самом деле поздно, когда мы доберемся туда, скорее всего часов одиннадцать. Если не все двенадцать.

— Надень платье,— проговорил он,— или я тебя убью! Закрыв глаза, она нервно захихикала.

«Моя тренировка,— подумала она.— Значит, в конце концов все это было не зря. Ну что ж, посмотрим, успеет

ли он убить меня до того, как я сдавлю нерв на его спине и искалечу его на всю жизнь? Но ведь он дрался с теми британскими командос, он уже прошел через все это много лет назад».

— Я знаю, что ты, вероятно, сможешь швырнуть меня хорошенько,— сказал Джо,— а может, и нет.

— Нет, на пол я тебя швырять не буду, я просто навсегда оставлю тебя калеккой. Я сделаю это. Я жила на западном побережье. Японцы научили меня этому еще в Сиэтле. Так что можешь сам ехать в Шайенн, если тебе так приспичило, а меня оставь в покое. И не пытайся меня принуждать. Я тебя боюсь и способна на что угодно.

Голос ее сломался.

— Я могу слишком резко обойтись с тобой при первой же попытке приблизиться.

— Ну и заладила! Да надень же это чертовое платье! К чему все это? Ты что, чокнулась? Плетешь невесть что! Убью, изувечу! Из-за чего? Только из-за того, что я хочу посадить тебя в автомобиль и прокатить по автостраде, чтобы повидать того малого, который написал книгу, которую ты...

Раздался стук в дверь.

Джо бросился к ней и открыл. Рассыльный в форме сказал:

— Гладильная служба, сэр. Вы справлялись у администратора, сэр.

— Да.

Джо шагнул к кровати, сгреб все белье, новые сорочки и отнес рассыльному.

— Вы сможете вернуть их через полчаса?

— В том случае, если только складки прогладятся,— сказал рассыльный.

Он внимательно их осмотрел.

— Не стирая. Да, я уверен, что сможем, сэр.

Когда Джо закрыл за ним дверь, Юлиана спросила:

— Откуда тебе известно, что новую белую сорочку нельзя одевать, не прогладив?

Он ничего не ответил, только пожал плечами.

— Я-то совсем забыла,— продолжала Юлиана.— Женщине следовало бы помнить, что когда вынимаешь их из целлофана, они все в морщинах и складках.

— Когда я был помоложе, я любил хорошо приодеться и погулять.

— А как же ты узнал, что в отеле есть гладильная служба? Я этого не знала. А ты в самом деле постригся и

покрасился? Я вдруг подумала, что твои волосы всегда были светлыми и что ты носил парик. Разве не так?

Он снова пожал плечами.

— Ты, должно быть, эсэсовец, — продолжала она, — выдающий себя за шофера-итальянца и никогда не дравшийся в Северной Африке, да? Тебе нужно было сюда приехать, чтобы убить Абеденсена, разве не так? Я уверена, что именно так, хотя и признаюсь, что я ужасно глупая.

Она почувствовала себя выжатой и опустошенной.

Подождав, Джо сказал:

— В Северной Африке я действительно сражался. Ну, не в артиллерийской части под командой Парди, конечно. В дивизии «Бранденбург».

Затем он добавил:

— Я был немецким разведчиком, проникал в английские штабы. Не вижу тут ничего необычного: в любом случае у нас было дел по горло. И я был под Каиром. Там я заслужил медаль и повышение по службе. Чин капрала.

— Та авторучка — какое-то оружие?

Он не ответил.

— Бомба, — неожиданно поняла она, произнося это слово вслух. — Что-то вроде бомбы-ловушки, которая настраивается так, что взрывается, когда кто-нибудь до нее дотрагивается.

— Нет, то, что ты видела, двухваттный приемо-передатчик, чтобы я мог поддерживать связь. На тот случай, если произойдут изменения в первоначальном плане в связи с нынешней политической ситуацией в Берлине.

— Ты свяжешься с ними в последний момент, перед тем, как это сделать? Для уверенности?

Он кивнул.

— Ты не итальянец, ты немец.

— Швейцарец.

— Мой муж еврей.

— Мне безразлично, кто твой муж. Все, чего я хочу от тебя, — это, чтобы ты надела платье и привела себя в порядок, чтобы мы могли пообедать. Сделай что-нибудь с волосами, мне бы хотелось, чтобы ты сходила в парикмахерскую. Может, салон при отеле еще открыт. Ты могла бы сделать прическу, пока я жду сорочки и принимаю душ.

— Каким же образом ты собираешься его убить?

— Пожалуйста, надень новое платье, Юлиана. Я позволю вниз и спрошу насчет парикмахерской.

Он направился к телефону.

— Зачем я тебе нужна?

Набирая номер, Джо сказал:

— У нас заведено дело на Абеденсена, и похоже, что его влечет к определенному типу смуглых, чувственных девушек, особенно к девушкам ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал с кем-то из персонала отеля, Юлиана подошла к кровати и легла, закрыв глаза и прикрыв лицо руками.

— У них есть-таки парикмахерская, — сказал Джо, положив трубку. — Она может заняться тобой прямо сейчас. Спустись в салон. Он на втором этаже. — Он что-то сунул ей в руку. Открыв глаза, она увидела банкноты рейхсбанка.

— Чтобы расплатиться.

— Оставь меня в покое. Дай мне полежать здесь, пожалуйста.

Он бросил на нее взгляд, полный любопытства и огорчения.

— Сиэтл был бы похож на Сан-Франциско, — сказала она, — если бы в Сан-Франциско не произошел большой пожар. Настоящие деревянные дома и немного кирпичных, такие же, как и там, холмы. Японцы селились в нем еще задолго до войны. У них там был целый деловой квартал, дома, магазины, и все это было очень старым. Там есть порт. Маленький пожилой японец, который обучал меня — я пришла к нему с одним моряком с торгового судна и, пока жила в Сиэтле, брала у него уроки, — Минору Ихосу, он носил жилетку и галстук. Он был таким же круглым, как йо-йо. Давал уроки на верхнем этаже одной японской конторы, на двери была старомодная медная табличка, а приемная напоминала кабинет дантиста. С журналами «Нейшнл джеогрэфик».

Наклонившись над нею, Джо взял ее за руки и посадил, поддерживая в таком положении.

— В чем дело? Ты ведешь себя как больная.

Он пылливо заглянул ей в лицо.

— Я умираю, — сказала она.

— Это приступ неуверенности. Она тебя все время преследует. Сейчас найдем аптечку и дадим тебе успокоительного. Как насчет фенотарбита? Да ты еще и голодная с утра. Все будет в порядке. Когда мы доберемся до Абеденсена, тебе ничего не придется делать, только стой рядом со мной. Говорить буду я. Только улыбайся, и все. Если почувствуешь, что он хочет уйти, заговори с ним,

тогда он останется. Как только он тебя разглядит, я уверен, он нас впустит, особенно если увидит это декольте на итальянском платье. Будь я на его месте, непременно впустил бы тебя.

— Позволь мне пройти в ванную, — взмолилась Юлиана. — Меня мутит. Пожалуйста.

Она стала вырываться из его рук.

— Мне очень нехорошо, пусти меня.

Джо отпустил ее, и она бросилась в ванную, закрыв за собой дверь.

«Я могу это сделать», — подумала она.

Она щелкнула выключателем, свет ослепил ее. «Я могу это найти». В аптечке, любезно предоставленной гостиницей, лежала пачка лезвий для безопасной бритвы, мыло, зубная паста. Она открыла начатую пачку: да, только одна сторона острая. Она развернула новое, покрытое смазкой, иссиня-черное лезвие.

Из душа текла вода. Она вошла под струю — Боже! — прямо в одежду. Все испорчено.

Платье прилипло к телу. Волосы распрямились.

Ужаснувшись, она споткнулась, едва не упала, пытаясь на ощупь выйти из-под душа. Вода мелкими струйками текла по ее чулкам.

Юлиана начала плакать.

Войдя в ванную, Джо обнаружил ее возле умывальника. Она сняла с себя промокший костюм и стояла обнаженная, одной рукой держась за раковину, склонившись над ней, как бы желая набраться сил.

— О, Господи Иисусе! — воскликнула она, сообразив, что он здесь. — Не знаю даже, что делать. Костюм испорчен, это же шерсть.

Она повела рукой. Джо взглянул по направлению жеста и увидел мокшую одежду.

Очень спокойно, однако лицо его было перекошено, он сказал:

— Что ж, тебе все равно не пришлось бы это надевать.

Белым мохнатым гостиничным полотенцем он вытер ее и повел из ванной назад в комнату.

— Надень на себя белье, надень что-нибудь. Я велю парикмахерше подняться прямо сюда. Она обязана, как говорится в проспекте отеля.

Он снова подошел к телефону и набрал номер.

— Какие пилюли ты мне предлагал? — спросила она, когда он закончил.

— Я и забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Нет,

подожди, у меня что-то есть. Нембутал или какая-то другая дрянь.

Он бросился к своему саквоюжу и стал в рыться в нем.

Когда он протянул ей две желтые капсулы, она спросила:

— А они меня не доконают?— и неловко взяла их в руку.

— Что? — Лицо его нервно передергивалось.

«Сгинет мое лоно,— подумала она,— высохнет плоть».

— Я хочу спросить, не отупею ли я от них?

— Нет. Это сделано фирмой АГ Хемис, дома продается повсюду. Когда мне не спится, я всегда пользуюсь этим. Сейчас я дам тебе воды.

Джо поспешил в ванную.

«Лезвие,— подумала она,— я проглотила его, теперь оно режет мне плоть. Наказание за то, что я, будучи замужем за евреем, якшаюсь с гестаповским убийцей». Она снова ощутила на глазах слезы, которые сжигали ее сердце. «За все, что я совершила, полный крах».

— Дай пройти,— сказала, выпрямившись, она.

— Но ты же не одета!

Он отвел ее в комнату, усадил и тщетно принялся натягивать на нее трусики.

— Нужно, чтобы тебе привели в порядок голову,— сказал он жалобно.— Где же эта женщина?

Она медленно, с трудом выговорила:

— Из волос можно сделать швабру, которой можно отмывать пятна с голого тела. Как ни беги от крючка, он всегда найдет тебя. Крючок Господа Бога.

«Пилюли разъедают меня,— подумала она.— В них, наверное, скипидар или какая-нибудь кислота. Буду гнить заживо до конца моих дней».

Джо взглянул на нее и побледнел. «Должно быть, он читает мои мысли,— подумала она,— с помощью какой-то своей машины, которую я не смогла обнаружить».

— Эти пилюли,— сказала она.— От них какая-то слабость, голова кружится.

— Но ты же не приняла их,— и указал на ее сжатый кулак, и она увидела, что капсулы все еще там.

— У тебя что-то с головой.

Тут же он стал каким-то тяжелым, медлительным, как некая инертная масса.

— Ты очень больна. Мы не можем ехать.

— Не нужно доктора. Сейчас все будет в порядке.

Она попыталась улыбнуться, глядя на его лицо, чтобы

по выражению его глаз понять, как ей это удалось. Отражение его мозга, схватившего ее сокровенные мысли.

— Я не могу взять тебя к Абеденсену,— сказал он.— Во всяком случае, сейчас. Завтра, может быть, тебе будет лучше. Попробуем завтра. Мы должны.

— Можно мне опять в ванную?

Он кивнул, едва ее слушая. Она вернулась в ванную и снова закрыла за собой дверь.

Еще одно лезвие из аптечки она зажала в руке и снова вышла в комнату.

— Бай-бай,— сказала она.

Когда она открыла дверь в коридор, он взревел и кинулся за ней.

Вжик!

— Это ужасно,— сказала она.— Они режутся, мне следовало это знать.

«Преграда для тех, кто вырывает сумки. Разным ночным бродягам. Теперь я могу с ними управиться. А этот куда запропастился? Хватает себя за шею, исполняет дикий танец...»

— Пропустил бы меня,— сказала она.— Не стой на дороге, если только не хочешь получить урок. К сожалению, только от женщины.

Высоко подняв лезвие, она подошла к двери и открыла ее. Джо сидел на полу, в позе загорающего, прижав ладони к горлу.

— Гуд бай,— сказала она и закрыла за собой дверь.

Теплый, усталый ковром коридор. Женщина в белом халате, что-то напевая под нос, катит тележку, опустив голову, от двери к двери, проверяя номера. Она оказывается прямо перед Юлианой. Теперь она подняла голову и глаза ее вылезли из орбит, а челюсть отвалилась.

— Ну, конфетка...— говорит она,— ты просто пьяная, тебе парикмахер не поможет. А ну, вернись-ка в номер и надень что-нибудь, пока тебя не вышвырнули из отеля. Боже милосердный!

Она открыла перед Юлианой дверь.

— Вели своему приятелю, чтобы он привел тебя в чувство, а я скажу горничной, чтобы она принесла горячий кофе. Ну, скорее, прошу тебя, иди к себе.

Она затолкнула Юлиану в номер, захлопнула за ней дверь и покатила свою тележку прочь.

Юлиана наконец поняла, что это парикмахерша. Оглядев себя, она открыла, что на ней и вправду ничего нет. Женщина была права.

— Джо,— сказала она,— они меня не выпускают.

Она нашла кровать, нашла свой саквояж, открыла его и вывалила одежду. Белье, затем кофта и юбка, пара туфель на низком каблуке.

«В таком виде уже можно»,— решила она.

Найдя гребень, она быстро причесала волосы. Затем уложила их.

— Представляю себе. Эта парикмахерша была права, когда чуть не свалилась с ног.

Она встала и пошла искать зеркало.

— Да, так лучше.

Зеркало было на дверце гардероба. Подойдя к нему, она внимательно оглядела себя, поворачиваясь из стороны в сторону на носках.

— Я так растерялась,— сказала она.

Она поискала взглядом Джо.

— Вряд ли я соображала, что делаю. Ты, наверное, что-то мне дал. Что бы это ни было, вместо того чтобы помочь мне, оно только меня доконало.

Продолжая сидеть на полу, схватившись за одну сторону шеи, Джо сказал:

— Послушай. Ну и хороша ты. Перерезала мне аорту, артерию на шее.

Хихикнув, она хлопнула себя рукой по губам.

— Боже, какой ты чудак. В смысле, ты умудряешься все говорить шиворот-навыворот. Аорта у тебя в груди. А ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану,— сказал он,— я истеку кровью за две минуты. Пойми это. Так что окажи мне хоть какую-нибудь помощь, пришли врача или вызови «скорую». Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты сделаешь это? Ну, конечно сделаешь. Договорились: ты позвонишь или сбегашь за кем-нибудь.

Чуть поразмыслив, она произнесла:

— Хорошо, попробую.

— Приведи кого-нибудь ради моего спасения.

— Сходи сам.

— Да рана же не закрылась.

Кровь сочилась сквозь его пальцы — она это видела — и стекала вниз по запястью. На полу натекла лужа.

— Я боюсь двинуться.

Она надела свою шубу, закрыла новую кожаную сумку, подхватила свой саквояж и столько пакетов, принадлежащих ей, сколько могла унести. Особо она постаралась уне-

сти большую коробку с аккуратно уложенным там голубым итальянским платьем. Открывая дверь в коридор, она обернулась к Джо.

— Может быть, я смогу сказать администратору. Там, внизу.

— Да,— с надеждой сказал он.

— Очень хорошо. Я скажу им. И не ищи меня в Канон-Сити, потому что я туда не собираюсь возвращаться. Ведь при мне почти все ассигнации рейхсбанка, так что я, несмотря ни на что, в выигрыше. Прощай.

Возле лифта ей помогли хорошо одетый пожилой бизнесмен и его жена: они взяли у нее пакеты и передали их внизу коридорному.

— Спасибо,— сказала им Юлиана.

Коридорный понес вещи через вестибюль на площадь перед отелем, а она нашла служащего, который объяснил ей, как добраться до автомобиля. Вскоре она уже стояла в прохладном бетонном подземном гараже, ожидая, пока служащий выведет наружу ее «студебеккер». Она вынула из сумки горсть мелочи, дала служителю на чай и через мгновение уже поднималась по тускло освещенному пандусу на темную улицу, освещенную фарами ее и чужих автомобилей, отблесками неоновой рекламы.

Швейцар в ливрее лично уложил все ее пакеты и вещи в багажник и улыбнулся ей так сердечно, что она дала ему, прежде чем уехать, громадные чаевые. Никто не пытался ее остановить, и это даже удивило ее. Никто даже бровью не повел.

Она решила, что они, наверное, думают, что заплатит Джо, а может быть, он уже заплатил, когда брал номер.

Ожидая в ряду других машин зеленого света светофора, она вспомнила, что не сказала администратору, что Джо сидит на полу номера и нуждается в помощи врача, что он будет ждать до окончания века или до тех пор, пока утром не появится уборщица. «Лучше мне вернуться,— подумала она,— или позвонить. Остановлюсь около телефона-автомата. Но ведь это так глупо,— подумала она тут же, продолжая выискивать место, где бы остановиться и позвонить.— Кто бы подумал такое всего лишь час назад, когда мы регистрировались, когда поднимались вверх. Мы уже собрались было идти обедать, мы, возможно, даже выбрались бы в ночной клуб».

Она снова заплакала. Слезы капали с кончика носа на кофту, но она продолжала ехать.

«Очень плохо, что я не посоветовалась с Оракулом, он-то знал бы все и предупредил меня. И почему я этого не сделала! В любое время я могла бы у него спросить, в любом месте во время поездки или даже перед отъездом». Она невольно застонала. Эти звуки — какое-то завывание, никогда прежде ею не издаваемое, — ужаснули ее, но она не могла сдержаться, несмотря на то, что сцепила зубы. Жуткое монотонное пение, причитания вместе со стенаниями, исторгались через нос.

Остановилась она у обочины и долго сидела, не выключая мотора, вся дрожа, засунув руки в карманы пальто. «Господи, — говорила она себе, — как это все ужасно. Ну что ж, а иначе никак и не могло получиться». Она вышла из машины и вытащила из багажника свой саквояж, открыла его на заднем сиденье и принялась рыться в одежде и обуви, пока в руках у нее не оказались два черных тома Оракула.

Здесь, на заднем сиденье машины с включенным мотором, она начала бросать три монеты Средне-Западных Штатов. Единственным источником света служила витрина крупного универмага. «Что я должна сделать? — это был ее вопрос Оракулу. — Скажи мне, что мне делать, пожалуйста?»

Гексаграмма сорок два с бегущей строкой, переходящей на гексаграмму сорок три. Прорыв. Она жадно набросилась на строчки гексаграммы, последовательно улавливая в своем сознании их скрытый смысл, постигая их значение. Гексаграмма точно описывала создавшееся положение — еще одно чудо.

Все, что произошло, здесь представало перед ее взором схематично, в виде наброска:

«Это содействует вопрошающему предпринять что-либо. Это способствует пересечь великие водные пространства».

«Значит, надо ехать дальше и совершить нечто такое, что важно для меня, ни в коем случае не останавливаясь здесь. А теперь строчки, сопутствующие гексаграмме». Она читала их, шевеля губами:

«Десять пар черепах не устоят перед ним. Непреклонное упорство приносит удачу. Король представляет его ногу».

Теперь шестая строка на третьей полосе. Когда она прочитала ее, у нее закружилась голова.

«Несчастья ведут к обогащению. Не следует порицать за это, если ты искренен и стараешься идти прямо, а также никому не открываешься и только в тайном послании сообщаем обо всем правителю».

Правитель — имеется в виду Абеденсен.

Тайное послание — это новенький экземпляр его книги. Несчастья — Оракулу известно обо всем, что с ней произошло, о тех ужасах, которые она пережила, общаясь с Джо, как бы его ни звали по-настоящему. Она прочла и шестую строку на четвертой полосе:

«Если будешь идти прямо и сообщать обо всем правителю, он выслушает тебя».

Она поняла, что должна туда отправиться, даже если Джо будет ее преследовать. С такой же жадностью она набросилась на последнюю бегущую, девятую строку.

«Он никому не позволит возвыситься. Кто-то даже ударит его. Ему не удастся сохранить свое сердце в покое. Случится беда».

Она подумала, что речь идет об убийце, о людях из гестапо, о том, что Джо или кто-то такой же, как и он, все-таки доберется туда и убьет Абеденсена.

Она быстро пробежала последнюю оставшуюся часть гексаграммы сорок три. Заключение.

«Абсолютно необходимо изложить суть дела перед троном короля. Во всеуслышание выложить всю правду. Несмотря на опасность, нужно уведомить свой собственный город. Не следует больше уповать только на оружие. Нужно предпринимать решительные шаги».

Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и думать о судьбе Джо. Это бесполезно, потому что если не он, так будут посланы другие. Снова Оракул еще более настойчиво говорит, что нужно ехать в Шайенн и предупредить Абеденсена, не обращая внимания на опасность, с этим связанную. «Я обязана открыть ему правду».

Закрыв книгу и снова усевшись за руль, она дала задний ход и влилась в поток автомобилей, быстро сообразив, как выехать из центра Денвера на главное шоссе, ведущее на Север.

Юлиана ехала так быстро, как только мог ее автомобиль. Мотор ревел и трясся, временами ей казалось, что руль вырывается из рук, а сиденье ускользает из-под нее. Содержимое отделения для перчаток непрерывно тархтело.

«Спасибо доктору Тодту и его автотрассам», — говорила она, мчась сквозь тьму, озаряемую только светом ее фар, и видя только разграничительные линии на шоссе.

К девяти часам вечера она все еще не добралась до Шайенна из-за аварии колеса, и потому ей оставалось только свернуть со скоростной магистрали и начать поиски места для ночлега.

На дорожном знаке впереди было написано: «Гринли. Пять минут». Медленно проезжая по главной улице Гринли несколькими минутами позже, Юлиана решила, что завтра утром двинется дальше. Она миновала несколько отелей с заженными табло, говорившими, что есть свободные места и что можно остановиться в одном из них. Она решила, что нужно делать: позвонить Абеденсену и сказать, что она придет.

Припарковавшись, она устало выбралась из машины и наконец-то разогнула ноги.

Весь день с восьми утра она была в пути. Невдалеке виднелась открытая всю ночь аптека. Сунув руки в карманы пальто, она прошла к ней, а вскоре уже была в закрытой телефонной будке и просила соединить ее со справочной в Шайенне.

Слава Богу, телефон Абеденсена был в телефонной книге. Она бросила монету в двадцать пять центов, и телефонистка набрала его номер.

— Алло,— отозвался вскоре энергичный женский голос, приятный голос молодой женщины примерно того же возраста, что и Юлиана.

— Миссис Абеденсен?— спросила Юлиана.— Можно мне поговорить с мистером Абеденсеном?

— Кто это, будьте любезны?

— Я прочла его книгу и весь день ехала в машине из Канон-Сити, штат Колорадо. Сейчас я нахожусь в Гринли. Мне казалось, что я попаду в ваш город еще сегодня вечером, но не удалось, и поэтому мне хотелось бы узнать, смогу ли я увидеть его завтра в любое удобное для него время.

После некоторой паузы миссис Абеденсен ответила все тем же приятным голосом:

— Сейчас уже поздновато, мы довольно рано ложимся спать. У вас есть какая-нибудь особая причина, почему вы хотите встретиться с моим мужем? Как раз сейчас у него особенно много работы.

— Я хотела бы с ним поговорить,— сказала Юлиана.

Ее голос звучал как-то безжизненно. Она глядела на стену кабинки, не в состоянии сказать ничего другого. У нее ныло все тело, во рту было сухо и гадко. За стеклом будки аптекарь за стойкой с соками готовил молочный коктейль для четверых подростков. Ей страстно захотелось оказаться там. Она едва обращала внимание на то, что говорила миссис Абеденсен. Ей ужасно захотелось чего-нибудь освежающего, холодного, и еще хорошо бы сандвич с рубленым цыпленком.

— Готорн работает каждый день по-разному.

Миссис Абеденсен говорила оживленно и отрывисто.

— Если вы приедете завтра, я ничего конкретного вам не смогу обещать, потому что он может быть занят целый день. Но если вы поймете это, прежде чем отправиться сюда...

— Да,— прервала ее Юлиана.

— Я уверена, что он будет рад поболтать с вами несколько минут, если удастся освободиться,— продолжала миссис Абеденсен,— но, пожалуйста, не огорчайтесь, если по какой-либо причине он не сможет выкроить время, достаточное для разговора, а может быть, даже для встречи с вами.

— Мы прочли его книгу, и она очень мне понравилась,— сказала Юлиана.— Она у меня с собой.

— Понимаю,— добродушно сказала миссис Абеденсен.

— Мы остановились в Денвере и занялись покупками, а на это ушло слишком много времени.

«Нет,— подумала она,— теперь все изменилось, стало шиворот-навыворот».

— Послушайте,— сказала она.— О том, что мне надо ехать в Шайенн, сказал Оракул.

— Боже мой!— воскликнула миссис Абеденсен, как будто ей было известно об Оракуле, но тем не менее не принимая ситуацию всерьез.

— Я могу прочесть вам строчки.

Она внесла в кабину Оракул. Положив оба тома на полку под аппаратом, она стала лихорадочно перелистывать страницы.

— Минуточку,— сказала она.

Найдя нужную страницу, она прочла сначала заключение, а потом предшествовавшие ему строки в трубку. Когда она дошла до девятой строки в вершине гексаграммы, она услышала, как миссис Абеденсен вскрикнула.

— Простите?— сказала Юлиана, останавливаясь.

— Продолжайте,— ответила миссис Абеденсен, в голосе ее звучала тревога, что-то резкое появилось в нем.

После того как Юлиана прочла заключение гексаграммы сорок три, содержащее слово «опасность», наступило молчание.

Ни миссис Абеденсен, ни Юлиана не были в состоянии нарушить его.

— Что ж, тогда мы завтра ждем встречи с вами,— в конце концов раздался голос в трубке.— Назовите, пожалуйста, свое имя.

— Юлиана Фринк, — ответила Юлиана. — Большое, огромное вам спасибо, миссис Абеденсен.

В этот момент телефонистка весьма бесцеремонно объявила, что время разговора вышло, и поэтому Юлиана повесила трубку, подобрала сумку, тома Оракула, вышла из кабинки и направилась к стойке с соками. Она заказала сэндвич, кока-колу и села, покуривая сигарету и отдыхая, как вдруг с ужасом осознала, что ничего не было сказано об этом человеке из гестапо или СД или еще черт знает откуда, об этом Джо Чинаделла, оставленном ею в номере гостиницы в Денвере. «Как же я забыла! Он же совершенно выскочил у меня из головы. Как это могло случиться? Я, должно быть, чокнутая. Наверное, я совсем рехнулась, тронулась или сошла с ума».

Какое-то время она рылась в сумке, стараясь найти мелочь для нового разговора.

«Нет, — решила она, уже поднявшись было со стула, — я не могу звонить им ночью. Пусть так и будет. Сейчас уже чертовски поздно. Я так устала, да и они, наверное спят уже».

Она съела сэндвич с рубленным цыпленком, запила его кока-колой, поехала в ближайший мотель, где сняла комнату, и, дрожа, забилась в постель.

Глава 14

«Ответа не существует, — подумал мистер Нобусуке Тагоми, — так же, как и понимания. Даже в Оракуле. И все же я должен продолжать жить изо дня в день, несмотря на это. Пойду и поищу что-нибудь маленькое. Буду жить незаметно, чего бы мне ни стоило, пока как-нибудь позже не наступит...»

Несмотря ни на что, он попрощался с женой и вышел из дома. Но сегодня он не направился, как обычно, в «Ниппон Таймс Билдинг». Нужно было дать себе разрядку, сходить в парк у «Золотых Ворот» с его зверинцем и аквариумами, посетить такое место, где обитатели безмозглы, не способны к мышлению, а тем не менее наслаждаются жизнью.

«Время. Ехать туда на педикебе очень долго, и у меня будет достаточно времени, чтобы постичь ситуацию. Если это так можно назвать. Но деревья и звери не имеют души. Мне нужно хвататься за какого-то человека. При этом можно превратиться в ребенка, хотя, наверное, именно это и хорошо».

Я мог бы повернуть так, чтобы это было хорошо».

Водитель педикеба пыхтит вовсю по Керни-стрит, направляясь к центру Сан-Франциско. «Может быть, дальше проехать на фуникулере?— неожиданно подумал мистер Тагоми.— Ведь это счастье — прокатиться на самом чистом и плавном виде транспорта, который должен был исчезнуть еще в начале века, но почему-то до сих пор сохранился».

Он отпустил педикейб и пешком прошел по тротуару к ближайшей остановке.

«Возможно,— подумал он,— я уже больше никогда не смогу вернуться в «Ниппон Таймс Билдинг», пропитанный духом смерти. Карьера моя окончена, но в этом нет ничего дурного».

Совет Торговых Представителей найдет ему замену. Но сам-то Тагоми все еще ходит, существует, помнит каждую подробность. Значит он ничего не достигнет уходом от дел.

«В любом случае операция «Одуванчик» сметет нас всех с лица Земли, независимо от того, чем мы занимаемся. Нас уничтожит наш враг, плечом к плечу с которым мы сражались на прошедшей войне. И чем же он нас отблагодарил за это? Еще тогда, наверное, нам следовало бы драться с ними или сделать так, чтобы Германия проиграла войну, помочь ее противникам — Соединенным Штатам, Британии, России. Куда ни кинь, всюду безысходность. Строки Оракула неопределенны и загадочны. Наверное, он покинул мир людей в печали, оставив им свою не поддающуюся разгадке мудрость. Мы достигли того момента, когда мы одиноки. Нам нечего ждать помощи, как в прежние времена. Что ж,— подумал мистер Тагоми,— возможно, это тоже неплохо. Может быть, это и к лучшему. Каждый должен сам попытаться отыскать свою дорогу».

На остановке Калифорния-стрит он вошел в вагончик и доехал до самого конца линии.

Он даже выпрыгнул из вагончика и помог повернуть его на деревянном поворотном круге.

И это из всего, испытанного им во время прогулки по городу, имело наибольшее значение. Но скоро это чувство ослабло, он снова почувствовал себя на краю пропасти, почувствовал это совершенно отчетливо именно благодаря тому, что воспринимает теперь все окружающее иначе.

Разумеется, назад он поехал в вагончике, но теперь поездка превратилась в пустую формальность, как он обнаружил, наблюдая улицы, дома, машины, пронесившиеся мимо него уже в противоположном направлении.

Возле Стоктона он поднялся, чтобы выйти из вагончика, однако на остановке, прежде чем он начал опускаться, его окликнул кондуктор:

— Ваш портфель, сэр.

— Спасибо.

Он забыл его в вагончике. Повернувшись, он забрал его и инстинктивно пригнулся, когда вагончик с лязгом тронулся дальше. Он подумал, что у этого портфеля очень ценное содержимое: драгоценный кольт сорок четвертого калибра, предел мечтаний любого коллекционера. Теперь он старался всегда держать его при себе на тот случай, если мстительные хулиганы из СД попытаются ему отплатить. От них можно ждать чего угодно. И все же мистер Тагоми понимал, что это новая привычка, несмотря на все случившееся, была признаком истерии, того нервного состояния, в котором он пребывал. Идя по улицам с портфелем в руке, он снова и снова убеждал себя, что не должен поддаваться панике — сначала принуждение, затем одержимость навязчивой идеей и наконец страх. Он не мог освободиться от него.

Он рождался в нем и овладевал им.

«Значит, я потерял свое восторженное отношение к своему хобби — коллекционированию?— спросил он себя.— Неужели все перевернулось из-за того, что я совершил? Вся моя страсть к собирательству уничтожена, а не только отношение к одному этому предмету. Главная опора моей жизни, сфера, увы, где я существовал с таким удовольствием».

Окликнув педикеб, он велел ехать на Монтгомери-стрит к магазину Роберта Чилдана.

«Надо выяснить все до конца. Есть еще эта единственная связь, соединяющая меня с любимым занятием. И эта же связь соединяет меня с происшедшим событием. Я, возможно, смог бы справиться с собой, если бы схитрил: например, выменял бы этот пистолет на еще более ценный исторический предмет. Этот пистолет для меня уже слишком предметен, его качества как реликвии полностью уничтожены недавним употреблением. Но ведь это мое личное ощущение, никто больше не будет испытывать аналогичного чувства к этому пистолету, ему не передастся мой персональный опыт. Он существует только в моей душе. Нужно освободить себя,— решил он, все более волнуясь.— Когда исчезнет пистолет, останется только легкий налет прошлого, потому что это не столько к моей душе, а, по теории историчности, в равной мере и в этом писто-

лете. А вот и магазин. Сколько интересных приобретений сделал я здесь,— спокойно заметил он, как бы глядя на себя со стороны.— Это было и моим бизнесом, и моим увлечением».

Расплатившись с рикшей, он подхватил портфель и быстро вошел в магазин.

Мистер Чилдан, стоял у кассы, протирая тканью какой-то дорогой предмет.

— Мистер Тагоми.

Чилдан поклонился.

— Мистер Чилдан.

Тагоми поклонился в ответ.

— Какая неожиданность, какая честь!

Чилдан отложил вещь и ткань и, обогнув прилавок, вышел навстречу гостю.

Обычный ритуал: приветствия, поклоны и так далее, в том же духе. Однако мистер Тагоми почувствовал, что Чилдан сегодня какой-то не такой, как всегда, чуть более молчаливый, чем обычно. «Ну и хорошо,— решил он.— Обычно он такой шумный, назойливый, скачет туда-сюда. А может быть, это и не к добру».

Тагоми положил портфель на прилавок и открыл его.

— Мистер Чилдан,— сказал он,— мне бы хотелось обменять этот экземпляр, купленный у вас несколько лет назад. Насколько мне помнится, вы раньше не возражали против такой практики.

— Да, сэр,— отозвался Чилдан.— Все зависит, к примеру, от состояния, ну и от некоторых других факторов.

Он встревоженно и внимательно посмотрел на мистера Тагоми.

— Это кольт сорок четвертого калибра,— сказал Тагоми.

Некоторое время оба молчали, глядя на револьвер, лежавший в открытой коробке красного дерева рядом с коробочкой с частично израсходованными патронами.

Легкая тень пробежала по лицу мистера Чилдана. Мистер Тагоми понял, что ж, быть по сему.

— Вас это не интересует?— угадал он.

— Нет, сэр,— подтвердил мистер Чилдан твердым голосом.

— Не буду настаивать.

Силы, казалось, покинули мистера Тагоми. Придется отступить.

Он почувствовал, как возвращаются прежние страхи.

— Извините меня, мистер Тагоми.

Мистер Тагоми поклонился, положил на место револьвер и коробку с боеприпасами и закрыл портфель. «Мне придется сохранить эту вещь. Такова судьба».

— Вы, кажется, чем-то огорчены,— сказал мистер Чилдан.

— Вы заметили?

Его охватила паника. Неужели он приоткрыл кому-то свой внутренний мир? Он невольно вздрогнул. Определенно так.

— У вас есть особая причина, почему вы хотите обменять этот предмет?— спросил мистер Чилдан.

— Нет,— сказал он.

Он в очередной раз прикрыл от постороннего взора свой личный мирок, что следовало бы сделать с самого начала.

Преодолевая нерешительность, мистер Чилдан произнес:

— Я очень сомневаюсь, что это было приобретено в моем магазине. Что-то не припоминаю, чтобы этот экземпляр проходил через мои руки.

— Я уверен в этом,— сказал мистер Тагоми.— Однако это не имеет значения. Я понимаю вас и ничуть не обижаюсь.

— Сэр,— сказал Чилдан,— позвольте мне показать вам новые поступления. У вас есть несколько свободных минут?

Мистер Тагоми ощутил, как что-то старое и хорошо знакомое шевельнулось в нем.

— Что-нибудь особенное?

— Подойдите сюда, сэр.

Чилдан пересек магазин, мистер Тагоми последовал за ним.

В стеклянном закрытом прилавке на черном бархате лежали небольшие металлические узоры, в форме которых не сразу можно было разобраться. Мистер Тагоми нагнулся, чтобы получше их рассмотреть, и какое-то странное чувство стало им овладевать.

— Я показываю это всем без исключения своим покупателям,— сказал Роберт Чилдан.— Сэр, вы знаете, что это такое?

— Похоже на ювелирные украшения,— сказал мистер Тагоми.

Он заметил брошь.

— Это все, разумеется, американского производства, но, сэр, это не старинные изделия.

Мистер Тагоми вопросительно взглянул на него.

— Сэр, это все — новые образцы.

Бледное, отчасти маловыразительное лицо Роберта Чилдана загорелось страстью.

— Это новая жизнь моей страны, сэр. Начало в виде крохотных, едва пробивающихся семян красоты.

Выразив на лице заинтересованность, мистер Тагоми взял несколько вещиц, чтобы повнимательнее осмотреть их. Он решил, что в них что-то новое, что оживляло их. Закон Тао пробивался даже здесь. «Когда все окружено тьмой, первые проблески света неожиданно оживляют все вокруг, самые темные глубины. Мы все близки меж собой, каждому доводилось сталкиваться с чем-то на это похожим, точно так же, как я столкнулся здесь сейчас... и все же для меня это всего лишь металлолом. Я не могу восхищаться этим, подобно Чилдану, к несчастью для нас обоих, но от этого никуда не уйти».

— Весьма милые вещицы, — пробормотал он.

Он положил безделушки на место.

Мистер Чилдан вымолвил:

— Сэр, это не понять так, сразу.

— Простите.

— Новая точка зрения вашей души.

— Вы прямо-таки обрели новую веру, — сказал мистер Тагоми. — Хотелось бы и мне так. Но, увы, не могу.

Он поклонился.

— В другой раз, может быть, — сказал он Чилдану.

Чилдан проводил его к выходу. Мистер Тагоми заметил, что он даже не попробовал показать ему другие товары.

— Ваша новая вера весьма сомнительного вкуса, — сказал мистер Тагоми. — Похоже, что вы пошли не совсем перспективным путем.

— Прошу прощения, — сказал мистер Чилдан.

Он не проявлял, однако, ни малейшего раболепия перед Тагоми.

— Но все-таки я прав. Я вижу совершенно ясно в этих предметах пока еще только созревающий зародыш будущего.

— Да будет так, — сказал мистер Тагоми. — Но ваш англосаксонский фанатизм отнюдь не привлекает меня.

И тем не менее определенно возникла какая-то надежда. Надежда в душе.

— До свидания.

Он поклонился.

— Я на днях еще загляну к вам. Возможно, тогда мы сможем проверить, сбываются ли ваши пророчества.

Мистер Чилдан поклонился, ничего не ответив.

Захватив с собой портфель с кольцом сорок четвертого калибра, мистер Тагоми вышел из магазина. «Я покидаю это место с тем же, с чем и вошел,— размышлял он.— Поиски продолжаются. Поиски чего-то, что мне нужно, чтобы я был в состоянии возвратиться в этот мир. А что, если я куплю одну из этих странных, непонятных вещей, буду хранить ее, смотреть на нее вновь и вновь, размышлять, а впоследствии, благодаря ей, найду свой путь назад? Сомнительно. Это годится для Чилдана, но не для меня. И все же, если кто-то — даже один — находит свой путь, значит есть выход. Даже если мне лично и не удастся его найти. Я ему завидую».

— Сэр,— сказал мистер Тагоми,— куплю-таки одну из этих вещей, любую, которую вы сами выберете. Веры у меня нет, но сейчас я согласен ухватиться и за соломинку.

Он еще раз проследовал за мистером Чилданом к застекленному прилавку.

— Я, неверующий, буду носить ее при себе, время от времени на нее поглядывать, раз в день, например. Месяца через два, если я так и не увижу...

— Вы можете вернуть ее за полную цену,— сказал мистер Чилдан.

— Благодарю вас,— сказал мистер Тагоми.

Ему стало лучше. Он решил, что иногда нужно пробовать все подряд. И в этом нет ничего предосудительного, совсем наоборот, это признак мудрости, правильной оценки сложившейся ситуации.

— Это успокоит вас,— сказал мистер Чилдан.

Он вынул маленький серебряный треугольник, украшенный орнаментом из пустотелых капель, черный снизу, яркий и наполненный светом сверху.

— Спасибо,— сказал мистер Тагоми.

* * *

Мистер Тагоми добрался на педикебе до Портсмут-сквер — небольшого открытого парка на склоне холма, который возвышался над Керни-стрит, где размещался полицейский участок.

Он устроился на скамейке под солнцем.

По мощеным дорожкам ходили голуби в поисках пищи.

На других скамейках плохо одетые люди читали газеты и дремали.

Некоторые лежали прямо на траве и, казалось, спали.

Вынув из кармана картонную коробочку, украшенную названием магазина мистера Чилдана, мистер Тагоми сидел, держа ее обеими руками, как бы стараясь согреть своим теплом. Затем он открыл коробочку и извлек из нее свое новое приобретение, чтобы здесь, в этом маленьком саду для стариков, оставшись с ним наедине, внимательно осмотреть.

Это была маленькая мудреная вещица из серебра. Подобно волшебному зеркальцу, она отражала полуденное солнце. Или — он высмотрел — в нем содержалось нечто, скрытое от взора, что улавливало солнечные лучи.

Значит, что-то все-таки в ней есть — размеры, форма. Он продолжал почтительно ее рассматривать.

Принесет ли она ему мир, как предсказывал Роберт Чилдан? Прошло пять минут, десять. Он уже не мог сидеть просто так.

«Время. Увы, вот чего нам всегда не хватает. Что же такое у меня в руках? Пока еще не вышло все мое время. Прости меня,— подумал мистер Тагоми, обращаясь к безделушке,— мирские хлопоты всегда заставляют нас подниматься и что-то делать».

Огорченный, он принялся укладывать вещицу на ее прежнее место. Еще один последний, полный надежды взгляд. Он снова испытующе посмотрел на покупку, вложив в этот взгляд все накопившееся в нем. «Как ребенок,— сказал он себе,— стараясь быть невинным и доверчивым, прижимает к уху случайно найденную на берегу моря раковину и слышит в ней морской гул. Только здесь ухо заменило глаз. Войди в меня и научи, что делать, что все это означает и почему. Сгусток понимания событий в одной маленькой безделушке. Слишком многого я хочу от нее и поэтому остаюсь ни с чем».

— Послушай,— смиренно обратился он к вещице.— Разве я прошу так уж многого?

«А что, если я злобно встряхну ее, как старые, остановившиеся часы?» Он так и сделал: вверх-вниз. Или как кости перед решающим броском. Чтобы разбудить спящее в ней божество. Никому не известное. Мистер Тагоми снова яростно потряс зажатую в кулаке вещицу и потом принялся опять смотреть на нее.

«Ты маленькая вещица, ты — пустышка,— подумал он.— Нужно ее обругать, испугать».

— Мое терпение кончается, — сказал он тупо.

«Ну и что дальше? Выбросить тебя в канаву? Подышать на тебя, потрясти, снова подышать? Принеси же мне выигрыш!»

Он рассмеялся. Какая бессмыслица — здесь, на самом солнцепеке. Какой спектакль для прохожих. Он тайком огляделся, но никто на него не смотрел. Старики посапывали, как и прежде. Он облегченно вздохнул.

«Ну, кажется, я уже все перепробовал, — решил он, — умолял, старался вникнуть, угрожал, философствовал, сопоставлял. Что еще можно сделать? А может быть, просто побыть здесь еще чуть-чуть? Может быть, все-таки что-нибудь случится? Когда я был ребенком, мысли мои были ребяческими, но теперь я вырос из детского восприятия мира. Тогда было проще. Теперь я должен искать ответы на свои вопросы другими способами. А значит, и мой подход к этой вещице должен быть другим, соответствующим моему теперешнему мироощущению. Подход должен быть научным. Следует логически осмыслить каждый аспект систематически, классическим экспериментальным методом Аристотеля».

Он приложил палец к правому уху, чтобы не слышать шума уличного движения и прочих отвлекающих звуков. Затем плотно прижал серебряный треугольник, как раковину, к левому уху.

Ничего. Никаких звуков. Даже гула океана, а на самом деле шума собственного кровообращения не слышно. Ничего.

Какое же тогда чувство может постичь скрытую в этой вещи тайну? От слуха, очевидно, пользы нет. Мистер Тагоми закрыл глаза и принялся ощупывать каждый миллиметр безделушки. Осознание дало тот же эффект: пальцы не смогли ему поведать ни о чем. Запах. Он поднес серебро поближе к носу и втянул воздух.

Слабый металлический запах, но он нес в себе какое-то другое значение. Вкус?

Открыв рот, он поднес треугольник и попробовал его на зуб, словно пряник, но жевать не стал.

Никакого иного содержания, не присущего серебру, — просто нечто горькое, твердое и холодное.

Он вновь держал ее на ладони.

Значит, снова возврат к зрению, к этому наивысшему из чувств в соответствии с греческой шкалой ценностей. Он поворачивал серебряный треугольник из стороны в сторону, стараясь увидеть его во всех возможных ракурсах.

«Что же я вижу,— спросил он себя,— после всего этого упорного, терпеливого изучения? В чем ключ к истине? Ну уступи, выдай свою собственную тайну, подобно морскому черту, вытащенному из глубины, которого поймали и приказывают рассказать обо всем, что находится там, внизу, глубоко в водяной бездне. Но черт ведь не притворяется, он безмолвно погибает от удушья, становится камнем или глиной, мертвым веществом, вновь возвращается в твердую субстанцию, обычную для неживого мира. Металл извлечен из земли,— подумал он, глядя на серебро,— снизу, из мест, спрятанных ниже всех других, из самых плотных слоев, из мира троллей и пещер, сырого, всегда мрачного мира тьмы в ее безысходном, наиболее тоскливом виде, мира трупов, гниения, разложившихся останков, всего умершего, слой за слоем откладывающегося под нами и постепенно распадающегося на элементы, демонический мир неизменности, времени, которого не было. И все же здесь, на солнце, серебряный треугольник сверкает, отражает свет, огонь. Это вовсе не сырой или темный предмет, вовсе не отяжелевший, потерявший живое, а пульсирующий им. Он принадлежит к самой высшей сфере, сфере света, как и положено произведению искусства. Да, это работа настоящего художника: взять кусок скалы из темной безмолвной земли и превратить его в сверкающий небесный свет, а тем самым вернуть жизнь мертвому. Труп превращается в тело, полное жизни; прошлое отступает перед будущим. Так кто же ты: темный мертвый мрак или ослепительно живой свет?» Серебряная вещица на ладони плясала и слепила глаза. Он прищурился, наблюдая теперь только за игрой света.

Тело из мрака, душа из света. Металл и огонь объединились. Внешнее и внутреннее: микрокосмос на его ладони. Какому пространству принадлежит эта вещь?

Уходящему ввысь, к небесам. К какому времени?

Изменчивому миру света. Да, эта вещь извергает свой дух — свет. И тем она приковала внимание. Он не мог оторвать от нее взора. Она как будто приворожила его к себе своей загадочностью, своей сверкающей поверхностью, и он уже был не в состоянии управиться с нею, не мог избавиться от нее по своей воле.

«А теперь скажи мне что-нибудь, теперь, когда ты получила меня в силки. Я хочу услышать твой голос, ослепи меня чистым белым светом, таким, какой мы ожидаем увидеть только в загробной жизни. Но мне не обязательно дожидаться смерти, распада моего мира, того времени, ког-

да душа будет искать иного прибежища. И все эти устрашающие или доброжелательные божества — мы обойдемся без них так же, как и без тусклого дымного света, и пройдем мимо совокупляющихся пар, мимо всего, кроме этого света. Я готов без страха стать к нему лицом. Замечаешь, что я не отвожу глаз? Я ощущаю, как горячие ветры кармы гонят меня, и тем не менее я остаюсь здесь. Мое воспитание было правильным: я не должен морщиться от чисто-го белого света, потому что если я это сделаю, я еще раз войду в круговорот рождения и смерти, никогда не познаю свободы, никогда не получу отпущения. Покровы бремени жизни, покровы «мая» вновь ниспадут на меня, если я...»

Свет исчез.

В его руках был всего лишь тусклый серебряный треугольник. Тень заслонила солнце.

Мистер Тагоми поднял голову.

Высокий полисмен в голубом мундире стоял, улыбаясь, рядом с его скамьей.

— Что?— ошеломленно спросил мистер Тагоми.

— Я просто наблюдал за вами, как вы орудуете с этой головоломкой.— Полисмен двинулся по дорожке.

— Головоломка?— эхом отозвался мистер Тагоми.— Это не головоломка.

— Разве это не одна из тех небольших проволочных головоломок, где нужно разнять составные части? У моего сына их целая куча. Некоторые из них очень трудные.

Полисмен пошел дальше.

«Все испорчено,— подумал мистер Тагоми.— Мой шанс погрузиться в нирвану исчез, уничтожен этим белым варваром, неандертальцем-янки. Этот недочеловек предположил, что я ломаю голову над детской пустой забавой».

Поднявшись со скамьи, он сделал несколько неуверенных шагов. «Нужно успокоиться. Ужасная, свойственная низшим классам шовинистическая расистская брань, совершенно меня недостойная».

В груди яростно столкнулись необъяснимые, не имеющие никакого оправдания страсти.

Он пошел через парк. «Нужно двигаться,— сказал он себе.— Очищение в движении».

Он вышел из парка. Тротуар Керни-стрит. Тяжелый гул уличного движения. Мистер Тагоми остановился около бордюра.

Педикетов не было видно. Он пошел пешком по тротуару и слился с толпой. Никогда не найдешь педикета, когда он особенно нужен.

Боже, что это? Он остановился, вытаращив глаза на чудовище — безобразное сооружение вдали. Как будто продолжение кошмарной американской горки, закрывающее все поле зрения. Огромное сооружение из металла и бетона, будто повисшее в воздухе.

Мистер Тагоми обратился к прохожему, худому мужчине в мятом костюме.

— Что это?— спросил он, указав на загадочное сооружение.

Мужчина ухмыльнулся.

— Жуткое зрелище, не правда ли? Это путепровод в порту. Очень многие считают, что он испортил весь вид.

— Раньше я никогда не замечал его,— отозвался мистер Тагоми.

— Значит, вам везло,— сказал мужчина и пошел прочь.

«Безумный сон,— подумал мистер Тагоми.— Нужно проснуться. Куда сегодня запропастились педикебы?» Он пошел быстрее. Все вокруг было каким-то тусклым, наполненным сизым дымом, и вид имело мертвенный. Пахло чем-то горелым. Угрюмые серые здания, тротуар, какой-то особенный бешеный темп движения по тротуару. И до сих пор ни одного педикеба!

— Кеб!— крикнул он, все прибавляя шагу.

Безнадежно. Только автомобили и автобусы. Автомобили, похожие на жестокие огромные орудия разрушения невиданных доселе форм. Он старался не глядеть на них и смотрел только перед собой. Это какое-то искажение зрения особо зловредного свойства, расстройство, вызвавшее нарушение чувства пространства. Горизонт впереди изгибался.

Будто какой-то жуткий астигматизм поразил его.

Нужна передышка. Впереди грязная забегаловка, внутри одни белые, все поглощены едой. Мистер Тагоми толкнул деревянную вращающуюся дверь. Запах кофе, нелепый музыкальный ящик в углу, оглушительно ревуший.

Он поморщился и стал проталкиваться к стойке. Все места были заняты белыми.

Мистер Тагоми громко вскрикнул, давая понять о своем намерении. Несколько белых оглянулись. Однако никто не покинул своего места, никто не уступил ему стула. Они просто продолжали свою еду.

— Я настаиваю,— громко сказал мистер Тагоми первому же белому, прямо-таки крикнул ему в ухо.

Мужчина отодвинул чашку и сказал:

— Полегче, япошка.

Мистер Тагоми посмотрел на остальных белых. Все они следили за ним враждебными глазами, и никто из них не шевельнулся.

«Загробное существование, — подумал мистер Тагоми. — Горячие ветры занесли меня неизвестно куда. Что это за видение, чего? Выдержат ли мои чувства все это? Да, «Книга мертвых» подготовила нас к этому: после смерти перед нами промелькнут многие, и все они будут казаться враждебными нам. Каждый будет противостоять этому в одиночку. Ужасный путь — и всегда через страдания, перерождение, будучи готовым воспринять какую-нибудь заблудшую, падшую душу. Страшная иллюзия».

Отпрянув от стойки, он выбежал из закуской. Дверь пропищала за его спиной; следующая его створка подтолкнула его на тротуар. «Где я? Вне своего мира, своего пространства и времени. Серебряный треугольник сбил меня с толку. Я сорвался со своих швартовых, и меня ничто не удержит — вот конец всех моих попыток, урок мне навсегда. Зачем идти вразрез своему мироощущению? Для того чтобы полностью заблудиться, потеряв все свои указательные столбы и остальные знаки, которыми можно было бы руководствоваться? Нужно прекратить это ужасное шатание среди теней, снова сосредоточиться и вернуться в свой мир».

Он ощупал карманы, но серебряного треугольника не обнаружил. Исчез, остался на скамейке в парке вместе с портфелем. Катастрофа.

Пригнувшись, он побежал по тротуару назад, в парк. Дремавшие бездельники удивленно глядели ему вслед, когда он бежал по дорожкам.

Вот та скамья, и портфель стоит возле нее.

Серебряного треугольника не было видно. Он стал искать вокруг. Да вот он, упал в траву и лежит почти незаметно там, куда он его в ярости зашвырнул.

Он снова сел, стараясь восстановить дыхание, — слишком уж он запыхался.

«Еще раз внимание к треугольнику, — сказал он себе, немного отдышавшись. — Внимательно гляди на него, даже насильно, и считай, ну, хотя бы до десяти, но медленно и громко. Что за idiotские сны наяву! Соперничество наиболее пагубных аспектов, присущих юности, но совсем не чистая непорочная невинность истинного детства. Но именно этого я, в любом случае, заслужил. Сам во всем виноват. И ни при чем здесь мистер Чилдан или ремеслен-

ники. Надо винить только собственную жадность. Разве можно силой что-нибудь понять?»

Он медленно считал вслух, а затем вскочил на ноги.

— Проклятая глупость,— резко сказал он.

Туман рассеялся.

Он огляделся.

Муть уменьшилась, так ему, во всяком случае, показалось. Теперь он должным образом оценил язвительные слова Святого Павла о том, что иногда мы видим мир в кривом зеркале. Это не просто метафора, а проницательный намек на оптические иллюзии.

Мы действительно все видим астигматически, в самом глубоком смысле этого слова: наши ощущения пространства и времени — порождение нашей собственной души, и иногда эти ощущения изменяют нам, ну, как расстройство среднего уха лишает нас равновесия, и это бывает, если просто каким-нибудь необычным образом наклонить голову — чувство равновесия исчезает.

Он положил серебряную безделушку в карман пальто и некоторое время сидел с портфелем на коленях. «Что я должен сейчас сделать,— сказал он себе,— так это пойти и снова посмотреть на это отвратительное сооружение. Как его называл прохожий? Портовый путепровод. Если его еще можно увидеть».

Но он чувствовал, что ему страшно двинуться с места.

«И все же я не могу просто так сидеть здесь. На мне лежит бремя обязанностей, которые я должен выполнять. Как разрешить эту дилемму?»

Два мальчика-китайца с шумом бежали по дорожке. Стайка голубей захлопала крыльями и взлетела. Мальчики остановились.

— Эй, молодые люди,— позвал их мистер Тагоми.

Он стал рыться в кармане.

— Подойдите сюда.

Мальчики настороженно приблизились.

— Вот десять центов.

Мистер Тагоми бросил им монету, и мальчики стали, толкаясь, бороться за нее.

— Выйдите на Керни-стрит и посмотрите, есть ли там педикебы. Потом вернитесь и скажите мне.

— А вы дадите нам еще одну монету, когда мы вернемся?— спросил один из мальчиков.

— Да,— ответил мистер Тагоми.— Но вы должны сказать мне правду.

Мальчики пустились по дорожке.

«Мне могут посоветовать,— подумал мистер Тагоми,— подать в отставку и жить в уединении, может, даже покончить с собой».

Он вцепился руками в портфель. Внутри все еще лежало оружие, так что с этим никаких затруднений не будет. Мальчишки примчались назад.

— Шесть!— кричал один из них.— Я насчитал шесть.

— А я пять,— тяжело дышал второй.

— Вы уверены, что это педикебы?— спросил мистер Тагоми.— Вы отчетливо видели, что водители крутят педали?

— Да, сэр,— вместе выпалили они.

Он дал каждому по десятицентовику.

Они поблагодарили его и убежали.

«Назад в контору и — за работу,— подумал мистер Тагоми. Он встал и поудобнее взял портфель.— Обязанности зовут. Еще один, заполненный текущими делами день».

Он еще раз прошел по дорожке вниз и вышел на тротуар Керни-стрит.

— Кеб!— громко позвал он.

Тотчас же из уличного потока отделился педикеб. Водитель остановился у бордюра, на его худом лице блестел пот, грудь тяжело вздымалась.

— Да, сэр.

— Отвезите меня в «Ниппон Таймс Билдинг»,— велел мистер Тагоми.

Он поднялся на сиденье, водитель принялся ловко лавировать среди других кебов и автомобилей.

* * *

До полудня оставалось совсем немного, когда мистер Тагоми добрался до «Ниппон Таймс Билдинг». Еще в вестибюле первого этажа он велел дежурному связать его с мистером Рамсеем наверху.

— Это Тагоми,— сказал он, услышав ответ мистера Рамсея.

— Доброе утро, сэр. Это большая радость для всех нас. Мы не видели вас с утра, я со страхом позвонил вам домой в десять часов. Но ваша жена сказала, что вы ушли.

— Там наверху весь беспорядок полностью устранен?

— Никаких следов.

— Абсолютно никаких?

— Даю вам честное слово, сэр.

Удовлетворившись, мистер Тагоми положил трубку, напавившись к лифту.

Уже наверху, войдя в свою контору, он позволил себе бегло осмотреть обстановку краем глаза. Действительно, как и утверждал мистер Рамсей, никаких следов не было.

Ему стало легче. Никто бы не узнал о том, что здесь было, если бы сам не видел. Однако теперь даже нейлоновый ковер на полу обладал историчностью.

В конторе его встретил мистер Рамсей.

— Ваша смелость — сегодняшняя тема для восхваления на страницах «Таймс», — начал он. — В статье описывается...

Однако, увидев выражение лица мистера Тагоми, он внезапно умолк.

— Что можно сказать о текущих делах? — спросил мистер Тагоми. — Где генерал Тадеки, то есть бывший мистер Ятабе?

— Тайно возвращается в Токио на самолете с копченой селедкой, совершающем челночные рейсы.

— А что насчет мистера Бейнеса?

— Я не знаю. За то время, что вы отсутствовали, он появился на короткое время, как-то даже украдкой, но ничего не сказал.

Мистер Рамсей в нерешительности замолчал.

— Возможно, он вернулся в Германию.

— Для него было бы куда лучше отправиться на Родные Острова, — сказал мистер Тагоми.

Он обращался главным образом к самому себе. «Во всяком случае, — подумал он, — сейчас важнее всего генерал, а это уж вне пределов моего поля зрения. Никакого отношения не имеет ни ко мне, ни к моей конторе: мною здесь воспользовались, но так и должно быть. Я был их — как это называется? — прикрытием. Я — ширма, прикрывающая действительность. За мною, спрятанная от чужих жадных глаз, протекает главная реальность. Странно! Иногда важно быть просто картонной ширмой, неотъемлемой частью создаваемой иллюзии. И по закону экономии, присущему природе, ничто не пропадает зря, даже то, что нерационально. Сколько всего скрыто в процессе генезиса природы».

Появилась взволнованная мисс Эфрикян.

— Мистер Тагоми, меня послали с телефонной станции.

— Успокойтесь, мисс, — сказал мистер Тагоми.

«Ведь жизнь продолжается», — подумал он.

— Сэр, здесь германский консул. Он хочет с вами пере-

говорить.— Она перевела взгляд с него на мистера Рамсея и вновь посмотрела на мистера Тагоми. Лицо было неестественно бледным.

— Мне сказали, что он был здесь в здании и раньше, но им было известно, что вы...

Мистер Тагоми знаком остановил ее.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, фамилию консула.

— Фрейер Гуго Рейсс, сэр.

— Да, теперь я припоминаю.

«Что ж,— подумал он.— Очевидно, мистер Чилдан в конце концов сделал мне одолжение, отклонив просьбу вернуть пистолет».

Взяв с собой портфель, он вышел из конторы и зашагал по коридору.

В коридоре стоял аскетически сложенный, хорошо одетый белый. Коротко подстриженные, выгоревшие соломенные волосы, блестящие черные кожаные туфли европейского производства, напряженная поза и изысканный портсигар слоновой кости. Несомненно, это был он.

— Герр Гуго Рейсс?— спросил Мистер Тагоми.

Немец поклонился.

— Случилось так,— сказал мистер Тагоми,— что в прошлом вы и я поддерживали свои отношения по почте, посредством телефона и тому подобного, но до сих пор ни разу не встретились лично.

— Это большая честь для меня,— сказал Гуго Рейсс.

Он сделал шаг навстречу.

— Даже несмотря на досадные недоразумения.

— Какие же, интересно?— осведомился мистер Тагоми.

Немец поднял бровь.

— Простите меня,— сказал мистер Тагоми.— Мне еще не совсем ясно, на какие недоразумения вы ссылаетесь. И как можно заключить заранее, объяснения ваши будут шиты белыми нитками.

— Ужасно,— сказал Гуго Рейсс.

Он покачал головой.

— Когда я впервые...

— Прежде чем вы начнете свой молебен, позвольте сказать мне. Я лично застрелил двух ваших эсэсовцев,— сказал мистер Тагоми.

— Полицейское управление Сан-Франциско вызывало меня,— сказал Гуго Рейсс.

Он окутывал обоих клубами противно пахнувшего дыма сигареты.

— За несколько часов мне удалось побывать и в участке на Керни-стрит, и в морге, а затем меня ознакомили с показаниями ваших людей, данными ими следователю полиции. Это крошечный ужас с начала и до конца.

Мистер Тагоми не проронил ни слова.

— Однако,— продолжал герр Рейсс,— утверждения о том, что эти головорезы каким-то образом связаны с Рейхом, оказались необоснованными. Мое собственное мнение заключается в том, что все это — акция каких-то безумцев. Я уверен, что вы действовали абсолютно правильно, мистер Тагоми.

— Тагоми.

— Вот вам моя рука,— сказал консул.

Он протянул руку.

— Давайте пожмем друг другу руки в знак джентльменского соглашения не вспоминать больше об этом. Особенно в эти критические времена, когда любое глупое измышление может воспламенить умы толпы во вред интересам обеих наших народов.

— И все же бремя вины лежит на моей душе,— сказал мистер Тагоми.— Кровь, герр Рейсс, никогда нельзя смыть так легко, как чернила.

Консул, казалось, был в замешательстве.

— Я страстно жажду прощения,— сказал мистер Тагоми,— хотя вы и не можете его дать, а возможно, никто не может. Я собираюсь почитать дневник знаменитого богослова из Массачусетса, преподобного Мэсера. Мне сказали, что он пишет о виновности, об адском огне и тому подобном.

Консул сделал быстрые затяжки сигаретой, внимательно изучая мистера Тагоми.

— Позвольте мне довести до вашего сведения,— сказал мистер Тагоми,— что ваша страна опустится до еще большей подлости, чем прежде. Вам известна гексаграмма «Бездна»? Говоря как частное лицо, а не как представитель японских официальных кругов, я заявляю: сердце останаавливается от ужаса. Нас ждет кровавая бойня, не имеющая аналогов. Но даже сейчас вы стремитесь к своим, не имеющим никакого значения эгоистическим целям и выгоде. Например: добиться какого-нибудь преимущества над соперничающей группировкой, скажем над СД, не так ли? Устроить холодный душ герру Бруно Краусу фон Мееру...

Дальше продолжать он не смог. Грудь его сдавило. «Как в детстве,— подумал он,— когда перехватывало ды-

хание, стоило мне рассердиться на свою старую воспитательницу».

— Я страдаю, — объяснил он герру Рейссу.

Тот уже выбросил свою сигарету.

— От болезни, развивающейся все эти долгие годы, но принявшей опасную форму с того самого дня, когда я услышал о шальных выходках наших безнадежно безумных вождей. В любом случае шансов на излечение никаких. И для вас тоже, сэр. Говоря языком преподобного Мэсера, если я правильно помню, — покайтесь!

Германский консул хрипло сказал:

— У вас хорошая память.

Он кивнул и дрожащими пальцами зажег новую сигарету.

Из конторы появился мистер Рамсэй, неся пачку бланков и бумаг. Обратившись к мистеру Тагоми, который молча пытался перевести дух, он сказал:

— Пока он еще здесь. Текущие дела, связанные с его функциями.

Мистер Тагоми машинально взял бумаги.

Форма двадцать-пятьдесят. Запрос из Рейха через представителя ТША, консула Фрейера Гуго Рейсса, о высылке под стражей какого-то уголовника, ныне находящегося под опекой Управления полиции города Сан-Франциско, еврея по фамилии Френк Финк, гражданина — согласно законам Рейха — Германии, разыскиваемого с июня 1960 года, для передачи под юрисдикцию Рейха и так далее. Он пробежал взглядом бумагу.

— Вот ручка, сэр, — сказал мистер Рамсэй, — и на сегодня наши дела с германским представительством закончены.

Он с неодобрением взглянул на консула, протягивая ручку мистеру Тагоми.

— Нет, — сказал мистер Тагоми.

Он вернул форму двадцать-пятьдесят мистеру Рамсэю, затем снова выхватил ее и наложил резолюцию:

«Освободить. Главное Торговое Представительство, одновременно представляющее гражданскую власть Империи в Сан-Франциско. В соответствии с протоколом 1947 года. Тагоми».

Он вручил один экземпляр германскому консулу, а остальные копии вместе с оригиналом отдал мистеру Рамсэю.

— До свидания, герр Рейсс.

Он поклонился.

Германский консул также поклонился, едва удостоив взглядом врученный ему лист бумаги.

— Пожалуйста, в будущем все дела ведите посредством промежуточных инстанций, как-то: почта, телефон, телеграф,— сказал мистер Тагоми,— чтобы исключить личные контакты.

— Вы возлагаете на меня ответственность за общие положения, находящиеся вне моей юрисдикции.

— Дерьмо собачье,— проговорил мистер Тагоми.— Вот что я имел в виду.

— Разве такими методами ведут дела цивилизованные люди? Вами руководят обида и месть, в то время как это должно быть просто формальностью, в которой нет места личным чувствам.

Рейсс швырнул на пол сигарету, повернулся и зашагал прочь большими шагами.

— Подберите свою вонючую сигарету,— тихо сказал мистер Тагоми.

Но консул уже скрылся за углом.

— Я вел себя как ребенок,— сказал мистер Тагоми мистеру Рамсэю.— Вы были свидетелем моей инфантильности.

Он нетвердой походкой направился в контору. Теперь он уже совсем не мог дышать.

Боль пронизала всю его левую руку, одновременно с этим как будто огромная рука схватила его ребра и сдавила их.

— Ух,— произнес он.

Там, впереди, он увидел не ковер, покрывающий пол, а фейерверк из искр, красных, обжигающих.

«Помогите, пожалуйста, мистер Рамсей»,— хотел сказать он, но не смог вымолвить ни звука. Он весь подался вперед и споткнулся. И ничего вокруг, за что можно было бы ухватиться.

Падая, он сжал в руке, засунутой в карман, серебряный треугольник, навязанный ему мистером Чилданом. «Он не спас меня,— подумал он.— И не помог мне. Все было впустую».

Тело его рухнуло на пол.

Задыхаясь, он ткнулся носом в ковер, свалившись на чегвереньки. Лопоча какую-то чушь, какую-то ерунду, чтобы самому не потерять голову, к нему устремился мистер Рамсей.

— У меня небольшой сердечный приступ,— удалось выговорить мистеру Тагоми.

Теперь уже несколько человек оказалось рядом, они перенесли его на диван.

— Спокойнее, сэр,— говорил ему один из них.

— Сообщите жене, пожалуйста,— сказал мистер Рамсей.

Вскоре с улицы донесся вой сирены «скорой помощи». Началась жуткая суматоха. Какие-то люди входили и выходили. Его накрыли одеялом почти до самой шеи, развязали галстук и расстегнули воротник.

— Теперь лучше,— сказал мистер Тагоми.

Ему было удобно лежать, и он даже не пытался пошевелиться. «Все равно моя карьера закончена,— решил он.— Генеральный консул, несомненно, поднимет крупный шум, будет жаловаться на неучтивость, вероятно, даже на нанесенное ему оскорбление. Но в любом случае что сделано, то сделано. Да и в более важном деле мое участие закончилось. Я сделал все, что было в моих силах. Остальное — забота Токио и германских группировок. Но, так или иначе, борьба будет проходить без меня. А я думал, что это всего-навсего пластмассы. Важный торговец прессформами. Оракул-то догадался, намекнул мне, а я...»

— Снимите с него рубашку,— раздался голос.

Скорее всего, местный врач. В высшей степени уверенный голос. Мистер Тагоми улыбнулся. Голос — это все.

А может быть, то, что сейчас с ним произошло, и есть ответ? Каким-то таинственным образом организм сам знает, что делать: что настало время бросить работу, хотя бы частично, временно. «Я должен на это согласиться. Что сказал мне Оракул в последний раз? Тогда, когда я обратился к нему в кабинете, где лежали те двое мертвых или умирающих. Гексаграмма шестьдесят один. Внутренняя правда. Свины и рыбы наименее разумны из всех животных, их трудно убедить. Таков и я. Книга имела в виду меня. Никогда я не мог до конца понять происходящего: это естественно для подобных созданий. Или именно это и есть внутренняя правда — все то, что со мной произошло? Я подожду и увижу, в чем она состоит».

В этот же вечер, как раз после обеденного приема пищи, к камере Френка Фринка подошел служащий полиции, отпер дверь и велел ему идти в дежурку и забрать свои пожитки.

Вскоре он стоял перед участком на тротуаре на Керни-стрит среди толпы прохожих, спешащих по своим делам, среди автобусов, сигналивших автомобилям, выкриков рикш. Было холодно. Длинные тени легли перед каждым зданием.

Френк Фринк какое-то мгновение постоял, а затем стал машинально переходить улицу вместе с другими в зоне перехода.

Он подумал о том, что был арестован без всякой существенной причины, без какой-либо цели и так же без всякой причины отпущен.

Ему ничего не объяснили, просто отдали сверток с одеждой, бумажник, часы, очки, личные вещи и вернулись к своим делам. Пожилой пьяница полицейский вывел его на улицу.

«Чудо,— подумал он.— Это чудо, что меня выпустили. В какой-то мере счастливая случайность. По всем правилам я уже давно сидел бы на борту самолета, следующего в Германию, на пути к уничтожению».

Он все еще не мог поверить ни тому, что его арестовали, ни тому, что его отпустили. Все это казалось нереальным. Он брел мимо закрытых лавок, переступая через всякий мусор, разносимый ветром.

«Новая жизнь,— думал он.— Как будто заново родился после того, как побывал в аду, а теперь очутился в другом аду. Кого же мне благодарить? Может быть, помолиться? Хотел бы я все это понять,— сказал он себе, — шагая вечерним тротуаром, забытым людьми, мимо неоновых реклам, хлопавших дверей баров на Грант-авеню.— Я хотел бы постичь это. Я должен».

Но он знал, что никогда этого не поймет.

«Просто радуйся,— подвел он итог,— и иди дальше».

Что-то в мозгу подсказало, что нужно возвращаться к Эду, что он должен войти в мастерскую, спуститься в подвал, продолжить дело, работать руками и не думать, не поднимать головы и не пытаться что-либо понять, всецело отдаться работе и сделать уйму вещей.

Он быстро, квартал за кварталом, пересек кутавшийся в сумерки город, изо всех сил, как можно быстрее, стараясь вернуться к устойчивому, надежному месту, где он был до случившегося, и где все было понятно.

Добравшись наконец, он увидел, что Эд Мак-Карти сидит за верстаком и обедает. Два бутерброда, термос с чаем, банан, несколько штук печенья.

Френк Фринк встал на пороге, стараясь отдышаться.

Эд услышал дыхание и повернулся.

— Я было подумал, что ты погиб,— сказал он.

Он прожевал еду, проглотил прожеванное и откусил еще.

Возле верстака стоял включенным небольшой электрокалорифер. Френк подошел к нему и наклонился, согревая руки.

— Как я рад, что ты вернулся,— добавил Эд.

Он дважды хлопнул Френка по спине и вернулся к бутербродам. Он не сказал больше ничего. Единственными звуками были гудение вентилятора калорифера и чавканье Эда.

Положив пальто на стул, Френк набрал горсть наполовину завершенных серебряных сегментов и понес их к полировальному станку. Он насадил круг, войлочную шайбу на ось, включил мотор, смазал шерсть полировочным компаундом, надел защитные очки и, усевшись на высокий стул, начал снимать с сегментов, одного за другим, огненную чешую.

Глава 15

Капитан Рудольф Вегенер, теперь уже путешествующий под именем Конрада Гольца, оптовый поставщик медикаментов, смотрел в окно ракетного корабля Люфтганзы.

Впереди уже была Европа.

«Как быстро,— подумал он.— Мы сделаем посадку на аэродроме Темпельхоф примерно через семь минут. Интересно, чего же я добился?»

Он глядел на то, как быстро приближается земля.

«Теперь очередь за генералом Тадеки. Что он сможет предпринять на Родных Островах? Мы, по крайней мере, сообщили ему эту информацию. Мы сделали то, что могли. Однако особых причин для оптимизма нет,— подумал он.— Вероятно, японцы ничего не смогут сделать для того, чтобы изменить курс германской внешней политики. В правительстве у власти Геббельс, и, скорее всего, это правительство удержится. После того как оно укрепит свое положение, оно снова вернется к идее «Одуванчика». И еще одна важная часть планеты будет уничтожена вместе со всем населением ради сумасшедших идеалов фанатиков. В сущности, можно предположить, что они, фашисты, уничтожат всю планету, оставят на ее поверхности лишь один стерильный пепел. Они на это способны: у них

есть водородная бомба. Несомненно, в конце концов, они так и сделают. Их образ мышления ведет к этой «Гибели богов». Возможно, что они даже жаждут этого, активно стремятся к этому фатальному светопреставлению, уничтожению всего на свете. Что же оставит после себя этот безумный Третий Рейх? Будет ли он причиной конца всей жизни на Земле, любого ее проявления, повсюду? И наша планета станет мертвой планетой от наших же собственных рук?»

Он не мог в это поверить.

«Даже если вся жизнь на нашей планете будет уничтожена, то должна же быть где-то еще другая жизнь, о которой мы просто ничего не знаем. Невозможно, чтобы наш мир был единственным. Должны быть и другие миры, нами не замеченные, в другой области пространства либо даже в другом измерении, а мы просто не в состоянии их постичь. Даже если я не смогу доказать этого, даже если это не логично, я верю в это», — сказал он себе.

Громкоговоритель объявил:

— Майнен дамен унд геррен, ахтунг, битте... Внимание...

«Мы заходим на посадку, — сказал про себя капитан Вегенер. — Я совершенно уверен в том, что меня встретят агенты СД. Вопрос только в том — какую из группировок они будут представлять? Поддерживающую Геббельса или Гейдриха? Допуская, что генерал СС Гейдрих еще живой. Пока я на борту этого корабля, его могли окружить и пристрелить. Все происходит так быстро во время переходного периода в тоталитарном обществе. В фашистской Германии быстро составляются списки лиц, перед которыми прежде большинство трепетало...»

Несколькими минутами позже, когда ракета приземлилась, он встал и двинулся к выходу, держа пальто в руке.

Перед ним и позади него шли возбужденные быстрым перелетом пассажиры.

«Среди них, — размышлял он, — на этот раз нет молодого художника-нациста, нет Лотца, который изводил меня своим мировоззрением, уместным только для кретинов».

Служащие, облаченные в авиаформу, как заметил Вегенер, такую же, как и у самого рейхсмаршала, помогали всем пассажирам спуститься по наклонному трапу на поле аэродрома.

Там, у входа в здание аэровокзала, стояла небольшая группа чернорубашечников.

«За мной?»

Вегенер стал медленно отходить от ракеты.

На балконе здания аэровокзала встречающие — мужчины и женщины, дети, многие из них размахивали руками, что-то кричали, особенно детвора.

Отделившись от остальных, к нему подошел один из чернорубашечников, немигающий блондин с плоским лицом, со знаками различия морской СС, щелкнул каблуками сапог выше колена и отдал честь.

— Их битте, мих, цу энтсшульдиген. Зинд зи вихт капитан Рудольф Вегенер, фон дер Абвер?

— Извините, — ответил Вегенер. — Я — Конрад Гольц, представитель АГ Хемикалиен по сбыту медикаментов.

Он попытался пройти мимо.

Двое других чернорубашечников, той же марки, подошли к ним.

Теперь рядом с ним были уже трое, так что, хотя он и продолжал все так же идти в избранном направлении, практически он находился под конвоем.

У двоих эсэсовцев под плащами были спрятаны автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал один из них, когда они все прошли в здание.

Он ничего не ответил.

— У нас здесь автомобиль, — продолжал эсэсовец. — Нам приказано встретить вашу ракету, связаться с вами и немедленно отвезти к генералу СС Гейдриху, который в настоящее время вместе с Зеппом Дитрихом находится в штабе одной из дивизий СС. В особенности нас предупредили, чтобы мы не позволили вам подойти к каким-либо лицам из вермахта или партийного руководства.

«Значит, меня не пристрелят, — сказал себе Вегенер. — Гейдрих жив, находится в безопасном месте и пытается усилить свои позиции в борьбе против правительства Геббельса. Может быть, правительство Геббельса все-таки падет».

Его затолкали в ожидавший их эсэсовский штабной лимузин фирмы «Даймлер».

«Отряда флотских эсэсовцев, неожиданно ночью сменивших охрану рейхсканцелярии, вполне достаточно. Тотчас же все полицейские участки Берлина выплунут вооруженных людей из СД во всех направлениях — прежде всего чтобы захватить радиостанцию, отключить электропитание, закрыть Темпельхоф. Грохот тяжелых орудий во тьме на главных улицах. Но какое все это имеет значение. Даже если доктор Геббельс свергнут и операция

«Одуванчик» отменена? Они все еще будут существовать, эти чернорубашечники, нацистская партия, проекты, если не на Востоке, то где-то в другом месте, на Марсе или на Венере. Не удивительно, что мистер Тагоми не смог этого вынести,— подумал он,— ужасной дилеммы нашей жизни. Что бы ни случилось, все будет злом. Для чего же тогда бороться? Зачем выбирать, если все альтернативы одинаковы? Очевидно, мы все-таки будем продолжать в том же духе, как и прежде, изо дня в день. В данный момент мы действуем против операции «Одуванчик». Потом мы будем бороться за то, чтобы одолеть полицию. Но мы не можем сделать все сразу, должна быть определенная последовательность, непрекращающийся процесс. Мы сможем воздействовать на исход, только делая выбор перед каждым очередным шагом. Мы можем только надеяться,— думал он,— и стараться изо всех сил. Где-нибудь, в каком-нибудь другом мире, все совершенно иначе. Там дело обстоит лучше: есть ясный выбор между добром и злом. А не эта туманная путаница, которая затрудняет возможность выбора, особенно когда нет соответственного орудия, с помощью которого можно было бы отделить переплетенные между собой составляющие. У нас совсем не идеальный мир, который нам нравился бы, где легко было бы соблюдать моральные принципы, потому что было бы легко распознать нарушение их. Где каждый мир мог бы безо всяких усилий поступать правильно, так как мог бы легко обнаружить очевидное».

«Даймлер» рванулся вперед.

Капитан Вегенер поместился на заднее сиденье, с обеих из сторон были чернорубашечники, держа на коленях автоматы.

«Предположим, что даже сейчас это какая-то хитрость,— думал Вегенер, ощущая, как лимузин на высокой скорости проносится по берлинским улицам,— что меня везут не к генералу СС Гейдриху, находящемуся в штабе одной из дивизий, а везут меня в какую-нибудь их партийных тюрем, где меня изувечат и в конце концов убьют. Но я сделал выбор: я предпочел вернуться в Германию, избрал рискованный путь, связанный с тем, что меня могут схватить до того, как я доберусь до людей Абвера и окажусь под их защитой. Смерть в любое мгновение — вот единственная дорога, открытая для нас в любой точке. И тем не менее мы выбираем ее, несмотря на смертельную опасность, либо же мы сдаемся и отступаем от нее умышленно».

Он смотрел на пронесившиеся мимо здания.

«Мой родной «фольк», родной народ: ты и я, снова мы вместе».

Наконец, обратившись к трем эсэсовцам, он сказал:

— Как дела в Германии? Есть что-нибудь свеженькое в политической ситуации? Я не был здесь несколько недель, уехал еще до смерти Бормана.

— Естественно, истерические толпы поддерживают маленького доктора, — ответил сидевший справа от него. — Именно толпа и вознесла его на пост канцлера. Однако не очень-то похоже на то, что, когда возобладают более трезвомыслящие, они захотят поддерживать ничтожество и демагога, который и держится-то только тем, что разжигает массы своим враньем и заклинаниями.

— Понимаю, — сказал Вегенер.

«Все продолжается, — подумал он, — междоусобица. Вероятно, именно в этом — семена будущего. Они в конце концов пожрут друг друга, оставив остальных в этом мире в живых. Нам достаточно, чтобы еще раз отстроиться, надеяться и жить своими немногочисленными, маленькими стремлениями».

В час дня Юлиана Фринк наконец добралась до Шайенна.

В центре города, напротив огромного здания старого паровозного депо, она остановилась у табачной лавки и купила две утренние газеты.

Остановив машину у бордюра, она просмотрела газеты, пока не нашла наконец то, что искала:

«Отпуск заканчивается смертельным ранением».

Разыскивается для допроса относительно смертельной раны, нанесенной мужу в роскошном номере отеля «Президент Гарнер» в Денвере, миссис Джо Чинаделла из Канон-Сити, уехавшая, по показаниям служащего отеля, немедленно после того, что, должно быть, послужило трагической развязкой супружеской ссоры. В номере были найдены лезвия бритвы, которыми, как назло, снабжаются постояльцы отеля в виде дополнительной услуги. Ими-то, по всей видимости, и воспользовалась миссис Чинаделла, которую описывают как смуглую, стройную, хорошо одетую женщину в возрасте около тридцати лет, чтобы перерезать горло своему мужу, чье тело было найдено Теодором Феррисом, служащим гостиницы, полчасом раньше

забравшим сорочки у Чинаделла и, как ему было велено, пришедшим, чтобы вернуть их владельцу выглаженными. Он стал первым свидетелем вызывающей ужас сцены. Как сообщает полиция, в номере отеля найдены следы борьбы, указывающие на то, что окончательным аргументом...

«Значит, он мертв», — подумала Юлиана, сложив газету.

И не только это узнала она: у них не было ее настоящего имени, они не знали, кто она, и вообще ничего о ней.

Теперь уже не такая взволнованная, она поехала дальше, пока не нашла подходящую гостиницу.

Здесь она получила номер и занесла туда свой багаж.

«Теперь мне не нужно спешить», — сказала она себе. — Я могу даже подождать до вечера и только тогда пойти к Абеденсену. В этом случае мне представится возможность надеть мое новое платье. В нем просто не полагается показываться днем — такие платья надевают только в сумерки. И я могу спокойно закончить чтение книги».

Она расположилась поудобнее в номере, выключила радио, принесли из буфета кофе, легла на тщательно застеленную кровать со своим новым, нечитанным, чистеньким экземпляром «Саранчи», купленным в книжном киоске отеля в Денвере.

Не выходя из номера, она дочитала книгу к четверти седьмого.

«Интересно, добрался ли до ее конца Джо? В ней так много такого, что он вряд ли понял, что хотел сказать Абеденсен этой книгой. Ничего о своем выдуманном мире. Разве я единственная, кто понимает это? Держу пари, что я права: никто лучше не понимает «Саранчу», чем я, они все только воображают, что понимают по-настоящему».

Все еще слегка потрясенная, она уложила книгу в саквояж, надела пальто, вышла из гостиницы, чтобы где-нибудь пообедать.

Воздух был очень чист, а вывески и рекламы Шайенна как-то поособенному волновали ее.

Перед входом в один из баров ссорились две хорошенькие черноглазые проститутки-индианки.

Юлиана остановилась посмотреть.

Стаи автомобилей, огромных, сверкающих, пронеслись мимо нее по улицам, все окружающее дышало атмосферой праздности, ожидания чего-то, глядело в будущее куда охотнее, чем в прошлое, с его затхлостью и запустением, с его обносками и выброшенным старьем.

В дорогом французском ресторане — где служащий в белом кителе заводил на стоянке автомобили клиентов, а на каждом столе стояла зажженная свеча в большом бокале для вина, где масло подавалось не кубиками, а набитое в круглые белые фарфоровые масленки, — она с нескрываемым наслаждением пообедала, а затем, имея еще массу свободного времени, медленно прогулялась до своей гостиницы.

Банкноты рейхсбанка у нее почти не осталось, но она не придавала этому значения.

Это ее мало заботило.

«Он поведал нам о нашем собственном мире», — подумала она.

Она оттолкнула дверь своего номера.

«О том самом мире, который сейчас вокруг нас».

В номере она снова включила радио.

«Он хочет, чтобы мы увидели его таким, каким он является на самом деле. Я вижу его, и с каждым мгновением многие другие начинают прозревать и видеть его».

Вынув из коробки голубое итальянское платье, она тщательно разложила его на кровати.

Оно ничуть не было испорчено.

Все, что нужно было сделать, — это хорошенько пройтись щеткой, чтобы убрать приставшие ворсинки.

Но когда она открыла другие пакеты, то обнаружила, что не привезла из Денвера ни одного из своих шикарных полубюстгальтеров.

— Ну и черт с ними, — сказала она.

Она погрузилась в кресло и закурила сигарету.

Может быть, она сможет надеть его с обычным лифчиком?

Она сбросила кофту и юбку и примерила платье.

Конечно, бретельки от лифчика были видны, и к тому же торчали его верхние края, поэтому она отбросила эту мысль. «А может быть, — подумала она, — пойти вообще без лифчика?»

Такого с ней не было уже много лет.

Это напомнило ей былые дни в старших классах школы, когда у нее были очень маленькие груди. Это даже очень беспокоило ее тогда. Но потом, по мере взросления и занятий дзю-до, размер груди дошел до тринадцатого номера.

Тем не менее, она попробовала надеть платье без бюстгальтера, встав на стул в ванной, чтобы видеть себя в зеркале аптечки.

Платье сидело на ней потрясающе, но, Боже милостивый, слишком рискованно было его так носить.

Стоило ей только пригнуться, чтобы вынуть сигарету или отжаться на то, чтобы выпить, — и могла случиться беда.

Булавка!

Она могла бы надеть платье без лифчика, собрав переднюю часть булавкой.

Вывалив содержимое своей коробки с украшениями на кровать, она стала раскладывать броши и сувениры, которыми владела долгие годы.

Некоторые подарил ей Фринк, некоторые — другие мужчины еще до замужества.

Среди них была и та, которую купил ей в Денвере Джо.

Да, небольшая серебряная булавка в виде лошадиной головы, из Мексики.

Вполне подойдет.

Она нашла и нужное место, где следовало заколоть, так что в конце концов все-таки можно будет надеть это платье.

«Я сейчас рада чему угодно», — подумала она.

Произошло так много плохого, так мало осталось от прежних замечательных планов и надежд.

Она энергично расчесала волосы, так что они начали потрескивать и блестеть, ей осталось только выбрать туфли и серьги.

Затем она надела пальто, взяла с собой новую кожаную сумочку ручной работы и вышла из номера.

Вместо того чтобы ехать на своем старом «студебеккере», она попросила хозяина отеля вызвать по телефону такси.

Пока она ждала в вестибюле, ей неожиданно пришла в голову мысль позвонить Фринку.

Почему ей это стукнуло в голову, она так и не могла понять, но идея застряла в голове.

А почему бы и нет?

Она могла бы и не платить за разговор.

Он был бы настолько рад и ошеломлен тем, что слышит ее, что сам с удовольствием заплатил бы.

Стоя у стойки администратора в вестибюле, она держала трубку, приложив ее к уху, и с восторгом прислушивалась, как телефонистки междугородных станций переговаривались между собой, стараясь установить для нее связь.

Она слышала, как далекая отсюда телефонистка из Сан-Франциско звонит в справочную относительно номера, затем много треска и щелчков в трубке и наконец долгие гудки.

Такси могло показаться в любой момент, но ему пришлось бы обождать — они к этому привыкли.

— Ваш абонент не отвечает,— наконец сказала ей телефонистка в Шайенне.— Мы повторим вызов через некоторое время позже и...

— Не нужно.

Юлиана покачала головой.

Ведь это был всего лишь мимолетный каприз.

— Меня здесь не будет. Спасибо.

Она положила трубку — хозяин отеля стоял неподалеку и следил за тем, чтобы по ошибке плата за разговор не была перечислена на его счет,— и быстро вышла на холодную, темную улицу, остановилась там и стала ждать.

К бордюру подрулил сверкающий новый автомобиль и остановился.

Дверь открылась, водитель выскочил на тротуар, спеша к ней.

Через мгновение она уже упивалась роскошью заднего сиденья такси, направляясь через центр к дому Абеденсена.

Во всех окнах дома Абеденсена горел свет. Оттуда доносились музыка и голоса.

Это был одноэтажный оштукатуренный дом с довольно приличным садом из вьющихся роз и с живой изгородью.

Направляясь по дорожке к дому, она подумала: «А смогу ли я попасть туда?»

Неужели это и есть «Высокий Замок»? А какие слухи и сплетни!»

Дом вполне обыкновенный, в хорошем состоянии, сад ухожен.

На длинной асфальтовой дорожке стоял даже детский трехколесный велосипед.

А может быть, это совсем не тот Абеденсен?

Она нашла адрес в телефонной книге Шайенна, телефон совпадал с номером телефона, по которому она звонила вчера вечером из Гринли.

Поднявшись на крыльцо, огороженное литым ажурным узором железных решеток, она нажала кнопку звонка.

Через полуоткрытую дверь была видна гостиная, до-

вольно много стоявших там людей, поднимавших жалюзи на окнах, фортепиано, камин, книжные шкафы.

«Отличная обстановка», — подумала она.

Люди собрались на вечеринку?

Но одеты они были не соответственно.

Взъерошенный мальчик лет тринадцати, одетый в тенниску и джинсы, широко распахнул дверь.

— Да?

— Это дом мистера Абеденсена? — спросила Юлиана. — Он сейчас занят?

Обращаясь к кому-то в доме позади него, мальчик крикнул:

— Мам, она хочет видеть папу.

Рядом с мальчиком возникла женщина с каштановыми волосами, лет тридцати пяти, с решительными, немигающими серыми глазами и улыбкой настолько уверенной и безжалостной, что Юлиана сразу же поняла, что перед ней Каролина Абеденсен.

— Это я звонила вам вчера вечером, — сказала Юлиана.

— О да, конечно.

Улыбка ее стала еще шире.

У нее были отличные белые ровные зубы. Юлиана решила, что она ирландка.

Только ирландская кровь могла придать такую женственность этой челюсти.

— Позвольте взять вашу сумочку и шубу. Вам очень повезло: сегодня у нас несколько друзей. Какое прелестное платье! Оно вам удивительно идет. Из дома моделей Керубини, не так ли?

Она провела Юлиану через гостиную в спальню, где сложила вещи Юлианы вместе с другими на кровати.

— Муж где-то здесь. Ищите высокого мужчину в очках, пьющего, как было принято в старину.

Из глаз ее полился вдруг полный понимания свет, губы изогнулись.

«Мы так хорошо понимаем друг друга, — поняла Юлиана. — Разве это не удивительно?»

— Я проделала долгий путь, — сказала она.

— Да, я понимаю. Сейчас я сама поищу его.

Каролина Абеденсен снова провела ее в гостиную и подвела к группе мужчин.

— Дорогой, — позвала она, — подойди сюда. Это одна из твоих читательниц, которой не терпится сказать тебе несколько слов.

Один из мужчин отделился от группы и подошел к Юлиане, держа в руке бокал.

Юлиана увидела чрезвычайно высокого мужчину с черными курчавыми волосами.

Кожа его была смуглой, а глаза казались пурпурными или коричневыми, еле отличавшимися по цвету от стекол очков, за которыми скрывались.

На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной ткани, скорее всего из английской шерсти. Костюм, нигде не морщась, еще больше увеличивал ширину его могучих плеч.

За всю свою жизнь она еще ни разу не видела такого костюма.

Она чувствовала, что не сможет не смотреть на него.

— Миссис Фринк,— сказала Каролина,— целый день ехала из Канон-Сити, Колорадо, только для того, чтобы поговорить с тобой о «Саранче».

— Я думала, что вы живете в крепости,— сказала Юлиана.

Пригнувшись, чтобы лучше разглядеть ее, Готорн Абеденсен задумчиво улыбнулся.

— Да, мы жили в крепости, но нам приходилось подниматься к себе на лифте, и у меня возник навязчивый страх. Я был изрядно пьян, когда почувствовал этот страх, но, насколько я помню сам и судя по рассказам других, я отказался ступить в него потому, что мне показалось, что трос лифта поднимает сам Иисус Христос, ну и всех нас заодно. И поэтому я решил не заходить в лифт.

Она ничего не поняла, но Каролина ей объяснила:

— Готорн говорил, насколько я понимаю, что как только он в конце концов встретится с Христом, то сядет: стоять он не собирается. А в лифте сесть было не на что.

«Это из церковного гимна»,— подумала Юлиана.

— Значит, вы бросили «Высокий Замок» и переехали назад в город,— сказала она.

— Я бы хотел налить вам чего-нибудь.

— Пожалуйста,— сказала она.— Только чего-нибудь нынешнего, не древнего.

Она мельком увидела буфет с несколькими бутылками виски, все высшего качества, рюмками, льдом, настойками, ликерами и апельсиновым соком.

Она шагнула к нему, Абеденсен ее сопровождал.

— Чистого «Хорнера» со льдом,— сказала она.— Мне всегда нравился этот сорт. Вы знакомы с Оракулом?

— Нет,— сказал Готорн, готовя выпивку.

Она удивленно уточнила:

— С «Книгой перемен»?

— Нет,— повторил он.

Он передал ей бокал.

— Не дразни ее,— сказала Каролина Абеденсен.

— Я прочла вашу книгу,— сказала Юлиана.— В сущности, я дочитала ее сегодня вечером. Каким образом вы узнали обо всем этом другом мире, о котором написали?

Он ничего не сказал.

Он потер суставом пальца верхнюю губу, хмуро глядя куда-то за ее спиной.

— Вы пользовались Оракулом?— спросила она.

Готорн взглянул на Юлиану.

— Я не хочу, чтобы вы дурачились или отшучивались,— сказала Юлиана.— Скажите мне прямо, не пытаюсь изображать что-нибудь остроумное.

Покусывая губу, Готорн уставился на пол. Обняв себя руками, он покачивался взад-вперед.

Остальные, собравшиеся в комнате, притихли.

Юлиана заметила, что и манеры их изменились.

Теперь они уже не казались такими беззаботными, после того как она сказала эти слова, но она не старалась ни смягчить их, ни взять назад.

Она не притворялась. Это было слишком важно.

Она проделала такой длинный путь и так много сделала, что теперь могла требовать от него правду и только правду.

Он уже не был вежливым, не был радушным хозяином.

Юлиана заметила краем глаза, что и у Каролины было выражение едва сдерживаемого раздражения.

Она плотно сжала губы и больше не улыбалась.

— В вашей книге,— сказала Юлиана,— вы показали, что существует выход. Разве вы не это имели в виду?

— Выход?— иронически повторил он.

— Вы очень много сделали для меня,— продолжала Юлиана.— Теперь я понимаю, что не нужно чего-либо бояться, жаждать тоже нечего, как и ненавидеть, и избегать, и преследовать.

Он взглянул ей в лицо, вертя в руках бокал и, казалось, изучая ее.

— Мне кажется, что многое в этом мире стоит свеч.

— Я понимаю то, что происходит у вас в голове,— сказала Юлиана.

Для нее это было старое, привычное выражение лица мужчины, но здесь оно несколько не смущало ее.

Она больше не видела себя такой, какой была прежде.

— В деле, заведенном на вас в гестапо, говорится, что вас привлекают женщины, подобные мне.

Абеденсен не изменил выражения лица и сказал:

— Гестапо не существует с 1947 года.

— Тогда, значит, СД или что-то в этом роде.

— Объясните, пожалуйста, — резко сказала Каролина.

— Обязательно, — ответила Юлиана. — Я до самого Денвера ехала с одним из них. Они со временем собираются показаться и здесь. Вам следует переехать в такое место, где они не смогут вас найти, а не держать дом открытым, как сейчас, позволяя всем, кому заблагорассудится, входить сюда — ну хотя бы так, как я. Следующий, кто сюда доберется — ведь не всегда найдется кто-то, вроде меня, чтобы остановить его, — сможет...

— Вы сказали «следующий», — проговорил Абеденсен после небольшой паузы. — А что случилось с тем, кто ехал вместе с вами до Денвера? Почему он здесь не показался?

— Я перерезала ему горло, — ответила она.

— Это уже что-то, — сказал Готорн. — Чтобы такое сказала девушка, которую я никогда в жизни раньше не видел...

— Вы мне не верите?

Он кивнул.

— Конечно, верю.

Он улыбнулся ей насмешливо, очень слабо, даже нежно.

По-видимому, ему и в голову не пришло ей не поверить.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — сказала она.

— Что ж, — ответил он, — как вам известно, мы уже пробовали. Вы могли прочесть об этом на обложке книги — все об арсенале и проволоке под напряжением. Мы велели напечатать это, чтобы создалось впечатление, что мы до сих пор предпринимаем все меры предосторожности.

Голос его звучал устало и сухо.

— Ты мог бы хоть носить при себе оружие, — сказала жена. — Я уверена, что когда-нибудь кто-то, кого ты пригласишь и с кем ты будешь разговаривать, пристрелит тебя. Какой-нибудь фашистский профессионал оплатит те-

бе, а ты будешь все так же рассуждать на темы морали. Я это чувствую.

— Они доберутся,— сказал Готорн,— если захотят, независимо от того, будет ли проволока под напряжением и «Высокий Замок» или нет.

«Вот какой у вас фатализм,— подумала Юлиана,— такая покорность перед опасностью своего уничтожения. Вы об этом знаете точно так же, как знаете о мире из вашей книги».

Вслух же она сказала:

— Вашу книгу написал Оракул. Не так ли?

— Вы хотите услышать правду?— спросил Готорн.

— Да, хочу и имею на это право за все то, что я сделала. Разве не так? Вы же знаете, что это так.

— Оракул,— сказал Абеденсен,— спал мертвым сном все то время, пока я писал эту книгу, мертвым сном в углу кабинета.

В глазах его не было и следов веселости, напротив, лицо его еще больше вытянулось, стало еще более угрюмым, чем прежде.

— Скажи ей,— вмешалась в разговор Каролина,— что она права. Она имеет право на это из-за того, что совершила ради тебя.

Обращаясь к Юлиане, она сказала:

— Тогда я скажу вам, миссис Фринк. Готорн сделал выбор возможностей один за другим, перебрал тысячи вариантов с помощью строчек. Исторический период. Темы, характеры, сюжет. Это отняло у него годы. Оракул ответил, что будет очень большой успех, первый настоящий успех за всю его карьеру. Так что вы правы. Вы, должно быть, и сами воспользовались Оракулом для того, чтобы узнать это.

— Меня удивляет, зачем это Оракулу понадобилось написать роман,— сказала Юлиана.— Спрашивали ли вы у него об этом? И почему именно роман о том, что германцы и японцы проиграли войну? Почему именно эту историю, а не какую-нибудь иную? Что это — то, что он не может сказать непосредственно, как говорил прежде? Или это должно быть что-то другое, как вы думаете?

Ни Готорн, ни Каролина не проронили ни слова, слушающая ее тираду.

Наконец, Готорн сказал:

— Он и я давным-давно пришли к соглашению относительно своих прерогатив. Если я спрошу у него, почему он написал «Саранчу», я полажу с ним, возвратив ему свою

долю. Вопрос подразумевает то, что я ничего не сделал, если не считать того, что печатал на машинке, а это будет с одной стороны неверно, а с другой — нескромно.

— Я сама спрошу у него,— сказала Каролина,— если ты не возражаешь.

— Разве это твой вопрос, чтобы спрашивать?— сказал Готорн.— Пусть уж лучше спросит она.

Обернувшись к Юлиане, он сказал:

— У вас какой-то сверхъестественный ум. Вы об этом знаете?

— Где ваш Оракул?— спросила Юлиана.— Мой остался в автомобиле в отеле. Я возьму ваш, если позволите, если нет, то вернусь за своим.

Готорн вышел из гостиной и через несколько минут вернулся с двумя томами в черном переплете.

— Я не пользуюсь тысячелистником,— сказала Юлиана.— Мне не удастся сохранить полную связку, я все время теряю стебельки.

Юлиана села за кофейный столик в углу гостиной.

— Мне нужна бумага, чтобы записывать вопросы, и карандаш.

Все подошли к ним поближе и образовали что-то вроде кольца вокруг нее и Абеденсена, наблюдая за ними и прислушиваясь.

— Вы можете задавать вопросы вслух,— сказал Готорн.— У нас здесь нет друг от друга секретов.

— Оракул,— спросила Юлиана,— зачем ты написал книгу «Саранча садится тучей»? О чем мы должны были узнать?

— У вас приводящий в замешательство, суеверный способ изложения своего вопроса,— сказал Готорн.

Он присел, чтобы лучше видеть, как падают монеты.

— Давайте,— сказала он.

Он передал ей три старинные китайские монеты из меди с отверстиями в центре.

— Обычно я пользуюсь этими монетами.

Она начала бросать монеты, чувствуя себя спокойной и свободной.

Он записывал выпадающие строчки.

Когда она шесть раз бросила монеты, то взглянула на его записи и спросила:

— Вы знаете, какая получилась гексаграмма? Не пользуясь картой?

— Да,— ответил Готорн.

— Чанг Фе,— сказала Юлиана.— Внутренняя правда.

Я знаю это, не заглядывая в карту, как и вы, и я знаю, что она означает.

Подняв голову, Готорн пристально посмотрел на нее.

У него было почти дикое выражение лица.

— Она означает, что все, о чем сказано в моей книге, — правда?

— Да, — ответила она.

Тогда Готорн захлопнул оба тома и выпрямился.

Долгое время он молчал.

— Даже вы не можете смело смотреть в лицо правде, — сказала Юлиана.

Он какое-то время размышлял над ее словами. Взгляд его стал совершенно пустым, и Юлиана заметила это. Она поняла, что он смотрит внутрь, поглощенный собой.

Затем его взор снова прояснился, и он, хмыкнув, сказал:

— Я ни в чем не уверен.

— Верьте, — сказала Юлиана.

Он мотнул головой.

— Не можете? — спросила она. — Вы уверены в этом?

— Хотите, чтобы я поставил автограф на вашем экземпляре?

Он встал.

Она тоже поднялась.

— Думаю, мне пора уходить, — сказала она. — Большое спасибо. Извините, что я испортила вам вечер. С вашей стороны было так любезно принять меня.

Пройдя мимо него и Каролины, она направилась сквозь кордон гостей к двери в спальню, где были ее шубка и сумочка.

Когда она надевала шубку, рядом с ней оказался Готорн.

— Вы знаете, кто вы?

Он повернулся к Каролине, стоявшей рядом с ним.

— Эта девушка просто какой-то демон, маленький дух из преисподней, который...

Он поднял руку и потер ею бровь, приподняв очки, чтобы сделать это.

— ...который без устали рыщет по лику Земли.

Он водрузил очки на место.

— Она совершает инстинктивные поступки, просто выражая этим, что существует. У нее и в мыслях не было показаться здесь или причинить кому-то вред. Это просто так получилось у нее, как случается погода. Я рад, что она пришла, и ничуть не жалею, что узнал об этом, об откоро-

вании, которое ей помогла постичь книга. Она не знала, что ей предстоит здесь сделать и что обнаружить. Я думаю, что всем нам в чем-то повезло. Так что не будем на нее сердиться. Ну как, о'кей?

— Она несет в себе чудовищный дух разрушения,— сказала Каролина.

— Такова реальность,— сказал Готорн.

Он протянул Юлиане руку.

— Спокойной ночи,— сказала она.— Слушайте свою жену и по крайней мере не расставайтесь с каким-нибудь оружием.

— Нет,— сказал он.— Я решил так давным-давно. Я не хочу, чтобы это меня беспокоило. Я могу положиться на Оракула и сейчас, и потом, если меня будут тревожить страхи, особенно ночью. Положение не так уж и скверно.

Он слегка улыбнулся.

— Фактически сейчас меня беспокоит больше всего то, что, пока мы здесь беседуем, я точно знаю, что все эти бездельники, которые околачивались возле нас и прислушивались к каждому нашему слову, вылакают все спиртное в доме.

Повернувшись, он большими шагами направился к буфету, чтобы бросить в свой бокал свежий кусочек льда.

— Куда же вы теперь собираетесь направиться?— спросила Каролина.

— Не знаю.

Эта проблема мало тревожила ее.

«Я, должно быть, очень похожа на него,— подумала Юлиана.— Не позволяю себе беспокоиться о некоторых вещах, какими бы серьезными они ни казались».

— Возможно, я вернусь к своему мужу, Френку. Я попыталась созвониться с ним сегодня вечером. Возможно, я попробую еще раз. В зависимости от настроения и самочувствия.

— Несмотря на то, что вы для нас сделали, либо то, что вы сказали, что сделали...

— Вы хотите, чтобы я больше никогда не появлялась в вашем доме?— сказала Юлиана.

— Если вы спасли жизнь Готорна, то это ужасно, но я настолько внутренне разбита, что не могу постичь того, что вы сказали и что ответил Готорн.

— Как странно. Я бы никогда не подумала, что правда может так сильно вас рассердить.

«Правда,— подумала она,— такая же ужасная, как

смерть. Но откопать ее гораздо труднее. Мне просто повезло».

— Я думала, что вам будет так же приятно, как мне. Это недоразумение, не так ли? — Она улыбнулась. После некоторого молчания миссис Абеденсен тоже удалось улыбнуться.

— Что ж, в любом случае спокойной ночи.

Миг — и Юлиана вышла на дорожку, прошла освещенные пятна окон гостиной и окунулась во мрак, лежащий перед домом на неосвещенном тротуаре.

Она шла, не оглядываясь на дом Абеденсена, и искала взглядом какой-нибудь кеб или такси, что-нибудь движущееся, яркое и живое, на чем могла бы вернуться в отель.

* * *

БЕСКОНЕЧНЫЕ

Рассказ

— Мне это не нравится,— сказал майор Криспен Эл-лер.

Нахмурившись, он смотрел в иллюминатор. Астероид как астероид, вода в изобилии, умеренная температура, кислородно-азотная атмосфера земного типа...

— И никаких следов жизни.— Гаррисон Блейк, помощник командира, присоединился к Эллеру.— Никакой жизни, несмотря на идеальные условия. Воздух, вода, хорошая температура. В чем дело?

Они переглянулись. Под килем крейсера IX43 простиралась однообразная и бесплодная поверхность астероида. IX43 находился далеко от своей базы, на полпути через Галактику. Соперничество с триумvirатом Марс—Венера—Юпитер привело Землю к поискам и разведке каждого камешка в Галактике, чтобы заявить свои права на рудные концессии. Маленькие изыскательские корабли вели кочевую жизнь, прокладывая себе путь через периферию Солнечной системы, постоянно подвергаясь опасности встречи то с метеоритом, то с облаком бактерий, то с космическими пиратами. Вот уже почти год крейсер IX43 втыкал то тут, то там свой бело-голубой флаг. Три члена экипажа вполне заслужили отдых, отпуск на Земле и возможность истратить свои сбережения.

— Вы только взгляните!— воскликнул Эллер.— Идеальные условия для жизни — и ничего, кроме голых скал!

— Мог быть несчастный случай.— Блейк пожал плечами.

— Должна же быть причина, отчего этот астеро-

ид бесплодный. У меня предчувствие, что тут что-то не так.

— Вот как? И что же мы будем делать?— спросил Блейк, криво улыбнувшись.— Вы — капитан. По инструкции нам положено высаживаться на любом астероиде, диаметром не ниже класса Д, и составлять карту. Этот астероид — класса С. Так мы выходим или нет?

Эллер колебался.

— Не нравится мне это. Никто не знает всех смертельных факторов, которые могут быть в глубинах космоса. Может быть...

— Вы случайно не собираетесь повернуть прямо к Земле?— поинтересовался Блейк.— Подумайте вот о чем: никто не узнает, что мы пренебрегли этим последним куском скалы. Я, во всяком случае, не стану об этом докладывать, Эллер.

— Дело не в этом! Я имею в виду нашу безопасность, только и всего. А вас волнует возвращение на Землю.— Эллер изучал экран.— Эх, кабы знать...

— Выпустим хомяков и посмотрим, что это даст. Когда они там побегают, мы уже будем знать кое-что.

— Я даже жалею, что мы вообще приземлились.

Лицо Блейка приняло презрительное выражение.

— Вы становитесь чересчур осторожным как раз тогда, когда мы почти вернулись домой.

Эллер угрюмо смотрел на серую, бесплодную скалу, на тихо текущую воду. Вода, скалы, несколько облачков, ровная температура. Идеальное место для жизни. Но ее-то как раз и не было. Чистая, однообразная скала, абсолютно бесплодная, без какой-либо растительности. Спектроскоп ничего не показывал.

— Ну, ладно,— сказал Эллер,— откройте один из шлюзов. Я сейчас скажу Сильвии, чтобы она выпустила хомяков.

Он набрал номер лаборатории. Под ним, внутри корабля, Сильвия Саймонс работала в окружении реторт и измерительных приборов.

— Сильв!— обратился Эллер.

На экране показалось лицо Сильвии.

— Да.

— Выпустите-ка хомяков на небольшую прогулку, примерно на полчаса. С поводком и ошейником, конечно. Этот астероид меня беспокоит. Тут могут быть ядовитые газы или радиация. Когда животные вернутся, тщательно проверьте их.

— Хорошо, Крис,— улыбаясь, сказала Сильвия.— Нельзя ли выйти и нам на минутку, размять ноги?

— Сообщите мне результаты обследования как можно скорее.— Эллер выключил видео и обернулся к Блейку. — Думаю, что вы удовлетворены.

Блейк слабо улыбнулся.

— Я буду счастлив, когда мы повернем к Земле. Путешествие с вами в качестве капитана — это почти максимум того, что я могу выдержать.

— Удивительно,— сказал Эллер,— что за тридцать лет службы вы не научились хоть сколько-нибудь сдерживаться. Вы никак не можете примириться с тем, что капитанские нашивки достались не вам.

— Послушайте, Эллер! Я на десять лет старше вас. Я уже служил, когда вы были еще мальчишкой. И вы всегда будете для меня сопляком. В следующий раз...

— Крис!

Экран осветился. Появилось лицо Сильвии, охваченное страшной паникой.

— Да,— сказал он.— Что случилось?

— Крис, я у клеток. Хомяки... Хомяки в катаlepsии. Совершенно твердые и неподвижные...

— Блейк, поднимайте корабль,— сказал Эллер.

— Как?— пробормотал Блейк.— Мы же...

— Поднимайте корабль! Торопитесь!— Эллер подбежал к панелям управления.— Нам нужно удираТЬ отсюда!

Блейк пошел за ним.

— Разве что-нибудь...— начал он, но вдруг ошеломленно замолчал.

Лицо вытянулось, челюсть отвисла, и он медленно, как пустой мешок, стал падать на металлический пол. Эллер растерянно смотрел на него. Наконец он подошел к пульту управления. Тут же у него в голове возник аннигилирующий огонь. Тысячи сверкающих лучей взорвались в глазах и ослепили его. Он качнулся, нащупывая переключатели. В тот момент, когда его охватила полная тьма, пальцы его сомкнулись на переключателе автопилота, который поднял корабль в воздух.

Эллер упал, погрузившись в ночь и беспмятство.

Корабль поднялся в космос, автоматические аппараты работали четко, но внутри корабля никто не шевелился.

* * *

Эллер открыл глаза и тяжело поднялся, помогая себе трясущимися руками. Гаррисон Блейк тоже пришел в себя и застонал, пытаясь встать. Его матовое лицо стало болезненно-желтым, глаза налились кровью, на губах выступила пена. Он вытер лоб дрожащей рукой и посмотрел на Криса Эллера.

— Выбрались,— сказал Эллер, помогая Блейку сесть в командирское кресло.

— Спасибо.— Он потряс головой.— Что... что произошло?

— Не знаю. Сейчас пойду в лабораторию, посмотрю, как там Сильв.

— Хотите, чтобы я пошел с вами?— пробормотал Блейк.

— Нет. Сидите спокойно. Не напрягайте сердце. Понимаете? Поменьше шевелитесь.

Блейк кивнул. Эллер пересек рубку управления и пошел по коридору. Он воспользовался лифтом и уже через минуту входил в лабораторию.

Сильвия неподвижно лежала на столе.

— Сильв!

Эллер подбежал к ней, поднял ее, усадил на стул и потряс. Она была одеревеневшей и холодной, но слабо шевельнулась.

Эллер достал из шкафчика ампулу со стимулятором и, разбив ее, дал Сильвии вдохнуть. Сильвия застонала.

— Крис?— прошептала она слабым голосом.— Это вы? Что случилось? Все в порядке?— Она подняла голову, моргая.— Я говорила с вами, потом наклонилась над столом и вдруг...

— Все в порядке.— Эллер нахмурился, погрузившись в размышления.— Что же это могло быть? Какая-нибудь радиация с астероида?— Он бросил взгляд на часы.— О, Господи!

— Что такое?— Сильвия выпрямилась на стуле.— Что происходит, Крис?

— Без сознания мы были целых два дня,— ответил Эллер, не спуская глаз с часов.— Тогда понятно и это.— Он провел рукой по щетине на подбородке.

— Но теперь с нами все в порядке, правда?— Сильвия показала на клетку с хомяками.— Вот и они пришли в себя и начали ходить по кругу.

— Пойдемте,— Эллер протянул ей руку.— Нам надо подняться наверх и посоветоваться. Надо проверить все приборы. Я хочу знать, что случилось!

— Должен признаться,— угрюмо сказал Блейк, когда они вошли в рубку,— что я ошибся. Нам не следовало приземляться.

— По-видимому, радиация шла из центра астероида.— Эллер начертил на карте линию.— Это, видите, волна, быстро формирующаяся и затем спадающая. Нечто вроде пульсации, зарождающейся внутри астероида.

— Если бы мы не взлетели, нас затронуло бы второй волной,— сказала Сильвия.

— Приборы зарегистрировали вторую волну приблизительно через четырнадцать часов после первой. По-видимому, астероид содержит залежи минералов, которые излучают радиацию через определенные промежутки времени. Видите, какие короткие волны. Близкие к космическим лучам.

— Но совсем другие, если они прошли через наш экран.

— Согласен. Эта волна ударила нас в полную силу. Теперь понятно, почему на астероиде нет жизни. Там ничего не может существовать.

— Крис!— обратилась Сильвия.

— Да.

— Крис, как вы думаете, может нам повредить эта радиация? Грозит ли это нам чем-нибудь? Или...

— Я не уверен, что мы вне опасности. Посмотрите сюда,— он протянул график на миллиметровке.— Заметьте, что если наша кровеносная система полностью восстановилась, то наши нейрологические показатели не совсем такие же, как были. Есть изменения.

— В каком смысле?

— Не знаю. Я не нейролог. Я только ясно вижу различия между этими линиями и теми, которые были сделаны месяц или два назад, но я не знаю, что все это означает.

— Как вы думаете, это серьезно?

— Время покажет. Наши организмы были сильно поражены волной неизвестной радиации, которой мы подвергались в течение десяти часов. Какой след она могла оставить, я не могу сказать. Сейчас я чувствую себя хорошо. А вы?

— Очень хорошо,— ответила Сильвия, глядя в иллюминатор на черную пустоту космоса.— Во всяком случае, мы направляемся к Земле. Мне так хочется вернуться домой. И пусть там нас немедленно проверят.

— Хорошо, что наша сердечно-сосудистая система вынесла этот удар без видимого урона: ни тромбов, ни раз-

рушения клеток. Это меня беспокоило в первую очередь...

— Когда мы достигнем Солнечной системы?— спросил Блейк.

— Через неделю.

— Не так уж скоро,— сказал Блейк, поджав губы.— Надеюсь, что мы будем еще живы к тому времени.

— Я предупреждаю вас против всяких эксцессов,— сказал Эллер.— Мы будем вести себя спокойно весь остаток нашего путешествия. Надеюсь, что, какой бы неприятности мы ни подверглись, на Земле нас вылечат.

— Я думаю, что мы еще сравнительно удачно вышли из этого дела.— Сильвия зевнула.— Господи, как мне хочется спать!— Она встала.— Пожалуй, я пойду лягу. Возражений нет?

— Идите,— сказал Эллер.— Блейк, не сыграть ли нам в карты? Надо рассеяться. В «червонного валета»?

— Конечно,— согласился Блейк.— Почему бы не сыграть?— Он вытащил карты из кармана куртки.— По крайней мере проведем время.

— Вот и хорошо.

Эллер начал игру. Он срезал колоду и вытащил семерку треф. Блейк взял ее червонным валетом. Играли они довольно небрежно, без особого интереса. Блейк был угрюм и злился, что Эллер оказался прав. Сам Эллер чувствовал себя уставшим и не в духе. У него болела голова, несмотря на то, что он принял болеутоляющее. Он потер лоб.

— Играйте,— пробормотал Блейк.

Под их ногами ворчали реакторы. Через неделю они будут в Солнечной системе. Уже больше года они не видели Земли. Какой она им покажется? Такой же, как всегда? Огромный зеленый шар с большими океанами и крошечными островками. А затем они прибудут в космопорт Нью-Йорка. Как приятно! Толпы землян, этих милых старых легкомысленных землян, глупых, не беспокоящихся о том, что происходит в мире. Эллер улыбнулся, но тут же нахмурился.

Голова Блейка склонилась, глаза медленно закрывались. Он засыпал.

— Проснитесь,— сказал Эллер.— Что с вами?

Блейк вздохнул, выпрямился и стал сдавать карты, но голова его снова упала.

— Простите,— пробормотал он и протянул руку к мизеру.

Эллер стал рыться в кармане, потом поднял глаза и увидел, что Блейк спит.

— Чтоб мне пропасть!— Эллер встал. Блейк дышал спокойно и даже похрапывал. Эллер выключил свет и пошел к двери. Он устал и тоже хотел спать. Войдя в туалетную кабину, он снял куртку и открыл кран с горячей водой. Как приятно будет улечься в постель, забыть обо всем случившемся, об этом неожиданном излучении, о тяжком пробуждении, о мучительном страхе. Господи, как шумит в голове!

До конца умывания он ничего не замечал. Но вот остановился и долго смотрел, как вода течет по рукам. Он молчал, не в силах произнести хоть одно слово.

Его ногти исчезли!

Задышавшись, он поднял голову и посмотрел на себя в зеркало. Потом запустил руку в волосы. Они выпадали горстями, большими прядями. Волосы и ногти...

Он вздрогнул, но попытался успокоиться. Волосы и ногти. Радиация. Ну, конечно, радиация. Он осмотрел руки.

Ногтей не было и следа. Он вертел руками, осматривая пальцы. Концы их стали гладкими и заостренными. Его охватила паника.

Мелькнула мысль: только ли у него? А у Сильвии?

Он надел куртку и снова взглянул в зеркало.

Что с головой? Он приложил руку к вискам. Что-то не так.

Ужасно плохо. Он глядел на себя, вытаращив глаза. Теперь он стал почти лысым. Плечи его куртки были покрыты волосами, а лысый розовый череп блестел. Лысый, непристойно розовый.

И не только это.

Его голова начала растягиваться и приняла форму шара. Уши и нос сморщились. Ноздри уменьшились и оказались под глазами. Он изменялся все быстрее и быстрее.

Дрожащей рукой он коснулся рта. Зубы качались. Он дотронулся до них, и многие выпали. Что происходит? Смерть? Только с ним? Что с другими?

Эллер выскочил из туалетной. Его дыхание стало болезненным, скрипучим, он задыхался, как будто ему сдавило грудь. Сердце болело и билось неритмично. Ноги ослабли. Он вошел в лифт. До него донесся звук: низкое мычание быка. Голос Блейка, охваченного ужасом и тревогой.

«Вот и ответ,— сказал себе Эллер, поднимаясь в лифте.— По крайней мере, я не один!»

Гаррисон Блейк смотрел на него испуганно и ошалело. Блейк, без волос, с лысым розовым черепом, тоже выглядел не слишком привлекательно. Голова его тоже распухла, ногтей не было. Он стоял рядом с пультом, то глядя на Эллера, то ощупывая себя. Униформа сидела мешком на его уменьшившемся теле.

— Ну,— сказал Эллер,— нам повезет, если мы останемся живы. У космической радиации странные эффекты. Это был черный для нас день, когда мы сели на этот...

— Эллер,— прошептал Блейк,— что мы будем делать? Мы же не можем жить такими, как сейчас! Вы только взгляните!

— Знаю.

Эллер сжал губы. Ему трудно было говорить, поскольку он потерял почти все зубы. Внезапно он почувствовал себя младенцем — без зубов, без волос, с бессильным телом. Когда же это остановится?

— Мы не можем вернуться в таком виде!— закричал Блейк.— Боже мой, Эллер, мы не можем вернуться на Землю! Мы чудовища! Мутанты! Нас посадят в клетку, как животных. Люди...

— Замолчите,— перебил его Эллер.— У нас есть шанс выжить. Садитесь. Я думаю, что следует побереечь ноги.

Они сели. Блейк тяжело дышал и часто вытирал лоб.

— В данный момент я беспокоюсь не за нас,— сказал Эллер,— а за Сильвию. Она страдает от этого больше. Вот я и думаю: спуститься к ней или нет? Но если мы спустимся, она может...

Вдруг засветился экран, на нем были видны белые стены лаборатории.

— Крис!— донесся до них полный ужаса голос Сильвии. На экране она не появилась — по-видимому, держалась в стороне.

— Да. Как вы там?

— Как я?— В голосе девушки слышалась истерическая дрожь.— Крис, вас тоже коснулось? Я боюсь смотреть.— Она помолчала.— Ведь это вы, не так ли? Я боюсь смотреть на вас, и вы не пытаетесь меня увидеть. Я не хочу, чтобы вы меня видели. Это... Это ужасно! Что нам делать?

— Не знаю! Блейк говорит, что в таком виде он не хочет возвращаться на Землю.

— Да, мы не можем вернуться! Не можем!

— Об этом мы поговорим позднее,— сказал наконец Эллер.— Сейчас нет необходимости обсуждать этот воп-

рос. Этим переменам в наших организмах мы обязаны радиации, они могут быть временными. Думаю, нам смогут помочь хирурги. Не стоит пока думать об этом.

— Не думать? Ну, конечно! Стоит ли беспокоиться из-за такого пустяка! Крис, неужели вы не понимаете? Мы стали чудовищами, лысыми чудовищами. Ни волос, ни зубов, ни ногтей... А наши головы...

— Я понимаю... Оставайтесь внизу, в лаборатории. Блейк и я будем разговаривать с вами по видео. Вам не обязательно показываться нам.

Сильвия глубоко вздохнула.

— Как скажете. Вы по-прежнему капитан.

Она выключила экран.

— Ну, Блейк, достаточно ли хорошо вы себя чувствуете, чтобы поговорить?

Силуэт, увенчанный чем-то вроде купола, кивнул. Громадный лысый череп слегка качнулся. Тело Блейка, когда-то такое крупное, теперь усохло, сгорбилось. Руки — палочки, грудь впалая и болезненная. Эллер оглядел его.

— В чем дело?— спросил Блейк.

— Ничего. Просто хотел посмотреть на вас.

— На вас тоже не слишком-то приятно смотреть.

— Не сомневаюсь.— Эллер сел в другом углу рубки. Сердце колотилось, дышать было трудно.— Бедная Сильв! Ей хуже, чем нам.

— Бедная Сильв,— согласился Блейк.— Нас всех стоит пожалеть. Она права, Эллер: мы чудовища, нас уничтожат. Или запрет. Наверное, быстрая смерть предпочтительнее. Чудовища, феномены, гидроцефалы!

— Нет, не гидроцефалы,— сказал Эллер.— Наш мозг не затронут. И этим нужно пользоваться. Мы еще можем думать.

— Во всяком случае, теперь мы знаем, почему на астероиде нет жизни,— произнес с иронией Блейк.— Нашей экспедиции повезло. У нас есть сведения. Радиация, смертельная радиация, разрушающая органические ткани. Она дает мутации и изменения в развитии клеток, а также перемены в структуре и функционировании органов.

Эллер задумчиво смотрел на него.

— Этот язык слишком учен для вас, Блейк.

— Это точное описание.— Блейк поднял голову.— Давайте смотреть правде в глаза: мы чудовищные крабы, сожженные сильной радиацией. Мы больше не люди, не человеческие существа... Мы...

— Кто мы?

— Не знаю.

— Странно,— сказал Эллер.

Он меланхолически рассматривал свои пальцы. Шевелил ими. Длинные и тонкие. Провел ими по поверхности стола. Кожа чувствительна. Он ощущал каждую шероховатость, каждую царапину.

— Что вы делаете?— спросил Блейк.

— Я любопытен.

Эллер поднес пальцы к глазам. Его зрение ухудшилось. Все стало смутным и воспринималось как бы в тумане. Глаза Блейка, сидевшего напротив него, начали втягиваться внутрь черепа. Эллер внезапно понял, что они теряют зрение. Слепнут. И запаниковал.

— Блейк!— воскликнул он.— Мы слепнем! Прогрессирующее уничтожение наших глаз, зрения и мускулов?

— Я не знаю,— отозвался Блейк.

— Но почему мы теряем не только зрение, но и глаза?! Они исчезают, высыхают. Почему?

— Атрофируются,— сказал Блейк.

— Возможно.

Эллер взял бортовой журнал и начертил несколько знаков трассирующим лучом. Зрение становилось все слабее. Пальцы же становились все более чувствительными. Необычная реакция кожи.

— Что вы об этом думаете?— спросил Эллер.— Мы теряем одни функции и приобретаем другие.

— В руках?— Блейк тоже изучал собственные руки.— Потеря ногтей делает возможным новое применение пальцев.— Он потер пальцами ткань своей формы.— Я чувствую каждую нитку, чего не было раньше.

— Значит, потеря ногтей имела цель!

— Вы думаете?

— Мы считали, что все это бессцельно. Случайный ожог, разрушение клеток, изменения... Я вот думаю...— Эллер перевел трассирующий луч с обложки журнала на лист.— Пальцы — новые органы чувств. Улучшенное осязание. Но зрение затуманивается.

— Крис!— раздался с экрана ломающийся, перепуганный голос Сильвии.

— Что случилось?

— Я теряю зрение! Я ничего не вижу!

— Не тревожьтесь.

— Я... я боюсь.

Эллер направился к экрану.

— Сильв, я думаю, что мы теряем некоторые чувства, но приобретаем другие. Осмотрите свои пальцы. Вы ничего не замечаете? Коснитесь чего-нибудь.

Тревожное молчание.

— У меня впечатление, что я способна очень хорошо чувствовать предметы.

— Вот для чего мы потеряли ногти.

— Что это означает?

Эллер потрогал свой выпуклый череп, исследовал поверхность гладкой кожи и, внезапно сжав пальцы, закричал:

— Сильв! Вы еще можете включить рентгеновский аппарат? Вы еще можете ходить по лаборатории?

— Да, как будто.

— Тогда сделайте снимок! Сейчас же! Как только будет готово, дайте мне знать.

— Снимок чего?

— Своего собственного черепа. Я хочу знать, каким изменениям подвергся наш мозг. Мне кажется, я начал понимать.

— Что?

— Скажу, когда увижу снимок.

Легкая улыбка показалась на тонких губах Эллера.

— Если я прав, то мы полностью ошибались насчет случившегося.

Эллер долго изучал снимок, который появился на экране. Он смутно различал линии черепа, потому что зрение сильно ослабло. К тому же снимок дрожал в руках Сильвии.

— Что вы видите?— прошептала она.

— Я прав, Блейк, посмотрите на это, если можете.

Блейк медленно подошел.

— Что это такое?— Подслеповато моргая, он разглядывал снимок.— Я едва вижу.

— Мозг сильно изменился. Взгляните на это увеличение, вот здесь.— Эллер обвел контуры лобной части.— Как вы думаете, что это может быть?

— Не представляю,— ответил Блейк.— Ведь эта область регулирует в основном высшие процессы мышления?

— Наиболее развитые способности познания сконцентрированы здесь. И именно здесь происходит наиболее значительное увеличение.

— И какие из этого вы делаете выводы?— спросила Сильвия.

— У меня возникла гипотеза. Может быть, она и не-

правильная, но уж очень хорошо подходит. Я подумал об этом почти сразу же, когда увидел, что потерял ногти.

— Ну?

Эллер сел за пульт.

— Лучше не стоять, Блейк. Я не думаю, что наше сердце слишком мощное. Масса нашего тела уменьшилась, так что может быть, позднее...

— Так что за гипотеза? Какая она?

— Мы эволюционировали,— сказал Эллер.— Радиация астероида увеличила рост клеток, как раковая опухоль. Но в этих изменениях есть цель и смысл, Блейк. Мы изменялись быстро, мы за несколько секунд проходили через века. Я уверен в этом. Увеличившийся в объеме мозг, уменьшение остроты зрения, выпадение волос и зубов. Наши тела стали хилыми, но мозг прогрессировал. У нас развиваются высшие познавательные области, величайшие способности понимания. Наш мозг шагнул в будущее. Он эволюционировал.

— Эволюционировал!— Блейк медленно опустился на стул.— Вполне возможно, что и так.

— Я в этом уверен. Конечно, мы сделаем еще снимки. Я жажду увидеть изменения внутренних органов: почек, желудка... Я думаю, что мы потеряли часть...

— Эволюция!— перебил его Блейк.— Это означает, что эволюция не есть результат случайных внешних агрессий. Это значит, что наш организм содержит в себе нить, ведущую его к эволюции. Значит, эволюция теологична, она имеет цель и не определяется случаем.

— Наша эволюция,— ответил Эллер, соглашаясь,— похоже, пойдет дальше в смысле внутреннего роста и последующей смены различных линий. Интересно знать, какова ведущая сила.

— Это бросает новый свет на все,— пробормотал Блейк.— Прежде всего, это означает, что мы не монстры. Мы... мы — люди будущего.

Эллер быстро взглянул на него. Что-то странное чувствовалось в голосе Блейка.

— Да, можно сказать и так,— согласился Эллер,— но, конечно, на Земле все равно нас будут считать чудовищами.

— И промахнутся,— торжествующе произнес Блейк.— Да, они скажут, что мы чудовища. Но мы вовсе не чудовища. Через несколько миллионов лет человечество нас догонит. Мы в авангарде нашего времени, Эллер.

Эллер изучал огромную круглую голову Блейка. Он

только смутно различал ее контуры. Хотя рубка управления была хорошо освещена, ему казалось, что тут почти темно. Вероятно, зрение почти пропало. Теперь он мог различать только тени, и ничего больше.

— Люди будущего,— повторил Блейк.— Да, это, бесспорно, бросает новый свет на вещи.— Он нервно рассмеялся.— А всего несколько минут назад я стыдился своего вида! Но теперь...

— А что теперь?

— Теперь я не уверен в этом.

— Что вы хотите сказать?

Блейк не ответил и с трудом поднялся.

— Куда вы?— спросил Эллер.

— Я должен обдумать все это. Есть новые, удивительные элементы, которые надо рассмотреть. Я согласен, Эллер, вы правы: мы эволюционировали. Наши способности к познанию улучшились. Я думаю, что мы здорово выиграли.— Он осторожно коснулся своего большого черепа.— Думаю, что выиграем и в дальнейшем. Мы будем считать это путешествие великим, Эллер. Я уверен в точности вашей гипотезы. По мере того как процесс продолжается, я чувствую перемены в моих способностях к выработке концепций. Способность к этому изумительно возрастает. Я могу вывести некоторые соотношения, которые...

Блейк тяжело пересек зал и ошупью нашел дверь.

— Стойте,— сказал Эллер.— Куда вы? Ответьте мне. Я пока еще капитан этого корабля.

— Куда я иду? В свою каюту. Мне надо отдохнуть. Это тело очень неадекватно окружающему. Вероятно, придется придумать маленькие машины и, может быть, даже органы, например искусственные легкие или сердце. Я уверен, что дыхательная и сосудистая системы долго не продержатся. Надежда выжить, таким образом, заметно уменьшается. Мы увидимся. До свидания, майор Эллер. Хотя, вероятно, я не должен пользоваться словом «видеть».— Он слабо улыбнулся.— Увидеться нам больше не придется, но ЭТО,— он поднял руки,— займет место глаз. И ЭТО займет место многого, многого другого.

Он закрыл за собой дверь. Эллер слышал, как Блейк медленно шел по коридору осторожным, колеблющимся шагом.

Он подошел к экрану.

— Сильв! Вы меня слышите? Вы слышали наш разговор?

— Да.

— Значит, вы знаете, что с нами случилось.

— Да, знаю, Крис, я почти полностью ослепла. Я практически ничего не вижу.

Эллер вздохнул, вспомнив живые, блестящие глаза Сильвии.

— Мне очень жаль, Сильв. Я хотел бы, чтобы этого не случилось. Я хотел бы, чтобы мы снова стали прежними. Впрочем, все это ни к чему.

— А Блейк, наоборот, считает, что очень даже к чему.

— Я знаю. Послушайте, Сильв. Я хотел бы, чтобы вы пришли сюда, в рубку, если можете. Я беспокоюсь насчет Блейка и хотел бы, чтобы вы были со мной.

— Беспокойтесь? Почему?

— У него есть какая-то тревожащая меня мысль. Он пошел к себе не только для отдыха. Приходите, и мы решим, что делать. Всего несколько минут назад я говорил, что мы должны вернуться на Землю. Но сейчас мне кажется, что я готов изменить решение.

— Почему? Из-за Блейка? Вы думаете, что Блейк...

— Поговорим, когда будете здесь. Идите ощупью. Вполне возможно, что нам не придется возвращаться на Землю. Но я хочу объяснить вам причину.

— Я приду, как только смогу,— сказала Сильв.— Имейте терпение. И потом, Крис... не смотрите на меня. Я не хочу, чтобы вы меня видели такой.

— Я не вижу вас,— сказал Эллер.— Я, вероятно, больше ничего не увижу.

* * *

Сильвия сидела у пульта. Она надела один из космических костюмов, находившихся в шкафу лаборатории. Костюм из пластика и металла скрывал ее тело. Эллер дал ей время отдышаться.

— Начинайте,— сказала она.

— Первое, что мы должны сделать, это собрать все оружие, которое имеется у нас на борту. Когда Блейк вернется, я скажу ему, что на Землю мы не вернемся. Я думаю, он разозлится и может надеть глупостей. Если я не ошибаюсь, он рассчитывает вернуться на Землю, потому что он начал понимать значение перемен, которым мы подверглись.

— А вы не хотите на Землю...

— Мы не должны. Это опасно. Очень опасно.

— Блейк очарован новыми возможностями, — задумчиво проговорила Сильвия. — Мы опередили людей на много миллионов лет. И продолжаем эволюционировать.

— Блейк хочет вернуться на Землю не как обычный человек, а как человек будущего. У нас может создаться впечатление, что мы гении, а они — идиоты. Если процесс изменений будет продолжаться, нам покажется, что они — приматы, животные.

Оба некоторое время молчали.

— В этих условиях для нас будет наиболее естественным помочь им, определить их путь в будущее. В конце концов, мы опередили их на много миллионов лет. Мы сможем многое для них сделать, если они позволят управлять ими.

— А если они воспротивятся, у нас, вероятно, будут средства обеспечить наше господство, — сказала Сильвия. — И, конечно, все это для их блага. Вы правы, Крис. Если мы вернемся на Землю, мы станем презирать нынешних людей. Мы захотим руководить ими, учить их жить — добровольно или силой. Да, искушение будет велико.

Эллер направился к шкафу с оружием, вытащил оттуда ружья большой мощности и положил их на стол.

— Первое, что теперь надо сделать, — разрушить это оружие. Будем следить, вы и я, чтобы Блейк держался подальше от рубки управления. Я переделаю программу пути. Мы будем удаляться от Солнечной системы, направляясь к какому-нибудь отдаленному району. Это единственное средство.

Он извлек стреляющее устройство и раздавил все эти механизмы по одному.

Раздался шум. Они обернулись, стараясь разглядеть.

— Блейк, это вы? — спросил Эллер. — Я не вижу вас, но...

— Вы правы, — произнес голос Блейка. — Мы все слепые, Эллер, или почти слепые. Итак, вы разрушили оружие! Боюсь, что это не помешает нам вернуться на Землю!

— Возвращайтесь в свою каюту, — твердо сказал Эллер. — Я капитан, и это мой приказ...

Блейк захохотал.

— Вы приказываете? Вы почти слепы, Эллер, но я думаю, что ЭТО вы все-таки способны увидеть.

Что-то поднялось в воздухе вокруг Блейка — бледно-голубое облако. Эллер вскочил, а облако закружилось

вокруг него. Эллеру показалось, что он растворяется, разлетается на бесчисленные осколки...

Блейк вернул облако в крошечный диск, который держал в руке.

— Если вы помните, — спокойно начал он, — я первый попал под излучение. Поэтому я чуть-чуть впереди вас. Во всяком случае, оружие — пустяки по сравнению с тем, чем я располагаю. Вспомните, все, что находится на этом корабле, устарело на миллион лет. А то, что я держу в руках...

— Где вы взяли этот диск?

— Нигде, я сконструировал его, как только понял, что вы намерены направить корабль в сторону от Земли. Очень скоро вы оба начнете реализовывать свои новые возможности. Но в настоящий момент, боюсь, вы немного опоздали.

Эллер и Сильвия старались отдышаться. Эллер откинулся на поручни, измученный, с ослабевшим сердцем, он не сводил глаз с диска, который был в руке Блейка.

— Мы направим корабль к Земле, — продолжал Блейк. — Вы ничего не измените в программе. Мы идем прямо в космопорт Нью-Йорка, и там вы оба посмотрите на вещи по-другому. Мы должны вернуться, Эллер. Это наш долг перед человечеством.

— Наш долг?

— Конечно, наш долг! — с легкой усмешкой ответил Блейк. — Человечество нуждается в нас. Мы очень многое можем сделать для Земли. Как видите, я оказался способным уловить некоторые ваши мысли. Не все, но достаточно для того, чтобы знать, что вы задумали. Вы скоро заметите, что мы начнем терять речь как средство общения и будем подключаться непосредственно к...

— Если вы можете читать мои мысли, тогда вы знаете, почему мы не должны возвращаться на Землю.

— Я могу читать ваши мысли на расстоянии, но вы ошибаетесь. Мы должны вернуться для их блага. — Блейк тихо рассмеялся. — Мы можем сделать для них очень многое. В наших руках наука изменится, мы ее модифицируем. Мы переделаем Землю, укрепим ее. Триумвират будет бессилен перед этой новой Землей. Мы, трое, переделаем расу, она расселится по всей Галактике. Бело-голубой флаг будет развеваться всюду. Мы сделаем Землю сильной, Эллер! Земля будет править Вселенной.

— Значит, вот что вы имеете в виду! А если Земля откажется следовать за нами? Что тогда?

— Возможно, что земляне не поймут,— согласился Блейк,— но приказы должны выполняться, даже если их смысл и не понятен. Вы сами командуете кораблем и знаете это. Для блага Земли и для...

Эллер вскочил. Но хрупкое тело подвело его: не добрав до Блейка, он качнулся и упал, тяжело дыша и пытаясь нащупать противника. Блейк с ругательствами отступил.

— Идиот! Не хотите ли вы...

Диск осветился. Голубое облако брызнуло в лицо Эллера. Сильвия встала и медленно пошла на Блейка, чужая в своем космическом костюме. Блейк повернулся к ней и взмахнул диском. Вылетело второе облако. Сильвия закричала. Облако пожирало ее.

— Блейк!— Покачнувшийся силуэт Сильвии упал.

Эллер тяжело поднялся на колени и схватил Блейка за руку. Оба зашатались. Блейк пытался вырваться. Внезапно Эллер почувствовал, что силы покинули его. Он скользнул на пол и ударился головой.

Рядом с ним лежала молчаливая, неподвижная Сильвия.

— Отойдите от меня,— проворчал Блейк, поводя диском.— Я могу разрушить вас точно так же, как и ее. Понятно?

— Вы ее убили!— зарычал Эллер.

— Это ваша вина. Видите, что вы выиграли в этой драке? Отойдите! Если вы подойдете ко мне, я снова брошу на вас облако — и с вами будет покончено.

Эллер не шевелился, но не спускал глаз с молчаливой фигуры.

— Отлично,— сказал Блейк, видимо, отошедший на большое расстояние.— Теперь слушайте. Мы летим на Землю. Вы будете вести корабль, пока я буду работать в лаборатории. Я читаю ваши мысли, так что, если вы попробуете изменить курс, я тотчас же об этом узнаю. Забудьте о Сильвии! Теперь мы только вдвоем, и этого достаточно, чтобы сделать то, что нужно. Через несколько дней мы будем в Солнечной системе, и тогда много чего придется делать... Вы можете встать?

Эллер медленно поднялся, держась за поручни.

— Хорошо,— продолжал Блейк.— Мы должны тщательно подготовиться. Возможно, что вначале нас ожидают затруднения с землянами. Мы должны быть готовы к этому. Я думаю, что между делом я сконструирую материал, который нам понадобится. Позднее, когда ваше раз-

витие приблизится к моему, мы сможем работать вместе над нужными изделиями.

Эллер посмотрел на него.

— Неужели вы думаете, что я буду с вами?— спросил он, и его взгляд вернулся к неподвижно лежащей на полу фигуре.— Неужели вы полагаете, что после этого я когда-нибудь смогу...

— Ну-ну, Эллер,— нетерпеливо проговорил Блейк,— вы меня удивляете. Вам уже пора видеть вещи под другим углом зрения. На карту поставлено слишком многое.

— Значит, вот как вы собираетесь обращаться с человечеством! И подобными средствами вы думаете его спасти?

— Вы займете более реалистическую позицию, когда поймете, что в качестве людей будущего...

— Значит, вы действительно верите в это?

Мужчины стояли лицом к лицу.

Выражение сомнения мелькнуло в лице Блейка.

— Это же факт, Эллер! И вы обязаны смотреть на вещи по-новому. Естественно, так вы и сделаете.— Он нахмурился и слегка приподнял диск.— Какие тут могут быть сомнения?

Эллер не ответил.

— Может быть,— задумчиво произнес Блейк,— вы за-таили на меня зло. Может быть, этот инцидент затемнил ваше видение. В таком случае мне придется прийти к мысли, что я обойдусь и один. Если вы не хотите присоединиться ко мне, я перешагну через ваш труп. Я сделаю все и один, Эллер. Пожалуй, так будет даже лучше. Рано или поздно такой момент наступит, и для меня лучше, если...

Внезапно Блейк закричал. Крупная просвечивающая фигура отделилась от стены, медленно, не спеша двинулась по рубке. Позади виднелась другая фигура, за ней третья... Всего их было пять, они слегка трепетали каким-то внутренним светом и были совершенно одинаковы, без каких-либо характерных черт.

Фигуры остановились в центре рубки управления, бесшумно паря чуть выше пола и как бы выжидая.

Эллер смотрел на них, широко открыв глаза. Блейк, опустив свой диск, стоял неподвижно, бледный, раскрыв от изумления рот. Внезапная мысль мелькнула в голове Эллера, и он вздрогнул от ужаса. Он не видел фигур, он был почти слеп, но чувствовал их каким-то новым способом, новым видом восприятия. Он сразу все понял. Он

знал, почему эти фигуры не были отчетливыми, почему не имели особых черт.

Это была энергия в чистом виде.

Блейк пришел в себя.

— Как... — заикался он, двигая диском. — Кто...

Откуда-то возникла мысль и перебила Блейка. Потом она проникла в разум Эллера, твердая и отчетливая, холодная и безличная, равнодушная и далекая:

«Сначала девушку».

Две фигуры направились к безжизненному телу девушки, которое лежало недалеко от Эллера, и зависли над ней, блестящие и трепещущие. Часть сверкающей короны отделилась, опустилась на тело и затопила его отраженным огнем.

«Этого достаточно, — пришла вторая мысль через несколько секунд. Корона поднялась. — Теперь того, кто с оружием».

Фигура двинулась на Блейка.

Блейк сделал движение к двери, находившейся позади него, дрожа всем телом.

— Кто вы? — спросил он, поднимая диск. — Откуда вы?

Фигура продолжала надвигаться на него.

— Остановитесь! — закричал Блейк. — Иначе...

Голубое облако проникло в фигуру, она чуть вздрогнула и поглотила облако, а затем двинулась снова. Челюсть Блейка отвисла. Шатаясь, он отступил в коридор. Фигура в нерешительности остановилась перед дверью. К ней приблизилась вторая.

Светящийся шар вышел из первой фигуры и покатился за Блейком. Он окутал Блейка, и свет погас. Там, где был Блейк, не было ничего. Вообще ничего.

«Неприятно, — передала мысль, — но необходимо. Девушка ожила?»

— Да.

«Хорошо».

— Кто вы? — спросил Эллер. — А как Сильв? Она жива?

«Девушка поправится. — Фигуры собрались вокруг Эллера. — Мы, вероятно, могли бы вмешаться до того, как ее ранило, но мы предпочли подождать, пока тот, кто держал оружие, овладеет ситуацией».

— Значит, вы знали, что происходит?

«Мы все видели».

— Но кто вы? Откуда? Как вы попали сюда?

«Мы были здесь все время...»

— Здесь?

«На борту корабля. Мы здесь с самого отъезда. Знаете, первыми получили облучение МЫ. Блейк ошибся. Так что наша метаморфоза началась раньше, чем его. Кроме того, нам надо было пройти гораздо больший путь. Вы, люди, сравнительно мало эволюционировали: чуть больше череп, чуть поменьше волос, но, по сути, не так уж и много. Нам же пришлось начать с начала».

— Вам? Вы первые подверглись радиации?— Эллер оглянулся вокруг: он начал понимать.— Значит, вы...

«Да,— пришла спокойная, твердая мысль,— вы правы. Мы хомяки из лаборатории. Животные, которых вы взяли с собой для опытов.— В мысли был какой-то оттенок юмора.— Мы на вас не в обиде, уверяю вас. В сущности, вы нас почти не интересуете, но в известной степени мы обязаны вам, так как вы помогли нам найти свой путь и мы увидели наше предназначение за несколько коротких мгновений, как не могли бы увидеть за пятьдесят миллионов лет. Вот за это мы вам признательны и думаем, что мы уже расплатились: девушка поправляется, Блейк исчез. Вам разрешается продолжать свой путь и вернуться на вашу планету».

— Вернуться на Землю?— Эллер нахмурился.— Но...

«Нам осталось кое-что сделать, прежде чем уйдем. Мы обсудили этот вопрос и пришли к единому мнению. В дальнейшем человеческий род достигнет надлежащей стадии в естественном ходе развития, и нет никакого смысла в том, чтобы ускорять события. Для блага вашей цивилизации и для вас обоих мы сделаем кое-что перед тем, как покинем вас. Сейчас поймете».

Из первой фигуры быстро вылетел огненный шар и повис над Эллером, затем коснулся его и перелетел к Сильвии.

«Так лучше,— констатировала мысль,— вне всякого сомнения».

* * *

Они смотрели в иллюминатор. Первый световой шар отделился от стенки корабля и поднялся в пространство.

— Смотрите!— вскричала Сильвия.

Шар света набирал скорость и удалялся от корабля с невероятной быстротой. Вслед за ним пустился второй шар. Затем последовали третий, четвертый и, наконец, пятый. Все они погрузились в глубины космоса.

Когда они исчезли, Сильвия повернулась к Эллеру, глаза ее блеснули.

— Вот и все. Куда они полетели?

— Кто знает? Наверное, далеко. Куда-нибудь в самое отдаленное место этой Галактики.— Эллер протянул руку и коснулся волос Сильвии.— Вы знаете,— сказал он, широко улыбаясь,— ваши волосы стоят того, чтобы их видеть. Самые прекрасные волосы во Вселенной.

— Сейчас нам любые волосы покажутся прекрасными. Даже ваши, Крис.— И она улыбнулась ему красивыми горячими губами.

Эллер долго смотрел на нее.

— Они правы,— сказал он наконец.

— А именно?

— Так гораздо лучше.— Эллер смотрел на девушку, на ее волосы, темные глаза, на знакомый стройный силуэт.— Я согласен... Тут нет никаких сомнений.

Содержание

Снятся ли андроидам электроовцы . . .	5
Убик	177
Человек в высоком замке	371
Бесконечные	618

Дик Филипп
БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Клуб «Золотое перо»
Выпуск 7

Редактор Федоренко Н. М.
Технический редактор Кольчик А. Б.
Корректор Салтыков Е. Г.

Подписано в печать 2.10.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1506.

Фирма «Топикал» Ltd. 109390. Москва, 1-ая ул. Текстильщиков, 8.

Московская типография № 7
12/019 г. Москва, пер. Аксакова, 13.

7

ФИЛИПП ДИК